

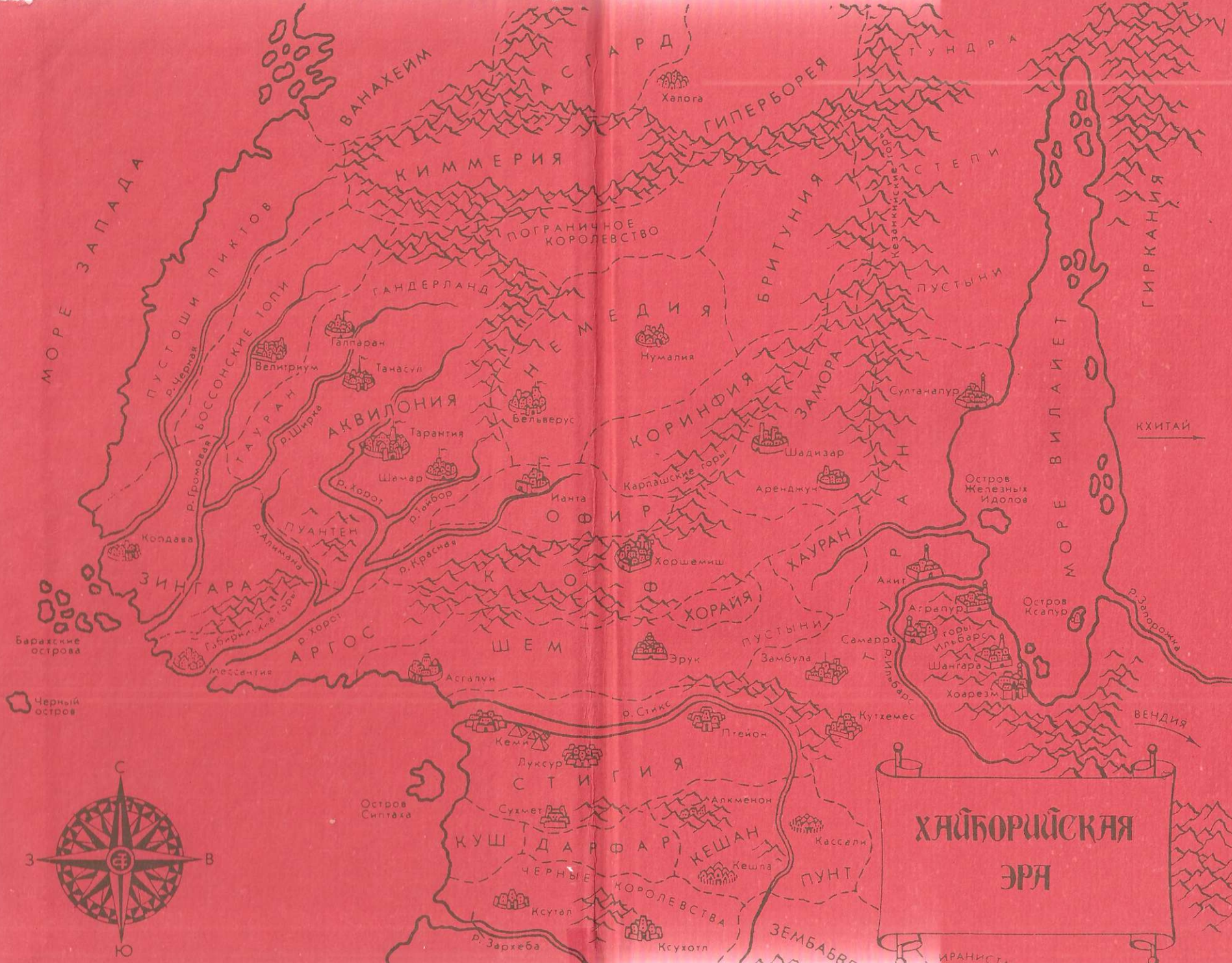

КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ

50
ТОМ

Северо-Знаг®

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

К64 **Конан и мятеж четырех: Роман.** — СПб.:
«Северо-Запад», 1999. — 672 с.

ISBN 5-87365-056-X

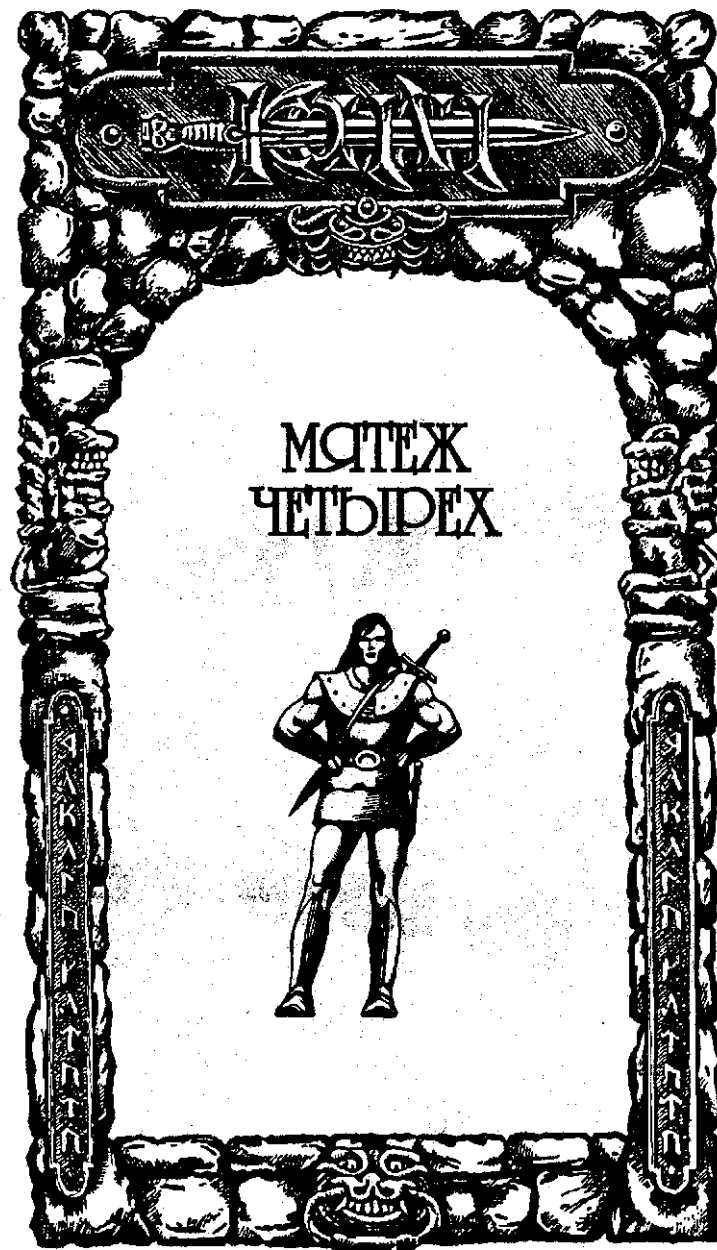
УДК 820(73)
ББК 84(7США)

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части,
в любой форме, в средствах массовой информации. Любые
попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора.*

© Ken Kelly, 1992
© «Северо-Запад», составление
и подготовка текста, серийное
оформление обложки и форзаца,
1998

ISBN 5-87365-056-X

ПРЕДВАРЕНИЕ

Отрывок из рукописи, условно именуемой «Знак Феникса» и приписываемой сочинителю Петрония Тарантийскому. Подлинник рукописи является частной собственностью и находится во владении герцога Вестри Немедия

«...И в коварстве своем злоумышленники полагали, что лучшим исходом их темных замыслов станет убийство правящего монарха. На трон же Аквилонии они собирались посадить своего ставленника — человека с безвольной душой и скудного разума, способного лишь повторять речи своих более умных «друзей» да быть безмерно благодарным за вознесение из неизвестности на трон прекраснейшего из государств Заката.

Вряд ли ему было суждено долгое царствование — правитель-марионетка потребен лишь до тех пор, пока нити управления страной не окажутся в нужных руках. Затем нового короля, скорее всего, ждал несчастный случай на охоте или подброшенный неизвестным злодеем яд. Дворянство и чернь не успели бы опомниться от подобной чехарды на троне, а корона Аквилонии уже возлежала бы на другой голове...

Их было пятеро (хотя позже заговор получил название «Мятежа Четырех») и о каждом стоит поведать в отдельности.

Аскаланте, герцог области Тьерри или Туне, находящейся в полуденной части Боссонии, был, пожалуй, наиболее опасным из всех. Боги наделили его острым умом, непомерным честолюбием и способностью заражать своей убежденностью других людей. Этот человек был лишним при дворе Нумедидеса, ибо более всего стареющий безумный король страшился людей, выделявшихся среди льстивой толпы придворных. Однако при новом правителе герцог Аскаланте тоже не стал желанным гостем во дворце, не захотев (или не сумев) примириться с тем, что Трон Дракона отныне принадлежит человеку в прямом смысле этого слова безродному, не дворянину и даже не аквилонцу.

Это было прекрасно заметно всем, в том числе и королю, а потому герцогу Тьерри было предложено покинуть дворец и столицу. Он так и поступил, уехав в свои владения, и вроде бы ничем не выдав своего негодования или разочарования. Видимо, с той поры он и затаил в сердце ненависть к правителю-варвару, решив любыми средствами добиться его падения и смерти.

Вторым стал Громал из Лакруа, уроженец Боссонии, начавший свою карьеру с гвардейца пограничной заставы возле Пиктских Пуц и дослужившийся до тысячника Черных Драконов — отряда личной королевской стражи. Громал принадлежал к числу тех людей, чья верность не покупается и не продается, а служба оканчивается лишь со смертью. Он не задавался вопросом, плох или хорош Нумедидес, он следовал однажды данной клятве. И, разумеется, он почел себя несправедливо обойденным, когда его должность перешла к другому, пришедшему вместе с новым королем. Громала не удаляли из столицы, не лишали звания — просто со сменой власти менялись и люди, а невеликого разума бывшего тысячника недоставало, чтобы осознать и принять эту простую

мысль. Он решил, что за верную службу предыдущим монархам попал в опалу и, как водится между столь простыми и целеустремленными натурами, решил мстить.

Для заговорщиков Громал стал ценнейшей находкой — он ведь по-прежнему нес службу во дворце, знал все помещения и распорядки и, что важнее всего, — был на хорошем счету. Кто знает, если бы не завладевшая им мысль о мести за несуществующую обиду, судьба сотника Черных Драконов Громала, может, сложилась бы совсем по-иному...

В отличие от Аскаланте и Громала, третий заговорщик, Волмана из Карабана, более известный как Волмана-Карлик, вряд ли имел какие-либо претензии лично к новому королю. Волмана рвался к власти — власти любой ценой — и даже не стремился скрывать своих устремлений. Постоянно опасавшийся всего Нумедидес без долгих размышлений выставлял его из столицы. Его преемник, хотя был во всем полнейшей противоположностью предшественнику, вскоре совершил то же самое, предпочтя временно удалить Волману от двора во избежание неприятностей.

Что же до четвертого в сем комплоте, менестреля Ринальдо, то, как и всякий поэт, он был безумен и частенько не понимал, что творит. Он приветствовал восхождение Нумедидеса и славил его, пока золото из королевской казны исправно переправлялось в карманы стихотворца. Стоило этому благодатному потоку иссякнуть — и Ринальдо тут же начал слагать баллады о занявшем престол сумасшедшем тиране и призывать к его свержению. Что и случилось, однако причины смещения правителей были куда глубже, нежели казалось одержимому своими безрассудными фантазиями поэту.

Новый король Аквилонии, как вскоре выяснилось, имел свой собственный взгляд на вещи и не собирав-

ся содержать в замке свору нахлебников. Возмущенный до глубины души Ринальдо немедленно поименовал короля «жестоким и непросвещенным деспотом», о чем кричал по всем питейным заведениям Тарантии. Неудивительно, что в скором времени Ринальдо без труда отыскал себе покровителя, коим владела такие же темные мысли, и примкнул к заговорщикам.

Стараниями этих четверых человек был заложен фундамент заговора против короны Аквилонии. Пятый, герцог Дион, как уже было сказано, служил лишь бессловесной марионеткой, коей во избежание волнений и неурядиц надлежало на краткое время занять трон. Ведь он был последним из прямых родственников покойного короля Нумедидеса и, следовательно, настоящим потомком Эпимитриуса. Впрочем, таковым с полным основанием мог считать себя и Аскаланте, и таковое обстоятельство наверняка сыграло бы в дальнейшем свою зловещую роль.

Заговорщики выверили и рассчитали свой план до мелочей. В одну из ночей Громал должен был удалиться с караульных постов тех гвардейцев, что были преданы королю, и заменить их своими людьми. После чего заговорщики получали возможность беспрепятственно проникнуть в замок, миновать жилые помещения и попасть в личные покои короля. Последующим же событиям предстояло развиваться так, как это уже не раз происходило в подобных случаях.

Однако Четверо не учли немаловажного обстоятельства — их противник отнюдь не собирался кротко и бессловесно смириться с отведенной ему участью. Он был воспитан по иным, куда более жестоким законам, и ему уже не раз приходилось с мечом в руках отстаивать свое право на жизнь...

Глава первая РИНГА, ВТОРОЙ РАССКАЗ

Аквилония, королевский дворец в Тарантии

1 день третьей осенней луны, 1288 г.

Утро и далее

«...Внезапно полученные от государя Пограничного королевства известия заставили правителя Аквилонии отправиться в это далекое полуночное государство, в надежде, что появится возможность до конца раскрыть тайну внезапного появления и столь же внезапного исчезновения зеленого подземного огня.

Столица осталась на попечении герцога Пуантена Просперо и канцлера Публио, возглавивших Королевский Совет, управлявший всеми делами державы в отсутствие короля Конана.

В это же время в Тарантию тайно прибыл посланец Трона Дракона, имевший поручение в точности вызнать положение дел в Аквилонии, а также принять меры по защите жизни правителя этой страны. Ибо Немедии были вовсе ни к чему кровопролитные раздоры в соседнем государстве и небезызвестный Вертрауэн предпочел бы видеть короля Аквилонии живым, а не мертвым...»

Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства

Виное время путешествие из Ианты в Тарантию могло бы стать очень приятным. Но я отправилась в путь, не посоветовавшись с гадателем (впрочем, я все равно ни на сикль не верю этой высокоученой братии) и держа на уме только необходимость как можно скорее добраться до Аквилонии. За что и поплатилась. И за собственную лень тоже — стоило чуть больше обращать внимания на слухи, гулявшие по столице блистательного Офира.

Дорога, на которую я отвела самое большее пять дней, заняла у меня целую седмицу и вымотала так, будто я по глупости отправилась пешком на другой конец света.

Мои неприятности начались уже на рубежах Офира и Аквилонии. Акола, пограничная крепость, была переполнена беженцами с заката, а служащие пограничного департамента носились по уши в мыле, пытаясь сообразить, как им проверить подорожные у такого количества народу. Вдобавок, большая часть проезжающих сорвалась с места в крайней спешке, и, разумеется, не озаботилась выправкой необходимых документов. Когда убегаешь, очень трудно помнить о всех этих бумажках.

Кто процветал в Аколе в это время — так это содержатели постоялых дворов и торговцы вьючными да ездовыми животными.

Наконец, власть предержащие поступили так же, как поступают в подобных случаях все чиновники мира. Они закрыли границу «до выяснения сопутствующих обстоятельств и особого решения государственных властей». В городе немедленно поднялась паника, грозившая перерасти в бунт.

Я все же сделала попытку нахально проскочить на другую сторону, но меня задержали. Поняв, что официального разрешения пересечь границу я могу прождать хоть до самой зимы и наслушавшись пугающих рассказов о неведомой полуночной угрозе, я

решила, что мир не рухнет от маленького нарушения законов. Моя колесница миновала невидимую черту, разделяющую владения двух государств, в полутора лигах от Аколы, на всем скаку пролетев мимо заставы изумленной пограничной стражи. Я слегка пуганула этих вояк, чтобы они не вздумали меня останавливать, а уж тем более — устраивать погоню. Нет, я люблю острые ощущения, но сейчас мне было некогда.

Миновав границу, я выбралась на широкий тракт, ведущий к Шамару. Там меня ожидало новое разочарование — дорога оказалась плотно забитой повозками и всадниками. Частью люди возвращались по домам, частью пытались выбраться из страны.

Столь противоречивые действия объяснялись прошедшим слухом об очередном вмешательстве богов в людские дела и избавлении мира от непонятной подземной угрозы. В божественное провидение мне как-то не верилось, и я предположила, что в Аквилонии действительно случилось нечто из ряда вон выходящее и сгубившее источник неведомого зеленого пламени.

Вскоре я услышала и многократно повторенное название «Ивелин». Такое имя носил небольшой городок во владениях герцогства Танасульского, полностью разрушенный во время разрыва земной тверди. Видимо, зеленое пламя выбрало неподходящее место, чтобы в очередной раз извергнуться на погибель людскому роду. То ли разрушение почвы вызвало извержение спящего до поры вулкана, то ли подземный огонь сам себя залил водой из близлежащего озера... Большинство рассказчиков, разумеется, валило все случившееся на богов. Однако я уже многократно убеждалась, что Высшие Силы не слишком озабочены творящимся на подвластной им земле. Значит, оставалось только проявление не слишком известных нам сил природы... или дело рук людских. Люди

вполне способны порой натворить такое, что богам и в страшных снах не снилось.

Таинственные заговорщики, заставившие меня сорваться с места, тоже поминали городок Ивелин и утверждали, будто к его гибели имеет прямое или косвенное отношение не кто иной, как правитель страны. Не знаю, не знаю... В своей одержимости они вполне могут приписать не приглянувшемуся им королю Аквилонии еще и не такие грехи. Может, он и в самом деле был там... Неплохо зная характер Конана, я могу с веским на то основанием утверждать, что киммериец не стал бы отсиживаться в столице, если его владениям угрожала подобная нештучная опасность. Разумеется, киммериец помчался бы на место происшествия, дабы самолично убедиться, что именно произошло. А если у него появился хоть малейший шанс как-то вмешаться, он даже бы не задумался, а начал действовать.

Впрочем, зачем гадать? Доберусь до столицы и сама все узнаю.

Спустя три дня после выезда из Ианты я пересекла Тайбор и влетела в Шамар. Моя бедная измученная четверка лошадей еле держалась на ногах, а мне еще требовалось разыскать постоянный двор, принадлежащий служащему Немедии человеку. Там я смогу немного выспаться, поменять лошадей на свежих и продолжу путь.

Я слишком рано понадеялась, что мои дорожные неурядицы закончились. За Шамаром стало еще хуже. Осень уже добралась до этих пределов Аквилонии, и дожди старательно размывали тракты, превращая их в длинные грязные проселки. Беженцев здесь оказалось не меньше. Несколько раз мне приходилось сворачивать и искать обходные дороги либо же гнать лошадей напрямик через убранные поля. Колесница намертво увязала в размокшей земле, кони выбивались из сил, а я начинала медленно впадать в

бешенство. Спрашивается, чего ради я несусь через всю страну? Неужели треклятый варвар не в состоянии сам разобраться со своими заговорщиками или кто они там? А если не может — нечего было сворачивать шею Нумедидесу и лезть на освободившийся трон! Шлялся бы себе и дальше по миру! Дайте мне только добраться до Тарантии, а там я все ему выскажу!

На утро восьмого дня моего затянувшегося путешествия сквозь пелену моросящего дождя проглянули высокие башни на стенах вокруг столицы Аквилонии. Обрадованные лошади рванули резвее, а я сделала настоящую глупость, не придержав их. Колесница неудержимо заскользила по слою жидкой грязи к обочине дороги, а спустя еще миг раздался громкий хруст ломающегося дерева и паническое конское ржание. Тяжелая четырехколесная повозка на какое-то краткое время зависла на склоне, а затем рухнула набок, увлекая за собой бьющихся лошадей. Я еле успела выпрыгнуть, поскользнувшись и замечательно растянувшись в раскисшей глине, вымазавшись по уши.

Добро пожаловать в Аквилонию, Ищейка!..

Дышло колесницы сломалось, одно из колес укатилось, часть моих вещей разлетелась, но лошади, к счастью, не пострадали. Я стояла на обочине под мелким дождиком и не знала, смеяться мне или для разнообразия порыдать над своей невезучестью. Лишиться повозки под самыми стенами города!

Однако ехать-то надо.

Пришлось спускаться вниз, разрезать уцелевшие постромки, вытаскивать на дорогу заупрямившихся и испуганных лошадей, а потом снова лезть вниз и собирать рассыпавшееся и немедленно перепачкавшееся барахло. Я мельком пожалела, что в моих запасах не оказалось седла, потом выбрала наиболее крепко выглядевшего конька и принялась сооружать уздечку и какое-то подобие сбруи. Как ни жаль, но осталь-

ных лошадей придется бросить. Вести их за собой в город мне некогда. Ничего, вокруг Тарантии полно деревень, а их обитатели наверняка не позволят бедным животным долго бродить беспризорными.

Свернутый в несколько раз и привязанный обрывками ремней плащ, конечно, лишь отдаленно напоминал седло, однако меня уже не волновало, насколько нелепо я выгляжу. Вся равно я насквозь промокла, извозилась в липкой грязи, в сапогах что-то противно хлюпало, и мне очень хотелось кого-нибудь прикончить. Прямо здесь и сейчас. Для обретения душевного равновесия.

Стража у городских ворот уставилась на меня со смесью легкого недоумения и откровенного презрения. Моя подмокшая подорожная изучалась старшим охранником с таким вниманием, будто это был подлинный документ времен Ахерона. Наконец, после долгого и не совсем вразумительного выяснения, кто я и что мне тут понадобилось, стражники приказали уплатить пять золотых и пропустили, презрительно свистнув вслед. Похоже, сегодняшним хмурым утром я оказалась единственным человеком, прибывшим в столицу через эти ворота.

Я ехала по широкой пустынной улице и размышляла. Занудный дождь прекратился, и это было единственным, что радовало мою измотанную душу.

Требовалось придумать, как мне поступить. Будь у меня время, я бы обставила все так, как полагается, — разыскала человека, который меня приютит или поможет разыскать подходящее жилье, расскажет о государственных и дворцовых делах, сообщит, на кого можно положиться, а на кого нельзя... Да только, как назло, нет у меня лишнего времени. Я обязана немедленно начинать действовать.

Можно, конечно, поехать во дворец и прямо попросить встречи с королем. Если стража не прогонит меня тут же, как увидит, то я найду способ заставить

их меня выслушать. Но весь вопрос в том, стоит ли это делать? Что может дать разговор с Конаном, кроме общих давних воспоминаний да расспросов о нашем нынешнем житье-бытье?

Киммериец еще во время нашего краткого знакомства прекрасно усвоил, что мне доверять не стоит. Даже если я расскажу о возможном заговоре, он просто примет это к сведению и все. Я не получу взамен ничего, ни единого словечка.

Значит, разговор с Его Величеством королем Аквилонии пока откладывается. Однако проникнуть во дворец необходимо. Возможно, прожив там десяток-другой дней, я разберусь, что к чему. А главное — находясь во дворце, я смогу присмотреть, чтобы ничего не случилось...

Остается самая малость — попасть в Тарантийский замок.

Я перебрала все имевшиеся возможности. При Нумидидесе Пятый департамент держал в столице Аквилонии целую армию лазутчиков и всю пользовался услугами людей, недовольных старым королем. После смены власти мы потеряли большинство сочувствующих нам горожан, а новая сеть осведомителей еще не создана. Как ни досадно, придется использовать единственный оставшийся в моем распоряжении способ. А значит — снова разыгрывать представление, чтобы не навлечь подозрение на человека, к которому я собираюсь навеститься.

Что-то у меня сегодня не подходящее настроение для лицедейства.

На улицах начали появляться редкие прохожие и первые торговцы. На меня никто не обращал внимания, чему я только порадовалась.

Тарантия не слишком изменилась с тех времен, когда я побывала здесь в последний раз. А случилось это года три назад... Все тот же огромный величественный город, раскинувшийся по обоим берегам

неторопливо бегущей на полдень реки, те же изъеденные временем каменные львы на углах улиц, тот же постепенно нарастающий невнятный гул — голос большого города... Я люблю города с их скоплением людей. Когда судьба забрасывает меня в какие-нибудь дремучие леса или малонаселенные местности, я начинаю шарахаться от каждой тени и становлюсь не в меру подозрительна. Многотысячный город же — самое подходящее для меня место.

В конце улицы замаячили остроконечные крыши на подъездных башнях дворца. Сюда, к внушительно-го вида трехэтажному зданию из серого и темно-красного камня, я и приехала. Приунывший конек процокал по булыжникам небольшой площади, затем по мокрым доскам подъемного моста, переброшенного через отведенный из реки канал, и остановился перед массивными открытыми воротами. Над въездом в королевский дворец скалилась привычная львиная голова, под ней мокрой пестрой тряпкой свисало знамя страны.

Гостеприимно распахнутые настежь створки еще ничего не означали. За ними тянулся длинный, освещенный тускло горевшими в сыром воздухе факелами, внутренний проезд. И примерно на полпути его перегораживала кованая тройная решетка. Которая, разумеется, была опущена, а маленькая калитка в ней заперта на внушительно выглядевший засов.

Хвала богам, мне не пришлось надрываться и звать стражу. Стоило мне натянуть поводья и остановиться возле решетки, как до меня сразу же донеслось:

— Кто, по какому делу, по чьему вызову?

«Госпожа Ринга, графиня Эрде, тайная служба Немедии, по вопросу устройства заговора и покушения на вашего короля», — едва не брякнула я, но вовремя прикусила язык. Вряд ли эти серьезные молодые люди в черной форме дворцовой стражи расположены пошутить. Кроме того, простой страж-

ник вряд ли знает о существовании нашей тайной службы, в просторечии именуемой «Вертрауэном», по названию одного из бельверусских дворов, где и расположилось это незаметное, но такое необходимое государству учреждение.

— Гонец к графине Аттиос из ее поместья с письмом от управителя, — отчеканила я. Кажется, никому из стоявших по ту сторону решетки не пришло в голову, что перед ними не мальчишка, а женщина. Впрочем, трудновато в полумраке определить пол закутанного в промокший дорожный плащ человека. А голос у меня всегда был похож на мальчишеский.

— Подтверждение есть? — осведомился старший караула.

— А как же! — Я порылась по карманам, вытащила маленькое колечко с красным камешком и просунула его через переплетения решетки. — Велено передать ее светлости.

— Жди, — донеслось до меня.

Ну что ж, подожду. Раз я гонец, то мне возражать не положено. Надеюсь, у графини достаточно влияния, чтобы по ее приказу меня пропустили во дворец... И что ее светлость не забыла об условленном знаке. Чего доброго, еще испугается и заявит, что знать не желает никаких гонцов или отправит меня в город. Тогда придется срочно выискивать другой способ проникновения.

Ждать мне пришлось долго. К тому времени я успела окончательно замерзнуть и обнаружила, что ужасно хочу есть.

Наконец один из стражников, ушедший неизвестно куда с моим колечком, вернулся и махнул рукой: «Пропускайте!»

Хорошо смазанный засов беззвучно отодвинулся, калитка распахнулась, и я въехала в коронный замок Аквилонии.

— Мда-а,— только и сказала графиня Аттиос, когда меня по бесконечным коридорам и лестницам провели в ее уютные покои.

Добавить к сему краткому, но выразительному междометию было нечего. Я даже не рискнула войти в комнату — с моего плаща текли потоки грязной воды, а топтаться измазанными глиной сапогами по пушистым коврам...

Меня слишком хорошо воспитывали, и я ценю красивые вещи. Если я пройду по ковру — его можно смело выбрасывать.

— Здравствуй, Эви,— нарушила я затянувшееся неловкое молчание. — Прикутишь или мне разворачиваться и отправляться искать постоянный двор?

— Я так и знала, что кто-нибудь из вас непременно объявится,— горестно вздохнула Эвисанда. — Ладно, оставайся, не гнать же тебя... — Она потянулась за колокольчиком, а вбежавшей на звон служанке приказала: — Бассейн, чистую одежду и комнату для моей гостьи.

— Еще поесть,— добавила я. — Много. Принесите прямо к бассейну.

Молоденькая служанка бросила на меня донельзя удивленный взгляд, поклонилась и убежала выполнять приказание.

— Что за ужасные замашки,— вполголоса пробормотала Эви.

— Поболтаешься по миру с мое, тогда посмотрим, какие будут манеры у тебя,— беззлобно огрызнулась я, выходя следом за служанкой.

Вода в бассейне оказалась в меру горячей, обед — вкусным, и к тому времени, как я с ним расправилась, мир уже не казался унылой и грязной лужей, по которой я обречена тащиться неизвестно куда. Люди вообще устроены очень просто — дай им возможность отмыться, передохнуть и хорошо поесть, как они бы-

стренно обретут довольство собой и окружающими. Я не представляю исключения.

Мое столь внезапное появление грубо нарушило мирное и беспечальное существование госпожи Эвисанды. Графиня не питает ко мне особой привязанности, и я ее за это не виню. Интриги королевских дворов — не слишком достойное дело, в нем с равным успехом используются и рваные тряпки, вытащенные из грязного белья, и самое дорогое, что есть у человека.

У госпожи Эвисанды таких драгоценных вещей было две — честь и благосостояние ее семьи да робкая привязанность к нынешнему королю.

О, это была замечательная история! Из числа тех, что так любят рассказывать менестрели и слушать молодые впечатлительные девушки. В ней наличествовали все требующиеся лица: молодая красавица, вынужденная по воле семьи выйти замуж за человека много старше ее годами, и герой, решивший на склоне лет хоть немного остепениться.

Портили образцовую слащавую картину несколько досадных мелочей. Например, красавица была отнюдь не наивной девочкой шестнадцати весен от роду, но обладала вполне практичным умом и хваткой прожженного купца. Герой же заслуживал подобного наименования с большой натяжкой, ибо по большей части занимался делами отнюдь не героическими, а скорее противозаконными...

В общем, все, что требовалось от служащих Вертраузна — поставить семейство графини Эвисанды перед угрозой серьезного скандала и полного разорения, а самой госпоже намекнуть, что она довольно легким (и даже в чем-то приятным) способом сможет избавить своих родных от подобной неприятности. Что же до порицания обществом, которое, разумеется, не замедлит последовать, то какое оно имеет значение, если госпожа графиня будет находиться в наивозможной близости от трона?..

Собственно, Конан должен быть нам благодарен — он без особых хлопот заполучил красивую, умную и покладистую подружку. А Вертрауэн — человека, зерко следящего за ситуацией при аквилонском дворе и сообщающего о малейших подозрительных изменениях.

Довольно тяжелый разговор с Эвисандой, состоявшийся нынешней весной на неприметной вилле в окрестностях Шамара, пришлось вести мне, в спешном порядке примчавшейся ради этого из своего логова в Ианте. Не понимаю, почему Департамент возложил не такую уж и сложную обязанность на меня? Наверное, именно с того дня Эви считает меня чем-то вроде злобного демона, приставленного лично к ней в виде кары за многочисленные и тяжкие прегрешения.

Госпожа Аттиос была вынуждена согласиться с предложениями немедийской тайной службы, но, к моему удивлению, выдвинула очень простое условие: она хотела получить клятвенное обещание, что добываемые ей сведения не причинят вреда лично королю. Я открыла рот, чтобы сказать: «Дорогая, да ему вообще трудно причинить какой-либо вред!», потом вовремя одумалась... и поклялась. Мало того — я еще и честно стараюсь выполнять условия этой клятвы.

Мой супруг, узнав о сем странноватом обещании, искренне посмеялся и заявил: наверняка таким способом я пытаюсь загладить вину за многочисленные ссоры между мной и Конаном, ежедневно случавшиеся во время наших совместных приключений пятнадцать лет назад. Может быть, он и прав. В конце концов, все мы меняемся. Даже я, которой отпущен гораздо больший срок жизни, чем обычному человеку.

...Я выбралась из бассейна, вытерлась, натянула принесенное служанкой темно-синее платье, оказавшееся мне чуть великоватым, и уселась перед запотевшим серебряным зеркалом. Ладно-ладно, госпожа

графиня, сейчас мы вам убедительно докажем, что немедийская Ищейка может выглядеть ничуть не хуже тарантийской придворной дамы. В моих резковатых манерах виноваты лишь семь дней изматывающей дороги да необходимость как можно скорее проникнуть во дворец.

Раньше я носила косы. Потом пришлось ими пожертвовать — слишком длинные и уходит уйма времени, чтобы их заплести, а потом расплести. Время — единственное, чего мне вроде даровано с избытком, но его всегда не хватает. Потому лет десять назад я не без сожаления рассталась с естественным украшением любой женщины, а теперь все повторяется по-новой. Сиди, расчесывай, потом жди, пока высохнет, потом заплетай, укладывай... Впрочем, сегодня это длительное занятие меня не раздражало. Мне нужно было посидеть в тишине и покое и как следует подумать.

Но вместо раздумий о том, что стоит сделать в первую очередь, а что пока подождет, я задала себе вопрос — почему во дворце настолько тихо? Все, кто мне встретился — стражники на воротах и в коридорах, несколько скучных придворных, прислуга Эви, и больше никого... Странно. Вроде у них недавно творился настоящий кошмар, а в королевской крепости тишь да благодать...

Тут я поняла, что размышлять над чем-то, не имея достаточных сведений, — то же самое, что пытаться сдвинуть с места тяжело груженную колесницу с намертво заклиненными колесами. Мне настоятельно требуется побеседовать с Эви. Даже если госпоже графине этого не слишком хочется.

* * *

Я уже собиралась пойти навестить Эвисанду, когда в дверь заглянула служанка, сказавшая, что госпожа графиня спрашивает, не хочет ли ее гостя немного поболтать?

Гостья хотела. Можно сказать, просто горела желанием. Я уже говорила, что Эвисанда — умная женщина, и могу повторить это сызнова. У меня нет склонности недооценивать своих противников... и союзников, пусть и невольных.

Служанка, вопреки моему ожиданию, повела меня не к покоям Эвисанды, а куда-то наверх, по скрипучей деревянной лестнице. Я шла следом и размышляла, какой из дворцов мне больше по вкусу. Бельверусский вырос из старой крепости возле перевалов Немедийских гор, Тарантийский — тоже из древнего военного укрепления. Но если в Немедии правитель страны крепко держится за стародавние традиции и никоим образом не соглашается перестроить дворец во что-нибудь более подходящее для проживания, то в Аквилонии над подобным вопросом даже не задумываются. Дворец строится так, чтобы нравиться нынешнему его владельцу. Порой архитекторы и строители, выполняя желание заказчика, даже шли вразрез со здравым смыслом и хорошим вкусом...

Но в целом создавалось впечатление чрезмерно запутанного и своеобразно-уютного здания. Много резного дерева, полированного разноцветного камня, стрельчатых окон с мелкими пестрыми стеклами... Наверное, здесь живет гораздо лучше, чем в Бельверусе. Во всяком случае, обитатели здешнего дворца не страдают постоянным насморком от сквозняков.

Меня привели к высокой двустворчатой двери с медными украшениями и головой совы вместо ручки, впустили, после чего вежливо сообщили, что госпожа вот-вот придет, и оставили в одиночестве. Очень хорошо — как раз успею осмотреться. Интересно, почему Эвисанда выбрала для предстоящего разговора именно эту комнату? Здесь что, невозможно подслушать?

Я люблю определять по вещам личность хозяина. Это не только привычное действие, но и проверка

сноровки. Здешний же обитатель вызвал у меня нешуточный интерес. Его явно давно не было дома — уж больно все аккуратно расставлено и разложено, чувствуется привычная к порядку рука слуги. Вещи в комнате по большей части добротные и не лишены некоторого изящества... Стоящее возле стола массивное кресло, рассчитанное на человека изрядной комплекции... Много книг, причем дорогих, в выложенных цветными камнями и золотом переплетах... Я сунулась в соседнюю комнату — спальня, ничего особенного. Пожалуй, это обиталище мужчины. Молодого, не обремененного подружками и слишком тяжелой службой при дворе, любителя хороших книг и старинного оружия.

Оружие и убедило меня в правильности моих предположений. Два полуторных меча висели крестнакрест на стене, поверх пушистой рысьей шкуры. Вряд ли женщина стала бы украшать свое жилище подобными вещами... Так кто же здесь живет? И почему мне все время мерещится тонкий запах залежей старого пергамента?

Эвисанда вошла почти беззвучно, закрыла за собой двери и решительно уселась за стол. Судя по выражению ее лица, она готовилась высказать мне все, что она думает о Тайной службе Немедии и, в частности, обо мне, как представительнице сего славного учреждения.

Чует мое сердце — очень скоро Эви устроит нам небольшой бунт. Запугивание и угрозы — прекрасный способ добиться желаемого, но порой даже многократно проверенное и испытанное средство дает сбой. Ох уж эта мне дворянская щепетильность и честность! Мы ведь не можем все время держать Эви на крючке, рано или поздно любая рыбка срысывается.

Подозреваю, что Эвисанда рискнет отделаться от нас простейшим способом — расскажет все Конану. Возможно, ей тогда придется проститься с теплым

местом королевской возлюбленной... а может, и нет. Я возьмусь уверенно предсказать действия любого человека, но только не Конана. По-моему, он сам не всегда знает, как поступит в следующий миг.

— Чья это комната? — спросила я, прежде чем Эвисанда начала свою обличительную речь. Тем я сбила ей весь боевой настрой, заставив отвлечься на что-то постороннее. Вдобавок мне действительно было любопытно.

— Халька, — после некоторого напряженного молчания ответила Эви. — Барона Юсдаля, библиотекаря и летописца.

Так вот почему мне чудился запах пергамента! Библиотека, как я сразу не догадалась!

— Странное имя, — заметила я. — Боссонское?

— Гандерское, — уже спокойнее поправила Эвисанда.

Вот так-то лучше. Мне нужно ее содействие и подробный рассказ о том, что сейчас творится в Аквилонии, а не шипение сквозь зубы и полный ненависти взгляд.

— А кто он такой? Я имею в виду, что он за человек?

— Первый собиратель слухов на весь дворец. Из близкого окружения короля, — с еле заметной полуулыбкой проговорила графиня Аттиос. — Милый молодой человек, который на вопрос о чем-то серьезном сперва трижды подумает, а потом скажет, но зато болтать о пустяках может без остановки.

«Крайне разносторонняя личность, да еще и приятель Конана», — хмыкнула я. — Никогда не понимала, как это мой старый знакомый умудряется привлекать к себе таких разных людей — от уличных нищих до аристократов?»

— А где он сейчас?

— Уехал два дня назад, — невозмутимо отозвалась Эви. — Вместе с королем и остальными. Поэтому я и

подумала, что мы можем поговорить здесь. Тут... Спокойно как-то.

Та-ак... Похоже, меня преследует нечто большее, чем обычное невезение. Разумеется, в отсутствие правителя дворец и кажется вымершим. Значит, Конан изволил куда-то отбыть, да еще в сопровождении неких загадочных «остальных»?

— Эви, ты случайно не знаешь, куда поехал Его Величество? И с кем?

Эвисанда поколебалась, не решаясь ответить, но все же неохотно проговорила:

— На полночь, в Вольфгард. С королем уехали посланник из Пограничья, немедийский граф по имени Морадин и еще Паллантид с десятком гвардейцев...

У меня едва глаза на лоб не полезли — а какого, извиняюсь, демона здесь делает Морадин, которому вроде как полагается неотлучно сидеть в Бельверусе при Нимеде?

Эви, к счастью, не подозревает о том, что Морадин — мой муж. Об этом обстоятельстве вообще мало кто знает, а семейство Эрде предпочитает не открывать врагам своих уязвимых мест. Для Эвисанды, как и для многих, я — Ринга Зингарийка, работающая на Трон Дракона. Однако с какой стати Морадин околачивался в Тарантии? Что вообще творится в некогда таком предсказуемом и насквозь понятном мире?

— Эви, — твердо сказала я. — Начни, пожалуйста, все с начала и по порядку. Чего ради короля вдруг понесло на полночь, какой такой посланник из Пограничья и отчего все дороги в стране забиты беженцами?

— Ты что, ничего не знаешь? — И без того большие глаза Эвисанды превратились в пару блестящих серых шариков. — Ни про зеленый огонь, ни про Ивелин? Я же писала вам...

— Значит, это послание до нас еще не дошло, — безмятежно ответила я. Положение становилось все непонятнее и интереснее. — Так я обращаюсь в слух и внимаю.

— ...А потом пришло письмо из Пограничья, и они уехали, — закончила свой долгий и порой невероятный рассказ Эвисанда. — Сказали — вернутся через полторы луны или раньше... Ринга, тебе что, не хорошо?

— Мне очень плохо, — сквозь зубы прорычала я и вцепилась обеими руками в волосы. Хотелось пойти и стукнуться головой о стену — может, мысли быстрее забегают. Надо же оказаться такой душой! Пока я вовсю наслаждалась беспечным существованием в Ианте, пропустила мимо самое потрясающее событие в своей жизни! Подумать только — такая же гадость безнаказанно ползала по нашим землям! Теперь понятно, отчего Мораддин предпочел остаться в Аквилонии, а не возвращаться домой. Разве он может упустить возможность поучаствовать в столь захватывающем приключении? А я хороша — примчалась, высунув язык, к самому завершению! Даже если я отправлюсь в дорогу сегодня, Конана и его отряд все равно не нагнать... Митра и Иштар, они направились в это забытое богами и людьми Пограничье, в дыру, где нормальному человеку невозможно жить! Зачем? Охотиться на чудовищ? Не сомневаюсь, что эта сумасшедшая идея принадлежала Конану...

Не знаю, как насчет чудовищ, но напасть и мгновенно скрыться в Пограничье очень даже возможно.

В связи с этим имеется один вопрос — что же мне теперь делать? Мчаться вслед, хотя у меня все кости ноют? Сидеть в Тарантии и ждать возвращения Конана, Мораддина и прочей компании? А если они не вернутся? Плунуть на все — мол, пускай сами разбираются со своими трудностями — и вернуться в Ианту или Бельверус?..

— Ринга — настойчиво позвала госпожа Эвисанда. — Ринга, что с тобой?

— Я думаю, — мрачно сказала я, только сейчас поняв, что от злости едва не вырвала у себя несколько прядей.

Я сжала ладони в кулаки и велела себе успокоиться. В конце концов, пока не стряслось ничего непоправимого. Конан жив, Мораддин тоже, неведомая опасность вроде бы уничтожена... Но у меня дурное предчувствие, и я склонна ему доверять. Значит, надо как можно скорее принимать решение.

— Эви, ты знаешь что-нибудь о покушении на короля? — решительно спросила я.

Эвисанда вздрогнула, как от холода, и неуверенно кивнула.

— Когда оно было? Где? Кто участвовал? — знаю, что даже фаворитка короля не способна разузнать все, совершающееся в стране, но хоть какие-то слухи до нее должны были дойти! Мне сейчас важна каждая мелочь.

— Восемнадцатый день этой луны, город... нет, деревня Артен, — медленно проговорила Эви. — Нападавших было около десятка. Один сумел сбежать, остальных убили. Все, насколько я поняла, дворяне. Кому они служили — неизвестно.

Уже немало. Значит, заговор действительно существует, а я не гоняюсь за призраками.

— Ринга. — Графиня выглядела не на шутку встревоженной. — Скажи, что это может значить? Ты уверена, что король сейчас в безопасности?

— Кто в этом мире может быть в безопасности, кроме покойников? — невесело пошутила я. Эви нахмурилась. — Я не знаю. Насколько я поняла, короля сопровождают искренне преданные ему люди, значит, измены можно не опасаться. А вот внезапное нападение... И еще эти существа, которых привезли из Ямурлака. Зачем они это сделали?

— Животные совершенно безопасны, — удивленно пожала плечами Эвисанда. — Это всего лишь забавные зверьки. И мы, кажется, говорим о другом!

— Ничто, вышедшее из Ямурлака, не может быть безопасно, — возразила я. — Кто-то же напал на вашего грифона!

С этим графине пришлось согласиться, а я в очередной раз пожалела, что не приехала пораньше. В кои веки таинственная закрытая земля на полуночи Аквилонии приоткрыла завесу над своими тайнами, и я, как назло, опоздала! А единственное разумное существо родом из загадочных краев валяется без сознания с почти насквозь пробитой головой!.. Надо будет потом хоть глазком взглянуть на этого грифона...

Ладно, о чудесах далеких стран можно поговорить потом, а самое важное сейчас — не допустить еще одного покушения на короля. Произведя в уме несколько несложных вычислений, я сообразила, что уцелевший заговорщик в тот же день послал сообщение о своей неудаче. Через четыре дня оно прибыло в Офир и отправилось далее. Куда? Страбонусу? Сдается мне, что именно туда...

— Эви, как по-твоему, есть в столице или в стране кто-нибудь, способный возглавить заговор против короля? Настоящий заговор, а не пустую болтовню по гостиным?

Я такого человека или людей не знала. Но я и не занималась вплотную делами при новом аквилонском дворе. Моя работа в основном касается полуденных государств и Империи Туран.

— Нет, — после долгого размышления покачала головой госпожа Эвисанда. — В Тарантии — нет. В провинциях, особенно в Боссонии — может быть. — Она поколебалась, но все же честно призналась: — Я не могу сказать с полной уверенностью. Недовольных, конечно, хватает, однако серьезных противников...

— Хорошо. — Я решила довольствоваться тем, что есть. — Значит, Его Величество уехал. Кто же тогда распоряжается в столице?

— Просперо Пуантенец, наместник и временный регент, — удивленно ответила графиня.

Правильно, кто же еще, кроме правой руки Конана... Интересно, пуантенцы нынче раскаиваются в том, что оказывали поддержку Конану? Или им требовался на аквилонском престоле именно такой человек? А что — провинция теперь процветает, поводов для требования независимости нет, да вдобавок герцог Пуантена — близкий друг короля страны. Чего еще может желать разумный правитель для своих владений? Требовать от судьбы больших подарков было бы просто нахальством.

— Я смогу с ним поговорить? Прямо сейчас?

— Наверное, — поколебавшись, сказала Эви. — Герцог и его люди живут в этом же крыле дворца, на втором этаже. В это время там обязательно можно застать кого-нибудь, знающего, где герцог. А... зачем тебе Леопард?

«Леопард» — заглазное и известное во всех странах Заката прозвище герцога Пуантена, данное по гербу провинции — золотому леопарду, — а также за некоторую схожесть характером и внешностью с сим зверем.

— Поболтать о жизни, — хмыкнула я. — Спасибо за разговор, Эви. Не беспокойся, все образуется.

Хотелось бы мне искренне верить в собственные слова...

* * *

Апартаменты герцога Пуантена я разыскала без особых трудов. Разумеется, у дверей торчал караульный, но мне совершенно не хотелось с ним объясняться по поводу столь ранних визитов и моей подозрительной личности. Я просто проскочила мимо.

Стражника можно допросить каким угодно способом, и он все равно будет твердить, что в бдительно охраняемую им дверь никто не входил. Это мой маленький Дар — умение отводить глаза. Еще я умею на краткое время пугать людей до потери сознания, заставить противника выронить оружие или вообще позабыть, что он здесь делает, а также заморочить болтовней любого встречного до полусмерти. Впрочем, последнему я выучилась самостоятельно. Я не колдунья и не ведьма, просто родилась с такими способностями и сумела их развить. Этот как цвет глаз или волос. Иное дело, что после каждого подобного трюка у меня начинается головная боль и ужасно хочется спать...

Я прошла через несколько пустовавших комнат, гадая, кончилась моя полоса невезения или нет. Если нет, то сейчас выяснится, что Леопард только что ушел неизвестно куда, когда вернется — никто не знает, и не соизволит ли благородная госпожа объяснить, откуда она взялась и что ей нужно?

За следующей осторожно приоткрытой дверью скрывался уютный кабинет темного дерева, и — нет, удача точно поворачивается ко мне лицом! — его хозяин оказался на месте. Сидел за столом и что-то быстро писал — я отчетливо слышала тонкий скрип пера по слегка шершавой поверхности пергамента.

Я беззвучно просочилась между створками и тщательно прикрыла их за собой. Лишний шум мне совершенно ни к чему. Да и не станет встреча давних и не слишком близких знакомых ознаменовываться радостными кликами.

Нынешний правитель Пуантена и скромная наемница немедийского Вертрауэна узнали о существовании друг друга четыре года назад. При нескольких странных обстоятельствах. Впрочем, я еще ни с одним человеком не познакомилась как положено — в дворцовой гостиной, с куртуазным представлением.

Всегда в спешке — либо я за кем-то бегу, либо за мной бегут, либо мой очередной знакомый-знакомая от кого-то спасаются, либо кого-то увлеченно преследуют. Такая вот развеселая у меня жизнь...

А четыре года назад, как уже было сказано, будущий великий герцог возглавлял очередной мятеж полуденных провинций против законного короля Аквилонии, ныне покойного Нумедидеса. По шумному и многолюдному лагерю повстанцев туда-сюда беспрестанно шаталась разбитная молоденькая маркизантка по имени Росита, родом из Аргоса. Сия Росита не только бойко торговала надобными при всяком приличном мятеже товарами, но и чересчур внимательно поглядывала по сторонам, иногда оказываясь в самых неожиданных местах. Впрочем, языкастая девчонка из Аргоса всегда могла убедить бдительную стражу, что забрела сюда совершенно случайно и не слышала ни единого словечка.

В одну прекрасную ночь — к вящему сожалению всех многочисленных друзей-приятелей — Росита вместе со своей тележкой и парой впряженных в нее оров преклонного возраста сгинула неведомо куда. Неясные слухи утверждали, что перед своим исчезновением маркизантка навестила шатер предводителя бунтовщиков. Шептались также, будто сей загадочный визит напрямую связан с тем обстоятельством, что через пять-шесть дней мятеж сам собой пошел на убыль, набранная армия разбежалась, люди вернулись к своим прерванным занятиям, а зачинщики мятежа скрылись в своих почти неприступных замках на берегах Алиманы.

Болтуны почти не ошибались. Единственно, они не совсем верно называли повод для встречи столь разных людей. Я просто всесторонне обдумала складывавшуюся ситуацию, нашла ее очень опасной для мятежников и рискнула дать месьюру герцогу несколько полезных советов. Он поступил весьма разумно,

последовав им, иначе сегодня ему точно не представилось бы возможности пребывать в Тарантийском замке в качестве лучшего друга короля и правящего регента. Правда, особой благодарности ко мне герцог не питает. Ибо тогда я без обиняков выложила все, что думаю о мятеже, описала возможные плачевные последствия и при этом подчеркнула, что меня-то происходящее, в сущности, не касается. Мол, я работаю на того, кто мне платит, и вылезла со своими подсказками лишь по доброте душевной да еще потому, что жаль будет смотреть, как через пару дней всю эту развеселую мятежную компанию будут вешать или лишать жизни через отсечение головы — кому что полагается, в строгом соответствии с законами Аквилонии...

Как ни тихо я кралась, все-таки меня услышали. Правда, я особо и не старалась — люди порой очень пугаются, внезапно обнаружив за своей спиной неизвестно откуда взявшуюся красотку с желтыми глазами хищника.

Надо отдать герцогу Пуантена должное — он не потянулся за лежавшим на столе кинжалом и узнал меня если не мгновенно, то достаточно быстро. Благо мой нынешний облик не слишком разнился с физиономией блаженной памяти Роситы — в те времена я еще недостаточно хорошо овладела умением удерживать кажущееся лицо.

Но сегодня я была безупречна и могла служить образцом хороших манер (жаль, Эви не видела!). У кого бы повернулся язык сказать, что маленькая Ринга родилась не на ступенях дворца, а в лесу под елкой (как, собственно, и было... Только произошло сие событие не под елкой, а под красной зингарийской сосной)?

Мое многословное и витиеватое извинение за ранний визит можно было смело приводить в качестве примера великолепно построенной и ровным счетом

ничего толком не объясняющей речи. Договорить, правда, мне не дали, прервав вполне закономерным вопросом:

— Росита, откуда ты взялась? Кто тебя впустил?

Я раскрыла рот для нового долгого и правдоподобного объяснения... а затем сказала:

— Из Ианты, ваша светлость. Или из Зингары. Или еще откуда-нибудь. Просто приехала.

Какой смысл громоздить выдумку на выдумку, если ей все равно не верят? А мне не верили. Что было совершенно оправданно: как можно верить словам женщины, которую встречал в качестве бродячей торговки и которая посоветовала тебе прекратить столь успешно начатый мятеж, не хуже высокоученого философа доказав, что начатое дело изначально обречено на поражение? А теперь представьте, что спустя четыре года эта же женщина объявляется в вашем кабинете в обличье благородной дамы и мило извиняется за неожиданное вторжение. Я бы такой переменчивой особе ни за что не поверила. Но наверняка выслушала. Из любознательности — самого большого порока и достоинства рода людского. Хочешь чего-то добиться от человека — сумей пробудить его любопытство. Он сам тебе все расскажет, только успевай вопросы задавать.

— Что же тебе понадобилось в Тарантии, Росита? Или теперь ты — «госпожа Росита»? И, может быть, присядешь?

Все. За дверь точно не выставят. И притворно-строгим тоном меня не обманешь. Взгляд-то удивленный. И заинтересованный. Такой же, как и четыре года назад. Ох уж эти мне черные глаза... Я люблю все красивое — и вещи, и людей. Особенно людей. Как утверждает мой муж, при рождении меня то ли прокляла, то ли благословила богиня Иштар, и пытаться как-то исправить мое поведение бесполезно. Во всяком случае он, Морадин, тратить на это изначально

безнадежное занятие свое драгоценное время не собирается. И мои робкие оправдания с попыткой сослаться на трудности ремесла он тоже пропустил мимо ушей, заявив, что это не имеет значения, раз я все-таки всегда возвращаюсь обратно домой.

Вот такой мне достался благоверный спутник жизни. Впрочем, я тоже отнюдь не подарок богов. На том мы с мужем и сошлись во мнениях, решив больше к этому вопросу не возвращаться. В конце дороги каждый сам будет отвечать за свои дела.

...Я с достоинством уселась на предложенный мягкий стул, чинно расправила складки на платье и только потом изволила ответить:

— Допустим, госпоже пришел в голову каприз навестить давнего знакомого, а ожидать аудиенции по нескольку дней она не привыкла.

— Допустим, что так, — согласился герцог. — И что дальше?

— А дальше вышеозначенная госпожа тихонечко прокралась мимо задремавшего гвардейца и, не попадаясь на глаза особам, могущим поинтересоваться...

Меня прервали во второй раз.

— Госпожа Росита, ты по-человечески говорить можешь?

— Могу, — с облегчением сказала я. Высокопарный стиль — это, конечно, прекрасно, только у меня от него голова кругом идет. — Счастлива видеть вашу светлость в добром здравии и процветании. Собственно, я почему примчалась? Одна маленькая птичка на-свистела мне, что в Тарантии кое-кому не нравится король-варвар. Настолько не нравится, что названный «кое-кто» готов пожертвовать собственной страной, лишь бы увидеть монарха мертвым... Или сгинувшим в далекой полуночной земле, раз уж первая попытка не удалась.

Стрела была пущена наугад, а угодила точно в цель. Заостренное перо, которое Просперо бесцельно кру-

тил в руках, хрустнуло, сломанное точно пополам. А в следующий миг он резко наклонился вперед, тихо и яростно спросив:

— Кто тебе платит, женщина? Кто твой хозяин или хозяева? Кто ты?

— Я не враг, — сказала я первое, что пришло в голову. Собственно, для разнообразия это утверждение даже было правдой. — Ни королю, ни Аквилонии, ни вашей светлости. Я служу людям, коим хотелось бы видеть твою страну не утопающей в крови и не разодранной на части мятежными баронами, а процветающей... Я сказала правду, регент.

— А почему я должен тебе верить? — Быстро же герцог взял себя в руки. Такого человека всегда лучше иметь в друзьях, чем во врагах. — Ты приходишь неизвестно откуда, исчезаешь, когда захочешь, и никогда не отвечаешь на прямой вопрос...

— Никто не требует от вашей светлости полного доверия, — возразила я. — Скажем так, я предлагаю сделку. Мы оба знаем кое-что полезное. Почему бы нам не обменяться своими знаниями к обоюдной и всеобщей выгоде?

Леопард из Пуантена надолго замолчал. Я успела про себя сосчитать почти до сотни и начала сначала, тщательно отгоняя пакостную мыслишку о том, что сегодняшний визит придется отнести к числу редких, но все же случающихся неудач. Но мое терпение было вознаграждено.

— Хорошо, госпожа Росита. — А физиономия такая, будто его без ножа режут. — Полагаю, я могу принять твое предложение... Хотя оно выглядит весьма странным.

— Честные ответы на честные вопросы. — Я незаметно перевела дух. — С правом иногда не отвечать. Кто?..

— Дамы проходят первыми. — Меня даже вознаградили легкой улыбкой. Замечательно. Вот я и спрошу.

— Правда ли, что король уехал в Пограничное королевство, в силу данного когда-то обещания помочь и в уверенности, что там кроется разгадка недавнего бедствия? — выпалила я.

— Правда, — кивнул герцог. — Твоя очередь, госпожа.

— У вас в столице обитает кучка заговорщиков. — Я решила, что стоит слегка приоткрыть завесу над моей тайной. — Они попытались убить короля... Восемнадцатый день прошлой луны, деревня или маленький городок Артен. Похоже, что главари участия в этом не принимали, а один из уцелевших послал сообщение на полдень...

— Куда? — нетерпеливо осведомился герцог.

— Это уже второй вопрос, — мило улыбнулась я. — Ладно, так и быть. Я не уверена, но думаю, что... — я выдержала надлежащую паузу. Когда-то мне довелось пошляться по Офиру с бродячими лицедеями, так что я хорошо изучила все актерские приемы. — В Хоршемиш.

— М-мерзавец... — непроизвольно вырвалось у Просперо. — Извини, Росита. Но почему? Аквилония не давала Кофу ни малейшего повода...

— Здесь я действительно не могу ничего сказать, — с огорчением признала я. — Единственное мое предположение — в Хоршемише козни строят просто из принципа. Или с какими-то столь далеко идущими целями, что я загадывать боюсь.

Ничего я не боялась. И предположения у меня были, целый букет. Но у герцога на плечах имеется собственная голова, и отнюдь не пустая. Пускай думает и будет настороже. Я подсказала ему главное — с какой стороны ожидать опасности. Как гласит старая зингарийская поговорка: «Кто предупрежден — тот вооружен».

— Но имена? — слегка разочарованно спросил герцог. — Хотя одно имя ты можешь называть, Росита?

— Нет, — повторила я. — Не потому, что защищаю этих людей, а потому что на самом деле не знаю. Я опасаясь иного — из Хоршемиша можно дотянуться до Пограничья.

«И еще того, что мне придется тащиться в это захолустье! Митра Великий, за что? Чем я заслужила подобную немилость?»

— С королем уехали надежные люди, — твердо сказал Просперо. Поколебался и небрежно осведомился: — Тебе что-нибудь говорит имя графа Эрде?

«А как же!» — едва не брякнула я, но вовремя прикусила язык и ограничилась вежливым:

— Конечно. Известный человек, дворянин, отличный воин, но... всей душой преданный Немедии.

— Немедии — да, — подтвердил мою неприкрытую лесть пуантенец. — Однако он старый друг короля и сумеет отвести любую возможную опасность.

— Возможно, — согласилась я. Собственно, в способности Мораддина справиться с десятком-другим нападающих я не сомневалась. Однако бывают ситуации, когда и лучшим из лучших приходится тяжело. Это Конан на собственном опыте обучил меня непреложному правилу: «В любом бою кто-то должен прикрывать твою задницу» — и теперь я частенько ему слеую. Как ни странно, помогает. — И все же мне кажется вполне разумным послать вслед отряду короля надежных людей, которые будут держаться неподалеку.

— Да кто же согласится поехать в Пограничье? — хмыкнул герцог и раздумчиво протянул: — И кому сейчас можно довериться? Разве что мне бросить Тарантию на канцлера и отправиться самому?

— Ни в коем случае, — возразила я. — Король поручил охрану своей столицы вашей светлости, и мы не можем обмануть его доверие. Публио один не справится с управлением государством. Поеду я.

— Ты, госпожа?! — Пуантенец смерил меня взглядом, выражавшим откровенное недоверие.

— А почему бы и нет? — обиделась я. В конце концов, маленький рост и принадлежность к прекрасному полу еще не означают моей полной незащищенности! — Я могу постоять за себя, привыкла к дальним переходам и знаю, как ходить рядом и оставаться незамеченной. Мне потребуются подорожная, лошади и припасы, тогда я смогу отправиться в дорогу хоть сейчас.

Похоже, мнение герцога о моих скромных умственных способностях стремительно падало в глубочайшую из пропастей. Однако он промолчал и только поинтересовался, не дать ли мне сопровождающих. Я гордо отказалась и стала смотреть, как наместник Аквилонии выписывает мне подорожную. На имя Роситы из Аргоса, разумеется. Впрочем, в моей сумке лежит по меньшей мере четыре надлежащим образом заверенных документа, в которых я выступаю под четырьмя разными именами. Еще от одного вреда не будет.

Заодно я быстрым взглядом окинула заваленный бумагами стол, на миг задержавшись на полуразвернутом свитке с каким-то официальным отчетом. Я видела его вверх ногами, да и большая часть текста была скрыта, но что-то в почерке показалось мне знакомым... Додумать я не успела — моя подорожная с четко оттиснутой печатью и разрешением беспопылинно проезжать через все города и провинции Аквилонии, а также с позволением покидать пределы королевства была готова.

— Лошадей выберешь на конюшне, припасы — на нижней кухне, скажешь — по моему личному распоряжению, — командным голосом, не допуская даже мысли о возражении, распорядился герцог, а затем уже более мягко спросил: — Послушай, Росита, ты уверена, что доберешься без... трудностей?

— Конечно. — Я пожала плечами. — Мало того, я собираюсь еще благополучно вернуться и притащить

за собой живого короля. Увидимся через пять седмиц, ваша светлость. Будьте осторожны и поглядывайте по сторонам. И пожелайте удачи — она мне понадобится.

— Удачи тебе, — очень серьезно сказал Просперо. — Дай знать, как обстоят дела... И почему я только тебе верю? А, Росита? Или как там тебя на самом деле?

У меня был ответ на этот вопрос, но я уже выскочила за дверь. И на миг остановилась, сообразив, что показалось мне знакомым в почерке на небрежно брошенном свитке.

Буквы выведены той же рукой, что и на послании, ушедшем в Хоршемиш!!!

Ну, спасибо, Леопард! И за все сказанное, и за то, о чем промолчал, и за то, о чем ваша светлость и сам не догадывается.

Но до чего же мне не хочется опять срываться с места, кто бы знал!

* * *

На конюшне мне пообещали оседлать пару спокойных и выносливых гнедых коньков, на кухне я започувствовала увесистый и тщательно увязанный мешок и поднялась наверх, в отведенную мне комнату — переодеться, собрать немногие пожитки и обрадовать Эвисанду новостью, что я отбываю.

Прислуга и редкие стражники в коридорах косились на меня с подозрением, пытаюсь сообразить, с какой стати по дворцу разгуливает одетая по-дорожному особа. Я же разыскивала неизвестно куда девшуюся Эви и наконец обнаружила ее на втором этаже, возле личных королевских покоев. Эви вышла из какой-то неприметной дверцы, тщательно закрыла ее за собой и только тогда меня заметила.

— Уезжаешь? — с плохо скрываемым облегчением спросила графиня Аттиос.

— Да,— кивнула я и добавила: — Я, собственно, попрощаться... Ой!

Наверное, меня можно извинить — уж слишком непривычно выглядело животное, сопровождавшее Эви. Маленькое существо, размером с охотничью собаку, на спине сложены торчащие острым углом крылышки...

Но главное — животное было прозрачное! Совершенно прозрачное, отливавшее радужным блеском. Сквозь блеск я заметила что-то темное, плававшее в животе существа. Наверное, его завтрак...

Я невольно попятилась, уткнулась спиной в стенку и напонила себе, что стоять с открытым ртом неприлично. Довольная впечатлением Эви представила своего питомца:

— Это сармак из Ямурлака. Его зовут Люсс.

— Люсс...— бездумно повторила я и пришла в себя. Животное из Ямурлака! Настоящий живой зверь из Ямурлака!

Сармак осторожно приблизился, обнюхал мои сапоги, зачем-то куснул блестящую пряжку и вытянул остренькую морду, как любое домашнее животное, требующее, чтобы его погладили.

На ощупь зверек был теплый и слегка шершавый. Он тихонько повизгивал, а полуразвернутые крылья в тусклом свете, падавшем из окон, икрились синим и темно-желтым.

— Замечательное животное,— честно сказала я. Кажется, я ошибалась, утверждая, будто обитатели Ямурлака опасны... Но что еще прикажете думать о стране, которая всегда считалась рассадником всяческой нечисти и нежити?

Получивший свою долю внимания и восхищения сармак отбежал и спрятался за юбками Эвисанды. Графиня явно колебалась, а затем спросила:

— Раз ты уезжаешь... Хочешь посмотреть на грифона? Только быстро и очень тихо.

— Хочу! — Я едва не завизжала. Собственно, я собиралась намеренно графине, как меня интересует таинственный разумный зверь, но опасалась, что ответом будет решительное «Нет!»

— Пошли,— Эви ключом открыла дверь, через которую только что вышла. Сармак по имени Люсс проскочил у нас под ногами и вбежал первым.

Все рассказы о грифонах, услышанные мной, не шли ни в какое сравнение с тем, что я увидела на самом деле.

Это было самое прекрасное существо на свете. Даже несмотря на то, что орлиная голова зверя была скрыта под повязками, что огромные крылья бессильно распластались на полу, а неподвижно вытянутые лапы с когтями длиной в два моих пальца иногда судорожно подергивались.

Чего бы я не отдала за то, чтобы увидеть, как этот невероятный зверь взмывает в небо...

— Идем,— тихонько сказала Эвисанда, потянув меня за собой.— Сейчас придет лекарь и попросит нас выйти.

Я послушно вышла вслед за Эвисандой в коридор и только здесь смогла снова заговорить:

— Он поправится?

— Не знаю,— грустно сказала графиня.— Лекари тоже не могут ничего сказать. Его очень сильно ранили, и рана не заживает. Грифоны ведь устроены не так, как обычные животные...

— Эви,— перебила я.— Послушай меня внимательно, Эви. Я уезжаю догонять короля, но я обещаю — я обязательно разыщу того, кто это сделал. Разыщу и прикончу.

Эвисанда растерянно ахнула и попыталась что-то сказать, но я уже бежала по коридору — к лестнице вниз, к конюшням и к долгой дороге в Пограничное королевство. В тамошнюю столицу со странным названием Вольфгард, в края, где обитают загадочные

оборотни, полулюди-полуволки, называющие себя «Племенем Карающей Длани Создателя», в земли, откуда явился губительный подземный огонь и куда неведомо зачем уехали Мораддин и Конан.

Что-то они там хотят найти? И найду ли я там что-нибудь?

Глава вторая ХАЛЬК, ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ

Пограничное королевство, столица Вольфгард. 14 день
третьей осенней луны, утро и далее.

«...Столица Пограничного королевства всего лишь года четыре назад получила свое нынешнее имя, обходясь прежде без наличия одного. Столица, более напоминающая неказистое военное укрепление, нежели привычный глазу цивилизованного человека город, была не слишком приспособлена для достойного соответствия своему высокому званию. Однако с приходом на трон Эрхарда многое изменилось в лучшую сторону. Переустройство армии и королевского совета позволила навести в стране долгожданный и так необходимый ей порядок. Нанятые за счет казны подгорные гномы, славящиеся своим непревзойденным мастерством в обработке камня, провели обширную починку коронного замка и крепости. Вокруг них начало расти и развиваться торговое поселение. Разумеется, оно не шло ни в какое сравнение с городами стран Заката, однако для Пограничья Вольфгард действительно стал образцом, к которому надлежало стремиться по мере сил и возможностей...»

Из «Синей, или Незаконной,
Хроники» Аквилонского королевства

Если я еще хоть раз переночую под открытым небом и на таком холоде, откроется кровавый кашель...— Хриплым голосом сообщил я королю, когда отряд снялся с лагеря, устроенного в лесу, и отправился дальше.— Тогда я непременно заболею и умру. Что делать будете?

— Ну-у...— скривился Конан.— Вначале устроим роскошную тризну и как следует напьемся. А на следующий день я посоветую управителю Тарантийского замка нанять нового библиотекаря. Желательно пожилого, степенного человека... и уж ни в коем случае не гандера.

— Изверг бесчувственный,— уязвился я и добавил патетически: — Разве никчемный старикашка будет помогать своему владыке, делить с ним все трудности и невзгоды? И, в конце концов, варить кашу Его Величеству?

Последнее замечание было более чем справедливым. Минувшим вечером на привале Паллантид выдал мне мешок с пшеном, сало, сушеное мясо и, дав в помощники самого молодого (и, на мой взгляд, самого бестолкового) гвардейца, велел сделать ужин. Мы всегда занимались приготовлением пищи по очереди, и вчера настал мой звездный час как кули-нара...

— Кашу? — Голос киммерийца зазвучал совсем недовольно.— Она у тебя подгорела и была не посолена. А старика в библиотеке я хочу взять потому, что он не будет постоянно трепаться, подшучивать над персоной короля и втягивать его в разные неприятности. Лучше за своим оружием следить надо, бестолочь!

Вот так всегда. Вечно меня ни во что не ставят. Каша им, понимаешь, не понравилась. Подумаешь, отвлекся человек... Я, между прочим, стихи сочинял. Настоящую балладу о путешествии короля Конана Аквилонского в Пограничье. Только когда от котла

начало потягивать едким дымком, меня толкнул Моррадин и спросил, что это я делаю. Каша, впрочем, все равно не удалась бы. Пшено сырое, мясо не просолено, а котел прежде не почищен...

...Сейчас мы двигались по наезженной зимней дороге, пролежавшей в самом сердце огромного лесного массива, окружавшего столицу Пограничья и расположившиеся вокруг нее пахотные земли свободных крестьян. Лишь иногда по ходу тракта встречались небольшие поселения охотников, на которых стояли малочисленные (три-пять человек) заставы стражи Пограничья. Веллан объяснил недавно, что раньше в этой стране армия, стража и служба охраны государства не различались. Однако в последние годы король Эрхард учредил отдельно военную управу, ведавшую постоянными отрядами армии, управу стражи поселков — чем занимались эти люди, понятно из названия — и приказ пограничной и дорожной стражи. Сам Веллан занимался делами армии и внутренней безопасности страны, а королевский племянник Эртель, сын Теодобада — охраной внешних границ государства и поддержанием порядка на дорогах. Естественно, что ими обоими командовал король. Я после рассказа Веллана понял, что постепенно Пограничье начинает становиться королевством, в котором рано или поздно появятся крепкая власть и грамотное управление внутренними делами. Лишь бы Эрхард подольше сидел на троне...

Уже к третьему послеполуденному колоколу мы должны были, миновав леса, выйти к разросшемуся в крупное село хутору (в Пограничье такие поселки назывались «бургами»), а к четвертому — оказаться у стен Вольфгарда. Но вот уже слабое полуночное солнце начало склоняться к закату, а дорога все вилась меж столетних елей и огромных заснеженных валунов. Лошади начали уставать, а я почув-

ствовал, что проголодался. Еще не хватало, чтобы мы заблудились!

Ну разумеется. Прислушавшись к перебранке Конана и Веллана, в которую изредка вступали Мораддин и Паллантис, я понял — проклятый оборотень-бритуниец выбрал не ту дорогу и завел нас неизвестно куда.

Тицо — это моя новая домашняя зверюшка, найденная во время поездки в Ямурлак — выбралась из-за пазухи, сонно оглядела окрестности круглыми голубыми глазами и, с трудом выговаривая аквилонские слова, спросила:

— Хальк, долго еще ехать?

— Не знаю, — покачал головой я. — Веллан заблудился. Вернее, нас заблудил.

— Дубина, — заключил Тицо и снова нырнул мне под плащ.

Честное слово, когда-нибудь убью Конана и его приятеля-варвара из Бритунии! Ясно, конечно, что один справиться с ними обоими я не смогу, но попробовать-то можно... Эти двое остолопов решили, что будет очень смешно, если они научат Тицо всяческим ругательствам. Кошмар!

Я еще в Тарантии начал понимать, что маленькое, размерами не превосходящее кошку, существо, найденное мной, Морадином и Велланом в самой таинственной области Ямурлака, не просто зверь. Тицо разумен, как люди, гномы или оборотни. Просто выглядит необычно и не понимает человеческого языка. Вернее, не понимал.

За полторы седмицы, прошедших с нашего выезда из столицы Аквилонии, я обучил Тицо нескольким простейшим словам, а после, всего пару дней, назад зверек научился распознавать более сложные фразы и выговаривать их самостоятельно. Я беседую с Тицо каждый день и уже узнал многое о нем. Он не помнит, как появился на свет, откуда взялся и почему

оказался в Ямурлаке. Выяснилось также, что людей вблизи он видит впервые.

Раньше Тицо видел только «леса и горы», и больше ничего. Кто возвел странные сооружения на полуострове озера Зеленой Тени, Тицо не помнил или не знал. Как он там оказался спящим — тоже осталось неизвестным. Однако я лелеял надежду, что рано или поздно покрытая густой белой шерсткой тварь научится разговаривать по-аквилонски достаточно хорошо, для того чтобы ответить на интересующие меня вопросы о Ямурлаке.

Тицо ехал со мной, в объемистой корзинке с крышкой. На дно корзины я положил мягкую шерстяную подстилку и каждый день оставлял новому любимцу несколько прошлогодних, сморщенных, но очень сладких яблок. Тицо очень любил яблоки, да и прочими фруктами не брезговал. Часто во время общих трапез нашего отряда он просил у меня кусочек мяса или немножко каши. Словом, питался всем, что предложат.

Боясь, что Тицо однажды сбежит, я ночами всегда держал корзину на замке, а днем зверь ехал у меня на плече, рассматривая проплывающие мимо леса и деревни, либо спал за пазухой. Как сейчас.

— ...А я тебе говорю — мы правильно едем! — Мне пришлось натянуть поводья лошади. Отряд остановился, а покрасневший лицом Веллан жарко доказывал Конану, что мы вовсе не сбились с пути. — От Вольфгардского тракта отходят дороги на полночь Бритунии и в сторону киммерийской границы. Мы постоянно ехали прямо, никуда не сворачивая!

— А где Вольфгард? — гнул свое король. — Скоро темнеть начнет! Опять в лесу ночевать? Хальк уже кашлять начал...

— Прервитесь ненадолго, — поднял руку Мораддин. — Я умею различать стороны света. Мы движемся в сторону восхода — полуночного восхода. А нуж-

но забирать ближе к полуночи. Мы встретили два хутора по дороге. Если я правильно помню карту Пограничья, на столичном тракте хуторов должно быть четыре. Боюсь, Веллан, ты перепутал...

— Я? — возмущился оборотень. — Да я здесь десять лет живу, все Пограничье изъездил из конца в конец! Это вы меня запутали!

— Тихо, — вдруг воскликнул Паллантис и оглянулся. В его глазах плеснулась тревога. — Слышите?

Гвардейцы, переговаривавшиеся между собой, замолчали, Веллан осекся, а Конан приподнялся на стременах. Из леса донесся глухой волчий вой.

— Велл, — Конан стрельнул глазами на бритунийца. — Это что?

— Волки, — пожал плечами оборотень. — Месьоры, волков можно не бояться, все-таки я с вами. А любой оборотень, как существо, властвующее над миром зверей, справится даже с самой дикой стаей, не обнажая клыков...

— Государь, движение в лесу! — Один из гвардейцев окликнул Конана и вытянул руку. — Смотри! Правее четырех сосен и чуть дальше большого гранитного валуна.

Я, проследив направление, указанное Черным Драконом, всмотрелся в глубину леса. Точно, там кто-то есть, и не один. Рука сама собой потянулась к рукояти меча.

Отряд, следуя быстрым и четким приказам Паллантида, выстроился. Впереди тысячник, Конан и Веллан, за ними полукругом встали гвардейцы. На правом фланге — я и Мераддин. Я заметил, как граф Эрде проверил, легко ли выходит из ножен слегка изогнутый кхитайский меч с длинной, оплетенной черной кожей, рукоятью и круглой гардой.

В полусотне ярдов от нас на дорогу вышла странная процессия. Двое всадников, окруженные десятком крупных и по виду очень агрессивных волков.

Выехавший вперед человек — немного похожий на Веллана, по виду лет двадцати пяти, среднего роста и более широкоплечий — посмотрел на наш отряд и движением руки остановил своих волков.

— Кто такие? — раздался высокий, но одновременно хрипловатый голос.

— Эртель!! — вдруг заорал Веллан, заставив меня вздрогнуть. — Великие боги, священная Иштар! Недоумок, ты зачем нас пугаешь?

— Велл? — Названный Эртелем парень сощурил глаза. — Явился, значит. А кто с тобой?

— Угадай с трех раз! — прокричал бритуниец. — Не отгадаешь — ставишь пиво в «Короне и посохе»! Подсказать?

Я неожиданно ощутил острый взгляд Конана. Король смотрел на меня и в его синих глазах играло озорство. Я понял, чего он от меня хочет.

Подав лошадь вперед, я выехал перед отрядом и, придав голосу наиболее возможную торжественность, провозгласил:

— Его Величество король Аквилонии Ко...

— Грязный киммерийский бродяга! — с восторгом заорал Эртель и, поддав своему коню шпор, понесся к нам. Благочинная сцена была испорчена напрочь. — Если напялил корону, значит, думаешь, что надо уподобляться моему дидюшке? Дай тебя обнять, горский ублюдок!

— Счас по морде надаю, — столь же радостно ответил король, спрыгивая с лошади навстречу Эртелю. Повернувшись к нам, Конан веселым голосом сообщил:

— Хальк, завидуй! Перед тобой главное трепло Пограничья! Ставлю половину казны Аквилонии на то, что он тебя переговорит в любой беседе!

Эртель налетел на Конана как вихрь, и в конце концов повалил в сугроб, где они долго барахтались. Киммериец наконец вытащил наследника трона По-

границья из снега за шиворот и преувеличенно грозно прорычал:

— А вот за несоблюдение этикета я отзываю свое посольство из Вольфгарда!

— Какое посольство, дикарь? — рассмеялся Эртель. — У нас есть только одна миссия, представленная послом, и та от немедийского короля! Но если ты лично почтишь вниманием наше захудалое королевство, будем очень рады. Слушай, а какого демона вы вообще-то притащились? Эрхард ждал полтысячи гвардейцев или хотя бы обозы с едой...

— Разберемся, — бросил Конан, отряхивая снег с одежды. — Мы, между прочим, заблудились. И все благодаря твоему другу Веллану. Где столица?

— Где ей и полагается, — недоуменно ответил племянник короля. — В полулиге от нас, в долине Круглого Холма.

Волки, сопровождавшие Эртеля и его спутника, пока не произнесшего и единого слова, остановились неподалеку и спокойно смотрели на нас. Некоторые гвардейцы поглядывали в их сторону с настороженностью — шутка ли, одиннадцать настоящих хищных зверей! Лошади, однако, не беспокоились...

Тице безмятежно спал у меня за пазухой.

* * *

Если кто-нибудь однажды скажет мне, что Вольфгард — это столица, я рассмеюсь такому человеку в лицо.

Поселение, в котором находится резиденция короля, главные управы и приказы страны, а также дома самых знатных купцов, не всегда может называться столицей. Последним словом обозначают крупный город с каменными стенами, тысячелетней историей и блистательными дворцами владык — Тарантию, например, или Бельверус, Агранур, золотую Ианту... Но не большую деревню.

Как выяснилось, мы действительно заблудились по дороге. Невыспавшийся Веллан перепутал дорогу от Брийта к Вольфгарду с отвечающим на восход торговым трактом — он вел в сторону Бритунии, а далее к Пайрогии. Неудивительно, что наш отряд до сумерек ехал в обход столицы Пограничья.

...Эртель, сын Теодобада — племянник и единственный наследник нынешнего короля этой далекой земли, — вывел нас к городу прежде, чем опустелись сумерки. И за это короткое время сумел посмеяться над всеми: про Мораддина Эртель заметил, что он сидит на лошади, будто лосиный клещ; про меня сказал, что я похож (это он разглядел вылезшего наружу Тице) на бродячего циркача; Конана Эртель постоянно называл вонючим и патлатым варваром... Впрочем, Веллану досталось больше всех. Мы, однако, не обижались — уж слишком жизнелюбивым и радостным был голос этого парня, и видно было, что он болтает не со зла, но только от резвости характера.

В перерывах между незлобивыми насмешками Эртель рассказывал последние сплетни. Ах, Конан — этот вонючий варвар последний раз менявший портянки пять лет назад! — спрашивает, что я делаю в лесу с целой стаей волков? Очень просто! Недавно появился недоумок, объявивший себя наследником Бешеного Вожака. Он собрал небольшую шайку оборотней, из самого отребья этого народа, да разбойничает по мелочи. Никакой это, разумеется, не Бешеный Вожак, а просто разбойник. Что? Каковы обстоятельства на полуночи, возле гор? Плохо. Если не сказать хуже — паршиво. Подземные чудища так и шастают! Но дальше, чем на лигу от Пика Бушующих Ветров, не отходят. Да, конечно, и облачная стена есть. Через нее ни один человек пройти не может, а оборотень и подавно. Мрут оборотни, если к ней приблизятся.

Много деревень — говорил Эртель — возле полуденных границ разорены и опустели. Это из-за подземного чудовища случилось. В Немедии, говорят, дела еще хуже. Много тысяч подданных Нимеда в невиданных тварей превратились. Мороз по коже дерет, когда вспомнишь...

А волки, что с нами идут — и не волки вовсе, но сородичи. Ведь вы, благородные месьюры гвардейцы, и ты, дикарь из Киммерии, знаете, что Пограничье славно племенем Карающей Длани? Да? Очень рад. Так вот, все эти ребята — и Эртель на волков рукой показывает — старшие сыновья родов Карающей Длани, что в Вольфгарде живут. Охотиться на сумасшедших оборотней король только их единокровцев посылает, знает, что люди не справятся. Люди либо в армейских сотнях служат, либо охрану на границах держат. А в общем, не будь беды на полуночи, в Пограничье тишь да благодать парили бы. Оборотни с людьми дружно живут, даже дочерей своих замуж за человеческих сынов отдают. Только теперь с гномами беда... Набежало к нам подгорных карликов больше сотни сотен. Подземелья некоторых гномов разрушены, другие сами от греха подальше ушли. Семь родов вынужден приветать король Эрхард! Семь! А в каждом роду-клане — больше тысячи родовичей. Женщин у них мало, не более трети. Остальные — либо старики, либо гномья молодежь, век бы их не видать!

Гномы — работники хорошие. Если за дело берутся — никогда его не оставят. Работа для гнома — дело священное, так им прародитель заповедовал. Вот и сказал король Эрхард гномьему государю Дьюрину: «Пускай твои подданные леса рубят, благо в достатке деревья в Пограничье, да жилища себе строят. Все бесплатно, как по мирному договору о помощи друг другу уговаривались».

И начали гномы строить. Перво-наперво помогли королю Пограничья крепость обновить да переделать.

Добрая крепость получилась — гномы камень класть умеют, к труду жадны и, в отличие от людей, добротню все делают. Потом своим семьям в окрестностях Вольфгарда начали дома возводить. Высокие, бревенчатые, теплые. Эрхард поспешил с государем Дьюрином договор подписать — мол, если гномы уйдут обратно под землю (когда напасть сгинет), пускай дома людям останутся.

Гномы дружину свою — хирд — в подчинение людскому королю передали. Теперь военной опасности для Пограничья нет. Даже если в Гиперборее, Бритунии или Немедии захотят покуситься на наши земли — вот им будет!

Эртель неприличный жест показал.

Гномы в драке сильны. Никто их никогда победить не мог. А почему они на поверхность не лезли да земли людей не завоевывали, то государь Дьюрин Эрхарду объяснил: «Гномы под землей жить привыкли. Созданы они для подгорного мира. Мы золото добываем да камешки всякие, а вы, люди, за них едой расплачиваетесь. Не нужен нам мир внешний, и любезнее родных подземелий нет ничего».

Во дураки, правда?

Мораддин после этих слов помрачнел. Не нравятся графу Эрде, когда его сородичей дураками называют. Пускай Мораддин и служит людскому королю Нимеду, да кровь гномья, от клана Фарина Секиры, себя знать дает.

— А как тебя зовут? — Эртель на меня смотрел. — Хальком? А, да ты еще и барон?! Благородный... Что, летописцем у варвара трудишься? Неужто дела лучше не нашлось? А платят хорошо? Плохо? Узнаю киммерийца. Всегда жадный был... Слушай, у нас в Вольфгарде сейчас живет аквилонец. Как его?.. Имя такое дурацкое, сложное... Вспомнил! Евсевий Говорит, будто карты разных земель для аквилонского короля составляет.

— Евсевий? — изумился Конан. — Добрые боги, он же у меня выпросил разрешение поездить по разным странам, и подорожную, и письма к аквилонским посланникам!.. Вот он где!

Я тоже знал Евсевия. Отпрыск благороднейшего рода Аквилонии, человек многоученый и воспитанный, занимал при дворе Конана (а раньше Нумедидеса), должность хранителя анналов права и составителя карт. Как библиотекарь, я нередко с ним встречался. Вот не думал, что повидаясь с Евсевием в таком захолустье!

А Эртель продолжал изливать на нас поток рассказов о жизни Пограничья.

— Конан, помнишь Тотланта из Стигии? Того самого, который тебе едва голову не отрезал?

— Помню, — кивнул король. — Даже лучше, чем хотелось бы. Тотлант мне письмо недавно пересылал, на котором ты сам подписывался. И кто тебя писать выучил?

— Дядюшка, — хохотнул Эртель. — Говорит, будто человеку, не умеющему читать и писать, нечего на троне делать. А я ему говорю: Конан ведь стал королем!

— Неправда, — возмутился я, почесывая за ухом Тицо, вцепившегося мне коготками в тигеляй. — Его Величество отлично пишет на аквилонском, а еще читает на немедийском и туранском!

— Какая разница! — отмахнулся Эртель. Наследник трона, больше похожий на развеселого молодого наемника, покачивался в седле и изредка бросал взгляд на самого крупного волка из сопровождавшей нас стаи. Словно говорил: «Скоро придем, не тревожься. А эти люди нам ничего плохого не сделают».

— Так вот, — продолжил он. — Тотлант четыре седмицы назад, после приезда из Немедии, ушел со знакомым гномом... Конан, ты его помнишь, это Фрам, помогавший справиться с Бешеным Вожаком! Они

ушли по гномьим ходам, смогли многое разведать и вернулись живыми-невредимыми. За это Эрхард Тотланту пожаловал звание придворного волшебника и члена королевского Совета. Здорово, правда? Теперь мы настоящее королевство — у нас даже свой маг есть. Стигиец, правда, но зато стигиец добрый, а не сволочь какая-нибудь вроде Тот-Амона.

— Настоящее королевство, — передразнил я Эртеля. — У нас в Аквилонии, между прочим, колдунов при дворе не водится. Присутствие настоящего волшебника не говорит о величии государства.

— Какая разница! — повторил королевский племянник и обернулся к киммерийцу: — Конан, Тотлант очень хотел тебя видеть. Думаю, он обрадуется тому, что ты приехал. И Эрхард, конечно, тоже. И Эмерт из Боссонии...

— Ну и компания, — вздохнул король. — Все собрались под теплым крылышком Эрхарда! Честное слово, возвращаются прежние времена... Учтите, больше я с вами за сбрендившими оборотнями охотиться не пойду! Хватит, в прошлый раз набегались!

— А тебя никто и не просит. — Произнеся эти слова, Эртель взгляделся в сгущающуюся тьму и вытянул руку. Лес поредел, перед нами предстала широкая долина, в центре которой поднимался крутобокий круглый холм с высоким замком без донжона. Замок окружали деревянные дома, обнесенные толстой примитивной стеной, собранной из земляного вала и длинных бревен. Тоже мне, столица...

* * *

Стража главных ворот, состоявшая из людей и небольшого отряда хирда гномов — последние были до глаз закованы в сталь, и я удивлялся, как они могут таскать на себе эдакую тяжесть, — пропустила нас беспрепятственно. Эртеля и Веллана узнали, а наследник трона распорядился не досматривать у гостей из

Аквилонии подорожные. Положенный сбор за въезд в город тоже, разумеется, не взяли. Хорошо быть другом друга королевского племянника!

— Как все запущено... — вздыхал Мораддин, оглядываясь. Каменных зданий было совсем мало, по краям широких проездов стояли деревянные избы, кое-где на натянутых веревках сушилось белье, по заледеневшему снегу ходили, изредка поджимая красные лапы, раскормленные гуси, а двое пьяных гномов, шедших в обнимку, голосили заунывную песню на своем языке.

— А кому сейчас легко? — отозвался Эртель. — Впрочем, тебе, почтенный граф, надо было приехать сюда года четыре назад. Тогда на улицах лопухи росли. — Племянник Эрхарда, выпустив поводья, развел руками, показывая величину лопухов. — Во-от такие! А теперь все благочинно. Дома отстроили, деревянные мостовые наложили...

— Мостовые! — Я скорчил рожу. — Деревянные! Столица!..

— Столица, — серьезно подтвердил Эртель. — Почти тысяча дворов. Считая с гномами, жителей около восьми тысяч. Для Пограничья это очень много. Люди хорошо живут, в тепле, а некоторые даже в достатке. И пиво у нас хорошее...

Я не говорю, что много путешествовал. Так, поехал по Аквилонии, заглядывал в Пуантен и на полуночные области Зингары. Но в нашей стране поселения наподобие Вольфгарда обычно именовались селами или, на худой конец, поместьями. Захолустные дворяне обычно разрешали простолюдинам строиться вокруг замка.

Вольфгард удивлял человека, привыкшего к мраморным дворцам Тарантии или чистеньким, выложенным аккуратно обтесанными камешками, мостовым небольших аквилонских городков. Здесь — сплошь дерево, грубоватые дома и гавкающие из-за углов со-

баки. Хорошо, если бы породистые, а то шавки какие-то! И оборотни шастают. Дикари...

Эртель отпустил своего помощника-человека, махнул рукой волкам, на которых никто из жителей Вольфгарда никакого внимания не обращал (Светлый Митра, что бы сказали тарантийцы, увидев на улицах своей столицы стаю матерых хищников! Да голова начальника стражи мигом слетела бы с плеч!), и, увидев, что оборотни начали по одному расходиться по домам, повернулся к Конану.

— Едем во дворец. — Он указал рукой в сторону громоздкой каменной коробки, стоявшей на холме. Слово «дворец» Эртель произнес с непонятной мне горделивостью. — Эрхард обрадуется!

Я, Мораддин и Паллантид ехали вслед за увлеченно болтавшими о том о сем киммерийцем, Велланом и Эртедем. Они про нас забыли. Зато мы втроем, как люди, привыкшие к настоящему столичному блеску, старательно перемывали косточки теперешнему королю Пограничья и высказывали свое мнение обо всем, что попадалось на глаза. Мораддин был сдержан в суждениях, зато Паллантид, как человек военный, был прямолинеен. Во-первых, он, моментально оценив обстановку на улицах, заявил, что здешняя стража не стоит и медяка. Посмотрите, месьоры, три патруля одновременно встретились на одном углу. Что делают местные стражники? Не-ет, вместо того чтобы доложить старшему по кварталу об обстановке и разойтись дальше, они встали у стены какого-то сарая и передают по кругу баклагу! Наверняка с вином! Во-вторых, на подходах к замку обязательно должны стоять заставы. Где они? Нет застав! В-третьих, этот хлев (Паллантид понизил голос, чтобы не обидеть Эртедя) может называться замком только у киммер... Простите, у варваров.

Мы с Мораджином старательно кивали. Граф Эрде, умудренный в делах обеспечения безопасности коро-

нованных особ, немедленно вступил в спор с Паллантидом: где, мол, лучше устроить постоянные заставы и сколько патрулей должно находиться вблизи от дворца?

— Приехали! — возгласил Эртель, когда наши лошади поднялись к воротам небольшой каменной крепости, выраставшей из вершины пологого холма.

Впрочем, какая это крепость, видимость одна! Больше смахивает на флигель тарантийского замка, используемый под склад. Здание квадратное, без главной башни. Одна стена протягивается шагов на сто, не больше. Стены невысокие, всего-то локтей десять. Только за одно похвалить можно — кладка добротная, недавно подновленная. Большие гранитные глыбы, скрепленные яичным раствором.

И, конечно, никакого этикета...

— Эй, — воззвал Эртель, когда наши кони остановились возле крепких, обшитых металлом ворот. — Гаут! Открывай! И побыстрее, к нам аквилонский король приехал!

Из бойницы над воротами донеслось:

— Эрт, это тебя принесло? Сейчас спущусь. Государь Эрхард еще два колокола назад спрашивал, вернулся ты или нет?

Тице перебрался с моего левого плеча на правое и зевнул. Не понимаю, как это существо может спать почти целыми днями?

Эртель оттеснил назад Конана и Веллана, прыгнул на землю с седла и тотчас одна створка ворот начала приоткрываться. Скрип стоял жуткий. Наверняка петли не смазывали со времен святого Эпимитриуса.

Десятник стражи по имени Гаут осмотрел наш небольшой отряд слегка пьяными, покрасневшими глазами, а потом воззрился на Эртеля и недоуменно спросил:

— А кто здесь аквилонский король?

— Я, — ответил Конан. — Давай-ка мы сначала въедем внутрь. Без лишних разговоров, хорошо?

— Эртель, опять твои шуточки, — вздохнул десятник. — Какой это, в задницу, король? Это же Конан из Киммерии! Привет, Конан... Давно не виделись. Я твою рожу надолго запомнил. Ладно, проезжайте. Только чего вас так много?

— Я за всех ручаюсь, — поморщился Веллан. — Все свои. В конюшню свободные ясли есть?

— Полно. — Гаут махнул рукой. — Вчера королевских лошадей забрали для обоза. К немедийской границе. Нимед зерно продал, вот и нужно доставить.

Я тягостно вздохнул. Что же это за королевство такое, где собственных лошадей государя забирают для того, чтобы потом впрячь в сани, нагруженные мешками с зерном?

Мною ожидалось самое худшее — разваленная холодная конюшня, отсутствие конюхов и овса для лошадей, распрягать скакунов и снимать седла придется нам самим... Ошибся. Все было как раз наоборот. Гвардейцы лишь сняли дорожные сумы, а дальнейшим обустройством столь драгоценных в Пограничье ездовых животных занялись королевских конюхи. Правда, их было всего четверо (замечу, что в тарантийском замке конюхов почти пять десятков), но работали они споро.

— Где гвардейский караул у входа? — разорвался Паллантид, подходя к дверям жилых помещений замка. — Граф Эрде, ты смог бы поручиться за безопасность своего короля в такой обстановке?

— Пожалуй, нет, — подумав, ответил Мораддин. — Уточняю — за своего. А вот Эрхард наверняка чувствует себя вполне привычно.

— Прекращайте такие разговоры, — прошипел Конан, обернувшись. — Почему вам все не нравится? Хальк, я, кажется, тебя уже просил — посади своего зверя в корзинку! Ходишь, будто бродячий актер! Уч-

тите, Эрхард — мой старый друг, и если вы его обидите — обижусь я. Поняли?

— Как не понять, — ядовито заметил я. — Двое варваров всегда смогут найти общий язык...

— Именно, — серьезно подтвердил король. — Поэтому лучше молчите. Говорить буду я.

Мораддин, стоявший по правую руку от Конана, грустно вздохнул и произнес неслышно:

— Знаю я, чем кончаются твои разговоры. Плохо они кончаются...

Эртель распахнул двери, и мы вошли в полутемный коридор первого этажа замка короля Пограничья. Полторы седмицы пути позади. Теперь можно отдохнуть. Хоть немножко.

* * *

Как я захотел домой! Силу моего желания невозможно выразить ни словами прозы, ни куртуазными висами. Да и прочие аквилонцы, исключая Конана, тоже чувствовали себя во «дворце» Эрхарда не слишком уютно. Холодно, сквозняки, в коридорах копят факела. Пахнет кухней. Стены каменные, на ощупь ледяные.

Однако подобные замки я встречал и в Аквилонии — пускай в коридорах холод пробирает до костей, но жилые комнаты изрядно натоплены и в них не то чтобы тепло, а даже жарко.

Одна беда — очаг должен гореть постоянно, иначе обитатели поместья рискуют замерзнуть в собственных постелях.

— В тронный зал — направо, — невозмутимо сообщил Эртель и свернул в широкий коридор со стрельчатым потолком.

— Да-а... — прошептал Паллантин, подтолкнув меня локтем. Мы стояли у входа в помещение, только что поименованное племянником короля «тронным залом». — Впечатляет...

Зал был размером шагов тридцать на сорок. Неизменная солома на полу, куполообразный потолок, лавки вдоль стен. Трон стоял на каменной плите и представлял собой деревянное кресло с облесшей позолотой. Над троном красовался герб, размалеванный яркими дешевыми красками — щит разделен горизонтально на две части, в верхней половине на красном поле была изображена золотая королевская корона; в нижней, закрашенной белым, — зеленели три дубовых листа, которые держала в зубах волчья голова.

У меня едва не пробились слезы умиления: около трона на соломе спали шестеро породистых охотничьих собак (явно привезенных Эрхарду в подарок чужеземцами). Рядом с ними бродили несколько кур, возглавляемых ярким оранжево-красным петухом, а на широких подоконниках выходящих во двор окон устроились трое серых гусей. Почему-то меня больше всего оскорбило то, что собаки, призванные охранять покой хозяина, при виде нашей оравы даже глаз не раскрыли, а гуси, наоборот, разгоготались, вытягивая длинные шеи.

— Деревня, — шепнул под нос тысячник, но тут же осекся, перехватив грозный взгляд Конана.

— Кого принесло? — услышали мы твердый мужской голос.

Было непонятно, откуда он донесся. Наконец я увидел, что возле громадного, жарко пылавшего камина сидели двое людей. Прямо на полу. На подушках. Поднос, находившийся рядом с ними, был уставлен оплетенными лозой бутылками и глиняными мисками. Стало ясно — можно ехать домой. Почему? Самое невероятное мы уже увидели.

— Эртель, ты кого с собой привел? — Подтянутый пожилой месьор не очень высокого роста, облаченный в простой коричневый костюм охотника, встал и пошел к нам. Его сотрапезник, оправив черную долго-

полую хламиду, просто остался на месте, лишь повернувшись к нам лицом.

— Эрхард? — сощурился Конан и, с трудом придав голосу серьезность, изрек: — Приветствую тебя, царственный брат мой...

— Явился! — хмыкнул седоволосый. — А гонца приехать не мог, что приезжаешь?

— Ты знаешь, дядюшка, — медоточивым голосом начал Эртель, — варвар нас спасать приехал...

— Заткнись, — оборвал племянника король Пограничья. А это был именно он.

— Ну, во-первых, — прогудел Конан, — здравствуй. Рад тебя видеть. Во-вторых, ты, кажется, посылал за мной?

— Здравствуй, здравствуй, — спокойно кивнул Эрхард. — Устали, наверное, с дороги? Эй, Тотлант, приготовь всем вина!

— Я вам что, виночерпий? — возмутился человек в черной одежде, вскочил с подушек и быстро зашагал к нам. — Привет, варвар. О, граф Мораддин! Все-таки мы снова увиделись. А где наш оборотень?

— Который? — буркнул Веллан. — Я, что ли?

— Именно ты. — Смуглый стигиец улыбнулся, показав ослепительно белые зубы. — А позвольте узнать, кем являются остальные гости?

— Здравствуй, Тотлант, — кивнул Конан. — Лет пять, кажется, не виделись?

— Меньше, — ответил стигиец, стараясь не замечать любопытных взглядов гвардейцев. Я, впрочем, тоже рассматривал придворного волшебника Эрхарда не без интереса. Если этот колдун сумел добиться расположения Конана — значит, в Стигии еще рождаются приличные люди... Тотлант продолжал говорить, глядя на нашего короля: — Рад, что ты получил мое письмо. Понимаешь ли, я начинаю всерьез бояться...

— Чего? — спросил Конан.

— Будущего, — уклончиво сказал Тотлант. — Кстати, Эрхард просил сделать вам вина? Подождите немного.

Тотлант зажмурился, быстро пробормотал под нос несколько фраз с обилием свистящих звуков и вытянул вперед руки. На миг сгустилось облачко тумана, и вот уже стигиец держит раздувшийся темный бурдюк. Гвардейцы изумленно зашептались.

— Так спиться можно, — хихикнул Эртель. — Бесплатное вино каждый день, да еще не какое-нибудь, но розовое асгалунское. Не понимаю, как это у тебя получается?

— Ума нет, вот и не понимаешь, — беззлобно огрызнулся стигиец. — Креационное заклинание требует много сил, а еще больше мозгов.

— Мозгов? — расплылся в улыбку племянник короля. — Ты делаешь вино из чьих-то мозгов?

— Отстань, — поморщился Тотлант, умело развязывая горловину бурдюка. — А еще лучше — принеси кружки и поставь на стол. Здесь тебе не Бельверус, слуг нет.

В самом углу тронного зала громоздилось величественное сооружение из грубых досок, которое столом можно было назвать лишь с большой натяжкой. Однако мы все сумели разместиться вокруг этого чудовища, порожденного болезненной фантазией местного плотника и разобрав чарки принесенные Эртеlem и Велланом. Отчасти этикет был соблюден — Эрхард посадил рядом с собой Конана, по левую руку — Тотланта, а остальным сказал рассаживаться, как душе угодно. Слуги все-таки нашлись — пока мы пили созданное Тотлантом буквально из воздуха отличное шемское вино, на столе появились блюда с холодным мясом, хлебом и предкой для этого времени года в Пограничье зеленью. Посуда, конечно, была самая простецкая — глиняная или медная. Только Конану и Эрхарду подали серебряные кубки и тарелки.

По местной традиции, после первого кубка все ставились — по кругу. Эрхард с серьезным выражением на лице выслушивал сложные имена и гордые титулы наших гвардейцев, милостиво перебрисился парой слов с Мораддином, а затем очередь дошла до меня. Я поднялся с жесткой скамьи и слегка поклонился королю Пограничья.

— Хальк, сын Зенса, барон Юсдаль-младший.

Конан усмехнулся и проворчал:

— Он же хранитель библиотеки, летописец и полное подобие Эртеля. Заговорит кого хочешь.

— Очень рад, месьор барон, — учтиво сказал Эрхард. — Надеюсь, тебе понравится наша страна. А позволь узнать, что это за странный зверек?

Тицо сидел на задних лапках у края стола и недоумевающе пялился на короля Пограничья своими бесно-голубыми глазками.

— Это... — Я запнулся, придумывая, как бы объяснить Эрхарду происхождение маленького существа. — Это мое домашнее животное. Вернее, Тицо не совсем животное. Он разумен, как мы, только его развитие остановилось на возрасте десятилетнего ребенка человека. Так мне кажется...

— Интересно, — хмыкнул старый король. — Ладно, месьоры. Теперь мы знаем друг друга по имени. Надеюсь, мне самому представляться не нужно? А с Тотлантом и Эртедем вы уже знакомы. Я счастлив разделить с вами стол.

Обед — достаточно вкусный и обильный — прошел в неловком молчании. Почти все, кроме хозяев замка, и, конечно, Конана, чувствовали себя неловко. С каких это пор обычную гвардейскую стражу допускают за королевский стол? Однако Эрхард счел себя обязанным накормить нас всех, и лишь когда яств на столе заметно поубавилось, поздравил Эртеля:

— Вот что, племянничек. Во дворце мы всех разместить не сможем, поэтому проводи месьоров гвар-

дейцев в «Корону и посох». Хозяину скажи — постой оплатит король. И пускай отнесется к гостям с почтением. — Эрхард повернулся к Паллантиду и спросил: — Думаю, тысячник не будет возражать против неплохого постоянного двора за королевский счет?

— Если не будет возражать мой месьор, — Паллантид покосился на киммерийца, — то я лишь подчинюсь.

— Отправляйтесь, — махнул рукой Конан. — Мне здесь ничего не угрожает.

После того как Черные Драконы ушли, а со двора донеслись их радостные голоса (фактически, гвардейцы получили полный вечер, свободный от службы), Эрхард распорядился убрать со стола, принести кресла для гостей и бочонок ягодного вина, очень любимого в Пограничном королевстве.

Мы разместились возле жаркого камина, Тотлант по стигийской привычке устроился прямо на полу, на подушках, а Конан, отведав пахнущий ежевикой и малиной напиток, потянулся и сказал:

— Эрхард, может, отложим неприятные разговоры до завтрашнего утра? Не хочется сейчас выслушивать истории о ваших неприятностях. Думаю, подземные твари за ночь не сбегут?

— Это верно, — подтвердил король. — О, Эртель вернулся! Эй, давай к нам!

Эртель пришел не один. Королевского племянника сопровождали двое личностей, одна из которых была мне насквозь знакома — высокоученый хранитель анналов карт Аквилонского королевства, благороднейший месьор Евсевий собственной персоной. Конан аж скривился, увидев этого высокого черноволосого месьора, — киммериец предвидел, что сейчас произойдет. И точно...

— Привет тебе, о достопреславный владыка земель закатных и полуночных! — Евсевий куртуазно раскланялся, шаркнув правой ногой по устланному гряз-

ной соломой полу. — Сколь велика радость моя при лицезрении славного государя, почтившего своим вниманием сей отдаленный предел, в коем я пребываю вот уже в продолжении...

— Евсевий, остановись! — простонал Конан. — Поверь, я тоже очень рад тебя видеть. Однако если ты начнешь разговаривать не по-людски, мое величество разгневется.

— Умолкаю по твоему лишь повелению, о царственный. — Аквилонец изящно поклонился и, подвинув скамью поближе к нам, попросил разрешения сесть. Конан только рукой махнул.

С Евсеем я познакомился еще во времена учебы в Тарантийской Обители Мудрости. Этот дворянин, всецело отдавший себя науке с умным названием «география», преподавал нам основы составления карт и науку о минералах.

Затем, после смерти Нумедидеса, он занял должность при дворе короля Конана. Я слышал, что Евсевий не так давно участвовал в одной из самых таинственных авантур киммерийца, связанной с поездкой в провинцию Темра. Что они там делали — я так и не выяснил.

В последнее время Евсевий странствовал по королевствам Полуночи и Восхода, в Пограничье жил уже две полные луны, пользуясь благосклонностью Эрхарда, а заодно обучая наследника (как я уже понял, редкостного оболтуса) различным наукам.

Следом за Евсеем и Эртелем шел человек среднего роста, в небогатой дворянской одежде. На вид ему было лет сорок, полноватый, но ничуть не толстый, сутулый, с почти незаметными залысинами и пристальным взглядом вечно сощуренных близорукых глаз. Человек выглядел очень спокойным, но одновременно настороженным.

— О, почтенный Стефан! — Эрхард вскочил с кресла, буквально подбежал к этому незаметному челове-

ку и усадил его на свое место. — Месьоры, Конан, вы разве не знакомы?

— Нет, — покачал головой наш король. — А что, должны быть?

— Возможно, — тихо сказал незнакомец, — обо мне ходит множество разных слухов...

— Стефан Король Историй, из Замковой Скалы! — торжественно провозгласил Эрхард. — Лучший рассказчик и сочинитель стран Заката!

— Ну, скажем так, не лучший, — скромно заметил Стефан, опуская глаза. — Таковым я считаю великого сказочника Петрониуса Тарантийского...

Зал погрузился в тишину. Конан удивленно поднял брови, Мораддин открыл рот, я привстал, а Тицо, неслышно зевнув, заснул.

— Очень рад вас видеть — не повышая голоса, сказал Стефан. — Если хотите, я вам что-нибудь расскажу нынешним вечером...

* * *

Сколько раз я давал себе клятву, что больше не стану пить с Конаном и его приятелями-варварами?

Не упомню уже... Одного понять не могу — почему каждый раз я нарушаю данное самому себе обещание?

Изявно покачиваясь, держась одной рукой за холодные каменные стены коридора, а другой сжимая загривок вцепившегося мне в грудь Тицо, я добрался до отведенной мне комнаты неподалеку от тронного зала.

Дверь вначале долго не открывалась. Я ее толкал рукой, плечом, несколько раз ударил ногой, едва при этом не упав.

Спасибо пожилому стражнику, проходившему мимо: видя мои мучения, он просто потянул дверное кольцо на себя. Естественно, что дверь незамедлительно открылась.

Покои нам предоставили неплохие. Квадратные комнаты, стены которых покрывала деревянная обшивка, с огромной кроватью и не менее громадным камином. Обязательная поленница из сухих березовых дров — если ночью станет холодно, поленья всегда можно подбросить в очаг. Стол с медным тазиком для умывания, кувшином неперменного ягодного вина и блюдом с какой-никакой едой. Мои вещи уже перенесли в спальню, но разбирать их прямо сейчас не было никакого желания. Скорее спать... Позади долгий путь от Тарантии до Вольфгарда, вечерняя пьянка с Эрхардом, Конаном и остальными, а завтра предстоит выяснить, что же происходит в Граскаальских горах и насколько велика угроза нового появления зеленого огня...

Конан, памятуя о неприятных событиях последних дней, связанных с убийством гвардейцев, приказал обязательно запирать комнаты на засов, но я пропустил слова варвара мимо ушей. Сейчас было не до того. Главное — дойти до постели, при этом не упав и не своротив стол.

Глянув на кувшин с ягодным вином, я с унылой миной отвернулся. Очень уж оно обманчиво: на вкус приятно, чуть сладковато, пахнет лесом и, если так можно выразиться, солнечным светом, но... Трех кружек хватает, чтобы довести человека до скотского состояния.

Потрясающе! На теплом покрывале, покрывавшем кровать, обнаружили нижние штаны и рубаха, причем чистые и, скорее всего, совершенно новые. Посадив Тицо в корзинку и защелкнув замочек на крышке, я сбросил одежду, передел белье и нырнул под покрывало. Лняные простыни были ужасно холодными.

Комната освещалась пляшущим оранжевым светом камина и четырьмя тусклыми масляными лампами. Уснуть я вначале не смог — мешали шум в

голове и мое слишком развитое воображение. Молодец Стефан, отличную сказку рассказал, кажется, всех пробрало, даже Конана!

...Стефан, по прозвищу «Король Историй», родом происходивший из поместья Замковая Скала, был дворянином, однако вместо того, чтобы поддерживать славу своего рода воинской доблестью, он, по мнению отца, начал маяться дурью. А именно: его с детства увлекали различные жуткие сказки и истории. Затем, научившись писать, Стефан начал собирать легенды для своей библиотеки, а после совершеннолетия он ушел из дома, начав зарабатывать на жизнь рассказами о чудовищах в тавернах и богатых домах.

Слава пришла к нему лет в двадцать пять. Случайно Стефан оказался в Бельверусе, где был принят младшим сыном короля, Ольтенем. Принц был еще юн и заслушивался страшными и необычными рассказами о демонах, вселившихся в самые привычные вещи, о вампирах или сумасшедших. Ольтен представил сказочника отцу, и на одном из дворцовых вечеров Стефан постарался — от заката до полуночи он рассказывал королю и придворным невероятную историю о необычной лавке, хозяин которой мог продать желающему любую вещь за полцены. А за вторую половину стоимости он предлагал человеку невинно пошутить над одним из знакомых...

В тот вечер Нимед, слушавший Стефана, затаив дыхание, сказал:

— Я — король Немедии, а ты — Король Историй...

С тех пор и начали Стефана называть королем страшных сказок и невероятных повествований.

Сегодня вечером Стефан, загордившись тем, что его будут слушать сразу два короля, наследник трона, немедийский граф и аквилонский барон, рассказал длинную и, разумеется, очень мрачную историю, сочиненную им самим.

Я много раз читал списки с его сочинений, да и Морадин у себя в Бельверусе тоже, но читать и слушать — это две совершенно разные вещи. Стефан говорил и за себя самого, и за героев своей повести, искренне переживал за них, вмиг превращаясь из толстого зингарского судьи в аргосского старика-колдуна, содержавшего бродячий театр... Суть сказки была вот в чем: толстяк-судья невольно послужил причиной гибели прекрасной дочери старика и не понес никакого наказания. Колдун наложил на судью проклятие, и тот вскорости превратился из дородного, разжиревшего человека в живой скелет. Долго рассказывать, что было дальше. Только известно, что несправедливый судья и его приятель-контрабандист были наказаны, а старик ушел дальше странствовать...

Конан во время рассказа переживал как ребенок. Больше всего король жалел контрабандиста, искренне желавшего помочь своему приятелю-судье и в конце концов погибшего от рук родственников колдуна.

Вполне естественно, что пока Стефан Король Истории говорил, мы приглядывались к кружкам с ягодным вином и, когда рассказчик умолк, изрядно захмелели. Конан подарил Стефану собственный кинжал, украшенный королевским вензелем — «Конан Канак» — а потом начал доказывать, будто слышал эту историю и даже был знаком с помянутым судьей. Разумеется, при неприятных для самого себя обстоятельствах... А Стефан поверил. Или сделал вид, что поверил.

Постепенно я начал засыпать и на зыбкой грани между сном и явью перед моим мысленным взором проносились все герои этой истории — старый, с изъеденным редкой болезнью носом, колдун; красавец контрабандист с острой зингарийской бородкой и толстяк судья... Наверное, потом я заснул. Какие были сны — не помню.

...Я ощутил резкую боль у наружного края правой глазницы. Далее что-то холодное и очень острое соскользнуло по виску к уху. В чем дело?!

Действовал инстинкт — я взмахнул рукой, моментально перевернулся набок и со всей возможной быстротой отполз к левому краю постели. Там, на полу, лежал мой меч. И, конечно же, я закричал.

Как вы думаете, сколь сильно может испугаться человек, полный вечер слушавший страшную историю про таинственных убийц и колдунов, изрядно напившийся, и просыпающийся от прикосновения острого ножа? Я тогда был уверен, что умру со страху. Через затуманенное сном сознание проскочила мысль о неведомом убийце, покусившемся вначале на Энунда, а позже убившего двух гвардейцев из десятка Паллантида... О боги, их всех поразили ударом кинжала в глаз!

— Про-очь! — заорал я. — Убью!

Рука сама нацупала рукоять меча и я, ощущая, как по правой щеке течет кровь, начал рубить клинком воздух. Я ничего не слышал — может быть, убийца успел выскочить, тем более что пол устилал потерянный, но толстый туранский ковер. А может быть, я просто боялся даже повстречаться с существом, названным нашим бритунийцем-оборотнем «чужим».

— Быстрее все ко мне! — продолжал надрываться я, размахивая мечом перед собой. В комнате было темно — камин прогорел и теперь в очаге лежала лишь кучка тусклых угольков, а в масляных лампах погасли фитили. — Конан, Веллан, сюда!

Дверь распахнулась. Это наш король ударил по ней ногой, влетел в комнату, сжимая в руке клинок и остановился возле камина в боевой стойке — ноги полусогнуты, меч держится на вытянутых руках перед собой. Вслед за Конаном в покой ворвались Веллан, Морадин и Эртель. Они несли смоляные чадающие факелы.

Конан осмотрелся и внезапно опустил меч.

— Чего орешь? — жестко спросил он. — Весь замок перебудил. Нет никого... Вот демоны Серых Равнин, Хальк, почему на тебе кровь?

— Никто ничего не говорит — Мораддин передал факел Веллану и быстрым шагом подошел ко мне. — Месьор Хальк, повернись лицом к свету. Отлично! Та-ак, могу сказать одно — тебе повезло. А во-вторых, убийца во дворце.

— Какой убийца? — вскипел Конан. — Мораддин, ты о чем?

У меня сильно болел висок, и я чувствовал, что из раны, протянувшейся от края глазницы до уха, продолжает течь кровь. Граф Эрде вытащил из рукава рубахи льняной платок, сложил его и отдал мне — приложить к ране.

— Что ты запомнил? — коротко спросил меня Мораддин. — Рассказывай!

Я честно ответил, что ничего не помню. Пришел, лег спать, потом проснулся от удара ножом в голову (Мораддин, оглядев пол возле кровати, нашел мой же кинжал), начал звать на помощь...

— Повезло — Веллан, Эртель и Конан подошли ко мне, а король осмотрел рану. — Если тебя били в глаз, как и остальных, то... Мораддин, глянь. Острие ударило по косточке с края глазницы, но соскользнуло наружу. Хвала Митре и Крому, только распороло кожу...

— Чуть выше проходит жила, — проворчал Мораддин. — Если бы ее задела, крови было бы во сто крат больше. Хальк, тебе лекарь не нужен?

— Какой, к демонам, лекарь? — взвыл я. — Нас тут всех перебьют! Вы понимаете, что если раньше подозрение могло упасть на меня или на Веллана, то теперь я могу подозревать каждого из вас!

— Следовательно, — заметил бритунец, — кто-то очень хочет нас посорить. Хальк, вспомни еще раз,

может быть, ты видел хотя бы тень человека, чувствовал его дыхание, слышал шаги? Хоть что-нибудь!

— Ни-че-го! — по слогам произнес я. — Понятия не имею, что это было. Призрак! Бестелесный демон! Домой хочу, надоело!

— Заткнись, — буркнул король. — Ты почему дверь не закрыл? Я, кажется, всех просил закрываться на ночь. Такой засов выдвинуть снаружи невозможно.

— Забыл, — признался я и смущенно опустил голову. — По пьяни...

— Так! — Мораддин выступил вперед. — Все происходящее мне решительно не нравится. С позволения короля Конана, — граф хитро посмотрел на киммерийца, — ведь ты позволишь? — мы будем спать в одной комнате. Перетащим туда кровати. Или можно просто спать на полу. Утром надо отослать Веллана на постоянный двор, проверить, все ли хорошо у Паллантида и его людей. Если там ничего не случилось, значит, убийцей является кто-то из присутствующих.

— Ты головой повредился, — соболезнующе заметил Конан. — Ну скажи, зачем мне, тебе или Веллану убивать Халька? Бред.

— А я вообще ни при чем, — подал голос Эртель, посейчас молчавший. — Насколько я понял, убийства начались еще в Тарантии?

— Начались, начались — Конан огорченно вздохнул. — Я вот о чем думаю... Может, кого-то из нас околдовали? Человек по приказу какого-нибудь волшебника ночью убивает, не сохраняя воспоминаний об этом наутро. Или рядом с нами находится бестелесная тварь, получающая воплощение только ночью. Такое бывает, видел не раз... — Конан поднялся с края моей кровати и решительно приказал: — Хальк, Мораддин, Веллан, перетаскивайте свои вещи в мою комнату. Эртель, будь добр, прикажи страже постоянно находиться в этом коридоре. Скажи, что ко-

роль Аквилонии заплатит тысячу золотых, если стражники обнаружат поблизости либо незнакомого человека, либо увидят существо, не принадлежащее к нашему миру и опишут его. Возьмешь потом у меня золото, чтобы вознаградить стражу за лишнее бдение.

— Хорошо, — кивнул племянник короля Пограничья. — Конан, пойми, мне самому неприятно. Все-таки вы гости... А тут покушение на убийство. Я сделаю все, чтобы вы были в безопасности по крайней мере до рассвета.

Мы все сделали по приказу Конана. Я, Мораддин и Веллан покинули свои комнаты, собрались в покое, отведенном киммерийцу, и, заперев дверь на засов, на всякий случай подперли ее толстыми поленьями. Вещи переносили вместе. Тицо спал в корзине, не обращая внимания на царившую вокруг суматоху, и я поставил его маленький домик неподалеку от камина, чтобы зверьку было тепло.

Выпив по стаканчику ежевичного вина, мы заснули. Конан и Веллан расположились на кроватях, а мы с Морадином устроились на полу, завернувшись в теплые клетчатые пледы и плащи из куньих шкур. На всякий случай наше оружие — от мечей и боевых топоров до обычных ножииков для разрезания хлеба — мы сложили в большой сундук. Ключ от него Конан прицепил себе на цепочку, висевшую на шее.

До рассвета не произошло ничего необычного.

* * *

Рано утром — небо на востоке едва начало сереть — мы вчетвером проснулись. Конан сразу начал распоряжаться: сейчас Веллан и Мораддин отправятся к Эрхарду и расскажут ему о ночном происшествии. Хальк пускай одевается и идет со мной — на постоялый двор «Корона и посох», проверить, как дела у

Паллантида и его подчиненных. В полдень король Пограничья хотел собрать совет и потому с полдненным колоколом нам всем необходимо быть в тронном зале. Будем решать, что делать.

Зря я жаловался, что замок короля Эрхарда холодный и неудобный. Каково человеку выходить из натопленной комнаты в продуваемый всеми сквозняками коридор, а затем на улицу? Снаружи был мороз, с крыш свисали длинные сосульки, а воздухе кружилась мелкая снежная пыль. День обещал быть солнечным — светило, поднявшись из-за дальних, едва заметных отсюда вершин Кезанкийских гор, бросило оранжевые лучи на Вольфгард и разогнало редкие облака.

Этим утром столица Пограничья показалась мне более приветливой и спокойной. Вчера я устал и был в дурном настроении, а потому все окружающее виделось в черных красках. Пускай ночью меня пытались убить, пускай я изрядно замерз, спав на полу, но, увидев поднимающееся к небу ровные струйки дыма от очагов, услышав приглушенное мычанье коров и чириканье красногрудых снегирей, я оттаял. Я происхожу родом из очень дальней аквилонской провинции, замок моего отца (не в обиду королю Эрхарду будь сказано) очень похож на «верхний город» Вольфгарда. Благостная патриархальность, спокойствие и древнее благочиние...

Мы с Конаном, облаченным в короткую меховую куртку и круглую шапку из меха чернобурки, беспрепятственно прошли через ворота квадратного замка Эрхарда, спустились вниз по дороге, ведущей с холма, и киммериец уверенно повел меня в сторону приземистого бревенчатого дома, на котором красовалась удивительно изящная для варварского Пограничья вывеска: «Корона и посох. Комнаты для проезжающих и вкусная еда. Содержит месьор Хек Далум». А еще на вывеске были старательно нари-

сованы указанные корона и посох, оплетенные сосновыми ветками.

— Изменилось все,— сказал мне Конан, кивая в сторону постоянного двора.— Я здесь был четыре года назад. Вывеску новую повесили, дом отремонтировали... Глянь, новую конюшню пристроили...

— Эй!..— оборвал слова короля резкий басовитый крик.— Это ты мне мерещишься?

«Сколько же у киммерийца приятелей в Пограничье? — подумал я, уяснив, что возглас незнакомца относился к Конану.— А по всему миру? Не удивлюсь, если у нашего варвара-короля найдутся знакомые и в Кхитае, и даже в сказочной Вендии...»

— Фрам! — заорал Конан.— Дубина длиннордая! Ты откуда здесь?

— Опять гномы,— проворчал я себе под нос.

И точно — перебираясь через сугробы, к нам бежал довольно высокий для своего племени (мне по подбородок) чернородый подгорный карлик. Добротная зеленая одежда, непрменный капюшон, черные сапоги и обязательный топор за поясом. Гномы очень любят боевые топоры — национальное оружие.

— Конан, как я рад тебя видеть! — вопил гном.— Пойдем выпьем в «Корону и посох»! За встречу! А у нас тут такое случилось! Слушай, а ты зачем приехал? Опять работу наемника ищешь?

Конан наклонился, по-братски обнял гнома и сразу повернулся ко мне.

— Хальк, это Фрам, сын Дарта, по прозвищу Мрачный. Фрам, это Хальк, аквилонский барон. Он мой друг.

— Друзья Конана — мои друзья,— очень почтительно, как умеют одни только гномы, поклонился Фрам.— Ты тоже наемник, месьор Хальк?

— Не совсем,— отрекся я.— Вообще-то я служу в библиотеке аквилонского короля. То есть короля Конана Первого.

— Что, в Аквилонии король сменился? — удивился гном.— Здорово! Знаешь, Конан, самое смешное в том, что тебя и его зовут одинаково!

— Пойдем в таверну,— рассмеялся киммериец.— Там все объясню. Плачу я.

— А с чего это ты такой богатый? — Фрам прищурился.— Опять кого-нибудь ограбил, старый разбойник? Пошли, пошли, мне кое-кто из наших задолжал за игру в кости, и я тоже пива поставлю! Не тебе одному разоряться...

Киммериец подошел к двери таверны и толкнул ее ногой.

— Проходите, месьоры,— сказал он.— Сегодня Конан Канах всех угощает, потому что встретился со старым другом. Фрам, тебе какое пиво больше нравится — светлое или темное?

ДОКУМЕНТ

Лист дневника путешествия Хранителя путевых карт королевства Аквилонского Евсевия в земли королевства Пограничного и горы Граскаальские, кои королевство помянутое от земель Гиперборейских отделяют

...После вновь направился король Конан в горы, дабы окрестность вершины, что Небесной горой у народов, там проживающих, именуется осмотреть и во всем том, что о месте упомянутом допреж поведано ему было, убедиться самолично.

Сопровождение же короля, как и пристало мужу, положение столь высокое имеющему и достопамятно весьма, хоть и не презрительно было на сей раз числом и великолепием и пышностью замечательною не отличалось, но из дворян и иных мужей титулованных и рыцарей славных и доблестных состояло, из коих паче всего назвать подобает следующих достойнейших лиц:

...длиннейший и скучнейший список с перечислением имен, званий и прочих регалий и заслуг...

Дорогою же к горам означенным миновали они селения, и деревни, и жилища, одне стоящие, пейзамам и пастухам принадлежащие и скудные прискорбно имуществом своим нехитрым, и скарбом всяким, и тако же землями плодородными и угожьями, для выпаса потребными, а посему и людьми в числе своем не весьма изобильными.

И се, узрев таковую бедность вопиющую, буйством стихий и демонов злобных усугубленную гораздо, и отсутствие у народа здешнего пищи, и орудий, и вещей пусть не для преуспейания, но бытования всякой твари человеческой приличествующих и необходимых вседневно и всечасно, умилился король наш в сердце своем и жалость превеликую к страдальцам сим испытал.

Засим из невеликой доли казны, при нем случившейся, для издержек путевых, бенефиций и раздачи милостыни предназначенной, наделил от щедрот своих королевских и из милости монаршей и сочувствия людей сих, положение коих превеликой жалости достойно есть, <...> монетами.

А надо сказать, что король наш всегда и повсеместно поступал таким же образом, ибо в душе был праведен, а сердцем милостив и беззлобен, в чем юности, а равно и мужам зрелым пример зело изрядный и назидательный благочестия и добродетели узреть надлежит и поступать подобно следует.

Далее же углубились они в местность пустынную, каменистую изрядно и горами и скалами изобилующую. А дорога и вовсе плоха сделалась, и лишь радиению и заботам короля Эрхарда и подданных его обязаны были путники тем, что чрез препоны и потоки горные, во множестве на пути встречавшиеся, переправлялись без труда излишнего. Зане, как есть все мосты сотрясениями и корчами тверди

земной уничтожены были, издал король сей указ о незамедлительной починке оных, что и было исполнено с усердием похвальным. В тех же местах, где таковая починка невозможна была вскорости, зрели мы мосты из толстых бревен, со всей возможною поспешностью и тщанием превеликим наведенные. Что же до грязей прегнусных и неровностей, дорогам сим присущим, о том зело скорбеть не подобает мужам доблестным. Вот и не скорбели.

Гора же, именуемая пиком Ветров Бушующих, велика гораздо, и над окрестностью господствует. А вокруг нея и иные горы есть во множестве, и велики гораздо. И узрел король, что вся окрестность та огнем попалена и ямами изрыта, а тако ж и трещинами испещрена, аки кора древесная, и трещины те глубоки весьма, поелику предмет, в оную трещину опущенный, падал предолго, и успели счесть до четырех десятков, допреж голос от падения его, слабый изрядно, слышали. А была земля и каменья там теплы гораздо, будто кто их до того огнем великим грел или же в кипятке варил, и в иных местах до того горячи каменья делались, яко и ступить на оные в сапоге с подметкою толщины дюймовой зело горячо было, а от земли же пар воскурялся. Поелику же каменья помянутые сухи были, заключаю я по разумению своему, что причиною теплоты оных огонь послужил, зане если бы случились в тех местах воды подспудные, горячие зело и на свет с шипением и паром извергающиеся, то озер малых, ручьев и иной влаги случилось бы там изрядно, а каменья мокры бы сделались оттого. Земля же королевства Пограничного влагою доброй всегда скудна была, а горные местности и подавно. Огонь же тот, мною наблюдаемый допреж, из недр извергшийся и твердь расчленивший, а тако же и с небес павший, зол был гораздо, и все умертвил и пожег. Люди же прежде короля в месте том побывавшие и

время изрядно там проводили после хворали тяжко. Король же, о том упрежден будучи, пребывал там не весьма долго. А поелику телом и духом крепок вельми, то по благоволению Митры Солнцезарного не умалился крепостью своей отнюдь.

Свидетельствую и руку к сему приложил
Хранитель путевых карт
королевства Аквилонского
Евсевий

Глава третья МОРАДДИН, ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ

Пограничное королевство, предгорья Граскаала
15 — 17 дни третьей осенней луны

«...Переход короля Аквилонии и сопровождающих его лиц из Тарантии в Пограничье можно было бы назвать весьма заурядным. Отряд не встретил на своем пути ни одной из поджидающих путника трудностей, к коим относятся грабители, неблагоприятные погодные явления, слишком бдительная или, наоборот, пренебрегающая своими обязанностями стража различных границ и прочие непереносимые тяготы дорог.

Однако в путешествии случились некие события, заставившие всех с настороженностью относиться к своим попутчикам. Незнакомый злоумышленник, сумев остаться никем не замеченным, несколько раз покушался на жизнь людей из свиты и охраны короля, причем характер его действий заставил заподозрить использование магии или, что было еще хуже, предательство кого-то из числа находящихся подле короля...»

Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства

Я многократно задумывался над одним, пожалуй, самым важным для меня вопросом: каким образом сын гнома и женщины-человека мог добиться столь высокого положения, которое ныне занимаю я, Мораддин, граф Эрде, к тому же (если учитывать наследные права моей жены Ринги) барон Энден? В сущности, Конан Канах тоже начинал свою невероятную карьеру с обычного шадизарского во-ришки, а теперь наш варвар стал аквилонским королем. Замечу, что благоразумия и своего рода управленческой гениальности у киммерийца премного. Он сумел примирить соперничающие дворянские семьи Аквилонии (у Нумедидеса это не получилось), за полгода успел провести реформу армии, стойко противился заговорщикам и влиянию чужеземных держав... Наверное, здесь сыграли свою роль варварское здравомыслие, недоступное подданным цивилизованных стран, и врожденная способность сметать с пути любых противников, будь они дикими гирканскими кочевниками или благороднейшими дворянами-аквилонцами.

Я даже немного горжусь Конаном. Мы путешествовали вместе всего несколько лун, и было это полных пятнадцать лет назад. Однако киммериец сумел перенять от меня понятие чести настоящего воина, способность мыслить трезво в любой ситуации и самое благородное качество бойца — убивать только врага, который хочет убить тебя, но щадить покорных и не влезających в драку.

Правда, Конан до сих пор открывает двери ногой. Но это можно списать на его молодость — тогда варвар был лишь одним из многих нищих... Однако теперь Конан Канах действительно может именовать себя королем Аквилонии. Почему? Очень просто: за прошедшие годы он на своем опыте получил то, что ученые мужи называют «мудростью». Сказались двадцать лет странствий, разнообразные поприща — от

пирата и контрабандиста до телохранителя и гвардейца одной из самых блистательных королев Заката — Конан стал человеком, умудренным годами и познаниями о жизни человеческого рода. А потому киммериец — добрый король, а не тиран, расчетливый владыка, не склонный тратить деньги казны на бесполезные дела, и просто хороший человек. Пускай и со странностями. Думаю, мои последние слова верны.

Пожалуй, нужно вернуться к своей персоне. О Конане Канах будут писать хронисты в своих летописях, а я, скромный подданный Его Величества короля Нимеда из династии Эльсдорфов, владык Заката, могу лишь рассказать о себе сам...

Почтенный Петрониус, второй после Стефана Короля Историй сказочник и сочинитель стран Закатных пределов Хайбории, неоднократно выводил меня одним из действующих лиц своих невероятных и чудесных историй, связанных с легендами о короле Конане. Я вам скажу прямо и честно — Петрониус не совсем прав. Да, действительно, Мораддин (то есть я сам, выступающий в его рассказах под именем Морадан) путешествовал вместе с Конаном из Киммерии от Султанапура до Бельверуса, в это время мы вдвоем попали в несколько неприятных историй... Но приписывать мне, как это делает Петрониус, некоторые дела, свершенные Конаном, абсолютно не следует.

Мораддин, сын Гроина, появился на свет почти шестьдесят лет назад. Моим отцом был гном, один из старейшин клана, по имени Гроин, сын Фарина. Матерью была самая обычная женщина-бритунийка. От нее я унаследовал серые глаза и привычное для жителей Бритунии спокойствие характера, а от отца — редкие для человека силу и ловкость, небольшой рост и долголетие. Мне скоро исполнится шестьдесят, но выгляжу я не более чем на тридцать лет, по-прежнему чувствую себя здоровым и сильным.

Судьба однажды сделала меня гвардейцем великого государя Турана, императора и самовластного правителя Илдиза. Пусть Эрлик и Нергал упокоят его душу на Серых Равнинах! Я сумел дослужиться до чина сотника тайной гвардии Илдиза, но потому, что далеко не все придворные Его Величества имели понятие о чести, я стал «белой вороной». Они добились моего разжалования, император сослал меня на рудники в Кезанкии обычным надсмотрщиком, но...

Боги сделали так, чтобы Конан Канах был заключен именно в ту штольню, над которой я надсматривал. Долго рассказывать эту историю. Лучше почитать сочинения Петрониуса — сказочник (что удивительно для него) почти не наврал. Наши с Конаном приключения описаны истинно. Почти. Однако иные рассказы Петрониуса грешат против действительности.

Впрочем, это неважно.

Я могу это назвать «божественным провидением», «судьбой», «стечением обстоятельств», но получилось так, что с помощью и при прямом участии Конана я тогда познакомился с моей будущей женой Рингой, поступил на службу в Немедийскую канцелярию, а позже стал главой этого почти незаметного учреждения — Вертрауэна... Не знаю, почему герцог Лаварон приказал оставить меня своим наследником. И вот уже десять лет я стою на страже безопасности своей новой родины, земли, на которой родились мои дети, и страны, которую я полюбил всем сердцем. Теперь Мораддин, сын Гроина, выросший и воспитывавшийся в Туране, — немедийский граф, преданный своему королю и трону великой Немедии.

Следовательно, я обязан оберегать государство и короля от любых опасностей. А самую чудовищную опасность я сейчас вижу перед своими глазами — окруженная колдовскими облаками часть Граскаальских гор, таящая в себе угрозу как для моей страны,

так и для прочих королевств Заката. Обиталище невиданных прежде чудовищ, уничтожающих все живое и обращающих людей в жутких, омерзительных тварей.

...Солнце, укрытое висевшей в воздухе белесой морозной дымкой, казалось огромным бельмом на глазу Светлого Митры. Наверное, потому добрый бог и не мог наблюдать за происходящим в этой стране. Полуночные земли Пограничья оказались заброшенными людьми — лишь опустевшие деревни, следы волков на снегу и, куда ни глянь, густой хвойный предгорный лес, не прореженный созданными человеком дорогами.

Нас вели Фрам и Веллан. По словам гнома, отряду следовало миновать перевал, ведущий к Голубой долине, выйти к разрушенной деревне и там переночевать. Лошадей придется оставить в поселке, а самим подняться выше, найти незаваленную штольню, через которую Фрам и Тотлант уже проникали в подземелья, а дальше... Дальше видно будет. На все воля богов.

— Эй, посмотрите! — Гном, сидевший на невысокой мохнатой лошадке нордхеймской породы, вытянул короткую руку и указал вниз. Мы находились на гребне перевала. — Правее высокой гранитной скалы, рядом с оползнем. Видите?

— И что мы там должны увидеть? — проворчал Конан. — Надеюсь, это будет таверна, где подадут горячего вина со специями?

— Даже не думай об этом, — пресек мечтания варвара Фрам. — Дело к закату, а нам нужно место, где переночевать. В Райте осталось два неразрушенных дома. Вернее, не спаленных. Кто-то сжег деревню две луны назад, когда зеленый огонь только появился.

— Райта? — Хальк подал коня вперед и заинтересованно уставился на Фрама. — Эта брошенная деревня называется Райта?

— Именно, — подтвердил следивший за разговором Веллан. — Ты тоже обратил внимание? Эйвинд был родом отсюда и дома сжег именно он. Видимо, здесь и началась история с подземным пламенем...

— Жаль, Эйвинд сюда не вернулся, — вздохнул Хальк. — Ладно, чего старое вспоминать, поехали.

Лошади, взрывая копытами наметенный недавней вьюгой снег, побежали рысью по пологому склону горы, за которой лежала маленькая долина. Конан и Хальк вырвались вперед, за ними двигались Фрам и Тотлант, а я ехал рядом с Велланом. Преодолев за день не меньше восьми лиг, мы приблизились к самому логову подгорных тварей. Завтра гном и стигийский волшебник проводят киммерийца и сопровождающих его людей через прорытые карликами ходы за неведомую границу, отделившую мир живых от Пика Бушующих Ветров.

* * *

После неудавшегося покушения на Халька мы переночевали в комнате Конана. Наутро киммериец вместе с немного очухавшимся от ночного происшествия библиотекарем отправились в таверну «Корона и посох», провести Паллантида, а мы с Велланом пошли в тронный зал, надеясь отыскать короля Эрхарда и рассказать ему о случившемся.

Некоторое время пришлось ждать — с утра к Эрхарду заявили купцы из Немедии, обсудить цены на пшеницу и вяленое мясо. Торговля велась по всем правилам — даже из соседней комнаты было слышно, как пожилой монарх яростно отстаивает каждую серебряную монету. Не хуже завзятого хозяина таверны, решившего закупить припасы. Наконец купчихи вышли, и Эртель, выглянув в коридор, пригласил нас войти.

Хальк уже рассказывал, что тронный зал королевского замка Пограничья выглядит, скажем прямо,

странновато. Больше всего это помещение смахивает на большую приемную комнату в крепости донельзя обнищавшего провинциального немедийского дворянина, спустившего отцовское состояние на женщин, вино и азартные игры. Нимед (уж на что крепкий старик!) упал бы в обморок, если бы во время визита в Пограничье его принимали здесь. Почему-то больше всего раздражали бродившие по «тронному залу» гуси. Не понимаю, почему эти домашние птицы содержатся не в курятнике, а разгуливают по дворцу?

— Наконец-то вижу нормальных людей! — страдальческим голосом воскликнул Эрхард. — Как мне надоели торгаши!

— Хотел быть королем — так терпи, — ухмыльнувшись, заметил племянник государя. — А вообще-то, давайте рассудим справедливо. По-моему, ты их обсчитал, дядюшка. На триста золотых. Кто здесь торгаши?

— Заткнись, — поморщился Эрхард. — Иначе лишу наследства. Я все делаю во благо страны! Эти ожиревшие ублюдки не обеднеют. Доброе утро, граф Мораддин. Привет, Веллан. Эртель уже поведал о ваших неприятностях.

— Если мне будет позволено, — я слегка поклонился королю, — то будет лучше, если я сам расскажу тебе о событиях минувшей ночи и о том, что предвещало их.

— Говори, — кивнул Эрхард. — И вообще, почему мы стоим? Присаживайтесь к столу. Эртель, хватит бездельничать! Сбегай на кухню, принеси чего-нибудь горячего и кувшин светлого пива.

Я приучен сдерживать эмоции и поэтому не позволил себе даже улыбнуться. В какой стране мира наследник престола должен ходить к поварам, чтобы принести еду для гостей и короля? Правильно, только в Пограничье. Я уж не говорю о том, что понятия этикета и куртуазии здесь трактуются весьма своеобразно.

разно. Однако эта необычная простота, полное отсутствие немедийской или аквилонской чопорности и доброе отношение короля к нам всем мне очень симпатичны. Я не вправе осуждать здешние нравы. Такова традиция, а приезжий не должен попрекать хозяев за порядки, установленные в их доме.

Я честно рассказал Эрхарду обо всем: про покушение на грифона, убийстве двоих гвардейцев и порче лошадей в Брийте, и, наконец, о попытке убить Халька. В конце концов король Пограничья обязан знать о наших делах, благо мы являемся союзниками в борьбе против общей опасности и неизвестно, сколь близко от недавних происшествий стоит таинственный «хозяин» зеленого огня, про которого рассказывал Тач. Я подозреваю, что без вмешательства этого странного создания, о котором мы знаем только то, что оно существует, здесь не обошлось.

Перебивая друг друга, мы с Велланом, к удивлению Эрхарда, наследного принца и заглянувшего вскоре к нам Стефана Короля Историй (король пояснил, что Стефан временно живет во дворце), рассказали о Ямурлаке. Стефан немедленно заметил, что он просто обязан отправиться в эту маленькую страну, найти василиска Тача и как следует порасспросить старейшего... Может быть, на основе воспоминаний Тача получится сочинить несколько новых страшных историй.

Рассказывая о своих приключениях в Ямурлаке, Веллан постоянно бросал торжествующие взгляды на Эртеля. Бритуниец прав — королевский племянник слюной изойдет от зависти. В конце концов Эртель вскочил и потребовал у дядюшки две луны свободно-го времени, чтобы сопроводить Стефана в Ямурлак и обратно.

— Дома сиди, — строго ответил на это король. — Месьор Евсевий мне жаловался, что ты не усердствуешь в науках. Мне не нужен наследник, не способный и трех букв разобрать, понял?

— Дядя! — Эртель посмотрел на государя обиженно. — Мне двадцать пять лет! Читать и считать умею, драться могу хорошо, купцов обихаживаю! Чего тебе еще надо?

— Подожди, — Эрхард поднял руку. — Слышите?

Снаружи донесся звук колокола. В Пограничье все не как у людей — колокол, которым отбивают время, вывешен не на башне (таковой, кстати, в замке короля вообще нет), а установлен на деревянных распорках посреди обширного квадратного двора. Особый человек из числа стражи всегда носит с собой песочные часы и, когда их верхняя полусфера пустеет, а песок пересыпается в нижнюю, он подходит к отлитому гномами колоколу и ударяет по нему молотом. Сейчас был слышен один удар — полдень.

— Где Конан? — Эрхард перевел взгляд на меня. Он уже понял, что я являюсь одним из самых приближенных к аквилонскому королю людей.

— Утром ушел. — Я пожал плечами. — Вместе с Хальком. На постоянный двор, проведать Паллантида.

— Ты уверен, что с ними ничего не случится? — нахмурился король. — Если убийца появился даже во дворце, ему ничего не стоит подстеречь киммерийца на улице. Не буду спорить, от мечника Конан отобьется, но как противостоять арбалетной стреле?

— Правильно. — Веллан поднялся с лавки. — Пойду-ка посмотрю, что они делают. До таверны идти всего ничего... Граф Мораддин, отправившись со мной?

— Конечно. — Я коротко кивнул и уже хотел было встать, но...

Ответ на вопрос «Где сейчас Конан?» пришел сам собой. Его аквилонское величество находился в замке, а точнее — в коридоре, ведущем к тронному залу.

Служение войне — завидней доли нет,
Доспехами скрипеть и всех рубать мечом.
Секира за спиной, под мышкой арбалет —
Кто в наши встал ряды, тому все нипочем!

Мы изумленно переглянулись. Разносившаяся по дворцу Эрхарда разудалая песня наемников исполнялась двумя или тремя голосами, среди которых был ясно различим мощный баритон варвара.

— Они что, с утра напились? — Эрхард недоуменно посмотрел на меня и Веллана. Мы, не сговариваясь, одновременно пожали плечами.

А представление продолжалось:

Железные бока, стальная голова,
Извилища одна — и ту оставил шлем!
Силен ты и могуч, зачем тебе слова,
Махнешь своим мечом — и никаких проблем!

— И как это прикажешь понимать? — Эрхард, изобразив на лице строгость и благородное королевское негодование, уставился на ввалившегося в залу киммерийца. — Опять буянишь?

— А нас из таверны выгнали! — радостным голосом сообщил Конан. Хальк, стоявший за его спиной, икнул. — Эрхард, у тебя ежевичное вино осталось?

— ~~Месьер детенисец.~~ Король Пограничья укоряюще посмотрел на пьяного вдрызг Халька. — Ты же дворянин, благородный и ученый человек...

— Я — да, а они — нет, — снова икнул Хальк. — Это они меня напоили!

Наконец-то я рассмотрел третьего гостя, стоявшего за спиной Конана. Гном. Ну, разумеется. Я, кажется, просил варвара больше не пить в компании с моими сородичами.

— Это Фрам, сын Дарта, — сказал Конан, вытаскивая гнома перед собой. — Он нас угостил... Между прочим, не беспокойтесь — у Паллантида и его ребят все хорошо. Никаких происшествий. Мы пришли на королевский совет! Вот!

— Фрам. — Эрхард вздохнул и посмотрел на гнома. — Я тебя знаю не первый год. Ты же солидный чело... Тьфу, то есть гном. Ты зачем угощал Конана?

— За встречу, — ответил Фрам. — Корону обмывали, потом за здоровье всех друзей пили. Потом нас выставили. Шумим, мол, очень.

— Это они шумели, — вставил Хальк. — Песни всякие орали. Потом Паллантид и двое наших десятников приплыли. Их тоже выпить уговорили...

— Понятно, — вздохнул Эрхард. — Если «Корону и посох» до заката не сожгут или не растащат по бревнышку — буду считать, что моей стране повезло... Конан, сядь, пожалуйста. Эртель, передай Его Величеству королю Аквилонии горячей баранины и пожирнее. Хальк, Фрам, тоже присаживайтесь. Веллан, сбегай за Тотлантом, он должен быть в своем покое на первом этаже. Давайте полагать, что королевский совет мы уже собрали. Конан, пожалуйста, сначала поешь, а потом тынишь к ~~вину~~...

Некоторое время все увлеченно жевали. Явился Тотлант, поздоровался, раскланялся с Фрамом и Конаном. Хальк заснул. Между прочим, сейчас на его виске красовались несколько швов — видимо, Конан вместе с библиотекарем набрали в «Короне и посохе» на умелого лекаря, сумевшего стянуть края ночной раны и зашить ее толстыми шелковыми нитками.

— Ну что ж. — Эрхард утерся рукавом и обвел всех присутствующих серьезным взглядом. — Тотлант, тебе не кажется, что со вчерашнего заката наши гости только и занимаются всякой ерундой? Пьянствуют, шлятся где ни попадя... Гномов всяких подбирают на улице.

— Я не «всякий», — обиженным голосом заметил Фрам. — Вспомни историю с Бешеным Вожаком. Что бы вы без меня делали, проходимцы? Кто хирд гномов поднял? Кто всех спас? Правильно, старый Фрам. А какая благодарность? Никакой! Хоть бы орден дали...

— Зачем тебе орден? — не понял Эрхард.

— Чтоб был! — прямолинейно ответил гном. — Должна же быть хоть небольшая награда!

Конан слегка затуманенными глазами посмотрел на Фрама и сказал:

— Правильно! Награда должна быть! Жалую тебе... А чего ты хочешь? Орден? Хорошо, считай что король Аквилонии даровал тебе орден Большого Льва за победу над бешеными оборотнями.

— А нам? — в один голос вскричали Эртель и Веллан. — Мы не заслужили?

— Остановитесь. — Тотлант, шелестя длинной черной хламидой с вышитым на груди символом в виде магической чаши, поднял руку, прекращая ненужный пьяный спор. Стигиец с его выбритой головой, светло-коричневой кожей и огромным перстнем посвященного волшебника на пальце выглядел очень величественно. — Конан, ребята, помолчите. Все-таки вы приехали в Пограничье по серьезному делу, и нам следует обсудить, как поступать дальше.

Я подумал, что это очень неплохая мысль. Познакомившись с Тотлантом еще в Немедии, я понял — этот человек далеко пойдет. Пускай он стигиец, пускай обучался магии у волшебников Черного Круга, но он добровольно отверг религию Сета и тем самым освободил душу от власти Бога Тьмы. Тотлант мне рассказывал, будто теперь поклоняется лишь Создателю Вселенной, чьими детьми и являются все остальные боги. Весьма удобная и правильная точка зрения: не обидишь и последователей Митры, и людей, кладущих требы Иштар, и Эрлику, и прочим богам.

— Рассказывай. — Конан поднял внезапно прояснившиеся глаза на стигийца. — Что ты сумел узнать?

— Полагаю, — осторожно начал Тотлант, выбравшись из-за стола и начав рассказывать по тронному залу взад-вперед, — угроза миру сохраняется. Вы просите высказать мою точку зрения на происходившее в течение последних трех лун? Пожалуйста...

Начал Тотлант издалека. Вначале он процитировал на память несколько выдержек из самых древних

летописей, рассказывавших о падении Небесной горы в каменистые пустоши на полуночи материка. Его речи сходились со словами василиска Тача — пришедший из Внешней Тьмы обломок другого мира ударился о землю Хайбории около восьми тысяч лет назад, вызвав ужасное бедствие. Что произошло дальше?

Зеленый огонь являлся прежде несколько раз. Когда именно — неизвестно. Причина появления пламени тоже остается тайной. Как атланты и кхарийцы противостояли этой напасти — неясно. Скорее всего, магией. Однако надо учитывать то, что великие расы древности владели колдовством почти в совершенстве, и лучшие нынешние волшебники не могут сравниться в умении даже с одним из захудалых магов Атлантиды. Разумеется, уничтожение подземной твари в Ивелине стало незаурядным событием — выход из положения был найден весьма остроумный. Сейчас известно, что чудовища расплодились — их уже не меньше десятка. А самое главное — остается угроза от рухнувшей на землю Небесной горы, которая, скорее всего, и порождает существ, выбрасывающих зеленый огонь.

— Как — не меньше десятка? — Конан аж вскочил, отбросив опустевший кубок. — Тотлант, ты спятил! Как мы их будем бить? Что произойдет, если они снова отправятся путешествовать по Немедии, Аквилонии и другим странам?

— Человеческий род погибнет, — бесстрастно ответил Тотлант. — Останется лишь земля. Без людей, животных, птиц. Сила, с которой мы столкнулись, не подчиняется законам магии или богов. Это чужая сила. Она возникла по воле чужого бога.

— Сета, что ли? — поднял бровь Эрхард.

— Нет, — покачал головой стигиец. — Сет принадлежит нашему миру. Его поступки предсказуемы и своеобразно логичны. В горах Граскаала лежит тварь, существо или механизм, чужеродный не только миру

Хайбории, но и всему творению Бога Единого. Я не знаю, что это. Наверное, Митра, Бел, Эрлик и другие боги, в существование которых мы верим, тоже не ведают о сущности сего... скажем так, явления.

После этих слов Тотланта в зале стало подозрительно тихо. Признаться честно, у меня волосы дыбом встали. Как такое может произойти? Все люди знают, что мир, который мы называем Хайборийским, единственный населенный разумными тварями — людьми, гномами, альвами, грифонами и многими другими. Откуда может появиться нечто чужеродное?

Однако Тотлант, не обращая внимания на наши помрачневшие лица, жестко продолжал:

— Оно чужое. Оно не знает принятых среди нас законов. Оно желает чего-то непонятного людям и, скорее всего, враждебного. Его сила неизмерима. Но...

Конан вышел вперед, подняв руку, и остановил речи волшебника.

— Но его можно победить, — воскликнул король. — Тотлант, если оно для нас чужое и мы не можем его понять, то и мы для него чужие. Правильно? Я не могу предугадать его действий, однако и он не может верно предсказать мои? Я прав?

— Один из тех редких случаев, когда ты говоришь истину, — вздохнул Тотлант.

— Позвольте сказать. — Я решил, что необходимо вмешаться в разговор. — Стигиец, ответь, почему ты говоришь об этой силе «Оно»? Ты уверен, что Небесной горой, чудовищами, опустошавшими Аквилонию и Немедию, управляло одно существо? Почему?

— Не знаю, — развел руками Тотлант. — Я волшебник и могу чувствовать враждебную мощь сильнее, чем люди, гномы или оборотни. Я вижу, что минувшее бедствие вызвано мыслью, посланной из одного источника. То есть где-то неподалеку находится неизвестная тварь, желающая нашему миру зла. С этим

не сравнится зло Сета или других темных богов, только потому, что оно чужое и мы не можем предсказать действия его хозяина.

— А может быть, это существо желает нам добра? — Хальк внезапно проснулся и внимательно посмотрел на Тотланта. — Только по-своему. Вдруг измененные под влиянием зеленого пламени люди счастливы?

— Не исключено, — ответил стигиец. — Но мы созданы такими, как пожелал Бог Единый, Создатель мира. Никто другой не вправе изменять его волю. Поэтому все создаваемое неведомой нам тварью чужеродно.

— А вдруг эта тварь и есть Бог Единый? — хмыкнул Конан. — Пожалуйста, Тотлант, не смотри на меня будто на развратителя детей, ладно? Я просто предположил.

— Оставь, — скривился волшебник. — Мы знаем, что подземные чудовища агрессивны, они уничтожают людей и разрушают устои нашего мира. Как сыны человеческого рода, мы обязаны воспротивиться!

— Что ты предлагаешь? — Конан машинально плеснул в кубок Эрхарда ежевичного вина, отпил и уставился на Тотланта. — Мы знаем, как убивать подземных тварей, но уничтожить подземную гору, выкопанную гномами, скорее всего, не под силу даже самым могущественным волшебникам... Тотлант, Фрам, расскажите, как вы ходили за облачную стену и что там видели? Я имею в виду размеры Небесной горы, количество измененных людей, которые ее выкапывают, охрану на подступах, ближнюю стражу...

— Ты меришь все по людским привычкам, — горько усмехнулся стигиец. — Я же много раз повторил — мы имеем дело с необычным. С чужим. Оно не выстраивает стражи на границах. Его воины не носят мечей или боевых секир. Оно не использует магию. Оно чуждо людям. Я не знаю, как его уничтожить...

— А у меня есть мысль. — Фрам, этот чернобородый широкоплечий гном, выбежал на середину зала. — Хотите услышать, как гномы воюют против неизвестного? Все просто! Любое создание Бога Единого или других богов боится огня. У нас в подземельях водятся самые разные страшилища. Однако если пугнуть их огнем, то победа будет на стороне владеющего им. Небесная гора, как гласят предания гномов, лежит над глубочайшими подземельями, прорытыми нашим народом. Что находится под этими старыми штольнями и забоями? Никогда не думали? А я знаю! И другие гномы знают!

Конан, усевшийся на пристенную скамью рядом с Эртелем, лениво развернулся в сторону Фрама. Лицо варвара выражало скуку и усталость. Наверняка киммериец подумал, что гном сейчас начнет рассказывать древние легенды своего народа, повествующие о борьбе с разнообразными подгорными чудовищами. И, разумеется, эти сведения, далеко не всегда правдивые, но выдержанные в стиле героических саг Нордхейма или так называемых «Преданий Кхасад» (то есть свода гномских сказаний), будут лишь сказочными иллюстрациями к делам давно минувших лет.

Однако Конан ошибся. Зная варвара достаточно давно, я скажу, что ошибается он часто. Но в то же время способен прислушаться и понять другого спорщика...

— Было так, — изрек Фрам, торжественно налив в свою чару темно-красного вина из лесной малины и встав в величественную позу. Темная, с редкими седыми волосками борода гнома гордо топорщилась, усы, закрывавшие верхнюю губу, раздулись веером, а живот, как казалось, вырос вдвое. Впечатляющее зрелище. Однако Эртель с Велланом одновременно захихикали, и все ощущение благолепия было испорчено.

— Помолчите, — бросил Фрам оборотням. — Рассказываю истину! Значит, было так. Небесная гора,

рухнув на полуночные земли, презрительно глубоко, от неизмеримой тяжести своей, погрузилась в недра, сокрывшись там на долгие столетия...

— Фра-ам, — простонал Конан. — Эту историю я уже слышал десять раз! Давай покороче, а?

— Не перебивай. — Надо полагать, гном тоже был не слишком знаком с правилами этикета. Я содрогнулся, представив, что произойдет, если я подобным образом оборву речь моего государя Нимеда. Впрочем, сравнивать здесь нельзя. Пограничье — одна страна, а Немедия — совсем другая. Фрам продолжал: — Гномы уже не одно поколение знают о погребенной в Граскаале Небесной горе. Но выкопать ее не могли, потому что гора застряла в глубинах гранитных пород. Как думаете, клан Фрерина, открывший дорогу зеленому огню, был первым из многочисленных кланов нашего рода, пытавшихся откопать эту... это... словом, Небесную гору?

— Вам, гномам, — Хальк намеренно искажил название подгорного народа, наверное, хотел досадить, — всегда больше всех нужно. Лишь бы покопаться где-нибудь! Алмазы там найти хотели? А что получили?

Фрам пропустил слова пьяного библиотекаря мимо ушей.

— Гномы пытались подобраться к Небесной горе всегда. — Фрам сделал паузу и обвел нас взглядом небольших, но очень внимательных черных глаз. — Предупреждаю, я сейчас разбалтываю тайну рода и меня могут наказать старейшины... Так вот, случилось так, что в течение последних семисот лет по людскому исчислению гномы клана Фрерина окапывали этот огромный чужеродный предмет. Самые глубокие штольни находятся под днищем или, если благородным месьорам будет угодно, под основанием Небесной горы, и там прорыто великое множество ходов, открыты залы, образованные самой природой, а самое главное... — Фрам сделал многозначитель-

ную паузу и поднял к потолку короткий мозолистый палец.

— Не тани! — рявкнул киммериец.

— В одной из пещер, — заговорищицки понизив голос, сказал Фрам, — гномы нашли выход подземного огня...

— Чего? — Конан скривился. — Какого еще? Подземных огней что, очень много?

— Это настоящий огонь, — ответил Фрам. — Огонь Изначальный, пламя, из которого создан Мир.

— Я понял! — воскликнул Хальк, перебив гнома. — Это лава! Конан, ты видел когда-нибудь вулканы, огненные горы? Видел? Отлично! Слушайте все меня, я, кажется, понял, о чем говорит уважаемый Фрам, сын Дарта.

Летописец (доныне, по моему понятию, изрядно пьяный) неожиданно вскочил со скамьи и, размахивая руками, выбежал на середину зала. Тут Хальк подобрал левой рукой край длинной, опускавшейся ниже колена и разрезанной на боках, туники, набросил его на правую руку, словно полу толы, и высказался:

— Объясняю для бестолковых и для тебя, Конан, в особенности...

— Почему я тебя до сих пор не повесил? — как бы невзначай заметил варвар.

— Благородных нельзя вешать. Дворяне подлежат казни через отсечение головы, — отмахнулся Хальк, и его глаза снова загорелись светом, присутствием только ученым мужам. — Молчите все! Фрам сказал, будто Небесная гора висит над пещерой, заполненной расплавленным камнем, лавой. Правильно я говорю?

— Правильно, — кивнул гном. — Это очень большая пещера. В ней ни человек, ни гном, ни альв или оборотень не сможет даже дышать — очень горячий воздух. А Изначальный огонь бурлит и вскипает ежемоментно, плюясь брызгами...

— Замечательное место! — воскликнул Хальк, легким шагом подойдя к столу и опрокинув чашу ягодно-го вина.

Между прочим, чаша принадлежала мне. Я постарался не обращать внимания на вольности аквилонского летописца. А Хальк говорил:

— Мы хотим уничтожить Небесную гору, виновницу всех бед, свалившихся на королевства людей в последнее время. Как это сделать? Правильно, испепелить ее, обрушить в огонь, расплавляющий даже камень! Фрам, сын Дарта, ты меня понимаешь?

— Да, месьор барон, — поклонился гном. — А ты сам туда полезешь? А ты придумаешь, как разбить перемышку между Небесной горой и озером пришедшего из глубин Багрового Огня? Ты знаешь, как противостоять демонам, которых этот огонь порождает? Сумеешь оборониться от их огненных бичей? Защитишь спутников от неназываемых тварей, обитающих в глубочайших недрах? Сможешь вывести нас обратно, на поверхность, до времени, когда Небесная гора начнет плавиться?

Я был удивлен, что Хальк, этот неисправимый книжник, владеющий оружием «постольку, поскольку», шагнул вперед и громогласно изрек:

— Мы — сможем!! Я полезу в подземелья. Демонов вообще не существует, а если таковые найдутся — с ними будет разговаривать Тотлант на языке магии (стигийский волшебник поперхнулся вином и сморщился). С чудовищами из плоти и крови справятся наши рубаки, им не привыкать. Конан, Веллан, Эртель?! Согласны пойти с нами охотиться на чудовищ? Отлично! Граф Мораддин, а ты как смотришь на возможность прославить свое имя?

Я медленно наклонил голову, плохо понимая, на что соглашаюсь. Я догадывался, что эти сумасбродные аквилонцы втянут меня в невероятную авантюру, но чтоб такое...

Хальк по-прежнему совращал всех присутствующих на подвиги:

— Фрам, твоя задача как гнома, знающего подземелья досконально и привычного к подгорной жизни,— привести нас на место и показать, где именно нужно разбить перемычки. Король Эрхард, пожалуйста, выдели нам должное количество провианта и необходимое снаряжение. Тебя, о государь Пограничья, мы не будем звать с собой...

Я подумал, что Хальк преждевременно принял решение за нас всех.

— Какое счастье — меня решили оставить дома,— хохотнул Эрхард.— Барон Юсдаль, ты слишком много выпил, остановись!

— Отнюдь,— выкрикнул Хальк.— Эй, ребята, прославим знамя Аквилонии? И, если уж на то пошло, знамя Пограничья! Эрхард, в твоей стране есть знамя?

Заговорили все одновременно:

— Сбрендил,— вздохнул Веллан.

— А может, на самом деле сходить? — вяло предложил Тотлант.

— Сколько ехать до входа в штольню? — заинтересовался Конан.

— Вы все сумасшедшие,— заметил я.

— Как интересно...— заблестели глаза у Стефана.

— Это же чистое самоубийство! — воскликнул Эртель.

— Разбить перемычки! Каким образом? — проворчал Фрам.

— Не следовало с утра напиваться в стельку,— заключил Эрхард, слегка шлепнув ладонью по столешнице.—И что теперь будем делать?

— Давайте разбираться по порядку,— когда все утихомирились предложил Хальк.— Полагаю, хотя бы первая часть моего плана не несет в себе ничего невозможного. Во-первых, если Фрам и Тотлант уже ходили в логово чудовищ и: вернулись живыми-невреди-

мыми, у нас есть все шансы повторить их подвиг. Вторых, нас не должно быть много, чтобы не привлекать чужого внимания. От силы четверо-пятеро. Третьих, нужно как следует осмотреть подземелья, и только лишь выяснив наши возможности, раздумывать, как поступать дальше. Может быть, привести гномов, способных каким-то образом разрушить породу, отделяющую громадную штуковину от озера лавы... Или Тотлант найдет нужное заклинание... Не понимаю, о чем спорим? Надо прийти и посмотреть на месте. Или вы испугались?

— Это кто еще испугался?..— начал возмущаться Веллан, но его тут же остановил аквилонский король.

— Мы не боимся,— веско сказал Конан,— мы опасаемся. Две большие разницы. Впрочем, я согласен съездить в горы и пройти по подземельям. Фрам, проводишь?

— А что с вами делать? — напустив на лицо мрачности, ответил гном.— Пусть меня услышит Длиннобородый Отец нашего племени!.. Я не хотел туда идти второй раз, но вы меня заставили! Отпустить одних я вас не могу — заблудитесь, свалитесь в пропасть или попадете на обед черным Элайнам!

— А это кто? — живо заинтересовался Веллан.

— Увидишь — не спутаешь,— буркнул гном.— Животные такие. Под горами водятся, в пещерах. Мы их иногда приручаем. Решайте, кто едет? Тотлант?

— Поеду, поеду,—сокрушенно покачал головой волшебник.— Единственно, толку от меня чуть.

Решили мы таким образом: к облачной стене отправятся шестеро — гном, стигийский колдун, я, Веллан, Хальк и, разумеется, Конан. Эртеля, как тот ни просился, король Пограничья не отпустил, равно как и Стефана. Эрхард сказал, будто не желает одновременно лишаться и наследника, и самого известного человека Пограничья, приносящего королевству славу культурной страны. А благородные месьюры из

Аквилонии могут искать приключений на свою задницу сколько угодно. Эрхард даже порадует, если Конан сгинет в подгорной тьме, а тарантийскую корону заберет себе кто-нибудь другой, более разумный. Мир вздохнет с облегчением.

— Вот они, старые друзья, — почесал в затылке киммериец. — Сначала умоляют спасти их от неизвестной напасти, потом выясняется, что они ждут не дождутся твоей смерти от лап всяких чудовищ! Эрхард, ты что, собираешься присоединить Аквилонию к Пограничью, старый пройдоха?

— Нужно больно, — фыркнул король. — Подарю ее Эртелю. Ладно, хватит трепаться без дела. Эртель, беги на конюшню, скажи, чтобы седлали лошадей. Веллан, заberi из кладовых припасы.

— Я схожу к себе, прихватю кой-какие снадобья, — сказал волшебник из Стигии. — Могут пригодиться.

— А вы чего стоите? — прикрикнул на меня и Халька варвар. — Марш собираться! До темноты мы должны приехать в последнюю обитаемую деревню на полуночи, переночевать и завтра оказаться возле гор! Бегом!

«Ну вот, — подумал я не без веселья. — Конан уже обращается со мной, как с подданным. И во что мы только ввязались?..»

* * *

По странному стечению обстоятельств неразрушенные штольни, ведущие в глубь гномских подземелий, находились совсем неподалеку — в полулиге — от укрытого облачным куполом пика Бушующих Ветров. Сожженная деревня, из которой происходил родом Эйвинд, стояла в одной четверти лиги от ближайшей шахты. Тотлант и Фрам уверенно проводили нас к сохранившемуся на берегу озера добротному бревенчатому дому и сказали, что здесь можно расположиться на ночлег. Огонь, пожравший плотно застроенное

село, пощадил эту избу, так как она стояла на отшибе — Веллан пояснил, что здесь, наверняка, жили оборотни. Они, мол, всегда строят дома немного в стороне.

Пепелище выглядело мрачно, пуская снегопады и замели черные останки некогда красивых и крепких домов. Некоторые здания выгорели лишь частично и теперь ветер, налетающий с гор, тревожил уцелевшие деревянные ставни, хлопавшие о рамы и поскрипывающие заржавевшими петлями. Невдалеке шумел лес, хрустел под ногами лошадей подмерзший настом снег. Только одно оживляло угрюмую картину — на ветках высоких кедров пощелкивали клесты, ссорясь из-за шишек с орешками.

Зеленое зарево мы видели и предыдущей ночью, и этим вечером. Над горами иногда взлетали фонтаны изумрудного сияния, слышался тяжелый гул и подрагивала земля. Фрам сказал, что бояться нечего — в округе полно зверья, а значит, ядовитые испарения подгорных тварей не опускаются на долины. Иначе животные умерли бы.

Несколько раз встретили волков — самых обычных. Крупные стаи, числом не меньше двух десятков. Волки побаивались подходить ближе, хотя по виду были голодны. Скорее всего, хищников отпугивал Веллан: любой оборотень для волка — то же, что вожак стаи. Видели медведя-шатуна, изгнанного из берлоги бесконечными землетрясениями и предчувствием опасности. К счастью, медведь только что заломал лося и не обратил на отряд никакого внимания. Правда, покосился вслед — а вдруг люди отберут добычу? Мелькали серые шкурки белок, изредка пробегали соболя. Ближе к перевалу, ведущему к Райте, Веллан с легким удивлением указал нам на странные трехпалые следы и заявил, что минувшим днем здесь проходила дрохо. Дрохо — это огромная ящерица, теплокровная тварь, покрытая белой пушистой шкурой, наподобие Тицо, любимца Халька.

Разумеется, летописец забрал с собой маленькое животное, не пожелав оставлять его на содержании во дворце Эрхарда. Корзинку, в которой ехал Тицо, обмотали плотным шерстяным покрывалом, чтобы зверек не замерзал ночами. Днем Тицо по обыкновению сидел за пазухой у Халька, изредка выбираясь на свежий воздух, чтобы рассмотреть окрестности. Аквилонец не переставал удивляться сообразительности существа — оно уже сносно говорило на человеческом языке, передразнивало наши беседы, но рассказывать, откуда взялось и что делало в Ямурлаке, отказывалось наотрез. Не помню, и все тут!

Если говорить вкратце, наш план был таков: спуститься в гномьи выработки, добраться до смотрового окна, откуда видна черная штуковина, порождающая подземных чудищ, а затем попробовать выйти на нижние уровни подземелий, к озеру лавы, о котором рассказал Фрам. А там будем решать, что делать.

— Веллан, Мораддин и я занимаемся лошадьми, — скомандовал Конан, когда мы оказались у стен уцелевшего дома. — Фрам, Тотлант, Хальк, зайдите в дом, осмотритесь. Если что — позовете нас.

— А если нас съедят раньше, чем мы успеем позвать? — устало отозвался библиотекар.

— Здесь никого нет, — Тотлант уверенно поднялся на крыльцо и толкнул дверь. — Ни людей, ни существ, принадлежащих... ну, вы поняли. Я умею чувствовать чужое присутствие. На чердаке — с десяток летучих мышей. Они в зимней спячке. Под коньком крыши свил гнездо филин...

— Ты еще о пауках доложи, — скривился король. — Почему вы, колдуны, такие мудрые?

— Чтобы уравновесить скудоумие остальных, — не остался в долгу стигиец. — Эй, Фрам, посмотри на пленницу! Остались дрова. Потащили в дом!

Когда окончательно стемнело, мы все сидели вокруг обычного для Пограничья круглого очага. Дом,

заброшенный несколько лун назад, как оказалось, удивительно хорошо держал тепло — большая горница нагрелась моментально, стоило лишь развести огонь. Вдоль стен были протянуты длинные скамьи, большой стол стоял посередине, а на полках обнаружилась чистая глиняная и деревянная посуда. Удивительно, что в клетке обнаружились нетронутые мышами припасы и на ужин мы разжились отличным копченым окороком... Правда, окорок подмерз, но стоило положить его у очага — мясо начало оттаивать.

Только здесь, в Райте, я понял всю великую опасность, исходившую от зеленого пламени. Мне случалось бывать в брошенных хозяевами или разоренных войной поселениях, но нигде я не видел ничего подобного. Такое впечатление, что этот дом-призрак лишь недавно оставлен хозяевами и они вернутся очень скоро. Сохранилась мебель, немудрящая деревенская утварь, даже припасы остались... А людей нет. И, видимо, новые поселенцы уже не придут на дурное место — никто не строится на пожарище. Райта умерла. Вернее, деревню и ее хозяев убил зеленый огонь. Представив себе весь мир, наполненный лишь опустевшими городами без людей, замками-привидениями, холодными запыленными дворцами и мертвыми деревнями, я поежился.

Мрачная картина. Надеюсь, такого не случится.

Пужинав, мы легли спать. Сторожить первую часть ночи вызвался Веллан, его должен был сменить Тотлант, а я взялся подняться после волшебника и охранять наш сон до утра. Впрочем, стигиец сообщил, будто поблизости опасности нет, дрохо по ночам спят, а чудовища наподобие вампиров, упырей или мульт здесь не водятся.

Конан устроился неподалеку от входа, на широкой скамье. На всякий случай киммериец, подав заодно пример остальным, поставил меч рядом. Похоже, словам волшебника он не очень верил.

Я заснул сразу и открыл глаза лишь когда Тотлант незадолго до рассвета потрепал меня за плечо и тихо сказал:

— Поднимайся. Твоя очередь. В округе все тихо, только у меня почему-то нехорошее предчувствие. Почему — не знаю. На всякий случай возьми эту штучку.

Стигиец протянул мне мешочек, в котором перекатывались маленькие шарики.

— Появится чужой — брось шарики в него, — шепнул волшебник. — Это ненадолго остановит любое существо, от человека до демона. Мы успеем проснуться и забрать оружие. Понял?

— Да, — кивнул я. — Иди спать.

* * *

В зимнюю пору на полуночных землях рассвет наступает поздно — незадолго после девятого полнолуночного колокола. Сменив Тотланта, я некоторое время просто сидел у гаснущего очага, потягивал пиво и размышлял о предстоящих делах. А заодно пытался предположить, что именно может произойти в закатных государствах в течение ближайших года-двух.

К великому сожалению для рода человеческого, чуждого волшебству, магия является одной из важнейших сфер нашей жизни. Немногие люди, способные улавливать пронизывающую мир «силу» и умеющие повелевать ею, могут напортить многое. Против магии бессильны армии величайших государей, народные восстания и интриги королевских дворов. Иногда, впрочем, волшебникам можно противостоять — они имеют те же слабости, что и обычные люди, а потому этими слабостями пользуется мой Вертрауэн. Несколько раз мы подкупали зингарских и кофийских колдунов, некоторых сбрендивших волшебников пришлось вообще устранить с помощью кинжала наемного убийцы, иные маги с удовольствием

соглашались работать вместе с Тайной канцелярией — им, видите ли, острых ощущений не доставало!

Недавно, к примеру, тайной службе удалось нейтрализовать одного из самых серьезных колдунов Стигии. Его имя известно на Закате — Тот-Амон, сын Мин-Кау, родом происходящий из Сухмета. Не спорю, этот знающий и умелый колдун не является слишком уж заметной персоной, но вся его беда в том, что Тот-Амон не ограничивает свою деятельность лишь магией, а вмешивается в политику. Почему? Наверное, ради собственного удовольствия. Достаточно вспомнить его аферу (к счастью, не удавшуюся) с наследницей зингарского престола, принцессой Чабелой. Или историю с заговором «Бога из чаши». Тогда (это случилось лет двадцать назад) неумный стигиец нагадил в Нумалии. А его последняя авантюра, связанная с пиктами и аквилонским дворянином, авантюра, грозившая разрушить какой-никакой барьер между пиктскими варварскими землями и цивилизованной Аквилонией, стоящей на страже спокойствия всего Заката, вынудила меня и моего помощника графа Майля принять кое-какие меры. Собственно, из-за этой истории моя супруга Ринга, графиня Эрде, уже полгода сидит в Ианте Офирской, пережидая поднявшуюся в Черном Круге Стигии бурю...

Департамент не слишком мудрил. Мы попросту (с помощью нанятых Рингой конфиденентов) скомпрометировали Тот-Амона в глазах его приспешников из Черного Круга, а дальше стигийцы все сделали сами — у колдуна было отнято волшебное кольцо, в коем заключалась часть его силы, а сам он бежал на Закат и, растеряв большую часть могущества, попал в услужение к обычному аквилонскому дворянину. Интересно, каково сейчас приходится Тот-Амону? Несомненно, рано или поздно он придумает способ выкарабкаться из этой неприятной ситуации, но пока стигиец безопасен.

Магия, магия... Как говорит наш киммериец: «Врезал мечом по башке — и нет никакой магии!» Однако здесь, в Граскаале, «врезать мечом» не получится. Тем более что жутковатая тайна, скрывающаяся возле пика Бушующих Ветров, не имеет к волшебству никакого отношения. Это что-то другое. Как правильно выразился Веллан, «Чужое». Впрочем, я бы не стал возражать, если бы Тот-Амон сейчас был на нашей стороне — Тотлант по сравнению с ним невежественный недоучка.

Я отодвинул опустевшую кружку, встал и выглянул в окно. Постепенно наползали синевато-голубые рассветные сумерки, небо на востоке чуть посветлело. В доме все спали. Конан, широко раскинувшийся на скамье, едва слышно похрапывал, Хальк зарылся с головой в меховой плащ, Веллан что-то шептал во сне... Фрам, разлегшийся на полу, причмокивал губами — наверняка гному снилось пиво.

Я похлопал себя ладонями по бокам — очаг прогорел, и в доме стало холодать. Дров не осталось, лишь багровели угли, дававшие все меньше тепла.

Утро. Теперь уже не должно случиться ничего особенного. Просыпающиеся ночью чудовища (которые, как утверждает Тотлант, в Пограничье не водятся) заснули, а дикие животные не подойдут к дому, в котором спит оборотень. Однако сейчас все проснувшись, захотят поесть горячего, а за дровами никто идти не соберется. Так что я натянул подбитый мехом зимний тигеляй, забрал боевой топор Фрама (надеюсь, гном не обидится...) и пошел во двор.

Проведал лошадей — наши коньки спали стоя, мешки с овсом были почти опустошены. Вроде бы все лошади здоровы. Вот и отлично. А я отправлюсь рубить дрова.

Конечно, рубать толстые поленья боевой секирой, выкованной в подгорных кузницах гномов, не совсем хорошо — не для того она предназначена. То есть

боевое оружие создано лишь для битвы. Однако дерево без особых усилий со стороны человека поддавалось острейшему металлу и вскоре возле моих ног громоздилась целая гора пригодных для сожжения в очаге полешек. Некоторое время я потратил на то, чтобы перетаскать дрова в дом, а затем долго раздувал очаг. Поставив на огонь котелок с водой, я сел и подумал о том, что лучшего способа согреться не найти — рубив дерево, я даже вспотел. Скоро надо будить честную компанию... Может, сейчас и начать? Правда, это чревато тем, что Конан запустит в меня сапогом, а Хальк будет пол-утра ныть: его, понимаешь, разбудили слишком рано, на улице холодно... Ну, и так далее.

А это еще что такое?

Я резко повернулся к скамье, на которой расположился Конан, и застыл с открытым ртом. Какого демона здесь делает Тицо? Сбежал, проклятый грызун! Надо поймать и сунуть обратно в корзинку, иначе Хальк меня убьет за то, что недосмотрел за его маленьким уродцем!

Замерев, я наблюдал за Тицо. Маленькое существо каким-то образом выбралось из запертой корзинки, залезло на скамью киммерийца и сейчас сидело рядом с головой спящего Конана. Малюсенькие розовые ладошки зверька лежали на висках варвара, а сам Тицо что-то очень тихо бормотал. Прислушавшись, я различил искаженные писклявым голоском слова:

— Султанапур... Государь Илдиз и его гвардия... Нумалия... Герцог Просперо Пуантенский... Чабела, дочь Фердруго... Ринга...

Услышав имя своей жены из уст Тицо, я вскочил как ошпаренный и одним прыжком оказался возле постели киммерийца.

— Ты чего делаешь, уродец? — громко рявкнул я. — Тицо, отойди от Конана! Марш в корзинку!

Я нагнулся, взял зверька за шкуру и оторвал от головы варвара. Животина взглянула на меня невин-

ным взглядом ярко-голубых глазок и тихонько пискнула. В следующий миг коротенькие лапки уцепились за мою одежду на груди, и Тицо пополз мне на плечо.

— Развлекаешься, да? — Я погладил его левой рукой по загривку. — Ты что делал, маленький мерзавец?..

Проклятая тварь оказалась шустрее дарфарской обезьяны. Я не заметил, как Тицо с помощью задней лапы, украшенной короткими, но цепкими пальчиками, вытащил из ножен висевший на моем поясе кинжал, мигом переброшил его в переднюю лапу и замахнулся...

— Ах ты скотина! — выдохнул я. Тицо целил острием в глаз.

Спасибо моему первому учителю-кхитайцу из Султанапура, сумевшему развить в десятилетнем Морадине неплохую реакцию. Я отбил удар, поранив при этом ребро ладони, правой рукой отодрал от себя зверька и отбросил его в сторону. Тицо взвизгнул, скакнул в сторону двери, нырнул в щель и исчез. Я, толкнув стол, бросился к своему мешку, к которому был приторочен короткий самострел, и, не раздумывая, сорвал оружие с ремешков.

— Какого демона? — Это проснулся Хальк. — Ты чего шумишь?

Не обратив внимания на летописца, я рванулся к двери, распахнул ее и успел заметить маленькую светлую тень, скользившую по снегу. Щелкнула тетива самострела, стрела с коротким визгом ушла в сторону деревьев, и я с разочарованием заметил, как толстый болт ударил в наст всего в одном-двух дюймах от убегающей зверюшки. Спустя мгновение она скрылась среди деревьев. Преследовать Тицо было невозможно — животное слишком легкое, чтобы оставлять следы на обледеневшем снегу, и слишком маленькое, чтобы его обнаружить в дремучей чаще. Может, послать по следу Веллана? Впрочем, нет. Обо-

ротень сумеет догнать этого ублюдка, но мы не сможем преследовать его по глубокому снегу...

— Кром и Митра! — Я услышал за спиной рык Конана. — Что происходит? Морадин, в кого палишь?

Киммериец воздвигся за моим правым плечом и подозрительно осмотрел двор и ведущую в глубину леса просеку.

— В Тицо, — сказал я, стараясь придать голосу спокойствие. — Сбежал.

— Зачем в него стрелять? — завопил Хальк. — Это безобидное создание...

— Твое безобидное создание... — я шагнул в дом и плотно притворил дверь. Остальные продирали глаза, лишь Тотлант проснулся мгновенно, будто кошка, — пыталось меня убить. Ударом кинжала в глаз. Посмотри.

Я кивнул на лежавший на полу клинок, показал поцарапанную ладонь, и коротко объяснил, что произошло.

— Тицо выбрался из корзинки? — изумился Хальк и, подбежав к постоянному обиталищу своего любимца, осмотрел крышку. — Невероятно, замок открыт... Я точно помню, что запирал его вечером!

— Понятно, — сквозь зубы проговорил Конан. — Хальк, иди сюда.

— Зачем? — Летописец подозрительно глянул на короля.

— Бить буду. Долго. Ногами, в лицо, и не снимая сапог. — Конан аж побагровел. — Ты кого нашел в Ямурлаке?

— Маленького безвредного зверя, — уверенно заявил Хальк. — И не нужно меня бить. Я, в конце концов, дворянин! Хочешь — вызывай на поединок.

— Постойте! — Я вмешался в этот напряженный разговор. — Конан, утихомирься. Хальк, сядь рядом с Фрамом и не трепли языком. Эй, Конан Канах, расскажи, как ты проснулся?

— Голова болит,— рыкнул варвар.— И сны странные виделись. Будто вся жизнь перед глазами прошла. Тебя видел, Рингу. Помнишь эту сучку из Немедии? — Я едва сдержался от желания двинуть киммерийцу по морде. Впрочем, он не знает, что Ринга — моя жена.— Всякое видел во сне. Как служил Илдизу лет в восемнадцать, как пиратствовал под зингарским флагом. Как Нумедидеса прикончил. Хальк, рассказывай, в чем дело?

— Не знаю,— едва не плача, ответил летописец.

— Повремените с обвинениями.— Я встал между Хальком и Конаном.— Зверь пытался убить меня. Удар знакомый. Таким образом едва не прикончили грифона Энунда и отправили к Нергалу двоих гвардейцев из стражи Конана. Хальк, ты уверен, что запырал крышку корзины на ночь?

— Да! — выкрикнул Хальк и вытащил из-под рубахи цепочку с оберегом, медальном и маленьким серебристым ключиком.— Вот ключ! Второй потерялся еще в Тарантии.

— У тебя что, было два ключа от замка? — округлил глаза киммериец.

— Конечно,— сказал Хальк.— Корзинку делали на заказ. Для замочка сделали два ключа. Один запасной. Я думал, что потерял...

— Интересная история,— неожиданно подал голос Тотлант. А Веллан добавил:

— Хальк, ты понимаешь, что во всех наших неприятностях по дороге в Пограничье может быть виноват Тицо?

— Понимаю,— вздохнул летописец.— Граф Мораддин, вода на очаге закипела... Давайте успокоимся и постараемся обсудить эту историю. Согласны?

— Честное слово, я тебя зарежу,— проворчал Конан.— Хорошо. Мораддин, Фрам, сделайте поесть. Остальных прошу сесть за стол. Фрам, где бочонок пива, который ты прихватил с собой? Давайте думать.

Деревянные кружки покрылись шапками пены, Фрам ожесточенно насаживал мясо на тонкие стальные вертела, а Тотлант, желая нас отвлечь, наколдовал соленой рыбы к пиву. Всегда уважал настоящее волшебство. Как-то мне объяснили знающие люди, что заклинания, называемые «создающими», требуют недюжинного мастерства. Якобы волшебник творит необходимую вещь из растворенных в воздухе мельчайших частиц, невидимых глазу. Удивляюсь, как Тотлант может вынуть прямо из пустоты отличную рыбу?.. Впрочем, сейчас нужно думать не о секретах магического искусства.

— Ну? — Конан хмуро оглядел нас.— Высказывайтесь. Только не хором. Мораддин, ты здесь самый умный, поэтому начинай.

Так всегда. Как только случается нечто из ряда вон выходящее, отдуваться приходится мне. И почему киммериец решил, что самый умный — именно я?

— Хорошо,— я сел поудобнее, откашлялся, хлебнул пива и начал выкладывать свои соображения,— я рассуждаю просто. Когда начались наши неприятности?

— После первого сообщения о зеленом огне,— нехстати перебил меня Хальк.

— Это вполне естественно.— Я позволил себе улыбнуться.— Но я имею в виду неприятности другого рода. Вскоре после приезда из Ямуряка, где мы напали Тицо, пытались убить грифона. Затем мы отправились сюда, в Пограничье. Погибли двое гвардейцев, покалечены лошади, в отряде началось взаимное недоверие... Ночью напали на Халька, и он не помнит, чтобы в комнате таверны находился кто-то другой. Когда умерли подчиненные Паллантида, мы основывались на словах Тицо: «Сюда заходил человек». Однако этого человека никто в глаза не видел. Веллан не смог распознать запах убийцы. Велл, как ты говорил? Это был «чужой»?

— Именно,— подтвердил оборотень.— Запах животного существа, но чужого... Тицо пах по-другому. Однако в комнате Халька чужой запах был сильнее всего.

— Далее,— продолжил я,— сегодня маленькая мирная зверюшка делала что-то странное с Конаном. Я ее спугнул. Тицо пытался меня убить и убил бы, окажись у него времени на полмгновения больше. Два вывода: либо этот зверек и есть тот самый таинственный «хозяин зеленого огня», либо животное принадлежит этому «хозяину». И оно старательно пыталось помешать нам добраться до Граскаала.

— Тицо не может быть хозяином,— отрицательно покачал головой Хальк.— Василиск из Ямурлака говорил, будто это чудовище огромно размерами и окраска у него... несколько другая. Зеленая.

— Зеленый и чешуйчатый,— со смешком буркнул Конан.— А мы имели дело с белым и пушистым. Разницу замечаете?

— Неважно. Мы столкнулись с тайной, на которую нет ответа,— сказал я.— Тицо сбежал... Э, Хальк, а почему ты вообще взял Тицо с собой в Пограничье? Ну-ка отвечай!

— Почему? — Летописец задумался. Дальнейшая речь Халька звучала отрывисто и сумбурно: — Я раньше этому как-то не придавал значения... Я хотел было оставить его с госпожой Эвисандой, как и сармака. Графиня смогла бы позаботиться о двух красивых и необычных зверьках. Еще при выезде из Ямурлака я понял, что Тицо разумен, и начал с ним разговаривать, пытаюсь обучить человеческому языку... А в Тарантии, в утро нашего отъезда, я сказал Тицо, что уезжаю и надолго. Когда я собирал вещи, зверь начал верещать. Грубо говоря, орал в голос. Я отнес его к Эвисанде... Тицо хотел укунить госпожу графиню и не мог оторваться от моей одежды. Вопил жутко. Я ему тогда сказал, что, может быть, смогу взять его с собой, и Тицо сразу замолчал...

— Интересные дела.— Конан взъерошил пятерней темные волосы с редкой, почти незаметной сединой.— Получается так, что зверюга напросилась ехать с нами. Ты куда глядел, балда?

Хальк надулся и твердо отчеканил:

— Можно подумать, будто ты у нас слишком предусмотрительный. До сегодняшнего дня я считал Тицо маленьким безобидным существом. Конан, скажи, кто-нибудь из нас мог подумать о том, что этот зверек может убить человека? Что он может являться тем самым «чужим», о котором поминал Веллан?

— Тицо оставил после себя множество вопросов,— заметил стигийский волшебник.— Как он умудрился убить гвардейцев и ранить грифона? Он ведь казался маленьким и слабым... Когда он убивал наших спутников и калечил лошадей, его никто не видел, а это значит, что зверек умеет отводить чужое внимание. Хальк, между прочим, уверяет будто в комнате в ночь покушения никого не было... Почему ямурлакский найденыш пытался посорить нас столь жестоким способом? И, наконец, что Тицо делал с Конаном сегодня утром? Какие последствия это может вызвать? Я, признаться, в недоумении...

Доселе молчавший Фрам снял со стены большое деревянное блюдо, сбросил на него шипящее жирное мясо, подогретое над огнем очага, и выставил на стол.

— Я так думаю,— веско проговорил гном,— чудовища там или кто другой, а покушать надо. И вообще, зачем вы спорите? Мораддин, ты, конечно, похож на гнома, но многословность наверняка унаследовал от матери-человека. Поцарапанная ладонь скоро заживет и, если хочешь, я тебе дам мазь от ран. Ваш зверек убежал. Все живы. Конан вроде бы здоров. У нас сейчас другие дела.

— Несомненно,— прошелестел Тотлант.— Но вы знаете, почтенные месьоры... В последние дни я чувствовал присутствие чего-то странного. Не спраши-

вайте, каково это чувство. Человеку, не обладающему даром волшебства, подобное не объяснить... Это ощущение лучше всего описал Веллан — «Присутствие чужого». Я беспокоился за нас. Но был уверен, что смогу защитить отряд своей Силой. Сейчас тревога стала меньше. Наверное потому, что...

— ...Что противник отдалился? — догадался я, перебивая Тотланта. — Тицо сбежал, но крутится не-подалеку?

— Нет, — твердо произнес стигиец. — Он уходит. По-моему, он удаляется на полдень, в сторону Вольфгарда или к немедийской границе.

— Не дойдет, — Конан хитро ухмыльнулся, — зверь маленький, шкура не ахти... В лесу очень холодно. Если Тицо поймает росомаха или куница, я только пораду-юсь.

— Мясо остывает, — напомнил Фрам. — Кушайте, почтенные. Конан, тебе особое приглашение нужно? Нам выходить не позже чем через один колокол. Иначе к вечеру не доберемся до штольни.

Мне всегда нравилась рассудительность и практичность гномов, предков моего отца. Что бы ни случилось, гном прежде всего подумает о хлебе насущном, о предстоящем деле и своих друзьях. Фрам полностью отвечает этим правилам. Между прочим, темнобородый высокий гном изначально решил взять на себя заботы о нас, людях, предполагая, видимо, что без его руководства все дела будут забываться, вещи потеряются, а мы сами останемся голодными.

Во многом Фрам наверняка прав.

* * *

Вопреки мрачным предположениям моего сородича, шахта, ведущая в подземелья погибшего от зеленого огня клана Фрерина, обнаружилась задолго до захода солнца. На обрывистом склоне выветрившейся базальтовой горы зияло темное отверстие, под

крутым углом уходящее в черную глубину. Из дыры шел пар и поэтому глубокий снег, лежащий на камнях возле штольни, изрядно подтаял и замерз, превратившись в толстую ледяную корку.

...Скакунов мы оставили в мертвом поселке, некогда носившем имя Райта. Конан и Веллан вначале долго огорчались из-за лошадей — неизвестно, как долго придется бродить под горами, никого нельзя оставить в деревне для ухода за коньками и, соответственно, бедные животные несколько дней будут голодными, а то и вовсе падут.

Как обычно, положение спас волшебник. Тотланту ничего не стоило оградить частично разрушенную конюшню охранным заклинанием и на время усыпить лошадей. По словам стигийца, скакуны будут спать до самого нашего прихода. А если мы не вернемся — заклинание само прекратит действие через пять дней, и лошади будут предоставлены своей судьбе.

Мы прошли пешком не меньше лиги, поднимаясь в горы по козлиным тропам. К счастью, выметенный вьюгой снег был не слишком глубокий и двое самых малорослых членов отряда — я и Фрам — не утопали в нем по грудь. Погода стояла вполне благоприятная — светило солнце, небо было ярко-голубым, а на закате серебрился серп нарождающейся луны. Я расслышал, как Веллан бормотал благословение какому-то богам за то, что сейчас не полнолуние. В этом случае звериная половина нашего оборотня взяла бы верх над человеческой — выходит, легенды о том, что на оборотней влияют фазы луны, верны.

Конан, как самый высокий и здоровенный из всей компании, шел впереди, разметывая снежные наносы. За ним следовал Тотлант, изредка прожигавший волшебными огоньками особенно большие сугробы, потом шли Халк и Фрам, а мы с Велланом замыкали цепочку. Я никогда не жаловался на отсутствие физической силы — благодарение богам, унаследовал

мощь предков-гномов — но все равно тащить на себе тяжеленный заплечный мешок, набитый сосновыми факелами, едой, флягами с крепким красным вином и оружием, тяжеловато. Замечу, кстати, что Фрам нес в два раза больше меня (гном взял с собой большую кирку и горные инструменты), но, в отличие от всех нас, даже не отдувался и не пыхтел, а спокойно шел вперед. Ох и выносливы мои родичи!

Два раза мы видели дрохо — снежных ящериц. Они пятались на нас из-за камней, прикидывая, стоит ли нападать на столь доступную и легкую добычу. Я сам впервые видел дрохо воочию и, честно признаться, не хотел бы связываться с настолько крупной и очень ловкой тварью — дрохо была похожа на стигийских крокодилов, что содержатся в зверинце Бельверуса. Единственно, ноги у нее гибкие, бегают быстро и зубы длинные, как у дракона. А кроме того, снежная ящерица покрыта коротким, но очень плотным белым мехом.

Дрохо не стали нападать. Наверное, решили, что мы им не по зубам. Зверюги пошипели на отряд из-за камней, потрогали воздух длинными раздвоенными языками и скрылись. А вскоре мы вышли на гребень перевала и...

Вот она, туманная стена, закрывающая пик Бушующих Ветров. Более всего она напоминала облако, опустившееся на землю и покрывшее куполом пространство, на котором может уместиться довольно большое немедийское баронство. Из самой середины туманной полусферы в голубые небеса вонзалось серебряное оконечье огромной горы. Облако бурлило, исходило серовато-белыми призрачными клубами, солнечный свет подкрашивал его в золото... До наших ушей доходил едва слышный гул, редкое громохание и странный шорох, выпрастывающийся из-под земли. Твари, которые погубили многие тысячи людей в Немедии и Аквилонии, ползали под горами. Я сумел уловить, как с одной стороны туманного купола вдруг взблеснуло зеленым...

— Шахта здесь, — сказал Фрам. — Конан, Веллан, возьмите стальной штырь и вбейте его в камень. И, пожалуйста, сделайте все накрепко. К штырю мы привяжем две веревки, по которым будем спускаться в шахту. Граф Мораддин, вот тебе баночка с зельем, промажь им веревки. Тогда есть вероятность, что канаты не тронут здешние животные. Тотлант, поставь вокруг шахты охранное заклинание. Барон Хальк, сколько можно глазеть на окрестности? Готовь факелы!

— Раскомандовался, — проворчал киммериец, который вместе с Велланом уже забивал острый железный костыль в щель меж камнями у самого входа в штольню. — Ненавижу гномов! Почему я, король Аквилонии, должен слушаться подгорного карлика?

— Очень просто, — отозвался Фрам, ничуть не обидевшись. — Без меня вы не выживете внизу. И ты, Конан из Киммерии, должен будешь слушать старого Фрама и всемерно ограждать его от разных опасностей! Понял?

— Понял, понял. — Конан смирился. — Стоило становиться королем, чтобы тобой помыкал гном! Веллан, ты подумай, а?

— Сам виноват, — бессердечно обронил бритуниец. — По-моему, твое призвание в работе наемника, а не монарха.

— А по-моему его призвание — портить жизнь окружающим, — елейным голоском вставил Хальк. — Мой государь — это неприятность, которая ходит и ищет, где бы ей случиться.

Конан только поморщился, наверняка решив, что отвечать летописцу будет ниже его достоинства.

Наконец, крепкие и очень толстые пеньковые веревки, вымазанные снадобьем гнома, были увязаны на громадном стальном гвозде. Первым в глубины гномских подземелий спустился Фрам, а сразу за ним пошел Тотлант. Мы терпеливо ждали наверху, надеясь, что с ними ничего не случится и страшные подгорные

твари (судя по легендам, брошенные поселения гномов непременно заселяли всякие невиданные на поверхности чудовища) не осмелятся напасть прямо здесь, возле выхода из покинутого обиталища карликов.

В горах поднялся ветер, и тучи морозной ледяной пыли нависли над вершинами Граскааля.

— Все в порядке, — донесся из глубины гулкий голос Фрама. — Конан, отправь остальных, а сам иди следом.

..Мы спустились по наклонной шахте в широкий, тщательно отделанный трудолюбивыми гномами коридор, укрепили веревки на каменных столбах и остановились в молчании. Пахло гарью, разложением и смертью. Плохо пахло.

— Надо идти налево, — сказал Фрам. — Тотлант, мы с тобой впереди, замыкают Конан и Мораддин. Ким-мериец, не возмущайся. Самый неожиданный и сильный удар может быть нанесен в спину. Тогда ты себя и покажешь.

— Эй, Конан Канах, — вдруг улыбнулся Хальк. — Все-таки мир спасать идем. Скажи что-нибудь торжественное, я это потом в летописи запишу!

Конан подумал и сказал:

— Вперед!

И мы пошли вперед.

Глава четвертая ВЕЛЛАН, ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ

Гномье царство под горами Граскааля.

18 день третьей осенней луны

«...Неоднократные извержения подземного огня, как известно, вызвали многообразные разрушения в подземных поселениях гномов, заставив их обитателей искать спасения на поверхности.

Однако, спустя некоторое время, некоторые из подгорных карликов рискнули наведаться в спешно брошенные пещеры.

Их целью было спасти уцелевший в них скарб, а также попытаться установить размеры разрушений и определить средства, необходимые для восстановления погибших жилищ.

Гномов ожидало радостное открытие — они преждевременно объявили свои владения разрушенными до основания.

Конечно, большинство подземных городов были изрядно трачены огнем, кое-где обрушились переходы и штольни, но в целом поселения гномов сохранились в целостности.

Требовалось лишь каким-либо образом устранить все еще скрывавшийся в малонаселенной части Граскааля источник зеленого огня, и тогда можно было

вести речь о возвращении гномов в места их исконного проживания...»

*Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства*

Ненавижу подземелья! Удивительно, как гномы могут всю жизнь торчать в этих темных, пропахших мхом и каменной пылью коридорах? Однако запах этот — исконный аромат гномьих поселений — сейчас остался только на нижних уровнях, куда мы спустились сразу после заката. Думаете, откуда я знаю о перемене времени суток? Ха-ха, это еще одно врожденное свойство оборотня!

Наверху пахло совсем по-другому. Первые четыре подземных этажа пропитались запахами гари, разложения и смерти. Было отчетливо видно, как подземный огонь, выпущенный на свободу неразумными гномами, прошел смерчем через ходы, вырубленные в скале, и уничтожил на пути все живое и неживое. Ужасное бедствие усугубили загоревшиеся запасы угля и подземной черной смолы, называемой гномами «нафтой». Несколько уцелевших родовичей клана Фрерина говорили нашему королю Эрхарду, будто их родные катакомбы горели еще несколько дней после вскрытия двери, ведущей внутрь Небесной горы. Черная смола разлилась, выжгла жилые уровни и отчасти пролилась в рудники — все работавшие там гномы задохнулись от дыма или сгорели.

Двигаясь за Фрамом в сторону пика Бушующих Ветров, мы много раз видели покрытые черной гарью скелеты карликов, уничтоженные огнем пещеры и залы. Стены и потолки переходов покрывал толстый слой жирной копоти, оставлявший маслянистые следы на одежде в случае, если ненароком прикоснешься. Вонь постоянно усиливалась.

Вскоре мы набрали на большую пещеру. Ее потолок скрывался в темноте, но, судя по разносившемуся эху, сей зал был удивительно огромным.

Огонь не пощадил и это помещение. Здесь не просто воняло, а буквально вопияло к небесам! Если, правда, можно достичь светлых небес из подгорного царства...

Едва мы вошли внутрь, Конан скривился и зажал нос ладонью. Хальк (это было заметно даже при оранжевом свете факелов) смертно побледнел, обычно сдержанный Мораддин пробормотал ругательство, а Тотлант вынул из мешочка на поясе нюхательную соль.

— Воображаю, что здесь было тогда, — глухо сказал киммериец. — Легенды моего народа и нордхеймцев рассказывают о Царстве Мертвых, которым правит страшная великанша Хель... Там вечно горит неугасимое пламя, пожирающее тени всяких ублюдков, живших недостойно, или души людей, умерших не как воины. Тут, похоже, бывала сама великанша, принесла с собой частицу Вечного огня...

— Ужасно, — вздохнул Мораддин. — Сколько же их здесь?..

Зал был завален трупами. Ближе к дверям, выходящим к нижним уровням, покойники были обуглены, а некоторые сгорели до скелетов. Там, где стояли мы, тела гномов почти не были тронуты огнем, но надо вспомнить, что беда случилась уже больше двух лун назад... Вздутые животы, зеленая лопнувшая кожа и копошащиеся в глазницах личинки неизвестных насекомых. Под ногами противно хлюпает вытекшая из трупов вязкая и омерзительно пахнущая жидкость...

— Пусть Длиннобородый Отец примет их души, — прошептал Фрам. — Тут умерло не меньше трех сотен гномов.

— Надо уходить отсюда прочь. — Тотлант отступил к двери, через которую мы вошли, и бросил на Конана вопросительный взгляд. — Яд, распространя-

ющийся от трупов, может отравить нас. Фрам, кажется, в прошлый раз мы шли немного другим путем?

— Да, — подтвердил гном. — Но я думал, что если мы пойдем через Пиршественный чертог, будет короче.

— Хорошо они здесь попиروвали, — едва слышно буркнул Конан. — Уходим.

Вскоре Фрам нашел лестницу, уводящую вниз, в обход общей могилы, в которую превратился некогда великолепный и пышный зал. Мы спустились на три уровня вниз, нашли чистый коридор, ведущий точно на полуночный восход, и зашагали по нему.

Гном объяснил, что сейчас мы двигаемся в нужном направлении, но, чтобы потом выйти к смотровым окнам, потребуется снова подняться наверх. Скорее всего, до рассвета к окнам мы не доберемся, так что заночевать придется прямо в коридоре или в одном из хозяйственных помещений. К счастью, на этот уровень огонь не добрался, но ядовитые испарения и дым выгнали отсюда всех живых существ или уничтожили их.

— ...Кроме, наверняка, элайнов, — проворчал Фрам, споро шагая вперед. — Элайны, думаю, выживут даже после конца света. Крепкие они больно.

— Может быть, ты объяснишь, что это за существа? Ты много раз упоминал о них, — спросил Хальк, уже отправившийся от потрясения, испытанного в Пиршественном чертоге. — Они не опасны?

— Как сказать, — на ходу пожал плечами гном. — Мы научились их приручать, но у элайнов остались дикие семьи. Их немного, но они есть. И, если на нас нападет дикий элайн, будет плохо. Так что смотрите по сторонам. Если увидите хоть одно движение, сразу скажите.

Я полагаю, что боги людей и оборотней никогда не заглядывали в гномские подземелья. Известно, что Митра владеет небом и землей. Хель или Нергал по-

велевают тайным подземными миром теней. Остальные боги ведают жизнями и судьбами человеческого рода, не уходя с поверхности земли ни наверх, ни вглубь. А вот у гномов свои боги. Фрам рассказал, будто подгорным миром, как в Граскаале, так и в Кезанкии, и в прочих обитаемых гномами горах, верховодит неизвестный людям бог. Имени этого бога Фрам не назвал, сказав, что это тайна народа гномов. Этот бог хороший и добрый хотя бы потому, что однажды создал гномов. Но я думаю, что это была большая ошибка с его стороны. Конан мое мнение разделяет — киммериец всегда говорит, будто все беды в мире происходят от племени карликов. Они, мол, «живут не как все».

Любые разумные существа нашего мира — дети Бога Единого и Митры (как люди, так и оборотни), альвы, грифоны, василиски и другие — привыкли жить на поверхности, под светом Ока Солнечного Бога. Одни гномы предпочли зарыться в неимоверную глубину, ковыряться в камнях, добывая ненужные им богатства (сами понимаете, камушками да золотом не наешься!), и не признавать нас за родичей. Якобы люди отдельно, а гномы — отдельно. Еще кичатся: «Без нас человеческий род не научился бы обрабатывать металл и видеть красоту самоцветного камня и золота!» Вот какие эти гномы. И не представляю, как судить — плохие они или хорошие? Однако я общался с подгорными карликами долго и знаю, что у каждого гнома есть множество качеств, сделавших бы честь каждому человеку. Гном никогда не предаст друга, всегда держит слово и не отступится перед любой нечистью. А кроме того, любой гном, от мала до велика, отлично дерется на любом оружии.

Только бы гномы воображали о себе поменьше...

По моим расчетам, мы прошли по темным коридорам подземелий клана Фрерина не меньше двух

лиг. Снаружи, за этими толстыми гранитными стенами, отделяющими нас от привычного мира, уже было глубоко за полночь. И тогда Фрам свернул налево, в незаметную низкую арку (длинный Конан едва не расшиб себе лоб о каменную притолоку), и мы оказались в небольшом помещении с погасшим очагом и множеством деревянных ящиков, явно купленных некогда у людей.

— Малая оружейная, — провозгласил Фрам. — Мы устали, нужно отдохнуть. Располагайтесь. Спим до пятого полуночного колокола, а затем идем дальше. Хальк, притвори дверь. Граф Мораддин, сын почтенного Гроина из Кезанкии (гном даже сейчас не отступал от привычки к велеречивости), эти ящики можно разломать на дрова.

— Ну-ну. — Конан мрачно осмотрел комнату. — А дым? От очага пойдет дым. Мы же задохнемся!

— Не считай себя умнее других, киммериец, — сказал гном в ответ. — Подними голову и увидишь дымоход, специально пробитый на поверхность.

Конан задрал башку и вдруг раскрыл рот, чисто машинально положив ладонь на рукоять меча.

— Фрам, — тихо сказал варвар, — посвети факелом. На потолке кто-то сидит. Большой.

— Мерзость какая, — выдохнул Хальк, смотревший в том же направлении, что и Конан. — Кто это может быть?

Я не скажу, что не встречал за свою жизнь никаких чудовищ. Всякое бывало, честно признаться. И бестелесных демонов повидал, и лесных мантикоров, и болотных ящеров... Последние иногда появляются возле людских поселений Пограничья и таскают скот, а бедняки жалуются страже. Вот и изводим чудищ по мере сил. Но настолько безобразного создания я никогда не видел!

Мы подняли факелы на вытянутых руках. Мораддин задержал дыхание, Хальк отступил к стене, Фрам

улыбнулся, Тотлант сказал «Фи...», а Конан, осторожно вытащив меч, легонько потыкал острием в сидящее на потолке существо.

— Ну и рожа... — обескураженно проговорил король. — Фрам, объясни, кто это?

— Хотели увидеть элайна — пожалуйста, — ответил гном, отстраняя державшую меч руку Конана от жуткой черной твари. — Не бойтесь. Он прирученный. Видите клеймо на панцире? Знак клана Фрерина.

Элайн, спавший на потолке, проснулся и начал шипеть. Наверное, ему не понравился клинок варвара. Затем чудовище отцепило щупальца от едва заметных выступов на камне и мягко прыгнуло вниз, на пол пещеры. Я отшатнулся. Великая Иштар, да какой из богов мог создать такую страхолюдину?

Животное, поднявшееся на задние лапы, совершенно не походило на живых существ, обитающих на поверхности. Куполообразный череп, нависающий над ребристым туловищем, мощные ноги, длинные sustentaculate передние лапы, украшенные короткими, но очень острыми когтями... С боков у зверя свисали острые гибкие щупальца с присосками. На них-то он и висел на потолке. Ладонь существа напоминала человеческую, разве что оказалась раз в пять крупнее да и была покрыта черной глянцево-кожей. Длинный хвост, на который опирался элайн, смахивал на толстенную шипастую плеть. А морда!.. Мне подумалось, что элайн отдаленно смахивал на насекомое, называемое в полуденных странах «богомолом».

Такое впечатление, что «лицо» существа состояло из одних лишь клыков. Зверь, продолжая шипеть на нас, выпрямился, поднял тонкие темные губы и, слегка наклонив голову, начал осматривать прищельцев. Из рта капала прозрачная тягучая слюна.

— Тихо, тихо, мы свои. — Фрам бесстрашно выступил вперед. Угловатая фигура элайна возвышалась

над гномом как медведь над лисицей.— Как тебя зовут?

Элайн пискнул коротко, наклонив голову, «обнюхал» Фрама или осмотрел его — настоящих глаз у существа я не смог заметить.

Потом он раскрыл пасть, вытянул из нее нечто странное, одновременно похожее на язык или дополнительную пару челюстей, обвел этим органом лицо гнома и утихомирился.

— Хороший зверь, — ворковал Фрам, поглаживая ладонью гладкий черный череп элайна. — Ты голодный, наверное, да?

— Мы его кормить не будем! — громко сказал Конан. — Ты посмотри, какой он здоровый! И вообще, ты можешь его отослать куда-нибудь?

— Конан, — вздохнул гном, поворачиваясь к варвару. — Если бы ты нашел на улице бездомную собаку, ты бы ее приютил?

— Конечно, нет! — не раздумывая, ответил киммериец. — Между прочим, мне самому зачастую жить было негде и никто не удосужился меня «приютить», как ты выражаешься!

— Ах, — хихикнул аквилонский летописец, избывший страх перед необычным животным, — государь сравнивает себя с бездомной собакой! Как поэтично!

— Ты еще Петрониусу разболтай! — рявкнул король. — Фрам, убери отсюда это чучело!

— Ты не понимаешь одного, Конан. — Гном снова провел ладонью по темной броне, покрывавшей элайна. — Этот зверь многократно лучше собаки. Он никуда от нас не уйдет, пока мы будем находиться в подземельях, и оборонит от любой опасности — элайны удивительно сильны, выносливы и хитры. Ни одна подземная тварь не посмеет на нас напасть, когда рядом элайн.

— Еще и этого уroda с собой тащить! — просто-на-просто Конан, но тут черное чудовище мягко шагнуло к

варвару и громадная когтистая лапа легла ему на плечо. Киммериец инстинктивно отступил в сторону. — Ладно, Фрам, выстави его в коридор, пускай сторожит! А мы спать ляжем!

Гном проворчал под нос неразборчивое ругательство, оттащил жуткого зверя от варвара и приказал элайну идти в коридор. Чудище мягко подпрыгнуло, уцепилось гибкими щупальцами за потолок и, будто громадный паук, спешно переместилось за двери комнаты.

— Стражу можно не выставлять. Если появится кто-нибудь чужой, элайн нас немедленно разбудит, — сообщил Фрам.

— Вот и замечательно. — Хальк уже потрошил мешок, доставая оттуда меховую накидку. — Только, пожалуйста, не гасите факелы. Веллан и Фрам видят в темноте, а я — нет.

Наскоро перекусив, мы устроились на полу оружейного склада. Хальк, безмятежный Фрам и Тотлант заснули почти сразу, я просто лежал и бездумно глазел в потолок, а Конан принялся изучать окрестности. Затем киммериец, чьей деятельной натуре претило безделье, взял кинжал и, стараясь не шуметь, принялся вскрывать громоздившиеся вдоль стен ящики с несравненным гномьим оружием.

Уже засыпая, я слышал его бормотанье:

— Кистень... Всем хорош, только легковат... О, какой замечательный клинок! Даже охранные руны на лезвии выгравировали... Взять, что ли? Так, двуручная секира... Недурно, но топориче без зацепа... Ого, а это что такое!

— Конан, — сонно буркнул Фрам. — Пожалуйста, не трогай чужое. Между прочим, на некоторых клинках может лежать заклятие, защищающее от посторонних рук. Палец оттяпает — будешь знать!..

— Ведь интересно, — тихо прошепел киммериец. — Спи давай. И, кроме того, оружие ничейное.

Видеть не могу, когда хорошие вещи пропадают просто так!

* * *

Ночь, проведенная нами в подземельях гномов, не принесла неожиданностей. Я сплю довольно чутко и могу почувствовать приближающуюся опасность, Конан тоже всегда настороже, а уж о черном элайне и говорить нечего.

Хуже другое. Я четко ощущал легкое-легкое дрожание горной породы, иногда превращавшееся в незаметное другим смещение каменных слоев. Такое впечатление, будто наверху, на поверхности, происходило нечто странное — там постоянно шла какая-то работа. Я знал, что мы находимся у корней пика Бушующих Ветров и рядом с нами лежит Небесная Гора, но все одно — чувство некоей опасности, пока отдаленной, меня не оставляло.

Сказать, что я спал, нельзя. Скорее это напоминало полудрему. Остальные же беспробудно дрыгли. Конан и Фрам раскатисто храпели, а Хальк разговаривал во сне, причем не на аквилонском, а на своем гандерском наречии. Я вскоре понял, что над горами начало всходить солнце, поднялся, разжег огонь и начал будить своих попутчиков. Просыпаться они отказывались, лишь Конан вскочил моментально, решив, что поднялась тревога.

Собственно, потом не происходило ничего необычного. Встали, позавтракали и отправились дальше. Только Конан вызвал неудовольствие Фрама тем, что забрал себе очень красивый кинжал, найденный в одном из ящиков. Варвар оправдывался, говоря, будто гномы в эти подземелья уже не вернутся, а оружие рано или поздно заржавеет. После чего Конан прицепил длинную узкую дагу в черных, изукрашенных серебром ножнах себе на пояс и демонстративно перестал обращать внимание на брюзжание Фрама.

...Элайн, эта черная бесшумная и стремительная тень, оснащенная жуткими зубами и когтями, которым позавидовал бы любой дракон, двигался вперед. Фрам отдал элайну приказ на каком-то неизвестном языке, и нескладное чудище теперь вело нас вперед. Гном объяснил, что элайны отлично знают всю систему гномьих ходов и стоит лишь называть зверю место, куда хочешь прийти — он тебя отведет самой короткой дорогой.

Так и получилось. Мы быстрым шагом прошли по коридорам до ведущей наверх лестницы, вырубленной в огромном гранитном монолите, и начали подниматься наверх. Через некоторое время элайн вывел нас к залу, в который проникал дневной свет. Впрочем, это был не золотой взгляд Ока Митры, а серый, мутный и какой-то болезненный свет, не приносящий радости.

— Фрам, где мы? — Конан метнул взгляд на устроившегося под потолком элайна, сейчас тихо попискивавшего, будто говоря: «Пришли. Что вам еще нужно?» — Здесь смотровые окна?

— Несомненно, — нагнул голову гном. — Пройдем за угол, и там увидим площадку.

— Точно, — тихо сказал Тотлант. — Вспоминаю это место. Фрам, кажется, мы здесь уже бывали?

— Ведите. — Конан отступил на шаг от широкой двери, из которой проникал свет, и почему-то положил руку на рукоять новообретенного кинжала.

Фрам и стигийский волшебник смело ступили в проем, за ними двинулись Конан и мы с Хальком. Мораддин замыкал шествие, постоянно оглядываясь, будто его что-то беспокоило.

— Стойте, — вдруг сказал граф Эрде. Голос его был подчеркнуто спокоен, а это значило, что неподалеку опасность. — В том коридоре, откуда мы пришли, кто-то есть.

Я понюхал воздух. Не спору, человеческое обоняние не может сравниться с обонянием моей «звери-

ной» половины, но все равно я учуял странный чужой запах. И расслышал легкое шуршание. Будто змея ползет по камню.

— В чем дело? — Конан обернулся и шагнул обратно в привратный зальчик. — Фрам, подойди.

Гном подошел к черному провалу с уходящими вниз лестничными ступенями, прислушался и мигом свистнул элайн, вложив два пальца в рот. Зверь мгновенно занял позицию над лестницей, свесив вниз когтистые передние лапы и щупальца.

— Скверно, — бросил гном. — На наш след напал Бродячий Многоног.

— Бродячий... кто? — тонким голосом переспросил Хальк. — Это какое-то подгорное чудовище?

— Наподобие, — туманно отозвался Фрам. — Отойдите ближе к свету и приготовьте оружие. Сейчас нас попытаются сожрать.

— Как все знакомо, — хмыкнул Конан. — А твой элайн на что?

— Он сможет противостоять Многоногу, но, если чудовище окажется слишком большим, нам придется помогать. — Гном говорил быстро и напряженно. — Ждите. Такую тварь нельзя оставлять за спиной. Конан и Хальк пусть встанут справа от лестничного пролета, Веллан и Мораддин — слева. Вы атакуете Многонога с боков. Тотлант, ты сможешь его поджарить волшебным огнем?

— Это просто животное или магическое существо? — деловито осведомился колдун, отступая назад и растирая ладони.

— Животное... Поберегись! Бейте его по щупальцам!

Из ведущего в глубины прохода показались несколько длинных и тонких темно-коричневых плетей с маленькими глазками на кончиках. Мы замерли, а элайн едва слышно зашипел. Плети-щупальца непонятного Многонога изгибались, как змеи, глаза впер-

лись в стоявшего прямо перед аркой Фрама, а шуршание, доносившееся снизу, усилилось.

Как и приказал гном, мы с Морадином прижались к стене слева от прохода, держа клинки в вытянутых руках. Я стоял за спиной немедийца. Так было удобнее — он роста небольшого, а я, наоборот, длинный. Поэтому и могу рубить через его голову. Наконец, на верхних ступенях лестницы появилось странное плоское туловище, напоминавшее огромную жирную пиявку. Щупальца Многонога росли из спины существа и были длиной не меньше трех шагов каждое.

Едва Многоног нацелился на Фрама, в дело вступил элайн. Черный зверь нанес несколько точных ударов, перекусил страшными зубами полдюжину щупалец и, наконец, всей своей тяжестью свалился на Многонога.

— Назад! — заорал Фрам, падая на пол и откатываясь к стене. — Не нападайте прямо сейчас!

Мораддин, этот коротышка, казавшийся мне несколько слабосильным, буквально снес меня с ног одним движением правой руки, после чего повалился на меня сверху. Краем глаза я успел заметить, как черный элайн сцепился с Многоногом. Получился неопрятный клубок из щупалец и когтистых конечностей, покотившийся на середину привратного зальчика. Элайн шипел, как масло на раскаленной сковороде, Многоног бестолково размахивал длинными жвалами, а стоящий неподалеку Тотлант сотворил маленький шарик голубоватого огня. Пламенный клубок вился над ладонями волшебника, но стигиец никак не мог послать свой смертоносный снаряд в цель — элайн и Многоног бешено дрались, постоянно меняя позиции, и колдун рисковал попасть своим шариком в нашего союзника.

— Кр-ром! — Рев Конана заполнил привратную комнату. — Убью!

— Кого? — Из угла зальчика донесся слабый голос Халька. — Меня не надо убивать...

Я неоднократно видел Конана в бою и обычно удивлялся его невероятной реакции. Раньше я полагал, что мы, оборотни, гораздо стремительнее людей, но киммериец развеял мои домыслы. Конан вдруг оторвался от каменной стены, подобно молнии ринулся вперед, держа одной рукой меч над головой, и всей тяжестью тела свалился на сплетшихся в смертной битве элайна и неизвестного подземного монстра.

— Назад! — взвыл Фрам, потрясая топором. — Ты-то куда полез, киммерийское отродье?

— Вперед! — выкрикнул Мораддин, вскакивая на ноги. — Конана сейчас убьют!

Никто из нас не заметил, что варвар очень точно соотнес свои движения с движениями двух странных существ. Такому глазомеру можно лишь завидовать. Конан ударил Многонога острием меча прямо в середину туловища. Лезвие лишь на волосок разминулось с черной шкурой элайна, который уже вонзил свои жуткие клыки в кожистый панцирь подземного чудища. Спустя мгновение элайн отшвырнул Конана в сторону ударом могучей членистой лапы, меч, застрявший в толстой коричневой коже Многонога, выскользнул из руки киммерийца, а Тотлант наконец запустил сотворенный им сгусток огня.

...Бело-голубая вспышка заполнила комнату перед смотровой площадкой, на некоторое время ослепив меня. Я протирал глаза, когда на мое плечо легла небольшая, но твердая ладонь Мораддина.

— Все кончилось, — сказал граф Эрде. — Мы убили это животное.

Опираясь на руки, я встал с пола и подошел к своим товарищам. Они все собрались вокруг отвратительно вонявшей туши Многонога. В теле этого существа были заметны выжженная колдовским огнем дыра размером с мой кулак и жуткие рваные

раны, из которых сочилась яркая шафрановая жидкость. Замечу, что кулак у меня не самый маленький... Элайн, пофыркивая и редко взвизгивая, сидел, как обычно, на потолке.

— Какая гадость, — слабым голосом проговорил Хальк. — Фрам, поведай мне, как гномы постоянно могут жить в одних подземельях с такими страшными чудовищами?

— Мы привыкли, — пожал плечами гном. — Этот Многоног совсем маленький. А вот большие... Глядите...

Мертвое страшилище, лежавшее у нас под ногами, действительно напоминало пиявку. Очень большую. Но пиявки обычно гладкие, с глянцевой темной кожей и без щупалец. А это существо имело не меньше трех десятков длинных и очень гибких лап, заканчивающихся толстым выступом, на котором можно было разглядеть круглый мутноватый глаз и узкую щель пасти.

— Конан, — с короткой усмешкой сказал Фрам. — Ты зачем полез в драку? Жить надоело? Если бы Многоног тебя укусил, то яд, исторгаемый его зубами, распространился бы по крови почти мгновенно. Тебе повезло, киммериец...

— К Нергалу! — рявкнул король. — Не терплю, когда меня и моих друзей пытаются слопать! Кроме того, это чудище выглядит уж очень страховидно.

— Подождите. — Мораддин ненавязчиво отпихнул меня локтем и шагнул вперед. Я углядел, как немедиец тихонько пнул дохлого Многонога. Наверное, от волнения. — Почтенные месьюры, кажется, только я один не забыл о том, что время идет. Зачем мы сюда пришли? Устраивать стычки с червяками? Или... — Мораддин указал взглядом на арку, из которой напал серый дневной свет. — По-моему, самое страшное чудовище, обитающее в Граскаальских горах, лежит там, а не здесь.

Элайн, словно в подтверждение слов графа Эрде, глумливо свистнул с потолка.

— Ладно, идем,— буркнул Конан.— Фрам, можешь сказать своей... сторожевой собаке, чтобы охраняла коридор и арку возле лестницы?..

Обзорная площадка оказалась не слишком большой. Полукруглое помещение, вырубленное гномами в скальном выступе, было длиной шагов в двадцать, а шириной и того меньше. Зато в горе были выдолблены огромные квадратные окна, выходящие на полудночный склон пика Бушующих Ветров. Было очень холодно, у основания широких подоконников лежал покрывшийся ледяной коркой снег, а порывы пробирающего до костей ветра заносили в смотровые отверстия колючую ледяную пыль. Однако нас не остановили ни холод, ни продувающий любую одежду сквозняк, ни внезапно появившееся чувство страха.

— Это оно и есть? — очень медленно проговорил Конан.— Что это?

— Небесная Гора,— чуть слышно прошептал Тотлант.

— Мы взяли за безнадежное дело,— выдохнул Мораддин, стоявший за моей спиной.— О боги, насколько она огромна...

— ...И нет такой армии, которая бы сокрушила всех этих чудовищ.— Фрам, словно задыхаясь, схватился за горло.— Взгляните, сколько их!

Я подумал, что все они правы.

— Подождите, подождите,— Хальк вышел вперед, растолкав нас всех, перегнувшись через проем смотрового окна, и, прищурившись, медленно оглядел открывшуюся перед ним картину. Наконец, он шумно втянул в себя морозный воздух и сказал сквозь зубы:— Кажется, мы запаниковали только из-за грандиозности зрелища. Конан, вспомни, Тарантия тоже большой город, но, имея достаточно разума и смекалки, и твою столицу можно взять штурмом. Поэтому

нам просто необходимо подумать, а не наскоро принимать решение.

— Их здесь десятки тысяч.— Конан говорил странно упавшим голосом.— Даже десятки десятков... Небесная гора непобедима!

— Мы же не собираемся драться со всеми этим тварями! — Я решил, что нужно сказать свое слово и тронул Конана за рукав куртки.— Хальк правильно говорит — давайте подумаем. Я слышал, будто святой Эпимитриус однажды сказал, что в мире нет ничего непобедимого, кроме смерти и воли богов.

— Хорошо,— вздохнул Конан.— Давайте вернемся на лестницу или в привратный зал. Здесь очень холодно. Посмотрите на Халька, у него уже зубы стучат...

* * *

— Зубы стучат! — возмущался летописец, агрессивно поглядывая на короля.— А тебе понравилось то, что мы видели?

— Не понравилось,— твердо сказал Конан.— Но ведь можно держать себя в руках?

Мы решили устроиться на широкой площадке между двумя лестничными пролетами, совсем неподалеку от привратной комнаты. По крайней мере, там почти не было сквозняка, и мы знали, что сверху, от смотровой галереи, опасность грозить не может — окна находились слишком высоко для того, чтобы до них доползла какая-нибудь страшная тварь. Правда, неприятные гости могли пожаловать снизу, из гномьих подземелий, однако Фрам приказал элайну (похоже, ничуть не пострадавшему в драке с Многоногом) защищать лестничный пролет, ведущий на глубинные уровни мертвого гномьего царства.

Признаюсь честно — я в наемниках хожу лет семь-восемь. До этого жил в Келбаце Бритунийской. По молодости видел много уличных драк, сам участвовал в них, а когда нашел хорошего учителя — рабо-

тал на потешной арене, кем-то вроде гладиатора. Единственно, битвы на этой арене бывали не до смерти а просто до первой крови. А когда в семнадцать лет ушел из дома и подался на полуночный закат, в Пограничье, твердо решив стать искателем удачи — наемником, перевидал много разного. Путешествовал вместе с охотниками за чудовищами, которые за деньги истребляли всяких жутких тварей, досаждающих мирным поселянам. Затем полгода входил в компанию контрабандистов, переправлявших через Пограничье запрещенные товары из Немедии в Аквилонию. Потом встретился с нашим Вожаком — старым Эрхардом. Когда служил в его десятке пограничной стражи тоже много всякого насмотрелся. Я не хочу сказать, будто я слишком опытен и участвовал в передрягах, в какие попадал наш киммериец, но все-таки за двадцать шесть лет я успел довольно многое повидать. Но признаюсь — руки у меня дрожали всего два раза в жизни. Впервые это случилось на границе Бритунии и Пограничья, когда я нос к носу столкнулся с громадным лесным мантикором и едва успел унести ноги. Второй раз я не смог держать меч в руках именно сейчас.

Поверьте, я очень почитаю двух богов — Митру, Дарителя Жизни, одного из вышних приближенные Бога Единого, а с ним — Иштар, прекраснейшую богиню любви, принесшую в наш мир красоту и чувства, испытываемые что нами, оборотнями, что ближними родичами, называющими себя людьми, — счастье, любовь, искреннюю дружбу... Когда я подошел к окну смотровой площадки и увидел, что творится у подножия Пика, я воззвал и к Митре, и к Иштар. Но они остались глухи к мольбам смертного. Могу это объяснить лишь одним: Жизнь и Любовь не имеют власти над тем чудовищем, что сейчас теснит боками Граскаальские горы. Горы принадлежащие стране, которую я признаю за истинную родину.

...Представьте только: вы смотрите вниз почти с вершины огромной скалы и вашему взгляду открывается широкое межгорье, окруженное заснеженными и острыми пиками, что пронзают вершинами невесомый облачный купол, скрывший остальные земли. И вот в центре глубокой долины лежит нечто, более всего похожее на овального червяка-ленточника из летнего пруда, только увеличившегося тысячекратно. Вот она, Небесная Гора!

Она была огромна. Думаю, если бы она упала на Тарантию, то серебристо-черное тулово накрыло бы большую часть города. Небесная Гора настолько глубоко вонзилась в Граскаальскую твердь, что на поверхности была видна лишь малая ее часть. Однако воображение с готовностью дорисовывало остальное. Полагаю, больше трех четвертей Горы донныне были сокрыты под каменными монолитами наших полуночных гор...

Закругленную поверхность Небесной Горы испещряли многочисленные канавки и желоба, вырисованные на ее поверхности черным. Линии сходились в странные, чужие для нашего мира знаки, кое-где в теле Горы помаргивали зеленоватые глаза или, может быть, просто огни?..

«Великие и вечные боги, — подумал я, увидев это страшилище. — Неужели оно живое? Да, мы убили одно маленькое его порождение, но как справиться с *этим*!?. Небесную Гору не поразишь копьём или мечом, не утопишь в воде, да и если полить растопленной смолой... Впрочем, сколько же потребуется для этого смолы? А главное — как победить тех, кто служит Небесной Горе? Ведь если мы сможем начать против них военную кампанию, то каждый немедийский или аквилонский солдат будет думать, что вот эта тварь когда-то могла быть твоим братом, твоей матерью или сестрой или дальним родичем, а то и просто хорошим другом... Боги, ответьте, сколько же людей по-

теряло свои души, чтобы теперь служить этому невероятному чудовищу, выползшему из самых страшных снов?♦

Я видел, как вокруг Небесной Горы суетятся многие тысячи существ. Издалека они казались совсем маленькими. Однако я призвал на помощь свой дар оборотня — наш народ обладает гораздо лучшим зрением, нежели у людей. И вот...

Это напоминало муравейник. Чудовищно огромный муравейник. Каждый из его обитателей выполнял свою работу. Вон там, справа, громоздится вновь созданный пологий холм из каменных отвалов. К нему тысячи существ, когда-то бывших людьми, несут в руках-лапах тяжеленные камни, каждый из которых не поднять ни мне, ни Конану. Возле самого окоема, отделяющего Небесную Гору от Граскаальских скал, мельтешат серые тени, разламывающие гранит на осколки, высвобождая от каменного плена мертвое сизое тело чудовища.

Я как-то упоминал, что всех детей из семей оборотней родители обучают счету и письму. Я считаю очень хорошо. На глаз могу определить, сколько конников во вражеском отряде, сколько пехотинцев или лучников. Но здесь... Думаю, каменные завалы, закрывавшие Небесную Гору, разбирали не меньше двадцати — двадцати пяти тысяч чудовищ, некогда бывших людьми. А сколько этих созданий таскало породу к отвалу и сколько работало на нем самом — то мне неизвестно.

Однако более всего меня поразило другое. На границах, вокруг Небесной Горы, и каменного отвала, прямо по поверхности гор рыскали те страшные твари, с одной из которых я повстречался в катакомбах под аквилонским городком Ивелином. Чудищ было шестеро. Они словно играли роль пограничной стражи: медленно ползали по каменистым склонам, минуя острые выступы и редкие ущелья, тихо фыр-

кали, поглядывая своими яркими белесыми глазами на происходящее в долине. Вот одна остановилась, заурчала и вдруг выбросила из спины долгий зеленый фонтан... Подземный огонь! Вот они, существа, опустошавшие города, уничтожая многие тысячи людей в Аквилонии и Немедии, твари, превратившие мирных крестьян в непотребных страшилищ... Теперь я понимаю, что все страны Заката столкнулись с опасностью, перед которой может померкнуть наше шествие любой армии дикарей из полуденных стран или явление самого Сета. Боюсь, даже Темный Змей не совладал бы с обосновавшимся в Граскаале чудовищем...

— Мы обязаны уничтожить это существо, — глухим голосом сказал Конан. — Если оно погибнет, то сгинут и все его порождения.

— Но как? — Хальк положил ладони на виски. — Государь мой, подумай! Оно огромно! Нас же всего шестеро! Впрочем, подождите...

Почтенный летописец встал и в его глазах загорелся азартный огонь. Барон Юсдаль, заложив руки за спину, спустился на десяток ступеней вниз, потом поднялся обратно к нам и в упор посмотрел на Фрама. Гном ответил аквилонцу тяжелым удрученным взглядом.

— Уважаемый сын Дарта, — начал Хальк. — Помните, недавно мы говорили об озере расплавленного камня, истекающего из глубин земли...

— Было дело, — кивнул Фрам.

— Ты знаешь, как спуститься вниз? — Хальк поднял вверх указательный палец. — И, может быть, ты сумеешь дать нам должные советы?

— Какие советы? — простонал гном. — У меня есть только один совет — надо уходить отсюда! Мы не можем справиться с лежащим возле Пика Бушующих Ветров монстром и его слугами!

— Я не уйду, — тихо сказал Конан.

— И правильно! — Я поддержал аквилонского короля.

— Попробовать можно, — скривился Тотлант.

— Одна беда — мы все можем погибнуть, — сказал Мораддин. — Но я пойду в глубины.

— Чтoб вас забрали Багровые Демоны! — воскликнул Фрам, сжимая кулаки. — Герои, понимаете! Жить надоело? Вы понимаете, во что ввязываетесь? Хорошо, я иду с вами! Гномы никогда не были трусами, а кроме того, провожатый-то нужен...

На том и порешили.

...Пожалуй, это было самое утомительное путешествие за всю мою жизнь.

Покинув смотровой зал, мы направились к четвертому подземному уровню каменного царства гномов. По словам Фрама, там начиналась древняя лестница, ведущая к наиболее глубоким и старинным копиям, некоторые из которых выходили прямо в пещеры под Небесной Горой. Якобы именно там и клокотало неугасимое пламя, вырывающееся из недр земли.

Гномы иногда называют себя «тан-герд», что означает «повелители гор». Фрам окончательно уверил меня в правильности этого наименования. Наш чернобородый гном никогда прежде не бывал в подземельях клана Фрерина, но доставшееся в наследство от предков чутье давало ему возможность провести нас к лестнице, называемой гномами «Бесконечной», кратчайшим и самым безопасным путем. Черный элайн незаметно скользил по потолку впереди отряда, повинаясь приказам гнома. Зубастое чудовище, прирученное подгорным народом, было готово в любое мгновение напасть на всякого противника. Как выяснилось, кроме Многоногов в подземельях гномов водились удивительно злобные и хищные твари, противостоять которым можно было только используя опыт многих поколений карликов и силу их «сторожевых собак» — элайнов.

Однако постигшее клан Фрерина бедствие истребило почти всех живых существ, обитающих под горами. Фрам сказал, что могли уцелеть только элайны, способные дышать в дыму, спокойно переносить губительный для остальных огонь и питаться падалью. Многоноги являлись безмозглыми родственниками элайнов, но были столь же крепки, а потому и они без труда выжили после явления подземного огня. К счастью, Многоноги были довольно редкими животными, и увидеть сразу двоих или троих этих тварей за один день было невозможно даже в лучшие времена.

Но оставалась другая опасность — существа бестелесные. Люди часто называют их духами, демонами, призраками и еще по-другому... Известно, что гномы живут совсем неподалеку от жуткого подземного мира, коим владеют темные боги. Нет, я не имею в виду Нергала — на подвластных ему Серых Равнинах души погибших обретают не наказание, но покой. Подземный мир Черных Духов — это совсем другое. Там заперты самые жуткие твари, сотворенные Первым Черным Властелином сразу после возникновения Мира по воле Бога Единого, властвующего над другими богами.

Я не зря завел речь о Черном Властелине. Сейчас об этом великом боге помнят лишь полуночные народы, и то смутно. Почему-то ныне Владыкой Тьмы считают Сета, бывшего в прежние времена лишь прислужником Первого. Это неверно, говорю вам как оборотень, — наш народ имеет более долгую память, чем люди. Самые-самые древние легенды, передающиеся из поколения в поколение, искаженные временем и нашим представлением о мире, туманно повествуют о некоем Всаднике, приходящем с полуночи и забирающем разумные души в обитель Тьмы. В сказаниях оборотней Всадника называют именем «Рота». Что сие означает — мне неизвестно. Но гово-

рят, будто у Роты в полуночных землях стояла великая крепость, разрушенная позже атлантами и посланниками Митры. Это было очень давно. Тогда мир был другим, среди людей жили Изначальные альвы, гномы были сильны и воинственны, на стороне Тьмы сражались те, кого мы сейчас называем «гоблинами» — эти существа, почти сказочные, сохранились лишь в самых отдаленных областях Нордхейма и Гипербореи...

Минуло множество столетий, и все это забылось.

Однако гномы и оборотни помнят бога, именуемого Всадником. А племя подгорных карликов доныне живет рядом с полуразрушенными подземельями крепости Роты. Вот и приходится иногда гномам сражаться с покинувшими закрытую обитель неназываемыми демонами.

Мы увидели одного из этих демонов. К счастью, издалека.

Отряд спустился на четырнадцатый уровень по Бесконечной лестнице.

Это заняло у нас полный день и еще три колокола до полуночи. Все очень устали. Хальк иногда пытался нудить (хотя именно он и затеял это предприятие), Конан едва слышно ругался, а граф Мораддин частенько напоминал: «Терпите, рано или поздно все кончается...»

Стало жарко. Фрам объяснил, что мы подходим к озерам глубинного огня, в которых непрестанно кипят камень и металлы, составляющие земную твердь. И верно — некоторые встречавшиеся по пути залы были налиты оранжево-багровым светом, выходящим из пробитых гномами световых шахт. И вот...

— Стойте, — неожиданно шикнул Фрам, когда отряд выходил из очередного коридора. Я заметил, как бесстрашный элайн отполз в сторону, прильнув всем телом к потолку. — Багровый ужас! Если он нас заметит...

— Понятно, — быстро сказал Конан, всматриваясь в глубину пещеры. — Не дурак. Ребята, прижмитесь к стенам.

Сощутив глаза, я глянул туда, куда указывал вытянутой рукой Фрам, и замер.

Оно не походило ни на что, известное людям или оборотням. Среди опускающихся с потолка подгорного зала каменных сосулек струилась легкая переливчатая тень. Существо, проходящее неподалеку от нас, напоминало силуэтом человека огромного роста с парой черных крыльев за спиной. Глаза светились багровым отблеском, темно-бордовые языки пламени окутывали тело... А в правой руке демон сжимал длинный, волочащийся по полу и оставляющий в камне выжженные углубления огненный кнут.

— Тихо, — едва слышно, одними губами произнес Фрам. — Пускай идет. С этим чудовищем невозможно сражаться.

— А вы пробовали? — с задором в голосе прошептал Конан на ухо гному.

Багрово-черная тень медленно плыла среди сталактитов. Пламенные очи демона бросали ответ на голый камень стен пещеры.

— Пробовали, — беззвучно ответил гном. — Это существо непобедимо. Ему могут противостоять лишь великие волшебники, да и то не всегда.

Чудовище миновало зал и, не заметив нас, скрылось в черном проходе, уводящем вниз, к огненным озерам.

— Фу! — вздохнул Фрам. — Уж думал — погибнем здесь, как крысы.

Элайн медленно выполз из темноты, опустил свое жуткое рыло вниз, почти коснувшись клыками лица Конана, и скорбно пискнул. Извините, мол, благородные месьоры, но мне тоже жить охота. Такое чучело мне не по зубам...

— Идемте! — Гном осмотрелся и осторожно шагнул в зал. — Помните, откуда появился Багровый Ужас? Нам точно в этот проход. Еще немного — и мы придем в пещеры с озерами расплавленного камня.

— Жарко, — вздохнул Хальк у меня за спиной. — И почему все это свалилось именно на нас?

— Я вот с молодости задаюсь этим вопросом, — невесело хмыкнул Конан. — Почему все люди как люди, а со мной вечно приключаются всякие неприятности? Хальк, шагай вперед. Насколько я помню, что киммерийцы, что гандеры не привыкли сдаваться. Веллан, ты чего встал, как пеня?

Я шумно выдохнул и, мысленно призвав Иштар в попутчики, двинулся вслед за Конаном, уже топавшим за чернобородым гномом. Факелы бросали на грубо обработанные стены пляшущие оранжевые блики.

* * *

Гномы частенько говорят о том, что в сотворенном Единым мире нет ничего прекраснее подземелий. Я очень долго полагал, что подгорные карлики ошибаются... и придерживаюсь этого мнения донныне. Если живое разумное существо не может должно оценить красу сосновых лесов, освещенных закатным солнцем бурых скал с низвергающимся в прохладное озеро хрустальным водопадом, то немного таковое создание понимает в красоте. Но и мы, оборотни да люди, привыкшие к свету Ока Митры, не в состоянии оценить любезные гномьему сердцу мрачные коридоры и затопленные темнотой залы царства под Граскаалем. Это для нас чуждо, как, наверняка, чужеродны для гномов зеленая трава, переливы птичьих голосов в предрассветном тумане и шум быстрых пенистых речек, прокладывающих себе путь меж древних валунов Пограничья.

Но здесь... Открывшаяся нашим взглядам гигантская пещера, дальний край которой терялся в багровом

мареве, являла собой одно из величайших чудес. Это было красиво. И жутко.

Фрам вывел отряд к галерее, опоясывающей пещеру поверху — нечто вроде узкого каменного балкона, нависшего над бескрайним озером расплавленного камня. Тут было жарко, и нам приходилось терпеть прикосновения раскаленного воздуха, обжигающего кожу и гортань. Иногда начинало сильно пахнуть серой, слышались тяжелые всплески вырывающейся из глубин земли лавы и фыркание газовых пузырей, лопавшихся на поверхности багряно-оранжевого озера. Впрочем, я неправильно сказал — лава, заполнявшая дно пещеры, переливалась всеми цветами. Вон там, левее, прорвался фонтанчик серного газа, молниеносно воспламенившийся, и на несколько мгновений оплавленные стены зала осветились голубовато-зеленым. Еще правее заклокотала струя жидкого камня, брызги, подобно маленьким кометам, полетели во все стороны, оставляя за собой фиолетово-малиновый след... В самом центре озера разорвался огромный всплывший на поверхность пузырь, и на миг блеснула ослепительная белая вспышка.

— Как красиво... — заворожено прошептал Хальк, подходя к ограде опоясывающего зал балкона. — Никогда бы не подумал, что окажусь в столь прекрасном месте...

— Дышать тяжело, — буркнул Конан, стоявший за спиной библиотекаря. — И жарко очень, пот так и льет.

— Как ты прозаичен, варвар. — Мораддин широко раскрытыми глазами смотрел на буйство огня под галереями. — Никто из нас ничего подобного в жизни не видел, а ты о чем? Дышать ему тяжело, понимаешь! Мы, между прочим, тоже не из камня сделаны...

Фрам позвал нас за собой, и мы отправились дальше по вырубленному трудолюбивыми гномами проходу. Изредка мы видели лестницы, спускавшиеся вниз, к самому огню, и провожатый объяснял,

отвечая на наши вопросы, что у берегов жгучего озера самые умелые гномы ставили небольшие кузнии. Мол, на Первородном пламени куется самое лучшее оружие.

— Остановимся, — тяжело выдыхая, сказал Фрам, когда мы прошли не меньше тысячи шагов. — Веллан, помоги мне снять заплечный мешок... Во, спасибо! Теперь развяжи горловину и достань две баклаги, лежащие сверху. Там должна быть подсоленная вода. Кроме нее, здесь ничего нельзя пить.

— Понял, — просиял Хальк. — Мы ведь здесь очень сильно потеем, правильно?

Гном кивнул.

— Пот у нас соленый, — Хальк продолжил излагать свою догадку. — Значит, чтобы пополнить потерю жидкости, мы должны пить соленую воду?

— Да, — подтвердил гном.

Когда мы все отхлебнули из объемистых баклаг, предложенных Фрамом, Конан утер рот тыльной стороной ладони и, прищурившись, осмотрелся.

— Фрам, — тихо окликнул король. — Теперь объясни, что именно мы должны здесь увидеть? Хватит с нас чудовищ и затхлых пещер, пора делать дело!

Черный элайн спустился с потолка на пол галереи и, сложившись едва не втрое, заснул. Наверное, страшилище уразумело, что пока его услуги не требуются.

— Подними глаза вверх, киммериец, — с некоторой торжественностью в голосе проговорил Фрам. — И ты узришь то, что стало причиной многообразных бедствий, обрушившихся на мой и твой народы.

Конан мягко шагнул в сторону, задрал голову и начал вглядываться в нависший над нами куполообразный потолок пещеры. Далеко наверху, не меньше чем в двух сотнях локтей, виднелся покрытый трещинами свод, с которого свисали острые каменные сосульки. Справа и слева границы потолка

терялись в полутьме — пещера изгибалась полумесяцем.

— Ничего не вижу, — признался Конан. — Фрам, скажи толком!

— Пойдите, пойдите! — Морадин положил руку на плечо Конана и отстранил его. — Видите, возле трех сталактитов и правее зигзагообразной трещины? Фрам, это оно? Вернее, она? Небесная гора?

— Да, — сказал Фрам. — Только отсюда можно разглядеть ее частицу. Мы стоим прямо под ней. Вся часть потолка пещеры, находящаяся над нами, — нижняя грань Небесной горы. Всмотритесь, почтенные месьюры...

— Всеблагая Иштар, — прошептал я, когда разглядел огромный силуэт, застрявший в камне. — Это ведь лишь малая ее частица...

То, что мы все приняли за огромный выступ гранитного слоя, из коих составлялся пик Бушующих Ветров, в действительности было оконечьем исполинской твари, застрявшей в Граскаальских горах. Теперь я видел, что камень не может быть обработан столь ровно, не может быть испещрен странными рунами, которые мы по первости приняли за трещины... И в обычном камне не могут гореть зеленоватые огоньки, похожие на мертвые глаза демонов.

Нижнее оконечье Небесной горы нависало над огненным озером, и отделяли их друг от друга лишь шестьсот локтей горячего воздуха...

— Гномы всегда видели Небесную гору лишь отсюда, — рассказывал Фрам, — мы давно поняли, что это создание чужеродно Граскаальским горам, и неизменно хотели подобраться к нему поближе. Но другие коридоры, сотворенные еще нашими дальними предками, всегда вели в обход Небесной горы, окруженной холодным и застывшим камнем. Гномы начали пробивать ход в сторону этого чудовища около четырех лет назад, и вот...

— Докопались,— буркнул Конан, настороженно поглядывая вверх.— Тотлант, чего хорошего скажешь?

— Признаюсь, я не особо смыслю в горных работах,— подал голос стигиец.— Но кое-что мы наверняка сумеем предпринять. Фрам, скажи, пожалуйста, из каких пород складываются стены этой огромной пещеры?

— Гранит,— уверенно ответил гном.— Немного базальта, шлак, застывшая лава. Есть прожилки металлических руд. Левее и ниже от нас зарождается алмазоносная жила.

— Скажи,— вкрадчиво начал Тотлант.— А возможно ли обрушить потолок пещеры? Если да, то как бы такое сделали гномы?

Я, Мораддин, Конан и Хальк окружили гнома и волшебника, внимательно слушая их разговор.

— Это будет нелегко,— пожевав губами, ответил Фрам.— Посмотри влево. Видишь, стену пещеры пересекает трещина? Если ее расширить, то часть стены обвалится в огненное озеро, а с ней и свод в закатном приделе зала. Потом можно разбить во-он тот природный столб...

— Подожди.— Тотлант протянул руку ладонью вперед, словно пытался заткнуть Фраму рот.— А как ты думаешь, что произойдет, если я смогу установить заклятие на указанных тобою местах и через некоторое время эти заклятия вызовут к жизни огненные шары? Они расплавят породу, потолок пещеры рухнет, и часть Небесной горы погрузится в лавовое озеро. Не думаю, что ее тело сможет противостоять Первоначальному огню...

— Правильно,— сдвинул брови Фрам.— Небесная гора начнет плавиться. Скорее всего, из-за огромности своей расплавляться она будет медленно. Может быть, мы даже успеем сбежать...

— Тогда какого демона? — вдруг воскликнул Конан, положив левую руку на плечо Фрама, а правой

обняв Тотланта.— Чем мы раньше думали? Неужели Небесную гору можно так просто уничтожить?

— Если это правильная мысль,— медленно заговорил Хальк, озирая нависшее над нами черно-серебристое тело Небесной горы,— то почему раньше никто до этого не додумался?

— Гномы не хотели разрушать подземелья и губить эту диковину.— Фрам благоговейно покосился в сторону чужеродного монолита.— А кроме того, раньше она нам никак не мешала. Просто *была* — и все! Мало ли чудес встречается в горах...

— Тотлант, ты полагаешь, что сможешь это сделать? — Конан испытующе посмотрел на волшебника, и тот, лишь мгновение поразмыслив, коротко кивнул.

— Но я не могу дать слово, что мы не погибнем. Если чудовище упадет в озеро огня, то неизвестно, чем это закончится. Представь: обрушатся все пещеры или после взрыва появится огромное зеленое облако, способное накрыть собою весь Закатный материк...

Все замолчали.

— Выслушайте меня,— веско сказал граф Мораддин.— У меня есть три предположения. Во-первых, после уничтожения Небесной горы погибнет все живое на земле. В этом случае мы, разумеется, ничего не сможем поделать. Во-вторых, если эта тварь не погибнет, она вскоре может начать рассылать своих отпрысков во все государства, уничтожая людей. Вы сами видели, что подземных тварей расплодилось превеликое множество. Тогда нас, вероятно, тоже ожидает гибель. И, наконец, третья возможность. Небесная гора будет сожжена в Изначальном огне, а с ней умрут все ее порождения. Если тогда и мы покинем этот мир, то можно будет предстать перед богами с чистой совестью — мы сделали все, чтобы спасти нашу цивилизацию.

— Докопались,— буркнул Конан, настороженно поглядывая вверх.— Тотлант, чего хорошего скажешь?

— Признаюсь, я не особо смыслю в горных работах,— подал голос стигиец.— Но кое-что мы наверняка сумеем предпринять. Фрам, скажи, пожалуйста, из каких пород складываются стены этой огромной пещеры?

— Гранит,— уверенно ответил гном.— Немного базальта, шлак, застывшая лава. Есть прожилки металлических руд. Левее и ниже от нас зарождается алмазоносная жила.

— Скажи,— вкрадчиво начал Тотлант.— А возможно ли обрушить потолок пещеры? Если да, то как бы такое сделали гномы?

Я, Мораддин, Конан и Хальк окружили гнома и волшебника, внимательно слушая их разговор.

— Это будет нелегко,— пожевав губами, ответил Фрам.— Посмотри влево. Видишь, стену пещеры пересекает трещина? Если ее расширить, то часть стены обвалится в огненное озеро, а с ней и свод в закатном приделе зала. Потом можно разбить во-он тот природный столб...

— Подожди.— Тотлант протянул руку ладонью вперед, словно пытался заткнуть Фраму рот.— А как ты думаешь, что произойдет, если я смогу установить заклятие на указанных тобою местах и через некоторое время эти заклятия вызовут к жизни огненные шары? Они расплавят породу, потолок пещеры рухнет, и часть Небесной горы погрузится в лавовое озеро. Не думаю, что ее тело сможет противостоять Первородному огню...

— Правильно,— сдвинул брови Фрам.— Небесная гора начнет плавиться. Скорее всего, из-за огромности своей расплавляться она будет медленно. Может быть, мы даже успеем сбежать...

— Тогда какого демона? — вдруг воскликнул Конан, положив левую руку на плечо Фрама, а правой

обняв Тотланта.— Чем мы раньше думали? Неужели Небесную гору можно так просто уничтожить?

— Если это правильная мысль,— медленно заговорил Хальк, озирая нависшее над нами черно-серебристое тело Небесной горы,— то почему раньше никто до этого не додумался?

— Гномы не хотели разрушать подземелья и губить эту диковину.— Фрам благоговейно покосился в сторону чужеродного монолита.— А кроме того, раньше она нам никак не мешала. Просто *была* — и все! Мало ли чудес встречается в горах...

— Тотлант, ты полагаешь, что сможешь это сделать? — Конан испытующе посмотрел на волшебника, и тот, лишь мгновение поразмыслив, коротко кивнул.

— Но я не могу дать слово, что мы не погибнем. Если чудовище упадет в озеро огня, то неизвестно, чем это закончится. Представь: обрушатся все пещеры или после взрыва появится огромное зеленое облако, способное накрыть собою весь Закатный материк...

Все замолчали.

— Выслушайте меня,— веско сказал граф Мораддин.— У меня есть три предположения. Во-первых, после уничтожения Небесной горы погибнет все живое на земле. В этом случае мы, разумеется, ничего не сможем поделать. Во-вторых, если эта тварь не погибнет, она вскоре может начать рассылать своих отпрысков во все государства, уничтожая людей. Вы сами видели, что подземных тварей расплодилось превеликое множество. Тогда нас, вероятно, тоже ожидает гибель. И, наконец, третья возможность. Небесная гора будет сожжена в Изначальном огне, а с ней умрут все ее порождения. Если тогда и мы покинем этот мир, то можно будет предстать перед богами с чистой совестью — мы сделали все, чтобы спасти нашу цивилизацию.

— Нашу — что? — не понял Конан. — Ладно, один шанс из трех — не так уж и плохо. У меня бывало и меньше. Кроме того, остается возможность удрать до обвала катакомб. Ну, Тотлант, решайся!

— Вы уже все решили за меня, — вздохнул стигиец. — Хорошо, начнем действовать немедленно. Так, Фрам, ты пойдешь со мной. На всякий случай пусть черный элайн сопровождает нас. Остальные отправятся к выходу в коридор, ведущий на шестнадцатый уровень, и ждут нас там.

— Может быть, лучше мне с вами пойти? — озабоченно спросил Конан. — Мало ли...

— Только мешать будешь, — бросил волшебник, неожиданно принявший решительный вид. — Отправляйтесь. Впоследствии придется бежать со всех ног.

Нам ничего не оставалось, как подчиниться приказу Тотланта. Быстрым шагом мы прошли к воротам, ведущим на опоясывающий зал балкон и, устроившись возле распахнутых каменных створок, начали наблюдать за работой колдуна. Ничего особо интересного он не делал. Издалека было видно, как три маленькие фигурки — Тотлант, Фрам и зверь, называемый элайном, — бегают по балкону, висящему над озером лавы, а изредка с рук мага взвивается в раскаленный воздух маленький розовый шарик, прилепляющийся к указанным гномом трещинам и углублениям. Через некоторое время все трое появились у прохода. Элайн сидел на потолке и тихонько шипел, Фрам тяжело дышал, постоянно оглядываясь на бурлящее расплавленным камнем пространство позади, а Тотлант выглядел очень уставшим.

— Уходим немедленно, — бросил волшебник. — Чем выше поднимаемся, тем будет лучше для нас самих. Я расставил вокруг нижнего конуса Небесной горы огненные шары, способные расплавить породу и обрушить этого монстра вниз, в озеро. На них

пока лежит сохраняющее *энергию* заклятие, но оно разветвится не более чем через половину колокола. Соберитесь с силами — и вперед! Скоро здесь случится катаклизм, не сравнимый по силам с любым землетрясением. Эх, жаль здесь нет Тот-Амона, сына Мин-Кау!

— Зачем тебе Тот-Амон? — уже на бегу поинтересовался Конан у Тотланта. — Вот уж кого никогда не уважал!

— Сей колдун бы сумел все сделать значительно грамотнее, — ответствовал волшебник, слегка задыхаясь. — И мы бы спокойно ушли. Катастрофа случилась бы лишь после того, как все присутствующие покинули подземелья. Фрам, где лестница на пятнадцатый и четырнадцатый уровни?

...Это была воистину бешеная гонка. Впереди струился черной тенью элайн, за ним тяжело пыхтел Фрам с факелом в руке, вслед бежали остальные. Великие боги, ответьте, как моих сил хватило на то, чтобы подняться по пяти пролетам Бесконечной лестницы, прежде чем...

Я всегда считал себя довольно сильным и здоровым человеком. Или, вернее, обратном. Хальк, например, начал задыхаться почти сразу, и Конану пришлось подхватить его за плечи. Но я, не слишком уставая, прыгал через три ступеньки вверх по вырубленной в теле скалы лестнице и терял силы не от нагрузки на мышцы, а от ощущения неотвратимо накатывающей опасности.

Моя волчья половина со всей отчетливостью говорила: «Если не уйдешь отсюда немедленно, то погибнешь. Заключенная в Небесной горе сила в одно мгновение превратит тебя в пепел». Однако я не хотел бросить своих друзей. Так что вырваться вперед у меня не получалось. Да, я могу спастись, но как тогда жить, зная, что погибли Конан Киммериец, граф Мораддин, Хальк или Тотлант?

— Стойте! — неожиданно для самого себя вырвался у меня этот вскрик. Спасибо моей звериной половине — именно душа оборотня подсказала, что нужно делать. — Сворачиваем направо, в туннель! Никаких вопросов, просто сворачиваем и бежим!

Я перехватил у Конана Халька, а киммериец взял за руку задыхавшегося Тотланта. Что случилось дальше — я точно не помню. Мы с Хальком ринулись вперед, по темному, воняющему падалью переходу, и тут...

Вздрогнули сами основания земли. Огненные шары Тотланта, видимо, сработали. Сквозь все коридоры гномьих подземелий пронесся вихрь тугого горячего воздуха, отбросивший меня и Халька далеко вперед. Затряслись каменные своды, роняя на нас мелкие острые осколки, и мы вдвоем рухнули, поваленные неистовым жгучим ветром на пол коридора. Я молился всем богам лишь об одном: пусть нас не похоронит заживо. Почему-то такой смерти я боялся больше всего.

* * *

Я жив.

Одно это уже хорошо. А самое главное — я могу шевелиться, свободно двигать руками и ногами, могу дышать. Следовательно, нас не погребло под бесконечной толщей базальтовых обломков.

Так, а это что такое?

Ответ на вопрос пришел моментально.

— Велл, — из темноты послышался хриплый голос Халька. — Прекрати возить подошвой своего сапога мне по лицу!

— Прости, — буркнул я, подтягивая колени к животу и переворачиваясь набок. — Хальк, ты, что ли?

— Да, я здесь. — Библиотекарь зашевелился, и раздался звук падающих камешков. — Веллан, я ничего не вижу, факел погас! Где остальные?

Это был интересный вопрос. Я бы тоже очень хотел знать, куда делись Конан, Мораддин, Фрам и Тотлант. Мои воспоминания обрывались на том, как мы с Хальком повернули в боковой коридор, буквально вихрем пронеслись через цепочку небольших комнат и узких коридорчиков, а затем нас сбил с ног удар спрессованного разрывом воздуха. Видимо, наши друзья отстали. Пойдите, кажется, позади что-то рушилось...

— И что теперь делать? — Хальк снова заворочался. — Извини, конечно, но у меня такое ощущение, что выход обратно к Бесконечной лестнице завален. Ты видишь в темноте, так встань и осмотришься!

Хальк был не прав в одном: да, я отлично вижу в ночном лесу, в темном доме или в подполе. Но в этих местах всегда имеется хоть какая-то частица света, бросающая вокруг отблески, улавливаемые моими глазами. А здесь — крошечная тьма.

— Теперь главное — не потеряться. — Я встал, отряхнул с одежды каменную крошку и осторожно прошел по коридору в сторону, откуда мы прибежали. Так и есть. Через десять-двенадцать шагов пальцы вытянутых вперед рук коснулись огромной глыбы, перегородившей проход. Видимо, рухнул потолок. Когда я представил, что этот камень мог приземлиться на наши с Хальком головы, губы задрожали. Вопрос в другом — а не похоронил ли этот камешек под собой кого-нибудь из наших добрых приятелей?

Все-таки хорошо быть оборотнем. Чтобы прояснить обстановку, достаточно позвать свою звериную половину. Что я и сделал. Сейчас темно, Хальк не заметит, а кроме того, я не собираюсь превращаться в волка. Достаточно лишь сменить облик человека на тело полузверя — двуногого, но жутко безобразного чудовища. Правда, находясь в этой шкуре, я приобретаю все качества животного — отличный слух, обоняние...

Запаха смерти нет. По крайней мере, поблизости. Из щелей несет гарью, легким запахом разложения

(это дохлыми гномами воняет...) и каким-то странным новым ароматом. Такой запах бывает во время грозы, когда молнии бьют совсем рядом. Откуда в подземелье запах молний? От Халька, между прочим, явственно пахнет страхом.

Ого! А вот это уже гораздо интереснее. Я приложился ухом к гладкому камню и, закрыв глаза, вслушался. Хвала богам, они живы!

«Куда подевались эти два недоумка? — Камень отчетливо доносил разъяренный голос Конана. — Их что, завалило?»

Кто-то очень тихо отвечал киммерийцу. Наверное, Мораддин. Потом я расслышал, как Фрам предложил разобрать завал, но, по его словам, заниматься этим пришлось бы не меньше четырех полных дней. Еще Фрам сказал, будто они с Конаном отрезаны обрушившимися потолками от основных подземелий гномьего царства и сейчас находятся в жилых пещерах и возле складов...

— Веллан, — позвал меня Хальк. — Ты где?

— Тс-с-с, — прошипел я, и летописец мигом заткнулся. Я слушал очень долго, пока не уяснил твердо: Фрам, король Конан, граф Эрде и стигийский волшебник попали в ловушку, из которой выбраться самостоятельно не смогут. А мы с Хальком без провожатых не найдем дороги наверх. Замечательная история... Остается только завить.

Я оторвался от стены, сосредоточился, принимая обличье человека, и неожиданно сам для себя заорал от ужаса. Моего лица что-то коснулось. Оно было живым, холодным и гибким.

— Велл, что случилось? — встревожился Хальк. — Рядом враг?

Сверху слышалось знакомое шипение. Фу-у... Ну и напугал меня элайн! Оказывается, зубастая черная тварюга тоже последовала за нами с Хальком и не попала под завал.

— Это элайн, — переведа дух, пояснил я летописцу. — Он с нами. А остальные сидят за стенкой. Их отгородило от Бесконечной лестницы обвалом и от нас — тоже. Как их выкопать — не представляю. Здесь не меньше двадцати-тридцати шагов твердейшего камня.

— Постой, — перебил меня Хальк. — Как ты думаешь, Небесная гора сторела? Волшебство Тотланта подействовало?

— Нет, — твердо ответил я. — Я чувствую, что она лежит над нами. Когда я вслушивался, то заметил непонятный звук... Шипение и треск. Наверное, нижнее оконечье Небесной горы все-таки опустилось в лавовое озеро. Может, она начала плавиться?

— Не знаю. — Я представил, как Хальк покачал головой. — Послушай, если мы не вытащим Конана и остальных до момента, когда Небесная гора окончательно разрушится, они погибнут. Наверняка. Нужно привести гномов.

— А где мы их возьмем?

— Хватит рассуждать. — Было слышно, как Хальк встал на ноги и положил ладони на стену. — Идем наверх.

— Просто как — наверх! — желчно ответил я. — Мы каким, интересно, способом будем дорогу искать?

— Элайн здесь? Он нам дорогу и покажет. — Хальк на ощупь подошел ко мне, помахал правой рукой в воздухе и, нащупав когтистую лапу висевшего на потолке элайна, дернул. — Эй, зверюга! Нам нужно наверх, понимаешь? На-верх! Соображай же, зубастик! Наверх!

Элайн подобрался ближе, я почувствовал на своем лице его горячее дыхание. Наконец, чудовище коротко свистнуло и поползло в глубину коридора, шурша панцирем о камень.

— Он понял! — возликовал Хальк. — За ним!

— Сейчас он тебя приведет в свой муравейник и там нас сожрут, — прошептал я. — Демон с тобой, идем. Только давай постоянно переговариваться, чтобы не потеряться.

* * *

Свет появился внезапно.

До этого момента мы с Хальком и черным элайном медленно двигались по темным коридорам, минувая гулкие залы и короткие лестничные пролеты. Я чувствовал тьму всей своей сущностью — она гладила меня по коже лица, забиралась под одежду, вздергивала волосы легкими дуновениями. Странное ощущение. словно бы темнота является живым существом, не враждебным, но и не дружественным. Впервые в жизни я оказался там, где не было ни одной частицы света. Даже в самую глухую ночь можно увидеть отблеск далеких созвездий, мимолетные вспышки метеоров или привычное в Пограничье небесное сияние, напоминающее реюющие в небесах многоцветные флаги...

Как говаривал Фрам, гномьи подземелья до пришествия зеленого огня были поистине великолепным царством — карлики умели отводить по каменным трубам подземный светящийся газ, освещали залы и жилые покои масляными светильниками, разводили особый мох, излучавший зеленоватое яркое сияние. Но сейчас... Вырвавшееся из Небесной горы Нечто погубило жилища клана Фрерина. Здесь темно и страшно.

— ...Хальк. — Я вытянул руку и нащупал плечо летописца. — Остановись. Видишь, впереди? Зелено-голубое мерцание?

— Да, — шепнул аквилонец. — Что бы это могло быть?

Свет выбивался из круглых отверстий, пробитых в стене коридора. Мне хватило этих почти незаметных

для человека взблесков, чтобы определить — элайн, невозмутимо сидевший на потолке, завел нас в ходы, прорубленные вовсе не гномами. Карлики обычно прокладывают свои коридоры особым способом: оставляют полукруглым потолок, а ровные и гладкие стены опускаются к полу под прямым углом. Этот коридор был круглым. словно в чреве горы прокатился раскаленный шар, выжегший камень. На стенах замечались давно застывшие пыльные потеки некогда оплавленной породы.

— Смотри, — Хальк двинулся вперед, отстранив свисающие щупальца элайна, и махнул мне рукой. — Кажется, дверь... Веллан, это невероятно! Это камень, но он обработан не гномами! Видишь, нет никаких следов гномьего долота! Эту плиту словно вырезали ножом, очень ровным и острым. Никаких петель... Интересно, как она открывается? Ага, вот ручка...

Именно из помещения, находившегося за дверью, и вырывался колдовской призрачный свет.

— Может, не стоит туда ходить? — тихо спросил я. — Мало ли...

— Ерунда! — отмахнулся Хальк. — Где свет — там жизни!

Я не сумел развеять это заблуждение. Прежде чем я успел возразить, Хальк дернул за гладкую металлическую ручку, дверь не распахнулась, а медленно отъехала в сторону, параллельно стене, и мы оказались на пороге очень странной комнаты. Черный элайн, боязливо посвистывая, отполз вглубь коридора и затаился.

— Пресвятой Митра, где мы оказались? Что здесь? — Хальк отшатнулся. — Гномы поработали? Или... Веллан, вдруг это какое-то порождение Небесной горы?

— По-моему, это кладбище, — сказал я.

Под светящимся голубым огнем куполообразным потолком в шестиугольном зальчике стояли предме-

ты, более всего похожие на домовины, в которых люди хоронят своих умерших близких. Этих предметов было девять.

— Никого нет,— произнес Хальк, осмотревшись.— Ну что, потратим время, чтобы осмотреть это подгорное чудо?

Я решился:

— На всякий случай возьми меч. Если кто-нибудь нападет, немедленно уходим. В драку не вступать! Понял?

— Конечно,— согласился Хальк.— Идем.

Глава пятая ЭЙВИНД, ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ

Подземелья под горами Граскааль.
18 день третьей осенней луны

«...Мало кто из рода людей бывал в пещерах под горами Граскааль. Но даже исконные обитатели этих отдаленных и загадочных мест — народ подгорных гномов — предпочитали без особой нужды не спускаться на нижние уровни своих поселений. О них ходило множество слухов, достоверно утверждавших, что там, в полнейшей темноте и тишине, не нарушаемой ни единым звуком, прячутся уцелевшие создания древнейших времен, хранятся давно утраченные злоеющие сокровища, не приносящие своему владельцу ничего, кроме горя, и таятся последние из рода некогда владевших миром чудовищ. Легенды предостерегали неосторожных, на разные лады повторяя одно и то же: «Забудьте о том, что находится под вами, и не тревожьте Тьму без необходимости». Разумеется, и в кланах гномов всегда находились личности, склонные не прислушиваться к словам старших родичей и древних преданий, спускавшиеся вниз и иногда даже успешно возвращавшиеся. Однако нигде вы не разыщете записей или преданий, повествующих о том, что они там видели.

Ибо действительность, как это обычно происходит, оказывалась намного страшнее сказок...

*Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства*

Я не помню, как меня зовут. Знаю, что обязательно должен помнить, однако, как ни стараюсь, не могу назвать себя. У всякого живого существа в мире есть имя, а у меня нет.

Зато я помню много других слов. Только частенько не могу растолковать, что они значат. Вот, скажем, «человек». Я — человек. Во всяком случае, мне так кажется. А что это такое — «человек»? Почему он так называется? Чем отличается, например, от «дерева»? Кстати, что такое «дерево»? Название помню, а представить себе это самое «дерево» не получается. А иногда наоборот — вещь стоит перед глазами, а назвать ее никак. Уже и голова начинает раскалываться, а слово не дается. Вертится на языке, дразнит и не выговаривается.

Еще я думаю о другом: со мной что-то неправильно. Человек может быть либо живым, либо мертвым. А я не то и не другое. Если я на самом деле умер — оказался бы на Серых Равнинах. Там бог мертвых решает, чего достоин пришедший к нему человек — наказания или вознаграждения и новой жизни. А может, я бы попал в дом снежного великана Имира, которому поклонялся мой прадед...

Как звали моего прадеда? И кто он был? Не помню, хоть убей...

Если я живой — то почему не могу встать и пойти? Почему не могу припомнить собственного имени, данного родителями? Почему все время сплю? И почему мне всегда снится что-то страшное? Я начинаю кричать и просыпаюсь. То есть думаю, что просыпаюсь, потому что не могу наверняка сказать, открыты

у меня глаза или нет. Я всегда вижу перед собой только темноту. Непроглядную черную пропасть, на дне которой порой мелькают огоньки. Холодные такие огоньки, мрачные. Мертвые.

Огонь — это жизнь. Но здешнее пламя давно погасло. От него остались только зола и поблескивающие угольки.

Если долго смотреть в крошечную тьму и не бояться того, что она такая пустая и бесконечная, то начинают появляться странные картинки. Они плывут у меня перед глазами, словно я сижу под водой и смотрю вверх. Я понимаю, что там ходят люди, их очертания изгибаются, дробятся, и я редко могу достоверно определить, что именно вижу. Мне кажется, это мое прошлое. Мне очень хотелось бы верить, что у меня есть хоть какое-то прошлое. А может, я и в самом деле умер, и мне выпала такая судьба — до скончания веков болтаться в темноте между сном и явью? Что же я такое совершил? Не помню...

Чаще всего среди снов повторяется один — о пещере. Я привык к нему, как привыкают к боли в застарелой ране, но все одно не хочу видеть его снова и снова. Сон, будто нарочно, тянется долго-долго. Все движения в этом сне медленные и тягучие. И я никак не могу поступить по-иному. Словно кто-то заставляет меня совершать раз и навсегда определенные поступки.

Начинается сон всегда одинаково. Я стою в каком-то подземелье. Оно довольно обширное — когда я поднимаю голову, ровно отесанный купол потолка нависает надо мной локтях в десяти. В кольце на стене висит плюющийся искрами факел, и в его свете на потолке различимы черные пятна — семь проржавевших дверей. Такого, конечно, не бывает — чтобы двери были прорублены в потолке, но здесь они есть. Под дверями — каменные чаны высотой в рост чело-

века или поболее. На полу, рядом со мной — два больших деревянных ворота, окованных тоже ржавым железом. От воротов тянутся вверх толстые цепи. Они раскачиваются и надрывно скрипят. Наверное, это рудник. Брошенный рудник. Или каменоломни. Не знаю почему, но мне кажется именно так.

Камень под моими ногами мелко дрожит. Я уверен, что нахожусь в этой пещере не один. И что второй человек, пришедший со мной, окажется в большой опасности, если я что-то вовремя не сделаю с этими деревянными крестовинами. Их нужно повернуть. Не помню, для чего, но это обязательно надо сделать. Ворота тяжелые и, когда я налегаю на них, почти не шевелятся. Мне приходится раскачивать их из всех сил, пока один не начинает с жутким скрипом вращаться. Я проворачиваю его на два оборота, затем делаю то же самое с другим. Ничего не происходит, только земля начинает трястись куда сильнее, так что я едва не падаю. Откуда-то издалека по коридорам проносится волчий вой. Низкий, отчаянный — как вызов на неравную схватку. Откуда в подземелье взяться волку?

Мне некогда думать. Я снова принимаюсь толкать неподатливый брус. Цепи звенят и путаются между собой. Наверху раздается тонкий визгливый скрежет. Я смотрю на потолок — в крайней слева двери появилась тоненькая, с палец, щелка. Из этой щелки льется вода. Она звонко ударяется о стенку каменного чана и рассыпается блестящими брызгами. Из-под земли долетает яростный рев. Кажется, там мечется некое разъяренное чудовище. Может быть, мы пришли сюда именно для того, чтобы убить его? Но как? Оно, наверное, большое и ужас какое злое, а мы — всего лишь люди...

Я толкаю, толкаю с трудом поворачивающийся неподатливый ворот. Первая дверь на потолке уже

распахнулась полностью, из нее хлещет широкий поток зеленоватой воды. Котел низко гудит под ее бешеным напором. Остальные двери тоже начинают по очереди приоткрываться. Из-за грохота падающей воды я не слышу, что происходит внизу. Пол по-прежнему дрожит. Мне страшно, но я не могу убежать, пока все железные двери в потолке не откроются.

Вода заполняет первый чан и начинает с шумом переливаться через край. Она с журчанием бежит по выдолбленному в скале желобу куда-то вниз. Я остаюся передохнуть. Семь маленьких водопадов исправно обрушиваются с потолка в котлы, а оттуда — в желобы. Пол в зале мокрый и блестит в свете пристроенного на стене факела. Я хожу осторожно — боюсь поскользнуться. Мне очень хочется знать, как дела у моего друга. Я точно уверен: человек внизу — мой друг. Но прежде здесь были не только я и он. Остальные ушли. Мы по своей воле согласились остаться в подземельях и извести живущее в глубинах чудовище. Правильно, я даже помню, что мы видели эту мерзость! Она была похожа на большую рыбу и плавала в земле, прокладывая себе ходы. Я ей сделал больно, отчего она очень разозлилась. Кажется, ударил ее...

Пол в зале с котлами уже на палец покрыт водой. Факел почти погас, затушенный брызгами. Мне пора уходить. Я точно знаю, куда идти — вон в тот темный коридор. Он выведет меня на поверхность, а там меня ждут. Мой друг тоже должен сейчас искать выход наверх. Интересно, зачем нам понадобилось так много воды? Чудовище разве ее боится?

Я делаю несколько шагов в сторону коридора, и тут каменный пол под моими ногами с грохотом раскалывается. На миг я вижу под собой горящие зеленоватым светом круглые глаза, числом четыре или

пять. Я не могу удержаться на ногах, падаю, пытаюсь ухватиться за край трещины, но камень под пальцами крошится. Вода с радостным урчанием устремляется в пролом, волоча меня за собой. Подо мной что-то яростно щелкает и громыкает, я вижу отраженные от влажных стен зеленовато-синие сполохи, от которых слепнут глаза. Снизу неожиданно начинает бить горячий пар и раздается оглушающее шипение. Я еще несколько мгновений болтаюсь на краю, цепляясь из последних сил, но пальцы неудержимо разжимаются, разжимаются... и я с воплем лечу вниз.

По здравому рассуждению, я должен был либо приземлиться точнехонько на голову бушующего чудовища, либо здорово треснуться об пол нижнего зала. Но ничего подобного не произошло. Вокруг меня закружил голубовато-белый мертвенный свет, точно я угодил в странную колдовскую вьюгу. Мне казалось, будто я умираю, и это было очень больно. Вернее, не столько больно, сколько обидно — я непременно хотел убедиться, что подземная тварь издохла.

Синеватый свет сменился на пронзительно-белый. Я зажмурился, но перед глазами все равно мельтешили цветные пятна. А потом я и в самом деле обо что-то ударился. Сильно ударился. И с того мига ничего толком не помню.

Наверное, я долго спал. А когда проснулся — вокруг была темнота с редкими злыми огоньками. Я попытался пошевелить руками или ногами — не получилось. Их точно не было. Пропали. Отвалились. Все, что у меня осталось — голова да глаза, плившиеся в непроглядную черноту. И воспоминания, о которых я не мог даже сказать — мои они или чьи-то другие.

Интересно, как такое могло случиться — в моей голове поселилась чужая память? Ведь я точно знаю — мои сны повествуют о том, чего я сам никогда не

встречал. И все они — страшные. Наверное, у того человека, которому они снятся, была очень тяжелая жизнь... А у меня? Какая жизнь была у меня до того, как я вошел в подземелье и упал в белое мертвое пламя? Кто я был? Откуда? Как меня звали?..

* * *

Сегодня опять был плохой сон. Впрочем, «сегодня» — это неправильно. Здесь нет ни «сегодня», ни «вчера», ни «завтра». Просто сон закончился, я пришел в себя и снова отправился темными путями неизвестно куда.

Я видел какую-то неизвестную мне землю. Видел с высоты, точно стоял на склоне горы. Передо мной лежала ярко-зеленая долина, рассеченная надвое широкой рекой. Наверное, в этой стране было лето. Река блестела под солнцем, в ее излучине расположился маленький городок, и его крыши тоже блестели. Все было такое нарядное, праздничное и красивое. Еще я сумел разглядеть дорогу, ведущую к городу, и что-то неспешно движущееся по ней.

А потом на долину легла тень. Она появилась из-за горизонта и неумолимо направилась к ничего не подозревавшему городу. Я посмотрел на небо, но там не было никаких туч или облаков — чистое голубоватое небо с белым солнцем.

Черная тень с багровой каймой накрывала цветущую долину. Вот она коснулась русла реки и поползла дальше. Веселое сверканье воды погасло. Мне показалось, что река в этом месте высохла и я вижу потрескавшееся каменистое дно.

Тень достигла города, миновала его, двинулась дальше... Я было облегченно вздохнул — дома остались стоять на месте. Но налетел порыв ветра — и здания начали рассыпаться, точно были сделаны из сухих песчинок. Я слышал непрекращающийся зловеющий шорох — городок на глазах таял. Вскоре на

его месте осталось только угольно-черное пятно, разносимое усиливавшимся ветром.

Я на миг представил себе огромную пустынную страну, в которой остался только тоскливо посвистывающий ветер, гоняющий туда-сюда кучки легкого пепла. Представил... И проснулся. И долго лежал, уставившись в бездонную яму передо мной. На душе было тоскливо. Неужели смерть и в самом деле выглядит именно так — бесконечной цепочкой страшных снов? Может, попробовать не спать? Легко сказать, я ведь не могу отличить — сплю я или нет?

...В следующий раз я увидел горы. Заостренные причудливые пики рвались к низкому небу. Радужно переливался чистый снег. У подножия гор, на пологих холмах, рос густой сосновый лес. Здесь царила зима — холодная, с метелями и буранами.

На опушке леса раскинулся поселок. Почему-то я был уверен, что он мне знаком. Четыре десятка добротных деревянных домов, замерзшее озеро и впадающая в него смоляно-черная лента речки. Склон холма, по которому бегали наперегонки дети и собаки. Жаль, что я не мог слышать их голосов. Я видел направляющихся по своим делам людей, один раз неторопливо прошла лошадь, деловито тянувшая за собой груженный возок. Вроде ничего особенного, но я хотел, чтобы этот сон никогда не кончался...

Потом пошел снег — все гуще и гуще. Начало смеркаться. Я ожидал, что в окнах загорятся огоньки — мне хотелось посмотреть на них, — но избы по-прежнему оставались темными.

А потом они загорелись... Вспыхнули, как сухой тростник в жаркое лето. И теперь я слышал — треск ломающихся балок и рушащихся стен, радостный рев бушующего пламени, чей-то пронзительный вскрик... Деревня на склоне холма горела. Молчаливые горы громоздились над поселком и, казалось, любовались игрой пляшущего огня. Я знал — это не просто по-

жар, а погребальный костер. Кто-то хоронил деревню — всю целиком. Мне показалось, будто я вижу стоящего у околицы человека, но, наверное, только показалось.

После этого сна я начал упрямо вспоминать свое имя. Даже мертвые имеют право как-то называть себя. Может, я умер в этом поселке и поэтому он мне снится? Все сущее в мире должно иметь логическое объяснение...

Это говорил не я. Это сказал кто-то другой, а я запомнил. Хотя не очень понял, что значит слово «логическое». Мне растолковали — «разумное». Кто это говорил? Кто?

Сквозь наваливающуюся черноту проступила комната. Уютная комната с каменными стенами, закрытыми толстыми расшитыми коврами, и с медвежьей шкурой на полу.

Это было *мое собственное* воспоминание. Только мое и больше ничье. Я когда-то побывал в этой комнате. Там еще горел очаг... Правильно, забранный фигурной железной решеткой очаг из белого резного камня. Называется «камин». Я вспомню. Я обязательно вспомню. У комнаты был хозяин. Нет, не я. Я приходил сюда в гости. Хозяина звали... Как? Я еще помню зверя. Небывалого зверя с телом огромной золотистой кошки, крыльями хищной птицы и головой орла. Зверь назывался «грифон». Грифон Энунд. Он умел разговаривать по-человечьи...

Я даже дышать перестал. Я вспомнил имя из своего прошлого. Пускай это было прозвище странной твари, но все же я сам — сам! — сумел вспомнить его. Единственное имя — шаткий мостик над черной пропастью вокруг меня. Я не знал, где кончается этот мостик, и кончается ли он вообще, но я пошел по нему. Может, я пройду совсем немного и снова упаду в беспмятство, но я попробую вспомнить еще что-нибудь.

Они приходили, эти воспоминания. Неохотно, словно пробираясь сквозь туман или всплывая со дна глубокой заводи, но все же приходили. Лесная заснеженная дорога... Большой каменный город над широкой медленной рекой... Зеленое переливающееся облако над ночным лесом... Дождь, я еду на устало повесившей голову лошади, копыта мерно шлепают по грязи... Подземелье, бег по темным коридорам... Серебристый волк с блестящими светло-синими глазами, внимательно смотрящий на меня...

— Я хотел бы услышать твой рассказ,— ясно произнес у меня в голове спокойный доброжелательный голос, очень отчетливо выговаривающий слова. И я неожиданно легко вспомнил имя человека, которому он принадлежит. Хальк. Молодой летописец из Тарантии. Я рассказывал ему историю моей жизни. Мы сидели в той самой комнате с камином и медвежьей шкурой на полу... А белый волк был на деле вовсе не волком, а человеком.оборотнем. Существом с двумя душами — человека и лесного зверя. Его звали Беллан, но мы все чаще называли его Велл. Велл Бритуниец из Пограничья. Он очень любил посмеяться над всем, что попадалось ему на глаза, и ужасно обиделся, когда я сказал, что он боится подземного чудовища. И с нами все время был еще кто-то... Мораддин. Немедийский граф из тайной службы тамошнего короля. Лысоватый коротышка-полугном с внимательным взглядом, который редко говорил, но если уж считал должным что-то сказать, то мы все его слушали... Мы сначала ездили в страну под названием Немедия, а потом в Аквилонию... А все началось с того, что гномы откопали под Граскаалем какую-то штуку, а она стала превращать людей в страшилищ... Велл говорил, будто в Аквилонии наверняка измыслил средство, как справиться с подземной напастью. Ну да, Хальк и придумал такой способ. Увидел факел, гаснущий в луже, и придумал. Мы

решили залить эту мерзость водой в брошенных мраморных копиях. Она раскаленная, значит, наверняка лопнет от холодной воды. Я должен был открыть шлюзы, а Велл в это время бегал по коридорам и отвлекал чудище. Интересно, удался ли наш план?.. А в Аквилонии король — варвар. Самый настоящий, похожий на грабителя с большой дороги. И все время распоряжается. А я от нечего делать бродил по дворцу и случайно на трон сел, но, кажется, на меня за это не обиделись...

— Так как же тебя зовут?

На этот раз я даже не задумался над ответом:

— Эйвинд, сын Джохы, из деревни Райта в Пограничном королевстве.

И только сейчас понял, что черноты вокруг меня больше нет. То есть, конечно, было довольно темно, однако я ясно различал грубо отшлифованные камни, которыми был выложен потолок. На радостях я попытался вскочить... и тут меня подстерегала неудача. Шевелиться я по-прежнему не мог. Правда, после некоторых усилий я сумел слегка повернуть голову и скосить глаза налево-направо. Все, что мне удалось разглядеть — обычные камни вокруг и еще то, что сверху меня накрывает какая-то прозрачная крышка. Она была слегка зеленоватая и почему-то напомнила мне крышку гроба.

Но даже это не могло испортить моего сразу взлетевшего наверх настроения. Не знаю, где я оказался, не представляю, что со мной случилось, но я точно не умер! Разве по сравнению с этим имеют значение мелкие неурядицы навроде неподвижности?

* * *

Я был так уверен, что стоит мне вспомнить свое прошлое и открыть глаза, как все беды сами собой кончатся. Вышло же совсем наоборот — стало еще гаже. Я опять начал здорово сомневаться, живой я

или мертвый. Ведь это ж ни в какие ворота не лезет: встать нельзя, есть-пить совершенно не хочется и, что самое смешное, до ветру тоже неохота. А такого просто быть не может!

Страшные сны никуда не исчезли. Только теперь они все время одни и те же. И даже не страшные, а какие-то тоскливые. Я видел какую-то глубокую расселину в горах, а в ее глубине — непонятную блестящую штуковину. Мне казалось, будто я стою на краю бездонного ущелья с лопатой в руках. Я должен обязательно откопать эту вещь. Но она такая огромная, что даже на то, чтобы очистить от камней и грязи маленький кусочек, уйдет вся моя жизнь.

Кто-то резко толкает меня в спину, и я начинаю спускаться по обрывистой тропинке вниз. Идет мокрый снег, и я слышу, как заунывно свистит ветер. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на небо, но вижу только клубящийся непроглядный туман. Чем ниже уводит тропинка, тем уже становится полоска неба над моей головой. Вскоре она почти исчезает, сливаясь с нависающими над ущельем мрачными каменными глыбами. Мне хочется еще разок посмотреть вверх, пусть даже там все затянуто туманом, но меня снова толкают. Наверное, я видел небо в последний раз.

И тут я отчетливо понимаю, что меня ожидает унылая серая бесконечность, которую я потрачу на то, чтобы ковыряться в замерзшей земле. И я почему-то должен быть безгранично счастлив тем, что мне доверено извлечение на свет этой никому не нужной и опасной гадости! А я точно знаю, что эта вещь опасна. Для меня и для всех живущих на земле людей. Не знаю, чем и почему, но она хуже затяжных войн, морового поветрия и вообще всего, что грозит роду людскому...

Вот тут я и возмутился. Говорить вслух я не мог, но что-то внутри меня истошно заорало, наотрез от-

казалось махать лопатой и захотело немедленно оказать-ся дома. После этого бунта на какое-то время меня оставили в покое. Я лежал, паялся в каменный потолок, еле заметно светившийся тусклым голубоватым светом, иногда засыпал без снов, потом просыпался, и все повторялось сначала.

А потом появились голоса. Они чуть слышно звучали в моей голове, и я решил, что они мне мерещатся. Однако голоса возвращались снова и снова, и я махнул рукой (мысленно, конечно) — какая мне разница, мнятся чужие голоса или нет? Хотя послушаю, о чем они переговариваются, все веселее. А удивляться я, кажется, уже давно разучился.

Голоса ссорились. Я понял так, что свои споры они ведут очень давно и не потому, что хотят настоять на своем, а просто от скуки и по привычке. Так у нас в деревне старики могли целый день с утра до вечера ворчать, и неважно, что их никто не слушал. Для них главное всего были сами разговоры. Так же и здесь. Я лежал и слушал, пытаюсь уразуметь, о чем толкуют эти голоса без хозяев. То есть хозяева у них наверняка были, только я их не видел. Я вообще ничего не видел, кроме потолка над головой да какого-то непонятного тусклого блеска слева от меня. Сколько я ни пытался разглядеть, что там поблескивает, — ничего не получилось.

Так что мне оставалось только прислушиваться к невидимым собеседникам. И выдумывать, какие они. Почему-то я был уверен, что очень старые. Даже не просто старые, а древние. Как Граскааль и его подземелья или даже еще старше.

Начинались все разговоры примерно с одного и того же.

— ...Не понимаю, — обычно первым пробуждался желчный, въедливый голосок, владельца которого я про себя называл «Брюзгой». — Зачем Хозяину понадобилось это животное? От него не может быть

пользы, ибо оно, подобно всем своим сородичам, тупо, лениво и не приспособлено ни для какой работы, кроме...

— А тебе-то что с того? — перебивал разглагольствования Брюзга усталый низкий голос.

— Он завидует, — ехидно растолковывал всем желающим еще один невидимый обитатель подземелья, владелец дребезжащего тенорка. Мне сдавалось, что он смахивает на хитроумного рыжего лиса, героя множества наших сказок. — Не может пережить, что Хозяин привел в нашу тихую конюшню новую лошадку. Не расстраивайся, на живодерню тебя не отправят. Будешь ходить по кругу до последнего...

— Теперь-то какая разница? — мрачно спрашивал Усталый.

Брюзга на время затыкался, Лис мелко хихикал, а я задумывался, кого это они имели в виду, говоря о «тупом животном» и «лошадках»? Почему-то мне казалось, что «животным» именовали именно меня... Обидно. С какой это стати я — «животное»?

— Но ты же не станешь отрицать, что твари, подобные ему, утопили наш мир в крови? — не унимался Брюзга. — Мне перечислить разоренные ими города? Рассказать, как они расправлялись с мирными жителями?

— Перестань, Кхатти. — Этот голос мне почему-то нравился. Он явно принадлежал старому, но еще бодрому душой и телом человеку. Хотя я ни разу его не видел, он почему-то казался мне похожим на наших стариков, проживших по шестьдесят-семьдесят зим и все еще способных с одним топором выйти на дрохо или медведя. — Что толку воскрешать старую вражду, особенно сейчас, когда все мы связаны одной бедой? Мальчик не может отвечать за дела своих предков. Кроме того, припомни, как твои соплеменники вели себя по отношению к покоренному им народу? Чего стоит хотя бы резня в Ретрике...

— Право мести еще никто не отменял, — еле слышно добавил Усталый. — Вы заслужили то, что с вами случилось...

— Ну да, конечно! — взвизгнул Кхатти-брюзга. — Ты же всегда защищаешь этих... этих. — Он просто задохнулся от возмущения, не в силах подобрать нужное слово. Остальные молчали — видимо, привыкли к подобным припадкам ярости. — Эту ошибку богов!..

— Боги редко ошибаются, — спокойно ответил Старик. — А ты совершенно напрасно злишься. Ты же не хуже меня знаешь, кому это выгодно.

— Кхатти желает быть мулом с колокольчиками, — проскрипел Лис. — И бежать впереди каравана. Думает, Хозяин его похвалит за усердие.

Разозленный общими нападками Брюзга свирепо зашипел, а мне показалось, что где-то неподалеку злобно рассмеялись. Я попробовал вспомнить, не слышал ли когда-нибудь названия «Ретрик» или историю о произошедшей возле этого места битве, но на ум ничего не шло. Был бы на моем месте, например, Хальк, он бы быстро разобрался, что здесь к чему и кто здесь сидит. Интересно, кого обитатели пещеры называли «Хозяином»? И как они все сюда попали? Так же, как и я? Что они здесь делают?

— Если бы не ты и твои подстрекания, — Брюзга снова обрел дар речи и теперь решил накинуться на Старика, — мы бы смогли уладить дело миром!

Лис залился дребезжащим смехом, Усталый (я решил, что это был именно он) вздохнул, Старик ничего не ответил. Ободренный молчанием, Кхатти продолжал:

— Да, и все бы завершилось иначе! Так, как оно и должно было быть — созданием великой империи, достойной наследницы дел великих предков!..

— Кхатти, ты просто помешанный, — равнодушно сказал Усталый. — Почему бы тебе не помолчать хоть

немного, а? Прошлое больше не имеет никакого значения.

— Пускай треплется! — вмешался еще один голос, которому я присвоил прозвище «Тихоня». Он редко вступал в общие разговоры, предпочитая хранить молчание. Я пока не сумел толком представить себе его облика. — Алькой, если тебе неинтересно, можешь немного потрудиться во имя нашего общего блага. А то новичок отказывается тянуть лямку вместе со всеми.

«Новичком» в этой компании, похоже, был я. Только как здесь можно было «трудиться», я не представлял. Брюзга снова принялся за свое, но, похоже, никому не хотелось с ним препираться, и вскоре в пещере снова стало тихо. Я подумал, что Кхатти очень давно проиграл какое-то важное сражение и теперь непременно хочет доказать, что ему тогда просто не повезло. Остальные же столько раз слышали его речи, что им все равно. Алькою-усталому так вообще все смертно надоело... Сколько ж они здесь сидят, страшно представить! Что это за место такое? А сколько тут нахожусь я сам? Может, уже целый год прошел? Или, что куда хуже, целый век, как в сказке про волшебный холм и человека, случайно заснувшего на его склоне? И все, кого я знал, давным-давно умерли, а города разрушились и в развалинах поселились совы...

Под эти невеселые мысли я незаметно задремал, и даже снова появившееся перед глазами ущелье не выглядело привычно унылым. Теперь мне показалось, что я здесь не один, и где-то неподалеку копают землю другие люди. Просто я их не вижу из-за сгустившегося тумана. Зато слышу их перекличку...

Тут я сообразил, что на самом деле это Брюзга опять ругается со Стариком, а Лис вовсю их подзуживает. Спорили они все о том же: Кхатти обвинял Старика в устроении какого-то «брожения умов» и

обзывал «погибелью древнейшей нации». Старик невозмутимо возражал, что сородичи Кхатти сами повинны в обрушившихся на них бедах и нечего валить с больной головы на здоровую. Лис поддерживал то одного, то другого, Алькой и Тихоня помалкивали. Брюзга разошелся вовсю — у меня в голове аж звенело от его пронзительного голоса.

— ...Разумеется, не требуется большого ума для того, чтобы разрушить созданное чужими руками! Не так уж и трудно подвести к мятежу толпу вечно недовольных и тупых варваров, особенно если найдется, на кого их натравить! Как ты нас обычно именова-вал? Отродьями тьмы, помнится? И это еще было любезностью с твоей стороны! Что ж, теперь можешь полюбоваться на достойный итог своих трудов — вон он валяется! Безмозглый, ни к чему не пригодный кусок мяса!..

— Сам такой, — не выдержал я. Почему-то я не сомневался, что Кхатти имеет в виду именно меня. Мне было жаль только одного: я не мог ему ответить. Я не понимал, как они вообще беседуют между собой, если находятся в таком же положении, как и я, — то есть не могут пошевелиться. Конечно, я не произнес эти слова вслух, просто подумал. Но в моей голове неожиданно настала полная тишина. Похоже, меня услышали.

— Алькой, это ты сказал? — нарочито равнодушно поинтересовался Брюзга.

— Нет, — кратко отозвался Усталый.

Снова молчание. Я словно наяву увидел, как они насторожено прислушиваются.

— Это новичок, — подал голос Тихоня. — Ты поспорил, Кхатти — не так уж он и глуп. Эй, парень, почему же ты раньше молчал?

— Я... Я не знал, что могу с вами разговаривать, — не очень уверенно то ли сказал, то ли подумал я. — А вы кто?

Вместо ответа я услышал запинаящийся и растерянный голос, в котором с трудом узнавалось привычное ехидное скрипение Лиса:

— Мальчик, какой сейчас там... наверху... год?

Вот на такой вопрос я теперь мог ответить без запинок. У нас дома, в Райте, года считали по какому-либо запомнившемуся событию, например, «год, когда всю зиму шли лавины» или «после засушливого лета». Однако после всех этих разъездов по всяким городам я знал, как принято отсчитывать время, и почти что отчеканил:

— Тысяча двести восемьдесят восьмой по основанию Аквилонии!

— По основанию... чего? — После долгого (и, как мне показалось, растерянного) молчания спросил Кхатти.

— Аквилонии, — повторил я. — Это такая большая страна на закат отсюда...

Кто-то тихо и неуверенно засмеялся. Словно человек, отвыкший от любой радости, а теперь обнаруживший, что не потерял способности ликовать. Я подумал, что это Алькой, но не понял, чего его так насмешило.

— Вот так, — ожил в моей голове голос Тихони и ядовито осведомился: — Кхатти, ты там еще жив?

— Почти, — чуть слышно пробурчал Брюзга.

Я думал, он сейчас накинется на меня, но Кхатти упорно молчал. Наверное, я сказал нечто такое, что потрясло его до глубины души. Интересно, что именно? Ведь я всего лишь ответил на безобидный вопрос.

— Добро пожаловать в наше маленькое общество, — прозвучал спокойный и чуточку печальный голос Старика. — Надо полагать, ты уже давно прислушиваешься к нашей болтовне? Не стоит придавать ей большого значения — мы слишком давно находимся тут, чтобы испытывать по отношению друг к другу настоящую злость. Просто надо хоть как-то отвлекаться от скуки нашей чересчур затянувшейся жизни...

— А вы живые или не совсем? — осторожно спросил я.

Ответил мне не Старик, а почему-то Алькой, и слова его были медленными и странными:

— Когда-то мы были живыми, мальчик. Слишком живыми. Это нас и сгубило. А теперь мы не можем умереть...

— Ушам своим не верю! — Похоже, Кхатти-брюзга воспрял духом и немедленно встрял в разговор. — Алькой, неужели на старости лет ты сумел выучиться чему-то, помимо размахивания мечом? Например, разговаривать, как человек?

Я начал понимать, отчего обитатели подземелья время от времени просят Кхатти заткнуться. И чего он только такой... Сначала на язык просилось — «злой». Потом я передумал и решил, что Брюзга не злой, а просто обидевшийся на жизнь и на всех людей.

— Кхатти видел, как погибла заветная мечта его жизни, — негромко сказал Старик. Откуда-то я знал, что сейчас только я слышу его голос, а все остальные разговоры стали едва различимы, точно велись за толстой стеной. — Это, знаешь ли, не очень-то приятно. Особенно если у тебя нет и никогда больше не будет возможности вмешаться и как-то помешать происходящему. Он был очень деятельным человеком, а теперь обречен на полнейшее бездействие. Впрочем, все мы в свое время что-то значили для наших народов... Мы привлекали внимание и, наверное, поэтому все оказались здесь. Бывшие заклятые враги, бывшие союзники... Алькой прав — это теперь больше не имеет никакого значения.

Старик надолго замолчал, остальные притихли. Я поколебался, но все же решил осторожно напомнить о себе:

— Тогда почему же меня тоже сюда затащило? Я ведь никто... То есть я хочу сказать, я не был никем особенным.

— Мы тоже так считали,— словно про себя проворчал Лис.— Оказалось — ошиблись.

— Думаю, для тебя и для нас будет лучше, если ты расскажешь, как очутился здесь,— предложил Старик.— Возможно, твой рассказ поможет нам в чем-то разобраться, и мы сможем ответить на твой вопрос... И, кроме того, к нам очень давно не попадали люди с поверхности земли. Нам всем было бы весьма интересно узнать, что нынче происходит в мире. Когда-то мы приложили немало усилий, чтобы изменить его историю. Любопытно, что получилось из наших трудов...

— Да и так видно, что ничего хорошего,— фыркнул Кхатти и вдруг нетерпеливо потребовал: — Ты давай, давай, говори!

— Чтобы он имел возможность говорить, тебе придется немного помолчать,— невозмутимо сказал Старик.— И попрошу никого не перебивать, не лезть с вопросами и не торопить рассказчика.

Никто не ответил, но я как-то догадался, что все согласились с требованием Старика. И еще я подумал, что Старик, наверное, здесь главный. А потом вспомнил, что однажды уже рассказывал свою историю с самого начала и придется все повторять. Хотя нет — теперь мне есть что добавить к прежней повести. И еще одно отличие — мне даже не надо шевелить языком. Достаточно думать о том, что я видел и узнал, и все остальные увидят то же самое.

И я начал рассказывать.

* * *

До сих пор не знаю — поверили они моим словам или нет. Во всяком случае, после того, как я рассказал о брошенном руднике, где мы пытались известить подземное чудовище, и неуверенно сказал: «Ну вот, вроде и все...», никто не набросился на меня с расспросами. Меня вообще ни о чем не

спросили. Только Старик поблагодарил и сказал, что им нужно хорошенько подумать над услышанным.

Думали они без меня. То есть я не слышал — говорят они между собой или нет. Сначала я было обиделся, а потом решил, что так и должно быть. Я ведь намного младше их всех, мое дело — только правдиво рассказать об увиденном. Право же решать, как поступить с моим рассказом, принадлежит старшим. Так что я задремал, оказавшись в ставшем уже привычным призрачном ущелье. Расчищенный участок, с которым я возился, заметно увеличился. Человеку в одиночку столько земли и камней перетаскать не под силу. Тем не менее здесь моя работа явно была выполнена, и кто-то невидимый снова начал подталкивать меня в спину. Значит, нужно переходить дальше.

Я попробовал упираться и даже хотел бросить лопату (хотя никакой лопаты у меня в руках на самом деле не было), но получил такой тычок, что проснулся. Уставился в мрачный потолок и задумался. Никогда не могу сообразить — снится мне распроклятое ущелье или оно всамделишное? Если есть — что за непонятная огромная штука в нем лежит? Вдруг это та самая, по случайности отысканная гномами? Что же получается — мы так старались ее извести, а нынче я самолично принимаю участие в ее вытаскивании на белый свет? Но ведь это все мне снится!

Тут я понял, что окончательно запутался. Хотя я давно положил себе ничему более не удивляться, но жизнь все время подкидывала мне новые и новые загадки. А ответов к ним я, как не бился, сыскать был не в силах.

Болтливая компания, как назло, молчала. Даже Брюзга, у которого не язык, а вертлявое помело. Я бы очень хотел их кое о чем расспросить... да только не решался заговорить первым. Вдруг у них так не за-

ведено? Еще обидятся и совсем разговаривать перестанут. Совсем ведь тошно будет...

— Они сейчас заняты. — Если бы я мог, то вздрогнул бы от неожиданно прозвучавшего голоса Старика. — Но просили меня выразить тебе искреннюю благодарность за повествование. Оно заставило нас о многом задуматься и взглянуть на некоторые вещи с новой точки зрения...

— Да не за что, — растерянно ответил я. — Вы просили, я и рассказал. Трудно, что ли?

— Ты был вправе ожидать ответного рассказа, — заметил Старик. — Однако вряд ли ты его услышишь. Не потому, что нам требуется многое скрывать, но по иной причине. Наши истории слишком длинны и малопонятны кому-то, помимо таких же старых развалин, как мы. Ты верно решил, что мы очень давно находимся в этом месте. Наши старожилы не по своей воле обосновались здесь почти восемь тысячелетий назад...

— Это Кхатти? — осторожно спросил я, твердо убежденный, что Брюзга — самый старый из обитателей подземелья. Восемь раз по тысяче лет! А тысяча — это десять раз по сто! Такого срока и представить невозможно, а уж как их прожить...

— Нет, — с легкой усмешкой в голосе отозвался Старик. — Кхатти попал сюда почти одновременно со мной и Алькюем — около тысячи лет назад. Самых старых из нас ты не слышал. Впрочем, мы их тоже ни разу не слышали — они давно разучились говорить, а их души навсегда сроднились с созданием, обитающим в горах. Ты его наверняка видел. Оно обитает в твоих снах, так же как и в наших. Тебе мнится, что ты извлекаешь эту вещь на поверхность, так?

— Ага, — обрадованно подтвердил я. Наконец-то хоть что-то прояснилось! — Это такая большая непонятная штукавина, лежащая в глубоком ущелье? Я

ее выкапываю. Мне совсем не хочется этого делать, но меня точно кто-то заставляет. А она правда есть?

— Да, — с тоской сказал Старик. — Она есть. И, к величайшему сожалению всех сущих на земле народов, она снова ожила.

— Ожила? — переспросил я. — Так она живая? И эти штуки, что ползали под землей, это ее... ну, не знаю... дети, что ли?

— Можно сказать и так, — после некоторого молчания ответил Старик. — На самом деле я неверно выразился, введя тебя в заблуждение. Конечно, это существо не живое, подобно тебе или мне. Оно не ест, не дышит, не чувствует, и, разумеется, у него не может быть никаких отпрысков. Оно всего лишь порождение чрезмерно изопращенного в науках разума, созданное из холодного железа. Я понятно изъясняюсь, мальчик? Если нет, то не бойся сказать.

— Да нет, мне все понятно... — с трудом выговорил я. — Я просто... обалдел слегка.

— Может, ты хочешь побыть один? — участливо поинтересовался Старик. — Когда захочешь поговорить или спросить о чем-нибудь — оклики меня. Я для тебя Старик, верно? Пусть так и остается, имена для нас больше ни имеют никакого значения.

Он замолчал, словно вышел и закрыл за собой дверь. Честно говоря, я не обратил на его уход никакого внимания. Меня интересовало другое. Выходит, Веллан был прав, говоря, что чудовище неживое! И Хальк говорил то же самое! Жаль только, они никогда не узнают, что думали верно... Я старался не задумываться над тем, удалось ли оборотню выбраться из катакомб, и уцелели ли остальные, ждавшие нас наверху. Я просто от души надеялся, что с ними ничего не случилось и они успели добраться до безопасного места.

Значит, эта тварь неживая. Но кто же тогда ее сделал и самое главное — зачем она послала своих...

как же их теперь называть? Ладно, будем для простоты все-таки считать этих маленьких чудовищ ее детенышами. Так вот, зачем она послала их травить людей в Аквилонии и Немедии? И для чего ей понадобились мы?

— Почтеннейший,— решительно окликнул я, не зная, услышат меня или нет.— Я хотел бы спросить...

— Я слушаю,— сразу же отозвался Старик.— Что тебя интересует, мальчик?

— Зачем мы тут сидим? Почему вообще это все произошло? Откуда взялась эта тварь? Чего ей надо? Отчего мне снится, что я ее выкапываю? — единым духом выпалил я и собрался было продолжить дальше, но Старик со смешком остановил меня:

— Погоди, погоди! У тебя вопросов куда больше, чем у меня вразумительных ответов. Ты что же, всерьез полагаешь, что мне известно все об этом существе, его происхождении и повадках?

— Н-ну... да! — уверенно брякнул я, но, подумав, уже более растерянно спросил: — А что, разве не так?

— Ты даже не подозреваешь, до какой степени не так! — с нескрываемым ехидством ответил Старик.— Только полный глупец осмелился бы утверждать, что ему известно все о мире, да еще и о таком непостижимом создании, как наш Хозяин. Те скудные сведения, которыми я могу поделиться с тобой, всего лишь плод моих долгих размышлений и не претендуют на высокое звание истины...

Я почти ничего не понял из сказанного Стариком, но решил промолчать и не отвлекать его. Пусть говорит, как привык, а я как-нибудь попытаюсь смекнуть, что он имеет в виду. Голова все-таки не мякиной набита.

— Итак, с чего начнем? — задумчиво спросил то ли у меня, то ли у себя самого Старик.— Как я уже сказал, никому из нас в точности неизвестно, что пред-

ставляет из себя находящийся под горами предмет. Я также не могу сказать ничего определенного по поводу того, чего добивается это существо. Что же касается его присутствия в этом мире... Гномская легенда, которую ты пересказывал, в основе своей верно описывает события, предшествовавшие появлению этой вещи под горами. Гномы вообще отличаются пристрастием к собиранию и тщательному сохранению любых преданий, хотя склонны по прошествии некоторого времени истолковывать их со своей точки зрения и в свою пользу...

— Значит, эта штука действительно упала с неба? — подвел итог я.

— Вне всякого сомнения,— подтвердил Старик.— И произошло это около девяти или восьми тысячелетий назад, во времена расцвета государств Атлантиды. Тебе что-нибудь говорит это название?

— Немного,— честно признался я.— Знаю только, что была такая большая страна на закате, а потом боги разгневались на ее жителей и утопили ее в океане. Те, кто успел сбежать, поселились здесь, в Хайбории, и перемешались с местными людьми... Правильно?

— Можно сказать и так.— Мне показалось, что Старик усмехается.— Конечно, настоящая история возвышения и падения Атлантиды намного запутаннее и сложнее, но сейчас это не слишком важно. Так вот, атланты сумели успешно справиться с первой попыткой нашего Хозяина завладеть миром. Легенды в один голос утверждают, что атланты в совершенстве владели различными видами магии, так что я не вижу ничего удивительного в их победе. Среди нас есть двое, которые могли бы доподлинно рассказать, как атлантам удалось это проделать, но... Мы больше не можем докричаться до их разума. Победенный обитатель Небесной горы притих и был надолго забыт. Наверное, обитатели тогдашних

стран были уверены, что не услышат о нем больше никогда.

— А кто такой Хозяин? — Я уже много раз слышал, как Старик и другие упоминали об этом непонятном типе. — У Небесной горы что, все-таки есть какой-то владелец?

— Повторю — я не могу доподлинно утверждать, — с сожалением ответил Старик. — Однако мы все полагаем, что эта вещь наверняка должна кому-то принадлежать...

— Чего же он тогда хочет? — перебил я. — Завоевать мир? Уничтожить всех людей? Чего?..

— Это было бы просто глупо с его стороны, — медленно проговорил Старик. — Если ему, как и большинству одержимых какой-нибудь невероятной идеей, нужна власть, то зачем убивать людей? Кроме того, я убежден, что наш Хозяин — не совсем человек, и потому мы не можем в точности представить себе его желания и мысли.

— Ну хорошо. — Я мысленно вздохнул, посетовав на собственную глупость. Вроде бы мне все подробно растолковывают, а я все равно ничего понять не могу. Или это не я глупый, а Старик слишком уж умный? — Неважно, чего этот ваш Хозяин добивается и откуда он взялся. Мы-то ему на кой ляд сдались? Зачем он нас здесь держит?

Старик коротко хмыкнул и пробормотал что-то на языке, которого я не понял. Затем ответил:

— По-моему, у тебя самого имеются догадки на этот счет, и они лежат весьма близко к правде. Кроме того, Кхатти имеет досадную привычку частенько рассуждать о нашем нынешнем положении.

— Он говорил, что мы все — рабочие лошади, — вспомнил я. — Но как же мы можем работать, если вроде как спим?

— Это неважно, — заверил меня Старик. — Для осуществления некоторых работ вовсе не требуется

физическая сила. Я подозреваю, что мы были собраны здесь по наличию определенных качеств... Видимо, у нас эти качества были развиты несколько сильнее, чем у прочих людей, населяющих наш мир. Как выражается Алькой: «Мы были слишком живыми, и это нас сгубило».

— Понятно, — протянул я, хотя на самом деле ничего не понял. Или понял, но не хотел признаться сам себе. Слишком страшно было.

— Сомневаюсь, что тебе и в самом деле это понятно, — хмыкнул Старик. — Но для простоты можно сказать так — этому существу требуются наши мысли. Я бы сравнил их поток с рекой, вращающей колесо мельницы. Или, если на то пошло, с лошадьми, тянущими груженую повозку. Он любит нас пугать, насылая страшные сны — может, после этого мы, как подхлестнутые кони, бежим резвее. Он не испытывает к нам ни признательности, ни заботы — когда кто-нибудь из нас умирает, он просто разыскивает нового подходящего человека и помещает сюда. Когда Хозяин проиграл атлантам, он усыпил тех двоих, что заполучил первыми, и разбудил спустя почти семь тысячелетий, решив, что появился шанс на победу. Его новыми противниками стали люди другого времени, в том числе Кхатти, Алькой и я. Кажется, ты догадался, что мы не испытывали друг к другу особой привязанности? Но нам пришлось объединиться перед общей угрозой, и мы сумели победить. Однако победа была оплачена многими, слишком многими жизнями, и в том числе — нашими душами. Мы оказались пленниками подземелий, и вскоре были вынуждены надолго заснуть — побежденный Хозяин предпочел снова затаиться, а время не имело для него особого значения.

— Мысли, — повторил я. Почему-то мне казалось, что эти самые мысли приобрели вид крохотных насекомых, ползающих внутри моей головы. А какой-

то мрачный тип с огромной заржавевшей пилой собирается распилить мою многострадальную черепашку, чтобы было удобнее изловить этих блестящих букашек... — Мысли, значит...

— Хороший образ, — одобрил Старик. — Только прими во внимание, что «мысленных букашек», как ты их представляешь, человек способен плодить почти непрерывно. Особенно если его при этом еще и подталкивать в нужном направлении.

— Я не хочу, чтобы у меня в голове кто-то копался! — Если бы я мог, я бы заорал во весь голос. — Это... Это неправильно!

— Неправильно, — согласился Старик. — Но мы ничего не можем с этим поделать. Мы застряли, как мухи в паутине, и, видимо, останемся здесь навсегда. Жаль, тебе придется с этим смириться...

— А удрать вы не пробовали? — Я подумал, что такое простое соображение как-то не приходило мне в голову. — Ну, этот ваш Хозяин... Он же, наверное, не следит за вами все время? Если вообще следит...

Старик горько рассмеялся.

— Бежать? Интересно, как ты себе это представляешь? Ты пробовал хотя бы пошевелиться? Да? И многого добился? Пожалуй, ты изобретательнее всех нас, и, кроме того, ты еще долго протянешь... Мальчик, в твоем лице наш Хозяин сделал ценнейшее приобретение...

— Еще чего, — мрачно сказал я. — Не хочу я здесь сидеть. И ковыряться до скончания веков в каменном дерьме тоже не хочу. Кстати, это я сам копаюсь или кто-то другой?

— Догадался наконец? — едко осведомился Старик. — Конечно, не ты. Ты находишься здесь и вряд ли отсюда выберешься. Ты просто указываешь собравшимся там, в горах, людям, что они должны делать.

Мне очень захотелось выругаться, но я подумал, что Старик этого не одобрит. Так вот зачем подзем-

ные чудовища травили людей зеленым огнем и переделывали их! Чтобы они шли в Граскааль и выкапывали эту треклятую штуковину! А я ими распоряжаюсь! Сподобился, нечего сказать! А что, если среди этих измененных и мои сородичи обретаются?

— Ты же не виноват, что так случилось, — уже мягче сказал Старик.

— Виноват, не виноват, — буркнул я. На душе было мерзко. — А что будет, когда мы ее выкопаем, не знаешь?

— У меня имеются определенные подозрения... — начал Старик, но перебил сам себя. — Честно признаться, не знаю. Думаю, что ничего хорошего.

— Это и ежу понятно, — огрызнулся я. Старик замолчал, а я запоздало сообразил, что зря на него накинусь. Ему же ничуть не лучше, чем мне. Коли сам злишься, нечего срывать раздражение на других.

— Еж, конечно, животное умное, — без тени насмешки согласился со мной Старик. — Но только вот что я тебе скажу. В то время, когда мы здесь обосновались, Хозяин был готов пойти на что угодно, лишь бы вытащить из-под гор эту штуковину. Я так полагаю, что это его дом и он обязательно должен извлечь его на поверхность. Однако сейчас Хозяин особо не заботится о спасении своего жилища. Со стороны, конечно, все выглядит, как в прошлый раз — мы отдаем приказы, согнанные в Граскааль люди копают... Но тогда все работы велись куда более спешно и народу собралось больше раза в два или три. Правда, с тех времен Граскааль заселили гномы и многие из них до сих пор здесь, а их присутствие замедляет работы...

— Ты хочешь сказать, что раньше этому Хозяину позарез хотелось вытащить свой дом, а теперь ему неважно, откапывают его или нет? — сообразил я. — Ну и что с того?

— Я просто перечисляю имеющиеся место странности,— отрезал Старик.— И еще. Я не ощущаю постоянного присутствия Хозяина. Раньше он всегда находился где-то неподалеку, а сейчас удаляется от нас.

— А какой он, этот Хозяин? — поинтересовался я, не надеясь на внятный ответ. Так и получилось.

— Точно не скажу, мы не разу не видели его подлинного лица,— задумчиво ответил Старик.— Он выглядит так, как ему хочется. Иногда как человек, иногда как чудовище, порой как неодушевленный предмет...

— Это как? — не понял я.— Он оборотень, что ли?

— Считается, что оборотни могут принимать только два облика — человеческий и звериный,— назидательным тоном проговорил Старик.— Это же существо многолико и, насколько мне известно, способно перенимать чужое обличье. Только не спрашивай, как оно это делает, я не знаю.

— Что ж получается — оно сейчас может бродить где-то среди людей, и никто его не распознает? — испугался я.

— Вполне вероятно.— Я точно наяву увидел, как Старик пожимает плечами.— В общем, мой мальчик, несмотря на твое сильнейшее желание вернуться в привычный мир, тебе придется смириться с существующим положением вещей. Я понимаю, что это будет нелегко, но... Так уж получилось.

— А если я не буду ходить на веревочке? — хмуро спросил я.— Не буду — и все тут! Что тогда станет? Помру, а на мое место другого кого притащат?

— Алькой, когда попал сюда, был почти таким же,— с вздохом сожаления сказал Старик.— И, думаешь, я с радостью согласился с выпавшим мне жребием? У любого человека есть слабое место, и наш Хозяин, надо отдать ему должное, умеет очень быстро его определять. Страшные сны — только один из способов сломить возможное сопротивление, а он спо-

собен придумать еще сотню других. Впрочем, и этого вполне достаточно. Ты сможешь постоянно жить в окружении своих самых жутких кошмаров, не в состоянии отделить сон от яви?

— Нет,— подумав, признал я.— Но нельзя же задрать лапки вверх и сказать: «Не бейте меня, я сдаюсь»? Я так не могу...

Старик ничего не ответил. Я окликнул его еще пару раз, но услышал только тишину. Похоже, он счел, что поведал мне все необходимое, а дальше уж моя очередь соображать.

* * *

После этого разговора мне стало совсем тоскливо. Выходит, не осталось даже самой малой надежды на то, чтобы выбраться отсюда? Теперь буду неизвестно сколько тысяч лет долбить замерзшую землю. Вот повезло, нечего сказать...

Остальные понимали, что меня сейчас лучше всего оставить в покое. Да и между собой они разговаривали мало. Мне казалось, что в пещере висит какое-то недоумение. Словно все что-то делали-делали... и вдруг обнаружили, что не помнят, для чего нужна их работа, а двигаются только по привычке. Надо бы спросить совета у кого-нибудь, да только никого вокруг нет. Вот и делается все медленнее и медленнее, с оглядкой на соседа, и растерянность у всех какая-то...

Мне в очередной раз снилось ущелье, когда земля под моими ногами вздрогнула. Я проснулся и не сразу понял, что земля и в самом деле мелко-мелко подрагивает. Поверхность, на которой я лежал, тоже еле заметно тряслась. А еще где-то гудело. Низкий такой гул, как будто далеко-далеко сходит с гор лавина.

— Что это? — Брюзга уже повторил этот вопрос на сотню разных ладов, но ему никто не отвечал. Наконец Старик предположил:

— Может, землетрясение?

— А что такое гудит? — поинтересовался Лис. Голосок у него был по-прежнему бодрый, но слегка испуганный.

— Мало ли что там может гудеть, — буркнул Тихоня.

Звук постепенно становился все громче, до отказа заполняя подземелья. Дрожь тоже усиливалась, я заметил несколько зазмеившихся по потолку трещин. Пара распатавшихся маленьких камней выпала и глухо ударилась о пол. Я подумал, что падающие камни могут разбить ту прозрачную штуку, что накрывает меня сверху, и тогда я сумею выбраться. Потом я с сожалением подумал — ну, разобьет этот купол, а с чего я взял, что смогу потом двигаться? И куда мне идти? Мы же где-то очень глубоко под горами, а гномьи шахты, ведущие наверх, наверняка разрушены...

— Кто-нибудь видит, что происходит вокруг? — очень спокойно спросил Старик.

— Надо мной потолок разламывается, — сообщил Кхатти.

— Надо мной тоже, — добавил я. — И камни сыплются.

— Это хорошо, — совершенно безучастным голосом проговорил Алькой. — Значит, мы наконец-то умрем.

Мне совсем не хотелось умирать в подземелье, да еще и засыпанным камнями. Но спрашивается, что лучше — служить этому жуткому Хозяину или отправиться напрямик на Серые Равнины? В нашем положении Царство Мертвых выглядело намного привлекательнее.

— Дверь, — неожиданно сказал Тихоня.

— Что — «дверь»? — быстро переспросил Старик. — С ней что-то происходит?

— Кажется, она шевелится... Мне не видно.

— Шевелится, — неуверенно подтвердил Кхатти. — Или мне кажется?

Я сделал отчаянное усилие и на краткий миг сумел чуть-чуть приподнять голову. Это не помогло — я все равно не успел ничего толком разглядеть. Вдобавок в нашей пещере повисло облако пыли и каменной крошки, сыпавшейся с потолка.

— Она открывается, — бесстрастно доложил Тихоня. — Там гномы... или люди.

— Людям здесь взяться неоткуда, — оборвал его Старик и еле слышно добавил: — И делать им здесь нечего.

Граскааль трясло. Рядом со мной просвистел огромный валун, а потом посыпалась струйка песка. Она падала на прозрачную крышку и разбивалась на множество песчинок, закрывая от меня то небольшое, что мне еще удавалось видеть.

А потом вдруг стало светло. Надо мной мелькнул привычный красноватый отблеск факела. Он приблизился, и я увидел человеческую руку, смахнувшую песок.

Я с мимолетным удивлением обнаружил, что отвык от людей. К тому же я не мог толком рассмотреть, кто там, снаружи. Человек был для меня просто смутным движущимся очертанием. И все же это был живой человек, неизвестно как угодивший в подземелья! Может, он сумеет меня вытащить? Или он думает, что я мертвый? Еще бы — лежит в гробу и не шевелится... Как есть покойник.

Пещера снова содрогнулась, а человек рывком наклонился вперед, вглядываясь. Сквозь зеленоватую пелену крышки на меня уставилась пара расширившихся от изумления глаз, затем человек оглянулся и призывно махнул кому-то рукой.

А мне почудилось, что я со свистом лечу в глубочайшую из пропастей. И почему-то радуюсь этому, как последний дурак.

Я узнал этого человека.

Веллан из Пограничья. Насмешливый и острый на язык человек-волк, с которым мы расстались в катакомбах под маленьким городком Ивелином...

Только как он сюда попал? Или... Вдруг он мне снится? А если он на самом деле здесь — как мне сказать ему, что я жив?

Велл торопливо счистил оставшийся песок и несколько раз с силой ударил кулаками по крышке. С таким же успехом можно было, наверное, пытаться разбить скалу. Я видел, что он что-то кричит, но до меня не доносилось ни единого слова.

Рядом с Велланом появился еще кто-то. Решительно остановил молотящего по крышке моего «гроба» бритунийца, наклонился как можно ниже и что-то проговорил. Я не слышал голоса, но по движению губ сумел разобрать вопрос: «Живой?»

Если это был сон, насланный здешним Хозяином, — то Старик был прав, называя Хозяина бездушным и жестоким. Потому что и второй человек оказался моим хорошим знакомым. Хальк, летописец из аквилонской столицы.

Наверное, я в жизни не прикладывал таких усилий. Мне всего-то было надо кивнуть или выговорить коротенькое словечко! Только ничего у меня не получилось.

— Это твои друзья? — прозвучал в моей голове голос Старика. — Что они делают, пытаются разбить саркофаг?

Я понятия не имел, что такое «саркофаг», но закричал в ответ:

— Да!

— Бессмысленно, — с грустью сказал Старик.

Словно в подтверждение его слов на крышку моего гроба с размаху обрушился тяжелый клинок. Я в ужасе зажмурился, ожидая, что сейчас во все стороны брызнут острые осколки, но... Ничего не произошло.

Даже трещины не появилось. Велл, явно не доверяя собственным глазами, провел по упрямой крышке рукой, и я заметил на его лице гримасу ярости и досады на оказавшийся бессильным меч. — Так они ничего не добьются.

— А как? — крикнул я. — Как открывается эта штука?

Ответ, если он и был, заглушил очередной раскат далекого грома. Подземелье заволкло густой взвесью песчаной пыли, а я почувствовал безнадежное и какое-то тупое отчаяние. Я останусь здесь навсегда. Меня завалит камнями, а если крышка выдержит — похоронит заживо. И Веллан с Хальком тоже погибнут, если не прекратят попыток спасти меня и немедленно не уберутся...

До меня донеслись частые сильные удары. Стучали по боковине «гроба», и я не видел, кто и зачем это делает. Только ощущал, как с силой бьют по камню чем-то железным.

После очередного удара что-то звонко хрустнуло. Еле заметно дрогнула и снова упала крышка, но я успел услышать отчаянный выкрик:

— Велл, да помоги же! Она тяжеленная!

Я даже дышать перестал, следя за тем, как накрывающий меня зеленоватый купол медленно и важно приподнимается, наклоняется вбок и грузно падает. А потом меня оглушило — оказывается, пещеру наполняли звуки. Грохот рушащихся неподалеку камней, шорох осыпающегося песка, какой-то непонятный низкий гул и треск... А самое главное — людские голоса. Настоящие, а не раздающиеся у меня в голове.

— Эйв! Эйв, ты жив?

— Слушай, он вроде не дышит...

— Да нет же, дышит! Эйв!..

Меня трясли и всяческими способами старались побыстрее вернуть к жизни. Пещера у меня перед глазами двоилась и троилась, я качнулся и, чтобы не упасть,

вцепился в какой-то закругленный край. Значит, я снова могу двигаться!

Тут до меня дошло, что я сижу. Веллан и Хальк совместными усилиями заставили меня сесть и теперь пытались перекрычать друг друга, допытываясь, ожил я или еще нет.

— Да живой я,— с трудом выговорил я, и они сразу замолчали. Мы уставились друг на друга, точно я был выходцем из мира мертвых, получившим возможность снова стать живым.

Собственно, так и было...

— Эйв,— тихо сказал Веллан и, протянув руку, нерешительно коснулся меня.— Настоящий... Но ведь ты умер...

— Слушайте, давайте потом разберемся, кто живой, а кто мертвый.— Хальк поднял голову и с опаской посмотрел на покрытый расползающимися трещинами потолок.— Эйв, мы, конечно, ужасно рады тебя видеть и все такое прочее, но скажи — ты можешь идти? Мы тут, кажется, учинили небольшое землетрясение, а теперь расклебываем плачевные последствия...

— Сейчас узнаем,— сказал я и попытался повернуться, чтобы слезть с невысокого каменного возвышения. Только сейчас я смог оглядеться и увидеть, куда меня забросило. Пещера оказалась очень маленькой, темной со сводчатым, небрежно отесанным потолком. На полу выстроились накрытые темными куполами странные вытянутые предметы, высотой по пояс человеку. Я бездумно пересчитал их — девять, считая с тем, на краю которого сидел я.

Первая попытка встать окончилась неудачей. Я бы непременно грохнулся, если бы Веллан не успел меня подхватить. Ноги не держали, голова кружилась, и хотелось снова прилечь.

— Лучше бы нам поторопиться,— озабоченно сказал Хальк.— А то меня терзают подозрения — вдруг все это рухнет в самый неподходящий момент...

Я решил, что немножечко передохну и повторю попытку. Велл присел рядом со мной, а Хальк, перепрыгивая через упавшие с потолка глыбы, добрался до ближайшего «саркофага» и попытался разглядеть, что (точнее, кто) лежит внутри.

— Как вы сюда попали? — спросил я. Мне как-то до конца не верилось, что я на свободе.— И зачем?

— Долгая история,— отмахнулся Веллан.— Выберемся — расскажу. Главное — мы, кажется, убили тварь, которую выкопали гномы. Эту их Небесную гору. Только мы вот на обратном пути слегка заблудились...

— Это еще неизвестно, кто именно заблудился — мы или остальные,— не оборачиваясь, заметил Хальк. Он никак не мог оторваться от рассматривания содержимого «саркофага», заглянул в соседний, и вдруг обернулся к нам:

— Слушайте, там внутри тоже люди. Может, нам попробовать и их вытащить?

«Не стоит,— я вздрогнул от неожиданности. Голос Старика был чуть слышен, словно он находился где-то далеко-далеко.— Тебе посчастливилось, мальчик. Уходи отсюда и уводи своих друзей. Не тревожься о нас — мы с нетерпением ждали этого дня».

«Поторопитесь,— добавил Алькой, и мне показалось, что он доволен.— Удачи тебе, мальчик».

«Варварское жизнелюбие меня просто поражает,— прокрипел Кхатти.— Уноси-ка отсюда свою задницу, малыш... и лучше — вместе с головой. Было приятно познакомиться...»

— Мне тоже,— вслух сказал я, откуда-то твердо зная, что заключенные в «саркофагах» люди меня услышат.— Спасибо... за все. И прощайте.

Хальк и Веллан недоуменно посмотрели на меня, не понимая, с кем я говорю. Издалека долетел грохочущий раскат, сопровождаемый зловещим шелестящим скрипом. Трещины на потолке угрожающе расширились.

— Не пора ли сматываться? — озабоченно спросил Хальк. — Эйв, ты как? И что нам делать с остальными?

— Я в порядке. — Теперь мне удалось твердо встать на ноги. — А остальные... Они уже умерли.

— Тогда пошли, — заторопился Веллан. — Нам еще дорогу вверх искать... и надо попробовать спасти остальных. Они не могут выбраться из-за завала...

Им все же пришлось поддерживать меня с двух сторон, чтобы я смог доковылять до приоткрытой двери. Она имела вид удивительно гладкой темной плиты, висящей на каких-то трубках вместо обыкновенных петель.

Когда мы выбрались в коридор, я заметил, что на потолке сидит какое-то животное, поворотив жуткую морду к нам. Ох, и клыки у него!

— Не бойся, — жарко прошептал мне Веллан. — Этих зверей гномы зовут черными элайнами. Вроде домашней собаки.

— Велл! — Месьор аквилонский летописец дернул оборотня за рукав. — Нужно немедленно уходить! Такое впечатление, что Небесная гора сейчас начнет разрушаться!

— А как же Конан и остальные? — взвыл оборотень из Бритунии. — Они же погибнут там, в подземельях!

— Мы ничем им не можем помочь! — Хальк еще крепче схватил меня под руку и потащил вперед. — Бегом! Видите, элайн наверняка хочет сбежать! Он тоже боится...

Мы успели пройти по коридору вслед за черным зверем не больше полусотни шагов. Катакомбы снова трянуло, а из-за незамкнутой нами двери раздался скрежещущий треск и звон, точно разбилось что-то стеклянное. Я невольно оглянулся и увидел короткую вспышку ярчайшего бело-синего света, вырвавшуюся из щели и затопившую коридор. На миг

высветилось все, до мельчайшего камешка, и мне запомнились три наши причудливо изогнувшиеся тени на стене.

Свет постепенно мерк, в гномьи пещеры возвращалась привычная темнота. Я почему-то был уверен, что для пленников Граскааля все закончилось, причем наилучшими образом. Хальк неуверенно предложил вернуться и посмотреть, что там случилось, но Велл решительно потянул нас за собой.

Мы топали по проходу, забирающему куда-то вверх, земля под нашими ногами мелко подрагивала, а из самых глубин доносилось низкое ворчание, похожее на рев огромного потревоженного зверя. Мы не разговаривали — не до того. Меня вдобавок еще здорово заботило, как бы в полутьме не споткнуться и не упасть.

«Эйвинд, ты меня слышишь?»

Голос Старика был настолько ясен, что мне помешалось — он идет рядом.

— Слышу, слышу, — пробормотал я. — Значит, ты не умер?

«Умер, конечно, — со смешком заверил меня Старик. — Не так, как умирают обычные люди, но все-таки умер. Впрочем, что есть смерть, как не предвстие вступления в новый круг жизни?»

«А остальные? — подумал я. — Они-то как?»

«Они освободились... Но я вернулся, чтобы предупредить тебя. Твои друзья, кажется, и в самом деле нашли способ навсегда уничтожить обиталище нашего Хозяина, а вот его самого дома не застали. Так вот, у меня есть дурное предчувствие, что вам предстоит с ним еще встретиться. Если это произойдет и тебе покажется, что вы угодили в безвыходное положение... — Старик замаялся, затем продолжил: — Попробуй позвать меня. Так, как ты делал это в подземелье. Я не обещаю, что у меня получится объявиться лично, но я обязательно постараюсь помочь вам. Хорошо?»

«Ладно,— несколько растерянно сказал я.— Я, конечно, позову, но что с этого будет толку? Ты ж вроде как призрак...»

«Увидим,— задумчиво отозвался Старик.— Никогда не загадывай наперед, мальчик мой. Никогда...»

Глава шестая РИНГА, ТРЕТИЙ РАССКАЗ

Пограничное королевство, поселения Лерзак и Брийт.
17 — 21 дни третьей осенней луны

«...То были странные времена. Времена непрочного мира и нерушимых клятв, убийств из-за угла и единения между враждующими, вызванного одной общей опасностью. Страны Заката с тревогой прислушивались к противоречивым слухам, долетавшим с полуночи, короли покидали свои троны, а обыватели — города, и никто не мог с уверенностью предсказать, запыхает ли завтра новый рассвет.

То были жестокие и темные времена. И все же — обычные. Люди рождались, жили и умирали, и, не замечаемые ими, лазутчики враждующих стран, скрываясь под чужими именами, по-прежнему пытались тайком выведать, каковы дела у соседей. Кто-то из этих людей служил за золото, кто-то — по велению долга, а некоторые были рождены со стремлением непременно разузнать все скрытое.

То были зловещие времена. И все же, оглядываясь назад, многие без колебаний называли их лучшими в своей жизни».

Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства

Пограничье встретило меня именно тем, что я больше всего ненавижу, — затяжным дождем вперемежку с мокрым снегом и пронизывающим холодным ветром.

Уже почти десять дней я мчалась вслед за королевским отрядом, немного опережавшим меня. Я почти настигла их возле перевала в Немедийских горах, но внезапно выяснилось, что им боги почему-то покровительствуют, а мне — не слишком. Проще говоря, я застряла на порубежной заставе в горах. Нет, дело было не в моей подорожной и не в связке выправленных на мое имя документов — фальшивых и почти настоящих. Можно обвести вокруг пальца пограничную стражу, но ничего нельзя поделать против наступающей с полуночи зимы. Она налетела, завьюжила, засыпала перевал и вьющуюся за ним дорогу... Мне оставалось только скрежетать зубами да бессильно смотреть в затянутое низкими серыми тучами небо. А потом идти в поскрипывающую на ветру хлипкую казарму, дремать вполглаза на чьем-нибудь продавленном тюфяке, играть со стражниками в кости и ждать — когда природа сменит гнев на милость.

Так я просидела три дня. Счастье, что у меня нет привычки грызть ногти — а то бы я наверняка лишилась парочки-другой пальцев.

Я пересекла Немедийские горы там, где сходятся границы трех государств — Аквилонии, Немедии и Пограничья. Однако в силу традиций и неведомо когда и кем подписанных соглашений застава принадлежала немедийцам. Впрочем, это место не являлось особо посещаемым торговцами и простыми путешественниками, и солдаты маялись от безделья. Мое вынужденное ожидание послужило им неплохим поводом поболтать, пересказать мне все последние сплетни и предупредить, что в голове у меня мозгов совершенно нет, потому что какой же нормальный человек по доброй воле потащится в убогое Пограничье?

В чем-то я была склонна с ними согласиться, но свалила причину своей поездки на злого хозяина, настоящую необходимость и кучу данных когда-то клятвенных обещаний. Мне поверили или сделали вид, что поверили.

Невысокие Немедийские горы, изъеденные ветрами, дождями и медленно текущим мимо временем, скоро перешли в холмистые предгорья. Затем начались леса — сначала чахлые лиственные с мрачно торчащими во все стороны ветвями, на которых не осталось ни единого листочка. Их сменили сосновые и еловые, с каждой лигой становившиеся все гуще. Дорог здесь было на удивление мало, деревни встречались редко — через каждые десять-двенадцать лиг — и больше напоминали укрепленные поселки-форты на полуночи Немедии. Однажды я проехала мимо горделиво возвышавшегося на холме каменного замка. Снег блестел на остроконечных крышах и зубцах внушительных стен, однако, приглядевшись, я заметила, что стены давно обветшали и не чинились, крыши прохудились, и даже толстенные цепи на подвесном мосте заржавели...

Чем дальше я забиралась на полуденный восход, тем труднее было бороться с неизвестно откуда взявшимся ощущением — мне здесь нравилось. Это мне-то, родившейся в стране, где не бывает зимы, и всегда предпочитавшей края, где солнечных дней больше, нежели дождливых! И все же Пограничью нельзя было отказать в своеобразном очаровании. Эти узкие дороги, вырубленные в темно-красных скальных отрогах, хмурые сосновые леса в снежном уборе, вросшие в землю деревни, где, кажется, у домов есть корни... Бездонное ночное небо, прозрачно-холодные дни, искрящийся и хрустящий под копытами лошадей снег... Постоялые дворы, сложенные из бревен, которые мне при всем старании не обхватить, пропахшие дымом, подгорелым мясом и запахом местного пива... Далекий волчий вой по ночам и треск веток, гнувшихся

под тяжестью снега... Я начинала подпадать под суровое обаяние этой полуночной страны, которую и королевством-то можно было назвать с большой натяжкой!

И у меня был еще один повод для радости. На каждом встреченном постоялом дворе, в каждой деревне я повторяла одно и то же: «Не проезжал ли здесь дня три или четыре назад отряд? Полтора десятка человек верхами, смахивают на наемников в поисках заработка или свободную дружину. Скорее всего, их возглавляет высокий черноволосый мужчина лет сорока. Направляются на полуночный восход или в столицу».

Судя по получаемым ответам, я не так уж и сильно отставала. Но самое главное — они проезжали здесь, они все были живы, и мне со смешками передавали сплетни о том, как набезобразничали проезжие на том или ином хуторе. Я благодарила, расплачивалась с хозяевами, забиралась в седло и гнала своих верных коньков дальше.

Мои гневные из аквилонских конюшен стоически терпели необходимость почти целый день тащиться по снежной целине, довольствовались покупаемым в деревнях жестковатым овсом и довольно резвой рысью везли меня через Пограничье. Того, что был потемнее, звали Броуги, жеребца посветлее и помоложе я окрестила Обормотом. При рождении его несколько обделили соображением и вечно с ним что-то случалось — то провалится в ручей, то зацепится грузеными на него мешками о низко нависшие ветки, то просто без причины начнет шарахаться из стороны в сторону. Одно слово — Обормот.

В целом же ехала я без особых трудностей — только холодно очень было — и все чаще задумывалась, с чего это Пограничье повсюду расписывают как варварскую и жуткую страну? К своему немалому удивлению, в одной из деревень я даже отыскала королевскую почтовую станцию и во исполнение обещания

послала весточку в Тарантию. Сообщать, правда, пока было особо нечего — доехала благополучно, иду по следу, у известной особы и ее сопровождающих, по слухам, все в порядке. Интересно, дойдет мое письмо или нет? А если дойдет, то когда? Может, я уже и вернуться успею?

Конечно, Пограничье всегда было глухой окраиной мира. Ни одно из государств Заката не стремились подчинить здешние края по причине их удаленности и заброшенности. Лет шестьсот-пятьсот назад им, наконец, придумали употребление — попытались сделать из Пограничья место ссылки.

Вышло все как обычно, то есть наоборот. Согнанные в основном из Немедии заключенные подняли бунт, захватили несколько фортов, перебили охрану и стали жить сами по себе. При этом не стоит забывать, что здешние земли издавна принадлежали переселившимся с полуночи нордхеймцам, бритунийцам и оборотням (но о них речь лучше вести отдельно). В общем, нетрудно представить, какой народ в итоге заселил Пограничное королевство. Здесь оказались уроженцы почти всех стран Запада и Восхода, к коим добавьте еще толику полуночных варваров и посмотрите, что выйдет...

И не забудем про оборотней. По слухам, этого загадочного народа не так много, зато они твердо считают Пограничье своим и только своим владением, что время от времени доказывают на деле. Сама я в жизни ни одного оборотня пока не встречала. Если выражаться точнее, я не видела превращения человека в зверя, а потому не особенно верю ползавшим в Бельверусе слухам, что такой-то или такая-то — оборотни. Мне всегда вспоминается живший около полусотни лет назад в городке Сайрине монах из одного из храмов Митры, именем Атарий, сошедший с ума и убедивший почти всех жителей городка разыскивать ведьм. При чем ведьмами он считал всех женщин старше четырнадца-

ти и младше восьмидесяти лет. Мы не успели вовремя вмешаться, монаха прикончил не то муж, не то приятель одной из погибших женщин. С тех времен я и не верю, когда про кого-то говорят, что он колдун, оборотень или еще кто. Вот когда сама увижу и проверю, тогда и поговорим.

Лет четыреста назад кто-то из сосланных и осевших здесь дворян попытался объединить разрозненные поселения Пограничья под рукой одного правителя. Попытка удалась наполовину — в восточной части страны действительно возникла и укрепилась королевская власть. Закатная стала владением Вольных Кланов — россыпью мелких баронств, постоянно враждующих друг с другом и с набранным с миру по нитке королевским войском. Династии в Пограничье не образовалось — королей частенько свергали раньше, чем они успевали обзавестись потомками.

Неплохие шансы усидеть на шатком троне были у Сигисмундса, правившего около сотни лет назад. Он пробыл королем Пограничья почти десять лет и даже сумел вырастить наследника. Да только в один прекрасный день королевская семья вкупе с обитателями коронного замка перемерла от болотной лихорадки, корона досталась дальним родственникам, не сумевшим ее удержать... И вся круговерть началась сначала.

Сейчас в Пограничье королем некий Эрхард, сын Этельвульфа, — здесь на варварский манер принято прибавлять к своему имени имя отца или матери (интересно, как бы звучало мое собственное имя на местный лад? Ринга, дочь Драго?). Этот человек ранее служил в королевской гвардии, принимал участие в охоте на Бешеного Вожака и — как утверждали наши редкие осведомители в Пограничье — добрался до вершин власти с помощью некоего варвара из Киммерии по имени Конан. Когда я об этом слышала, даже не удивилась. Меня поразило другое — почему

Конан не забрал дармовую корону себе? Побрезговал, наверное, маленьким и на редкость неустроенным королевством где-то на окраине материка, решил добиваться большего. А теперь помчался сломя голову на помощь старому приятелю...

Эрхард, по нашим расчетам, имеет неплохие шансы на длительное и относительно благополучное правление. У него есть взрослый племянник (так что найдется кому передать власть), его признают и дворянство, и бедняки, и Вольные Кланов, и, как ни странно, оборотни. Если бы не нынешние потрясения, править бы Эрхарду долго и счастливо, создавая из Пограничья страну, достойную по праву называться королевством. А чем обернется его правление сейчас — трудно сказать.

...Большая, хорошо укрепленная деревня, в которой я переночевала, называлась Кайга. По-здешнему — «бург Кайга». Словоохотливый хозяин таверны растолковал, что до Вольфгарда еще пять дней конного пути, а ежели повезет, то к ночи можно добраться до крохотного выселка в пять или шесть домов, стоящего возле самой дороги. Путь к столице поведет сначала через молодой лес, потом через холмы, а потом начнется обычная чаща, и вот на ее опушке-то и стоит выселок. Вечером его будет издалека заметно — там специально возле тракта фонари вывешивают, чтобы путники останавливались, потому как в одиночку через лес ехать — зря рисковать. А зачем рисковать, коли голова человеку дана всего одна и вторую не приставляют?

Я согласилась, что рисковать и в самом деле глупо, узнала, что интересующие меня люди проезжали через Кайгу четыре дня назад и сейчас, скорее всего, добрались до бурга Брийт, что в дневном переходе от Вольфгарда. Я мысленно позавидовала Мораддину и компании, неуклонно приближавшимся к цели своего путешествия, посочувствовала себе и отправилась дальше.

День выдался замечательный. Позванивали на ветру смерзшиеся еловые лапы, у меня над головой плыло высокое, чисто-голубое небо, мерно топали по свежавыпавшему снегу лошади, поднимая облачка искристой пыли. Мне стало беспричинно весело, и я во всеуслышание заголосила неведомо где подслушанное:

Если станет слепой цитадель на горе,
Ты услышишь — подковы стучат во дворе.
Я вернусь, я вернусь, я вернусь на заре!
Если ветер с заката приносит грозу —
Глянь в окно, и меня ты увидишь внизу,
Я вернусь, я вернусь, прилечу, приползу!..

Лошади недоуменно задержали ушами, Обормот сделал вялую попытку встать на дыбы, но понял, что на его спине лежит слишком много груза для подобных безобразий.

— Все в порядке, — заверила я встревожившихся коньков. — А ежели такая песня вам не нравится, могу исполнить что-нибудь другое.

И наиболее доступным мне жалостливым голоском пропищала:

Уехал верный рыцарь мой
Пятнадцать лет назад,
И на прощанье я ему
Заворожила взгляд:
За сотни лиг, за сотни лиг
Направит он коня,
Во всех красавицах с тех пор
Он узнает меня...

На сию душещипательную балладу кони согласились, так что мне пришлось петь до конца. С последней строфой мы перевалили через невысокий холм... и тут я захлопнула рот и рывком натянула поводья. Внизу лежала небольшая еловая рощица, присыпанная, как и все в этих краях, хрустящим белым снежком. За рощицей я разглядела довольно большое

открытое пространство — то ли пустошь, то ли замерзшее озеро, а за ним — темную зубчатую полосу леса. Вроде ничего, внушающего подозрение. И все же мне не хотелось спускаться туда. Что у меня есть для защиты своей драгоценной шкуры? Мой невеликий Дар — раз. Хороший, хотя и старый меч кхитайской работы (подарок одного из давних друзей) вкуче с длинным кинжалом — два. И прихваченный еще из Ианты арбалет с полусотней стрел к нему — три. Немного.

Я дотянулась до висящего возле луки седла арбалета, вытащила мешочек с болтами и, с усилием провернув ворот, вложила тяжелую стрелу в желоб. Перевесила меч за спину — так гораздо удобнее вытаскивать его из ножен и на замахах уходит меньше времени. Привстала на стременах и встряхнулась — вроде ничего не болтается, все застегнуто и завязано. Может, я испугалась тени, но, как говаривали на моей далекой родине, то бишь в Зингаре: «Лучше перебдеть, чем недобдеть».

Кони, почуввав мое настроение, подобрались и настожились. Я шлепнула Броуги поводьями по шее, и он медленно пошел вниз. Привязанный на длинную уздечку Обормот топал позади. Я положила заряженный арбалет на луку седла, и то и дело подозрительно косилась по сторонам, готовясь выстрелить в любого нападающего.

Таким порядком мы достигли середины склона, и тогда я заметила среди разлапистых ветвей какое-то движение.

* * *

В ельнике кто-то прятался, в этом я больше не сомневалась. Три или четыре человека. Теперь надо было срочно решать, как быть. Может, они вовсе не меня подкарауливают, а заняты какими-то своими делами? Если же это и в самом деле засада, то не

пугнуть ли мне их? Да, но ехать потом с нещадно трещащей головой?.. И подействует ли на неизвестных мой Дар? Местные жители — народ простой и немудрящий, насылаемый мной мысленный испуг запросто может скользнуть по их туповатому сознанию и ничего там не расшевелить...

Неужели придется драться? Вот чего не хочется, того не хочется. Я ведь всего лишь хрупкая женщина... весьма преклонных лет, кстати сказать. И не горю желанием корчить из себя бесстрашную героиню и размахивать мечом направо и налево.

Опушка рощи приближалась. Интересно, догадались ли прячущиеся за деревьями, что я их уже заметила? И есть ли у них луки или самострелы? Если да, то мне придется тяжело. Вернее, не столько мне, сколько моим лошадям.

На всякий случай я незаметно вытащила кинжал и подрезала ремень, тянувшийся от уздечки Обормота к моему седлу. Если придется резко срываться с места, заводная лошадь только помешает. В конце концов, я могу пожертвовать Обормотом и его поклажей. А если его не поймут, я сама потом его отыщу. Наверняка далеко не убежит.

Мне оставалось проехать еще два десятка шагов до того места, где дорога ныряла в лес, когда у одного из скрывавшихся за деревьями лопнуло терпение. Наверное, он считал меня легкой добычей и, с треском вывалившись из зарослей, бросился к взвившемуся на дыбы Броуги. Ремень немедленно треснул и почуявший свободу Обормот как-то боком, точно краб, поскокал обратно, вверх по склону.

Мне было не до него. Я выстрелила и, разумеется, промазала. Отшвырнула бесполезный арбалет, едва успев выхватить свой клинок и отвести удар топорика на длинном древке. Железо с отвратительным визгом проехало по железу, и мы закружились по рыхлому снегу, пытаясь удачным выпадом достать друг друга.

Сверху я видела только макушку своего противника, накрытую старым и слегка помятым шлемом. Когда-то шлем украшала пара медных витых рожек, но теперь остался только один рог, вызывающе торчавший вперед. Еще я успела заметить, что неизвестный человек довольно высок, что он непредусмотрительно накинул на себя изрядно потрепанную медвежьей шкуру, сковывающую движения, и что своим оружием он владеет не так уж и плохо. Правда, за мной пока имелось преимущество — я соображала и действовала быстрее его, и у меня был конь. Пускай напуганный и мечущийся, но все же порой мне удавалось направить Броуги на противника и вынудить того отступить на пару шагов. Кому охота быть затоптанным лошадью?

Этот поединок не мог продолжаться долго. Неизвестный был намного сильнее меня, от его ударов у меня уже начинала ныть и дрожать рука. А если он догадается рубануть по ногам Броуги...

Мимолетно я удивилась, что все происходит почти в полной тишине. Только хрустел снег, фыркал и храпел конь да иногда слышалось яростное пыхтение моего врага. Что-то там поделывают его дружки, засевшие в роще? Или они предоставили ему право единолично разобраться со мной?

Нет, они тоже решили присоединиться к общему веселью и заходили сзади, намереваясь взять меня в кольцо. Мне показалось, что это самые обычные грабители с большой — или малой, если придерживаться истины, — дороги, и я мысленно посмеялась над собой. Это ж надо — суметь столько раз выбираться живой из гадючьих клубков при королевских дворах и в каком-то захудалом Пограничье нарваться на разбойников!

Мой приятель с топором зарычал, явно пытаясь придать себе недостающей храбрости, и попытался схватить Броуги за узду. К моему величайшему сожалению

нию, это ему удалось. Жеребец замотал головой, выдирая у меня из рук поводья, и заплясал на месте. Под съехавшим набок шлемом мелькнула злорадная ухмылка. А еще через миг я воспользовалась тем, что нападавший остановился, поднялась на стремянах и изо всех сил ударила сверху вниз, надеясь, что башка у этого типа не слишком крепкая и что старенький меч выдержит.

Раздался короткий хрустящий звук, грабитель выпустил свою секиру, качнулся, тщетно пытаясь устоять на ногах, и, сложившись пополам, завалился набок. Утверждение, что кровь на снегу кажется более яркой, чем на самом деле, оказалось верным. А крови хлынуло порядочно...

Я подобрала беспорядочно свисавшие поводья, развернула Броуги и внезапно заметила, что в моей правой руке ничего нет. Верно послуживший мне клинок уцелел, однако намертво застрял в разрубленной голове разбойника. Мда-а...

Побеждает, как известно, не сильнейший, а тот, кто нахальнее. Потому я пнула взвизгнувшего жеребца каблуками в бока, завопила как резаная и поскакала навстречу двум оставшимся грабителям. Они, не стовариваясь, рванули в разные стороны — один к лесу, другой ко мне. Что он задумал, мерзавец? Я же его сейчас с ног собью!

Не получилось. Он извернулся, проскочил мимо и попытался ударить меня коротким мечом. И задел. Кажется, не сильно, но в сапоге захлюпало что-то теплое и липкое.

Второй тем временем скрылся в лесу. До меня долетело очень знакомое поскрипывание, издаваемое натягиваемой тетивой. Невеселое положение... Если не пристрелят, то зарубят. И наоборот.

Я снова развернулась, перекинула здоровую ногу через шею коня и вцепилась в луку, с трудом удерживаясь в весьма шатком и ненадежном положе-

нии. Броуги все это жутко не нравилось, он то и дело порывался свернуть и удрать куда-нибудь подальше. Нападавший, вовремя повернувшийся назад, теперь оказался совсем рядом, намереваясь повторить удачный выпад. Я пронзительно взвизгнула и прыгнула с седла, сжимая в руке кинжал.

Он не ожидал подобной коварной выходки, выронил меч, упал, и мы лихо покатались по снегу, взаимно стараясь задушить или еще как-то покалечить противника. В лицо мне пахло чем-то тошнотворно-кислым, и я едва не раскашлялась. Этот мерзавец удачно заехал мне кулаком по ребрам, так что я охнула и на миг задохнулась, и намертво придавил к земле мою правую руку с ножом. Наплевать, я и левой справлюсь.

Все, что мне требовалось — стряхнуть рукавицу и сильно согнуть пальцы. Из подушечек с готовностью выскочили пять острейших крючков светло-желтого цвета. Вот и подтверждение моему прозвищу «Бешеная кошка». У кошачьего рода, как известно, очень опасные когти, и загнанная в угол кошка дерется до последнего...

Он хрипло булькнул, задержался и остался лежать с разодранным горлом, из которого толчками хлестала яркая кровь, так и не сообразив, чем это я его ударила. А я с трудом отползла в сторону, захватила пригоршню снега и прижала ко лбу. Снег таял и тек между пальцами мелкими теплыми струйками. Раненая нога противно ныла. Где-то неподалеку прятался третий нападавший. Сейчас я смахивала на отличную мишень, но даже это обстоятельство не могло заставить меня встать. Я захватила новую пригоршню снега и, плохо соображая, что делаю, принялась лихорадочно оттирать россыпь пятен крови на светлой шерсти овчинного полушубка.

Мгновения шли, никто не стрелял. Убежавший Броуги вернулся и растерянно топтался неподалеку,

Обормот сгинул неведомо куда. Затем заиндеветшие ветки елей качнулись, уронив блеснувший на заходящем солнце снег, и на опушке появилась собака. Большая, поджарая и длиннолапая собака темно-серого цвета с черной полосой вдоль хребта. Острые уши животного стояли торчком, морда медленно поворачивалась туда-сюда — зверь пристально обзирал представшее зрелище. Броуги испуганно захрипел и попятился.

Я запоздало сообразила, что это не собака. Волк. Только этого мне еще не доставало. До меча я добраться не успею, арбалет валяется неподалеку (только стрелы остались в мешке, болтающемся на седле лошади...), а кинжал против эдакой зверюги почти что бесполезен. Да и мои когти, пожалуй, тоже. С какой радости его сюда принесло, волки же днем вроде не охотятся? Или он примчался на шум?

Зверь постоял еще несколько мгновений, затем еле слышно рыкнул, повернулся и ушел. Просто ушел, точно не обнаружил ничего стоящего внимания. Я перевела дыхание, пошевелила раненой ногой и осторожно попыталась встать. Броуги заметил мое treпыхание, поколебался и подошел поближе. Ухватившись за его уздечку, я сумела подняться на ноги и выяснила, что даже могу идти, только медленно и все время припадая набок.

Я доковыляла до убитого мной грабителя и принялась ожесточенно дергать засевший в его голове клинок. После пятого или десятого рывка меч снова оказался у меня в руках. Я тщательно вытерла его о снег, убедилась, что на узком блестящем лезвии с еле заметной волнообразной чеканкой не появилось новых зазубрин и сунула в ножны. Подобрала арбалет и снова повесила на седло. Со стрельбой у меня всегда были трудности. Метать ножи — это пожалуйста, а на тщательное прицеливание из лука или арбалета у меня терпения не хватает. И вообще, надо бы поскорее отправляться в деревню, пока не начало тем-

неть. Но, прежде чем уехать, я должна была сделать еще одну вещь — дойти до опушки и увидеть кое-что собственными глазами.

Оно действительно оказалось там — тело третьего разбойника. С хребтом, безжалостно перекушенным чьими-то крепкими и острыми зубами. Рядом валялся длинный охотничий лук, а из снега торчали воткнутые рядком стрелы. Если бы он успел выстрелить хоть пару раз — госпожа Эрде больше никуда бы не доехала.

Я огляделась по сторонам, но волк либо убежал, либо хорошо спрятался. На всякий случай я приложила ладони ко рту и крикнула, чувствуя себя полнейшей дурочкой:

— Эй! Спасибо!

* * *

До выселков я добралась уже в сумерках. По моим подсчетам, в Бельверусе в это время как раз бы пробили девятый или десятый послеполуденный колокол. Здесь же даже время текло по-своему — медленно и неторопливо. Я ехала через застывший в молчании черно-голубоватый лес, в просветах между ветками мелькал белый серпик растущей луны. Иногда я негромко свистела, пытаюсь дозваться Обормота, но напрасно. Достанется теперь гневной конек с клеймом королевского дома Аквилонии какому-нибудь местному бедняку... или волкам на ужин. Может, даже тому зверю, что загрыз разбойника. Только непонятно, чего же серый хищник удовлетворился тем, что прикончил человека и даже не сделал попытки закусить своей добычей? И почему не напал на меня?..

Соображалось плохо. Я замерзла, устала, кривилась из-за боли в раненой и наскоро перетянутой ноге и хотела только одного — поскорее оказаться в тепле.

Лес неожиданно отступил от дороги, и я заметила невдалеке яркий колеблющийся огонек. Броуги поднял голову и негромко заржал, почуяв близость жилья.

Это и были обещанные мне в Кайге выселки — пять или шесть приземистых домов, сбившихся в кучку на границе мрачноватой чащи. Возле самой дороги дымно горел в неподвижном стылом воздухе факел, повешенный в кольцо на покосившемся столбе. Пламя освещало потрескавшуюся доску, на которой я с трудом разобрала немедийскую надпись: «Лерзак». Значит, у поселка даже есть собственное название. Хорошо бы у них еще имелся постоянный двор или какая-нибудь харчевня, где можно переночевать...

Поселок был настолько тих, что казался вымершим. Впрочем, кое-где в маленьких подслеповатых окнах мерцали тусклые огоньки, доказывая присутствие обитателей. Я уже собиралась постучать в первую попавшуюся дверь, когда заметила раскачивающийся над входом в один из домов старый котелок и привязанный над ним разлохмаченный пучок травы. Таверна. Быть того не может, однако котел и колосья ржи означают только одно — таверну. А если она еще и открыта...

Я распахнула тяжелую дверь, с грохотом ввалившись с улицы прямо в жарко натопленный и пустующий обеденный зал. Мое появление разбудило дремавшего за стойкой хозяина таверны и спугнуло лежавшую на столе кошку. Полосатый зверек с мяуканьем скрылся под скамьями, а я доковыляла до стойки и с надеждой спросила:

— Чего-нибудь горячего подашь?..

Хозяин, к счастью, попался нелюбопытный и не слишком болтливый, так что вскоре я получила все, что хотела, — не слишком изысканный, зато обильный ужин, большую кружку подогретого вина и разрешение за две серебряных монеты переночевать на одной из лавок — имевшиеся при таверне комнаты для проезжающих оказались заняты. Хозяин снова задремал, а я набросилась на еду, не замечая ничего вокруг. Я даже пропустила мимо ушей стук закры-

ваемой двери, решив, что явился еще один поздний гость вроде меня или местный завсегдатай.

И тут меня хлопнули по плечу. Настолько неожиданно, что я подпрыгнула на скамье, выдернула из ножен кинжал и, резко повернувшись, едва не полоснула неизвестного наглеца по животу. Он успел вовремя отскочить и обидчиво поинтересовался:

— Эй, у тебя с головой не все ладно? Чего с ножом бросаешься?

— Дратся валите на улицу, — не открывая глаз, пробурчал хозяин таверны. — А то весь пол перемажете и наверняка разобьете что-нибудь...

— Да не будем мы драться, — отмахнулся гость. — Я тут знакомого встретил, а он, мерзавец, меня узнавать не хочет!

Я слегка озадаченно уставилась на человека, самоуверенно объявившего меня своей знакомой. Вернее, «знакомым» — я уже упоминала, что очень похожа на мальчишку-подростка. Женщина, путешествующая в одиночку по такому захолустью, как Пограничье, обречена выслушивать кучу дурацких вопросов и рискует влипнуть в довольно опасные переделки. Лучше уж казаться не тем, что ты есть. Безопаснее. Хотя какая тут, к демонам, безопасность... По дороге нельзя проехать, чтобы на тебя не напали.

— Что-то я не припомню, чтобы нас знакомили, — осторожно сказала я.

Мой неожиданный «приятель» ухмыльнулся в ответ, плюхнулся за стол напротив меня и бесцеремонно стянул с моей тарелки еще нетронутый кусок ветчины.

На вид этому самоуверенному нахалу было лет семнадцать или восемнадцать. Долговязый, весь какой-то нескладный, близко посаженные ехидные глаза темно-серого цвета, светлые, неровно подстриженные волосы, разделенные посередине темной прядью. Одет, как и большинство здешнего народа, в домотка-

ное тряпье, украшенное аляповатой, на мой взгляд, вышивкой. Правда, болтающийся на поясе кинжал — хорошей работы. И еще медная пряжка на плече с тремя листьями какого-то дерева — герб? Но чей? Вряд ли его собственный... Значит, владельца. Хотя мальчишка не похож на забитого бедняка...

Среди моих близких и дальних знакомых юнец точно не числился, а потому, когда он расправился с ветчиной и потянулся к моей кружке, я решительно потребовала:

— Немедля объяснись или сгинь!

— Не, ты чего? — возмутился парень. — Я, можно сказать, своей шкурой рискую, спасаю его, а что в награду? Сначала едва не зарезал, теперь вина жалеет! Кстати, твоя вторая лошадь убежала в Кайгу.

— А? — глупо переспросила я. — Какая лошадь?

— Гнедая со светлыми подпалинами. — Мальчишка все-таки завладел моей кружкой. — Да ты что, совсем бестолковый?

Видимо, уничтоженные еда и вино сделали свое дело — я стала соображать медленнее, чем обычно. Кто еще был на месте моей схватки с грабителями и мог все видеть? Ответ напрашивался сам собой.

— Оборотень... — с трудом выговорила я.

Развеселившийся юнец кивнул и дружелюбно посоветовал:

— Рот закрой, а то ворона залетит и гнездо сошьет.

Я захлопнула челюсти с такой силой, что лязгнули зубы. Та-ак. Сколько раз слышала: Пограничье — земля оборотней? Вот тебе и представитель сего народа. Живьем, так сказать. Сидит, ухмыляется до ушей и уничтожает мое вино, за которое, между прочим, деньги плачены! А я-то, бедная, голову ломаю — почему во всех поселениях, которые я миновала, меня частенько преследовало странное ощущение — будто рядом находится притаившееся дикое животное. И запах — как от скошенной пару дней назад и слегка подвяв-

шей на жарком солнце травы. Значит, это знак присутствия оборотня. Куда я только попала... Сидела бы себе в Ианте и горя не знала... Теперь представляю, как чувствуют себя люди, узнающие, что я — не совсем человек. Выражение «обухом по голове», оказывается, очень верно передает подобное состояние...

Мальчишка протянул руку и осторожно потряс меня за плечо:

— Эй, парень, спишь на ходу?

— Нет, — вздохнула я, решив смириться с тем, что высокоученные философы в Бельверусе именуют «реальностью, данной нам в жизненных ощущениях». Проще говоря, принимай вещи такими, какие они есть. Раз твой знакомый оказался оборотнем, то ничего с этим не поделаешь. — Хозяин!

— Чего? — донесся от стойки недовольный голос.

— Два пива, — мрачно потребовала я. Не люблю я этого мутного пойла, но здесь его, как я успела понять, хлещут при каждом удобном и неудобном случае.

Радостно оживившийся мальчишка не составлял исключения. Может, и в самом деле после такой мерзости, как здешнее пиво, в голове прояснится?

Когда на нашем столе появились две увесистые глиняные кружки с шапками грязновато-белой пены, я с трудом приподняла свою:

— За знакомство, что ли?

— Давай, — согласился юнец. Кружки с глуховатым цоканьем сдвинулись.

— Кстати, я — Винар, — представилась я. Именно это имя было записано в одной из моих подорожных и, если кто заинтересуется, он без труда убедится, что человек с таким именем — мелкопоместный зингарский барон — действительно существует и в данное время выполняет различные мелкие поручения для короны Аквилонии. В основном доставляет послания из Тарантии в Кордову и обратно. — Я из Зингары, знаешь, где это?

— На полудне, у океана, — не задумываясь, ответил мальчишка. Понятно, в здешнем захолустье не совсем сосновые пеньки живут: — Меня называют Темвиком, сыном Магнуса. Я здешний, из Лерзака... Слушай, а чего тебя из Зингары сюда занесло, ежели не секрет? Выгнали, что ли? Или бежишь от кого?

Я помотала головой:

— Служба. Я гонец. Приказано отвезти письмо в Вольфгард — вот и скачу.

— Гонец? — Темвик, явно не поверив, смерил меня взглядом и точно прикинул, много ли во мне веса. Поколебался и брякнул: — Ты извини, но ты ж как есть задохлик! Нет, дерешься ты здорово, я видел, но...

— Сила — это еще не главное, — с достоинством возразила я. — А если не веришь — пошли во двор. Спорим, я тебя по стенке размажу и даже без особого труда?

— Не буду я с тобой спорить, — отмахнулся полу-волк. — Давай лучше еще выпьем.

— А давай! — неожиданно согласилась я. Было как-то очень необычно сидеть в захолустной таверне где-то на краю земли и пить горьковатый эйл с оборотнем. Я бы даже сказала — с весьма разговорчивым оборотнем. От меня требовалось иногда задавать обманчиво невинные вопросы и поддакивать в нужных местах. Впрочем, я даже не слишком притворялась — мне действительно была интересна легкомысленная и жизнерадостная болтовня мальчишки.

Так я узнала, что Темвик — вовсе не околачивающийся по тавернам праздный бездельник, а вольнонаемный следопыт стражи Пограничья, отвечающей за безопасность дорог. Что живет он по большей части в Вольфгарде, но сейчас его отпустили на несколько дней домой, провести семью, которую он называл «Стаей». Я решила, что это вполне правильное название: у людей сородичи объединены в семьи, у волков — в стаи. Темвик ходил в бург Кайгу, навестить

друзей, а возвращаясь, заметил скачущую по дороге лошадь, за которой волочились обрывки поводьев, и догадался, что поблизости кто-то попал в беду. На мое счастье, он успел вовремя, обошел место моей схватки с грабителями и напал на лучника, уже готовящегося выстрелить. Потом убедился, что я в состоянии передвигаться и побежал в Лерзак, здраво рассудив, что я доберусь до выселка и наверняка остановлюсь в таверне.

— Что ж вы за охрана дорог, коли мирному путешественнику проехать нельзя? — искренне возмутилась я. — И что это были за мерзавцы, которые на меня напали?

Мне доходчиво растолковали, что стражники, ведающие охраной дорог, не могут быть в сотне мест одновременно. А также поведали захватывающую историю, как в конце лета выследили и разгромили шайку Кривого Джефы, грабившего караваны на Немедийском тракте, но, как выяснилось, не всю. Кое-кто из разбойников успел сбежать и теперь время от времени нападал на одиноких путников навроде меня.

— Ты в Кайге останавливался? На постоялом дворе платил? — В ответ на все вопросы Темвика я согласно кивала. — Наверное, кто-то из них подсмотрел, что у тебя деньги водятся и шепнул друзьям. Вот они тебя и поджидали.

Короче, сама виновата. Нечего звенеть кошельком, полным серебра, на глазах у честных грабителей и тем самым вводить их во искушение. Скажи спасибо, что легко отделалась. Всего лишь рассталась с лошадью, груженной припасами, и заполучила дырку в новеньком сапоге. Так что не выпить ли нам еще — за мое благополучное спасение?

После третьей кружки я поняла, что на сегодня с меня хватит. Мне завтра еще ехать и ехать. Сколько там осталось до Вольфгарда — пять дневных переходов, шесть?

Темвик увлеченно излагал какую-то запутанную повесть, но на середине вдруг сбилсЯ, икнул, захихикал и спросил, не хочу ли я прогуляться на улицу. Я хотела — там наверняка не так жарко. И что-то творилось с моими глазами — перед ними все плыло то влево, то вправо. Может, на холодке пройдет?

Наша первая попытка встать бездарно провалилась. Мы тщетно поломали головы над вопросом — это пол качается или с нашими ногами что-то не в порядке? Вторая вышла более успешной, и мы с оборотнем вывалились наружу, застряв в дверях и случайно перевернув какую-то бочку.

На единственной улице Лерзака было на удивление светло и холодно. С чистого неба сыпались редкие снежинки. Мы немного попинали пустую бочку, хихикая над тем, как она скачет на ухабах, потом Темвик запутался в своих не в меру длинных ногах и упал в сугроб. Я самоуверенно попыталась его вытащить, но вместо этого шлепнулась сама. Откуда-то явилась тощая шавка с облезлой шерстью и принялась уныло гавкать. Оборотень в ответ зарычал, собачонка зашлась в визгливом лае, а меня разобрало беспричинное неумное веселье.

Наконец я поднялась на ноги и протянула руку все еще сидевшему в сугробе Темвику. Он ухватился за меня, пытаясь встать... и вдруг замер, уставившись слегка расширившимися глазами через мое плечо.

Однажды я пережила землетрясение, навсегда запомнив это противное ощущение содрогавшейся под ногами земли и полнейшей незащитности. Перед гневом природы равны все — и короли, и герои, и последние бедняки.

Почва под нами мелко тряслась. Высокие, в рост человека, сугробы по краям улицы начали рассыпаться, а с крыши таверны с шорохом посыпался снег.

— Ч-что это? — с трудом выговорила я. Кружившийся в моей голове радостный хмель мгновенно куда-

то сгинул. Похоже, с Темвиком случилось то же самое. Он вскочил, по-прежнему не отрывая взгляда от чего-то за моей спиной.

Я редко пугаюсь, ибо повидала за свою жизнь довольно много жутковатых событий, вещей и людей, но сейчас мне стало страшно. И все же я нашла в себе силы оглянуться. Оглянулась и осталась стоять с приоткрытым ртом, намертво вцепившись в рукав не менее перепуганного мальчишки-оборотня.

Далеко-далеко, наверное, не меньше чем в полусотне лиг от нас, разливалось оранжево-красное дрожжащее зарево. На его фоне отчетливо выделялась причудливая темная линия гор, словно нарочно для такого случая выведенная рукой искусного рисовальщика. Лохматые языки яростного огня беззвучно плыли вверх, к чистому ночному небу, скручиваясь в кипящий багровый шар пламени, пронизываемый светло-фиолетовыми молниями. Огонь поднимался все выше и выше, соединяясь с землей лишь тончайшей ножкой пепельно-серого вихря, мотающегося туда-сюда...

Я покосилась на Темвика — парень стоял, выкашивая глаза и что-то лихорадочно бормоча про себя. Наверное, у меня видок был не лучше.

Потом до нас долетел гулкий, величественный раскат, от которого я на несколько тягуче-долгих мгновений полностью оглохла.

«Это молнии богов, а за ними ударяет гром, — подумала какая-то часть меня, с потрясающим спокойствием созерцавшая жуткие клокочащие тучи, в которых противоестественно перемешались мрак и огонь. — Богам надоели смертные, они решили очистить землю и все начать сначала...»

Бешено вращавшийся смерч вдруг порвался пополам. Нижняя воронка, словно потеряв силы, нырнула вниз, верхняя поплыла к разбухающему на глазах шару огня. Теперь я затруднилась бы определить его цвет —

алое, лиловое, непроглядно-черное, снежно-белое и пурпурное смешались в дикий хаос, для описания которого люди пока не придумали слов. На него можно было только смотреть, но даже зрение отказывалось принимать увиденное. Долетел еще один раскат грома, но я его не услышала, а, скорее, почувствовала — так ударило по уже оглохшим ушам. Земля дрожала, готовясь расколоться и стряхнуть топчущихся по ее поверхности букашек, а я смотрела на медленно плывущий ввысь сгусток пламени и думала, что совершенная красота и подлинный ужас частенько неотличимы друг от друга. И сейчас мы все, наверное, погибнем, и это будет ужасно нелепо и невовремя, потому что я так хочу жить!..

Я хотела зажмуриться, чтобы не видеть, как всепожирающее пламя ринется вниз и неудержимой волной покатится на полдень, через цветущие, полные жизни страны и города, оставляя за собой черный невесомый пепел, но не смогла. Если уж мне суждено умереть, то я умру с открытыми глазами.

Косматое облако плыло на невообразимой высоте, затмевая яркие зимние звезды. Оно поднималось все выше, мерцая всеми цветами безумной радуги... и таяло. Становилось прозрачнее, все больше походило на рваную тучу, затянувшую половину неба. Потом налетел ветер, растрепавший зловещую черную тучу на клочкастые обрывки тумана. И стало очень тихо.

Спустя некоторое время до меня дошло, что на самом деле я просто ничего не слышу. Мимо нас несколько раз пробежали перепуганные люди и, судя по их открывавшимся ртам, что-то кричали, но мои уши словно были плотно заткнуты мягкой ветошью. Наконец сквозь нее пробился ликующий крик Темвика:

— Оно улетело, улетело! Слышишь, оно улетело! Ну кивни хотя бы, если слышишь!

— Слышу,— с трудом выговорила я. За голосом Темвика в мою голову неудержимой лавиной ворвались другие звуки — чей-то надрывный плач, шорох

медленно осыпающегося снега, приглушенный топот ног бегущих людей, истерическое вскрикивание и пронзительный собачий вой. А может, волчий — кто их разберет.

Я огляделась. Вроде ничего из построек не пострадало. Наверное, нас спасло то, что мы находились довольно далеко от гор и от... Великие боги нашей бедной земли, что же сейчас произошло? Может, так и выглядит недоброй памяти зеленый огонь? Хотя нет, сказано же — «зеленый»... Увиденное мною и Темвиком больше смахивало на чудовищную, небывалой силы грозу. Может, свирепые и жестокие боги полночи и в самом деле за что-то разгневались на смертных?

— Винар, очнись,— обеспокоенный Темвик слегка потряс меня за плечи. Рвавший в уши собачий вой стих, истошных криков тоже больше не было слышно. Люди собирались кучками посреди улицы, с опаской поглядывали на небо и переговаривались, но первая волна паники уже схлынула. Крепкий народец в Пограничье. В любом городе Немедии или Аквилонии уже начался бы всеобщий исход, в котором кого-нибудь обязательно затоптали, а немедленно объявившийся самозванный пророк голосил бы о наступающем конце света и призывал всех покаяться...— Эй, Винар!

Поняв, что ответа от меня не дожидаться, оборотень просто-напросто потащил меня за собой. Направлялся он прямым ходом туда, откуда мы недавно убежали, то есть в таверну. Входя, я с опаской посмотрела вверх, но толстые закопченные балки выглядели вполне надежно и обрушиваться нам на голову в ближайшее время не собирались. Хозяин таверны, к моему величайшему изумлению, крепко спал.

Я плюхнулась на скамью и обхватила голову руками. Темвик ушел и вскоре вернулся с двумя вместительными кружками, наполненными... ну конечно же, пивом!

Необходимость снова употреблять эту мерзость заставила меня прийти в себя. Я оттолкнула предложенную кружку, встала и отправилась искать чего-нибудь получше. За стойкой обнаружилась почти полная бутыл дешеревого пуантенского вина, которую я без малейших угрызений совести позаимствовала.

— Как думаешь, что это было? — спросил оборотень, выхлебав почти полную кружку.

— Не знаю, — вяло отозвалась я. — И не уверен, что хочу знать.

— Я решил — помрем сейчас все, — признался Темвик и вдруг просветлел: — Слушай! Это же возле Граскааля творилось, ну, возле гор Граскааля! Вдруг той штуке, что гномы там выкопали, конец пришел? Вдруг это она так издыхала?

Я понятия не имела, о какой «штуке», откопанной гномами, толкует мой приятель-полуволк, но в моей голове неожиданно выстроились звенья очень прочно откованной мысленной цепочки, на одном конце которой была зловеще притихшая Тарантия, а на другом возникли пылающие огнем слова: «Надо как можно скорее добраться до Вольфгарда».

— Мне нужно в Вольфгард, — сказала я, перебив разглагольствования Темвика. Он осекся, внимательно посмотрел на меня и прямо спросил:

— А чего сейчас-то вдруг занадобилось?

От нас до столицы полных пять дней пути, а то и шесть...

— Я должен быть там, — упрямо повторила я. Чем бы ни оказалась только что сотрясая небо и землю чудовищная гроза, я была уверена, что она имела прямое отношение к тем людям, за которыми я гналась. Я безнадежно опаздывала, а теперь просто не представляла, как мне быть. Плевать на заговорщиков, с такими крушениями миров никакие заговорщики не понадобятся! Чует мое сердце, что без моих друзей-приятелей и благоверного супруга никак не обошлось...

— Должен, значит, — задумчиво повторил Темвик и поскреб свои давно нечесанные лохмы со странной черной прядью. Я усердно закивала. — Вот что. Никуда ты сейчас не поедешь, потому что запросто с седла свалишься. Это раз. Неизвестно, что там на дорогах делается и ночью по ним скакать — только головой зря рисковать. Это два. Поэтому ложись спать, а завтра рано утром я тебя проведу по короткой дороге через леса до Брийта. В Брийте будем через пару дней, а от него до Вольфгарда — дневной переход. Согласен?

Я на мгновение задумалась. Землетрясение наверняка вызвало не одну лавину и засыпало и без того малопроходимые дороги Пограничья. Я, конечно, хорошо вижу ночью, но здешние места почти не знаю. Меня обещают провести кратким путем. Три дня пути — это не пять и тем более не шесть. Конечно, и за три дня может случиться что угодно, но, кажется, самое страшное уже произошло. Если все погибли — дай Митра, чтобы это было не так! — то я все равно ничего не смогу исправить, а если кто-то жив — у меня появляется возможность перехватить этого человека или людей в Вольфгарде...

— Идет, — сказала я. — Встречаемся завтра утром. Слушай, а ты уверен, что не собирался побыть дома еще пару деньков? Если так, то ты не обязан тащиться со мной. Нарисуй мне план или объясни, по какой дороге ехать и где сворачивать...

— Мне тоже надо возвращаться в Вольфгард, — отмахнулся оборотень. — Меня отпускали всего на седмицу, а она уже кончается. И в столице наверняка отыщется умная голова, которая доподлинно знает, что такое стряслось в Граскаале. Так я зайду за тобой завтра? То есть уже сегодня? Не проснешься уеду один.

— Проснусь, — пообещала я. Собственно, я даже не была уверена, удастся ли мне сегодня заснуть. А если таковое чудо произойдет, мне наверняка при-

снится жуткий разбухший комок багрового огня, уплывающий в безмятежное ночное небо.

Темвик допил свое пиво и ушел домой, а я, повздыхав, начала устраиваться на ночлег — подбросила в еле горевший очаг дров, расстелила на лавке изрядно потрепанный полушубок, завернулась в него... и спустя миг вскочила, когда мне гаркнули в ухо:

— Вставай!

Оборотень не шутил — за узкими оконцами, затянутыми мутной слюдой, и в самом деле теплился серенький зимний рассвет.

* * *

За свою довольно бурную жизнь я привыкла к путешествиям. Однако доньше все мои странствия проходили в теплых странах, где достаточно вечером развести костер и можно не беспокоиться, что замерзнешь ночью. В Пограничье же каждое разбитие лагеря сопровождалось долгим вытаптыванием снега, пока не получалась небольшая полянка, лаза́нием по глубоким сугробам за дровами и натягиванием толстого войлочного полога, отбрасывающего тепло костра к земле. Кроме того, спать приходилось вполглаза, чтобы время от времени вставать и подвигать тлеющее в костре длинное бревно. Необходимость заботиться о лошадях я в этот список не включаю — и так понятно, что наше передвижение напрямую зависело от хорошего состояния наших скакунов.

На ночевке я воочию убедилась, что Темвик не разыгрывает меня, прикидываясь оборотнем. Мысль о существовании человеко-волков упрямо не желала укладываться в моей голове, и я предположила, что Темвик просто подсмотрел за происходившей возле Лерзака схваткой, а после решил поморочить мне голову. Однако на вторую ночь я проснулась посреди ночи и обнаружила, что спавший напротив меня Тем-

вик исчез. Все его вещи были на месте, а вот самого болтливого следопыта не обнаружилось.

Сначала я собиралась заорать, потом подумала, сходила за арбалетом, зарядила его и уселась ждать. Где-то через половину колокола до меня долетело чуть слышное поскрипывание снега под приближающимися шагами, и в тусклый круг света вошел уже знакомый мне длинноногий молодой волк в пушистой темно-серой шубе с черной полосой вдоль хребта. От него слегка пахло свежей кровью, и я сообразила, что мой проводник отдавал дань своей звериной половине — ходил охотиться. Увидев, что я не сплю, он беззлобно оскалился, помахал мне хвостом и забрался на свое место.

Я была уверена, что сейчас он начнет превращаться в человека и на всякий случай отвернулась — вдруг оборотни не любят, когда на них глазают во время смены облика? Спустя примерно двадцать ударов сердца до меня долетел сдавленный стон и неуверенно выговоренное:

— Эй, я уже все...

Действительно, все. Зверь пропал, вместо него лежал завернувшийся в меховое покрывало Темвик.

— Я думал, ты спишь, — слегка дрожащим голосом сказал он. — Вот и ушел.

— Да ладно, — сказала я. — Мало ли у кого какие привычки. А кому сегодня не повезло?

— Зайцу, — хмыкнул оборотень, опустил голову и, по-моему, тут же заснул. Я еще полежала, глядя на перебегающее между угольков пламя. Что ж, с одной загадкой Пограничья я разобралась. Полулюди-полу-волки действительно существуют и ничем не отличаются от обыкновенных людей. Теперь бы еще узнать, что же такое мы видели два дня назад... Собственно, всю дорогу мы только об этом и говорили, придя к трем решениям — либо пробудился сильнейший вулкан, либо в лежащей за горами Гиперборее кто-то баловался особо могущественным волшебством, либо

таинственное «зеленое пламя» придумало новую гадость для рода смертных.

Я также наконец услышала историю, предшествовавшую появлению зеленого пламени в землях Заката, о загадочной вещи, выкопанной гномами, и о появившейся недавно туманной стене, надежно укрывшей от любопытных взглядов часть Граскаальских гор. После этого рассказа мне захотелось послать коня галопом, чтобы поскорее оказаться в Вольфгарде, но из-за глубоких сугробов это оказалось невозможно. Меня изводили дурные предчувствия и страх. Не за себя, но за находившегося где-то неподалеку короля Аквилонии и его спутников.

...Покинув встревоженную ночным происшествием деревеньку Лерзак, мы около полулиги ехали по широкому тракту, ведущему через лес, а затем Темвик решительно свернул в чащу, показавшуюся мне совершенно непролазной. Вскоре обнаружилось, что по лесу разбегается множество еле заметных узеньких тропок — шириной как раз чтобы пройти лошади. Я не стала спрашивать, кто их проложил.

Темвик уверенно вел меня через дремлющие зимние леса куда-то на восход. Потом мы начали заметно уклоняться к полуночи, переночевали в заметном снежном овраге — тут я раз и навсегда удостоверилась в реальности оборотней, — а наутро продолжили путь. Привал мы устраивали всего один раз, в середине дня, и Темвик заявил, что до Брийта осталось всего ничего. Моя попытка выяснить, сколько лиг составляют это «всего ничего», успеха не принесла.

День клонился к вечеру, когда мы неожиданно выбрались из кажущегося бесконечным леса на широкую просеку, и Темвик провозгласил:

— Брийт! Приехали!

Я посмотрела вперед, вдоль просеки, не обнаружила никаких признаков человеческого жилья, и возмущалась наглым обманом наивного гостя страны. Обо-

ротень захихикал, ткнул рукой куда-то влево и пояснил, что ограда Брийта будет видна, как только мы минуем вырубку.

Так и получилось. С опушки леса я увидела несколько невысоких холмов, плавно переходящих друг в друга, а на вершине одного из них — внушительную деревянную городьбу и спрятавшееся за ней поселение, довольно обширное для здешних мест. Похоже, здесь обитало не меньше тысячи человек.

У ворот Брийта неразговорчивый и хмурый стражник тщательно проверил мою подорожную. Я незаметно принялась — от стражника шел еле уловимый аромат летней чащи и притаившегося зверя. Значит, оборотень. А с виду вроде человек как человек...

Кроме мрачного оборотня, бывшего старшим караула, въезд в поселение охраняли несколько обычных людей и обвешанные железом гномы. Это меня не удивило — я уже слышала рассказы о бедствии, постигшем подгорный народ, и о том, что теперь карлики вынуждены жить на поверхности. Особой радости по этому поводу никто не испытывал — ни люди, ни сами гномы, привыкшие обитать под землей. Потрясенные гибелью привычного им уклада жизни, гномы стали не в меру раздражительны, частенько ввязывались в ссоры с людьми и вообще вели себя как нахальные гости, чрезмерно засидевшиеся за столом.

Темвика пропустили без всяких расспросов — похоже, его здесь хорошо знали. С меня же, несмотря на записанную в подорожной должность гонца, содрали половину серебряной монеты. Так что я ехала по улице и громко возмущалась, пока Темвик не пообещал угостить меня хорошим обедом на эти самые полмонеты, лишь бы я только заткнулась.

Брийт действительно заслуживал наименования «городка». Даже в быстро наступающих сумерках можно было разглядеть, что на бедность здесь никто особо не жалуется, что дома по сторонам главной ули-

цы строены, что называется, «на века», и даже обычно не в меру буйных гномов здесь как-то сумели при-звать к порядку.

Широкая заснеженная улица, по которой мы не спеша ехали, заканчивалась площадью с двумя наиболее заметными зданиями в поселке — облупившимся от времени и плохой погоды храмом Митры и расположенным напротив него двухэтажным добротным домом. Вход в дом украшала кричаще-яркая вывеска — на зеленом фоне стояла на задних ногах белая упитанная лошаденка. Над крыльцом в три ступеньки призывно горели забранные в медную решетку масляные фонари.

Мы как раз проезжали мимо полуоткрытых дверей храма, когда из-за угла здания стремительным шагом вышел человек, скользнул по нам равнодушно-скучающим взглядом, счел, что мы не представляем ни опасности, ни интереса, и направился к теплым огонькам над дверью таверны. В сизоватых сумерках я разглядела только высокую, хорошо сложенную фигуру — как у большинства здешних уроженцев.

Человек поднялся на крыльцо, но почему-то не топился входить и присоединяться к царящему в таверне веселью — я даже отсюда слышала громкие голоса и смех. Незнакомец стоял и смотрел, как мы постепенно приближаемся, как фыркают наши усталые лошади, выпуская облачка теплого пара, и, наконец, как мы останавливаемся возле конюшни при таверне. Легкие сухие снежинки, кружившиеся в воздухе, оседали на непокрытой голове неизвестного, поблескивая в черных волосах.

«Я не стану его окликать», — упрямо повторяла я, с ужасом обнаружив, что все когда-то приготовленные слова стремительно улетучились. — Не буду окликать... Прошло без малого полтора десятилетия, конечно, он меня забыл. Ведь я — всего лишь одна из многих мимолетных подружек. Я не пойду в таверну. Попрошу Темвика, пусть заглянет и разыщет невысокого типа

средних лет. Наверняка он там. Значит, все в порядке, они возвращаются домой и ничего не случилось... Может, и мне домой поехать?... Я не захнычу, как глупая девчонка. Я не заплачу...»

— Ты чего палишься? — Оказывается, Темвик уже спрыгнул с коня и стучал в запертые ворота конюшни. — Слезай, приехали!

— Это и есть ваша «Прыгающая кляча»? — с удивлением услышала я свой собственный голос. Благодарение богам и особенно Иштар, он не дрожал.

Человек на крыльце медленно, точно сомневаясь, спустился по ступенькам и направился к нам. Темвик стоял к нему спиной, вдобавок он был до глубины души возмущен моей переделкой названия знаменитой на все Пограничье таверны и не слышал поскрипывания снега под подступающими шагами.

— Не «Прыгающая кляча», а «Танцующая лошадь»! — Оборотень еще раз сердито ударил кулаком по доскам жалобно скрипнувшей двери. — Да что они там, перемерли?

Я ерзала на спине недоумевающего Броуги, теребила поводья и ругала себя последними словами. Да что же это со мной творится? Почему я не в состоянии справиться с воспоминаниями пятнадцатилетней давности?

Незнакомец, мягко ступая, подошел к нам и положил руку на холку моего коня. Темвик оглянулся и открыл было рот, чтобы начать возмущаться, но человек уверенно проговорил:

— Кажется, я тебя знаю.

Я отрицательно помотала головой. Капюшон плаща надвинут достаточно глубоко, он не разглядит моего лица. Если Темвик поднимет крик — он наверняка не захочет связываться с мальчишкой и решит, что ошибся. Он не мог меня узнать. Не мог. Не мог, и все! Он давно и прочно меня забыл!..

— Ну-ка посмотри на меня, — спокойно потребовал незнакомец.

Оборотень растерянно переводил взгляд с меня на моего собеседника, удерживавшего на месте мою лошадь, и явно не мог решить, как поступить. Дракой вроде не пахло, хотя и встречей давних друзей тоже. А в возможном поединке Темвик здраво расценивал свои шансы на победу как ничтожные.

— Посмотри на меня,— повторил неизвестный. Мои руки сами собой поднялись и отбросили капюшон на спину.

Несколько долгих, тягучих мгновений мы смотрели друг на друга, узнавая сквозь пелену прошедших лет тех давно ушедших людей, которыми мы были. А потом он неуверенно спросил:

— Ринга?.. Это в самом деле ты?..

— Здравствуй, Конан,— с усилием выговорила я.— Знаешь, а ты не изменился... Совсем... А я вот... Такая...

— Если ты сейчас заревешь — я поверю, что мир сошел с ума,— слегка дрогнувшим голосом проговорил Конан.

— Не дождешься.

Я все-таки предательски хлюпнула носом и попыталась вытащить ноги из стремян. В следующий миг меня без всякого усилия выдернули из седла, поставили на землю и стиснули в объятиях с такой силой, что я задохнулась. Самое смешное, что я ничего не имела против...

Неизвестно, сколько бы мы так простояли под медленно падающим снегом, но все нарушил растерянный голос Темвика:

— Погоди, погоди, ты что... девчонка?

Я слегка высвободилась и уже почти спокойным голосом ответила:

— Знаешь, это отнюдь не единственный мой недостаток среди множества других.

Конан хмыкнул и добродушно посоветовал оторопевшему оборотню:

— Эй, парень, остынь. У этой девицы любимейшее занятие — морочить головы честным людям.

— Я понял,— зло бросил Темвик, схватил под уздцы своего возмущенно заржавшего коня и резко потянул за собой, прочь от таверны.

— Ты куда? — запоздало крикнула я ему вслед.— Темвик, ты чего? Что случилось?

— Ничего! — долетело до нас из снежных сумерек.— Счастливо оставаться!

— По-моему, он обиделся,— философски заключил Конан, по-прежнему не отпуская меня.— Ты оказалась женщиной, а он умудрился этого не заметить... Где ты его отыскала? И кто он вообще такой?

— Он...— начала я, но меня тут же перебили:

— Слушай, а откуда ты-то сама взялась? Нет, пока помолчи. Пошли, посидим, и ты мне все подробненько расскажешь. Только не вздумай опять врать через слово, ладно?

Я кивнула, оглянувшись через плечо — дверь конюшни все-таки открылась и моего Броуги как раз заходили туда — и пошла рядом с Конаном к дверям таверны, стараясь подладиться под его шаг. Мне почему-то было слегка грустно и весело одновременно. Интересно, какое выражение появится на физиономии Морадина, когда он узреет меня? Зря, конечно, я задела болезненное самолюбие мальчишки-оборотня, но ему от этого особого вреда не будет. Просто небольшой урок на будущее.

Мы поднялись по скрипнувшим ступенькам и вошли в «Танцующую лошадь». Странно, сейчас это название уже не казалось мне глупым и провинциальным. Вполне подходящее наименование для таверны.

* * *

Конану было глубоко наплевать на удивленные взгляды, сопровождавшие наше продвижение через общую залу «Танцующей лошади». Он целеустрем-

ленно тащил меня за собой к лучшему месту в таверне — к столу возле самого очага. Здепний огромный очаг, обложенный закопченными валунами, больше напоминал жерло раскаленного вулкана, но я уже успела настолько промерзнуть, что согласилась бы даже на предложение посидеть возле лавового потока.

По пути я успела быстро оглядеться. Таверну в основном заполнили гномы, оттеснив в углы немногочисленных людей и, возможно, присутствовавших среди них оборотней. Подгорные карлики пребывали в приятном состоянии опьянения, всю горланили и веселились. Люди косились на них с плохо скрываемой неприязнью.

За столом, занимаемым спутниками Конана, сидели три человека. Все — военные, это бросалось в глаза за лигу. Мораддина среди них не было, что заставило меня слегка насторожиться.

Старший из незнакомцев, мрачноватый вояка лет тридцати, изумленно возрился на меня. Я его вполне понимала. Куда это годится — человек ненадолго выходит подышать свежим воздухом, а возвращается в обнимку с подозрительно выглядящей особой, которая вдобавок еще и хромает?

— Знакомьтесь, — Конан слегка подтолкнул меня к столу. — Паллантид, это Ринга...

— Во-первых, госпожа Ринга. — Я, не долго думая, бесцеремонно плюхнулась на скамью. — Во-вторых, не просто Ринга, а графиня Эрде. Добрый вечер, месьеры. Прошу прощения за столь внезапное вторжение. И еще раз извиняюсь — мне действительно необходимо переговорить с... с Его Величеством наедине. — Я попыталась улыбнуться, но улыбка получилась кривоватая и откровенно вымученная. Аквилонцы покосились на Конана, получили в ответ подтверждающий кивок, выбрались из-за стола и подсели к компании гномов. Киммериец устроился напротив меня и ехидно поинтересовался:

— Это с какой стати ты присвоила себе имя Мораддина? Или титул графов Эрде в вашей Немедии носит каждый второй?

— А что, он тебе не похвастался? — удивилась я. Мораддин, конечно, настоящий кладезь тайн, которые никогда не выйдут на свет, но я полагала, что он наверняка поведаст старому приятелю о моей судьбе. — Мы поженились. Сразу после твоего отъезда из Бельверуса. И, если придерживаться уложения о титуло-наследии, Эрде — мое имя, а не его...

Конан преувеличенно трагическим жестом схватился за голову:

— Я так и знал, что этим закончится! Признайся, ты ему плеснула в вино какой-нибудь отравы? Или он так расплатился за должность в вашем Вертрауэне?

— Между прочим, — голосом на редкость сварливой старухи произнесла я, — если бы ты хоть иногда прислушивался к тому, что я говорю, оказался бы на его месте!

— Премного благодарен, — хмыкнул киммериец и откровенно признался: — Я бы придушил тебя на второй же день. Или сбежал куда подальше. Не обижайся, но характер у тебя — врагу не пожелаешь. Как Мораддин только тебя терпит?

— Ты невозможен, — вздохнула я. Вот тебе и пятнадцать лет разлуки. Только встретились, а уже успели обменяться колкостями. И кажется мне, что пролетело не полтора десятка быстрых годов, а всего пяток. Да, мы немного постарели, поднабрались опыта, но в душе остались теми же... — Кстати, куда ты дел Мораддина? И всю остальную компанию? Учти, твое величество, я мчусь за вами от самой Тарантии и намерена получить внятные ответы на оч-чень интересные меня вопросы...

— Почему ты такая любопытная? — осведомился Конан. — И с какой стати тебе вдруг понадобилось догонять нас? Что, в Немедии дел мало?

— Потому что кое-кто из твоих же подданных решил на тебя поохотиться,— отрезала я.— Так где изволит шляться граф Эрде?

— В Граскаале,— пожал плечами Конан.

Я вздрогнула, оглянулась — все вокруг были заняты своими разговорами — и быстрым шепотом проговорила:

— Значит... Значит, гроза два дня назад... Это была не настоящая гроза? Вы отыскиали это чудовище?

Конан внимательно и долго смотрел на меня, точно что-то решая про себя, а затем медленно кивнул. Я тихо взвизгнула и ударила кулаком по столу:

— Я увидела это... явление и сразу подумала, что без вас там не обошлось! Но как?! Каким образом вы это сделали? И... Остальные погибли? Да? Ну не молчи же, говори! Конан, пожалуйста, очень тебя прошу — что с Морадином?

Кажется, я едва не сорвалась на крик, потому что на нас стали подозрительно оглядываться, а аквилонские гвардейцы явно прикидывали, не стоит ли для поддержания порядка в таверне выкинуть меня на улицу.

— Успокойся,— мягко сказал Конан.— С Морадином все в порядке. Там... Там, в Граскаале, мы наткнулись на нечто такое, чего я и объяснить толком не могу — было это живое создание или порождение крошечного мира.... Но понятное оно нам или нет — его больше не существует. Скоро об этом станет известно по всем странам... А Морадин разыскал в подземельях нечто, чего еще никто на земле не видел. Какую-то древнюю вещь, которая неизвестно кем и зачем сделана. Он уверен, что сможет разобраться, для чего она предназначена и не нужно ли ее на всякий случай сломать. С ним остался его сородич, они рассчитывали пробыть в пещерах еще дня два-три... Потом Морадин вернется — либо через Тарантию, либо сразу поедет в Бельверус. Вообще-то

я хотел остаться с ним, но он твердил, что я больше нужен в собственной столице. Так занудил, что я поневоле согласился. Веллан и Тотлант в Вольфгарде — чего ради им тащиться вслед за мной до границы? У них и здесь дел по горло...

— Это кто такие? — Я с облегчением вздохнула. Вполне в дотошном характере моего супруга — полезть осматривать какую-нибудь загадочную штуковину и докапываться до того, как она устроена. Любопытство раньше людей на свет родилось. И уж конечно, намного раньше гномов.

— Велл — сотник здешней гвардии и правая рука короля Эрхарда, Тотлант — придворный колдун,— пояснил Конан.— Я с ними познакомился, когда околичивался здесь года три-четыре назад. Отличные ребята... Ну так что ты здесь делаешь, скажешь наконец?

— Подожди.— Я вспомнила, что Эви перечислила мне всех, кто отправился вместе с королем Аквилонии на полночь. Конан почему-то не упомянул еще одного человека...— А что стало с... как его...

— Хальком? — Киммериец нахмурился, потянулся к полупустой кружке с пивом, но пить не стал. Просто взял кружку и принялся гонять содержимое по стенкам. Затем резким движением выплеснул пиво в затрепавший огонь и сухо проговорил: — Хальк умер.

— Я... Я сожалею...— неловко пробормотала я. Можно было и самой догадаться... Эви говорила, этот молодой человек был другом Конана. А киммериец редко упоминал о своих погибших друзьях, особенно о тех, за смерть которых он не мог отомстить.— Я действительно сожалею...

— Да ладно,— глухо проговорил Конан, глядя в ревущее пламя очага.— Так уж случилось...

Мне хотелось сказать ему что-нибудь ободряющее, но, как назло, в голову не приходило ничего подхо-

дящего. Мы помолчали, а потом я осторожно окликнула:

— Конан?

— Да? — неохотно отозвался он.

— Мы можем поговорить или ты не хочешь? Просто у меня есть несколько новостей, и я полагаю, что ты должен бы их знать...

— Новости плохие или хорошие? — Киммериец оторвался от созерцания огня и исподлобья посмотрел на меня.

— По большей части плохие, — честно призналась я.

— Тогда говори, — слегка рассеянный взгляд Конана мгновенно стал таким же, как и всегда — цепким и внимательным. — Ты из-за этого бросилась нас догонять?

— Да, — кивнула я. — В твоей столице заговор. И знаешь, кто за ним стоит? Спорим, никогда не догадаешься!

— А на что будем спорить? — уточнил практичный киммериец. — На золото? И какая же сволочь желает получить мою голову?

— Страбонус, — ласково проговорила я. — Здорово, правда?

Честно говоря, я ожидала, что сейчас раздастся жуткий вопль, от которого содрогнется таверна и замигают полусзатухшие свечи, а затем посыплются разнообразные проклятия по адресу хитроумного короля Кофа. Но Конан вместо этого недоверчиво присвистнул и поинтересовался:

— Слушай, а ты уверена, что я сподобился эдакой чести? Я ж вроде ему ничего плохого не делал! Разве что давно...

— Уверена, — твердо сказала я. — Правда, пока у меня на руках нет достоверных доказательств, но...

— Ты куда сейчас собираешься? — неожиданно перебил мои рассуждения Конан. — Домой, в Немедию?

— Еще не решила, — призналась я. — Вообще-то я хотела дожидаться Мораддина...

— А со мной не хочешь поехать? — без всякого хождения вокруг да около осведомился Конан. — Если, как ты утверждаешь, в Тарантии заговор, то мне придется во дворце человек, хорошо разбирающийся в этих вещах.

— Это что, долгожданное признание моих скромных талантов? — слегка ошарашенно спросила я. Признаться, такого я вовсе не ожидала. Да, Конан нехотя соглашался, что я несколько умнее прочих женщин, но чтобы так?.. Неужели варвар действительно поумнел?

— Я всегда говорил, что второй такой хитрюги, как ты, на свете не найдется, — невозмутимо продолжил Конан. — Так поедешь?

Я в задумчивости выбила ногтями дробь по залитой вином столешнице. Собственно, я же этого и хотела — доподлинно разобраться в том, что происходит в Аквилонии. Мне предоставляется замечательная возможность работать без досадных помех и покровительство короля. Возможно, Морадин вскоре тоже объявится в Тарантии...

— Да, — решительно кивнула я. — Согласна. Умешь же ты добиваться своего... Ваше Величество.

Конан согласно хмыкнул и, повернувшись, окликнул своих гвардейцев, чтобы присоединялись к нам. Я поймала за рукав пробежавшую мимо служанку и попросила немедленно принести мне чего-нибудь поесть и желательно побольше.

А потом мы пили за победу и за благополучное возвращение, и за нашу неожиданную встречу, и за процветание Аквилонии, и еще за что-то... Всего не помню. Мы смеялись, болтали, вспоминали прошлое, говорили о том, где побывали и что пережили... А ночь казалась бесконечной и толстые свечи на нашем столе медленно таяли, расплываясь в лужицы беловатого воска.

ДОКУМЕНТ

К летописи прилагается подлинник письма, отправленного из Пограничного королевства и адресованного лично наместнику Аквилонии, герцогу Просперо

*«Аквилония, Тарантия, королевская резиденция.
Его Светлости герцогу Пуантена и регенту
Аквилонии Просперо, в собственные руки.*

Мое почтение, дражайший герцог!

В связи с попавшейся мне на глаза почтовой станцией и во исполнение данного некогда обещания сообщая о достигнутых успехах. Впрочем, пока таких не слишком много.

Пограничье в точности соответствует расхожему мнению о нем — слишком холодно, слишком много снега, слишком мало цивилизованных людей и слишком много гномов. Конечно, я допускаю совершенно невероятную и противоестественную в основе своей мысль, что кому-то здешние края приходятся по душе, но я к числу таковых представителей рода человеческого явно не отношусь. Вдобавок, мне пришлось три дня проторчать на границе, не имея возможности продолжить путь и терпеливо ожидая, пока закончится буран. У них, понимаете ли, началась зима! А здешняя зима — это нечто особенное... Как можно выжить человеку при таких условиях — не представляю! Впрочем, некоторые утверждают, что в полупустынных областях дела обстоят еще хуже. Надеюсь, мне никогда не представится случая проверить сие обстоятельство на собственной драгоценной шкуре.

Ладно, все это — плод моих досужих размышлений и к интересующему нас предмету не относится.

Сей предмет же, насколько мне удалось выяснить, пребывает в добром здравии и продолжает двигаться

в избранном им направлении. По сведениям, полученным от местных жителей, интересующую нас особу по-прежнему сопровождает около десятка гвардейцев и три доверенных лица. Между мной и преследуемым мною отрядом в данный миг пролегает два дня конного пути, между отрядом и столицей здешнего захолустья — городом Вольфгардом — около десяти дней. Так что ситуация еще вполне может измениться — как в худшую, так и в лучшую сторону. Хотелось бы верить в последнее, но в нашем на редкость неблагоприятном мире чаще случается первое.

Мои предположения о возможной встрече с недоброжелателями пока не получили подтверждения. Что уже радует и согревает мою замерзшую в здешних непролазных снегах душу. Признаюсь честно: единственная моя мечта — поскорее вернуться в теплые края. Все остальные грезы, к сожалению, замерзли и приказали долго жить.

Ну вот, мне пора отправляться дальше. Хотелось бы верить, что в Тарантии все благополучно и что сие послание рано или поздно дойдет до места назначения. Что-то я не слишком доверяю здешней почте, несмотря на гордую приставку «королевская» в ее названии. Однако мне клятвенно обещали, что письмо в ближайшее время будет передано гонцу для доставки к границам Аквилонии. Сие обещание мне пришлось подкрепить изрядным количеством красивых таких желтых кругляшков. Может, хоть от них будет какая-то польза. Золото вообще способно творить настоящие чудеса, в отличие от встречающихся мне многочисленных магов и святых.

Итак, мой дальнейший путь лежит на полуденный восход, в сторону крупных поселений (по-здешнему — «бургов») под названиями Кайга и Брийт. Ни на одной из имеющихся у меня карт таковых обнаружить не удалось; впрочем, в мире пока не существует ни одной более-менее достоверной карты

Пограничья. Думаю, что в Вольфгарде мне удастся нагнать известную нам особу и оказаться неподалеку от нее. Если же отряд покинет Вольфгард, я постараюсь незаметно последовать за ними. Что-то мне все это начинает все меньше и меньше нравиться, хотя я и не замечаю никаких тревожных признаков.

Кстати, еще один повод для размышления: тут все только и говорят, что о странном древнем предмете, выкопанном гномами под горами с жутким названием «Граскааль». Сей предмет якобы и является виновником недавних бедствий в Немедии и Аквилонии. Хотелось бы мне знать, что на самом деле скрывается за этими рассказами... Ведь, как известно, никогда нее бывает дыма без огня. Правда, порой случается, что источниками дыма становятся совершенно неожиданные вещи. Может, в Гиперборее кто-то перемудрил с магией? Добраться бы мне до этого шутника и поболтать душевно... О жизни, о колдовстве и многих других животрепещущих вопросах. Интересная бы вышла беседа. Поучительная.

Впрочем, доберемся до Вольфгарда — посмотрим, что здесь к чему привешено...

Засим остаюсь, с наилучшими пожеланиями —

Росита из Мессантии, Аргос.

Писано в 5 день второй осенней луны, 1288 год.

Почтовая станция в бурге Ильгорт,

Пограничное королевство.

Глава седьмая ВЕЛЛАН, ПЯТЫЙ РАССКАЗ

Немедия, пограничная деревня Кюртен. 30 день третьей осенней луны, 1288 год по основанию Аквилонии

«...Усилиями нескольких самых обыкновенных смертных людей, объединенных волей и целеустремленностью короля Аквилонии, источник многочисленных бедствий, обрушившихся в течение осени и зимы 1288 года на страны Закатного материка, скрывавшийся в самом сердце Граскаальских гор, был обнаружен и уничтожен. К сожалению, мы не можем сказать что-либо определенное о его природе и происхождении, кроме нескольких очевидных фактов: во-первых, это было не живое существо, а произведение чьего-то невероятного ума и мастерства; во-вторых, оно не имело никакого отношения к магии, будучи создано из мертвого камня или стали; и, в-третьих, оно являлось чьей-то собственностью, а все его действия направлялись и руководствовались холодным и жестким сознанием, для которого сотни загубленных жизней являлись не более чем дешевой рабочей силой и средством для достижения своей цели.

Уничтожение этого предмета, который люди вслед за гномами стали именовать «Небесной горой», сопровождалось ужасающими по своей силе

природными катастрофами, сравниваемыми некоторыми свидетелями с извержением огромного вулкана или «приходом конца мира...»

*Из «Синей, или Незаконной, хроники»
Аквилонского королевства*

Вокруг нас происходят странные вещи. Причем по мере приближения к аквилонской границе странностей прибавляется. Конан ходит сам не свой, Хальк только руками разводит, а Мораддин делает загадочное лицо и говорит, что все образуется. Один Тотлант беспечен — постоянно болтает с Эйвиндом, пытаясь вызнать самые мельчайшие подробности о его пребывании в подгорной тюрьме.

Вчера вечером мы остановились в бурге Кюртен. Наверное, это самый необычный поселок на всей полуночи нашего материка. Формально Кюртен находится под рукой Немедии — над домом старосты плещется черно-красно-золотой флаг Драконьего трона, но... Прямо напротив стоит дом пограничной стражи Аквилонии, а неподалеку притулилось кособокое здание пограничной стражи короля Эрхарда. Спрашивается, кому же принадлежит поселок?

Правильный ответ — да никому!

Кюртен — зажиточная справная деревня. Стоит она на стыке трех рубежей — Аквилонии, Немедии и Пограничья. Здесь же сходятся тракты, ведущие через горы в Гандерланд, по немедийским равнинам — в сторону Нумалии и Бельверуса, а также дороги на Бритунию и Гиперборею. Купцы, отряды наемников, караваны гандеров и боссонцев, торгующих с полуночными землями приносят казне поселка огромные сборы. Правда, деньги отчасти уплывают в Бельверус, в королевскую канцелярию, но и оставшегося золота вполне хватает на обустройство местных жителей. Каждый второй здесь содержит маленькую таверну или корч-

му, каждый третий наверняка контрабандист, а каждый четвертый — пограничный страж одного из трех королевств. Думаю, через несколько лет Кюртен превратится в небольшой городок, а к концу столетия немедийцы выстроят здесь крепость и придадут бургу статус домена короны... А нам, жителям Пограничья, опять ничего не достанется!

Хотя это еще бабушка надвое сказала. Межевой столб — старательно обработанная трехгранная стена — сейчас находится в трехстах шагах от обносшей бург городьбы. Если городок начнет разрастаться, то может выйти так, что границы наших стран сойдутся на городской площади, и владение частью Кюртена принесет казне моего государства немаленький доход.

Впрочем, это может произойти лишь через двадцать-двадцать пять лет. Мне тогда будет не меньше пятидесяти (для человека возраст почтенный, а для оборотня — самый расцвет сил), на троне наверняка будет сидеть мой приятель Эртель... Если, правда, раньше себе шею не свернет. Зачем сейчас думать о том, что может случиться через долгие годы?

Теперь мы едем в Аквилонию. Компания прежняя: я сам, Конан Канах, Хальк и граф Мораддин. Только вот добавились Тотлант с Эйвиндом. Стигиец захотел самолично посмотреть на великолепие столицы Аквилонии, а Эйвинд бесхитростно напросился. У бедолаги не осталось в Пограничье ни единого родича или просто близкого человека, и Конан предложил ему отправиться с нами. Впрочем, об этом расскажу потом.

Я только что упоминал о сопровождающих отряд странностях. Во-первых, неизвестно куда исчезли гвардейцы вместе со своим командиром — тысячником Паллантидом. Мы, уходя в горы, оставили их в столице Пограничья, Вольфгарде. Да, наш отряд немного задержался в горах — вначале из-за обвала стен в катакомбах, а потом из-за невероятного катаклизма, сопряженного с разрушением Небесной горы. Но Пал-

лантид обещал ждать нас не менее трех седмиц! Вернувшись в город, Конан с изумлением обнаружил, что его верные Черные Драконы однажды ночью снялись и с непонятной таинственностью покинули Вольфгард.

Во-вторых, мы по пути через Земли Кланов и мелкие баронства на закате Пограничья многократно слышали об отряде аквилонцев, возглавляемых... Кем бы вы думали? Конаном!

Только вчера вечером наш отряд добрался до Кюртена. Переночевали на постоялом дворе, отдохнули. А с утра я, Конан и Морадин отправились в дом пограничной стражи.

Сначала заглянули к немедийцам. Уверенный в себе Морадин, показав караульным свои бумаги, быстро провел нас к чиновнику, надзирающему над заставой от имени короля Нимеда и, едва мы вошли в комнату, уставленную забитыми свитками и толстыми книгами шкапами, граф Эрде выложил на стол свое кольцо и документы, расцвеченные багрово-черными печатями.

— Та-ак,— протянул начальник заставы — худощавый человек лет сорока с темными кругами под глазами и небритым подбородком. Мундир его был потерт, а серебряное шитье на рукавах потускнело. Типичный провинциальный чиновник, ничего особого не представляющий, однако мнящий себя царем и богом. До тех пор, пока не заявится начальство из Бельверуса или столицы графства.

Внимательно изучив документы Морадина, страж как-то нервно почесал нос и воззрился на гостя с нескрываемым пиететом:

— О, ваше сиятельство, я не ожидал... Мое имя — Эльгот, если будет позволено Вашей светлостью. Что вам угодно?..

Конан, маячивший за спиной Морадина, едва сдержался от неприличного смеха. Его ужасно забавляло то, что граф Эрде пользуется в Немедии непререкаемым авторитетом. Я стоял смирно и ожидал, когда

дурацкая процедура завершится. Мы же не контрабандисты!

Морадин, как всегда, был вежлив и краток.

— Месьор Эльгот,— сказал он.— Со мной едут несколько человек, которых необходимо пропустить через границу в сторону Аквилонии. Пожалуйста, осмотрите подорожные и отметьте на них день нашего проезда. Товаров мы с собой не везем.

— Сейчас, сейчас,— засуетился пограничный страж, хватая переданные Морадином свитки.— Месьор граф, для нас такая честь... Вы ездили в Пограничье? О, ужасная страна, а жители — настоящие дикари! Ничуть не лучше киммерийцев... И вы, наверное, знаете, у них там живут настоящие оборотни? Прячутся буквально за каждым кустом!..

Конан громко и невежливо фыркнул, а я принял обиженный вид. Оборотни, понимаешь, чернильной крысе не нравятся! Мелькнула озорная мысль: взять и прямо сейчас превратиться. Криков будет!

— Замечательно,— тем временем бормотал чиновник.— Сейчас я запишу ваши имена в книгу... Морадин, граф Эрде... Тотлант, сын Менхотепа. Интересное имя. Наверное, замориец?

— Стигиец,— буркнул Морадин, следя за мелькавшим над столом пером месьора Эльгота.— Запишите ремесло: практикующий маг. Служит при дворе короля Пограничья Эрхарда Первого.

— К-конечно,— поперхнулся пограничный страж и взял следующую подорожную.— Эйвинд, сын Джоха, вольный арендатор, крестьянин... Направляется в Аквилонию.

Эльгот поднял глаза на Морадина и тихонько, почти испуганно спросил:

— По торговым делам или как?

— К родственникам,— сквозь зубы процедил граф.

— Чудесенько.— Перо снова скрипнуло по пергаменту.— Следующий. Хальк, барон Юсдаль. О, на-

верное, это очень почтенный человек! — Чиновник больше разговаривал сам с собой, нежели с нами. — Ничего себе — придворный летописец и библиотекарь короля! Ни разу не слышал, чтобы в Пограничье имелись библиотеки, способные заинтересовать просвещенного книжника... Ну и последний...

Долгая пауза. Месьор Эльгот, шевеля губами, вычитывал дорожную Конана. Только сейчас я понял, что означает выражение «глаза полезли на лоб». Пограничный страж несколько раз дернул щекой, капнул чернилами на стол и тут же вытер лужицу собственным рукавом.

— Конан Канах? — слабым голосом спросил он. — Конан, король Аквилонии? Неужели сам государь соседствующей державы изволил проследовать через наше захолустье?

— Изволил, изволил, — проворчал Конан, тоскливо поднимая глаза к потолку. — Ставь печать, балда, записывай в свою книжку, и мы пойдем. Времени нет.

— Но позвольте... — пролепетал месьор Эльгот. — Его Величество Конан Первый, самодержец аквилонский, проезжал через нашу заставу... несколько дней назад! И потом... — Страж шмыгнул носом и умоляюще воззрился на Мораддина: — Месьор граф, ваше имя и титул мне уже знакомы. И вовсе не потому, что вы — один из приближенных светлейшего государя Нимеда! Некая дама, сопровождавшая короля Аквилонии, назвалась при переходе границы графиней Эрде...

— Что-о? — протянул Мораддин. Это был один из редких случаев, когда он на несколько мгновений потерял выдержку и едва не схватил чиновника за грудки. — Какая дама? Быстро покажи записи!

— Я не имею права, — пискнул напуганный Эльгот, — показывать записи в книгах пограничной стражи можно лишь... Скоро приедет один из начальников стражи, из Нумалии... барон Ульвиг.

Мораддин помрачнел лицом, на глазах превращаясь в жесткого и властного человека, привыкшего распоряжаться и не слышать от нижестоящих никаких возражений. Спустя несколько мгновений граф изобразил на своем лице очаровательную улыбку, присутствующую добропорядочным и уважаемым палачам, и сказал помертвевшему месьору Эльготу:

— Дорогой мой, Кюртен — это отличное место службы. Очень доходное. Вы ведь наверняка иногда мздоимствуете, пропускаете за деньги неположенные грузы?.. И вообще...

Чиновник попытался робко возмутиться, но осекся, поймав ледяной взгляд Мораддина. Конан от скуки присел на подоконник.

— Вы внимательно изучали карту Немедии вместе с картами протекторатов и провинций? — удивительно тихим, вежливым и одновременно стальным голосом поинтересовался Мораддин у чиновника. — Знаете такие названия, как Скафут, Шадизар или Далирам? Ах, знаете? И, похоже, вам совсем не хочется переезжать отсюда в эти прекрасные города? Да, я знаю, там очень тяжело быть чиновником короля. Тем более — под постоянным надзором со стороны государственной тайной службы. Ты хоть такое название — Вертрауэн — слышал?

Мораддин неожиданно прервал свою проникновенную, ласковую речь и, слегка повысив голос, приказал непререкаемым тоном:

— Книгу на стол, ублюдок!

— С этого и надо было начинать, — раздался голос Конана, сидевшего с ленивым видом возле окна.

— Не извольте гневаться. — Эльгот сжался почти вдвое, а его тощие усики встали торчком: — Я же не знал, сколь это важно... Пожалуйста, вот!

— Конан, подойди, — бросил Мораддин, пролистав книгу записей. Чиновник, услышав имя аквилонского короля, и наконец рассмотрев в сумраке комнаты

лицо здорового темноволосого человека, застыл в своем обшарпанном кресле. — Взгляни.

Привстав на цыпочки, я глянул через плечо Конана и застыл с открытым ртом. В книге значилось: *«24 дня третьей осенней луны границу Немедии и Аквилонии пересекли: Конан Канах, король Аквилонии, в сопровождении благородной дамы, госпожи Ринги, графини Эрде из Немедии, а также Паллантида, тысячника тарантийской гвардии, и...»* Далее следовало перечисление имен наших гвардейцев.

— Это что, шутка? — Конан недоумевающе воззрился на Мораддина, постоянно переводя взгляд на квадратные пергаментные листы. На желтовато-белых страницах стояла его собственная подпись. Один к одному. Чуть ниже ровными округлыми буквами было выведено: «Ринга, графиня Эрде, баронесса Энден».

— ...Сказки, — помотал головой Мораддин. — Это может быть удачейшей подделкой.

— Нет-нет, ваша светлость, — шепнул чиновник. — Женщина поставила свою печать, посмотрите внимательно...

— Давайте выйдем отсюда, — твердо сказал Мораддин, тщательно осмотрев отпечатанный на воске след перстня — развернувшая крылья летучая мышь на фоне гряды зубчатых гор. — Впрочем, стойте! Месьор Эльгот, а вы сами видели этих людей?

— Далеко не всех, — помотал головой страж. — Я в тот день не работал. Просто сослуживец ткнул пальцем в высокого человека и сказал, что это король Аквилонии, путешествующий из Пограничья обратно в свое королевство.

— Конан, подойди. — Мораддин взял киммерийца за локоть и вывел ближе к свету, льющемуся из затянутаго полупрозрачной слюдой окна. — Посмотри-те, это он?

Конан, выпятив грудь и высоко подняв подбородок, несколько раз повернулся вправо-влево, уяснив,

чего именно требует от него граф Эрде. Я, в удивлении, стоял и наблюдал.

— У этого месьора короткая борода, — тусклым голосом сообщил Эльгот. — А кроме того, недавние путешественники стояли очень далеко, и я не смог как следует рассмотреть. Но... Комплекция очень похожа. Крупный мужчина лет сорока. Темные волосы, самую малость с проседью.

Про бородку он верно заметил. Конан, когда обвалился потолок гномских подземелий, получил небольшую, но болезненную рану на подбородке. Поэтому за последние дни он не брился, как обычно, а сказал, что попробует отрастить бороду. Между прочим, киммериец с бородой — пока очень коротенькой и окладистой, от одного уха до другого — выглядел куда более почтенно. Эдакий благочинный сельский охотник, отец семейства. Хальк постоянно шутил по этому поводу, а Конан всерьез ему возражал — мол, с царапиной на лице не особо побреешься, слишком больно. Рана заживет — тогда можно будет привести себя в надлежащий вид.

— Идемте. — Мораддин, забрав наши дорожные и выудив из пояса две золотые монеты с профилем Нимеда, безразлично бросил их на стол чиновника. Месьор Эльгот застыл, не осмеливаясь взять деньги.

Резво сбежав по крутым деревянным ступенькам немедийской таможни, Мораддин подошел к ближайшему сугробу, обеими ладонями зачерпнул пушистый чистый снег и, слепив плотный катыш, запустил им в бревенчатую стену дома. Затем он мокрыми руками вытер лицо и угрюмо взглянул на Конана.

— Послушай, киммериец, — резко и шумно выдохнул Мораддин, обтирая ладони об клетчатую зелено-красную войлочную куртку, купленную в Вольфгарде. — Я ничего не понимаю! Да, конечно, можно подделать подписи — как твою собственную, так и моей жены. Но если в книге этого зануды-чиновника

стоит печать Ринги — это значит, что графиня была здесь сама, либо кольцо у нее отняли. Вернее, сняли с ее пальца. Скорее всего, она к этому времени уже была мертва — Ринга никогда бы по доброй воле не отдала перстень, принадлежавший ее предкам...

«Жена? — подумал я. — Жена Мораддина? Никогда бы не подумал, что граф Эрде женат. Он ни разу не упоминал о своей супруге, а кроме того... Вспомним, что я — нелюдь. Оборотень. А мы, оборотни, в прежние времена, защищаясь от ненавидевших нас людей, пытались объединяться с другими разумными существами, не принадлежащими к человеческому роду. В том числе с теми, чей символ рода в точности отпечатался на страницах книги записей пограничной стражи. Это может быть совпадением, но людям не свойственно избирать в качестве семейного герба летучую мышь. Следовательно, жена Мораддина может быть гулем (например, из Кезанкии, Рабиров или гор Иранистана) или женщиной, наследующей кровь этого рода. Только что могла делать в Пограничье жена графа Эрде? Да еще в компании человека, как две капли воды похожего на короля Конана? Что же вокруг происходит, а?»

— Я хочу пива, — честно заявил Конан. — Давай-те отправимся обратно, к нашему постоялому двору и попробуем все обсудить не сгоряча, а маленько подумав. Согласны?

Следующий сюрприз нас ожидал возле длинного двухэтажного деревянного дома, владел коим немедиец и причем дворянин. Единственно, этот дворянин был чужд столичным условностям и устроил на первом этаже довольно большого и добротного здания корчму с удобным обеденным залом и, что самое главное, с великолепной пивоварней. Назывался странно-приимный дом патриотично: «Немедийский дракон».

— Конан! — Мы вывернули из-за угла к таверне и сразу услышали истошный вопль барона Юсдала. — Скорее ко мне!

— Опять подрались, — не усомнился я, мрачно взглянув на Конана. — Я всегда полагал, что библиотекари — люди разумные и мирные...

— Конан! — надрывался Хальк, стоявший на крыльце едва не под руку с каким-то молодым русоволосым парнем. На вид последнему было не больше семнадцати лет. — Мы сейчас такое узнали! Пошевеливайтесь! Тотлант заказал пива на всех!

— Сколько новостей за одно утро, — проворчал король. — И хотя бы одна новость хорошая. Что еще случилось, Хальк?!

* * *

— Во, так я именно про это и говорю. — Темвик сидел на лавке у стены, окруженный тяжело дышащими, отчасти разозленными, отчасти недоумевающими мужчинами. Мы отодвинули стол, подтащили несколько коротких скамеек и теперь с пристрастием допрашивали молодого оборотня. — Я сначала думал, что это парень, а потом оказалось — девчонка. Молодая, на вид не больше двадцати пяти лет, с каштановыми волосами и светло-кариими глазами...

— Бред, — резюмировал Конан. — Мораддин, я ничего не понимаю! Все-таки Ринга — твоя жена и тебе лучше знать, что она могла делать в Пограничье! Да еще с подобной свитой.

— Темвик, — Мораддин положил руку на плечо дорожного стража и раздельно, медленно проговорил: — А теперь расскажи нам всю эту историю от начала и до конца. Еще раз. Вспомни любые детали. Нам интересно даже то, как были одеты эти люди, как и о чем разговаривали. Что заказывали в тавернах, какими деньгами расплачивались. Может быть, ты вспомнишь еще некие странности, связанные с ними?

— А чего рассказывать-то? — робко улыбнулся Темвик. — Значит, дело было так...

...Хальк отловил Темвика, сына Магнуса, в обеденном зале странноприимного дома, когда мы с Конаном и графом Эрде ходили в дом пограничной стражи. Какой-то молодой оборотень слишком громко рассказывал соседям по столу о своих недавних приключениях. И вдруг острый слух нашего библиотекаря уловил имя Паллантида и некой графини Эрде. Хальк заинтересовался, пригласил следопыта выпить, а когда тот начал рассказывать вовсе уж невероятные байки (благо язык от пива развязался), летописец немедленно позвал Тотланта и Эйвинда. Затем было решено немедленно бежать за Конаном и привести его в таверну — пусть тоже узнает занимательную историю о самом себе. По счастью, мы пришли вовремя, и вот уже целых полтора колокола слушаем слегка подвыпившего, но пока еще неплохо соображающего следопыта. Сейчас Темвик снова потребовал кружку меда-вухи (Тотлант, плюнув на свое достоинство, сбегал к стойке и принес ее. Сам заплатил, кстати) и, что называется, начал сызнова.

Около двух седмиц назад Темвик из поселка Лерзак, ездивший в гости к родственникам, возвращался домой. Ближе к вечеру он услышал шум в лесу и, подобравшись ближе, увидел, что на невысокого темноволосого парнишку напали местные разбойники. Один из грабителей к тому времени уже был убит, неизвестный парень дрался со вторым, а третий злоумышленник прятался в кустах и целился из арбалета. Вот как раз третьего-то и уложил доблестный воин дорожной стражи. Потом, уже в Лерзаке, Темвик раззнакомился со спасенным путником и узнал, что зовут его Винаром из Зингары и он — гонец полевой службы Аквилонии. В ту же ночь они вдвоем наблюдали за разрушением Небесной горы. Затем Винар упросил Темвика проводить его до Брийта, а возможно, и до Вольфгарда. Было заметно, что гонец торопился и здорово нервничал.

Чудеса начались в бурге Брийт, на постоялом дворе «Танцующая лошадь». Едва Темвик и Винар подъехали к таверне, им навстречу попался высокий темноволосый человек лет сорока. И тотчас же Темвик со всей очевидностью выяснил, что его попутчик — вовсе никакой не гонец, а довольно красивая девица, скрывавшаяся под мужской одеждой. Оскорбленный в лучших чувствах молодой оборотень разобиделся и ушел из таверны к дальним знакомым, которые приняли его и пустили переночевать.

Утром, проходя мимо «Танцующей лошади», Темвик был окликнут этой самой девушкой. Она попросила оборотня не сердиться — так уж обстоятельства сложились — и предложила работу: проводить отряд аквилонских дворян до границы кратчайшим путем. Хорошо, мол, заплатят, а ехать по трактам благородные местьеры не желают — очень долго. Темвик для вида покуражился, но согласился, и девушка представила его своим друзьям. Таковые действительно оказались аквилонцами, да не простыми, а самыми что ни есть благороднейшими. Один, по имени Паллантид, был тысячником гвардии, остальные восемь — десятниками и младшими офицерами, а самый главный — тот, что встретился Темвику и его загадочной спутнице возле дверей таверны — не кем иным, как Его Величеством государем Аквилонии Конаном, ездившим в гости к королю Эрхарду. Сама девица велела звать ее Рингой, графиней Эрде.

Сначала Темвик решил, что ему морочат голову, ибо был глубоко уверен — короли никогда не ездят в гости просто так, запросто. А если уж и ездят, то берут с собой разряженную солидную свиту, большой обоз и, как минимум, половину армии для охраны.

Сомнения Темвика быстро развеял всезнайка-хозяин, уважаемый местьор Барли Бютт. Да, подтвердил Барли, это действительно аквилонский король. Он, мол, останавливался у меня несколько дней назад, решил

переночевать и нынче, хотя прошлый раз случились неприятности — неизвестный злодей убил двоих сопровождавших государя военных. Как хорошо, что аквилонский монарх не изволит сердиться!

Темвик столкнулся проводить аквилонских месьюров к рубежам Пограничья самой короткой дорогой и тут же получил задаток — двадцать золотых монет. Только почему-то не аквилонских, а бритунийских, с гербом страны — поднявшейся на дыбы лошадкой. Это была первая странность. Интересно, почему у короля Аквилонии не нашлось в кармане монет собственной чеканки?

Темвик, как я уже упоминал, — оборотень и умеет *чувствовать*. Это природный дар, полученный всеми нами при рождении. В том числе мы способны учуять существ, не являющихся человеком, хотя и выглядящих так же, как и остальные люди. Темвик, захлебываясь, поведал нам о том, что девица по имени Ринга — вовсе не человек, а неизвестно кто. Не гном, не оборотень и не альв. Хотя в ее запахе есть что-то от всех трех этих рас...

— Да, это точно была она, — подтвердил Морадин, когда мы все повернулись к нему с неммым вопросом в глазах. — Конан, ты же знаешь, кто Ринга на самом деле...

— Даже слишком хорошо, — буркнул король и слегка подтолкнул Темвика кулаком. — Ты дальше говори. И со всеми подробностями! Как госпожа Ринга общалась с мужиком, который был очень похож на меня?

— Нормально она общалась, — пожал плечами Темвик. — Радовалась. Болтали они много, вспоминали какую-то историю пятнадцатилетней давности, про Бельверус говорили. Она все сердилась: мол, государь Аквилонии не пригласил ее на коронацию, хотя и обещал.

— Верно, обещал, — нахмурился Конан. — А как с тем человеком вели себя гвардейцы?

— А как положено вести себя с правителем страны? — изумился Темвик. — Почтительно, конечно. Месьюр Паллантис часто разговаривал с королем о каких-то военных делах, совсем мне непонятных. Они все время упоминали Офир, а тот Конан повторял, будь-то войны не избежать.

— Какой войны? — переполошился наш король. — С Офиром? Чушь! Ты, скорее всего, неправильно расслышал.

— Может быть, — меланхолично согласился Темвик. — А вообще-то вы здорово похожи, только ты бороду начал растить, а он каждый день брился. У тебя случайно братьев-близнецов не было?

— Не было, — решительно отрезал Конан. — Ты какие-нибудь приметы помнишь? Особенные?

— Особенные приметы? — нахмурился оборотень и посмаковал медовуху. — Я видел, как он умывался. На правом боку, вот здесь, — Темвик показал на себе, ткнув пальцем в ребра, — очень странный шрам, зигзагообразный.

Конан оторопело замолчал, потом сбросил безрукавку, расстегнул ремень и, задрав рубаху, показал Темвику старый побелевший шрам чуть ниже правой подмышки.

— Точно такой, — кивнул молодой следопыт. — Хватит меня разыгрывать, это, наверное, ты и был! Шуточки у вас, аквилонцев!

Морадин потребовал пива. Тотлант опять пошел к стойке, но, впрочем, быстро вернулся — очень уж хотелось дослушать эту невероятную повесть.

— Шрам я получил на Западном океане, когда служил на флоте короля Фердруго, — медленно проговорил Конан.

— Не на флоте, а в пиратах, — машинально поправил Хальк. — То есть в королевских корсарах. Петрониус целых две повести об этом написал... Что же происходит вокруг, а?

— А куда они поехали? Они что-нибудь говорили о дальнейшем направлении? — вкрадчиво спросил Мораддин, опростав кружку с медовухой. Лицо у графа было бледным.

— Конечно, — ответил Темвик. — В Аквилонию, в Тарантию. Король торопился вернуться домой, в столицу.

— А про нас этот король ничего не говорил? — слово «король» Тотлант выговорил с отвращением. — Про Веллана Бритунийца? Про графа Мораддина, про меня или месьора Халька?

— Рассказывал, — невозмутимо проговорил Темвик. — Граф Эрде, дескать (это он Паллантиду объяснял) копается вместе с гномами в горах, обнаружив некую удивительную штуковину, Веллан и ты — у короля Эрхарда, в Вольфгарде. А месьор Хальк вовсе погиб под обвалом, когда Небесная гора рванула...

— Так, — поперхнулся Хальк. — Ну спасибо, Ваше Величество!

— Подведем итоги, — металлическим голосом сказал Тотлант. — Формируется весьма прелюбопытная картина. Король Конан, сбежавший вместе с женой графа Эрде, возвращается в Тарантию победителем Небесной горы. Я пребываю в столице Пограничья, Велл там же, а уважаемого библиотекаря вовсе жрут черви в небольшой уютной могилке. Мораддин, услышав голос своей гномьей крови, бросил придворную должность в Бельверусе, взял в руки кайло и превратился в рудознатца. Судьба Эйвинда остается невыясненной.

Рыжий асир отчего-то помрачнел и смущенно затеребил обшлаг рукава.

— Прошу высказываться, — напомнил Тотлант, нарушив долгую и тяжелую паузу. — Только по очереди. Ругательства можете опустить.

— Конан, зачем ты уехал с моей женой? — с серьезностью в голосе спросил у киммерийца слегка подвыпивший граф Эрде.

— А что ты нашел в Граскаале? — парировал киммериец. — Еще одну Небесную гору? Великие боги, какое счастье, что Хальк наконец-то свернул себе шею! Как спокойно будет жить!

— Вот уж воистину большое спасибо, — фыркнул библиотекарь. — Месьоры, есть предложение — давайте напьемся за упокой моей души. Темвик, тебя мы тоже приглашаем!

И Хальк на редкость противным голосом продекламировал слова песенки, однажды сочиненной в пьяном угаре аквилонским поэтом Ринальдо:

Ох, боюсь, на моих поминках
Будет людно — не продохнут!
Только как это все устроят —
Вот на что б я хотел взглянуть...

Пока служки в таверне бегали от кухни к нашему столу и обратно, перетаскивая блюда с едой и кувшины с вином и пивом, мы сидели молча, напустив на лица угрюмство. Первым решил высказаться Эйвинд, не проронивший за все утро ни слова. Меня поразила здравость размышлений нашего крестьянина. На таких основательных людях и держится мир.

— Интересную историю Темвик рассказал. Колдовством пахнет. Если б человек, ехавший с месьорами гвардейцами, был просто на государя Конана похож, тогда все понятно. Может, ошибка вышла. Может, еще что. Но не бывает так, что двойник и шрамы одинаковые себе заимел.

— Если Ринга выглядела беспечной и довольной, — проронил Мораддин, — значит, была уверена в истинности облика своего спутника. Она несколько десятилетий работает на нашу тайную службу и умеет различать любые подвохи.

— Выходит, она уехала с настоящим Конаном, — судорожно рассмеялся киммериец. — А кто тогда я?

— Самозванец, — прыснул в кулак Хальк. — Какое наказание положено за самозванство в Аквилонии?

— Повешение, — авторитетно ответил король. — В особо тяжких случаях — колесование. Мне Публио объяснял.

— Повешение? — Ерник-библиотекарь был неутрачен. — Отлично! Мы сбегает и купим тебе веревку, а удавишься самостоятельно. Остальным придется тоже повеситься, как сообщникам. Представляете картину? Болтаемся эдак в рядочек...

— Трепло, — устало махнул рукой Конан. — И вообще молчи. Ты умер.

— Се речет глас истины из Царства Мертвых, — провозгласил Хальк, наполняя кружку, — так давайте же выпьем за вечную жизнь! Слушайте, почему вы все такие пасмурные? Еще далеко не все потеряно! Документы у нас настоящие, король тоже вряд ли является подделкой — гляньте, как пиво хлещет! Так один лишь Конан Канах может. Приедем в столицу и все выясним.

— Есть возражение, — оттолкнул Тотлант. — Мы можем попросту не доехать до Тарантии. Мне очень не нравится эта история. Либо этот человек — суть двойник, причем отлично рассчитавший время и место появления, а также свои дальнейшие действия, либо... Эйвинд правильно сказал — пахнет колдовством. Фантом? Демон, принявший обличье короля? Я знаком с подобными фокусами.

— Нет, нет, — замотал головой Темвик. — Я бы почувствовал. Тот Конан был самым обычным человеком. От него даже пахло точно так же, как от этого, — Оборотень ткнул пальцем в киммерийца. — Он был... Не знаю, как сказать. Естественным, вот! Я не могу поверить, что существуют два человека, настолько похожих друг на друга.

— Напрашивается самая разумная мысль, — усмехнулся стигийский волшебник. — Конан попросту морочит всем нам головы. Затеял любовную интрижку с госпожой графиней, а теперь отмазывается.

Встрял пьянеющий на глазах Морадин:

— Конан, ты мерзавец! Куда ты дел мою жену? И вообще — вы все сговорились, да?

Далее все покатило по накатанной колее. Мешая красное вино и пиво, мы строили различные предположения насчет появления двойника Конана, закидывали вопросами изрядно подуставшего от наших занудств Темвика и, разумеется, очень быстро напились. Когда Темвик вдруг упомянул о Небесной горе, Конан вознамерился рассказать оборотню о наших приключениях в Граскаале. Так как государь Аквилонский резко повысил голос (пиво виновато), вокруг стола начали собираться другие посетители. По таверне пробежал слухок, будто приехал сам Стефан Король Историй и рассказывает очередную страшную повесть. Мы не стали разуверять прислугу, аквилонских купцов и немедийских солдат в их заблуждении, а Хальк обнаглел до того, что взял свою меховую шапку и начал собирать деньги с благодарных слушателей. Серебро так и звенело.

Кстати, я еще не рассказывал о том, что с нами произошло в Граскаале? Сразу после обвала? Помните, мы с Хальком обнаружили жутковатую пещеру с прозрачными гробами, в одном из которых находился вполне живой Эйвинд? Мы-то думали, он погиб в катакомбах Ивелина! Если не возражаете, я коротко обрисую вам ситуацию, в которой мы оказались незадолго до разрушения Небесной горы.

* * *

Я уже говорил, что Конана, Морадина, Фрама и Тотланта отрезало обвалом породы от Бесконечной лестницы и других выходов наверх, на поверхность. К счастью, мы с Хальком и страшноватым по виду зубастым зверем, называемым гномами «элайном», успели проскочить в боковой коридор до того, как сработали огненные шарик, сотворенные стигийцем.

Когда волшебное пламя разрушило своды зала, над которым нависал бок Небесной горы, произошло небольшое землетрясение, потолки катакомб не выдержали и кое-где рухнули.

Я и аквилонец очутились в очень древнем, запыленном коридоре. Потом увидели свет. Мертвенный, голубовато-синий, будто от гнилушек. Войдя в круглую комнату, мы нашли девять длинных стеклянных гробов, вызволили Эйвинда, непонятно какой силой перенесенного из Аквилонии аж в сам Граскааль, и побежали дальше.

Скорее всего, Небесная гора к этому времени уже начала плавиться, опустившись в озеро раскаленного камня. Мы хотели выбраться на поверхность, как можно быстрее попасть в Хезер (это крупный поселок, расположенный за перевалом, отделяющим главный хребет Граскааля от населенных равнин Пограничного королевства) и привести обитавших там гномов. Хальк был уверен, что подгорные карлики помогут нам раскопать завал и спасти попавших в ловушку друзей.

...Когда мы спустя несколько дней вернулись в Вольфгард, я купил на рынке поросенка, приволок его в храм Иштар и принес в жертву моей любимой богине. Все-таки Иштар помогает не только влюбленным мужчине и женщине, но и всем верным друзьям. Плотская любовь для богини — лишь одно из проявлений ее благодетелей.

Мы наткнулись на гномов. На самых настоящих гномов, уцелевших в огромном пожаре, охватившем подземелья после открытия ворот, ведущих к глубинам Небесной горы.

Получилось же вот как.

Известно, что зеленое пламя, исторгнутое Небесной горой, вызвало невероятные бедствия на верхних уровнях гномьего царства. Там погибли почти все, и лишь немногим удалось бежать. Но, к счастью для четырех семей, работавших в катакомбах тринадцатого подгор-

ного этажа, горючая смола, заготавливаемая гномами, быстро выгорела и не перетекла в самые глубины. Однако от жара начал плавиться камень, некоторые коридоры завалило и около пятидесяти гномов — сорок шесть мужчин и семь женщин — оказались запертыми в подземельях. Они выжили только потому, что на тринадцатом уровне царства клана Фрерина располагались часть продовольственных складов и бил источник воды.

Гномы очень трудолюбивы и никогда не смиряются с поражением. Они начали пробиваться наверх, через твердейшую породу. Прокладывали коридор на склоны пика Бушующих Ветров. Собственно, на звук их молотов мы и вышли. Но если говорить правду, нас вывел к гномам черный элайн, наверняка почувствовавший близкое присутствие любимых хозяев. Вскоре мы с Хальком увидели свет — тусклым зеленоватым огнем пылали факелы из горного мха. Элайн радостно засвистел и припустил вперед, а мы, поддерживая под руки слабого, как котенок, Эйвинда, побежали вслед. Конечно, были опасения, что здесь находится жилище каких-нибудь подземных демонов, но когда перед нами выросли кряжистые фигуры двух гномов, вооруженных неизменными стальными топорами, я вздохнул с облегчением.

— Люди, — удивленно проговорил чернобородый гном со шрамом через все лицо. — А что это вы здесь делаете?

— Заблудились, — выдохнул Хальк, а Эйвинд присел у стены — он очень устал.

Я шагнул к подгорным жителям, протягивая руки ладонями вперед. Пусть видят, что мы не вооружены.

— Кто здесь главный? — спросил я. — И сколько вас?

— А ты кто? — настороженно поглядел на меня второй гном. — Вижу, что оборотень, но что оборотням делать в подземельях клана Фрерина?

— Сотник гвардии королевства Пограничного, Веллан, сын Арта, к вашим услугам.— Я отрекомендовался так, как принято у гномов.— Нам немедленно требуется помощь...

— Какая помощь? — вытаращился чернобородый.— Нам самим бы кто помог! Нас завалило! Уже давно! И вообще, что происходит? Как вы могли оказать в наших подземельях?

— Веди к главному,— я решительно шагнул вперед, а гномы начали недвусмысленно поглаживать зацепы своих топоров.— Вы же наверняка почувствовали землетрясение, случившееся буквально только что! Это мы пытались уничтожить Небесную гору!

— Торин,— сказал чернобородый, тронув за плечо второго стража.— Они, наверное, сумасшедшие. Позови... нет, лучше отведи их к почтенному Грани. Пускай старейшина решает.

Эйвинд с трудом поднялся и, едва переставляя ноги, двинулся вслед за нами. Хальк шептал ему на ухо, что скоро все образуется. Гном со шпрамом проводил нас удивленным, но спокойным взглядом.

Вскоре я, Хальк, Эйвинд и гном Торин, сопровождаемые радостно попискивающим черным элайном, вошли в небольшой зальчик. Синеватый огонь факелов превращал комнату в обиталище призраков — бледное лицо Халька теперь казалось покрытым зеленой морщинистой кожей. А цвет бороды встретившего нас старейшины семьи я так и не сумел определить. Не то рыжий с проседью, не то сивый.

— Месьор,— поклонился Торин, войдя первым,— люди. Неизвестно откуда...

Издалека слышалось туканье молотов и треск разламываемого камня.

— Грани, сын Трора, к вашим услугам.— Толстый, очень низкорослый (его макушка не доставала мне до грудины) гном поднялся с гранитного кресла, устланного сухим мхом, и поклонился.— Торин, можешь

идти. Не беспокойся, если что случится — я сумею за себя постоять.— И толстяк покосился на лежащий возле сиденья топор невероятных размеров. Думаю, даже Конан поднял бы его с трудом.

Когда гном-стражник нырнул в проем и исчез в полутьме коридора, старейшина настороженно обвел меня взглядом маленьких, но цепких глазок.

— Ты кто? — спросил он.— Я чувствую в тебе кровь оборотня. Как вы очутились в отрезанных завалом подземельях?

— Пришли.— Я пожал плечами.

— Сюда невозможно просто «прийти»,— строго заметил Грани.— Три семьи моего рода не могут выбраться на поверхность уже в течение двух лун. Мы обследовали каждый клочок подземелья на тринадцатом уровне и знаем, что входов и выходов отсюда нет. Все залито расплавленным камнем или загромождено обломками. Рассказывайте правду, или я прикажу убить вас!

Меня вдруг осенило. Все дело в том, что коридор (проплавленный, а не прорубленный!), протянувшийся от странного зальчика, где мы нашли Эйвинда, до гномьих пещер тринадцатого подземного этажа запирался необычной дверью. Изнутри мы смогли ее открыть — напелся рычаг — а вот снаружи... Пользуясь слабыми отблесками факелов, проникавших в отдаленную часть этого этажа, я различил, что снаружи дверь не открыть. Никак. Она попросту вжимается в стену и становится ее частью. Не мудрено, что гномы не заметили потайного выхода. Тогда Грани и его родственники покинули бы ставший тюрьмой тринадцатый уровень много дней назад... Какое счастье, что мы с Хальком не догадались закрыть дверь!

— Хорошо, выслушай меня, уважаемый Грани, сын Трора.— Я снова раскланялся, зная, что гномы очень любят почтительность и вежливость.— Случилось так, что я сам и мои спутники...

Я грозно взглянул на Халька, и летописец нагнул голову, сказав:

— Хальк, сын Зенса, к вашим услугам. Равно как и Эйвинд из Райты.

Эйвинд давно опустил на корточки у стены и заснул.

— ...И мои спутники,— продолжил я,— вместе с королем государства людей, а также неким волшебником и двумя гномами (я решил, что Мораддин на меня не обидится, если я сейчас назову его настоящим гномом) придумали, как можно истребить Небесную гору, равно как и ее порождения. Почтеннейший Фрам, сын Дарта из клана Торольва, провожал нас в глубины, к огненному озеру.

— Фрам? — сморщил нос Грани.— По прозвищу Мрачный? Тот самый, что постоянно якшается с людьми? Опиши-ка мне его внешность.

Из-за недоверчивости и докучливой обстоятельности старейшины Грани мы потеряли очень много времени. Толстый гном подробнее расспросил меня о Фраме, о столице Пограничья, о наших планах и последних новостях с поверхности... Затем допросу подвергся Хальк. Наконец Грани поверил.

— Беру в свидетели Длиннобородого Отца! — заявил старейшина.— Этого не может быть! Вы говорите, будто обрушили Небесную гору в лавовое озеро? Невероятно! Вы хотите, чтобы моя семья вместе с родичами Нии, сына Фундина, и Андвари, сына Балина, помогли вашим друзьям? Тогда отведите нас к тайной двери, из которой вы пришли!

— Наконец-то,— Хальк издал почти неслышный стон.— Гномы, конечно, очень добры, но принять такое решение можно было за время, достаточное для трех ударов сердца!

Я и сам знал, что большинство гномов, а особенно их старейшины — главы семей удивительно велеречивы и подозрительны. Однако теперь я был готов

простить Грани все недостатки. С невероятной для его комплекции быстротой гном потащил нас к большому залу, где под строжайшей охраной угрюмых и неразговорчивых молодых подгорных карликов хранились истаивающие запасы продовольствия и стоял гонг. Грани моментально нашел предводителей двух других семейств, уже помянутых Нии и Андвари, быстро с ними посоветовался и...

Несколько отрывистых ударов в тонкий кованый бронзовый кругляш — и по подземельям разнеслись гулкие, раскатистые звуки. Я не стану слишком подробно рассказывать о том, что произошло далее. Грани заставил меня снова поведать собравшимся гномам о наших с Конаном злоключениях, а затем вместе с другими старейшинами повел родовичей к двери. Я в основном полагался на черного элайна — зверюга отлично помнила дорогу, а я мог что-то перепутать. Но проход в сторону найденного мной с Хальком коридора был вскоре обнаружен, и гномы молча принялись за работу.

— Клянусь своей дворянской честью и своей жизнью! Такое прежде людьми не видано! — Я и Хальк стояли возле разрушенного зала, в котором прежде находились прозрачные саркофаги. Эйвинд, свернувшись калачиком, спал на голых камнях, и мы предпочитали его не тревожить. Вообще-то наш крестьянин упрямо таскался вслед за мной, но как только мы останавливались, мгновенно засыпал. Не пойму, что с ним происходит?

А Хальк продолжал громко восхищаться:

— Веллан, ты только посмотри! Какая невероятная слаженность действий! Воистину, гномы созданы для труда!

Библиотекарь был прав. Едва мы оказались рядом с завалом, отгородившим Конана и остальных, пожилые старейшины отдали несколько коротких приказов, а затем сами взяли в руки долота и кирки. Камень

разбирался с невиданной быстротой — одни карлики рубят породу, другие перетаскивают булыжники в сторону, третьи правят затупившиеся инструменты... Несколько женщин-гномов (я их видел впервые в жизни) развели костерок и делали некое поддерживающее силы работников варево — вода, кусочки темного лишайника и соль. Между прочим, женщины-гномы выглядят не так страшно, как их описывают профаны-всезнайки из «цивилизованных стран». Да, рост небольшой, волосы у большинства темные и длинные, но в остальном... Обычные женщины. Добрые, очень заботливые и внимательные. А самое главное — они столь же неутомимые работники, как их сородичи мужского пола.

— Почтенные месьоры.— К нам подошла одна женщина из гномов, держа в руках медную чашу.— Не изволите ли подкрепить свои силы?

У Халька загорелись глаза. Нет-нет, вовсе не потому, что он мужчина. Просто он, как и невероятное большинство аквилонцев, прежде был уверен: гномы рождаются из камня.

— Большое спасибо,— летописец расплылся в широченной улыбке, но померк, как только перехватил жесткий взгляд работавшего неподалеку молодого и до невероятия широкоплечего гнома с коротенькой окладистой бородой.— А что налито в этой чаше, уважаемая?

— Если мы выйдем отсюда,— спокойно сказала женщина,— нам потребуется много усилий, чтобы подняться к склонам горы. ...Ох, простите, почтеннейшие гости, я забыла назвать свое имя. Даро, дочь Фреге из клана Грани. Выпейте, и вы почувствуете прилив сил.

— Гномы, оказывается, ужасные ревнивцы,— шепнул мне Хальк, когда мы отведали подсоленного, терпко пахнущего напитка, и Даро отошла к котлу. Между прочим, короткобородый мужчина-гном по-

сейчас косился на нас с неодобрением. Наверняка Даро была его сестрой или возлюбленной.— Но заberi нас всех Нергал, когда же они закончат?

— Скоро,— уверенно ответил я наблюдая, как гномы перебрасывают из рук в руки неподъемные осколки камня.— Потом главное — выбраться наружу.

Откуда-то появились длинные железные столбы, которыми гномы подпирали угрожающе потрескивающий потолок. Некоторое время слышались глухой стук кирок, редкие, но цветистые проклятия карликов и хруст ломающейся породы. Наверное, гномы работали не меньше двух колоколов — за это время был разобран каменный завал длиной не меньше тридцати шагов.

Я, в отличие от Халька, отправившегося к костерку любезничать с женщинами-гномами и выпытывать у них тайны подгорной жизни, присел рядом со спящим Эйвиндом, пристроил голову ему на плечо и задремал. Думал, что гномы провозятся еще долго. Но вдруг...

— Поднимайся, морда! — до отвращения знакомый голос ввинтился мне в уши.— Велл, кто это с тобой? Во имя Митры, это же Эйвинд!..

Я так и знал. Даже в подземелье поспать спокойно не дадут. Разлепив глаза, я поднял взгляд и обнаружил, что надо мной нависает темная фигура государя Конана. Рядом стояли гномы, по уши вымазанные каменной пылью, а неподалеку поблескивал вышитым на одежде золотой чашей Тотлант. Волшебник о чем-то разговаривал со старейшиной, причем старый Грани мрачнел с каждым мгновением.

— Клянусь Имиром! — вскинулся Эйвинд, разбуженный голосом киммерийца.— Ой... Доброе утро, король...

— Будешь здоровым с такими подданными! — рякнул Конан без тени удивления в голосе.— Ты откуда взялся? Тем более здесь, в Граскаале?

— Ну... — задумчиво протянул Эйвинд. — Я тут жил некоторое время... Получилось так... А почему — не знаю.

— Разберемся потом, — внимательно слушавший разговор Тотланта и Грани Мораддин подбежал к нам. — Привет, Эйвинд. Это в самом деле ты или призрак? Ты? Неважно! — Граф Эрде сейчас очень походил на настоящего деловитого гнома. Истинный родственник встретивших нас подгорных карликов. — Конан, уходим немедленно!

Я проспал самое важное. Когда рухнула последняя перемычка, раздробленная инструментами рудознатцев, выяснилось, что обвал перегородил проход до самой Бесконечной лестницы. Конан и компания не пострадали, разве что королю досталось камнем по голове, и то вскользь. Острый булыжник чиркнул по щеке киммерийца, изрядно распоров кожу. Впрочем, Конану на это было глубоко плевать — шрамом больше, шрамом меньше...

А Фрам с Мораддином, как оказалось, после землетрясения не теряли времени. Первый — настоящий гном — заявил, что так просто сдаваться он не собирается, и поэтому сейчас все остальные будут помогать ему разбирать завал на Бесконечной лестнице. Второй — сын гнома и женщины-человека — призвал на помощь кровь предков и немедленно бросился выполнять приказы Фрама. Тотлант попытался прожечь камень с помощью магии, а Конан оттаскивал в сторону обломки. Разобрали они совсем немного — шагов пять. И тут же рухнула противоположная стена, появилась бородастая физиономия гнома и последовал вопрос:

— Долго сидите? Четыре колокола? А мы — целых две луны. И не жалуемся...

Что произошло дальше? О!..

Это долгая и неприятная история. Вначале мы долго бежали вверх по Бесконечной лестнице (гномы моментально убрали загромодивший ее ступени

камень), затем выбрались на поверхность из той самой шахты, что прежде указал Фрам. Одна беда — теперь нас было гораздо больше. Говоря «нас», я подразумеваю несколько десятков гномов, которым наш отряд показал дорогу к спасению, а заодно верных хозяевам элайнов. Семьи Грани, Нии и Андвари покидали мертвое подгорное царство.

Конан, прирожденный командир, помогал старейшинам вытащить наверх ослабевших от голода молодых гномов, их женщин и нескольких детей. Именно король Аквилонии указал, куда нужно идти: «Грани, скажи своим, чтобы отправлялись во-он к тому перевалу. Он отделяет пик Бушующих Ветров от равнин королевства людей».

По счастью, за время, пока мы блуждали в подземельях, не случилось снежной вьюги или бурана. Никогда не выходившие на поверхность гномы семьи Грани могли обнаружить на перевале следы наших лошадей и по ним добраться до Хезера. Здесь, у входа в шахту, мы распрощались, и Конан повел наш отряд к Райте. Необходимо было забрать лошадей и часть припасов, оставленных в разрушенной деревне.

Охранные заклинания Тотланта сработали — лошадки спали, укрытые колдовским куполом, через который было невозможно проникнуть ни человеку, ни зверю. Волшебник разбудил наших скакунов, мы быстро оседлали их и, вскинувшись в седла, помчались вдогонку гномам.

Ночевали на перевале, вернее, на его полуденном склоне. Лагерь был разбит возле густых зарослей молодого ельника. К сожалению, быстрый переход от пика Бушующих Ветров отнял последние силы у многих подданных короля Дьюрина — гномы, которых мы настигли на самом гребне каменистой гряды, устали, были голодны и поэтому удивительно мрачны. Однако старейшины заставили наиболее крепких и выносливых нарубить дров и развести костры. Ночи

в Пограничье очень холодные, и, кроме того, над Граскаалем сгустились тучи, обещавшие снегопад.

А ночью случилось невообразимое.

Старейшина Грани попросил меня, как оборотня, посторожить сразу после заката. Он знал, что я могу отпугнуть хищников одним своим присутствием. Со мной вызвались на стражу Конан, двое гномов и Тотлант. Казалось, стигиец вовсе не уставал. Как, впрочем, и жуткие домашние зверюги гномов. Наш элайн вместе с тремя сородичами, принадлежавшими семье Грани, весь день, уподобляясь необычным зубастым лошадам, везли на спинах маленьких гномят. А сейчас громадные черные монстры окружили лагерь будто сторожевые пастушьи псы.

Хальк, Эйвинд и Фрам, расстелив на очищенной от снега земле толстые меховые плащи, уснули.

Ночь была темной. Облака закрыли звезды, луна только нарождалась, и поэтому ее свет не мог проникнуть через низкую туманную завесу. Лишь над Граскаалем изредка мелькали зеленые сполохи да слышался отдаленный гул.

— Как думаешь, — тихо спросил Тотланта Конан, сидя у гаснущего костерка. — То, что мы придумали, сработает? Небесная гора расплавится в Огне Изначальном?

— Об этом знает только Бог Единый и его сыновья, — благочестиво ответил стигиец, помешивая обструганной палочкой угли в костре. — Говорят, будто Изначальному Огню ничто не может противостоять, ибо он есть отблеск самого первого Пламени.

— Вот и поговори с этими магами, — заметил я, не поняв речи Тотланта. — Его спроси по-человечески, а он мудрствовать начинает!

— Веллан, — скривился волшебник, зябко кутаясь в черный плащ. — Не понимаешь — так молчи! Ребята, подождите... Конан, ты ничего не слышишь? И потом, кажется, землю потряхивает...

— Демоны Сета! — Конан вскочил на ноги, хватаясь за рукоять меча. Будто он мог противостоять силам стихий простым оружием. — Что происходит?

Того, что случилось дальше, я почти не помню.

Весь мир залил свет. Вдруг. Словно бы над Граскаальским хребтом одновременно зажглись тысячи солнц. Я увидел, как начал таять снег, окружавший наш лагерь.

Грохот. Неистовый рев гибнущей чужой Силы заполнил округу, разрывая слух и уничтожая разум.

Совсем неподалеку, в двух-трех лигах от перевала, ведущего к землям Пограничья, возник огонь. Такого огня никогда не видели люди, оборотни или гномы. Белое, ослепительно-яркое пламя подняло над горами расширяющийся и разгоняющий облака купол, померкло, превратившись в гигантский клуб оранжево-черного огня, рвущийся к обнажившемуся звездному небу.

На мгновение мир замер в предчувствии беды. Колыхнулись вершины елей.

Я помню, как умирало подземное чудовище, залитое мною и Эйвиндом водой в катакомбах Ивелина. Помню, как я бежал через подземные переходы к лесу. Помню налетевший ураган, сплавленный в зеленое стекло песок дороги и возникший лесной пожар. Но по сравнению с *этим*...

Я подумал, что мир гибнет. Что начинается великая битва богов с пришедшим из Внешней Тьмы злом.

Ветви сосен и темноигольчатых елок внезапно запылали огнем. Деревья превратились в огромные факелы. Ударил ветер — горячий, обжигающий кожу вихрь невиданной силы. Меня отбросило в сторону, хоть я и пытался уцепиться за почерневшую меховую куртку Конана. Король, видимо, сообразив, что нужно делать, закрыл лицо рукой и повалился навзничь. Тотлант попытался выговорить какое-то заклинание, но ураган поднял волшебника как пушинку

и отшвырнул в расплавляющийся на глазах сугроб, наметенный у корней гигантского кедра.

Я ударился головой о твердый ствол дерева, и меркнувшее сознание уловило лишь вид бурлящего облака на тонкой, колышущейся ножке; облака, подсвеченного синеватыми разрядами молний и поднимавшегося над землями, искони принадлежавшими людям, оборотням и гномам.

Потом была тьма.

* * *

Я не знаю, что это было. И никто не знает. Даже Тотлант. Волшебник потом сказал только, что мы стали свидетелями высвобождения некой чудовищной мощи, прежде скованной в пределах Небесной горы. Сила сбросила путы и, уйдя к небесам, исчезла бесследно...

Очнулся я оттого, что пошел горячий дождь. Очень неприятное ощущение.

— Конан! — Я с трудом поднял голову и огляделся. Лучше бы я этого не делал — резкая боль пронзила череп будто раскаленной иглой...

— При чем здесь Конан? — раздался в ответ угрюмый голос киммерийца. — Это Хальк с Тотлантом придумали обрушить Небесную гору в лавовое озеро... И что получилось?

Серели предрассветные сумерки. С неба падали погасившие лесной пожар тугие струи ливня. Вода (и это сейчас, зимой!) казалась только что прокипяченной. Мутные капли забирались под одежду, превратили волосы в сбившуюся грязную мочалку, а сам я полужележал в огромной луже.

Остальным, впрочем, было не лучше, чем мне.

Гномы сидели все вместе, хлюпая носами. Почему-то мокрый гном выглядит ужасающе жалко и несчастно. Хальк, которому досталось меньше всех во время урагана, поднятого издыхающей Небесной горой

(летописец вовремя спрятался в яме у корней сосны), чисто по привычке пытался поддержать беседу со старейшиной Грани:

— Не беспокойтесь, уважаемый, — слабым голосом вещал библиотекарь. — Все живы, все хорошо, скоро придем в Хезер...

— Причем идти надо быстро, — встрял Морадин. — Полагаю, что, когда кончится этот странный дождь, снова ударит мороз. Мы попросту обледеем. Уже светает, дорога видна. Грани, поднимай своих и идемте! В Хезере нас обязаны принять.

— Все погибло, — вздохнул старый гном. — Уверен, что поселение под пиком Бушующих Ветров разрушено полностью... И счастье, если другие подгорные княжества не пострадали!

У меня ужасно болела голова, Тотлант постоянно держался за ушибленную поясницу, Конан и Фрам беззвучно ругались, а Хальк молчал. Понадобилась жуткая катастрофа, чтобы барон Юсдаль наконец заткнулся. Да и не о чем было говорить в обожженном, частью поваленном лесу, покрывавшем склоны хребта. Над нашими головами висели черно-свинцовые тучи, кое-где еще дымились деревья — несмотря на дождь, толстые стволы продолжали тлеть. Снег почти везде растаял. Сугробы — оплавленные и покрытые налетом гари — начали попадаться только в предгорьях. Заодно и похолодало. Постепенно одежда начала покрываться ледяной корочкой, а ветер стал невыносимо холодным. По команде Конана мы усадили на наших лошадей женщин-гномов. Они слишком устали, чтобы выдержать пеший трехлиговый переход до Хезера. Маленьких детей, как и прежде, тащили на спинах элайны.

Пусть лучше Хальк расскажет о наших дальнейших злоключениях в своей летописи. У него это лучше получится. К середине дня живописный отряд, возглавляемый Конаном и Грани, наконец добрался

до ворот бурга, возле которых стояла тройная стража. После долгих выяснений, кто мы и откуда, нас вместе с гномами пропустили в поселок. А на следующее утро, отдохнув и с трудом поборов неизвестно откуда появившуюся слабость и чувство приближающейся болезни, мы все собрались и прежним маленьким отрядом поехали в Вольфгард.

Четыре дня мы жили у короля Эрхарда. Отсыпались, отмывались и бездельничали. Почему-то никому, даже вечно непоседливому Конану, не хотелось ничего делать. Он даже махнул рукой на то, что несколько дней назад его гвардейцы во главе с Паллантидом тайно, ночью покинули Вольфгард и уехали на закат. Сказал только, что непременно разжалует тысячника в денщики, а остальных сошлет в дальние гарнизоны.

В столице, разумеется, тоже видели агонию Небесной горы. Но, как ни странно, паника не поднялась. Это Тарантия или Бельверус превратились бы в совершеннейший хаос — чернь бы перепугалась, дворяне взбунтовались, а купцы подняли бы цены на соль и муку. Мои соотечественники, привыкшие к особенностям Пограничья, просто сказали: «Ничего, и это переживем. И не такое случалось...» Хотя, конечно, в ту ночь весь город высыпал на улицы — смотреть на невиданное чудо. Эрхард заметил, что огромное черное облако к утру отнесло ветрами к полуночи, в сторону Гипербореи. Там оно вроде бы и рассеялось. Несколько предгорных деревень изрядно пострадали — ураган разбил часть домов, а обжигающий свет стал причиной десятка пожаров.

Утром пятого дня пребывания в Вольфгарде (считая со времени нашего возвращения от Граскааля) Конан, отоспавшийся и снова, как всегда, бодрый, неожиданно вспомнил, что он все-таки не кто-нибудь, а король Аквилонии и выдал новую историческую фразу:

— Небесную гору мы погубили, это ясно, как день. — Мы сидели в тронном зале за общим столом

и завтракали. Стефан, Король Историй, с восторгом выслушивал тихий рассказ Халька о наших приключениях под горами, а Эртель сидел надутый: обижался на дядюшку за то, что не отпустил вместе с Конаном. — Эрхард, уж прости, а нам следует возвращаться.

— Жду не дождусь, когда ты об этом вспомнишь, — хмыкнул старый король. — Небесная гора действительно погибла. Как только вы приехали, я немедленно отрядил четырех десятников стражи обследовать перевал и пик Бушующих Ветров. Они вернулись вчера вечером. Облачная завеса исчезла, сам пик вообще... — Эрхард пощелкал пальцами, подбирая нужное слово: — Словно бы провалился неизвестно куда. Граскааль в тех местах нынче неузнаваем. Поблизости ни одного живого существа не замечено. Ни чудовищ, превращенных из людей, ни подгорных тварей. А вместо Небесной горы — огромная обожженная яма. Леса в округе сильно попорчены...

— ...И мы до сих пор не знаем, с чем столкнулись, — заключил Тотлант, сидевший, как обычно, по левую руку от короля. — Кроме того. Я расспросил всех знакомых в Вольфгарде — не видел ли кто необычное белое животное с синими глазами? Тицо словно бы исчез.

— Съели куницы в лесу, — мстительно заметил Конан. — Так ему и надо, мерзавцу!

— Тицо? — нахмурился король Пограничья. — Это маленький зверек, которого холил месьор Хальк? А в чем, собственно, дело?

Мы рассказали. Эрхард вначале не поверил, что животное величиной с кошку было виновником многих бед нашего отряда, а потом просто махнул рукой, решив, что эта история ему неинтересна.

— Выезжайте завтра утром, — сказал король-оборотень. — Припасы и все прочее получите с моих складов. Кстати, Конан, позволь тебя поблагодарить. Мне сообщили, что границы королевства пересекли обозы

с продовольствием, отправленные вашим канцлером Публио. Разумеется, гномы все оплатят.

— Куда делся Паллантид? — Конан задал вопрос сам себе и нахмурился. Исчезновение гвардейцев занимало мысли короля все последние дни. — Надо же, даже с тобой, Эрхард, и с Эртелем не попрощался! Впрочем, неважно. Вернусь в Тарантию — разберусь.

Следующим днем мы покинули Вольфгард. У ворот замка отряд провожали Эрхард и его племянник, почтеннейший Стефан Король Историй, благородный Евсевий, вызвавшийся остаться еще на несколько лун в Пограничье и досконально выяснить причины разрушения Небесной горы, а также несколько приближенных старого монарха.

Фрам со свойственной гномам сентиментальностью едва не разрыдался, прощаясь с Конаном, и подарил ему на память боевой топор.

С нами ехал Эйвинд. После того как Тотлант тщательно осмотрел нашего воскресшего компаньона и сказал всем, что это настоящий Эйвинд а вовсе не призрак или воплотившийся в человеческое тело демон, асир и стигиец стали лучшими друзьями. Всю дорогу Тотлант выпрашивал у столь неожиданно спасенного Эйвинда любые подробности о разговорах с людьми, находившимися вместе с ним в подгорной тюрьме.

Мне было неинтересно слушать. Об этом расскажет Хальк. Я поехал с отрядом Конана, надеясь проводить его до границы. А Тотлант просто собрался посетить Аквилонию, а заодно познакомиться там с известнейшим тарантийским магом Валамиром, сыном Гонтрана. Но когда по дороге мы начали получать известия о проезжавшем недавно отряде аквилонских гвардейцев во главе с высоким темноволосым человеком по имени Конан, во мне начало крепнуть желание вернуться в Тарантию. Наверняка моя помощь будет необходима.

А когда отряд миновал рубежи Пограничья и прибыл в Кюртен, я понял, что бросать киммерийца и его друзей нельзя.

Решено, я еду с ними в Тарантию. Эрхард и без меня справится с управлением страной.

* * *

Наши посиделки в странноприимном доме «Немедийский дракон» закончились банально. Мы попросту напились. И напоили моего молодого сородича — Темвика. Он, бедолага, даже ходил на двор, очистить желудок. Обратно Темвик, правда, не дошел, свалившись на крыльце, но я, Конан и Тотлант его подобрали, отнесли в комнату и, закутав, оставили спать.

— Интересные дела, — в сотый раз повторил киммериец, вернувшись за стол. — Эй, Мораддин, ты закусывай, честное слово, а?

— Где моя жена? — Уважаемого графа Эрде сейчас тоже следовало бы отвести наверх и уложить рядом с Темвиком. — Конан, что происходит?

— Не знаю! — рявкнул король. — Так кто здесь самый трезвый? Разумеется, я, потом Тотлант и... Веллан, ты же немного пил? Идем с нами!

— Куда? — простонал я. Выходить на мороз из теплого обеденного зала не хотелось. Что еще задумал неумный варвар?

— В дом аквилонской пограничной стражи! — Конан, чуть покачиваясь, встал, набросил куртку, застегнул фибулой плащ и обвел нас решительным, хотя и слегка затуманенным взглядом синих глаз. — Хальк, иди с Мораджином наверх, ложитесь отдыхать. А остальные — за мной! Сейчас выясним, кто здесь король!

Мораддин, как ни странно, подчинился. Поддерживаемый за плечи Хальком, он заковылял к лестнице, изрыгая в бороду неразборчивые проклятия. А мы, закутавшись в меховые одежды, выбрались на улицу, громко хлопнув дверью. Вид был не самый почтен-

ный — два пьяных варвара (Конан и я) и смутлокожий стигиец в черном с золотом плаще. Тотланта тоже изрядно бросало из стороны в сторону, и время от времени он бормотал, обращаясь к аквилонскому королю:

— Давай попробуем обойтись без драки...

И вот перед ликой троицей воздвиглось бревенчатое солидное двухэтажное здание аквилонской пограничной службы. Красно-золотое знамя с поднявшимся на дыбы коронованным львом уныло повисло на безветрии. Возле крыльца отирался пожилой седоусый стражник в темно-зеленой тунике и плаще. Наконечник его копья был ржавым.

— Куда, к кому, по какому вопросу? — безучастно и заученно спросил страж, на что получил такой ответ:

— Прочь с дороги! Перед тобой король!

Варвар выпятил грудь и тщетно попытался принять благородно-величественный вид. От него так сильно разило спиртным, что поморщилась выходившая из дверей бедная дворянка в шубке из кролика и с гербом захолустного баронства, привешенным на бронзовой цепочке.

— Фи! — сказала госпожа и украдкой прошмыгнула мимо.

— Сама ты «фи!» — некуртуазно ответил король. — Видали мы таких!

— Сначала протрезвей, а потом приходи, — посоветовал страж. — Месьор начальник занят. Шляются тут всякие...

Через считанные мгновения седоусый полетел в близлежащий сугроб, а его копье Конан переломил о колено. Разумеется, Конан открыл дверь пинком.

Мы безошибочно нашли комнату командира пограничной стражи и пограничной стражи, бесцеремонно вломились, и Конан без лишних разговоров бросил на стол бумаги. Молодой сотник с красивым, но нагловатым лицом вначале опешил, а затем, не размениваясь на мерзкие скандалы, начал разворачивать свитки.

— Тотлант, волшебник, — бормотал он. — Пускай платит пошлину и проезжает на земли нашей великой страны... Этих мы пропустим беспошлинно. Подождите-ка... Та-ак... Шутить изволите, месьоры? Эй, стража! Ко мне!

Вломились трое молодых солдат и застыли у дверей. Сотник посмотрел на киммерийца, будто на опаснейшего разбойника.

— Ты утверждаешь, — вкрадчиво, но угрожающе начал он, — что являешься королем Аквилонии Конаном Первым?

— Утверждаю! — коротко ответил варвар.

— Замечательно, — ухмыльнулся вояка. — А теперь посмотри на эту бумагу. Получена со спешной фельдъегерской почтой два дня назад из самой Тарантии. — Он, многозначительно посмотрев на солдат, которые тут же положили ладони на рукояти мечей, протянул Конану внушительный свиток. — Прочтите.

— И прочтем! — фыркнул король. — Великий Митра! Веллан, Тотлант, подойдите и посмотрите!

Мы посмотрели. Честно признаться, у меня челюсть отвисла. Это была копия королевского указа, подписанная самим Конаном, герцогом Просперо и тайным бароном Гленнором. Датирован он был 25 днем последней осенней луны. Текст указа гласил следующее:

«Для пограничной стражи Аквилонии. Любой человек, пересекающий границу страны под видом «короля Конана Канах» и, возможно, сопровождаемый месьорами с именами Хальк, сын Зенса, Мораддин, сын Гроина, Тотлант, сын Менхотепа, Веллан, сын Арта, подлежит немедленному задержанию (равно как и его спутники) и препровождению под строжайшей охраной в столицу государства. Задержавшему указанных личностей человеку или служащему королевской приграничной стражи, равно как и армии, выдается награда в размере пяти

тысяч золотых и даруется высокий дворянский титул».

Ниже шло подробнейшее описание внешности всех перечисленных, стояли подписи высочайших особ королевства и венчалась бумага красно-золотой большой государственной печатью.

— Вы арестованы, месьюры,— вежливо, но не без издевки промурлыкал молодой сотник.— Положите оружие на стол рукоятками в мою сторону. Десятник! Принесите легкие кандалы!

Я сориентировался моментально. Мгновенно протрезвевший Тотлант начал шептать боевое заклинание, а Конан уже был готов вступить в драку. Я выступил вперед, загородив спиной стигийца и короля, со всей присущей мне куртуазностью поклонился и сказал:

— Сотник, должен тебя разочаровать. Поселение Кюртен находится на территории Немедии и указы аквилонского короля здесь недействительны. Если вы попытаетесь задержать нас, то сопровождающий нас Мораддин, граф Эрде, начальник Вертрауэна — отделения личной канцелярии короля Нимеда, примет необходимые меры...

— Стоять,— непреклонным голосом произнес сотник.— Территория Немедии — за пределами этого дома. Пока вы стоите здесь — вы в Аквилонии!

И в этот момент в стража ударила струя холодного синего пламени, сорвавшегося с пальцев Тотланта, а Конан обрушил удар своего тяжелого меча на закрытый многочисленными бумагами стол.

Я, призвав на помощь третью ипостась оборотня и желая напугать солдат, изменил внешность, превратившись в жуткое двуногое клыкастое чудовище.

Я знал, что мы так или иначе прорвемся на улицу. Но откуда я мог предполагать, что противники завопят дурными голосами и вместо того, чтобы вступить в бой, позорно сбегут? Оборотней они, понимаешь, не видели...

Глава восьмая ХАЛЬК, ПЯТЫЙ РАССКАЗ

Тарантия, столица Аквилонии.
10 день первой зимней луны 1288 г.,
от полудня до полуночи

«...Итак, король возвращался с победой и не подозревал о несчастье, готовом обрушиться лично на него и его немногочисленных друзей. Он ехал в свою страну, пребывая в понятной уверенности, что там его встретят благодарные (или хотя бы не возмущающиеся, как обычно) подданные и заботы по устранению многочисленных неблагоприятных последствий, внесенных явлением подземного огня в мирную жизнь государства.

Вместо этого правителю Аквилонии пришлось выслушивать малоприятные сообщения, которые, по мере приближения к столице, становились все дурнее и удивительнее. Так, например, король узнал, что его страна на протяжении вот уже двух седмиц активно готовится к войне с соседним Офиром и что сама мысль о возможности такой войны с восторгом встречена как простыми обывателями, так и представителями армии и дворянства. А еще королю пришлось выслушать обвинение в самозванстве и окончательно удостовериться, что во время его

отсутствия трон был захвачен неким существом, как две капли воды похожим на него самого...

*Из «Силей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства*

Нет ничего более унижительного, чем быть гонимым беглецом в своей собственной стране. Подразумевается, что все происходящее — победное возвращение героев. Но мне уже больше не хочется смеяться над царящей вокруг нелепостью. А, как ни странно, возникает желание кого-нибудь прикончить. Весьма странные мысли для человека, занимающегося надзором за библиотекой королевского замка. Впрочем, теперь эта должность наверняка больше мне не принадлежит. Ведь отныне я — «лицо, сопровождающее самозванца, и подлежащее немедленному задержанию», что заверено королевским указом. Давно ли мы все веселились, утверждая, будто все случившееся — не более чем досадное недоразумение или чья-то дурная шутка?

Теперь уже никто не знает, что думать. У нас осталась одна цель — как можно скорее добраться до Тарантии. Не представляю, чем наше появление может помешать развитию событий, неудержимо катящихся, точно лавина с горы... Полагаю, что никто в нашем маленьком отряде не сможет ответить на этот вопрос. Мы просто едем в столицу. По-моему, все втайне верят, что произошла какая-то чудовищная ошибка, нелепое совпадение обстоятельств и, как только мы въедем в город, все сразу же чудом встанет на свои места.

Хотелось бы мне, чтобы так оно и случилось... Но, боюсь, наши мечты останутся не более чем мечтами, а истину придется восстанавливать куда более действенными и прозаическими способами.

Итак, одно уже ясно со всей определенностью — пока мы пребывали в пещерах под Граскаалем, из

всех отпущенных нам скромных сил пытаюсь помешать надвигающейся гибели мира, кто-то, действуя на редкость самоуверенно и нахально, занял место короля Конана.

В таком случае у меня возникает несколько десятков вопросов о личности этого человека. Ладно, опустим внешнее сходство — в конце концов, непредсказуемая игра природы могла привести к появлению на свет двух на редкость схожих людей.

Но почему никто — ни Паллантин, вот уже в течение года находящийся по долгу службы рядом с королем, ни гвардейцы, ни таинственная госпожа Эрде — не заметил подмены? Откуда этому человеку известны наши маленькие дворцовые тайны? Как можно быть настолько осведомленным о прошлой жизни короля, если Конан сам порой точно не может сказать, когда в какой стране находился и чем там занимался?

И, в конце концов, откуда взялся этот человек, да еще в такой на редкость подходящий момент? С какой пугающей точностью он расставил нам ловушки! Король говорит, что если бы ему пришлось в голову выдавать себя за кого-то другого, он бы и поступил в точности так же. Для начала убедился бы, что подлинный владелец похищенного имени находится в недоступном месте, откуда нескоро выберется. Затем везде, где только можно, распространил как можно более правдоподобные слухи о гибели (или задержке) возможных спутников своего двойника, особенно обратив внимание на то, чтобы таковые слухи дошли до ушей его друзей и врагов. А на случай, если всего этого окажется недостаточным — официально объявил о появлении в стране самозванца и пообещал награду за любые сведения о нем. Таким образом, в умах людей возникла бы изрядная путаница, а настоящий король, если ему посчастливилось живым выбраться из-под Граскаала, непременно дал о себе знать, задев какую-нибудь из настроженных нитей западни.

И вот мы, возвращаясь в Аквилонию с гордым сознанием выполненного перед людьми и богами долга, со всего размаха угодили в расставленные силки. Наверное, кто-то присматривает за нами с небес, иначе сейчас мы бы точно уже находились в Тарантии. Причем отнюдь не по своей воле и в сопровождении десятка-другого гвардейцев, зорко следящих за тем, чтобы мы не вздумали удрать.

Наш отъезд из поселка Кюртен, что на границе Немедии и Пограничья, больше напоминал поспешное и суетливое бегство. Что, в общем, соответствовало истине. Да, мы удрали. Кажется, даже не расплатившись с владельцем постоянного двора под претенциозным названием «Немедийский дракон», где останавливались на отдых.

Именно в Кюртене мы получили неоспоримое свидетельство, что в Аквилонии уже почти пол-луны существует две короля, две неотлично схожих человека по имени Конан Канах. Мало того — граф Моррадин, к своему ужасу, выяснил, что двойника (или кто он там?), сопровождает его, графа Эрде, жена! Причем едет с ним по доброй воле, искренне принимаемая самозванца за своего давнего друга, Конана Киммерийца.

Это известие здорово подкосило всегда хладнокровного и сдержанного начальника Вертрауэна. Вернувшись с поста немедийской пограничной стражи, где он узрел в книге проезжающих собственноручную подпись своей супруги, вдобавок заверенную ее фамильной печатью, граф Эрде напился. Причем, как это происходит с людьми, редко потребляющими горячительные напитки, стремительно и почти до беспамятства.

Впрочем, мы все тогда были хороши, впад в какое-то мрачное и растерянное веселье. Я, например, с удивлением узнал, что погиб под обвалом в Граскаале и без долгих размышлений предложил устроить поминки по себе самому.

Закончились эти «поминки» из рук вон плохо. Конан внезапно решил, что сей же миг отправится в имевшуюся в бурге пограничную управу Аквилонии и докажет любому, посмевавшему усомниться, что он — настоящий король. С ним пошли Веллан и Тотлант, причем все трое были уже изрядно навеселе. Мне следовало бы их остановить, однако я не представлял — как. Кроме того, мне казалось, что все происходит не в реальной действительности. Это какой-то затянувшийся дурной сон. Сейчас я обязательно проснусь и увижу, что я у себя, в комнатах Тарантийского замка. Или, на худой конец, где-нибудь на постоялом дворе в Пограничье, и мы все едем к королю Эрхарду.

Но окаянный сон и не думал прекращаться. А из здравомыслящих людей рядом со мной остался только внезапно воскресший из Царства мертвых Эйвинд, который помог дотащить полубесчувственного и что-то бормочущего Моррадина до его комнаты наверху. Мы уложили его спать рядом с первой жертвой наших разудалых «поминок» — следопытом стражи Пограничья, оборотнем по имени Темвик. Я прислушался к невнятному шепоту графа Эрде и различил повторенное несколько раз имя — Ринга.

Правду говорят, что душа человека, даже самого близкого — потемки. Гномья душа, очевидно, более всего смахивает на крайне запутанные подземелья, залитые непроглядной темнотой. Мне даже в голову не могло прийти, что у начальника тайной службы Трона Дракона есть супруга! Причем, если верить Темвику, весьма молодая, красивая и своеобразная женщина, раз уж она сумела в одиночку добраться почти до укрытой непролазными снегами столицы Пограничья. Только вот зачем графине это потребовалось? Похоже, она целеустремленно гналась за нашим отрядом, но что она так торопилась нам сообщить? О чем хотела предупредить?

Я так и не успел придумать ничего подходящего, когда внизу грохнула дверь, вверх по лестнице загрели шаги бегущих людей, а затем голос Конана проорал: «Быстро! Уезжаем!»

Разбуженный криком Темвик приподнял голову, осоловело посмотрел на нас с Эйвиндом и спросил, что случилось.

— Ничего хорошего, — кратко ответил асир.

Оборотень согласно кивнул и снова заснул. Честное слово, я ему позавидовал.

Нам пришлось с лихорадочной быстротой собирать вещи, седлать коней и выбираться из Кюртена. Мы покинули поселение, миновав пост немедийской пограничной стражи, изрядно перепугав высунувшегося из дверей на грохот копыт стражника, и понеслись через невысокие Немедийские горы на закат, домой.

Только тогда я узнал, что на нас объявлена королевская охота. По этому поводу Тотлант многозначительно протянул «Да-а...», мигом протрезвевший Мораддин многозначительно промолчал, а Конан немедленно взбесился и заявил: дайте ему только добраться до Тарантии, а там он всем покажет! И этому новоявленному Конану — в первую очередь!

Я тоже промолчал. Во-первых, мне было ничего добавить к уже сказанному; во-вторых, мне было нехорошо. Не от выпитого в Кюртене вина и пива, а от ощущения довлеющей над всем полнейшей безнадежности. Казалось, кто-то управляет нами, и мы, как тряпичные куклы в руках бродячих фигляров, исполняем предназначенные дурацкие роли, говорим положенные слова и понятия не имеем, что за этим всем стоит.

Моему меланхоличному настроению изрядно способствовала погода. В Пограничье давно стояла настоящая зима — с искрящимися сугробами высотой поболее человеческого роста, с холодными пронизыва-

ющими ветрами и затяжными снегопадами. Здесь, на закатной стороне Немедийского хребта, была поздняя осень — слякотная, с мелким дождем, порой сменявшимся хлопьями мокрого снега.

Объездные дороги раскисли. Конан и Мораддин решили, что теперь опасно ехать по всем известным трактам, соединяющим Немедию и Аквилонию, и мы пробирались к столице какими-то полузабытыми проселками, ночуя то в облетающем, холодном лесу, то в расположенных на отшибе хуторах. Все были усталы, злы и молчаливы.

Это было нехорошее молчание, грозящее прорваться ссорой по любому, самому пустяковому поводу. Раньше бы я обязательно постарался что-то придумать, развеселить их всех, но, как уже было сказано, мне больше не хотелось смеяться.

Общей тоскливости не поддался, кажется, только Тотлант. Во время дневных перегонов и стоянок волшебник упрямо (и, надо сказать, не без успеха) втягивал нас в разговоры, строил предположения о том, с чем Конану придется иметь дело в столице, и пытался разгадать загадку подземной тюрьмы под Граскалем, на которую столь внезапно наткнулись мы с Велланом и где в течение почти двух лун обретался Эйвинд. Эта тайна заинтересовала и меня, но даже наши совместные размышления не принесли никакого определенного ответа. Эйвинд очень старался в точности пересказать нам все разговоры узников подгорного царства, но из этих сведений мы не извлекли почти никакой подсказки.

Разве что перечисленные Эйвиндом имена обитателей этой странной тюрьмы наводили на размышления... Тотлант, колебавшись, высказал догадку, что «Кхатти» может быть сокращенной формой имени «Кхаттрий». Именно так звали одного из правителей легендарной Кхарийской империи, жалким напоминанием о которой нынче служит Стигия. Сей Кхат-

трий, как поведал Тотлант, жил около полутора тысячелетий назад, когда Стобашенный Пифон еще не был разрушен ордами варваров («Извини, Хальк, твоих предков хайборийцев, но для кхарийцев они, разумеется, были не более чем говорящими животными на двух ногах...»), и прославился тем, что вел упорную и затяжную войну с зарождающимся Аквилонским королевством и, наконец, сгинул неизвестно куда.

— А упомянутая резня в Ретрике, помнится, произошла незадолго до его смерти и при его деятельном участии. Кхарийцы тогда истребили жителей окваченной восстанием довольно большой области, что располагалась где-то на месте нынешней Коринфии...

Слово «Ретрик» подтолкнуло мою начавшую было отлынивать память. В конце концов, во время пребывания в Обители Мудрости история входила в небольшое число моих любимых наук и я не пропускал почти ни одного занятия. Хотя, надо признаться, читавший ее преподаватель отличался редкостным занудством, заставляя несчастных слушателей вызубривать наизусть бесконечные списки дат давно отгремевших битв и родословные прервавшихся династий. Я сообразил, почему второе из названных Эйвиндом имен показалось мне очень знакомым. Ну конечно же!

— Алькой! Как я сразу не сообразил! Знаешь, Тотлант, наши высокоученые мудрецы до сих пор не могут прийти к общему мнению — был такой человек или нет. Но в некоторых летописях, особенно в самых старинных, датируемых первыми десятилетиями существования Аквилонии, это имя частенько встречается. Он и его младший брат или побратим Олайет — первые короли Аквилонии! То есть они, конечно, не могли по праву называться королями Аквилонии — страны-то еще толком не существовало, только объединенные полуночный Пуантен да земли вокруг Тарантии и Шамара. Так вот, Алькой был зачинателем так называемой «Мести за Ретрик» — походе соеди-

ненных войск будущих Аквилонии и Немедии на Кхарию. Он же, помнится, и возглавил этот поход. Дальше летописи расходятся — где-то утверждается, что Алькой погиб в бою, где — был взят в плен кхарийцами и, разумеется, казнен, а в некоторых списках говорится, будто он пропал без вести...

— Очень интересно, — после долгого молчания признал Тотлант. — Выходит, в этом странном подгорном собрании находились по меньшей мере два прославленных человека, в свое время исчезнувших неизвестно куда («Теперь-то понятно — куда», — мысленно добавил я.). Жаль, что Эйвинд ничего не может добавить относительно тех, кого он назвал «Стариком», «Тихоней» и «Нейкеле-Лисом». Меня, честно говоря, весьма заинтересовал этот «Старик»... И смотри, какая странная закономерность: эти трое, Алькой, Кхатти и «Старик», оказались в подземельях примерно в одно и то же время, в начале складывания Аквилонии. Если верить легендам, в те же времена жил святой Эпимитриус и вообще творилось много необъяснимых вещей... А о короле Алькое я кое-что слышал. Примерно то же самое, что рассказал ты, только, разумеется, несколько с другой точки зрения. — Стигиец смущенно хмыкнул, а я пожал плечами.

Ну да, сколько я знаю, Аквилония и Стигия воевали между собой, и не за обладание какими-то богатыми землями, дорогами или доходными городами, а во имя своих богов. Однако я не такой уж и рьяный митраист, а Тотлант не поклоняется Змею, так что какое это имеет к нам отношение?

— И еще мне весьма не понравился этот непостижимый Хозяин, — продолжил свою мысль Тотлант. — Надо же додуматься до такого — использовать людей в качестве рабочих лошадок, поглощая их мысленную силу. Единственная аналогия, которую я могу привести, — одна из малоизвестных сект Турана, адепты которой совершали чудеса с помощью силы своей

мысли. Правда, перед этим они жевали лотос, пока совсем не одуревали...

— Вы о чем там полный день шушукаетесь? — невесело поинтересовался догнавший нас Веллан. Выглядел оборотень изрядно приунывшим и вообще каким-то задумчивым, что ему было совершенно не свойственно.

— Обсуждаем загадки истории, — отозвался волшебник. — А о чем, позволь узнать, вы вели беседу с Его Величеством?

— Все о том же, — безнадежно махнул рукой Веллан. — Во что мы влипли и как нам из этого выпутаться. А еще — как нам незамеченными попасть в столицу и где поселиться в пределах города. Если тот, *другой*, — Веллана слегка передернуло, — не дурак, он наверняка распорядится, чтобы стражники на воротах и содержатели постоялых дворов и таверн сообщали, коли неподалеку появятся подозрительные личности. Ну, мимо городских ворот мы как-нибудь проскочим, а вот как быть с жильем? Не во дворец же идти — вот, мол, мы приехали, встречайте...

Внимательно слушавший нас Мораддин потер бородку, ненадолго задумался и, наконец сказал:

— Выход есть. Конан, подъезди ближе и выслушай меня.

— Ну? — буркнул король, заставляя лошадь идти шагом наравне с коньком Мораддина.

— Значит, так! — Граф Эрде огляделся, с тоской рассматривая голые безлиственные деревья. — Мы сейчас двигаемся вдоль немедийско-аквилонской границы на полдень. Скоро нужно будет повернуть к закату, и, насколько я помню, на нашем пути встретится первый крупный город.

— Верно, — кивнул киммериец. — Бельфор, владение герцога Шамарского. Центр торговли поваленным лесом. И нас там ждут не дожидаясь...

— Наверняка. — Мораддин улыбнулся уголком рта. — Конан, подумай сам. В Бельфоре торговые дома солидных купцов, стоят отряды кавалерии... Следовательно, тайная служба Немедии просто обязана содержать в городке нескольких конфиденентов. Они смогут нам серьезно помочь.

— Шпиончики, — проворчал Конан. — Лазутчики. Ищечки... Мораддин, когда кончится эта дурацкая история, я прикажу с позором выслать тебя из страны! И всех твоих... конфиденентов — тоже! Хорошо, поехали.

На следующий день отряд прибыл в Бельфор. Мы остановились на ночь в самом захудалом и дешевом клоповнике.

Пиво хозяин подавал разбавленное, мясо полусырое, а овощи подмороженными. Конан, правда, чувствовал себя здесь в своей тарелке — казалось, ему даже нравится окружение подозрительных небритых субъектов и тухлоглазых проституток, наводнявших обеденный зал. Однако мне было неудобно.

Граф Эрде ненадолго исчез, отправившись, как он выразился, «по делам». Взял с собой одного Тотланта, как человека выдержанного и спокойного. Вернулись они после заката. Мораддин созвал нас всех в холодное, обставленное грубой обшарпанной мебелью помещение, гордо именуемое хозяином таверны «гостевой комнатой», и, торжествующе улыбаясь, выложил на стол шесть свитков.

— Это что? — спросил Конан недоуменно.

— Наши новые документы. — Мораддин развернул первую бумагу и с некоторой издевкой в голосе прочитал:

— Почтенный месьор Рутгер, родом происходящий из Ванахейма, свободный кузнец, подвизающийся в Шамаре... Едет в Тарантию по торговым делам.

— Не понял, — помотал головой киммериец. — Ты про кого?

— Про тебя, любезный мой,— хихикнул Мораддин.— Теперь это ты. А впрочем, с бородкой ты очень напоминаешь уважаемого мастерового.

— Вдобавок из Ванахейма,— не преминул заметить я, зная, что киммерийцы терпеть не могут своих соседей с полуночи. Интересно, а кем Мораддин выставил меня на своих фальшивых подорожных? Я так прямо и спросил.

— Эти подорожные не фальшивые, а самые настоящие,— возмущенно ответил граф Эрде.— Бумаги, печать, подпись начальника стражи города сомнениям не подлежат. Просто туда вписали нужные, причем даже не вымышленные, а настоящие имена.

Таким образом, я оказался неким Арнерием из Боссонии — многученым советником какого-то захолустного графа.

Веллан был «Верготом, сыном Трога, наемником и телохранителем», Тотлант — «Хара из Шема, купеческим приказчиком» (волишебник ужасно оскорбился, когда узнал, что ему предстоит какое-то время быть шемитом, но промолчал), а Мораддин — «Теримом из Аграпура, ушедшим в отставку десятником войска императора Ездигера».

Больше всего повезло Эйвинду. Полагаю, граф Эрде со свойственным ему мрачноватым юмором специально упросил своего поверенного в Бельфоре вывести нашего молодого крестьянина не кем-нибудь, а... В подорожной Эйвинда черным по белому было прописано: «Харальд, сын Рутгера, родом происходящий из Ванахейма. Путешествует вместе с отцом в Тарантию».

— Та-ак,— протянул Конан, едва сдерживая смех.— Мораддин, как это понимать? Эйвинд, учти, я теперь твой отец! Остается только выяснить имя матери.

Эйвинд смущенно поклонился.

— Месьор,— сказал он.— Я не знаю, можно ли...

— Можно,— отмахнулся король.— Это ж надо — дожил до сорока лет и внезапно занял взрослого

сына! Воспитывать теперь бесполезно, наследства ему не полагается... Ладно, согласен.— Конан ободряюще похлопал Эйвинда по плечу и проникновенно сказал: — Терпи, дитя мое. Папа тебе достался с характером. Розгами сечь буду!

— Сдачи дам, отец мой.— Эйвинд наконец понял, в чем здесь игра, и расплылся в улыбке.— Хотя и нельзя родного отца поносить да рукоприкладствовать ему...

— Завтра с утра,— Мораддин решительно пресек добрую родственную беседу,— мы выезжаем. Через два дня будем у ворот Тарантии. Главное, чтобы нас не опознали в лицо. Конан, это было очень удачная мысль — отрастить бороду... Хальк, а ты, наоборот, побрейся. Остальные пусть оденутся поскромнее. Тотлант, ни в коем случае не носи свой балахон волшебника.

— Штаны,— поморщился стигийский колдун.— Ужасная одежда, варварская.— И тут же Тотлант добавил визгливым голосом торговца-шемита, которого обсчитал ушлый покупатель: — Пройдохи! Дети ослицы! И чем это, скажите на милость, вам пришлось не по нраву мой наряд?..

— Былитый шемит,— фыркнул я. Затея графа Эрде мне понравилась. Если вдобавок удастся раствориться среди тарантийской черни и не привлекать к себе внимания, то мы сумеем разведать, что происходит в столице.

Утром мы выезжали из Бельфора. Стража на заставе проверила подорожные, а я краем глаза углядел висящий на воротах торгового города приказ о поимке «человека, как две капли воды похожего на короля Конана».

Через день перед нами выросли темные башни тарантийских стен. Над городом главенствовал донжон королевской крепости, а над ним колыхались красно-золотое государственное знамя и белоснежный штан-

дарт с черным щитом, на котором был изображен вставший на задние лапы лев. Королевский штандарт. Знак того, что король находится в своей столице.

— Ублюдок, — рыкнул Конан, исподлбоя глядя на главную башню города. — Значит, он охмурил не только Паллантида, но и всю гвардию, канцлера и герцога Пуантенского. Король в городе... Пусть Митра и Кром ответят — кто я?

— Разделяемся, — скомандовал Мораддин. — Конан и Эйвинд войдут в Тарантию через Полуденные ворота. Я и Тотлант — через Восходные. Хальк и Веллан — через Речные. Месьоры, вам сейчас нужно будет свернуть налево. Встретимся, где условились.

Три пары всадников разошлись. План искушенного в тайных делах графа Мораддина начал исполняться. Я обязан был встретить всех у ворот городка Обители Мудрости, располагавшегося на закатном берегу Хорота, прямо напротив королевской крепости. Обитель — самое уважаемое учебное заведение от Кезанкийских гор до пиктских пуц — была идеальным убежищем. Она примыкала к огромному храму Митры, Дарителя Истины, и изначально была основана для обучения храмовых послушников. Позже туда стали почитать за честь прислать своих отроков самые родовитые семьи Аквилонии. Обитель сделалась, по сути, единственным местом в державе, где люди посвящали себя всевозможным наукам и искусствам, не делая ничего более. Храм существовал на щедрые пожертвования тех баронов, чьи дети обучались здесь, а кроме того ежегодно Обители щедро отсыпала золота королевская казна. Так было во времена Хагена и Вилера, и даже безумца Нумедида. Король Конан также не нарушил древний обычай, так что храмовая школа процветала по-прежнему.

Кроме того, каждый, находившийся на территории Обители, был неприкосновенен для властей города и подлежал лишь суду наставников и выборных слу-

шателей. Спасибо королю Эпамидонту, даровавшему Обители Мудрости невиданную привилегию! Ах, если бы старик Эпамидонт знал, как поможет далекому преемнику трона этот указ!..

* * *

О, Обитель Мудрости! Я провел в твоих стенах целых шесть лет, обучаясь многообразным наукам и постигая мудрость предков. С какой радостью я ушел из твоих стен! И с какой радостью я вновь возвращаюсь в постылую некогда обитель!..

Как я не опасался и не трепетал перед стражниками у ворот Тарантии, нас пропустили в город беспрепятственно. Подорожные графа Мораддина сработали, с нас взяли лишь небольшую пошлину за въезд в столицу, никак не обратив внимания на нашу внешность.

Мы с Велланом проехали через центральные кварталы Тарантии, пересекли замечательный каменный мост через Хорот и прибыли к городку Обители Мудрости. При входе в Обитель тоже следовало уплатить две медные монеты — «на поддержание наук». Заплатили. Веллан держал себя спокойно, но несколько недоуменно оглядывался — повсюду виднелись месьоры слушатели в коротких черных плащах, уважаемые наставники и жрецы, облаченные в пышные одеяния, разгуливали лоточники и вообще царила необычная для города непринужденная обстановка.

Конан, Мораддин, Эйвинд и Тотлант появились одновременно. Они церемонно внесли пошлину за вход в Обитель и направили своих лошадей к площади перед храмом Митры, где мы и назначили встречу.

— Куда едем? — поинтересовался король. — Хальк, ты, кажется, говорил, будто у тебя здесь остались знакомые? И они смогут приютить нас?

— Кстати, нам найдется что обсудить, — подал голос граф Мораддин. — Когда мы проезжали по городу, я услышал несколько интересных сплетен...

Хальк, отведи нас к своим друзьям. Требуется место, где мы останемся переночевать и очень серьезно побеседовать.

Я услышал в голосе Мораддина озабоченность и беспокойство. Значит, граф узнал о новой беде, свалившейся на наши головы...

Буквально только что я упоминал о нескольких долгих годах обучения в Обители. Когда человек живет в маленьком замкнутом мирке, у него обязательно появляются необходимые знакомства. С вопросами «Где достать лучшие зингарские чернила?», «Как найти списки сочинений немедийского военного историка Деллера?» или «Появились ли новые девицы в заведении матушки Лоншан?» нужно было обращаться к определенным людям, так называемым «вечным слушателям». Они учились в Обители не меньше десятка лет и полностью посвятили свою жизнь Храму. Их интересовала не сколько учеба, сколько само существование Обители Мудрости и ее беспечных учеников, неспособных толком позаботиться о собственном благополучии. «Вечные слушатели» находили комнаты в храмовом приделе, отведенном для жилья обучающимся, добывали для жрецов редкие книги или за определенную мзду позволяли неудачникам заранее узнать вопросы экзаменов. «Вечных» ценили все, начиная от ученика-первогодка и заканчивая самым почтенным наставником.

К одному из таких людей я и направил наш отряд. Я знал, что младший сын очень бедного дворянина из Пуантена, Робер — подвизавшийся в Обители без малого двенадцать лет и отлично помнивший меня по совместным попойкам — сумеет помочь. Он редко покидал пределы Обители Мудрости — стража Тарантии разыскивала его как торговца порошком черного лотоса и поддельными грамотами. Однако месьор Робер был вполне честным и способным помочь другу человеком...

Мы привязали лошадей к столбу возле длиннющего здания рядом с храмом, выкрашенного в темно-красный цвет и украшенного желтовато-белыми фальшивыми колоннами. Я попросил остальных подождать внизу и отправился в гости к Роберу.

Деревянная скрипучая лестница привела меня к обшарпанной двери. Я постучал, некоторое время дожидаясь ответа, затем снова обрушил на поеденные жучком створки свои кулаки.

С той стороны зашевелились и явно измененный с мужского на высокий женский голос спросил:

— Кто там? Месьора Робера нет дома, и я не знаю, когда он вернется!

— Хальк, по прозвищу Книжник! — отрекомендовался я, добавив кличку, присвоенную соучениками за годы учебы.

— Да? — переспросил тот же голос и после некоторого размышления осведомился: — А скажи-ка, что ты подложил на кресло уважаемому наставнику Корнелию в первый же день учебы?

— Ужа, которого мы с тобой поймали накануне. — Я мигом вспомнил эту старинную шутку. Как тогда визжал наставник Корнелий, обнаружив на своем кресле черную змейку! — Робер, это действительно я, Хальк! Открой, у меня серьезные неприятности.

Створка чуть приоткрылась, и на меня глянула небритая сероглазая физиономия «вечного слушателя».

— О, — сказал Робер. — Действительно, Хальк! Проходи... А в чем, собственно, дело?

Великий Митра! Никогда не думал, что нескольких совмещенных между собой комнат можно превратить в такой бардак! На полу, шкафчиках, столах лежали книги и свитки, перемежаемые графинами с очень дорогим вином (такое даже мне, королевскому библиотечарю, не по карману...). Здесь же я обнаружил несколько мечей иранистанской работы. Последние стоили огромных денег, каждый — не меньше десяти

тысяч золотых. Мечи были свалены небрежной грудой в давно погасшем камине. На том, что могло именоваться рабочим столом, валялись свитки с печатами Обители и дешевые безделушки, изображавшие змеиное воплощение Сета, Диски Митры и священные отмычки бога жуликов — Бела..

Словом, эта было обычное жилье «вечного слушателя», готового угодить всем и вся, лишь бы получить прибыль. В соседней комнате кто-то шебуршился и я, скосив взгляд, увидел лениво натягивавшую нижнее платье. Видимо, я нарушил уединение сих молодых людей. Ничего, переживут.

— Робер,— проникновенно сказал я, глядя в серые и до отвращения честные глаза старого приятеля.— Меня и моих друзей ищет городская стража. Нам срочно нужно где-то укрыться. Ты сумеешь найти три комнаты в доме для слушателей? Шесть человек. И ни одного вопроса.

— Конечно,— без всяких раздумий ответил Робер.— Один золотой за ночь с человека. Полная обслуга. Никто ни про что не узнает, если не будете буянить. Задаток вперед за пять дней.

— Живодер,— я снял с пояса кошельки и отсчитал тридцать новеньких золотых.— Давай ключи.

— Ключи? — поднял бровь Робер.— Получишь у сторожа. Дашь ему золотой и скажешь, что пришел от меня. Надеюсь, ты не укрываешь убийц или злодеев короны?

— Я теперь сам злодей короны.— Монеты пересыпались в ладонь «вечного слушателя».— Просил же — никаких вопросов!

— Конечно,— слегка наклонил голову Робер.— Мы все-таки друзья. А кроме того, ты платишь и не торгуешься. Комнаты будут на этом этаже, сразу за моим покоем. Сторож знает, что при появлении подозрительных людей нужно будет сообщить мне, а я изведу вас. Ты знаешь, как тайно выйти из Обители?

— Разумеется.— Я помнил тайный подземный ход, прорытый слушателями за ограду храма лет семьдесят назад.— Робер, ты должен молчать, уразумел? Именно за это мы тебе платим деньги.

— Я понял, понял.— Робер вежливо, но настойчиво выпроводил меня за дверь.— Будете моими гостями. Если нужно — приходите. И, желательно, вместе с замечательными золотыми кругляшками.

Он потряс ладонью, и переданные мной золотые благозвучно звякнули.

Я снова удостоверился, что с Робером можно иметь дело. Но только до времени, пока ему не заплатят больше наши враги...

Внизу, на первом этаже, я быстро переговорил со сторожем. Последний, заполучив блистающий солнечной желтизной золотой, безоговорочно выдал мне ключи от трех комнат на втором этаже и посоветовал препроводить лошадей в конюшни Обители. Половина золотого за день. К счастью, у нас было достаточно денег, чтобы оплатить непомерные запросы конюших.

Золото — всегда золото. Я не знаю, как Робер сумел организовать обед на шестерых человек, доставленный из близлежащей таверны двумя очаровательными молодыми простутками. Они постучались в нашу комнату, поставили закрытые крышками горячие котелки на стол и сказали, что заберут посуду ближе к вечеру. Конан проводил девиц оценивающим взглядом. Веллан, кстати, тоже строил им глазки.

Комнаты были не столь уж плохи. Обстановка скромная — в каждой две кровати, стол и книжный шкаф, но здесь мы могли чувствовать себя в безопасности. Королевские стражники не имеют права входить на территорию Обители, а если здесь скрывается преступник, то передать его властям Тарантии может только суд жрецов храма. Однако на нас это право не распространялось — мы находились под защитой Робера и древних уложений об Обители Мудрости.

Едва на столе разместились дешевая глиняная посуда и красавицы-хозяйки расставили кушанья, Мораддин отослал девиц, запер двери на засов и, налив в медную чару довольно неплохого пуантенского вина, провозгласил тост.

— Месьоры! — Граф Эрде поднял кубок над головой. — С возвращением в Тарантию! Думаю, что главное дело нашей жизни исполнено. Небесная гора разрушена, и ее порождения убиты. Теперь можно заняться разнообразной мелочью. А именно — вернуть королю Конану его трон. Трон, занятый сейчас неким двойником. Но не просто двойником, а созданием, которое в точности повторяет любимого нами всеми киммерийца по имени Конан...

— Спасибо, — фыркнул король. — А дальше?

— А дальше? — Мораддин нахмурился. — Давайте выпьем за возвращение твоего трона и твоей короны, а равно за Аквилонию.

Когда красное вино сладкими струями потекло в наши глотки, граф Мораддин с размаху опустил медный сосуд на стол и очень жестким, тяжелым голосом сказал:

— Я понимаю, что ты, Конан, станешь истинным королем лишь через несколько лет. У тебя сейчас очень мало опыта. Однако основы будущего закладываются сегодня. А нынешний день предстал очень трудным. Конан, ты знаешь, что твоя страна уже две седмицы готовится к войне? И что именно ты отдал приказ о сборе войска?

— Что-о? — Конан вскочил, едва не перевернув стол. — Какого демона? Какая война? С кем? Аквилония не враждует ни с одним из пограничных государств! Мораддин, скажи им, что Немедия не хочет с нами войны!

— А Немедия и не хочет. — Мораддин сжал в руке кубок. — Некое существо, ставшее тобой самим и ныне занимающее трон Аквилонии, ведет государства За-

ката к страшным бедствиям. Если мы не предотвратим надвигающийся ужас, рухнет не только Аквилония, но и моя страна — Немедия, и все спокойствие и благочиние на Закатном материке.

— Мораддин, объясни подробнее. — Киммериец совладал с собой и вновь уселся на деревянную скамью. — Что происходит в городе? Кто занял мой трон? Почему меня, истинного и признанного короля Аквилонии, травят как лисицу охотничьими собаками? Я проезжал через город и видел указы... — Конан скривил жуткую физиономию и продекламировал не своим голосом: — «О задержании человека, очень похожего на короля Конана»...

— Давайте я выскажу свои мысли. — Мораддин вновь был спокоен и невозмутим. — Перед тем, как приехать в Обитель Мудрости, мы с Тотлантом прокатились по городу. И вот что узнали...

* * *

Новости, о которых поведал нашей притихшей компании граф Эрде, оказались неутешительными. Более того — совершенно обескураживающими. Аквилония действительно активно готовилась к войне. К войне с Офиром.

И этого мало — начинание короля было с восторгом воспринято всеми жителями столицы, от черни и купцов до дворянства и гвардии. Все дружно прославляли короля, наконец-то решившего всем доказать, что Аквилония была и остается главенствующей державой среди Закатных стран. Армия рвалась в бой, велся набор добровольцев из горожан, в столицу съезжались мелкопоместные бароны со своими дружинами, тоже желавшие принять участие в общей заварушке и урвать долю добычи.

Выдвинутый в качестве оправдания для начала боевых действий повод для меня прозвучал несколько неубедительно: мол, Офир намеревается силой

захватить полосу аквилонских земель, лежащую между его границей и Тайбором, а потому мы вынуждены нанести упреждающий удар. Начало этому удару уже было положено — обыватели увлеченно громили многочисленные лавки офирских купцов. Никто не сомневался, на чьей стороне будет победа, и тарантийская гвардия бурлила в ожидании приказа сниматься с места и двигаться на полдень, к Тайбору...

— Самое смешное в том, что вы можете и победить, — сказал граф Эрде, закончив излагать свои соображения. — У Аквилонии имеется отлично выученная и подготовленная армия, а последние военные действия в Офире велись лет сто назад. В таком случае налицо видимый успех: Аквилония обретает выход к богатейшим золотым рудникам Офира. Соответственно, снижаются налоги и подати, а мнение народа о короле взлетает на такую высоту, что и представить трудно.

— Почему «видимый успех»? — спросил Тотлант. — Выходит, этот двойник в первую очередь заботится о благе страны? Тогда его действия начинают изрядно противоречить общепринятой манере поведения временного правителя — успеть насладиться властью, набить свой кошелек и удрать.

— Потому, что с золотом Офира можно развернуться дальше, — мрачно сказал Конан. — И еще потому, что через Офир открывается прямая дорога... куда? Правильно, в Немедию! Мораддин, сколько лиг от Ианты до Бельверуса?

— Четыре дня конного пути, — отозвался граф Эрде. — Для армии — немного больше. Но с захватом Офира Аквилонию и Немедию больше не будет разделять труднопроходимый горный хребет... А кто может предсказать, что в голове у этого существа, куда оно захочет пойти дальше? Однако, месьюры, какая расчетливость! Конан, если бы я не знал, что ты находишься здесь, я бы сказал, что это в точности твои

действия. Только несколько преждевременные и ничем не оправданные. Вот лет через пять, если твое правление пойдет успешно... Хотел бы я знать, действует этот человек в одиночку, на свой страх и риск, или за ним кто-то стоит?

— Но зачем все это нужно? — не понял я. — Зачем столь странным способом отстранять от власти подлинного короля? Только чтобы немедля затеять войну? Почему бы в таком случае просто не убить Конана?

— Простое решение не всегда есть самое лучшее, — назидательно ответил Мораддин. — Насильственная смена власти, как я уже стократно говорил, вызовет изрядные волнения в народе и дворянстве. А Конан, несмотря на множество его недостатков (извини, но так оно и есть!), пользуется искренним уважением большинства своих подданных. Легче использовать имя киммерийца, чем устранять его самого. Наш противник, видимо, рассчитывает, что мы надолго задержимся в Пограничье, а при попытке выбраться за пределы владений Эрхарда непременно угодим в его ловушки. Нам повезло — мы почти беспрепятственно добрались до Тарантии... Вопрос в том, что делать дальше. Чего бы я не дал за возможность хоть приблизительно разузнать обстановку во дворце... — задумчиво добавил граф, заново наполняя свой кубок. Почти все последовали его примеру, а меня словно что-то дернуло за язык:

— Не так уж это и трудно, как кажется.

— Да? — хмыкнул король. — И что ты предлагаешь? Мы ведь не можем и носа высунуть за ворота храма!

— Правильно, — согласился я. — Ваше Величество действительно не может — слишком уж нос приметный. Веллан, Тотлант и Эйвинд совершенно не знают города. Граф Эрде способен затеряться в любой толпе и, полагаю, он неплохо осведомлен о том, что и где расположено в Тарантии. Однако граф понятия не

имеет о многих уютных местечках, где порой можно услышать кое-что интересное...

— А ты, надо полагать, имеешь? — перебил меня Конан. — Хальк, ты не забыл, что в указе о нашей поимке даны и твои приметы?

— Не забыл, — отмахнулся я. — Но я не забыл и другое. В этом списке нет примет Эйвинда, никто же не предполагал, что он останется жив! Если мы отправимся вместе и со мной что-нибудь случится, Эйвинд наверняка скроется незамеченным и вернется к вам. Эйв, пойдешь со мной?

Асир молча кивнул. Конан еще поворчал, утверждая, будто я сам лезу навстречу своей смерти и ничего хорошего из моей задумки не выйдет, но согласился с Морадином, сказавшим, что мы не можем всю жизнь отсиживаться в Обители и надо начинать действовать.

Мой план был весьма прост: я всего-навсего хотел наведаться в «Старый шлем». Эта таверна в квартале от дворца, частенько посещаемый свободными от службы королевскими гвардейцами.

В «Шлеме» всегда можно узнать последние сплетни и новости из дворца, и потому я рассчитывал, что услышу там все подробности о грозящей вот-вот разразиться войне, о возвращении «короля Конана» из Пограничья, а также о том, не было ли связано с этим возвращением каких-либо странностей.

Единственное, чего я опасался, — наткнуться в таверне на кого-нибудь из знакомых. Вот была бы досада. Ну, положимся на удачу, глядишь, все обойдется.

И мы с Эйвиндом отправились в «Старый шлем», оставив друзей терпеливо дожидаться нашего возвращения.

Проезжая через Тарантию к Обители, я больше был озабочен собственной безопасностью и не слишком обращал внимание на происходящее вокруг. Однако, едва мы с Эйвиндом миновали ворота храма и окунулись в беспрерывно гомонящую, оживленную и пест-

рую толпу тарантийцев, я начал приглядываться повнимательнее. Вообще-то никаких особых отличий не замечалось. Торговцы ссорятся с прижимистыми покупателями, солидные усатые стражники медленно обходят улицы, держа ладони на рукоятках коротких мечей, спешат за покупками домохозяйки и служанки богатых месьоров, нищие громко благословляют Митру, а с ним и каждого, кто подаст монетку...

И в то же время...

Эйвинд (уж на что деревенщина!) и то углядел некое радостное оживление, царившее на улицах Тарантии. Он по-прежнему отбивал поклоны встречавшимся по пути храмам Митры, шарахался, будто от ядовитых змей, от уличных шлюх, и робко сторонился городских патрулей — словом, вел себя как настоящий провинциал, прежде лишь один раз побывавший в столице. Но почуять общее изменение в настроениях горожан сумел безошибочно.

Подойдя ближе к центру города, мы получили реальное подтверждение наших догадок. Неподалеку от огромных дверей, ведущих в Купеческое Собрание Аквилонии, стояли вербовщики. Три десятника, возглавляемые сотником — эдаким настоящим бравым воякой с темно-рыжими, лихо закрученными усами и начищенной кирасой.

— ...Король Аквилонии зовет своих подданных к победе! — широко разевая рот, надрывался самый молодой и голосистый десятник. — Жалованье — ползолотого за седмицу! Кормежка из полкового котла! И доля в военной добыче!

Мы оказались совсем рядом с ними, и вербовщики мгновенно углядели возвышавшегося над остальными горожанами Эйвинда. Асир, как я уже упоминал, был не просто высоким и широкоплечим, а воистину здоровенным — рост огромный, мощные жилистые руки, короткая толстая шея и удивительно простецкий взгляд. Чем не пикинер?

— Эй, парены! — зашелся криком вербовщик, размахивая руками и потрясая кошельком с монетами. — Хочешь завоевать славу, любовь женщин и богатство?

— Э-э... — осторожно протянул Эйвинд. — А кто ж не хочет, месьор?

— Послужи своему королю и получишь все, что желаешь! — посулил сотник. — Записывайся — не пожалеешь! Задаток — целых пять золотых!

Эйвинд остановился с открытым ртом, не совсем точно понимая, что от него хотят, и я решил немедленно вмешаться.

— Месьоры, во-первых, этот человек — не аквилонец, а подданный короля Пограничья Эрхарда. Во-вторых, он со мной.

Военный неодобрительно посмотрел на меня, но все понял моментально.

— А-а... — сказал он. — Из Пограничья? Государь Конан тоже недавно вернулся оттуда. Слышали, как он извел подземных чудищ?

— Во всех подробностях, — сквозь зубы процедил я. — Однако, милейший, ты не мог бы рассказать, почему объявлен сбор войска? Мы приехали в столицу недавно, из провинции, последних новостей не знаем....

— Все проклятые офирцы! — рявкнул сотник, адесятники дружно закивали. — Хотят оттяпать кусок наших исконных земель! Вот король и собирается объявить войну Амальрику. Государь, как две седмицы назад вернулся с полуночи, сразу начал собирать войска. У зингарских мастеров осадные орудия заказаны... Держитесь, офирцы! — Легионер помахал кулаком в воздухе. — Слышали, наверное, месьор, что вчера герцог Просперо уехал с посольством в Немедию?

— Зачем? — ошарашенно переспросил я. Эйвинд тихонько сопел за моим плечом.

— Разве не знаете? — прогудел сотник удивленно. — Просить союза у Нимеда! Вместе Офир под орех разделаем! А там и кофийцев прижмем, а с ними

шемитов... Нет, король Конан — мудрый человек, хотя и варвар! Я это всегда говорил...

Я на некоторое время застыл с открытым ртом. Ну ничего себе! Вот Мораддин удивится! Аквилония с Немедией всегда придерживались вечной мудрости: ты меня не трогай, и я тебя не трону. Но если хотя бы косо помотришь в мою сторону — быть драке!

А теперь союзниками стать решили... Вернее, не «решили». Этот диковинный союз навязывается волей неизвестного создания, ныне обретающегося в Тарантийском замке под видом нашего киммерийца. Но каков хитрец! Он опередил нас только на четырнадцать дней, а уже начал собирать армию, резко изменил внешнюю политику, а судя по разговорам в толпе, понизил налоги для обывателей: мол, победим Офир, у каждого золота будет в достатке. Чернь, разумеется, довольна, и на каждом углу славит государя, совершенно не подозревая, что настоящий король сидит сейчас в скромной комнатке в Обители Мудрости и ждет моего с Эйвиндом возвращения.

— Ого! — послышался возглас сотника. — Гляньте, месьоры из королевской гвардии пожаловали! Благородный месьор, и ты, человек из Пограничья, посторонитесь, дайте проехать месьору гвардейцу!

Я машинально отступил на два шага вправо и мельком взглянул на подъехавший кортеж, составленный из четырех Черных Драконов во главе с десятником. Десятником?..

Я встретился с ним глазами, и тотчас в голове проскочила паническая мысль: «Все. Мы пропали...»

Быстро обернувшись, я незаметно дернул Эйвинда за рукав и прошептал:

— Что бы ни случилось, мы не знакомы. Отойди в сторону.

Сообразительный крестьянин из Пограничья притерся к стене дома и с преувеличенным вниманием начал разглядывать яркие картинки на столике улич-

ного торговца лубками. Однако по тому, как он косился в мою сторону, я понял — Эйвинд по-прежнему сохраняет внимательность и настороженность.

Надо же было такому случиться! Проверять вербовщиков заявился мой троюродный брат. Тот самый барон Стагис, что встречал нас по приезде из Ямурлака у ворот королевского замка. Пускай я сбрил свою короткую бороду и надел более простую одежду, Стагис узнал меня мгновенно.

— Ты что здесь делаешь? — Барон наклонился с седла, словно желая рассмотреть меня поближе.

Прикидываться, что мы незнакомы, было бесполезно. Кроме того, двое Черных Драконов из сопровождения Стагиса тоже были моими приятелями.

— Знаешь, — медленно начал я выдумывая ответ. — Вот захотелось прогуляться по городу...

Барон нагнулся еще ниже и шепнул мне на ухо:

— Извини, я понимаю, что мы родственники и против тебя я ничего не имею, но вышел приказ... И этот приказ не только у меня, а у всей гвардии, тайной и охранной службы Тарантии. Извини еще раз...

Барон Стагис выпрямился в седле и указал на меня взглядом своим сопровождающим.

— Это Халък, барон Юсдаль, разыскивается по приказу короля и барона Гленнора... Задержите его.

Крупные широкогрудые кони гвардейцев взяли меня в плотный треугольник. Я понял, что учинять драку бесполезно — против четверых гвардейцев и готовых прийти к ним на помощь вербовщикам мы с Эйвиндом не выстояли бы. Поэтому я спокойно и с достоинством отцепил с пояса меч и протянул его рукоятью вперед.

— Я могу узнать, каково обвинение? — спросил я, глядя прямо в смущенные, но жесткие глаза Черного Дракона.

— Нет, — отрезал Стагис. — В распоряжении короля говорится, что тебя следует лишь подвергнуть

аресту и препроводить в Железную башню. Ни одного слова об обвинении.

Мне ничего не оставалось делать, как пойти вслед за лошастью моего дальнего родственника. Короткие пики остальных Черных Драконов были наставлены на мою спину и едва не касались одежды.

— Кого поймали? — услышал я голос из площадной толпы.

— Офирский шпион! — ответила какая-то женщина. Судя по склочным ноткам, проскакивавшим в ее речи, базарная торговка.

— Повесят, — усмехнулся кто-то из проходивших мимо мастеровых. — И поделом!

Я просто шел вперед, безучастно глядя перед собой. Хвала Митре, у Эйвинда хватило ума не ввязываться, а вербовщики забыли, что я представил его своим сопровождающим. Теперь главное, чтобы молодой асир добрался до Обители Мудрости и рассказал обо всем Конану.

Но кто теперь ответит: что со мной произойдет дальше? Отчего в указе нет обвинения в государственной измене, в способствовании заговорщикам или в тайной деятельности на благо чужой страны? Прямо как во времена Нумедидеса — арестовали на улице, препроводили в Железную башню... В те времена людей, попадавших туда, больше никто никогда не видел.

Однако мы еще поборемся. Уверен, Конан и наши друзья не оставят меня в беде. Только бы они успели вовремя!

* * *

— Эй! — Я забарабанил кулаками в обшитую стальными пластинами дверь с небольшим глазком. — Принесите пожрать, мерзавцы! Эй, есть кто живой?

Тишина. Похоже, я здесь единственное живое существо человеческого рода. Мои соседи — голодный паук да несколько мокриц унылого вида.

Великий Митра, что бы сказала моя возлюбленная матушка, узнав, что младший отпрыск сидит в самой надежной и тщательно охраняемой тюрьме для государственных преступников?! Если я поселился здесь надолго, то власти обязаны будут сообщить родственникам, чтобы переводили деньги на содержание. Матушка сначала разрыдается, потом взъеряется, а следом заявит, что не даст и единого золотого для такого обормота, как я...

В общем, скверно у меня на душе. Грустно. Есть, опять же, хочется.

Свет, проникавший через маленькое окно, забранное кованой решеткой, начал меркнуть. Наступило время заката. В камере нет ни факела, ни лампы, значит, всю ночь придется сидеть в крошечной тьме.

Жуткий холод. Насколько я успел сообразить, меня отправили в закатное или приречное крыло Башни, и посадили в камеру на первом этаже. Если тщательно прислушаться, можно различить плеск волн Хорота, разбивающихся о фундамент крепости. Пористый камень, из которого она выстроена, отлично впитывает влагу и потому в камере сыро. Слизистые потеки на стенах, зеленовато-синяя плесень... Одним словом, самое неподдельное «узилище страшное», как это пишется в исторических трактатах и воспоминаниях людей, некогда побывавших здесь.

Барон Стагис, сохранявший на лице неприступное и невозмутимое выражение, привел меня к воротам Железной башни незадолго до шестого полуденного колокола. По его вызову в караулку спустился некий месьор Квинтил, неизменный хозяин главной тарантийской тюрьмы за последние тридцать два года. Он занимал эту должность со времен короля Хагена, отца Вилера. Пережил их обоих, трудился и при Нумедидесе...

Да и Конан решил не менять никого в Башне, когда сел на трон. Квинтил отлично знал свое дело и за последние три десятка лет из башни было совершено толь-

ко два побега — один заключенный, выведенный на прогулку на стену крепости, прыгнул в Хорот и уплыл, а Конан, тоже освятивший своим пребыванием эти почтенные стены несколько лет назад, видимо, сумел подкупить охрану. Если выберусь отсюда — обязательно расспрошу короля об этой истории, случившейся вскоре после битвы с пиктами при Велитриуме...

Стагис, передав меня страже Железной башни, незаметно поклонился мне и развернул коня. Я заметил, как в его взгляде проскочила искра сожаления. Ладно, не буду на него обижаться. В конце концов, барон только выполнял свой долг перед королем. Вернее, перед тем, *кого он считал королем*.

Квинтил молча, лишь жестом руки, пригласил меня следовать в дом. Два стражника с обнаженными саблями двигались позади. В приемном покое меня усадили в донельзя протертое кресло (я ужаснулся, представив, сколько людей сживали на нем), а месьор Квинтил, усевшись за стол, взял бумагу.

— Итак? — Он поднял на меня взгляд больших темных глаз и пригладил рукой седовато-желтые волосы. — Хальк, барон Юсдаль?

— Да, — подтвердил я. — За что меня арестовали?

— Отвечать только на мои вопросы, — бесстрастно сказал тюремщик. — Лишних слов не говорить.

Он обмакнул перо в чернильницу. Далее последовала долгая и ужасно нудная процедура: когда и где родился, кто отец и мать, есть ли права наследования на поместье, в какого бога веруешь, род занятий, последнее место государственной службы и так далее. Я честно отвечал. Интересно, что не прозвучало ни одного вопроса о моем недавнем путешествии в Пограничье, равно как и о моих друзьях. Если они не проявляют излишнего любопытства — значит, еще не все потеряно. Или вся компания во главе с Конаном давно попалась...

Некоторые вопросы привели меня в полное замешательство. Я даже был готов рассмеяться, когда ме-

сьор Квинтил спросил, по какому обряду следует хоронить Халька из Юсдаля в случае преждевременной смерти в тюрьме? По митраистскому или же иштарийскому?

— Как угодно, — усмехнулся я. — Я пока умирать не собираюсь.

Квинтил и ухом не повел, что-то чиркнув на своем пергаменте. Наконец он свернул документ в трубочку, засунул его в ящик стола и сказал в воздух, ни к кому не обращаясь:

— Приречное крыло. Строжайший надзор.

За моей спиной выросли двое стражников. Перед тем как отправить в путешествие по темным и пахнущим мхом коридорам Железной башни, меня обыскали. Отобрали деньги, баронское кольцо, поясной ремень и коротенький ножик для разрезания книг. Все вещи вместе с оставленным бароном Стагисом мечом сложили в мешок и куда-то унесли.

Вот я и сижу в камере уже несколько колоколов и представления не имею, что со мной будет дальше. Вообще-то в городе про Железную башню ходило множество жутких слухов: мол, по приказу влиятельных особ здесь могут и глаза выколоть, и удушить ночью... Не понимаю, что потребовалось от меня существу, завладевшему тронном королевства?

Скорее всего, оно хочет уничтожить всех возможных свидетелей, чтобы беспрепятственно править дальше. Из чего делается вывод: ваш покорнейший слуга останется здесь очень надолго, если не навсегда...

— Эй! — Я прислонился к двери спиной и начал пинать ее пятками. — Кормить узников вы обязаны! И принесите теплое одеяло!

Скрипнула круглая деревяшка, закрывавшая глазок. К двери кто-то подошел.

— Молчите, — донесся тихий голос. — Ужин будет после десятого колокола. И лишних одеял не полагается, у вас есть одно.

Как же! Одеялом это можно называть только в насмешку. Кусок побитой молью тряпки, под которым не может укрыться и десятилетний ребенок — настолько маленький! Одно хорошо — ужин все-таки скоро принесут. Интересно, чем они здесь кормят?

— Будете шуметь — командир стражи коридора прикажет заковать в кандалы, — пригрозил находившийся за дверью стражник. — Или перевести в подземные этажи. А в тех камерах — воды по колено.

— Тогда я не буду шуметь — Я отошел и сел на узкую деревянную кровать. Тьфу, ублюдки!

Я несказанно обрадовался, когда очень издали донеслись десять ударов колокола с храма Митры, стоявшего во дворе тюрьмы. Туда вели неопасных заключенных. Отлично! Значит, скоро принесут поесть!

Рано радовался. Вот прозвонили первую четверть, затем вторую, я задремал и проснулся лишь когда отбивали полночь. Еду никто не принес. Они что, меня голодом хотят уморить?

Вдобавок я пить захотел. И еще кое-чего, о чем при дамах не упоминают.

Наконец-то! Запуршал отлично смазанный засов, тихо звякнула снаружи связка ключей. Но вдруг у меня заколотилось сердце — а если это убийцы? Задушат или зарежут, а может быть, оттащат в пыточную, вызнавать, где находятся мои приятели-заговорщики... Не скажу, что я умею хорошо драться кулаками, но хотя бы пару синяков я им сумею поставить, прежде чем умру! Или вцеплюсь зубами в шею...

Но нет, рано напугался. Дверь распахнулась, за ней стояли двое, виднелся деревянный столик на витых ножках и тележка со столовым прибором.

Ничего себе! Это что, специально для меня или так кормят всех заключенных? Безмолвные стражи Железной башни внесли стол в мою камеру, накрыли парчовой скатертью, поставили серебряные тарелки, два шандала со свечами, кувшины с символом пуан-

тенских виноделов и несколько блюд, накрытых серебрястыми начищенными крышками. Притащили два кресла. В камере сразу стало уютнее, а у меня аж слюни потекли.

Тюремные служки вышли, однако дверь почему-то не закрыли. В полутемном проеме виднелись стражники, остававшиеся в коридоре. Меня так и подмывало усестись за стол и начать долгожданную трапезу. Но постойте... Почему накрыто на двоих? У меня что, будут гости? Только бы не моя матушка! Тогда лучше сразу повеситься, мучений меньше... Впрочем, разве могла она столь быстро приехать из поместья?

В коридоре раздались шаги. Твердые, уверенные. Но что самое интересное — эта походка мне была знакома.

— Прикройте дверь, — произнес низкий голос, обращенный к стражникам. — И марш отсюда! Будете подслушивать — вздерну.

Я обессилено опустился в предложенное тюремщиками кресло. Руки почему-то дрожали.

* * *

— Привет, Хальк! Извини, пришлось задержаться...

Это он! Конан! Самый настоящий! Его речь, которую не спутаешь ни с чьей другой, его руки со шрамом на тыльной стороне правой ладони, прищур его глаз, его манера отбрасывать пальцами волосы со лба и кривить угол рта в усмешке... Даже серьга в ухе — его любимая, простое тонкое золотое колечко с единственным синим камешком.

Только откуда он тут взялся?

Сказать, что я был поражен, — значит, ничего не сказать. Конан, не обращая внимания на то, что я превратился в сидячую статую, прошелся по камере своей чуточку тяжеловесной, но одновременно очень упругой походкой, потрогал влажные стены и ругнулся по-киммерийски. Это словечко, «льюги», я слышал от

него много раз и произносил он его всегда с одинаковой интонацией.

— Я, кажется, им приказал, чтобы посадили в нормальную камеру, — ворчал Конан. — Уж прости, Хальк, что так вышло...

— Грозили в кандалы заковать, — слабым голосом наябедничал я. — Конан, я полагал, ты с остальными...

— В кандалы! — воскликнул варвар. — Сетовы отродья! Ты что, буянил, бестолочь?

Он отодвинул свое кресло и уселся за стол напротив меня. Налил вина (разумеется, только себе — у него привычка такая) и неожиданно замолчал.

«Все боги мира и Бог Единый, что могло произойти за время, пока я отсутствовал в Обители Мудрости? Либо они пошли, взяли штурмом дворец и пришибли самозванца, либо... Ой, нет... Почему он сказал про то, что приказал выделить мне хорошую камеру? Мама дорогая, что происходит? Кто это?»

— Вина хлебни, — хмыкнул король. — Что-то ты бледный. Посидел полдня в Железной башне и сразу в уныние впал. Хальк, очнись!

— Здравствуй... Конан, — выдавил я. — Ты как сюда попал?

— Через дверь, — спокойно ответил киммериец. — Кстати, тебе привет от Эвисанды. И от графини Эрде.

— Что-о? — У меня отвисла челюсть, и я едва сдержался от того, чтобы не шарахнуться в сторону от человека, которого неплохо знал и всегда считал одним из самых благоразумных и честных людей из многих встреченных в моей жизни. — От кого?

— От графини Эрде, Ринги, жены Мораддина, — не меняя уравновешенной интонации, повторил Конан. — Эй, эй, Хальк, насколько я тебя знаю, ты никогда в обморок не падал! Я тебе, кажется, сказал — выпей вина.

Ничего не чувствуя губами я коснулся краешка кубка и сделал несколько глотков. Вкус не ощущался, будто это было не вино, а вода.

— Ты кто? — наконец проговорил я, осмелившись взглянуть в такие знакомые, чуть насмешливые синие глаза киммерийца. — Или ты мне морочишь голову, или... Я не знаю, что думать.

— Я? — хохотнул варвар. — Я король Аквилонии, Конан Киммериец, из Канахов. А что же до моей истинной сущности...

Он скорчил рожу и удивительно тоненьким голосом пропищал:

— *Я Тицо. Я маленький. Я долго спать.* — Конан снова изменил голос на свой обычный и, едва сдерживая смех, добавил: — А сейчас я проснулся и хочу вам всем показать, что значит быть настоящим королем!

Вот тут я и потерял сознание.

...Здравствуйте, пожалуйста. Я лежу на жесткой тюремной кровати, с краешку примостился Конан и правой рукой треплет меня за щеку, левой сжимая кубок с вином. Ну и сон приснился! Хотя постойте, почему я остался в этом сне? Говорят, именно таким образом и сходят с ума...

— Поднимайся! — слегка раздраженным тоном сказал варвар. Или это не варвар? — Еще раз прости, что я не объяснил все с самого начала. Нормально себя чувствуешь?

Я кивнул.

— Хорошо, встань, присядь за стол, покушай немного, и тогда поговорим.

На непослушных, едва гнущихся ногах я добрался до своего кресла, опростал полный кубок розового пуантенского, миготом согревшего мои холодные внутренности, и принялся за жаркое. Почему-то очень захотелось есть. Попутно я рассматривал Конана-не-Конана. Невероятно! Никаких внешних отличий! Невозможно так скопировать лицо, фигуру, манеру поведения, нельзя, наконец, освоить привычку короля изредка поглаживать себя по щеке указательным и

средним пальцем. У двойника это смотрелось бы неестественно, а здесь...

— Ты чего перепугался как заяц? — обратился ко мне этот человек. — Давай я лучше расскажу тебе эту историю от начала и до конца. Идет?

Слово «идет?» было произнесено именно так, как и обычно. Интонация вопросительная, немножко с ехидством. Правая бровь приподнята. Это Конан. Не может быть никаких сомнений. Тогда какую историю киммериец хочет рассказать и зачем так жестоко меня разыгрывает? И вообще, при чем здесь Тицо? Проклятая зверюга сбежала от нас в Пограничье...

— Ну? — Я едва не поперхнулся сочным куском мяса. — Какая такая история?

— Хальк, — многозначительным и серьезным голосом начал Конан. — Ты, главное, слушай и не перебивай. И во имя Митры, не падай снова в обморок! Зачем мне такой нервный библиотекарь?

— Хорошо, — обреченно согласился я, уже готовый поверить в любую небывальщину.

— Ну, прежде всего, — проговорил король, — я вынужден тебя разочаровать. Тот, кто сидит перед тобой, не является Конаном Канах из Киммерии в истинном смысле этих понятий.

— Но... — простонал я.

— Не перебивай, я же просил! Мое настоящее имя тебе, Хальк, известно. Тицо. Конечно, это скорее не имя, а кличка, сокращенная от настоящего прозвища. Однако пусть будет так. Это проще. Удивляешься, почему перед тобой вовсе не маленькая белая зверюшка? Тот облик тоже был не настоящим. Просто мне было необходимо войти в доверие к людям. А кому вы больше всего доверяете? Правильно, не большим безобидным животным приятного вида. Дальше рассказывать?

— Д-да, — заикнулся я, не зная, что и думать. *Это Тицо?* Зверек, похожий на домашнюю кошку или

медвежонка с белой шерсткой и небесно-голубыми невинными глазами?

— Мне что, надо изменить лицо, чтобы ты поверил? — спросило существо в обличье Конана, чувствуя мое недоверие. — Скажи, в кого превращаться? Хочешь, в тебя? Сам с собой побеседуешь. Или в Мораддина? Или, например, в канцлера Публио?

— Только не в Публио, — по-дурацки ответил я. — У нас с ним разногласия... Если ты — Тицо, то наверняка знаешь, в каком именно поселке ты сбежал, прежде попытавшись убить графа Эрде.

— Пограничье, разрушенная деревня Райта у склонов Граскаальского хребта, — не задумываясь, ответил Тицо. — Граф в меня стрелял из арбалета, но не попал.

— Так, — только и проронил я. — И что теперь делать?

— Выслушать, — серьезно выговорил ямурлакский найденыш. — Понять, чего я добиваюсь. Не считать раньше времени меня врагом, нечистью, нежитью или чем-либо иным.

— Отлично, — сдался я. Проснулось, победив страх и неуверенность, мое неумное любопытство.

И вот о чем он рассказал.

— Существует множество миров, — начал свою речь Тицо. — Ваш мир, Хайбория, лишь один из бесконечности и сам порождает такую же бесконечность иных планов бытия, отражений, точных подобий этого мира... Впрочем, это неинтересно людям. Они предпочитают цепляться за свой единственный мир. Да, я действительно тот, кого вы именovali Хозяином зеленого огня и Небесной горы. Да, я пришел в ваш мир восемь тысяч четыреста два года назад. Да, я уже пытался направить историю Хайбории в требуемое русло, но два раза это не получалось по не зависящим от меня причинам, а в третий раз вмешались вы вместе с настоящим королем Конаном. Это было очень остроумно — залить водой моего посланника, изменявшего людей в Аквилонии.

Когда посланник был уничтожен, я вынужден был остановить продвижение второго по Немедии.

— Зачем ты это делал? — быстро спросил я. — Чем были виноваты перед тобой тысячи невинных людей?

— Абсолютно ничем, — пожал плечами Тицо. — Мне была необходима рабочая сила, чтобы высвободить то, что вы называете Небесной горой. Человеческий род плодovit и через поколение вы с лихвой восстановите потери... Так вот, после двух неудачных попыток выкопать из Граскаальских скал мой вековой дом, я решил ждать. Время для Тицо не имеет значения, я практически бессмертен. Я ушел в земли, которые вы теперь называете Ямурлаком. Построил временное пристанище и окружил Ямурлак стеной, через которую невозможно пройти человеку. Я ждал наступления эпохи, когда энергия, которую вы называете «магической» и которой был прежде опутан весь этот мир, пойдет на убыль. Ждал человека, место которого смогу занять я сам, чтобы вести человеческий род к процветанию. Я дождался. Им оказался Конан.

— Постой, — прервал я увлекшегося Тицо. — Ведь твои, как ты выражаешься, посланники, губили все живое на своем пути! Мы полагали, что когда подземные чудовища встретятся под Иантой Офирской, в огромном треугольнике, который образовывала их дорога, погибнет все живое!

— Вы ошиблись, — рассмеялся Тицо. — Мне были нужны беспрекословно подчинявшиеся моей воле существа. Встретившись под Иантой, посланники должны были остановиться и прекратить работу. Да, разумеется, почти сто тысяч человек были бы изменены, но они выполнили бы свое предназначение, послужив во благо будущего.

— Чьего будущего? — агрессивно спросил я. — Твоего?

— Вашего, — уверенно ответил Тицо. — Вы не знаете, что грозит Хайбории в ближайшее время. То есть

не далее чем спустя пять сотен солнечных кругов. А я это вижу. Я умею предугадывать будущее, проникать мыслью через время.

— Ты мне не ответил на самый важный вопрос.— Я не менял напряженного тона, а про некое бедствие, которое должно случиться лет через пятьсот, решил расспросить подробнее попозже.— Кто ты сам и откуда ты взялся?

— Я — один из немногих,— невразумительно сказал Тицо.— В вашем мире я мог бы именоваться богом, благодаря своим способностям. Но в то же время я — обычное живое разумное существо, наподобие тебя, Конана или кого другого... Хальк, не сжимай в руке столовый нож, все равно ты не сможешь им меня убить. Так вот, помнишь, я только что говорил о множественности миров? Таких, как я, породил мир, отстоящий от Хайбории на тысячи тысяч лиг. Наше призвание — вести сообщества людей или иных существ к счастью. К процветанию. К благополучию.

— Хорошо звучит,— фыркнул я.— Поход «за счастьем для всех» начался с того, что погибли почти сто тысяч человек! Ты сам, своими руками-лапками маленького и пушистого Тицо отправил к Нергалу двоих гвардейцев короля! Пытался убить меня, Мораддина! Покушался на ни в чем не виноватого грифона!

— Эзунд начал подозревать,— сказала существо.— И мне пришлось это сделать. Впрочем, не беспокойся, грифон жив и выздоравливает. Дворцовый лекарь Монтель сделал для него все возможное. А про людей я скажу так — погибли тысячи, однако это спасет жизни миллионам. Да, я убил двоих гвардейцев в Брийте, хотел ударить тебя и графа Мораддина, но ваш отряд не должен был подойти к моему дому, Небесной горе. Я хотел вас поссорить.

— Не получилось,— ядовито напомнил я.— А от твоей Небесной горы и пепла не осталось!

— Знаю,— кивнул Тицо.— Просто у меня не хватило возможностей тогда противостоять вам. Я только что проснулся, пролежав почти тысячу двести лет в Ямурлаке. Силы, чтобы сменить облик, было недостаточно...

— Ты собираешься вести нас к счастью? — задумчиво проговорил я.— Во имя спасения от катастрофы, которая произойдет неизвестно когда? Что за катастрофа, кстати?

— Узнаешь со временем,— покивало существо.— Помнишь, как рано утром в Райте Мораддин меня застал возле головы Конана?.. Да, по вашим меркам так поступать не очень хорошо. Но я решил, что именно в облике аквилонского короля я сумею добиться исполнения своих планов. Я незаметно проник в его душу, сделал список с его памяти обо всех годах, прожитых раньше, взял его обличье. Тело, в котором я сейчас нахожусь, повторяет Конана Киммерийца до последней чешуйки кожи, до последнего волоска... Воспоминания, манеры, даже запах — все одинаково. Никто не может меня отличить от настоящего Конана.

— Так чего ты хочешь? — озадачился я.— Четырнадцать дней ты занимаешь место, принадлежащее нашему варвару, и уже собираешься начать войну! К чему тебе война с Офиром? Разве таким образом следует вести человечество к благополучию?

— Потом объясню,— повторил Тицо.— Как ты думаешь, зачем я тебе рассказываю всю подноготную? Правда, это лишь часть, самая незначительная часть моей подлинной истории.

— Не знаю,— отрекся я.— Может быть, тебе поговорить не с кем?

— О, поверь, я найду людей, с которыми можно побеседовать.— Тицо облокотился щекой на ладонь и внимательно посмотрел на меня: — Хальк, ты один из умнейших людей этой страны. Именно ты придумал, как убить моего первого посланца. Именно ты

сообразил, как уничтожить мой дом, Небесную гору. В конце концов, именно ты вытащил меня из Ямурлака! Большое спасибо, иначе мне пришлось бы самостоятельно добиваться нынешнего положения. И, если ты станешь моим союзником, зная цель и оправдывая средства, которые я буду использовать для ее достижения, ты станешь одним из величайших. Человеком, имя которого на многие тысячелетия войдет в скрижали истории этого мира...

— Ты меня покупаешь? — напрямик спросил я. — Цель-то несколько... аморфная. Какое-то всеобщее благополучие...

«Это шанс! — с быстротой молнии проскочила мысль в моей голове. — Если я откажусь — либо медленная смерть в Железной башне, либо быстрая. На месте. От его меча. Соглашайся! Митра, ответить, во что мы влипли? И все-таки — кто он?»

После недолгой паузы я поднял кубок и нарочито торжественным голосом провозгласил:

— Да здравствует король Тицо Первый!

— Ну зачем же так, — смущенно усмехнулся он. — Править будет Конан из Киммерии. А думать будут немногие избранные. И первейший из них — Тицо.

— А кто эти «немногие»?

— Найдем, — отмахнулся самозванец. — Они ведь все здесь, в столице? Во имя Митры, не делай непонимающее лицо! Я знаю, что Конан и остальные неподалеку. Хотя об этом мы поговорим завтра утром. И не здесь, а во дворце. Сейчас я прикажу, чтобы твои вещи отнесли в библиотеку по подземному ходу. Извини, Хальк, но ближайшие десять седмиц ты будешь постоянно находиться в королевском замке. Я пока еще не слишком тебе доверяю. Поднимайся. Меня, в конце концов, Эвисанда ждет, а уже за полночь!

И ухмыльнулся хитро. Совсем как Конан.

Глава девятая МОРАДДИН, ПЯТЫЙ РАССКАЗ

Тарантия, столица Аквилонии.

11 день первой зимней луны 1288 г., утро и далее

«Аквилония и в особенности столица государства, Тарантия, были охвачены предвоенной лихорадкой. «Золото Офира», «неисчерпаемые рудники Ианты» — этими словами бредили все, начиная от последнего нищего на улице до вельмож в королевском дворце. Выход на золотые копи Офира, богатейшей страны Закатного материка, и в действительности предоставлял захватчику почти неограниченные возможности. Кроме того, Офир был ключом к странам Восхода, к сети торговых дорог, опутывающих все государства, и к перевалам Кофийских гор, за которыми лежал воинственный и неприступный Коф, управляемый одним самых хитрых и расчетливых людей нашего времени — королем Страбонусом. Владеющий Офиром мог бы предъявлять серьезные и обоснованные претензии на владение миром или, по крайней мере, странами, лежащими к закату от Кезанкийского хребта.

В этом случае надо отдать должное существу, захватившему трон, — оно вело достаточно умную и жесткую политику, выгодно отличаясь от подобных ему самозванцев, стремившихся только удов-

летворить свое ненасытное честволюбие и наполнить за счет покоренного государства кажущийся бездонным кошелек. Но это существо было и жестоко — подданные являлись для него лишь бессловесными фигурками на доске, которые оно было вольно передвигать по собственному усмотрению...»

*Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства*

— Е го забрали! Эйвинд, едва не своротив дверь с петель, ворвался в нашу комнату. Случилось это уже после заката, когда Конан и Веллан улеглись спать, а мы с Тотлантом все еще сидели за столом, лениво потягивая шемское вино, и болтали ни о чем. Волшебник пытался научить меня простеньким охранным заклинаниям, защищающим от нечистой силы, а я старательно внимал. В жизни все пригодится.

Отправиться на отдых нам мешало только одно: Конан строжайше приказал дожидаться возвращения Халька и Эйвинда из города. Вот и дождались...

— Куда забрали? — Я, схватив асира за руку, посадил его на скамью и приложил палец к губам: не кричи, мол. Если разбудим Конана — обязательно начнется неразбериха.

— Военные! — выдохнул Эйвинд. — Мы сначала подошли к каким-то дядькам, которые хотели уговорить меня поступить на службу в войско...

— Вербовщики, — кивнул я. — И что же произошло дальше?

— А потом приехал месьор в черной форме. Черный Дракон. Он узнал Халька и сказал, что должен отвести его в Железную башню. Приказ короля.

— Когда-нибудь я превращу Конана в крысу, — горько вздохнул Тотлант. — Разве можно сажать близких друзей в тюрьму?

Шутка была неуместной. Даже Эйвинд глянул на волшебника неодобрительно.

Мой ум начал работать с обычной четкостью и быстротой. Итак, Хальк узнан, задержан гвардией, препровожден в городскую темницу и теперь... Какие отсюда выводы? Несомненно, он не разболтает о том, где находимся мы с Конаном, однако по опыту службы в Вертрауэне я знаю, что методы допросов бывают очень разными. С другой стороны, допрашивать Халька начнут не раньше утра, и он наверняка некоторое время посопротивляется. Следовательно, до завтрашнего полудня время у нас есть. На что можно потратить промежуток от заката до рассвета? Верно — придумать план спасения Халька. Пожалуй, этим я и займусь. Вместе с Тотлантом.

— Эйвинд. — Я положил ладонь на крепкое плечо асира. — Сначала поешь, выпей немножко пива, а затем расскажи все, что ты помнишь. Хорошо?

Эйвинд согласился.

Когда, ко второму полуночному колоколу, деревенский парень закончил свое сбивчивое и взволнованное повествование, мы с Тотлантом отправили его спать и сказали, чтобы он ни о чем не беспокоился. Стигийский колдун, выслушав мои соображения, начал излагать собственные мысли и к шестому колоколу мы выработали очень опасный для всех нас план спасения Халька. Единственно, почему я был уверен, что эта авантюра может удался, так это потому, что знал — невероятная наглость и смелость иногда могут принести наилучшие результаты.

Мы легли поспать, зная, что Конан, не избывший привычку вставать с рассветом, разбудит нас вовремя. Главное — заставить его позавтракать и только потом объяснить, что произошло.

Казалось, что я закрыл глаза всего мгновение назад. И вот уже рука киммерийца треплет меня за плечо, а знакомый низковатый голос произносит:

— Морадин, хватит дрыхнуть! Поднимайся! Слушай, а Хальк лег спать в комнате для гостей, что ли? Или уже удрал с утра за очередными новостями?

* * *

Конан неистовствовал. Он бегал по комнате, орал на меня, на Эйвинда (асир, и без того почитающий короля Аквилонии за полубога, тихонько сидел в уголке и смотрел на варвара недоумевающе-виноватым взглядом), разочек прикрикнул на Веллана, отчего оборотень мигом обиделся, и в финале своей проникновенной, но донельзя неприличной речи запустил пустым глиняным кувшином в стену. Как раз эта стена отделяла три наших комнаты от покоев «вечного слушателя» Робера. И, разумеется, последний не замедлил появиться.

— Вы чего с утра буйствуете? — Робер, даже не постучавшись, просунул взлохмаченную голову в дверь. — Вещами бросаетесь, горлопаните... Я же просил Халька, чтобы вы вели себя потише, если уж скрываетесь от властей!

— Это еще кто? — рявкнул Конан. — Пошел вон!

— Тихо, тихо. — Я поднялся и отстранил киммерийца, уже готового броситься на месьора Робера с кулаками. Хальк вчера вечером познакомил меня с одним из негласных вождей братии слушателей, и я понял, что Робер может быть нам очень полезен. Поэтому лучше бы его не обижать. — Конан, этого человека зовут месьором Робером...

— Этого человека сейчас будут называть покойником, если он не уберется! — яростно проревел король. — Надоели! Недоумки! А Хальк — первейший из них!

— А, так это ты король Конан? — Робер невозмутимо пнул дверь голой пяткой и вошел в комнату. Подвязки его кальсон волочились по полу. — Здравствуйте, Ваше Величество. — Робер весьма изящно поклонился. — Чем ты столь недоволен, государь?

Конан, не обратив внимания на то, что абсолютно чужой человек назвал его «королем», громогласно перечислил, чем именно он изволит быть недовольным. На первом месте стояло скудоумие Халька, позволившего себя арестовать, затем нерешительность Эйвинда, который «стоял и пялился как баран, хотя мог запросто уложить пятерых с одного замаха! Вы на плечи нашего детинушки посмотрите! Да он меня самого здоровее!.. Молчи, пока тебя не спрашивают!» И вообще, что это за дурацкая Обитель? Давно разогнать пора! А таких жуликов, как Робер, вешать на площади перед Железной башней! Быстро вина подайте! Морадин, кувшин рядом с тобой...

— Все сказал? — участливо спросил я, передавая Конану глиняный сосуд. — Или что-нибудь забыл?

— Я восхищаюсь тобой, государь, — неожиданно встрял Робер, не понимая, что играет с огнем. — Теперь я вижу, что ты настоящий король.

— Да, король! — гаркнул Конан. — Коро... Эй, парень, а ты откуда знаешь?

— Ну... — засмутился Робер. — Тебя просто узнали, мой повелитель. — Борода не столь уж и солидная маскировка. Слухи ходят, будто во дворце подменыш. И Хальк намекал... Теперь вся Обитель знает. Вы, месьоры, не бойтесь, мы никому не расскажем! А соглядатаев городской стражи в Обители Мудрости отродясь не бывало. Не могут они у нас работать — слишком быстро умом повреждаются...

— Вот что, — процедил сквозь зубы Конан. — Когда я вернусь в замок... Во-первых, от Обители Мудрости не останется камня на камне! Во-вторых, если двойник вынесет Хальку смертный приговор, то я с удовольствием его поддержу. Ну, трепло!..

Не знает киммериец, что такое братство слушателей. У нас в Бельверусе находится знаменитейшая на все страны Заката Военная Академия. Какое-то время я преподавал там тактику ближнего боя и близко

раззнакомился с некоторыми воспитанниками. Ой, обормоты! Причем обормоты изобретательные... А еще говорят, будто армия воспитывает косность мышления! Если когда-нибудь против Нимеда будет учинен заговор, то Вертрауэн сумеет предотвратить его немедленно, при одном однако условии: если он не будет исходить из недр Академии. Слушатели действительно умеют хранить свои тайны и гордятся положением родного учебного заведения как «государства в государстве». Робер прав. Даже тайная служба Нимеда не смогла проникнуть ни в Академию, ни в Обитель, ибо обладающие непонятные чутьем, присущим лишь молодежи, слушатели умеют раскрывать соглашения. Если Робер говорит, будто в Обители нам ничего не угрожает, значит, так оно и есть.

Утихомирив излишне взбудораженного Конана, успокоив Эйвинда и Веллана, которым досталась изрядная доля королевского гнева, я попросил Робера заказать в близлежащем таверне завтрак и вежливо выпроводил его за дверь. А потом начал излагать свой план. Вернее, не свой, а наш с Тотлантом.

— Хальк в Железной башне, — говорил я. — Но вместе с тем мы знаем, что распорядитель Железной башни подчиняется лишь королю, регенту или канцлеру. А у нас есть настоящий король. Конан из Киммерии, в подлинности которого мы не можем сомневаться.

— И что ты предлагаешь? — спросил киммериец. — Пойти к Железной башне и сказать страже: «Отдайте нам Халька, барона Юсдаля, обратно?»

— Именно это я и предлагаю, — подтвердил я. — Конан, ты можешь сейчас побриться? Кажется, рана на щеке зажила?

— Наверное, нет, — помотал головой король. — Там присохшая кровь, сквозь нее пробились волосы, выглядеть будет безобразно. Кроме того, у нас у всех обычная дорожная одежда, а пришедший в Желез-

ную башню король должен быть облачен в подобающие титулу одеяния.

— Хорошо, — согласился я. — Одежду, думаю, мы достанем. План следующий: мы берем лошадей из конюшни, подъезжаем к воротам Башни, а я узнаю у стражи, появлялся ли здесь король в течение последних двух седмиц. Если нет — то Конан и с бородой сойдет за самого себя. В конце концов, государственная цепь с орденом Большого Льва у тебя с собой, есть Малая печать... Мы вызываем распорядителя, требуем немедленно привести Халька, барона Юсдаля, забираем его и уезжаем. Все просто.

— А еще говорят, что я сумасшедший рубака, — фыркнул Конан. — Вы на Мораддина посмотрите!

— Граф правильно говорит, — заметил Веллан. — Чем больше наглости, тем лучше. Главное, чтобы стражники не видели в последние дни двойника. И потом, Конан с бородой выглядит более по-простонародному.

— Одежда, — напомнил Тотлант. — Где возьмем? И кто поедет к тюремной крепости? Всем вместе отправляться никак нельзя.

Скрипнула дверь. Обернувшись, мы увидели вчерашних девиц, принесших завтрак. За их спинами маячила долговязая фигура Робера. Меня осенило.

— Робер. — Я бросился к парню и схватил его за руку. — Здесь, в Обители, есть театр?

— Конечно, — недоумевающе пожав плечами, ответил приятель Халька. — Называется «Клинок». Вы хотите посетить представление? Сегодня вечером играют пьесу «Призрак старого короля»...

Я едва сдержал смех. Символичное название.

— В театре можно раздобыть костюмы? — Я продолжал наседавать на Робера. — Хорошие костюмы, богатые, настоящие? Парча, дорогие камни? Ведь богачи иногда отдают труппе свои старые облачения, вышедшие из моды...

— Ну... Да! — подтвердил Робер. — А в чем, собственно говоря, дело?

Я разъяснил. Срочно требуется красивое дворянское одеяние во-он для того детины с короткой темной бородой, рожей похожего на варвара с Полуночи, и костюм для меня самого. Желательно черный с серебром.

— Двадцать золотых, — мигом ответил Робер. — Наличными и прямо сейчас. Спустя колокол костюмы будут здесь. Дай-ка я посмотрю ваши размеры, а то еще не налезут.

Быстро обмерив меня и Конана, пройдоха убежал, сжимая деньги в кулаке.

— А мы? — сразу заголосили Тотлант, Эйвинд и Веллан. — Мы тоже хотим!

— Нет, — отрезал я. — Тотлант и Эйвинд останутся в Обители. Кто-то должен быть вне подозрений. Отправляются к Железной башне Конан, Веллан и я сам. Тотлант, приглядывай за Эйвиндом и жди нас. Если не вернемся — попытайся найти мою жену Рингу. Объясни ей все и передай вот это.

Я снял с пальца массивное золотое кольцо с раскинутым крыльями драконом на печатке. Знак человека, приближенного к Трону Дракона. Внутри печатки, под черным ониксом, украшавшим грудь геральдического ящера, скрывалась миниатюрная коробочка с порошком опаснейшего вендийского яда. Ринга обязательно узнает это кольцо. Надеюсь, у Тотланта хватит ума в случае нашей гибели добраться до моей супруги и все ей объяснить...

— Подождите, подождите! — вскричал Веллан. — Мораддин, ты не сказал этому месьюру Роберу принести костюм для меня! Не могу же я идти вот в этом!

Оборотень развел руками, словно демонстрируя нам свою одежду: светло-коричневые кожаные штаны, рубаху и темно-пурпурную тунику с серебряной тесьмой. У захолустного дворянина такая одежда почиталась

бы верхом роскоши, но в столице это смотрелось чуток варварски.

— Свой костюм ты носишь на себе, — усмехнулся я. — Веллан, ты пойдешь с нами в волчьем обличье. Любимая охотничья собака короля. Нам пригодятся твой нюх и твои быстрые ноги.

— Да я... — задохнулся Веллан. — Мораддин, ты что, умом повредился?

— Верно. — Конан радостно похлопал ладонью по столешнице. — Если меня и Мораддина убьют или схватят, ты останешься... останешься просто собакой, вот!

— Какой собакой? — взвыл бритуниец.

— Обычной, — твердо сказал я и подозвал к себе молчаливого Эйвинда. Я выдал асиру немного денег, сказал на ухо, какую лавку следует найти и что в ней купить, после чего отправил прочь из наших покоев. Надеюсь, Эйвинд все сделает правильно.

Я, Конан, Веллан и Тотлант позавтракали, воздав должное отличному бараньему жаркому, и, едва мы приступили к легкому пуантенскому вину, в комнаты одновременно вломились Эйвинд и Робер. Последний притащил объемистый холщовый тюк, из прорех которого выглядывала дорогая темно-синяя парча, а крестьянин прятал покупки за спиной, озабоченно поглядывая на Веллана.

— Нужно идти сейчас, — заметил я, обращаясь к Конану. — Неизвестно, как там обходятся с Хальком. Веллан, пожалуйста, пойди в соседнюю комнату и... Ну, словом, нам нужна собака.

— Искатели приключений, — проворчал оборотень, поднимаясь из-за стола и на ходу сбрасывая меховую безрукавку. — Не-ет, надо было сидеть в Пограничье и носа оттуда не высовывать!

Когда Веллан скрылся за дверью спальни, Эйвинд выложил на стол передо мной широкий кожаный ошейник с серебристыми бляхами и плетеный из не-

скольких кожаных ремешков поводок. Робер невозможно разобрать содержимое своего мешка.

— Так, — говорил «вечный слушатель». — Месьор Конан, подойди сюда. Во пожалуйста, что я подыскал для тебя...

Конан облачился. Выглядело более чем пристойно. Синие-фиолетовый костюм очень шел к цвету его глаз.

Меч на боку добавлял величественности. Я сам оделся в предложенное Робером темное одеяние небогатого дворянина, отдаленно похожее на форму Черных Драконов.

И тут заскрипели петли двери, ведущей в спальную комнату. Оттуда медленно, чуть воровато высунулась светло-седая морда громадного пса, более всего походившего на настоящего волка.

— О, Велл, иди сюда! — Конан махнул рукой обортю, не обращая внимания на вытаращенные глаза Робера. «Вечный слушатель», впрочем, никак более не выдал своего удивления. — У нас для тебя подарочек!

И Конан взял в руки ошейник с поводком.

Никогда не думал, что морда волка может быть настолько выразительной. Если бы Веллан сумел, он бы сплюнул. В синих глазах обортю было написано: «Это на меня наденут только через мой труп!»

С тем и покинули мы гостеприимную Обитель Мудрости, направившись к центру города и Железной башне.

Тотлант и Эйвинд остались ждать.

...Вон она, Железная башня. Во всей красе.

Все-таки мы сумасшедшие... Но теперь назад пути нет.

* * *

Пятнадцать лет назад, ранней осенью, меня угораздило случайно попасть в королевскую тюрьму Бельверуса, обычно называемую Казематом. Мы с Конаном тогда впутались в очень неприятную историю, связан-

ную с заговором против короля Нимеда, и я был арестован городской стражей. Конечно, Конан и моя будущая жена Ринга приложили все усилия, чтобы вытащить меня из узилища, но воспоминания о нескольких днях заключения у меня остались не самые лучшие. Однако по сравнению с Казематом Бельверуса тарантийская Железная башня выглядит куда более ужасающе. Тюрьма построена лет четыреста назад. Основной послужила громадная толстая башня из серого камня. Затем возводились дополнительные здания, хозяйственные постройки, дом для стражи... К началу правления Конана строения, именуемые по старинке Железной башней, занимали территорию почти двух городских кварталов. В самой цитадели, возвышавшейся над городом, нынче содержали лишь самых привилегированных преступников — дворян, заговорщиков из богатых семей... Я слышал, будто на самом верхнем этаже Башни находится камера кровавого и беспощадного убийцы — некоего Борра из Шамара...

Не скрою, я изрядно побаивался. Хотя идея вытащить Халька из тюрьмы с помощью настоящего Конана и принадлежала мне самому и Тотланту, я отлично знал, что она может провалиться в любое мгновение. Вдруг кому-нибудь из ближнего окружения короля (Паллантиду, Громалу или, например, Публию) взбредет в голову посетить городскую тюрьму? Человек, «сходный лицом с королем Конаном», будет немедленно опознан. Как-никак, месьора библиотекаря (если судить по рассказу Эйвинда) узнал кто-то из дворцовых гвардейцев.

Очень хорошо, что Конан за короткие луны своего царствования не приобрел дурных привычек, присущих всякому королю, — выезжать в город с огромной свитой, телохранителями-гвардейцами и разряженными герольдами. Конан обычно брал с собой двоих-троих человек и при посещении улиц столицы одевался достаточно скромно. За минувшее лето горожане и слу-

жащие государственных департаментов, которые изредка посещал киммериец, привыкли к тому, что государь является либо в казначейство, либо в военную управу с необыкновенно скромным эскортом. Сейчас Конан заявил, что, может быть, это сработает нам на руку.

Веллан составлял необходимое дополнение к персоне короля. Киммериец любил собак и обычно брал с собой нескольких охотничьих лаек. Правда, оборотень из Бритунии обликом не слишком напоминал раскормленного домашнего любимца, но это и к лучшему. У короля-варвара и собака должна быть похожа на дикого волка.

Я, старательно исполняя обязанности сопровождающего короля дворянина, спешился перед воротами Железной башни и позвонил в колокольчик у широких, оплетенных стальным кружевом дверей главного входа. Веллан без всякого стеснения уселся на мостовую и с вызывающим видом зевал, чесался задней лапой или искал зубами блох.

— Кто, по какому делу? — На двери открылось маленькое окошечко, и из него выглянула бородатая физиономия охранника.

Я, придав голосу низкий тембр, а также внушительность и твердость, важно задрал подбородок и сказал:

— Его Величество король Конан. Государь желает видеть распорядителя Железной башни.

Варвар распахнул плащ, чтобы блюстителю узрел государственную цепь с орденом Большого Льва на его груди. Веллан шумно зевнул и лег на каменные плиты мостовой, положив голову на лапы.

Стражник оценивающе смерил взглядом короля и тут же засуетился. Громыкнула связка ключей, правая створка ворот отошла в сторону и я, ведя лошадь на поводу, двинулся во двор Железной башни. Конан и Веллан медленно прошествовали вслед.

— Государь. — Стражник все-таки узнал киммерийца, хотя Конан и выглядел чуток необычно. Все в

городе знали, что новый король в отличие от Нумедидеса или Вилера не носил бороды. — О, государь, радость-то какая! Сейчас я десятника позову!

Пожаловал десятник стражи. Оценил государственную цепь на шее Конана. Представился, чинно поклонившись. Звали его Утером.

— Ваше Величество, — сказал Утер. — Я принял смену сегодня на рассвете, и мне докладывали, что ты, мой король, уже посещал Башню минувшей ночью. Все твои приказы, мой король, выполнены...

— Приказы? — нахмурился Конан, но мигом понял, что лучше начать врать напропалую. — Это хорошо, что вы аккуратно исполняете волю короля.

«Та-ак, — подумал я, продолжая сохранять на лице верноподданное выражение и поглядывать на Конана с пиететом бедного безземельного дворянина, всем обязанного королю. — Теперь бы еще узнать, что приказал именно варвар? Интересно, а что двойник мог делать в Железной башне минувшей ночью? Неужели его визит был связан с арестом Халька?»

— Десятник Утер, — начал киммериец. — Скажи, Квинтил здесь?

— Сожалею, мой король, — чуть развел руками Утер. — Месьору Квинтилу нездоровится, и он сегодня остался дома. Я надзираю лишь за внутренним двором тюрьмы и поступлением заключенных, а вот сотник Варнон замещает начальника. Позвать?

— Нет, — отрезал Конан. — Вчера сюда доставили моего библиотекаря, Халька, барона Юсдаля. Он был схвачен по ошибке. Приведите его немедленно во двор.

— Но... — заикнулся десятник Утер. — Государь... Ночная смена сообщила, что по твоему приказу Хальк, барон Юсдаль, был отправлен по подземному ходу в королевский замок. Я ведь доложил, что твой приказ выполнен. Неужели произошла какая-то ошибка, и ночная смена допустила неточность? Я немедленно доложу сотнику...

— Тыфу! — сплюнул Конан, мигом сообразив, в чем дело. — Одни говорят одно, другие — другое! Никакого порядка в этой стране! Правильно, вспоминаю. Юсдаль действительно вернули во дворец.

На лице Утера отразилось недоумение, но, по счастью, десятник ничего не заподозрил. Мы раскланялись, Конан милостиво кивнул молодому блюстителю, и вскоре копыта наших лошадей уже застучали по булыжникам тюремного проезда, разделявшего торговые кварталы и здания Железной башни.

Конан невозмутимо проехал к небольшой безымянной таверне для купеческих приказчиков и мелких лавочников, выбрался из седла и бросил поводья мальчишке, прислуживавшему у коновязи. Королевскую цепь варвар упрятал под плащ, чтобы не смущать посетителей таверны. Я последовал его примеру, а Веллан-волк поплелся за нами, тяготясь ошейником.

— Интересно, очень интересно. — Конан уселся за стол, бросив золотой службе и приказав принести вина и «косточку для собаки». Когда кувшин с белым пуантенским оказался на столе, Конан хитро огляделся, взял пустую глиняную миску, плеснул в нее терпко пахнущего виноградного напитка и незаметным движением отправил ее под стол, туда, где расположился Веллан, — пусть и оборотень порадует жизни. Оттуда немедля донеслись шумные чавкающие звуки — волк старательно лакал вино.

— Куда он отправил Халька? — Конан огладил бороду и поморщился. Не привык он заводить «мужскую» растительность на лице. — Мораддин, как думаешь, чем это может нам грозить?

— Вижу три возможных ответа. — Я оценил букет вина и слегка пригубил. — Либо Халька обманули и он поверил в то, что двойник и есть на самом деле ты, либо купили или как-то запугали, либо он начал свою игру, о которой мы ничего не знаем.

— Хальк не продаст, — уверенно сказал Конан. — Хотя этот ублюдок-двойник вполне в состоянии вытянуть из него сведения о нашем новом доме в Обители Мудрости. Надеюсь, этого не произойдет. Честно признаться, я тоже подумал, что Юсдаль может поставить на кон не только свою голову, но и наши. Однако, если он выиграет... Мораддин, по-моему, одному из нас необходимо отправиться во дворец. В конце концов, только оказавшись в замке, мы окончательно выясним, что происходит. Разведаем что-нибудь об этом человеке или демоне, посмотрим, насколько он сумел обвести вокруг пальца Просперо и других придворных...

— А самое главное, — поспешно добавил я, — очень хотелось бы узнать, как там Ринга.

— Во народец, а? — фыркнул варвар. — Все о себе да о себе! Не думаю, что с твоей женой случилось нечто страшное... Если она до настоящего времени не сбежала из столицы — значит, *тот Конан* ее не обижает или Ринга верит, что он — это я. Или наоборот, графиня обо всем догадалась и ждет хоть какой-то весточки от тебя или меня.

— Следовательно, Ринга тоже может вести свою партию, — здраво рассудил я, выслушав соображения варвара. — И тем самым наше положение становится все более опасным. Если двойник подловит и Рингу, и Халька на горячем, мы можем потерять двух ценнейших союзников... Прежде всего Рингу. И не потому, что она — моя жена, а лишь оттого, что ее способности стократно превосходят любые умения нашего библиотекаря и многих из нас.

— Прикуси язык, — поморщился король, прихлебывая вино. — Сглазишь. Наше положение становится все более загадочным. Честно признаться, я ничего не понимаю. Двойник какой-то... Хальк исчез неизвестно куда. Нас всех разыскивают. Война с Офиром... Слово даю — брошу все и уеду домой, в Ким-

мерию. Вернусь в клан, стану охотником, женюсь на девушке из клана Глендалох...

— Остановись,— жестко прервал я мечты Кона-на.— Правильно, нужно идти во дворец и смотреть, какова там обстановка. И займусь этим я.

— Ты? — поднял брови варвар.— Но как?

— Очень просто, сейчас я тебе все расскажу,— у меня в голове быстро сформировался план.— Прежде всего, у меня с собой дорожные и все документы Мораддина, графа Эрде. Я могу прийти во дворец в соответствии с этикетом, как посланник немедийского короля. Насколько я понимаю, двойник ищет союза с Немедией, иначе зачем ему было отсылать Просперо из Тарантии в Бельверус? Он не посмеет меня тронуть. Иначе об этом сразу станет известно немедийскому послу, герцогу Дармштайну. Перед тем, как явиться в замок я обязательно загляну в посольство. Там будут знать.

— Ну, выдумщик,— покачал головой Конан.— А мне что делать? Не могу же я сидеть и ждать, пока ты, Ринга или Хальк отрежут голову этому мерзавцу и выкинут ее в Хорот?

— Ты должен будешь находиться в Обители и не привлекать к себе внимания,— веско сказал я.— Это самое разумное. Как только будет возможность — я тебя изведу или смогу предупредить об опасности.

— Пусть мне ответит Митра,— вздохнул Конан,— и зачем только я пятнадцать лет назад поехал в Султанапур и повстречал там этого проклятого гнома-переростка? Ну хорошо, я согласен с твоими мыслями. Когда?

— Прямо сейчас. Ты берешь Веллана и возвращаешься в Обитель Мудрости, я еду в посольство Немедии. Потом во дворец.

* * *

Терпеть не могу застоявшийся запах краски. Он начинает неотступно преследовать любого человека,

миновавшего караулы тарантийского замка и зашедшего во внутренние коридоры.

Что ни говори, канцлер Публио перестарался. Говорят, именно ему пришла в голову идея начать ремонт.

Не удивлюсь, если узнаю однажды, что часть средств, отпущенных на материалы и жалование мастеровым, утекли в карман хапуги-канцлера. Ведь Публио отлично знает, что король слышал о его прежних казнокрадских проделках и слегка ошалел от безнаказанности. Нимед, полагаю, давным-давно сослал бы его, Страбонус посадил бы на кол, а Фердруго заточил в тюрьму лет на пять.

Конан, добряк, словно почувствовал в канцлере родственную душу, припомнив свои шадизарские приключения. Наверное, потому и не трогает.

Дворец ничуть не изменился. Правда, заново оштукатурили стены хозяйственных пристроек, переложили плиты на главном дворе да завесили лесами внутренний фасад закатного крыла. А так все по-прежнему — спешат с поручениями деловитые гвардейцы, из маленькой кузни при королевских конюшнях доносится постукивание молота, в нижней приемной сидят напыщенные дворяне и смущенно озирающиеся купцы, ожидающие аудиенций у государственных чинов...

Выправив в немедийском посольстве верительные грамоты на свое собственное имя (к чему скрываться под чужим? Все равно я успел примелькаться во дворце), я подъехал к главному караульному посту. Лицо сотника (насколько я помню, его звали Громал) озарилось любезностью — он узнал меня.

— А мы вас ждали.— Громал даже не взглянул на мои бумаги.

— Ждали? — Поднял бровь я.— Как интересно...

— Король оставил распоряжение привести вас в Малую оружейную,— не смутившись, сообщил Громал.— Идемте.

«Да уж, действительно интересно,— размышлял я, пока гвардеец провожал меня через запутанные, волнующие краской переходы замка.— Нас ждут и даже оставляют распоряжения гвардейцам насчет нашего появления... Разумеется, у двойника в заложниках Хальк и моя супруга. Самозванец прекрасно знает, что мы их не бросим. И уверен, что рано или поздно придем сами. Видимо, поэтому нас не особо старательно ловят в городе. Куда еще идти настоящему Конану с приятелями? Среди дворян у варвара близких друзей нет, кроме разве что пуантенцев, купцы не поверят, жрецы-митрианцы обвинят в ереси и самозванстве, а чернь и вовсе относится к новому королю настороженно. Только в Обители Мудрости поверили, да что возьмешь со слушателей?.. Но как умен, мерзавец! Все просчитал, до последнего шага! Великие боги, кто же он все-таки такой? И почему начало правления самозванца ознаменовалось настолько странными событиями? Почему ему так не нравится Офир?»

Вот и Малая оружейная. Вспоминаю, как мы с Конаном и Просперо выслушивали здесь мысли Халька об уничтожении подземной твари. Такое впечатление, что этот разговор было несколько лет назад.

— Я доложу о твоем прибытии, месьор граф,— чуть поклонился мне Громал и вышел, притворив дверь.

Я положил ненужные свитки на столик, бесцеремонно покопался в шкафчике, стоящем у стены, нашел там нераспечатанный кувшин с вином и два бокала. Полагаю, беседовать придется только вдвоем.

Тактику разговора я обдумывал недолго. Будет лучше, если я скажу двойнику Конана, что все знаю и... может быть, даже одобряю. А где настоящий Конан я, разумеется, и ведать не ведаю. Он, конечно, не поверит, но что ж делать?

Дверь вскорости отворилась. Если бы я не знал твердо, что Конан уехал в Обитель Мудрости, посчи-

тал бы, что передо мной всамделишный король Аквилонии. Даже мое гномье чутье, которое я обычно призываю в моменты опасности, со всей уверенностью говорило: передо мной стоит самый настоящий человек, являющийся Конаном из Киммерии. Я говорю не о внешности, а о некоем «запахе души», который гномы способны чувствовать. Таковой «запах души» у каждого человека неповторим.

— Ну, здравствуй, граф Мораддин,— сказал двойник.— Как доехали? Надеюсь, Конан здоров?

— Благодарение богам, да.— Я встал и раскладывался.

Самозванец дернулся, словно хотел остановить меня, но, видимо, очень быстро понял, что я делаю это специально. Настоящий Конан обязательно назвал бы меня подхалимом или чем похуже.

— Добрый день, Ваше Величество.— Я сохранил на лице бесстрастное выражение, сгреб со стола верительные грамоты и вручил их псевдокоролю.— Немедийское посольство и герцог Дармштайн, месьор посланник, знают, что я здесь. Вот бумаги.

— Ты, как всегда, предусмотрителен, Мораддин,— усмехнулся двойник и, плюхнувшись в кресло, чисто конановским движением плеснул вина во второй бокал.— Ну что, поговорим о жизни?

— Поговорим,— согласился я.— Если позволишь, я сначала выскажу свои мысли о всем произошедшем, но прежде всего задам три вопроса.

— Изволь,— пожал плечами самозванец.

— Где моя жена?

— Они вместе с графиней Эвисандой и грифоном сейчас гуляют в саду. Энунд, между прочим, выздоравливает. Еще вопрос?

— Где находится Хальк, барон Юсдаль?

— Сидит в библиотеке и корпит над своей хроникой. От пера и пергамента его теперь не оторвешь даже насильно.

— Тогда завершающий вопрос,— наклонил голову я.— Можно ли верить всему, что ты только что сказал?

— Сходи и убедись.— Конан-не-Конан указал мне на дверь.— Библиотека на третьем этаже, а выйти в сад можно из этого же коридора, спустившись по лестнице. Я могу подождать.

И посмотрел на меня выжидающе. Я решил липший раз не искушать судьбу и сделал вид, что поверил.

— Готов тебя выслушать,— сказал двойник.— Однако я не представился. Мое имя Конан, родом происходящий из Киммерии. С тобой я впервые встретился двенадцатым днем второй летней луны 1273 года...

А дальше, не обращая внимания на мои вытаращенные глаза, самозванец быстро перечислил несколько самых незначительных, но запомнившихся моментов нашего с киммерийцем путешествия из Султанапура в Бельверус, случившегося пятнадцать лет назад. Кроме меня и Конана, никто не мог знать о таких подробностях...

Но он *не может быть* Конаном! Ладно, попытаюсь разобраться в этой головоломке.

Поэтому я задал четвертый и самый важный вопрос:

— А теперь расскажи-ка мне, друг любезный, кто ты такой на самом деле?

— Неважно,— отмахнулся поддельный король.— Человек. Умный человек. Тот, кто желает вашему миру только хорошего.

«Подождите...— обожгла меня мысль.— А почему он говорит о Хайбории, как о чужом мире? «Вашему»? Либо он слишком задирает нос, либо...»

Я поднялся, держа в руке бокал, прошелся по паркету оружейной комнаты от стены к стене и наконец поднял глаза на двойника.

— Я знаю, что ты не настоящий король Аквилонии,— без обиняков начал я.— Но точно так же

знаю, что не смогу убедить в этом других людей. Каким-то невероятным образом ты принял облик настоящего Конана, получил его память и знания...— Двойник согласно кивал.— Но ты в этом случае прекрасно знаешь, кто я такой. Не скрою, я отношусь к тебе с настороженностью, если не сказать — с опаской. Поэтому-то и известил немедийское посольство, что отправляюсь в устроенную тобой мышеловку.

— Какую мышеловку? — Можно было посчитать, что двойник непритворно возмущился моими словам. Будто сам Конан.— Я знал, что ты придешь. Все-таки Ринга находится во дворце, да и Халька бросить на произвол судьбы вы бы не смогли. А кстати, где же...— Он усмехнулся.— Человек, как две капли воды похожий на короля Конана?

— Не знаю,— отрезал я.

— Поверь,— с серьезностью в голосе проговорил самозванец.— Я не хочу его убивать. Да и сажать его в Железную башню до конца жизни тоже незачем. Он просто пригодился бы мне... В конце концов, если все спланировать правильно, мы могли бы править вдвоем. Представь, как восхитилась бы чернь, зная, что король может одновременно находиться и в своем дворце, и, например, на поле боя в Офире...

— Разумеется, в Офире, на упомянутом «поле боя» должен будет присутствовать настоящий Конан? — ядовито спросил я.— Ты небось побережешь свою драгоценную шкуру?

— Пожалуй, наоборот.— Двойник ничуть не обиделся на такую дерзость.— Меня довольно сложно убить, а, кроме того, я могу внести нечто новое в здешнее военное искусство.

«Опять он говорит «здесьнее», относясь к нам, будто к чужим,— мельком подумал я.— И убить его «сложно». Честно признаться, и Конан сказал бы о себе то же самое...»

Вспомнилось, как Веллан несколько раз упоминал это слово — «чужой». Ничего не понимаю. Однако надо продолжать игру.

— Я знаю, это почти невозможно, — вздохнул сидевший передо мной человек. — Но если бы ты, Ринга, Халк и другие попробовали уговорить Конана...

— Боюсь, этого не сумеет сделать даже Митра. — Я покачал головой и с преувеличенным разочарованием развел руками. — Если ты столь хорошо знаешь киммерийца, его привычки и его характер, ты моментально понял бы, что он откажется. Конан никогда не позарится на принадлежащее другим по праву, однако и своего не отдаст. Корона принадлежит ему.

— Корона действительно принадлежит Конану Киммерийцу. То есть мне, — произнес двойник. — А остальные могут отправляться в Нергалову задницу. И любому самозванцу я кишки на уши намотаю...

Привычные слова Конана. Даже интонация одинаковая. Вот так и уверуешь в раздвоение душ. Кто знает, вдруг сейчас со мной разговаривает один из богов, принявший облик нашего киммерийца?

— Итак, — твердо проговорил самозванец. — Мы сейчас говорили о пустом. Теперь давай побеседуем о деле. Ты — человек умный, и должен был сообразить, что я тебя отпущу. Может, дам свободу и Ринге. Все равно вам никто не поверит. Промолчите — и ладно. Начнете распространять слухи о самозванце — вас высмеют и в Аквилонии, и в Бельверусе. Поэтому я спрашиваю: как слуга короля Нимеда и третий по значению человек в Немедийском королевстве, но не как, — следующие слова он произнес с глумливым оттенком, — друг Конана Канах, ты признаешь меня королем Аквилонии? Именно как политик?

— Как политик — да, как человек — нет, — решительно сказал я.

Пусть Митра сделает так, чтобы он мне поверил! В конце концов, я недаром специально учился актерс-

кому мастерству у лучших фигляров Немедии! Я могу разыграть благородное возмущение и вместе с тем смирение со сложившимися обстоятельствами.

— Другого я и не ждал, — удовлетворился Конан-не-Конан. — А теперь слушай внимательно. Ты знаешь, что я начинаю войну с Офиром. Золото, полученное с рудников Ианты, я буду использовать на дальнейшее расширение границ Аквилонии. Не беспокойся, Немедию это никак не затронет. Просто я хочу поделить мир с Троном Дракона. Аргос, Зингара и часть Шема с Асгалуном отойдут Тарантии. Нимед утвердит свою власть в Заморе и Бритунии. Половину Офира с некоторыми золотыми копиями вы можете забрать себе. На эти завоевания у Немедии и Аквилонии уйдет около года.

— А что потом?

Ой, умеет этот красавчик! План у него сумасшедший, но что самое смешное, выполнимый. Если Немедия с Аквилонией станут реальными союзниками, сии великие державы смогут задавить своей мощью все страны к закату от Кезанкийских гор. Серьезных войн у нас не велось почти сто лет, и армии более мелких государств никуда не годны. Вместе наши короли сумеют установить контроль над всем Закатом... Но что произойдет дальше?

— Потом? — переспросил самозванец. — Через два-три года мы сможем разгромить Стигию. Похоже, все разговоры о невероятной мощи стигийцев изрядно преувеличены. Мы получим выход к неразработанным золотым жилам Пунта и к границам Иранистана. Потом настанет черед Туранской империи, а попутно — всякая мелочь наподобие Хорайи, Хаурана и восходного Шема. Установятся две империи — Немедийская и Аквилонская. Которые, возможно, сумеют в будущем объединиться в единое государство наподобие Кхитая.

— Зачем? — поразился я. — И под чьим скипетром? Под твоим?

— Это будут решать следующие поколения, — бесстрастно сказал фальшивый король. — А вот вопрос «зачем?» меня действительно интересует всерьез. Посмотри на карту Закатного материка. — Он встал, подошел к вытканному на ковре плану и, взяв со стены короткий эсток, начал показывать. — На полуночи Аквилония граничит с Киммерией, за которой лежит Нордхейм. Мы не знаем, что происходит в полуночных землях, однако можем подозревать, что рано или поздно асиры и ваниры расплодятся настолько, что их скудная земля не сможет прокормить всех. Что они сделают? Правильно, начнут искать новые плодородные угодья. Прежде всего под ударом варваров окажется Аквилония. Теперь смотри на побережье Закатного океана. Гигантская территория занята пиктами, еще худшими варварами, нежели нордхеймцы. С язычниками договориться невозможно. Насколько я знаю, женщины пиктов рожают все больше детей, теплое океанское течение смягчает зимы в Пуще... Уже много лет там не было ни одного неурожая. Земля Пуш может прокормить десятки тысяч, однако сотни тысяч людей начнут себя чувствовать стесненно. Что произойдет следом? Верно, удар через Велитриум на Галпаран и Танасул, второй — через Тауран на Тарантию, третий — на Пуантен и Зингару... И нет великой Аквилонии! Что мы должны сделать, дабы избежать катастрофы? Правильно, объединится и создать величайшую армию этого мира! Да, я предлагаю объединять страны огнем и мечом, но это лишь к пользе ваших внуков и правнуков!

Теперь я точно понял, что передо мной не Конан. Киммериец, безусловно, умен и хитер, однако мыслить в таком масштабе он еще не приучен. Конан считает пиктов и нордхеймцев лишь незначительной, хотя и постоянной угрозой. А кроме того, никто никогда, ни один аквилонец, немедиец или подданный Зингары не задумывался над тем, что сейчас поведал мне двойник

Конана. Выходит, через какое-то время мы — цивилизованные жители Заката — окажемся под угрозой нашествия варваров? Только когда это произойдет? Через сто лет? Через триста или через пятьсот?

Но как любопытно, кем же является этот человек? Сумасшедшим? Или незамеченным никем гением? А может быть, вообще не человеком? Откуда он взялся? И почему именно сейчас?

Я подумал и задал важнейший вопрос:

— Откуда появился зеленый огонь? — Я не мог не увязать странности появления двойника в Пограничье и обрушившуюся на страны Заката беду. Как могут быть связаны этот человек и подземное пламя?

— Не скажу, — ответил самозванец. — Почему? Во-се не из-за неведения. Просто время узнать истинное положение вещей для тебя пока не настало. Рано или поздно ты выяснишь все подробности. Итак, я поставил перед тобой выбор: либо ты, Мораддин, граф Эрде и начальник тайной службы Немедии, признаешь меня истинным королем трона Льва и начинаешь трудиться вместе со мной на благо цивилизации Заката, либо можешь катиться на все четыре стороны. Тебя проведут до немедийской границы, а дальше... Дальше можешь делать все, что угодно. Однако не забывай, что Ринга останется здесь. Конечно, со старыми друзьями так поступать нехорошо, но высокая цель может оправдать средства ее достижения...

— Согласен, — кивнул я. — Да, разумеется, я буду помогать тебе. Но прежде всего я ставлю два условия. Госпожа Ринга уедет со мной. И ты не будешь преследовать настоящего Конана, а дашь ему возможность покинуть страну.

— Даю слово, что как только ты окажешься в Бельверусе и подтвердишь слова герцога Просперо, которого я послал своим поверенным к Нимеду, графиня Эрде будет немедленно препровождена до границ твоего государства. — Двойник величественно поднял ку-

бок и по старой традиции принесения клятв плеснул несколько капель вина на пол. — Что же до второго условия... Если киммериец будет молчать и уедет из Аквилонии в течение ближайшей седмицы — я его не трону. И имя «Конан» ему больше принадлежать не будет. Пускай назовется, например, Аудагосом. Так, кажется, звали его деда?

«Пожри его демон, откуда он знает имя дедушки варвара? — поразился я. — Конан очень редко рассказывал о своей семье... И, конечно же, киммериец никогда не согласится на такие условия. Что из того следует? Правильно: Конан начнет действовать, попытается уничтожить самозванца, попадется и, скорее всего, погибнет... Однако, если подумать, я сумею помочь настоящему Конану избежать перечисленных ошибок и в то же время достичь своего — вернуть трон. Но, боги, сколько усилий придется приложить ради этого!»

— Что ж, попытаюсь уговорить Конана, — проворчал я. — Ответь, что ты требуешь от меня самого?

Самозванец фыркнул:

— Ты проговорился. Из этих слов я могу заключить: ты знаешь, где находится Конан. Впрочем, это неважно. Должен огорчить — твой разговор с Конаном не состоится. Если будет желание — передай ему письмо. А прямо сейчас ты отправишься в бассейн, отмоешься, получишь новую чистую одежду и любые необходимые вещи. Затем ты пообедаешь вместе со мной или отдельно — как хочешь — и в сопровождении гвардейского десятка покинешь Тарантию. У тебя будет находиться запечатанное письмо Нимеду. О его содержании ты наверняка догадываешься. Вернувшись в Бельверус, ты уговоришь своего короля на военный союз с Аквилонией, если, правда, этого раньше не делает Просперо. Когда все будет готово, пришлешь голубиной почтой послание. Там должно быть указано место на границе, где я и Нимед сможем встретиться

и подписать договор о союзе и совместных военных действиях против Офира и Кофа. Все просто.

— Проще не придумаешь, — хмыкнул я и отхлебнул из кубка. — Искатель приключений.

— Каков уж есть, — рассмеялся двойник. — Сделаешь?

— Да, — коротко ответил я и поднялся с кресла. Ничего себе — Мораддин, граф Эрде, стал мальчиком на побегушках у какого-то самозванца! Да я и настоящему Конану отказал бы в подобной ситуации! Клянусь честью, здесь что-то нечисто... — Я могу идти?

— Иди, — милостиво разрешил двойник. — Пакет с посланием Нимеду подготовят до третьего колокола. Отдыхай, набирайся сил... Можешь повидаться с Рингой. Но помни — если ты совершишь поступки, о которых потом пожалеешь, месьор Хальк и твоя супруга будут очень огорчены.

Я уже выходил из комнаты, намереваясь сразу отправиться в дворцовый сад, но самозванец вдруг остановил меня вопросом:

— Эй, Мораддин! Может быть, ты знаешь что-то, чего не знаю я?

— Представления не имею, о чем ты говоришь. — я выдавил мрачноватую улыбку и пожал плечами. — Увидимся ближе к вечеру.

* * *

Один из внутренних дворов Тарантийского королевского дворца занимал обширный, заросший самыми удивительными теплолюбивыми деревцами садик. Мастера-аквилонцы сумели накрыть двор ажурным сплетением металлических прутьев, меж которыми было установлено лучшее «хрустальное» стекло. Эдакий купол, поддерживавшийся тонкими деревянными колоннами. Это очень красиво — несколько тихо журчащих фонтанов, маленький искусственный водопад, сложенный из мрамора, бассейны с золотыми рыб-

ками, вечнозеленые стигийские пальмы, папоротник из Киммерии и багровые островки вереска. Устроитель сада наверняка задался целью совместить несовместимое, что ему блестяще удалось. Растения с полудня и полуночи, на ветках сидят многоцветные дарфарские попугаи, соседствующие с серенькими, но громкоголосыми соловьями из Аквилонии. Выложенные цветным камнем дорожки, павлины из Иранистана... Управитель дворца Хорса не жалеет денег на развлечения короля и его приближенных.

А вот это существо кажется чужим в роскошном до отвращения саду. Прямо мне навстречу, уныло опустив голову, повязанную черной тряпицей, бред рыжевато-коричневый грифон. Львиный хвост с кисточкой волочился по земле. В дополнение этой удручающей картины какой-то безумец повязал Энунду на хвост голубой бантик и одел на грифона кожаный ошейник с колокольчиком.

— Энунд,— тихонько позвал я.— Привет...

Зверь выпрямил шею и косо, по-птичьи, глянул на меня единственным желтым глазом. Второй скрылся под повязкой из черного шелка.

— Ого! — У него очень характерный металлический голос.— Явился! Ты знаешь, что здесь творится?

Меня всегда удручала манера Энунда называть вещи своими именами без какого-либо стеснения. Поэтому я многозначительно прижал палец к губам, однако Энунд меня не понял.

— Конан здоров, надеюсь? — осведомился грифон.— Как ваши приключения?

— Все хорошо,— тихо, почти шепотом сказал я.— Не ори.

— Начнешь тут орать! — сварливо и столь же громко пожаловался грифон.— Я все больше начинаю не любить людей. Этот мерзавец...

— Тихо! — рявкнул я. Зверь раздраженно дернул хвостом.— Потом поговорим. Ты давно выздоровел?

— Уж две седмицы прошло,— проворчал Энунд.— Крыло зажило, могу летать. Только глазница побаливает. Представляю, какую кличку мне теперь присвоят в клане! Энунд Одноглазый... Ты, как погляжу, все знаешь?

— Не все, но какую-то часть.

— Эта тварь — не Конан,— как бы невзначай заметил грифон.— Я говорю, а мне никто не верит... Даже Эви. Хотел улететь домой, в Ямурлак, но вас дожидался. Знал, что вернетесь...

— Ты случайно не знаком с Рингой, графиней Эрде? — Я погладил Энунда по голове. Жесткие, однако, у него перья.

— Графиня сидит и злится на весь мир,— отпартовал грифон.— Проводить?

Я кивнул, и Энунд, развернувшись, пошел в сад. Я принял это как приглашение последовать за ним.

Мы миновали купу сплетшихся ветвями зеленых кустов можжевельника и карликовых сосен, прошли мимо фонтана в виде русалки, сидящей на камне, и вывернули к беседке из тонких лиан. На ее вершине сидели два белых попугая с встопорщенными хохолками и оживленно переговаривались.

— Ринга? — Я поднял бровь.

— Наконец-то!

Госпожа графиня, как и сказал Энунд, томио возлежала в сплетенном из зеленых шелковых канатиков гамаке, штудирова толстую, оплетенную в кожу книгу. Я успел прочесть надпись на обложке: «Бебедор Немедийский. Трактат о небесных телах». У моей жены всегда были очень странные литературные вкусы...

Мы поняли друг друга с полувзгляда. Всего в нескольких шагах ошивались широкоплечие дворцовые служки, чье предназначение «следить за птичками в саду» отлично совмещалось с незаметной работой на пользу тайной службы Аквилонии.

Ринга недаром является самым опытным конферансье Вертрауэна. Я видел в ее глазах нешуточную тревогу, но все равно Ринга, используя свои актерские способности, быстро разыграла трогательную сцену встречи, расцеловала «возлюбленного супруга» и начала щебетать о чем-то наподобие «новых перьев на дамских платьях». Может, она и переигрывала, но...

— Ах, ты знаешь, дорогой,— Ринга говорила невинным голоском привыкшей к дворцовой жизни аристократки.— Я тут недавно повстречала одного знакомого. Мы вместе с ним однажды путешествовали... лет десять или пятнадцать назад. Он настолько изменился! Совсем другой человек! Раньше он мне нравился гораздо больше...

— Брось, какая ерунда.— Я принял окончательное решение, формировавшееся в голове со времени завершения беседы в оружейной комнате, обнял жену, зарылся лицом в ее волосы и едва слышно прошептал на ухо: — Это не он. Мы имеем дело с двойником. Понимаешь, что нужно делать?

Я погладил Рингу по руке и будто случайно задел ее перстень с темно-желтым камнем, потеревив его указательным пальцем.

— Я не сомневалась, что ты наведишь меня,— как ни в чем не бывало проворковала возлюбленная супруга.— Я до сих пор благодарна тебе за этот подарок. Мне так нравятся желтые бриллианты...

Она поднесла правую ладонь ко рту и, мило улыбаясь, поцеловала перстень. Как всегда, Ринга услышала мои мысли.

Потом мы говорили еще о чем-то — о последних новостях из Бельверуса, о модах и сплетнях о жизни высоких особ... Лишь косой и чуточку ехидный взгляд Энунда, разлегшегося у наших ног, давал мне понять — грифон распознал наш замысел.

Глава десятая ЭЙВИНД, ПЯТЫЙ РАССКАЗ

Тарантия, столица Аквилонии.

11 день первой зимней луны 1288 г., утро и далее

«...Разумеется, король-варвар, занимающий трон просвещенной и цивилизованной страны, не мог не вызвать ненависти среди определенной части своих подданных. Нынешний король не имел никакого отношения ни к одному семейству, претендующему на родство с легендарным основателем королевства — святым подвижником Эпимитриусом, или первыми королями Аквилонии; мало того — он даже не был аквилонцем по рождению, являясь, что называется, самым настоящим «человеком со стороны», осуществившим с помощью пуантенцев захват королевской власти. Конечно, подобное случалось и раньше, однако короли-захватчики с полным основанием усаживались на трон — в их жилах текла хоть капля крови Эпимитреев, и они успешно могли доказать это любому дотошному знатоку генеалогии и геральдики.

Однако за недолгие луны своего правления новый монарх сумел приобрести доверие обывателей, военной аристократии и части дворянства. Теперь попытка заговорщиков покончить с владыкой королев-

ства насильственными методами могла привести к вспышке гражданского неповиновения и расколу внутри страны. Тем не менее они не приняли этого в расчет, глубоко убежденные, что сам факт нахождения на троне безусловного наследника Эпимитриуса примирит жителей Аквилонии со столь внезапной сменой власти...»

*Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства*

Скучно все-таки здесь, в Тарантии. Плохо. На охоту так запросто не пойдешь. Любое мясо да любые шкуры всегда можно в лавке купить. И даже просто погулять меня не опускают. Хотя где здесь гулять-то? Одни сплошные камни, деревца все чахлые, берег реки гранитом обложен.

Словом, верно отец мой говорил — мир к упадку клонится. Взять хоть эту Обитель... Даром, что при храме Митры устроена, а порядку здесь нет никакого. Подумать только, срам какой — чтобы столько молодых людей жили без семей, без родительских поучений и всякого благочиния. Разве седые многомудрые старцы, что науки всякие слушателям этим преподают, благочинию обучат? Нет, конечно.

Вот и получается так, что парни, многие из которых лишь немногим старше меня будут, одной дурью в Обители маются.

От наук проку немного — в одно ухо влетело, в другое вылетело. Я вот нынешним утром книжку раскопал в нашей комнате, ее месьор Робер оставил. Вначале картинки смотрел. Думал — интересное что-то, так нет — страсти одни. Вначале человек, разрезанный напополам, потом отдельно рука, нога да со всеми жилами и мышцами. Целых пять картинок с растянутыми кишками. А в конце книги и вовсе сплошное непотребство — тайные стати, что мужские,

что женские, во всяческих видах... Вот, оказывается, чему их здесь учат!

Нет, правильно я думаю — стинет Аквилония от грехов, забывая древний уклад. Лучше бы я в замке Эрхарда остался. И племянник его меня звал, говорил — в стражу поступишь или в Охотничий приказ. Это все Веллан с Конаном меня уговаривали в Аквилонию поехать. Да, впрочем, я их сам бросать не хотел. Живых родичей у меня в Пограничье не осталось, в доме короля Эрхарда еще пообвыкнуться нужно, а я за последние луны к варвару и белобрысому оборотню привык. Считаю, как родные.

Привыкнуть-то я к ним, конечно, привык, да только какой с этого толк? Некогда им всем со мной возиться, каждый раз все непонятное растолковывать. Будто не понимают того, что какие вещи для них привычные, для меня внове. Оттого я про все и спрашиваю. Неохота полным чурбаном-то казаться.

Одна неприятность — про подземелья в Граскаале никто из них ничего толком сказать не мог. Даже Тотлант и Хальк, а эти двое, по-моему, все на свете знают. Неужели они все в своих книжках вычитали?

Волшебник с библиотекарем долго головы ломали, что же я такое в пещерах видел. Догадались, что люди, с которыми я разговаривал, жили очень давно и вроде бы однажды пропали без вести. На самом деле они, как и я, под землю угодили. Наверное, приглянулись этому подземному Хозяину, и он решил их к своей работе приставить — превращенными людьми распоряжаться, раскапывать горы и дом его наружу из-под земли вытаскивать.

Да только ничего у Хозяина не вышло. Нету у него больше дома. Сгорел в Извечном Пламени, какое из вулканов иногда выплескивается. Так ему и надо, я думаю. У меня вот тоже теперь дома почти что нет. И сколько людей из-за него погибло, даже представить страшно! Пусть он теперь тоже помается. Хотя кто его

знает, где он, этот Хозяин? Хорошо бы помер, когда ущелье с Небесной горой разрушилось, а если нет? И что случилось с теми, кто сидел в пещерах — со Стариком, Кхатти, Алькоем и другими? Старик, конечно, мне сказал, что они освободились и Хозяину больше служить не будут, только мне все равно неспокойно. Умерли они или нет? Они ведь очень помереть хотели. Чтобы не мучиться больше.

Мне после Граскаала долго сны страшные грезилась. Про подземелья и про то, как они начинают обрушиваться, а мне оттуда не выбраться. И камни с потолка падают, падают...

Потом сны прекратились, а мне стало казаться, будто и не было ничего этого. Никаких подземелий в Ивелине и Граскаале, никаких разговоров и никакой Небесной горы. Словно кто-то взял нож и напроць вырезал кусочек моей жизни длиной в две луны. Осталось пустое место, которое медленно зарастает. Пройдет еще луна-другая, и совсем зарастет. Я тогда все позабуду. Наверное, это и хорошо. Не должен человек эдакие страхи в себе хранить. Лучше уж что-нибудь хорошее помнить.

Да только мало у меня этого хорошего. Все больше про Райту, как мы там жили. Вспомню, порадуюсь, а потом снова тоска берет — Райты-то нету. Мы ведь мимо деревни проезжали, когда из Граскаала в Вольфгард ехали, и я посмотрел на пепелище. Только дома обгорелые из снега торчат. Была деревня Райта да вся вышла.

Одно мне теперь осталось — держаться близ Конана и друзей его. Они, правда, иногда такое откалывают, что меня жуть берет, но люди все-таки хорошие. Вот Хальк попался, так они сразу начали придумывать, как бы его из тюрьмы вытащить. Хорошо бы у них все получилось. И хорошо бы они вернулись поскорее, а то тревожно как-то. Боязно. Не за себя боязно, с нами-то в Обители Мудрости ничего слу-

читься не может, а за них. Может, мне надо было с ними пойти, а не оставаться здесь? Какой толк — хожу с глупой книжкой по комнате в доме для слушателей и силюсь понять — зачем на странице человек со снятой кожей нарисован? Пойду лучше у Тотланта спрошу. Заодно хоть и поговорю, а то совсем тоскливо становится.

Волшебник тоже с книгой сидит. Только он не картинки смотрит, а читает. Это сразу видно. Взгляд так по строчкам и бегаёт. И вообще, сейчас Тотлант сам на себя не похож. Он всегда длинную черную одежду носит, с золотой вышивкой. А с тех пор, как Мораддин заставил всех переодеться и назваться чужими именами, переоблачился стигиец в тунику из серой ткани с голубоватым узорчиком, штаны и зачем-то намотал на голову узкую лазоревую ленту. Она «тюбаном» называется. И разговаривать Тотлант начал смешно — всегда глупые вопросы задает и сам же на них вопросом отвечает. Только когда одни остаемся, снова в обычного человека превращается. А все остальное время он шемита изображает. Не знаю, кто такие шемиты. Не было в Пограничье такого племени.

— Это что? — Я Тотланту книгу протянул и на самую похабную картинку пальцем указал. — Сумеешь объяснить?

Тотлант сдвинул брови серьезно, отобрал у меня рукопись и, наконец, громко прочитал: *«На верхней же половине листа изображен ток семени мужеского от гнезда ко вратам, как подтверждено изысканиями многомудрейшего Стадиуса Шамарского...»*

Тотлант прервался и строго посмотрел на меня:

— Зачем тебе эта книга? — спросил волшебник. Я пожал плечами.

— Это что же, в здешнем Обители Мудрости молодежь таким непотребствам учат? — спросил я Тотланта. — Да разве можно так? Спалил бы ты это сочинение...

— Книги жечь негоже, — назидательно сообщил стигиец. — Не согласен?

— Да не сказал бы, — протянул я. — Тотлант, а Конан с остальными уже, считай, три колокола назад ушли... Что-то нету их долго. Вдруг с ними случилось чего?

— Все будет хорошо, — поморщился колдун. — Послушай, не мог бы ты мне не мешать? Месьор Робер принес том по практической магии, принятой в митрианских храмах, и я нашел несколько новых заклинаний. Будешь отвлекать — что-нибудь напутаю.

— Ну, извини, — смутился я, забрал книжку с разрезанными вдоль и поперек людьми и отошел к окну.

Окна комнат, отведенных нам месьором Робером, частью выходят на площадь, частью в переулок. Я сейчас на площадь смотрю.

День сегодня хороший. Пускай и холодно, а небо голубое. От реки ветром потягивает...

Стук в дверь раздался. Я оглянулся, и Тотлант мигом голову поднял. Ничего особенного — это месьор Робер пришел. Волосы, как всегда, встрепаны, глаза красные, будто у кролика, рукава в чернилах выпачканы. И вином от него за лигу несет. Настоящий слушатель, как Тотлант утверждает.

— Месьоры, что ж вы с утра в душном помещении сиднем сидите? — воззвал Робер и едва не насильно выхватил книжку у сразу помрачневшего Тотланта. — Вы, наверное, и не завтракали еще?

— Нет, отчего же, — возразил стигиец. — После девятого колокола из таверны принесли еду.

— После девятого! — воскликнул хозяин нашего жилища. — А сейчас второй послеполуденный! Вы, наверное, голодны! Месьор Астродиус в своем трактате неоднократно указывал — питаться нужно регулярно, обязательно горячим и недосолненным. Идемте!

— Куда? — всполошился Тотлант. — Нам необходимо дождаться друзей. Конан, то есть э-э... месьор Рутгер и остальные месьоры ушли по делам.

— Как ушли, так и придут, — невозмутимо ответил Робер. — Собирайтесь, я вас угощу. В таверны «Три луны» сегодня подают отличную телятину с чесноком и гвоздикой.

Я почувствовал, как заурчало в желудке.

— Пойдем? — Я вопросительно глянул на Тотланта. — Если человек приглашает, нехорошо отказываться.

— А-а... — Тотлант сморщился, махнул рукой и встал, оправив тунику. Потом добавил визгливым шепотом голосом: — Идемте, обжоры.

Я набросил суконную куртку, натянул сапоги и на всякий случай сунул за пазуху кинжал. Мало ли что случится? Вон давеча Халька схватили, а я и слова сказать не мог. С голыми руками против мечей не попрешь. Конан потом ругался, всякую хулу на меня возводил. Говорил: «Я в твои годы!.. Ну и что — пять человек, пять человек!.. Отобрал клинок и вперед!..» Конану хорошо рассуждать, он, по-моему, всю жизнь только и делал, что сражался с кем-нибудь. А я на мечях драться-то не умею. В кузне работать могу, охотиться, шкуры выделывать. Зачем мне эти острые железки?

Словом, пошли мы в таверну. Впереди Робер бежал, руками размахивая, за ним Тотлант шествовал, а я вслед. Я сначала думал — месьор слушатель нас в ближнюю таверну поведет, но ошибся. Вышли мы за ворота Обители Мудрости, полупьяную стражу миновав, и отправились вниз по улице.

Тотлант поначалу ворчал. Не нравилось ему, что мы Обитель покинули. Потом к уличной суете присматриваться начал — волшебник прежде в Тарантии не бывал. Все ему интересно. На лавки заглядывался, главный храм Митры с интересом осмотрел. Такой громадный домина, аж жуть берет. С круглой крышей и высокими колоннами. Стигиец заметил, что нужно потом в храм заглянуть будет. Здесь, мол, Валар, сын Гонтрана жрецом служит. Известный волшебник.

Перешли мост через реку Хорот. Замок королевский у нас по правую руку оказался. Я было понадеялся, что по дороге Конана и Веллана с Мораддином встретим. Но тут Робер свернул на улицу с темными домами (он объяснил, что называется этот проезд улицей Гвардейцев) и зашагал к самому красивому зданию на углу. Надпись на вывеске я не понял, однако мне понравились три золотых полумесяца с чеканкой, укрепленные на фасаде.

Прежде чем мы дошли до дверей таверны, случилось увидеть обычное городское непотребство. Какие-то люди в простой одежде с криками и гиканьем кидались камнями в окна лавки. Потом убежали, когда стража заявила.

— Это дом офирского купца, — пояснил Робер, указывая рукой на разбитые витражи. — Теперь в городе офирцев очень не любят.

— Какая неприятность, — вздохнул Тотлант. — Подданные Амальрика всегда были мирными и работающими людьми. Не пойму, чем Офир не понравился оборотню, сидящему на троне Аквилонии?

— Ты оборотней не обижай, — насутился я. — Во дворце никакой не оборотень, а нежить. Всеми кишками чую. А от Веллана ты хоть раз в жизни плохое слово слышал?

— Нет, — покачал головой Тотлант. — А если и слышал, то по делу.

Я так подумал: если самозванец, занявший место Конана, хочет воевать с офирцами, то пускай направляет свой гнев не на добрых торговцев, а на армию короля Ианты. Что плохого двойнику купец сделал? И ведь стража тарантийская вовсе не погналась за громилами, как положено во всех странах. Постояли, в затылках почесали и дальше отправились. Это я точно заметил.

Месьору Роберу, как видно, такие зрелища привычны были. Он в сторону дома офирца теперь даже

не смотрел. Неинтересно ему. Слушатель вдруг меня за рукав схватил и потащил к толстому краснорожему дядьке, стоявшему у стены с деревянным лотком в руках. Тотлант, конечно, за нами пошел.

— Перед обедом надлежит обязательно съесть булочку с медом, — орал месьор Роберна всю улицу, так, что прохожие оборачивались. — Чтобы разжечь аппетит!

Он вынул из кармана золотую монету, отдал ее лоточнику и, забрав с подноса темного дерева четыре вкусно пахнувшие липовым медом лепешки, выдал по одной мне с Тотлантом.

Не понимаю, зачем человеку нужно как-то «аппетит разжигать»? Я и без этой булки смог бы за милую душу поесть в таверне. Робер, однако, человек многоученный, ему виднее.

Мы медленно топали по улице в сторону таверны. Хорошо пропеченное белое тесто незаметно таяло у меня во рту. А вкус меда почему-то напомнил Райту. Мы с отцом каждым летом ходили в лес, смотреть гнезда диких пчел и добывать соты. Отец всегда говорил: «Зимой каждому человеку мед потребен. Чтоб десны не кровоточили». К осенним лунам в кладовой нашего дома всегда целый бочонок меда стоял. Тоскливо мне по дому. Хорошо было в Райте.

Где-то позади, за спиной, стукнули копыта лошадей. Мы посторонились, прижавшись к стенам домов. Если не отойдешь с дороги конников — затоптать могут. Вот такие эти города...

На следующем перекрестке, отстоявшем шагов на двадцать вперед, показалась вынырнувшая из-за угла груженная соломой телега. Вол, шедший в упряжке, двигался медленно и очень скоро огромная тяжелая повозка перегородила всю улицу Гвардейцев. А лошадиный топот конного отряда все приближался. Наконец, я обернулся и замер на месте. Никогда не боялся Черных Драконов. Жил во дворце у Конана, видел их

стократно. Люди как люди, только в одинаковую одежду обряжены. Месьоры Драконы меня даже пивом угощали, о Пограничье расспрашивая. Все смеялись — поглядите, мол, настоящий варвар с полуночи.

Я так понимаю: в Аквилонии варваром любого человека из Нордхейма, Киммерии или Пограничья называют. Я не обижался. Слово непонятное, а уж если варваром самого Конана кличут, то мне и вовсе не зазорно так именоваться.

Отряд Черных Драконов остановился прямо напротив нас, пережидая, когда повозка с сеном минует улицу. Признаться честно, сейчас у меня внутри все сжалось. Конечно, гвардейцы хорошие люди, но если им велено ловить спутников настоящего Конана, то они все выполняют в точности. Вспоминаю, как Халька задержали, сразу нехорошо становится. Вдруг меня с Тотлантом углядят? Мы оба приметные.

— Проезжай! — кричал один гвардеец, ехавший в голове отряда. На его рукаве был вышит серебряный лев, и я сразу понял — это сотник. Мне Хальк разъяснял, что означают выведенные на одежде знаки. — Возчик! Ты что, помер? Расшевели своего вола!

— Эйвинд... — Тотлант положил руку мне на плечо и заставил нагнуться. — Клянусь ядовитыми клыками Сета, это же Мораддин!

— Где? — прошептал я на ухо волшебнику и в это же время украдкой осматривал улицу. — Ты что несешь?

Колдун указал взглядом на одного из всадников. Он находился в самой середине отряда Черных Драконов. Точно, Мораддин. Рост невеликий, короткая черная борода, взгляд удивительно спокойный и безмятежный. Только одет по-другому. Месьор Робер, сейчас болтающий с лоточником и пережидающий уличный затор, графу Эрде только сегодня утром черносеребряное платье принес. А сейчас Мораддин в коричневом. Дорожная кожаная одежда, сразу мож-

но опознать. Куда ж он собрался-то? Да еще вместе с Драконами...

— По-моему, у месьора графа серьезные неприятности, — едва слышно пробурчал Тотлант. — Гвардейская стража... О боги, целых двенадцать человек! Эйвинд, соберись.

И в этот момент я перехватил взгляд Мораддина, сидевшего на высоком и очень выносливом гандерландском жеребце. Его серые глаза сказали мне: «Молчи и не двигайся». Но все равно было поздно. Тотлант начал действовать, не спрашивая моего совета. Да и что бы я мог посоветовать колдуну?..

Волшебник отступил к дому, прижавшись спиной к стенке, закрыл глаза и, сложив пальцы в какую-то невероятную фигуру, быстро-быстро зашевелил губами. Я сразу понял, что он шепчет заклинание и на всякий случай шагнул в сторону.

Уже наполовину пересекший улицу Гвардейцев воз с копною сена вдруг полыхнул ярким оранжевым пламенем. Мигом раздался крик горожан, а лошади Черных Драконов забеспокоились, учуяв огонь. Затем Тотлант простер ладони перед собой и с каждого пальца попеременно сорвалось по тонкой фиолетовой молнии. Они ударили в лошадей Черных Драконов, отчего те обезумели. Конечно, больно, когда в тебя молнией швыряются.

Некоторые кони завалились набок, другие понесли. Началась суцая неразбериха. Все кричат, лошади надрывно ржут, телега горит, испуская к небесам прозрачный голубой дым... А мне-то что делать?

Краем глаза я углядел, как месьор Мораддин соскочил с седла. Его жеребец, косясь на перепуганных людей карим опасливым глазом, рванул вперед. Однако и Черные Драконы поняли, что немедийский граф может сбежать.

Никогда ничего подобного не видел, да, полагаю, и не увижу впредь. Мораддин, который не был воору-

жен, пнул ближайшего гвардейца носком сапога под подбородок, прыгнул за ним и в кувырке сумел выхватить меч из ножен Черного Дракона.

Против графа стояли сразу четверо. Первые двое вовсе не поняли, что за тень мелькнула перед их глазами, и свалились на камни мостовой с рассеченными шеями. Следующий успел сделать замах мечом, однако граф Эрде как-то поддел его клинок, зацепив за крестовину своего, и меч гвардейца взлетел высоко в воздух, а там вонзился в деревянную балку дома. Мораддин не стал убивать этого человека, а просто залепил ему в лицо яблоком своего клинка. Четвертый был вооружен узким длинным мечом и кинжалом. Если на первых трех граф потратил времени ровно столько, сколько хватает для пяти ударов сердца, то с воякой пришлось повозиться. Несколько обменов ударами, и вот кинжал противника выбит из рук. Черный Дракон рассчитывал на длину своего меча, но прогадал. Мораддин, отведя кверху колющий удар, нырнул под меч, перекатился через спину по земле и ударил по ноге гвардейца. Тот, заорав, моментально свалился.

— Что происходит? — Месьор слушатель наконец-то заметил, что совсем рядом происходят странные события и обернулся. — Хараим, ты что творишь?

— Я не Хараим, я Тотлант, — заодно отвечивал волшебник, сбивая с ног одного из Черных Драконов огненным шариком. — Магией балуюсь. Практической.

— А-а... — ошарашенно закивал Робер и шархнулся прочь. Наверное, испугался.

— Что вы, Нергал вас всех задерит, здесь делаете? — прошипел Мораддин, подбегая к Тотланту. Уцелевшие гвардейцы либо пытались выбраться из-под придавивших их лошадей, либо оторопело озирались не понимая, что творится вокруг. — Болваны! Все испортили!

— Мы тебя спасаем, — отвечивал Тотлант. Следующему Дракону пламенистый шарик величиной с

вишню заехал точно в пах и доблестный страж зашелся тоненьким визгом.

— Ой, идиоты... — Мораддин выглядел необычно. То есть он был взбудоражен, разозлен и выведен из себя. — Бежим! Сейчас за нами начнет охотиться весь город! Назад, вниз по улице, затем на переулок Белошвеек! В сторону от замка, там будут искать в первую очередь!

И мы побежали. Впереди Мораддин с Тотлантом, я вслед. Вечный слушатель, месьор Робер, остался. Он сидел на каменном порожке какого-то дома и наблюдал испуганно-восторженными глазами.

Как ни странно, прямо сейчас за нами не погнались. Наверное, никто и не понял, что именно произошло. Оно и к лучшему.

* * *

Удивляюсь тому, как быстро новости разносятся по городу. Мы, перебежав на соседнюю улицу, а затем свернув к площади короля Сигиберта, сумели расслышать слова пеших городских стражников в малиновых тужурках о том, что на улице Гвардейцев стряслось что-то невероятное. Поначалу я думал, что мы оторвались от Черных Драконов, сопровождавших Мораддина. Но...

— Пусть вас задерет Нергал своими когтями! — едва слышно шипел Мораддин, кидая яростные взгляды на Тотланта. — Стигийское отродье, тебя кто-нибудь просил меня спасать?

— Я хотел, как лучше... — пожал плечами волшебник, пропустив мимо ушей обидные слова.

— ...А получилось — как всегда! — рыкнул Мораддин. — Эйвинд, шагай быстрее! Ну, дурачье! Выехал бы я за город, обязательно нашел бы способ уйти от стражи!

— Откуда мы знали? — громко возмутился Тотлант, не привыкший к грубостям со стороны гра-

фа.— Может быть, тебя в тюрьму везли! Или, что хуже, на эшафот! Ты бы на нашем месте поступил точно так же.

— Не ори,— буркнул граф Эрде и подозрительно осмотрелся по сторонам.— Двигаемся к тому переулку. Быстро!

Я с изумлением обнаружил, что мы втроем находимся на главной улице Тарантии. Той самой, что ведет от ворот замка к Восходным воротам города. От стражников здесь не продохнуть. Ходят по трое. Во-он, видите, возле Казначейской управы, отмеченной золотыми весами над главным входом, и конный патруль стоит?

Громыкнули копыта по камням мостовой. О боги, нас все-таки догоняют! Из-за поворота появились четверо конников. Гвардейцы, уцелевшие после драки с Мораддином и Тотлантом.

— Задержать!! — истошный крик одного из Черных Драконов ударил мне в спину.— Городская стража! Те трое! Быстрее-е!

Вот сейчас мы и припустили со всех ног. Я нечаянно сбил с ног пожилую горожанку, и она с визгом улетела на лоток торговца свежей зеленью. Тотлант шагов через двадцать споткнулся о тонкую деревянную стойку, удерживающую навес над входом в оружейный магазин и запутался в плотной багровой ткани. Мне и Мораддину пришлось вытаскивать волшебника за шиворот. Тотлант ругался совсем непотребными словами, но все-таки встал на ноги и побежал за мной.

— Офирцы! — раздался рядом возглас. Орал красномордый купчишка средних лет с бляхой гильдии на груди.— Вон тот, смуглый, в синей тунике! Люди добрые, держите офирского заговорщика!

Он было рванулся к нам, опережая стражников и гвардейцев, и успел-таки схватить неудачливого колдуна за край одежды. Купец был здоровый, с большими сильными руками, а Тотлант больше напоминал ху-

денького мальчишку. Я смекнул, что волшебнику нужно помочь, развернулся, сграбастал краснорожего за грудки левой рукой, а правым кулаком саданул по носу. Отец мне всегда говорил: «Ты, обормот, представления не имеешь о собственной силе». Так оно, наверное, и есть. Под кулаком неприятно хрустнуло, торговец отлетел в сторону шагов на пять и, тоненько завывая, разлегся на мостовой. Надеюсь, я его не насмерть зашиб.

— Бежим! — Я подхватил Тотланта за руку и бросился вслед за Мораддином, дожидавшимся на углу узкого переулка.

Топот гвардейских лошадей был все ближе. Один раз нам попытались перегородить дорогу трое городских стражников. Граф Эрде, схватив с мостовой камушек, запулил им первому точнехонько между глаз, да так, что преследователь свалился, даже не ойкнув. Двух других сшиб я. По-нашему, кулаками. У нас в Райте частенько потешные кулачные бои случались, на праздники. Я в последние два года всегда победителем был. Не разучился еще.

Мне потом Мораддин рассказывал, что мы свернули в один старых кварталов Тарантии. Назывался он «квартал Рогаро». Это старое аквилонское слово, обозначающее торговцев всяческими редкостями. Магическими предметами, старинными вещами или красивыми и очень древними поделками. Здесь жили люди, содержавшие на первых этажах своих домов много-различные лавки, магазинчики и даже курительные комнаты для любителей дурманных трав, привозимых из стран Восхода.

Рогаро выстроен несуразно. Множество маленьких узких улиц, арок, проходных двориков, перепутанных меж собой, как лесные тропинки. Очень помогает при бегстве. Если, правда, ты знаешь, куда бежишь.

Мораддин двигался уверенно. Но все равно два раза заводил нас в тупики — дворы с одним лишь входом, окруженные кирпичной темно-красной сте-

ной. А где-то позади все громче били колотушки стражи, ринувшейся за нами в старый квартал.

Я знаю, что такое охота на лису. Благородные дворяне делают просто — спускают собак и скачут на лошадах за сворой по следу. Мы в Райте делали по-другому. Отыщешь нору, закроешь все выходы, кроме двух, а потом загоняешь туда особенных собак. В Пограничье есть такие — маленькие, белошерстные и кривоногие, однако жутко настырные. Стоишь возле входа в нору и ждешь: может быть, собака выгонит на тебя лису, может быть, сама ее задавит, а может быть, лиса найдет один из не замеченных охотником выходов. Мораддин наскоро объяснил, что, скорее всего, тарантийская стража поступит именно так. Перекроет улицы, выводящие из Рогаро, и начнет прочесывать квартал. Рано или поздно попадемся. Нужно где-то укрыться. Либо раньше, чем квартал оцепят, найти выход к берегу Хорота или на пустыри у полуночной стены города.

Прохожих на улицах Рогаро было очень мало. Я заметил, что люди здесь в основе своей солидные, пожилые. Некоторые похожи на учителей из Обители Мудрости. Уважаемые молодежью окладистые седые бороды, квадратные шапочки и фиолетовые плащи. Смешно наблюдать, как старцы шарахались от троих вспотевших, тяжело дышащих беглецов. Кроме того, граф Мораддин сжимал в руке обнаженный меч. А на лезвии — коричнево-багровые пятна...

Мораддин очень быстрым шагом свернул налево, в одну из арок. В дальнем конце обнаружившегося за ней уютного дворика, засаженного цветами, была видна дверь.

— Туда, — коротко приказал граф, снисходительно оглядывая закрытые стеклянными колпачками низкие кадучки с неизвестными мне белыми цветами. Наверное, хозяйка этого двора очень почтенная женщина. Скоро зима настанет, а она за растениями ухаживает. — Тотлант, ты почему задыхаешься?

— Не привык я к таким гонкам, — прохрипел волшебник, держась за мою руку. — Вон Эйвинд, здоровенный как лось... Ему хорошо!

— Где ж хорошо, — буркнул я. — Думается мне, одной тюрьмой после таких вывертов не отделаемся. Я купца ударил, граф нескольких гвардейцев порешил... И телегу с сеном мы сожгли. Чем возница был виноват?

— Эйвинд, — вздохнул граф, быстро шагая к дверце. — Ты наша ходячая совесть. Пойми, дорогой мой, здесь не Пограничье. И не твоя деревня, где каждый знает каждого и любой человек на виду у всех остальных. Здесь надо за жизнь бороться.

— Точно старые люди говорили, — огорчился я словам графа. — Стареет мир, к закату ощутимо близится. И все зло — от городов.

— Деревня! — хмыкнул Тотлант. — Диву даюсь, почему я Пограничье поселился. Одни варвары!

Я опять не обиделся. Словом «варвар» люди с полудня всех чужих обозначают. Значит, для меня они тоже варвары. И стигийцы, и немедийцы, и подданные Аквилонии. Да еще какие! Где древний уклад в городах найдешь? Нигде, это точно говорю. Пускай и молод я еще, а все одно — придется для них «ходячей совестью» побыть. И про благочиние напомнить.

Мораддин пихнул дверь ногой. Кто ж так делает? К любому дому нужно с уважением относиться. А дверь-то на соседнюю улицу вела. И столкнулся наш граф лицом к лицу с четырьмя стражниками в малиновом. Мне прежде Хальк рассказывал, что подчиняются они не прямо королю, но городской управе. Так по-здешнему совет старейшин называется.

Я из-за плеча графа Эрде наблюдал. Вначале у старшего караула, отмеченного вышитым золотым драконом на рукаве, челюсть едва не до земли отвисла. Однако, как я заметил, человек это был солидный,

в годах, с седыми, свисающими ниже подбородка усами. Быстро он с удивлением совладал. На Мораддина, застывшего в проеме, спокойными блеклыми глазами посмотрел и сказал:

— Назовись. И меч убери.

— Некогда! — рывкнул граф, молниеносно ударил стражника ногой в грудь и, подавшись назад, захлопнул дверцу. И на засов ее запер. Сразу же в доски притвора начали колотиться. Доски, между прочим, тонкие. И петли не самые лучшие, медные.

— Здесь мы не пойдем, — Мораддин озабоченно глянул на нас. — Назад!

Мы снова пробежали через двор с цветочными кадками и нырнули в следующую по улице арку. Я успел заметить, что проезд заканчивается тупиком — в конце улицы был выстроен узкий и островерхий дом из булыжного камня. Окно на втором этаже было приотворено и, кажется, из-за светлой занавеси на нас кто-то смотрел...

— Клянусь Митрой, снова тупик! — воскликнул Мораддин, зайдя на двор. Здесь было не в пример красивее. Деревянные статуи, изображающие богов, небольшой каменный фонтан и оплетшие стену нити вечнозеленого плюща. Единственная дверь с разноцветным витражом вела в глубину дома.

— Не сюда, — Граф развернулся на каблуках и отправился к арке. Мы с Тотлантом послушно зашагали вслед. — Стойте!

Со стороны главной улицы квартала Рогаро приближалась стража. Человек восемь или десять. Они должны были зажать нас в тупике. Никаких выходов, кроме как внутрь двухэтажного строения, не было. А туда нас вряд ли пустят.

Мораддин украдкой выглянул из арки и тотчас прижался к стене.

— Будем прорываться, — бесстрастным голосом сообщил он. — Тотлант, ты сможешь уложить хотя бы

троих? Да? Отлично. Эйвинд, держись у меня за спиной. Не хватало, чтобы ты сдуру под клинок попал. О, нет...

Мораддин буквально застонал. Из переулка-тупика донесся звук лошадиных подков. Я отлично знаю, как железо бьет по камню. Значит, нам втроем придется стоять не только против стражи, но и против нескольких гвардейцев. А Конан баял, что гвардия у него изрядно обучена драться. Я, признаюсь честно, не особо люблю с настоящими военными биться. Мечным искусством до сих пор не овладел, а с кулаками против железа не особо попрешь. Но все равно свою жизнь так запросто не отдам.

Они подходили все ближе. Пятьдесят шагов. Двадцать. Железные подковки на сапогах гвардейцев высекали искорки из гранитного облога мостовой. Пока они нас не видели — скрывала правая стена арки. Мораддин по привычке достал из кармана тряпочку и протер клинок. Тотлант хмурился, наверняка вспоминая боевые заклинания. А я просто стоял как дурак. Какое у меня оружие? Только кулаки да охотничий нож за пазухой.

Со двора пришел новый звук. Так скрипит давно намазанная дверь. Подумалось, что сейчас заявится хозяин углового дома и начнет истошно орать: «Мол, здесь разбойники, держите их!»

Мораддин тоже обернулся. Уверенным быстрым шагом к нам направлялся человек в темной одежде, в плаще, капюшон которого укрывал лицо. Виднелся лишь острый подбородок с ямочкой посередине. Граф Эрде невидным глазу движением выбросил меч перед собой. Человек остановился в двух шагах.

— Стоите? — Голос незнакомца был низким и глухим. Его выговор мне напомнил Тотланта. — Зачем стоять? Ждать смерти? В надлежащий срок она настигнет всякого, задача человека — лишь отсрочить ее приближение.

— И что ты предлагаешь? — насторожено произнес Мораддин, а Тотлант наклонил голову и нахмурился, словно услышал нечто знакомое, да не мог припомнить — что именно. — Шел бы ты, почтенный, своей дорогой. Сейчас тут драка начнется, вдруг заденут...

— Молчите, — непрерываемо приказал человек в черной одежде. Лица он так и не открыл, а наоборот, натянул капюшон пониже. — Хотите спастись — ступайте за мной. Только быстро.

Мораддин и Тотлант обменялись быстрыми взглядами. В глазах волшебника я увидел непонятную надежду. Граф Эрде кивнул, а Тотлант первым шагнул за незнакомцем.

Прежде чем городская стража и гвардейцы достигли арки сероватого двухэтажного дома, мы вчетвером скрылись за дверью, украшенной витражом. В полутьме я рассмотрел коридор, редкие масляные лампы на стенах и учуял запах благовоний. Куда мы попали?

— Очень быстро, — приказал неизвестный. — Сударь, уберите оружие, здесь оно не понадобится.

Последние слова относились к Мораддину, и граф моментально спрятал клинок под плащ.

Никогда не думал, что дом может быть настолько большим. У нас в Райте было все по-другому. Сразу за входом — сени, затем горница, клетки, чердак с подвалом и ничего больше. А тут... Первый коридор сменился вторым, третьим, мы проходили через обширные, едва освещенные комнаты с деревянными лужами, потом миновали два узеньких, похожих на горные ущелья, дворика, и, наконец...

Незнакомец в черном раскрыл низкую дубовую дверь и указал вперед длинным пальцем с желтоватым острым ногтем.

— Это квартал мастеровых. Пройдите по улице вперед и окажетесь на берегу Хорота. Если вам нужно выйти за город — извольте, я провожу вас.

— Нет, благодарим. Нам необходимо убежище в столице, — мгновенно ответил граф Эрде. — Но, почтенный, могу я спросить твое имя?

— Имя? — засомневался человек. — А есть ли разница в том, каково оно?

— Постой, — перебил его Тотлант. — Я слышу по выговору, по акценту... Ты производишь родом из полуденных стран. Шемит?

— Не больше твоего, — невесело усмехнулся неизвестный. — Ты стигиец, а натянул на свое тело тряпки, которые носят только разжиревшие купцы Асгалуна и грязные кочевники Эрукских пустынь. Не совестно? Вспомни зов крови! Пусть твои друзья скажут спасибо, что я наблюдал за вами из окна и распознал твою стигийскую кровь и твой дар волшебника.

— Постой, — замялся Тотлант. — Кто ты? Прошу тебя, назовись! Я действительно происхожу родом из Стигии, из Луксура. Родовое имя — Тотлант. Моего отца звали Менхотепом. Он был волшебником и управлял стихиями пустыни...

— А-а! — рассмеялся человек. — То-то я гляжу — знакомое лицо! Ты действительно похож на отца. Ты исчез семь лет назад, и мы все гадали — где сейчас старина Тотлант? О тебе не было никаких известий.

Стигиец помрачнел, однако не стал ничего говорить. Выжидал.

— Хорошо, — сказал облаченный в темный плащ человек, — тебе, как сородичу, я назовусь. Надеюсь, ты ручаешься за своих друзей?

— Несомненно, — кивнул Тотлант.

— Мое родовое имя — Тот-Амон, сын Мин-Кау, — провозгласил неизвестный. — Сейчас я вынужден жить в Тарантии.

Мне самому это имя ничего не сказало. Но Мораддин вылупил глаза, а Тотлант, раскрыв рот, застыл, подперев спиной стену.

— Хотите пересидеть тревогу в городе? Любопытно...— спросил человек, назвавший себя Тот-Амоном.— Хорошо, придется помочь. Думаю, что сумею найти убежище для соотечественника и его друзей. Кстати, почему на вас охотилась стража?

Мораддин медленно сполз вниз по стенке и присел на корточки, закрыв лицо руками. Я распознал его слова, произнесенные едва заметным шепотом:

— Тот-Амон... О боги, только его нам сейчас не хватало...

* * *

— Пойдите здесь и подождите,— сказал Тот-Амон.— Я выйду на улицу и осмотрюсь. Не высывайтесь наружу.

Скрипнули петли двери, и человек в темной одежде выскользнул на оживленный проезд. Лучик солнца из оставшейся щелки ударил Мораддину в лицо, и граф сморщился, будто кислого яблока отведав. Некоторое время мы молчали, прислушиваясь к удаляющимся шагам неожиданного спасителя. Но вот Тотлант вытянул руку и тронул Мораддина за плечо.

— Это действительно он,— сдавленно проговорил волшебник, и я понял, что он имеет в виду нового знакомого.— Я видел его раньше, в юности. Еще в Стигии. Когда отец умер, я уехал в Пограничье, и Черный Круг не представляет, что со мной случилось. Вот так встреча...

— Теоретически...— начал Мораддин,— Тот-Амон может находиться в Аквилонии. Мне слишком хорошо знакома история его изгнания из Черного Круга. Но я не мог предположить, что встречу столь знаменитого волшебника в столице, да еще при таких плачевных для нас обстоятельствах...

— Что делать будем? — спросил Тотлант.— Честно признаться, лучше уж попасться стражникам, чем проводить время в обществе этого неприятного месь-

ора. Конечно, он нам помог, но... Тот-Амон никогда не делает ничего просто так.

— Что делать? — медленно переспросил Мораддин.— Кажется, у меня появилась одна хорошая мысль... Складывается впечатление, что я нащупал одну очень интересную ниточку. Сейчас мы за нее подергаем и посмотрим, где находится клубок. Тотлант, подыграешь? Эйвинд,— граф повернулся ко мне и глянул строго,— ты будешь соглашаться со всем, что мы скажем этому человеку, а лучше всего — помалкивать.

— Хорошо,— кивнул я, не совсем понимая, о чем идет речь.— Месьор граф, а кто он? Этот ваш Тот-Амон?

— Был бы здесь Конан,— усмехнулся Мораддин криво,— он бы мигом объяснил... Неважно. Просто молчи, и все.

Я обиделся и отвернулся. Вечно у них секреты какие-то. А мне, чуть что, твердят: «Эйвинд, молчи! Эйвинд, сиди тихо! Эйвинд, не лезы!» Будто я ребенок маленький. А я, между прочим, в Райте посвящение охотника принял. Дите неразумное охотником быть никак не может.

Мораддин и стигиец недолго пошептались, причем Тотлант изредка прыскал в кулак. Веселился. Граф же оставался серьезным и смотрел на волшебника неодобрительно. А мне придется стоять и смотреть, как они обманывают человека, который спас наши шкуры. Нехорошо так делать...

Дверь, ведущая на улицу, распахнулась, и на пороге воздвиглась высокая фигура человека по имени Тот-Амон. Только сейчас я рассмотрел, что он высок, тощ и длиннорук. Однако кажется очень сильным. Лицо по-прежнему было скрыто капюшоном.

— Следуйте за мной,— скомандовал знакомый Тотланта.— Вначале идем к реке, а затем в сторону Зеленых Садов.

Я раньше слышал от Халька и Паллантида, что Зелеными Садами в Тарантии называется часть горо-

да, где живут очень богатые люди. Там стоят их дома, окруженные небольшими парками. Только не знаю, далеко ли это отсюда.

— Однако, уважаемые месьоры,— продолжил Тот-Амон.— Вы расплатитесь со мной за то, что я вас вывел из Рогаро.

— У нас слишком мало золота,— удивленно развел руками Мораддин.

— К чему мне золото? — Из-под капюшона слышался сдавленный смешок.— Самое великое сокровище этого мира — знание. Расскажите мне по дороге, кто вы, почему бежали от гвардейцев и стражи, и какое преступление совершили. Только, пожалуйста, не лгите. Я умею распознавать неправду в словах собеседника. И...— Тот-Амон предостерегающе протянул руки к Мораддину ладонями вперед. Пальцы у него были длинными, костистыми и покрытыми желтоватой кожей.— И не беспокойтесь, я не выдам вас аквилонцам.

Мы вышли на улицу, шурясь от лучей закатного солнца. Глаза привыкли к полутьме коридоров и узеньких проездов Рогаро, и теперь снова начинали претерпеваться к свету дня. Дорога вела под уклон, к выложенному гранитом берегу большой реки — Хорота. Квартал мастеровых был оживлен — то и дело проезжали повозки, люди везли перед собой тачки с углем для кузнечных горнов, из открытых дворов слышалось постукивание молотов и скрип рубанка. Попадались и богатые горожане в добротных красивых одеждах. Они, наверное, приезжали сюда, чтобы купить оружие или обстановку для дома. Прямо перед нами проехала телега, груженная деревянными стульчиками с обивкой — как сейчас помню, это «креслом» называется.

Стражи не было. Вернее, почти не было. Один раз прошел патруль из троих «малиновых», вооруженных копьями с ржавыми наконечниками, и все. Надо

думать, нас разыскивали только в центральных кварталах, которые ближе к замку.

Мораддин, приободрившись оттого, что на четверых добропорядочных горожан, из которых выделялся только я (одеждой, принятой в селах Пограничья), никто не обращает внимания, начал что-то рассказывать Тот-Амону.

Уговор есть уговор. Я удивлялся, но молчал, как и было условлено. Конечно, Мораддин ничуть не врал, но и всей правды тоже не открыл. Так что уличить его во лжи было бы очень сложно.

— Мое имя Мораддин, граф Эрде,— прямо представился немедиец. А я бы на его месте поостерегся истинное имя незнакомому человеку, да вдобавок волшебнику, открывать. Еще порчу наведет.— Не исключая, что с тобой, колдун, мы можем быть знакомы понаслышке...

— Да, разумеется,— кивнул Тот-Амон.— Я слышал о тебе и тайной службе Немедии. И, что самое смешное, ты не врешь. Но пусть меня вразумит Великий Змей, что приближенный Нимеда делает в Тарантии Аквилонской?

— Ну-у...— протянул Мораддин.— Знаешь, я могу сказать так: «Чем меньше ты осведомлен в чужих делах, тем крепче твой сон».

— Мой сон всегда крепок,— резко возразил Тот-Амон, брезгливо огибая повозку, на которой громоздилась бочка золотаря.— Я, кажется, просил о полной откровенности.

Я слушал и удивлялся. Если вспоминать подробно, то речь Мораддина звучала примерно так: «Немедия очень обеспокоена тем, что происходит в соседней державе. Достоверно известно, что король Конан Киммериец помешался (впрочем, он никогда не отличался здравым рассудком) и собирается разрушить хрупкое равновесие стран Заката. А я сам — граф Мораддин — надзираю за тем, что происходит и диву

даюсь. В общем, король Нимед весьма огорчен и не представляет, что теперь делать».

Тотлант согласно кивал. Тот-Амон деревянно отмалчивался. Я слушал.

Наконец Мораддин умолк, и Тот-Амон, причмокнув губами, выговорил:

— Весьма правдоподобно. Даже история о твоей, почтенный граф, супруге, которую держат во дворце заложницей, мне отдаленно знакома. Кое-кто из моих тарантийских приятелей служит в замке короны и... Да что говорить! Разумеется, я усмотрел в твоих речах несколько подозрительных моментов, но не буду выпытывать все до конца. Так даже интереснее.

Тотлант, шедший рядом со мной, едва слышно фыркнул и на всякий случай прикрыл улыбку свисающей лентой тюрбана.

— Что ж, месьеры.— Тот-Амон произнес это после долгого молчания.— Положение у вас далеко не самое приятное. Кроме того, мне неизвестно, что именно делает здесь Тотлант.— Высокий стигиец обернулся к волшебнику короля Эрхарда и под капюшоном блеснули его глаза.— Я знал твоего отца много лет. Он был одним из почтеннейших магов Черного Круга. Но я никак не мог предположить, что ты, наследник рода, будешь служить Немедии, а не своему отчеству и своему богу.

— Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними,— пожал плечами наш стигиец.— Я молод, небогат, хочу посмотреть мир. Почему бы не послужить трону Дракона?

— Мы даем много золота знающим колдунам,— насмешливо сказал Мораддин, незаметно подмигивая Тотланту.— И получаем взамен их умение и преданность Вертрауэну.

Тот-Амон приподнял край ткани, закрывающей его лицо, и бросил на графа Эрде уничтожающий взгляд:

— Купили... Ничего сами не умеете делать! А, нанимая наследников Высокой Кхарийской Империи, пре-

даете своих богов и тем самым взываете к Вечносущему Сету.

— Меня не интересуют дела богов.— Мораддин, наверное, вспомнил, как говорил Тач, василиск из Ямурлака.— Боги высоко и далеко, а мы здесь. В этом мире. К чему злиться, почтеннейший? Разве тебя никогда не интересовало золото, так же, как Тотланта?

— Давно,— поморщился Тот-Амон.— В молодости. Мне скоро исполнится шестьдесят лет... по счету людей. Когда юношеский ветер в моей голове бесследно исчез, я понял — прежде всего бог, а не золото. Мирские блага преходящи. Вечно одно лишь божество и его благодать.

— А кто пытался захватить трон в Кордаве года четыре назад? — сварливо осведомился Мораддин.— Не ты ли?

— Я,— согласился высокий волшебник.— Однако я делал это во благо бога, дающего людям порядок, а не хаос. Сета.

— Ну, извини,— развязно сказал граф Эрде.— Но, кажется, сейчас не следует начинать теологические споры. Уважаемый Тот-Амон, ответь откровенностью на откровенность — что ты делаешь в Тарантии?

— Неважно,— резким голосом перебил волшебник.— Скажем так — я здесь живу. Временно.

— А куда ты нас ведешь? — снова спросил Мораддин.

Тот-Амон подумал и, сокрушенно вздохнув, ответил. Ответил, прямо скажем, через силу:

— Я сейчас работаю на одного человека. Аквилонца. Он дворянин из хорошего рода. И он,— следующие слова стигиец выделил голосом,— тоже не слишком доволен тем, что происходит сейчас в стране. Мне, признаюсь сразу, глубоко наплевать на Аквилонию, ее короля-варвара и его сумасбродные выходки. Но тебе, благородный граф Эрде, будет небезынтересно побеседовать с моим... с моим... работодателем.

Я понял, что говоря о «работодателе», высокий стигиец хотел скрыть от нас что-то важное. Уж слишком сквозило ненавистью в его речах. И вообще, раз Тот-Амон сказал, что ему не нужно золото, почему он на кого-то работает? Непонятно...

Потом Мораддин, Тотлант и Тот-Амон еще долго говорили. О всяких непонятных мне вещах. Я слышал, что они упоминали зеленый огонь, подземных чудищ и невероятной силы взрыв земной тверди, случившийся во время уничтожения Небесной горы. Мораддин разговаривал осторожно, стараясь не упоминать имени Конана и других наших друзей. Говорил полуправду. Изредка в разговор вступал Тотлант. Рассказывал о своем жите-бытье в Пограничье, похвастался тем, что стал мастером каких-то «иллюзий», и даже показал Тот-Амону свое кольцо посвященного волшебника. Колечко было стальным, в виде маленького дракончика, заглатывающего собственный хвост. Глаза ящера искрились двумя небольшими, но очень яркими рубинами.

И тут меня осенило. Пускай Конан с Мораддином и говорят, что я глупый да неопытный, однако соображать могу. Когда мы стояли возле двери, что вела на главную улицу мастерового квартала, Мораддин говорил, что Тот-Амон — волшебник. Очень сильный волшебник. И злой. Но я-то прекрасно знаю, что у каждого колдуна должно быть кольцо. Якобы (так люди говорят) в кольце маг скрывает часть своей силы.

У Тотланта перстень имеется. Неприметный, из серой стали, однако наш стигиец очень своим кольцом дорожит и никому до него дотрагиваться не позволяет. И носит постоянно, не снимая. Говорит, будто волшебник всегда должен кольцо на пальце иметь.

Я вспомнил, как Тот-Амон предостерег Мораддина от лишних слов, вытянув руки вперед.

На среднем пальце его правой руки не было никакого кольца!

И других колец тоже не было...

Мы шли по улице, проложенной прямо по берегу Хорота. Справа, за высоким гранитным парапетом, плескались серые волны реки. На воде виднелись лодки — наверное, богатые горожане катались. Погода сегодня стояла теплая, и поэтому дамы и благородные месьоры не боялись замерзнуть на речном ветру. Я даже остановился поглядеть на широкие весельные лодочки, украшенные навесами из ткани. Заодно восхитился остроносый военный корабль с тремя рядами весел, проплывавшим вниз по течению. Большой корабль. Мораддин, дернув меня за рукав, заставил идти дальше, а заодно объяснил, что такое судно называется «триерой».

Вот мы и прибыли. Тот-Амон остановился у кованых чугуновых ворот, ведущих вглубь сада. За облетевшими деревьями виднелось белое строение в три этажа, с колоннами и статуями богинь у главных дверей. По саду разгуливали длинноногие собаки, а еще я заметил, как промелькнуло красивое платье незнакомой дамы, чинно прохаживавшейся по дорожкам.

— Хозяина дома, — тихо сказал Тот-Амон Мораддину, — зовут Аскаланте, герцог Тьерри. Очень богатый и влиятельный человек... Был. Его влияние сошло на нет после воцарения Конана. Аскаланте отстранили от королевского двора и теперь он сидит дома и исходит ядом ненависти к варвару. Тебе, как приближенному немедийского короля, будет небезынтересно поговорить с этим человеком.

Мне показалось, что высокий стигиец недобро усмехнулся.

— Что ж, идем, — развел руками Мораддин. — Я, да и Тотлант, наверное, не видим другого выхода. Раз уж пришли и собираемся воспользоваться гостеприимством герцога... Кстати, ты уверен, что он нас примет и даст убежище?

— Ты — немедиец, — глухо ответил Тот-Амон. — Если немедиец, значит, не любишь нынешнего короля Аквилонии. Такие люди очень любопытны месьюру Аскаланте.

Тот-Амон толкнул одну створку ворот и быстро зашагал к дому. Мы отправились вслед.

Мне очень понравился дом герцога. Иногда даже складывалось впечатление, что этот благородный месьюр живет не в столице, а далеко за городом. Сад был очень густой и, даже несмотря на позднюю осень, были видны пятна зелени. Красиво постриженные деревья, немного похожие на елки с мягкими иглами, неперенный в Тарантии плющ и цветы под стеклянными колпаками...

Собаки, свободно разгуливавшие в парке, подбежали к нам и принялись обнюхивать. Я люблю собак. У нас в Райте на каждом дворе не меньше двух-трех сторожевых псов жило.

— Красивые зверюги. — Я нагнулся и погладил самую добродушную псину, даром что выглядела она страховидно. Шерсть рыжая, короткая, хвост отрублен, а морда как у демона — черные свисающие губы, задранный курносый нос и карие глаза навывкате. Однако собака тотчас увернулась от моей руки, зло покосилась на Тот-Амона и принялась лаять на него. Волшебник глянул на зверя неодобрительно.

Мы остановились возле стеклянных дверей, ведущих в дом. Стигиец приказал ждать. Мораддин, сложив руки на груди, привалился спиной к белой колонне, украшенной на самом верху вырезанными из камня пышными листьями. Тотлант настороженно оглядывался, а я продолжал играть с собакой. Она упруго подпрыгивала, пытаясь ухватить меня за рукав, и довольно пофыркивала.

Очень скоро вышел опоясанный мечом человек с шрамом на щеке. Он бросил взгляд на Тот-Амона, и стигиец громко сказал:

— Гастон, передай герцогу, что я привел важных гостей. Они из Немедии.

Мрачный темноволосый Гастон подозрительно осмотрел меня, Тотланта и Мораддина, однако коротко кивнул Тот-Амону и мягкой походкой отправился в дом.

— Ужасно невежливо держать гостей на пороге, — заметил Тотлант. — Почему в Аквилонии никто никому не доверяет? Прости, Таймин, но мне не нравятся дворяне, забывающие о законах гостеприимства.

Я только потом узнал, что на древнем стигийском наречии имя Тот-Амон звучало как «Таймин».

— Он не забывает и об осторожности, — невозможно ответил волшебник в черной одежде. — Потерпите.

Ждать пришлось недолго. Прозрачная дверь с выгравированными прямо на стекле розами открылась, появился уже знакомый нам Гастон (он, наверное, был телохранителем), а за ним шествовал, похоже, сам хозяин дома. Длинная бело-красная одежда, свисающая до самой земли, золотые браслеты на руках и цепь на шее.

Вспомнил, как такая одежда называется, — «тола». Конан ее очень не любит.

— Приветствую тебя, — степенно поклонился Тот-Амон хозяину. Последний был высок, темноволос, с вьедливыми карими глазами и узким птичьим носом. Мне подумалось, что этому человеку не меньше сорока лет — седина в висках, редкие, но глубокие морщины... — Я спас жизнь этим людям и счел нужным привести их к тебе.

Я заметил, что Тотлант раскрыл рот от изумления. Наверное, дивился тому, что знаменитый волшебник кланяется обычному аквилонскому дворянину.

— Извольте представиться, месьюры, — недовольным голосом сказал Аскаланте. Складывалось впечатление, что он нам вовсе не рад.

— Тотлант, сын Менхотепа из Лускура,— вышел вперед наш колдун.— Я знаком с уважаемым Тот-Амоном...

— Невелика важность,— поморщившись, отмахнулся герцог и высокомерно посмотрел на меня. Я, поняв, чего ждет этот месьор, уважительно отбил низкий поклон и представился:

— Эйвинд, сын Джоха, из Райты, что в Пограничье. Вольный землевладелец.

Подумалось, судя по виду Аскаланте, что он сейчас прикажет выгнать меня вшаей. Однако месьор герцог ничего не сказал и, изнемогая от спесивости, повернулся к Мораддину. Тот стоял в расслабленной позе у колонны и только когда взгляд темных глаз аквилонского герцога остановился на нем, заговорил:

— Мое имя — Мораддин, граф Эрде, барон Энден. Занимаю при дворе короля Нимеда Первого должность вице-канцлера, начальствующего над тайным отделением личной канцелярии короля...

Мораддин, словно подражая Аскаланте, принял надменный вид, медленно достал из сумки на поясе свитки и подал их не самому герцогу, а застывшему рядом со своим хозяином Гастону. Аскаланте свесил челюсть едва не до земли, услышав последние слова графа.

— Но...— протянул герцог, оглядев протянутые услужливым Гастоном свитки.— Что ты здесь делаешь? Я имею в виду, в Тарантии?

— Я могу тебе рассказать,— недобро усмехаясь, сказал Мораддин.— Но, во-первых, я не привык говорить на улице. Во-вторых, я не склонен беседовать с человеком, который забыл представиться в соответствии с этикетом. В-третьих, если ты намерен выслушать меня, изволь проводить нас в дом, накормить меня и моих друзей, и...

— О, граф,— чуточку смущенно перебил Аскаланте, не по-дворянски засуетившись,— попросту этот болван Гастон сказал, что пришли какие-то оборванцы...

Я никак не ожидал... Да, я вижу, что твои документы подлинные. И я слышал, что ты некоторое время гостил при дворе ныне царствующего короля Аквилонии... Конечно, я знаю, кто ты. И мне о твоих достоинствах рассказывал один человек... Он сейчас в опале... Я обязательно тебя с ним познакомлю. Что ж, месьоры, мы здесь стоим? Проходите в дом! Граф Мораддин, может быть, приказать приготовить ванну?

— Нет,— отрезал потомок гномов.— Немного вина и тихий кабинет, где мы сможем побеседовать.

Аскаланте дождался, пока я, Мораддин и Тотлант войдем в дом. Однако я краем уха услышал, как герцог коротко бросил оставшемуся на крыльце Тот-Амону:

— Ты можешь быть свободен до вечера. Покупки отдай домоправителю.

«Во дела! — подумал я.— Чтоб волшебника посылали в лавки за покупками? Что-то странное здесь происходит...»

Сопровождаемые герцогом, мы прошли через привратный зал дома в большую круглую комнату со стеклянным куполообразным потолком. Обстановка была строгая, холодная, но очень красивая — четыре мраморных дивана с набросанными подушками (чтобы сидеть было не холодно), каменный четырехугольный стол и огромные подсвечники, стоящие вдоль стен. В каждом не меньше чем по пятьдесят свечей горело.

— Полагаю, граф,— Аскаланте, усадив нас на скамьи, проницательно посмотрел на Мораддина,— эти месьоры — твои друзья?

Он указал рукой на меня и Тотланта.

— Разумеется,— ответил Мораддин.— Сударь, у нас неприятности. За нами охотится стража. Человек, который привел нас сюда, сказал, что в этом доме можно найти убежище.

— Один из редких разумных поступков Тот-Амона,— как бы невзначай заметил герцог.— Знаешь ли, в Аквилонии происходит нечто удивительное, и я от-

казываюсь понимать смысл некоторых событий. Если уж ты стал моим гостем, то не мог бы хоть частично открыть завесу незнания?

Мне показались странными слова месьора герцога. Он старательно делал вид, что ему интересна история нашего появления в этом доме, любопытны обстоятельства нашей встречи с Тот-Амоном и подробности пребывания Мораддина в Тарантии... Однако я видел в его глазах не столько интерес, сколько настороженность. Аскаланте постоянно делал паузы в разговоре, словно что-то прикидывал...

— Эй, почтеннейший герцог! Кажется, время ужинать?

Беседу оборвали как раз тогда, когда Мораддин говорил о своем пребывании во дворце. Голос показался знакомым, и я обернулся.

Вниз по широкой мраморной лестнице спускался не кто иной, как Хальк, барон Юсдаль.

Живой, здоровый и невредимый. И завернутый в эту ужасную одежду, которая называется толой. Он-то откуда здесь!?

— О, у тебя гости, Аскаланте? — как ни в чем не бывало сказал Хальк, миновав последнюю ступеньку и подойдя к нам. Каждого — и Мораддина, и меня с Тотлантом — месьор библиотекарь одарил холодным незнакомым взглядом. Будто впервые видел. — Представь нас, пожалуйста.

Герцог встал, назвал Халька по титулу, затем назвал наши имена. Я не знал, что и делать, однако, встретившись глазами с Морадином, уловил его недвусмысленный приказ: «Молчи!»

— Очень рад нашему знакомству. Месьор граф, мы мельком виделись во дворце, кажется? — чинно раскланявшись со всеми, сказал Хальк и озорно глянул на меня. — Ого, какой здоровяк! Пожалуй, превосходит ростом короля Конана да и в плечах пошире... Аскаланте, когда все-таки ужин?

— Вскоре, — ответил герцог. — Месьоры, давайте сейчас прервем нашу беседу. Я прикажу немедленно приготовить ванны для гостей и новую одежду. Хальк, сделай одолжение, сходи к домоправителю и прикажи от моего имени готовить вечернюю трапезу.

Хозяин дома удивительно быстро спровадил нас и Халька прочь. Когда слуга провожал меня через крытый витражными стеклами переход к домику, в котором располагались бани, я чувствовал, что в моей голове все мысли превратились в кашу. Что происходит? Откуда здесь появился Хальк? Он ведь схвачен гвардейцами и отправлен в тюрьму! Почему месьор герцог так радушно принял нас? Что в его доме делает стигийский волшебник по имени Тот-Амон? Отчего Тотлант испытывает перед этим колдуном если не страх, то глубокое почтение?

Ничего не понимаю!

Слуга оставил меня в обширной, выложенной мрамором теплой комнате, большую часть которой занимал глубокий, заполненный прозрачной водой бассейн. На темном деревянном стульчике лежали чистая нижняя рубашка и штаны, а на полу громоздился кованый серебряный поднос, на котором стояла бутылка с красным вином, окруженная яблоками и какими-то другими фруктами с ярко-оранжевой плотной кожурой. Хорошо герцоги живут...

То ли дело у нас в Райте баня была! Дом деревянный, две бочки с водой, на очаге камни разогреваются, чтобы потом на них плескать и тем самым добывать пар. Дымком пахло, березовыми вениками и пивом. Почему все это сгнуло безвозвратно?..

Я разделся, кинул грязную одежду в угол и совсем было собрался нырнуть в воду. Отдохнуть хотел.

— Можно к тебе? — послышался от двери тихий тонкий голосок. Я оглянулся и моментально свалился в бассейн. Девушка. Нехорошо, чтобы девушка видела мужчину обнаженным.

— Меня зовут Айзи,— сказала русоволосая молоденькая девушка, входя в банную комнату.— Месьор сказал, что тебе будет скучно одному.

— Мне? — оторопело переспросил я, переворачиваясь на живот и хватаясь за невысокий бортик, оградивавший бассейн.— Не, мне и так хорошо...

— А со мной будет еще лучше,— вкрадчиво сказала девица и, вовсе не смущаясь, сбросила легкую бордовую одежду, немного напоминавшую халаты, которые привозят в Пограничье туранские купцы. У меня аж голова закружилась. Это что же делается?

Девица спокойно подошла к громадной ванне, медленно спустилась в воду по мраморным ступенькам и подплыла ко мне.

— Может, не надо, а? — тихонько спросил я, но ее рука уже скользнула по груди и вниз по животу.

— Это совсем не страшно,— ответствовала Айзи, а ее ладонь опускалась все ниже и ниже.— Просто делай все, что я говорю.

Я прекрасно знаю, что всякому мужчине нельзя быть с женщиной до свадьбы. Это что же, теперь на Айзи жениться придется? Или в Аквилонии уложения другие? Но все равно это неправильно. Даже боги и богини не допускают меж собой ничего подобного. В том древняя правда... Я вот, например, слышал, что побережные ванахеймцы, уходя в долгий боевой поход на кораблях, с собой женщин вовсе не берут. И ничего, как-то обходятся.

А она, то есть Айзи, всяко очень красивая. И настырная. Словно не замечает, что я ее побаиваюсь.

— Молчи-и...— пропела она, играя пальчиками где-то внизу.— О боги, какой же ты громадный...

Это уж точно. Не зря меня в деревне «оглоблей» дразнили.

Интересно, а к Моррадину и Тотланту тоже девицы пришли? Они ведь в соседних комнатах расположились...

— Тише...— шептала Айзи.— Ты что же, никогда не был один на один с женщиной?

— Не,— признался я, стараясь отодвинуться в сторону.— Я должен был жениться следующим летом на Асбьерн, дочери соседа. Но она умерла от зеленого огня...

— Зато я еще жива,— усмехнулась красавица.— И вообще, чего ты перепугался?

Да и не перепугался я вовсе. Просто в непривычку все это...

Я оставил мысли о древнем богопочитании и бросился в приготовленный Айзи омут неблагочиния. Мир, он, конечно, к упадку клонится. Но кое-что приятное в нем еще осталось.

ДОКУМЕНТ

К летописи прилагается копия письма офирского посла в Тарантии графа Ливодиона королю Амалырику.

Отправлено со спешной посольской почтой
10 днем первой зимней луны 1288 года.

«Ваше королевское величество!

С величайшей скорбью вынужден принести своему королю известие о грядущей войне. Новый аквилонский монарх, как я уже неоднократно докладывал, заняв трон, принялся за дело обустройства своего государства с рвением, неслыханным во времена Вилера, а уже тем более Нумедидеса. Однако бьющая ключом жизненная энергия государя Конана во многом была бы достойна лучшего применения. Мало того, что король оставлял государство не менее чем на восемь седмиц ради поездки в Пограничье, так по возвращению он и вовсе приобрел черты не примитивного искателя приключений (как мы все полагали ранее), а опасного для всех стран Заката агрессора.

Спустя день по приезду Конана Аквилонского в Тарантию из пределов Полуночных земель, был из-

дан странный эдикт, ограничивавший свободу торговли офирским купцам, отчего дела многих крупнейших торговых домов и цехов Офира начали резко ухудшаться. Сим указом воспрещалось продавать на территории Аквилонии изделия из золота по цене свыше 10 серебряных солидов за озз (при обычной стоимости от 15 до 25 солидов, в зависимости от качества металла), торговцы стали вынуждены платить двойной налог, а товары из Кофа, Турана и других монархий Восхода, ввозимые в Аквилонию офирцами, и вообще отныне облагаются пошлиной, равной их стоимости. Нет нужды говорить тебе, мой король, что подобные действия короля Конана вызвали резкое повышение цен на товары наших купцов и, соответственно, недовольство аквилонцев.

Затем обстановка стала ухудшаться. Наши конфиденты в Военной управе донесли, что Конан собрал совет военачальников, на котором присутствовали большинство тысячников и военачальников аквилонского войска; на сем совете же обсуждалось Фегберское Уложение от 1102 года об установлении пограничных рубежей между странами Заката, а если точнее, его Четвертая статья, по которой граница между Аквилонской и Офирской монархией закреплялась в междуречье рек Тайбора и Красной, от полуденного окончания Немедийских гор до среднего течения Красной реки и города Либурун. Мне сообщили, что управители Аквилонии склонны пересмотреть статьи Уложения в пользу своего королевства и передвинуть границу на восход не менее чем на 50 лиг, до отрогов Кофийского хребта.

Самое неприятное, государь, состоит в том, что упомянутые необоснованные притязания Трона Льва не были представлены ни мне, как посланнику Вашего величества, ни тебе лично, о король, — в письме или же на словах. Мне точно известно, что по за-

вершению военного совета, на котором были приняты определенные решения, никакого послания с претензиями в Ианту отправлено не было. Знаю лишь, что с того дня Аквилония начала активно готовиться к военным действиям.

Итак, сейчас я могу с уверенностью утверждать, что возле наших рубежей в течение ближайшей луны будет сосредоточена колоссальная мощь — не менее десяти пеших отрядов, два десятка конных, а также два отряда пограничного ополчения. И это будет направлено против четырех легионов регулярной Офирской армии!

Даже если королевство Коф выступит на нашей стороне, а также, в соответствии с договором о гарантиях, в войну вступят Аргос и, возможно, Шем, у нас не останется надежды. По всей видимости, Ианта будет взята спустя седмицу после начала войны, и рудники Карпашских и Кофийских гор окажутся в руках Аквилонии.

Увы, но питать надежду на защиту со стороны Немедийской монархии бесполезно, ибо король Конан принял обширные дипломатические меры для достижения союза с Троном Дракона. В Бельверус отправлено посольство, возглавляемое регентом королевства герцогом Просперо. Даже не зная, в чем состоит миссия пуантенского Леопарда, предполагаю, что он будет искать поддержки короля Нимеда. Если же Просперо не склонит немедийского монарха к совместному выступлению против нас, но добьется договора о нейтралитете Немедии, мы будем вынуждены одни обороняться против самой огромной и вдоволь обеспеченной как людскими, так и материальными ресурсами армии Закатного материка.

Не сомневаюсь, что после захвата офирских золотых копей и нарушения работы торговых домов и цехов Ианты в конфликт вступят все заинтересованные в спокойствии на Закате стороны.

Грозит всеобъемлющая война, способная захватить каждое государство от моря Вилайет до Закатного океана.

На основании изложенного предлагаю моему королю немедленно начать сбор войска и вербовку наемников в Коринфии, Замоге и Закатном Туране, а также сообщить монархам стран, имеющих договоры с Офиром, о надвигающейся войне.

Посольство Вашего величества нынешним же днем потребовало у канцлера Публио, свои верительные грамоты и намеревается в ближайшее время покинуть Тарантию и отправиться к ближайшей границе. Советую Вашему величеству немедленно объявить аквилонскому послу в Ианте о разрыве отношений между Аквилонией и Офиром из-за угрожающих и недоброжелательных по отношению к нам действий Трона Льва.

С глубочайшим почтением и всеподданнейшей преданностью — граф Ливодион, посол Вашего величества»

Письмо было перехвачено тайной службой Аквилонии у гонца при попытке вывести пакет через границу королевства в Офир.

Глава одиннадцатая РИНГА, ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ

Тарантия, столица Аквилонии, королевский дворец.
11 день первой зимней луны 1288 г.,
от полудня до полуночи

«...Прибывший в Аквилонию с тайной миссией конфиденнт немедийского Трона Дракона оказался в весьма затруднительном положении. С одной стороны, его прямой обязанностью была защита правителя от действий возможных злоумышленников, с другой — интуиция подсказывала этому человеку, что за обликом короля скрывается нечто зловещее, не человек, но существо иного происхождения. Конечно, в странах Заката хватало представителей разумных рас, изначально не являющихся людьми, но ни один из таковых не мог бы сыграть роль короля. Не ощущалось в этом существе и присутствия враждебной магии или влияния потусторонних сил.

Поскольку конфиденнт изначально являлся подданным соперничающего государства, никто из жителей Аквилонии бы не поверил бы его словам. Тогда конфиденнт решил пойти по опасному, но все же возможному принести какую-то определенность пути — обратился к самому заинтересованному из свидете-

лей, герцогу Просперо из Пуантена, и заключил с ним соглашение: если конфиденту удастся убедительно доказать нечеловеческое происхождение личности, занимающей ныне Трон Льва, второе лицо в королевстве обещает ему свое всемерное содействие и поддержку...»

*Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства*

Как выяснилось из всех птиц я больше всего не люблю попугаев. А из людей — соглядатаев. Была б моя воля, я бы этим птичкам хвосты повывергивала и головы пооткручивала. Что бы сделала с соглядатаями — не знаю. Но ничего хорошего их точно не ждало.

Два попугая скрежещущими голосами орали у меня над головой. Решали свои дурацкие птичьи вопросы. Я тихо шипела сквозь зубы и пыталась продемонстрировать хваленую железную выдержку. Ничего не получалось. Какая уж тут выдержка, когда я совершенно не представляю, во что угодила! Такое чувство, что я старательно смастерила замечательную ловушку, а потом сама залезла в нее и дверцу захлопнула. Да еще и попросила снаружи на замок закрыть. Старею, что ли? Или глупею на глазах? Или мне просто страшно?

Всегдашняя трудность лазутчика — в какой-то миг хочется, чтобы кто-то оказался рядом. Кто-то, на кого можно положиться или с кем можно просто посоветоваться. А я осталась одна посреди огромного города и переполненного чужими людьми замка.

Все чаще ловлю себя на сильнейшем желании заорать: «Помогите!» Помочь мне совершенно некому. Втягивать в мои дела Эви бессмысленно (скорее всего, графиня мне не поверит), от Энунда никакого толку, кроме сочувствия (спасибо и на этом!), а Просперо уехал два дня назад. Собственно, после его

отъезда я вздохнула спокойнее — теперь мне не надо будет беспокоиться еще и за него. Кажется, Леопарда в своей правоте я убедила, да что с того? Много ли он сможет сделать в одиночку?

Попугаи разорались так, что у меня в голове зазвенело. Я встала и решительно замахнулась в их сторону раскрытой книгой:

— Вон отсюда!

Поддействовало. Белые пташки с желтыми хохолками упорхнули — поискать местечка поспокойнее. Околачивавшиеся поблизости «садовники» и «смотрители за животными» покосились в мою сторону с крайне растерянным выражением. Мне очень хотелось показать им язык или скорчить гримасу. Пускай доложат, что графиня Эрде окончательно сошла с ума. Чует мое сердце, что недолго мне осталось до приятного состояния умопомрачения. Тогда меня точно ничего не будет волновать — ни Аквилония, ни тем более король этой многострадальной страны с его загадками. Буду сидеть спокойно и выть на луну. Или объявлю Тарантийский дворец своими личными охотничьими угодьями — кто не спрятался, я не виновата!

Мда-а. И не стыдно тебе, Ищейка? Влипали мы в переделки и посерьезнее нынешней. И вообще, если разобраться — чего вдруг я ударилась в панику? Никто же не врывается ко мне посреди ночи и не тащит в Железную башню. Никто не подсыпает мне яду и утром я не нахожу в своих комнатах угрожающих писем. Наоборот, все окружающие (включая короля) до отвращения любезны, недавняя выходка на вечеринке благополучно сошла мне с рук, и вроде бы совершенно не о чем беспокоиться. Наслаждайся жизнью и приятным обществом. Каковое ты, к сожалению, не имеешь возможности покинуть по своему желанию.

Я раздраженно перевернула очередную страницу лежавшей у меня на коленях книги. Этот толстенный фолиант я позаимствовала сегодня утром в двор-

цовой библиотеке, выбрав самое, на мой взгляд, заумное название. Я не ошиблась — в сем мудреном тексте я едва понимала одно предложение из пяти. Зато присматривавшим за мной стражникам из тайной службы придется поломать головы, пытаясь догадаться — с какой целью графине Эрде понадобилось изучать трактат об экспликации, то бишь перемещении в пространстве небесных тел? Не кроется ли в том какого коварного умысла или намека?

Попугай улетели. Стало гораздо тише. Где-то неподалеку успокаивающе журчали струи маленького искусственного водопада. Я тоже постаралась уgomониться. Какой позор — едва не выйти из себя из-за каких-то дурацких птичек! Вот тебе и «гордость Вертрауэна», «образец для подражания» и «лучшая из лучших».

Причина моей злости крылась по большей части в том, что я оказалась лишена возможности действовать. Такого со мной никогда не случалось, и я, честно говоря, растерялась. Казалось, меня посадили в золоченую клетку и теперь заботливо интересуются, удобно ли мне там и не нужно ли чего. А мне необходимо лишь одно — вырваться на свободу.

Но я боюсь. Не за себя, я-то в любой ситуации наверняка выкручусь. Пугает иное: как бы за мою попытку выбраться из замка не пришлось отвечать кое-кому другому. Или мое бегство не оказалось бы заранее предусмотренным ходом в опасной игре, которую я пытаюсь вести. Разумеется, любая игра — вещь двусторонняя, и мой противник немедля сделает свой ход. Поскольку у меня нет ни малейших соображений по поводу того, какими могут оказаться его действия, я предпочитаю не рисковать.

Хотя вот уже несколько дней, с той самой печальной памяти вечеринки, меня не оставляет предчувствие надвигающейся опасности. Вернее, не опасности, а ощущения, что скоро все переменится. Настолько серьезно, что и представить страшно.

Может, в пророчицы податься? Или в предсказательницы будущего? Хотя нет, это очень неприятное и опасное ремесло. Достанется и в том случае, если предсказание сбудется (особенно, если это было дурное предсказание), и, конечно, если произойдет ошибка. А как-то видеть, как начнут сбываться твои самые черные пророчества? Лучше уж я останусь в лазутчиках. Безопаснее.

Насколько я могу судить, при ожидаемом от меня смирном поведении мне и в действительности ничего не угрожает. Да только все дело в том, что я по природе своей не могу вести себя смирно. Если уж я вижу препятствие, я должна его обойти со всех сторон, осмотреть и даже обнюхать, чтобы решить, как бы мне его уничтожить. А тут и препятствия нет. Вообще ничего нет, кроме слов Энунда и моего твердого убеждения, что в Тарантийском замке далеко не все в порядке. Да еще того незамысловатого обстоятельства, что меня держат здесь то ли почетной пленницей, то ли самой настоящей заложницей. Залогом чего же я являюсь? Кто, находящийся за пределами дворца и наверняка осведомленный о моем пребывании здесь, должен трижды подумать, прежде чем начинать действовать? И по чьему приказу меня удерживают здесь? Конана или того существа, что прячется под его обликом?

Теперь-то я точно знаю, что человек, считающийся правителем Аквилонии, не имеет ничего общего с моим давним знакомым. Знаю и то, что мне никто не поверит. Да, я почти убедила Просперо и заодно окончательно удостоверилась в своих подозрениях, но сделать с этим знанием я ничего не могу. Остается только хранить при себе да ждать удобного случая. Удобного для чего — представления не имею.

Конечно, мне следовало сопоставить факты и догадаться раньше, еще во время нашего пути из Пограничья в Аквилонию. Но, как и все вокруг, я была

слепа. И слишком увлечена встречей с человеком, которого полагала своим давним другом.

Я перевернула еще одну страницу высокоученого трактата и сделала вид, что внимательно читаю. На самом деле я перебирала свои воспоминания. Я искала зацепку. С какого момента я заподозрила, что дело не в изменившемся за прошедшие годы характере моего приятеля? Когда в моей голове поселилась невероятная мысль о том, что внешность Конана — всего лишь маска? Искусно сделанная карнавальная маска, под которой... Да, а кто же прячется под ней?

И что, в таком случае, на самом деле произошло с остальными людьми из его отряда? С теми немногими верными друзьями, что последовали за настоящим Конаном в Пограничье? В том числе и моим мужем? Меня изводило мрачное подозрение, что с ними поступили, как обычно поступают с видевшими слишком многое свидетелями...

Тогда мои дела совсем плохи. Я могу положиться только на себя. Если бы до меня дошла хоть какая-то весточка из города! Но пока новостей нет, я не могу ничего предпринимать. Мне нужно знать, что мои действия никому не причинят вреда. Я уже и так натворила слишком много непоправимых ошибок.

Поэтому я подожду. Терпения у меня хватит.

Если бы кто заглянул сейчас в зимний сад королевского дворца Тарантии, то не увидел бы ничего необычного. Молодая дама сидит в беседке из вечнозеленого можжевельника и с глубокомысленным видом штудирует толстенный фолиант в черной кожаной обложке. Конечно, слегка необычное занятие для женщины, но каждый волен сходить с ума так, как ему нравится.

Итак, я нахожусь здесь уже почти три седмицы. Две — собственно в Тарантии, и еще дней десять было потрачено на дорогу сюда. Все началось на постоя-

лом дворе в Брийте, большом селе в Пограничном королевстве. Значит, начнем раскладывать события по своим местам именно с того момента.

* * *

Я всегда подозревала, что моему пути суждено рано или поздно снова пересечься с непредсказуемыми дорогами Конана. И произойдет это, разумеется, в самом неподходящем для встречи месте. Где-нибудь на краю земли или посреди огромного города, причем и я, и он будем куда-то страшно торопиться и поглядывать за спину — далеко ли погоня. В сущности, так оно и случилось. Никто же не спорит, что Пограничье — самый что ни на есть край земли. Я имею в виду, край цивилизованной земли. Все, что находится на полночь отсюда, загадочно, неизведанно и внушает опасения...

В общем, я наткнулась на Конана именно в тот миг, когда меньше всего этого ожидала. Он просто вышел из-за угла бревенчатого дома, прошел мимо, не обратив никакого внимания на меня и моего проводника... и вернулся. Ему, видите ли, почудился знакомый голос, вот он и не поленился проверить, мерещится ему или нет. И, к своему глубочайшему удивлению, обнаружил знакомую пятнадцатилетней давности.

Проговорили мы тогда всю ночь. Не помню уже, о чем. По большей части о пустяках, казавшихся очень важными. Однако самое главное я все же успела узнать — зеленого огня больше не будет. А мой муж умудрился в очередной раз уцелеть во всех передрягах, куда его втянули не в меру предприимчивый приятель и собственное стремление во всем докопаться до истины. Так что мне предоставлялся замечательный выбор — дожидаться Мораддина дома, в Немедии, или прогуляться в Аквилонию, поискать там корни заговора против трона Льва.

Я выбрала Аквилонию. Беспокоиться за Мораддина больше не имело смысла — раз все закончилось,

он непременно в скором времени объявится либо в Тарантии, либо в Бельверусе. На том и порешили — я вместе с королем и сопровождающими его гвардейцами еду на закат.

Конан торопился. Он был уверен, что за время его отсутствия (пусть и недолгого) в столице наверняка начались беспорядки. Масла в разгорающийся огонь тревоги подлила я, привезя новости о готовящемся заговоре и возможной причастности к этому Кофа.

Мы прикинули возможный обратный путь. Выходило, что если держаться известных всем немногочисленных трактов Пограничья, то дорога займет не меньше двух седмиц. Вдобавок, как нас пугали на постоялом дворе, со дня на день должны были начаться снегопады. Тогда все пути окажутся завалены и придется ждать, пока снег осядет и лошади смогут пройти через сугробы.

Вот почему я очень обрадовалась, встретив следующим утром Темвика — мальчишку из рода оборотней, провожавшего меня до Брийта. Юнец все еще дулся на меня за то, что я оказалась женщиной, однако мне удалось с ним помириться. Неплохим поводом к примирению стали золотые монетки, в обмен на которые оборотень согласился провести нас коротким путем через леса к границе королевства.

Так мы и отправились в путешествие — король Аквилонии, восемь гвардейцев под командой мрачного тысячника Паллантида, проводник-оборотень и неизвестно откуда взявшаяся графиня Эрде, на которую доблестные гвардейцы косились с величайшим подозрением.

Несмотря на уйму недостатков, самым заметным из которых была неумеренная болтливость, дело свое Темвик знал отлично. Я подозреваю, что в отместку мне следопыт протащил наш отряд через все буреломы и овраги Пограничья, но уже через пять дней мы оказались неподалеку от Кюртена — поселка, где смыка-

ются границы Немедии, Аквилонии и владений Эрхарда. Ехали полный день — от серенького рассвета до рано наступающих здесь сумерек. Единственное исключение случилось на третий или четвертый день пути.

Мы ехали по унылой холмистой равнине, изредка минуя сосновые рощицы. По моим предположениям, скоро должен был пробить пятый или шестой дневной колокол, когда Темвик вдруг подал знак остановиться. Я не поняла, с какой стати — день ничем не отличался от прошедших, только было очень холодно. Конан отправился выяснять причину задержки, и после краткого разговора с оборотнем вернулся слегка встревоженным.

— Что стряслось? — поинтересовалась я.

— Темвик говорит, скоро начнется буран, — объяснил Конан. — Так что придется ставить лагерь и пережидать.

Я посмотрела на небо — низкое, затянутое свинцово-серыми облаками. Местному жителю, конечно, видней, но мне казалось, что никаким бураном и не пахнет. Однако я решила придерживаться своего мнения при себе и сунулась помогать — вытаптывать снег, натягивать пологи, укутывать лошадей толстыми попонами... Мы еще возились, когда между деревьев и по равнине засвистел усиливавшийся ветерок, поднимавший маленькие снежные вихри. Быстро темнело. Я поймала проходившего мимо Темвика за рукав и негромко спросила:

— Это надолго?

— До вечера — точно, — неопределенно ответил следопыт. — Может, затянется на всю ночь. Да ничего с нами не случится — мы же в низине и среди деревьев. Поверху пройдет, только засыплет слегка.

По-моему, приближающийся буран никого не испугал, а даже обрадовал. Появилась возможность отдохнуть. За последние дни мы все здорово вымотались.

Темвик отделался от меня и заполз под свой полог. Я еще немного постояла, смотря, как летят сухие

колкие снежинки и слушая шум раскачивавшихся над головой сосен. Очередной порыв ветра заставил деревья вздрогнуть и запустил пригоршней холодного снега мне в лицо. Нет, не люблю я все-таки полуночные страны!

С этой мыслью я отправилась по уже заметаемому метелью лагерю разыскивать свое пристанище — королевскую палатку. Куда ж еще было поселить такую высокопоставленную особу, как я? Не с гвардейцами же... А лишней палатки, разумеется, в хозяйстве отряда не нашлось.

Я с трудом откинула в сторону тяжелый входной полог и забралась внутрь, едва не опрокинув маленькую походную жаровню с тлеющими угольками. В палатке оказалось неожиданно тепло и уютно. И даже почти светло — под потолком висел на цепочке тусклый слюдяной фонарик. Конан лежал, забросив руки за голову, и вроде бы дремал, но, когда я стянула полубок и шапку и принялась стряхивать с них снег, проснулся.

— Что там? — лениво спросил он.

— Метет. — Я забралась на свое место. Спать вроде не хотелось, поэтому я просто села поверх сложенных в несколько раз оленьих шкур, обхватив колени руками. — И завывает. Темвик сказал — снег будет идти целую ночь. Слушай, а вдруг нас засыплет?

— Значит, будем откапываться, — хмыкнул киммериец. — Ты что, никогда в Пограничье не бывала?

— Нет, — честно сказала я. — И в будущем постараюсь сюда без нужды не заглядывать. Холодно, нормальных людей раз, два — и обчелся, зубастые оборотни шастают... Пиво вечно прокисшее... Снега такие, что в них утонуть можно... Вот каждый раз, как с тобой свяжусь, — начинаются сплошные неприятности.

— Так мы же последний раз когда встречались? — возмутился Конан и даже поднял голову. — Какие с тех пор у тебя могут быть неприятности?

— Смотря что считать за «встречались», — поправила я. Тоскливые завывания пурги нагнали на меня какую-то легкую грусть, и я заговорила совсем не о том, о чем собиралась. — Знаешь, а я тебя видела. Недавно, года три назад.

— Где это? — удивленно спросил варвар.

— Я была в Зингаре... По своим делам. — Я задумалась, вспоминая. Это случилось в начале лета, и моя память сохранила блеск морской глади, острые запахи разогревающейся на солнце смолы и свежей рыбы. — Кто-то мне сболтнул, будто ты в Кордаве, на службе у Фердруга. И я вдруг решила — наведаюсь в столицу, отыщу тебя. Просто захотелось. Я приехала и отправилась в гавань. Там оказалось такое скопление кораблей и людей, что я представления не имела, где в этой кутерьме можешь быть ты. Тогда я заглянула в первую подвернувшуюся таверну, чтобы расспросить тамошних посетителей. И тут...

— Что? — Конан приподнялся на локте, с интересом ожидая продолжения моего рассказа.

— И тут я увидела тебя. — Я грустно хмыкнула. — Вернее, вас было четверо. Вы шли по набережной. Ты. Потом высокий парень-северянин — длинные рыжие волосы, серые глаза, борода в косичку заплетена. Он носил на шее странное украшение — кажется, зуб какого-то животного. Третий — мужчина средних лет, зингариец, уже начинающий седеть и довольно грузный. У него были усы, закрученные кончиками вверх. Маленькие черные глазки, очень умные и, как мне показалось, хитрые. Затем мальчишка-подросток. Тощий, лохматый, из тех, кого называют «сорвиголовами». Он замешкался, и вы остановились его подождать. Рыжий хотел дать ему подзатыльник, мальчишка увернулся и что-то сказал. Вы все рассмеялись. И ушли.

— Что же ты не подошла? — не понял киммериец.

— Зачем? — Я пожала плечами. — Да, ты бы очень удивился. Возможно, даже вспомнил бы, кто я такая.

Твои друзья были бы со мной вежливы, а потом принялись выпрашивать у тебя, что это за девица. Вы куда-то собирались — в таверну, в бордель или, может, в гости к королю — и я стала бы просто досадной помехой на пути. Такая встреча была против правил. Слишком просто и слишком... вульгарно, что ли? Поэтому я посмотрела, как вы уходите, и отправилась своей дорогой.

— Вечно ты создаешь себе трудности, — со смешком сказал Конан. — Ничего бы не случилось, если бы мы немного поболтали.

— Может быть, — согласилась я. — Но мне показалось, что время для нашей встречи еще не пришло. Потому я и не стала соваться вам на глаза. Как выясняется, я была совершенно права.

Палатка вздрогнула под ударом ветра, фонарик закачался, бросая на матерчатые стены наши прыгающие тени. Я подняла руку и остановила раскачивающийся огонек.

— А мне казалось, что ты не такая, — вдруг медленно и как-то задумчиво проговорил Конан. — Раньше ты была... резкая. Никогда никого не слушала. И всегда знала, чего добиваешься.

— Я и сейчас знаю, — удивилась я. — Просто я несколько изменилась. Семейная жизнь и все такое прочее...

По-моему, Конан так и не смог понять, как я умудрилась связать с кем-то свою жизнь. Да не просто с первым попавшимся, а с таким вечным молчаливником и замкнутым человеком, как Мораддин. Я, честно признаться, этого тоже доселе не понимаю. Мораддин говорит, будто он меня убедил в необходимости подобного шага. Логически доказал, что в жизни надо все испытать. А я настолько растерялась, что согласилась. И не жалею.

Самое забавное, что пятнадцать лет назад я иногда всерьез задумывалась о том, как бы мне переупрямить

Конана. Мы могли бы составить неплохую пару: я с моей сообразительностью и киммериец с его напористостью и умением находить выход из самой безнадежной ситуации. К счастью, я вовремя поняла, что ничего из этой затеи не выйдет. Уж слишком мы гордились своей независимостью... Впрочем, что не делается в мире — все к лучшему.

Воспоминания — чрезвычайно коварная вещь, напоминающая спутанный клубок из множества нитей. Дернешь за одну — наружу вылезает совершенно другая, к которой неизвестно почему прицепилась третья. Прошлое манило за собой, и я даже не обратила внимания, что меня окликают, придя в себя только от осторожного прикосновения к волосам. И расслышала чуть различимый звук падения деревянных шпилек, которыми я закалывала волосы в узел. Их было ровно шесть, этих маленьких, заостренных кусочков дерева, и сейчас они один за другим покидали отведенные им места. Не самостоятельно, разумеется — их вытаскивали. Освобожденные пряди с пугающей готовностью скользили вниз и завивались колечками.

У меня еще было несколько мгновений, чтобы сказать «Остановись» или выдумать подходящую отговорку, но я их безнадежно упустила. Мне ничего не оставалось, как вздохнуть, махнуть на все рукой и предоставить событиям развиваться так, как им заблагорассудится.

Я даже успела подумать — правы все-таки мои недоброжелатели, сравнивая меня с уличной кошкой. Кошка и есть — черная, с желтыми глазами и спрятанными до поры коготками. И, как это ни печально, наделенная кошачьей любвеобильностью.

Потом думать стало некогда. Да и желания отвлекаться на посторонние размышления, честно говоря, не было. Краем уха я слышала завывания бурана и скрип раскачивающихся деревьев, но вскоре перестала их замечать.

...Проснулась я от холода. За ночь угольки в жаровне выгорели дотла. Фонарик под потолком тоже погас, но в щели между входным пологом и стенами проникало немного тусклого света.

Я дотянулась до скомканного шерстяного покрывала и натянула его поверх уже наброшенных шкур. Стало немного теплее. Вставать не хотелось, так что я лежала и прислушивалась. Снаружи было тихо. Значит, как и предсказывал Темвик, метель к утру закончилась. Двускатная крыша нашей палатки заметно прогнулась внутрь — наверное, сверху навалило немалый слой снега. Приглушенно заржала лошадь, потом долетели перекликающиеся голоса, смешки, хруст ломающегося дерева — кто-то собирался разводить костер.

Конан спал. Моя голова весьма удобно устроилась у него на плече, и я ощущала его дыхание — ровное и спокойное. Я медленно повернулась набок, стараясь не разбудить киммерийца, и поближе вгляделась в его лицо. Да, тот на редкость самоуверенный молодой человек, с которым я была хорошо знакома, вырос. И уже стоял в начале той короткой дороги, что неумолимо ведет к старости. Всю жизнь меня удручало, как быстро угасают те, кого я знала. Кажется, давно ли по горам в окрестностях Бельверуса бегали, радуясь жизни, русоволосый маленький мальчик по имени Нимед и я? А теперь король Нимед уже старик, и у него самого взрослые дети... И становится жутко при мысли, что, возможно, я переживу Конана и увижу, что получится из его начинаний. Сколько ему еще отпущено — двадцать, тридцать лет? Он состарится, а я, если ничего не случится, останусь прежней...

Долгая молодость — никакой не дар свыше, а самое что ни на есть проклятие. В Рабирах говорят, что таким образом боги наказали наш род за излишнюю заносчивость. Правда, иногда мне кажется, что даже настолько суровая кара не слишком перевоспитала

моих сородичей. Достаточно вспомнить моего отца и его отпрысков.

Я легонько потрясла головой, отгоняя тоскливые мысли о бренности всего сущего. Какой толк от размышлений над обстоятельствами, которые ты не в силах изменить? Давай-ка лучше подниматься.

Одежда, раскиданная вчера по самым разным углам, за ночь изрядно промерзла. Я торопливо оделась, на четвереньках выползла наружу и от неожиданности зажмурилась. Все вокруг было искристо-белым, солнечный свет резанул по глазам, и я юркнула обратно — в спасительную полутьму палатки, все-таки своротив эту злосчастную жаровню. Правда, я успела кое-что разглядеть — дымящийся костерок, казавшийся очень четкими на белом фоне силуэты гвардейцев и прохаживавшегося неподалеку от королевского шатра Паллантида. Судя по всему, в душе тысячника шла неравная борьба между долгом и вежливостью, и долг должен был вот-вот одержать верх.

Разумеется, мои метания туда-обратно разбудили Конана, и он сквозь зевок поинтересовался, чем это я занимаюсь. Вместо ответа я отодвинула в сторону полог, впустив в палатку морозный воздух и ослепительные лучи солнца. Конан недовольно заворчал и поднял руку, защищая глаза.

— Вставай, король, — ехидно сказала я. — Пора в дорогу. Твоя гвардия изнывает от нетерпения и желания совершить что-нибудь героическое, а Паллантид вполне заслуженно собирается предать меня какой-нибудь мучительной казни. Вставай, вставай. — Для убедительности я легонько ткнула киммерийца кулаком в бок. Меня тут же сграбастали и с рычанием немного повалили по начавшей зловеще крениться палатке. Из-за отсутствия времени нам пришлось ограничиться несколькими весьма горячими поцелуями, а потом я все-таки убралась из шатра. Иначе мы до следующего вечера никуда бы не уехали.

Паллантид безошибочно сообразил что к чему, и я удостоилась кривоватой понимающей ухмылки тысячника. А также откровенно презрительного взгляда Темвика, после чего мне немедленно захотелось сунуть следопыта головой в сугроб.

Вместо этого я гордо прошла мимо оборотня и отправилась к костру, откуда уже долетал заманчивый аромат жарившегося мяса. Интересно, что скажет Мораддин, если до него дойдут подробности путешествия его любящей супруги по Пограничью в обществе короля Аквилонии? Скорее всего, он промолчит. Мораддин, как правило, отлично осведомлен о моих похождениях и знает, что в нашем с ним ремесле добиться необходимого порой возможно только одним весьма незамысловатым способом. Кроме того, я с самого начала предупредила его об особенностях моего характера. Он, как обычно, вздохнул, а потом сказал: «Пусть так».

Все же я постаралась хоть немного изменить образ жизни. Например, прекратила строить глазки каждому встречному обладателю приятной внешности и резко уменьшила число своих поклонников и близких друзей. На какие только жертвы не пойдешь ради семейного счастья!

Так что запоздалое раскаяние меня не мучило. Я вообще не имею такой глупейшей привычки — жалеть о сделанном. Вдобавок, Конан — наш общий давний знакомый. Уж наверняка у него хватит сообразительности не трепать понапрасну языком.

Тогда с какой стати мне тревожно? Чего я понапрасну беспокоюсь?

Уже и лагерь свернули, и кострище засыпали снегом, и Драконы с шуточками забирались в седла, а я все ловила настойчиво ускользающую от меня мысль. Скорее, даже не мысль — смутное ощущение какой-то неправильности. И, наконец, поймала. В самый неподходящий миг — я как раз нацелилась носком сапога

в болтающееся стремя. Разумеется, промахнулась, ткнулась носом в жесткое седло и бросила опасливый взгляд по сторонам — не заметил ли кто моего позора?

К счастью, на меня никто не смотрел. Так что я благополучно повторила попытку, вскинулась на спину лошади, разобрала поводья и заняла свое место в общем строю. Я держалась чуть позади Конана и Паллантида, с таким расчетом, чтобы слышать их разговоры и иногда вмешиваться, но не маячить все время перед глазами. Темвик на своей приземистой лошаденке ускакал вперед, дав сигнал к началу обычного дневного перехода, и мы тронулись в путь. По занесенному метелью тракту, мимо искрящихся снежных холмов, на закат. Иногда мне даже казалось, что далеко впереди различимы округлые синеватые вершины Немедийского хребта, но, скорее всего, только казалось.

Не дававшая мне покоя мысль оказалась очень простой и вместе с тем слегка пугающей. Ехидный внутренний голосок назойливо интересовался: «Дорогуша, а ты уверена, что провела ночь именно с тем человеком, который некогда был твоим приятелем?»

Что за ерунда!

Я еле слышно ругнулась и посмотрела вперед. Король Аквилонии и сотник его гвардии ехали впереди, их лошади выбивали копытами комья слежавшегося снега. Конан оглянулся, чтобы махнуть мне — подъезжай поближе, есть разговор.

«Мы просто все устали, — повторила я, тщетно пытаюсь заглушить упрямый голосок. — Мы устали, вымотались, и этим все объясняется. Заткнись, а?»

Голосок не унимался. Хихикал и повторял: «Ты уверена? Уверена? Скажи честно — уверена?»

— Нет! — в конце концов не выдержала я. Сказала — и стало легче. Сейчас, когда первые впечатления поутихли, ко мне вернулась способность здраво соображать. Действительно, ночью время от времени мне начинало казаться, что бывший со мной человек,

если так можно выразиться, весьма смутно представляет, каких именно действий от него ожидают. То есть он осведомлен, что нужно делать, но не знает — как. Ха! Это Конан-то! Сорокалетний бродяга-наемник, у которого женщин было едва ли не больше, чем у меня — друзей-приятелей! А я его старше на... Ладно, скажем так, весьма немногим.

Что же тогда получается, многоуважаемая графиня Эрде? С кем это вы изволили веселиться почти всю ночь напролет?

Я стегнула своего недовольно фыркнувшего конька и поравнялась с Конаном. Что за бессмыслицу я выдумала? Кем еще, кроме Конана, может быть этот человек? Или я к старости начинаю потихоньку сходить с ума? С нами, рожденными в Рабирах, такое иногда случается...

— Слушай, — как ни в чем не бывало начал киммериец. — Мы тут поспорили, а ты вроде все на свете знаешь. Когда границу Аквилонии перенесли за Тайбор? До основания Шамара или после?

— После, конечно, — удивленно сказала я. С чего вдруг понадобилось вспоминать столь давние события? Конан, насколько я знаю, историей вообще никогда не интересовался. Для него, по-моему, даже года особого значения не имели. Весна — лето — осень — зима, а потом все сначала. Или столь краткое пребывание на троне на него так подействовало? — 1054 год по основании Аквилонии, времена Сигиберта Завоевателя. После его смерти граница между Аквилонией и Офиром снова стала проходить по реке, а в... — Я задумалась. — Да, в 1083 ее окончательно отодвинули на восток. Правда, в Офире до сих пор поговаривают, что надо бы тряхнуть стариной и заняться наведением справедливости, но это не более чем дань традициям... Можно узнать, в чем была причина вашего спора?

— Так... — неопределенно отозвался Конан. — Значит, вопрос о том, чья это земля, до сих пор не решен?

Паллантин кивнул. Я решила блеснуть и процитировала Четвертую статью Фегберского Уложения от 1102 года об установлении пограничных рубежей между странами Заката. Эта парочка рубак устала на меня с таким видом, будто я поведала им какое-то запредельное божественное откровение. тысячник отпустил тяжеловесный и слегка путанный комплимент моей образованности. Конан хмыкнул и заявил, что, по его мнению, женщина должна быть либо умной, либо красивой, и он не может решить, к какому разряду отношусь я. Наверное, к умным. Я немедленно обиделась, и серьезный разговор выродился в легкомысленную болтовню.

Так наш отряд и ехал через Пограничье. В Кюртене мы не без сожаления расстались с честно отработавшим свое вознаграждение Темвиком, почти незамеченными пересекли границу и оказались в Аквилонии. Скакать по тамошним дорогам было гораздо лучше, и уже через три-четыре дня король и его немногочисленная свита въезжали в Тарантию.

Если кого интересует — я по-прежнему делила палатку с Конаном. Делила — и только. Дальше некоторых допустимых между хорошими знакомыми вольностей дело не заходило. Как ни странно, такое положение вещей вполне устраивало нас обоих. А графиня Эвисанда может быть спокойна — я на место королевской фаворитки не претендую. Мне бы со своими загадками разобраться.

* * *

В Тарантии, вопреки дурным ожиданиям короля, все было спокойно. Конечно, страна все еще приходила в себя после вспышек подземного огня, но никто не собирался бунтовать, требовать смены власти или искать виновного в бедствиях королевства. Казалось, род людской внезапно поумнел и занялся делом — восстановлением разрушенных городов, наведением

порядка и, само собой, пополнением резко уменьшившегося населения Аквилонии.

По неизвестным мне самой причинам в день въезда в столицу я пребывала в самом радужном настроении. Все беды миновали, а что до здешних заговорщиков, то дайте мне дней пять-шесть, и я за шиворот приволоку их к подножию трона. После чего с чистой совестью отправлюсь домой. К венку моих успехов прибавится еще один листок. Наверное, Мораддин решил не заезжать в Аквилонию, а сразу из Пограничья направился в Бельверус. Конечно, это я — вольная птица, а он считает своим долгом как можно скорее представить Нимеду полный отчет о произошедших событиях и своих действиях. И откуда в нем это жуткое пристрастие все записывать, рассортировывать и раскладывать по полочкам?

Меня поселили в полуночном крыле замка, на втором этаже, неподалеку от королевских покоев. Три комнаты с видом на зимний хмурый Хорот и с выходом в маленький внутренний двор. Там росли какие-то тонкие деревца, облетевшие с приходом осени, и вечнозеленый колючий можжевельник. В комнатах, как и повсюду во дворце, здорово воняло краской, но я надеялась, что через пару дней этот запах выветрится. Особенно если я буду держать все окна открытыми.

Первую седмицу ничто не предвещало беды. Если не принимать во внимание затаенных неприязненных взглядов Эвисанды, явно желавшей сократить мое пребывание в Тарантии, мне было не на что жаловаться. Конана я почти не видела или видела очень мало — он был занят. Мне тоже пора было начинать выполнять свои обещания и искать возможных заговорщиков, однако я не спешила. Бродила по замку, знакомилась с окружением короля, присматривалась, прислушивалась и делала выводы. Раза два выбиралась в город — без всякой особой цели, просто прогуляться по лавкам и полюбоваться достопримечательностями.

За семь минувших дней у меня набралось достаточно вопросов, на которые я бы хотела получить ответы. Эти вопросы по большей части касались не возможных злоумышленников и заговорщиков, а собственно личности короля. А также характера его нынешних действий. С каждым днем у меня появлялся лишний повод призадуматься, но, что самое обидное, я не могла облечь свои подозрения в слова. Слишком уж они, эти самые подозрения, были расплывчатыми. Кто же поверит утверждению: «Мне так кажется, потому что кажется»?

Как водится, в одно прекрасное утро всем сомнениям был положен конец. А также я точно определила мое положение при дворе короля Аквилонии.

Это было действительно хорошее утро — солнечное и холодное. Я собиралась потратить его на прогулку по Нижнему саду в обществе некоторых личностей, из легкой болтовни с которыми я намеревалась незаметно вытянуть кое-что интересное. Затем я по уже сложившейся привычке схожу в комнату грифона Энунда, посмотрю, как у него дела. Он все-таки выкарабкался из той темной долины, в которую его чуть не отправил удар кинжала неизвестного злодея, но пережитое ранение и болезнь окончательно испортили его характер (и без того достаточно едкий и сварливый). Однако мне нравилось беседовать с этим невероятным существом и забавляли его нарочито вызывающие манеры.

У грифона я пробуду до второго или третьего полуденного колокола. Жизнь во дворце в это время замирает, так что можно будет спокойно посидеть в библиотеке или съездить в город. А потом настанет вечер, и тогда посмотрим, чем стоит заняться. Надо бы проверить кой-какие возникшие подозрения...

— Госпожу графиню настоятельно просят не покидать отведенных ей покоев, — донесся до моего занятого многообразными и далеко идущими сообра-

жениями ума чей-то требовательный голос. Я шла себе по коридору, как обычно намереваясь спуститься на первый этаж и выйти к Нижнему саду. От неожиданности я тряхнула головой и остановилась.

Меня задержали гвардейцы. Обычный караул из двух человек возле дверей, за которыми находилась лестница вниз. Створки были закрыты, а молодые люди в черно-серебряной форме смотрели на меня привычно-равнодушным взглядом отлично вымуштрованных сторожевых псов, не лающих без необходимости.

— В чем дело? — резко спросила я, даже позабыв прикинуться хорошенькой дурачком. — Мне что, даже из комнаты нельзя выйти? Чье распоряжение вы выполняете?

— Приказ короля, — тем же бесстрастным тоном отозвался стоявший справа гвардеец. — Вас просят не выходить с этого этажа.

В какой-то миг я была готова проложить себе дорогу силой, превратив этих двоих ни в чем не повинных мальчиков в забывших самое себя идиотов. Моего Дара вполне бы хватило на это. Но я вовремя остановилась, напомнив себе, что во дворце сотни дверей и по меньшей мере у каждой второй стоят часовые. Если у них тоже имеется приказ не выпускать графиню Эрде, то таковой графине будет просто не под силу справиться с ними всеми. Я сломаюсь уже возле пятой или шестой двери.

Что ж, уступим грубой силе. Любопытно, что бы означала подобная немилость?

Только одно — кто-то очень не хочет, чтобы графиня Эрде шастала по дворцу и совала свой любопытный нос во все тайные уголки. И этот «кто-то» мне отлично известен — это король. Интересные дела...

На всякий случай я обошла полуночное крыло замка, выясняя, до каких пределов отныне сузилась моя свобода перемещений. Меня беспрекословно пропустили на третий этаж, в библиотеку, но не дали и

шагу сделать по коридорам, ведущим в глубины дворца и вниз. Никто не сказал ни слова, когда я наведальась в Зимний сад и в заглянула в пустовавшие покои короля. Не возражали и против моего появления в Малой кухне.

Но все остальные помещения дворца замка отныне стали для меня недостижимы.

Я вернулась к себе, упала в кресло и призадумалась, как мне быть. Никаких сведений о заговорщиках у меня пока не было, да и вообще я пока только приглядывалась к обстановке. Однако мне показалось, что Конана особо не волнует, поймаю я для него кого-нибудь или нет. Его куда больше заботит, чтобы я не исчезла из замка. Почему? Конечно, я могу дожидаться вечера, заявиться к королю и устроить небольшое представление, однако это будет означать, что я испугалась и сдаюсь. Ну уж нет! Раз мне предложена игра — я не отступлюсь. Меня заперли? Не беда, справлюсь. Не в тюремную же камеру меня засунули!

К утру следующего дня я уже так не думала. Одно сознание того обстоятельства, что я не могу идти туда, куда хочу, приводило меня в бешенство. Я нашла принесенный завтрак отвратительным, накричала на служанку, явившуюся убирать в комнатах, попыталась читать, но вскоре швырнула книгу на пол и поняла, что надо немедленно отвлечься. Открыла сундук с вещами, переоделась в охотничий костюм, затем вытащила Шото и отправилась в сад — танцевать.

Шото — это мой меч. Клинок кхитайской работы, длиной примерно в два локтя, то есть на ладонь короче аквилонских эстоков, слегка изогнутый, с маленькой чашкой гарды и непривычно длинной рукоятью, утяжеленной свинцовым набалдашником. Мне его подарили лет тридцать пять назад, и с тех пор мы путешествуем вместе. Мы изучили все достоинства и недостатки друг друга, и иногда мне чудилось, что клинок — живой.

Но сегодня Шото был тем, чем ему и положено, — хорошо отточенной по краю полосой закаленного металла.

Я отлично знаю, что мастером мне никогда не стать (как всякая женщина, я слишком непоседлива и нетерпелива, для того чтобы ежедневно тренироваться и отшлифовывать движения), но своего ранга Среднего ученика я добилась вполне заслуженно. И гордилась тем, что способна безошибочно выполнить хотя бы десять простейших упражнений. Чем и попыталась заняться.

На «Танцующих звездах» я сбилась с ритма и начала все заново. «Зимородок над водопадом» в моем исполнении более заслуживал наименования «Общипанная курица отправляется в свой последний путь». С досады я в нарушение всех канонов перешла сразу к «Штормовой волне», поскользнулась на усыпанном дорожку крупном песке и срубила оказавшуюся поблизости ветку дерева. Остановилась, шипя от злости и досады, и слышала, как неподалеку кто-то негромко хлопает в ладоши, насмешливо приговаривая:

— Замечательно, замечательно. Ты, оказывается, еще и садовница?

Я оглянулась, от ярости не сразу признав голос. На миг мне захотелось вскинуть Шото в позицию для атаки и броситься вперед — все равно на кого. Наверное, я даже успела сделать пару угрожающих шагов по направлению к заглянувшему в сад человеку, прежде чем взяла себя в руки.

Возле облетевшего сливового деревца стоял Пуантенский Леопард — его светлость герцог Просперо. И еще имел наглость ухмыляться. Интересно, давно он за мной наблюдает?

— А ваша светлость учится подкрадываться? — брякнула я первое, что пришло в голову, и опустила неизвестно когда успевший взлететь к плечу меч. — Что ж, могу отметить несомненные успехи...

— Что-то госпожа графиня сегодня не в духе, — безмятежно заметил Просперо.

С моим возвращением в Тарантию нам пришлось знакомиться заново — теперь мне довелось выступать под моим подлинным именем.

Герцог не слишком удивился — наверняка он с самого начала догадывался, что Росита из Аргоса ни в коей мере таковой не является. Правда, как он сам потом признался, он всегда был уверен, что под прозвищем небезызвестной «Немедийской Ищейки» скрывается мужчина, а не молоденькая девица благородного происхождения. — Если я нарушаю твое уединение, могу уйти.

— Нет, — сказала я. — Не нарушаешь. Извини, я просто немного погорячилась.

— Случается, — понимающе кивнул герцог. Мы неторопливо шли по усыпанной песком извилистой дорожке между темно-зеленых мохнатых кустов, я по-прежнему несла Шото в руке и чуть помахивала им. — Собственно, я зашел, чтобы передать тебе приглашение.

— Куда? — без особого интереса спросила я. День пребывания взаперти подействовал на меня не самым лучшим образом — мной овладело равнодушие. — И от кого приглашение?

— От короля, — сказал герцог, а я озадаченно подняла бровь. — На вечеринку. — Я сбилась с шага. — Устраиваемую по поводу моего отъезда в Немедию.

Я остановилась и недоуменно уставилась на Леопарда.

— Ты уезжаешь в Немедию? Когда?

— Завтра днем. — Из тона Просперо следовало, что все, кроме туповатой графини Эрде, давно осведомлены о времени и причине его поездки. И, наверное, многие из кожи вон лезут, стремясь раздобыть подобное приглашение. — Ты придешь? Гостей будет немного, а из женщин — графиня Аттиос, Лавиния и ты.

Лавинию, отдаленную родственницу канцлера Публио, я немного знала. Боги не озаботились наделить эту особу даже самым малым количеством мозгов, зато не поскупились на внешние достоинства. Кажется, сейчас она была подружкой кого-то из военачальников Конана. Впрочем, мне не до этого. Приглашение на вечеринку для узкого круга — что бы это значило? Может быть, ничего. А может быть, шанс понять, что творится вокруг и как мне поступать.

— Приду, — наконец ответила я. — Передай Его Величеству мою благодарность.

— Конечно. — Герцог повернулся, чтобы уйти.

Я мгновение колебалась, не зная, стоит ли следовать внезапному короткому проблеску, требовавшему от меня нарушения всех писанных и неписанных заповедей лазутчиков, а затем решительно шагнула вслед Леопарду.

— Ты не мог бы задержаться? — спросила я. — Я хочу кое о чем поговорить.

Посетившая меня идея была совершенно безумной, но я больше не видела, кому можно было довериться. Кроме того, у меня возникли смутные подозрения, что с заточением во дворце мои неприятности не закончились, а только начались. Если случится, что я просто исчезну, пусть хотя бы одному человеку станет известно то, что удалось узнать мне.

— Поговорить? — переспросил герцог. — Прямо сейчас? — Я кивнула и попыталась придать своему взгляду выражение тщательно скрываемого отчаяния. — Ну-у... Хорошо. Тебя что-то беспокоит? С тех пор, как вы вернулись из этого Пограничья ты, похожему, места себе не находишь.

— Ты совершенно прав, Леопард, — согласилась я и, вытянув руку, заставила Шото дважды крутануться. — Только, пожалуйста, выслушай меня внимательно, не удивляйся моим вопросам и не спешి звать лекаря. Я хочу поговорить о вашем короле, о Кона-

не. И для начала спрошу — когда вы с ним познакомились?

— Года три назад, на Границе, — помедлив, ответил Просперо. — В Пуантене как раз закончился очередной мятеж... Ну, ты наверняка помнишь эту историю, мы же встречались... Так вот, мне ясно намекнули, чтобы я держался подальше от столицы и собственной провинции, если хочу прожить как можно дольше. Вообще-то в Тарантии наверняка ожидали, что я сбегу в Аргос, под защиту короля Мило. — Герцог хмыкнул. — Не дождалось. Я ушел на Границу, к Пиктским Пущам. Отыскать человека в Приграничье и сейчас почти невозможно, а в те времена Боссонские Топи были самыми настоящими вольными землями. Под моей рукой ходил небольшой отряд, и мы решили обосноваться в Тусцелане, чтобы оттуда посмотреть, что новенького стрясется в Аквилонии. Там я и встретил Конана. Он был следопытом-одиночкой, бродил по всей Закатной Марке, охотясь на пиктов, время от времени объявлялся с новостями или когда ему требовалось закупить припасы. Поселенцы его побаивались, следопыты и гвардейцы в фортах уважали, а тогдашний губернатор постоянно колебался — то ли ради собственного спокойствия вздернуть этого нахала, то ли наградить всем, чего он попросит. Вскоре началось пиктское восстание, и завертелась эта безумная карусель... Что, собственно, тебя интересует?

— Так... — задумчиво протянула я. — Скажи, а в последнее время ты не замечаешь никаких странностей в поведении короля? Начиная с того времени, как мы приехали из Пограничья?

— Нет, — пожал плечами герцог. Мне послышались нотки неуверенности в его голосе. — Разве что эта война с Офиром... Она совершенно не ко времени и не к месту. У нас есть возможность ее выиграть, но есть точно такой же шанс проиграть. И еще союз с Немедией... Сколько я себя помню — Аквилония и Немедия были

соперниками. А тут король вдруг решает отправить посольство, ставит меня во главе и требует только одного — добиться единства. Пускай временного, пускай путем уступок с нашей стороны, но обязательно заключить мирный союз с Бельверусом!

— А еще есть Энунд,— как бы невзначай напомнила я.

— При чем здесь грифон? — недоуменно спросил Просперо.— И вообще, к чему ты клонишь?

Я глубоко вздохнула и начала говорить. По мере развития моего достаточно длительного и красочного повествования Леопард становился все мрачнее и мрачнее, однако ни разу меня не перебил.

Начала я издалека — с Пограничья и нашей неожиданной встречи в поселке под названием Брийт. Кратко описала поездку, задержавшись на том обстоятельстве, что именно по дороге в Аквилонию Конан начал разговоры о возможной войне с Офиром. Я узнавала у Паллантида — раньше такой мысли не возникало ни у кого при дворе, а тем более у короля. Он был куда больше озабочен наведением порядка в стране. Затем последовал более чем странный указ о поиске человека, «как две капли воды похожего на короля Конана». Я видела, как писался этот указ — мы как раз задержались в Кюртене, на границе с Аквилонией — и в полном недоумении спросила у Конана, какого демона ему это понадобилось. Кого он опасается? Вразумительного ответа я не получила — Конан отшутился, сказав, что у меня свои секреты, а у него — свои.

Еще одну загадку подкинул мне Энунд. В первый же день своего пребывания во дворце я отправилась узнать, выжил ли грифон. Оказалось, что выжил и даже поправляется. Я сидела в его комнате, пытаюсь найти общий язык с этим странным древним существом, и тут к нам заглянул Конан. Просто зашел, с той же целью, что и я. Энунд немедленно взъерошил перья, зашипел и вообще повел себя как дикое животное.

Разумеется, король недоуменно хмыкнул, развернулся и ушел. Я осторожно спросила у Энунда, с какой стати он вдруг настолько невзлюбил человека, который приютил его и спас от возможного пребывания в клетке. Грифон сначала отмалчивался, затем пробурчал что-то насчет всеобщей слепоты и того, что мы не можем отличить истинное от поддельного. Вытянуть из него более вразумительные объяснения мне не удалось.

— Насколько я знаю, этому существу триста, или четыреста лет, он подозревает всех людей в тайном желании набить из него чучело и более-менее доверял только покойному Юсдалю,— резко сказал Просперо, когда я наконец замолчала.— Слова грифона могут иметь какой угодно смысл.

— А указ? — настойчиво спросила я.— Какой смысл может иметь указ, в котором черным по белому объявлен розыск двойника короля и людей, которые вроде бы остались в Пограничье или вообще погибли?

Мы уже раз десять обошли по кругу весь небольшой сад и сейчас стояли напротив двери, ведущей в мои комнаты. Я замерзла, но отступать на полдороге не собиралась.

— Какие цели может преследовать подобное распоряжение? — не отставала я от молчавшего герцога.— С какой стати надо начинать никому не нужную войну? Можешь не верить Энунду, можешь не верить мне, но ведь ты же не слепой! Ты должен видеть, что творится при дворе и в городе! Все будто помешались с этой войной, а теперь еще ты сам отправляешься в Немедию! Да не просто так, а заключать союз! Что все это может значить, скажи мне?

— Ты хочешь сказать, госпожа, что в Пограничье случилось нечто, повлиявшее на рассудок короля? — неожиданно спросил Просперо. Такого голоса я у него никогда не слышала и надеюсь, что больше не услышу. Нехороший был голос, сухой и мертвый.

— Нет! — Я отчаянно замотала головой. — Не хочу никого обидеть, но Конан просто не способен сойти с ума. Для этого он слишком... слишком здравомыслящий человек, который твердо стоит ногами на земле. Подобное вполне может произойти со мной, с тобой, но не с ним. Он думает не так, как мы — проще и целеустремленней. Я бы заподозрила влияние враждебной магии, но можешь мне поверить — я не чувствую ее присутствия.

— Тогда в чем же дело? — уже более спокойно спросил герцог.

Я облизнула губы, собрала с духом и покрепче сжала шероховатую рукоятку клинка. Если я сейчас скажу все, что думаю, обратной дороги для меня уже не будет.

— В том, что человек, которого мы все считаем королем Аквилонии, таковым не является. Не спрашивай меня, кто он — воплотившийся демон, перехитривший нас всех человек или магическое создание. Я не знаю.

Честно говоря, я была уверена, что после такого предположеньица Просперо назовет меня спятившей набитой душой и будет совершенно прав.

— Где доказательства? — холодно бросил герцог, и я поняла, что моя речь не пропала впустую. Скорее всего, Просперо и сам что-то подозревал, но, как и я, не мог придать подозрениям словесную форму. — Все, что ты говоришь, — не более чем слова.

— Сейчас у меня нет надлежащих свидетельств, — облегченно сказала я. — Но, если я их раздобуду, ты мне поверишь? И поможешь?

Просперо задумчиво смотрел куда-то поверх моей головы на облетевшие деревья и каменную стену замка. Я терпеливо ждала.

— Завтра я уеду, — наконец сказал он. — У тебя в запасе только сегодняшний вечер. Иначе мне придется рассказать об этом разговоре Конану. Ты, насколько

ко я знаю, работаешь на трон Дракона и я сам многократно убеждался, что ты слишком умна для женщины. Я не знаю, какие цели ты преследуешь, и, уж извини, не слишком тебе доверяю. Но в том, что ты сейчас сказала, есть одна беспокоящая меня вещь — указ о двойнике. И мое собственное убеждение, что Конан за последние дни изменился, причем не в лучшую сторону... Поэтому я дам тебе время до завтрашнего утра. Приведенные тобой доказательства должны неоспоримо доказывать, что на троне — не Конан Киммериец.

Герцог помолчал и слегка растерянно добавил:

— Честно говоря, не представляю, как ты этого добьешься...

— Уж как-нибудь, — непринужденно отмахнулась я и уточнила: — Так мы договорились? Ты даешь мне сегодняшний вечер и ночь? Я должна доказать либо нечеловеческую природу, либо поддельность человека, выдающего себя за короля? Причем так, чтобы сомнений не оставалось?

— Безусловно, — твердо сказал Просперо. — Именно это я и имею в виду.

— Идет. — Я бросила Шото в ножны и протянула руку. — Если ошибусь или окажется, что я не права, — пойду сама признаваться и просить прощения. А там пускай решает король — угодно ему посадить меня в Железную башню, выставить из страны или просто и незамысловато вздернуть на главной площади.

Про себя я подумала, что за подобную ошибку вполне заслуживаю казни. Но уже ничего нельзя было изменить или повернуть вспять — слова сказаны и сделка заключена. Впрочем, я в любом случае собиралась идти до конца, каким бы этот конец не был.

Просперо ушел. Похоже, я ему здорово подпортила настроение, однако на герцога можно положить — он меня не выдаст. По крайней мере, до завтрашнего утра. Доказательства же я собиралась раздобыть не далее как сегодняшним вечером. Эта затева-

ющаяся вечеринка в честь его отъезда — просто настоящий подарок судьбы.

Я не слишком верила в то, что двойник является человеком. Невозможно настолько сжиться с образом Конана (если только этого типа не натаскивали с самого детства, что просто невероятно), и за спиной этого человека непременно должны были стоять те, кто его разыскал и обучал. Слишком много натяжек. А если бы не произошло извержений подземного огня и Конан не поехал бы в Пограничье? А если бы варвар вообще не стал королем Аквилонии?

Значит, примем за основу другое предположение — это существо имеет магическую или демоническую природу. Это объясняет полное сходство обликов и наличие знаний о жизни Конана, однако я давным-давно убедилась, что у магического существа можно отыскать куда больше уязвимых сторон, нежели у человека. Значит; придется сыграть на этом.

План — рискованный, но вполне осуществимый — я придумала довольно быстро. Для его осуществления мне требовалось раздобыть некоторые весьма необычные вещи, а также заручиться содействием кое-каких людей, и я для начала решила навеститься к Эви. Больше у меня не было причины предаваться унынию — появился повод к действию.

* * *

Вечеринка в королевских покоях начиналась после десятого вечернего колокола. Как положено благовоспитанной молодой даме, я явилась с некоторым опозданием, завершив все свои приготовления и убедившись, что каждый из участников затеянного мной представления твердо помнит отведенную ему роль.

Гостей, как мне и обещали, было мало — пятеро мужчин, три женщины, считая и меня. За соблюдением правил этикета никто особенно не следил, за столом рассаживались, как хотели. Я выбрала местечко

подальше от короля и неприязненно покосившегося на меня Просперо.

Эви и Лавиния, кажется, задались целью перецеголять друг друга изысканностью нарядов и количеством украшений. По сравнению с ними графиня Эрде смотрелась непритязательной провинциалочкой — черное платье, тонкая нитка розового жемчуга. Правда, эта ниточка стоила едва ли не дороже всех сверкающих побрякушек фавориток, но это уже совсем другой разговор.

Первую половину вечера я смирно просидела в своем уголке, изредка вмешиваясь в общую беседу и потихоньку рассматривая присутствующих. Моя задумка наверняка послужит завершением ужина, а мне не хотелось сразу все портить. В конце концов, поводом к вечеринке послужил отъезд Просперо, и он должен получить причитающуюся ему долю напутствий и пожеланий.

Кроме того, я ждала, когда вечеринка неизбежно перейдет к своей следующей стадии. Той, на которой хмель ударяет уже не в голову, а неизвестно куда, беседы и тосты становятся все более вольными, голоса — громкими, а смешки присутствующих дам — не в меру пронзительными. Людям, находящимся в таком состоянии, намного проще заморочить головы.

Мое терпение было вознаграждено с лихвой и даже раньше, чем я ожидала, — всего-то спустя два колокола и три внушительных размеров кувшина, в которых плескался шемский «Золотой корень». Разговоры плавно перешли к поистине неиссякающему роднику дворцовых сплетен, дамы, стреляя глазками по сторонам, начали манерно жаловаться на то, что в зале слишком жарко и им настоятельно необходимо прогуляться в сад, а я украдкой задержала одного из слуг, уносивших грязную посуду и вполголоса велела передать на кухню и в мои покои, чтобы там приготовились — графиня Эрде сейчас придет. Служка понятиливо кивнул

и убежал, а я встала и постучала ножом по серебряному бокалу, привлекая общее внимание.

Затем я произнесла речь. Коротенькую, откровенно льстивую и, как мне показалось, довольно забавную. Во всяком случае, гости изволили смеяться. Речь была посвящена королю и его верным соратникам, а также трудному искусству винопития и надвигающейся войне. Главное для хорошей оратора — уметь совместить несовместимое. После вполне заслуженных аплодисментов я поинтересовалась, не угодно ли благородным месьюрам слегка развлечься. Дружный, хотя и нестройный хор заверил меня, что, разумеется, угодно. Тогда я заявила, что удаляюсь на некоторое время и прошу всех остальных набраться терпения. Развлечение, мол, сейчас последует.

Разумеется, они были донельзя заинтригованы. Не сомневаюсь, что, как только я выскочу за дверь, посыплются предположения, что же такое задумала госпожа Эрде.

Маленький отряд моих невольных соучастников уже собрался и пребывал в полной боевой готовности. Они, как я и рассчитывала, приняли всю затею за причуду избалованной аристократки и с удовольствием помогали в ее осуществлении. Я стремительно переоделась, несколькими взмахами кисточки с черной тушью удлинила глаза, затем подхватила тускло-золотой кубок, над которым поднимался ароматный парок. Кубок был тяжеленный и ощутимо горячий. Еще бы — его содержимое только что сняли с огня.

С дымящейся чашей в руках я вернулась в зал. Передо мной проскользнула девчонка-прислужница, которую я сегодня днем обучила нехитрому искусству игры на тростниковой флейте. Вернее, не столько научила, сколько внушила ей основные приемы извлечения звука. Мне не требовалось особого умения, только уверенность, что девочка не собьется в самом нужном месте.

Пока все шло удачно. Служанка присела на ступеньках стенной ниши, поерзала, осторожно дунула в тростинку и по комнате поплыла чуть заунывная, протенькая, но завораживающая мелодия. Гости короля постепенно замолчали, оглядываясь и разыскивая источник странного звука.

К тому времени почти все факелы в небольшой комнате прогорели, остались только свечи на столе и приглушенное мерцание пламени в камине. Именно то, что требовалось мне для эффектного появления.

Ну, я и появилась. Если у кого из присутствующих оставались сомнения в достоинствах моей фигуры, то теперь от подобных колебаний не должно было остаться и камня на камне. Туранский шифон — штука весьма прозрачная, даже если свернуть ее в несколько слоев. Вдобавок, это одеяние, которое я наскоро соорудила перед началом вечеринки, было самым что ни на есть облегающим...

Добившись общего внимания, я закружила по залу, звеня многочисленными браслетами и высоко подняв над собой чашу. Не уронить бы раньше времени, тяжелая ведь...

Обычно на званых обедах блюда разносятся в зависимости от старшинства или степени титулованности присутствующих. Я поступила наоборот — надела содержимым своего кубка сначала дам, косившихся на меня со смесью удивления и зависти, а затем направилась вокруг стола. До меня долетал недоуменный шепот и даже еле слышный восхищенный свист, но я соблюдала правила игры — смотреть прямо перед собой и сохранять серьезный вид. Если уж изображаешь храмовую танцовщицу, то будь любезна ни на что не отвлекаться.

Постепенно я обошла всех расположившихся за столом гостей, кроме собственно устроителя вечеринки, то есть Конана. Мне оставалось пройти какую-то пару шагов, я уже видела приветственно поднятый

мне навстречу блестящий серебряный кубок с резбой по краям, когда произошло непредвиденное остальными гостями событие.

Я споткнулась, зацепившись за почти невидимую складку ковра. Споткнулась, потеряла равновесие и начала падать. Наверное, это длилось не более пяти-шести ударов сердца, но мне показалось, что время остановилось и повисло тягучей смолистой каплей. Все движения замедлились, словно происходили в толще морской воды.

Вот я делаю крошечный шагок влево, к столу, безуспешно стараясь удержаться на ногах. Чаша, в которой осталась еще едва ли не половина напитка, опасно наклоняется. Лаурис, гвардейский тысячник, возле кресла которого я споткнулась, поворачивается, делая тщетную попытку подхватить меня. Он промахивается, кубок неудержимо выскальзывает у меня из рук. Конан, уже отлично понимая, что сейчас произойдет, вскакивает, опрокидывая тяжелое дубовое сиденье, успевает поймать меня за плечо, но поздно. Чаша все-таки переворачивается, темно-красная дымящаяся жидкость широким потоком выплескивается — частью заливая стол и ковер, частью меня и короля. Ему, надо отметить, достается гораздо больше.

Полнейшая тишина. Дробь падающих со стола капель. Какая-то из женщин пронзительно взвизгивает. Мы стоим — эдакая застывшая живая скульптура. Я слышу невнятный звук — это Конан шипит сквозь зубы. Честно говоря, мне очень хочется завопить как следует — правую ногу ниже колена точно прижигают каленым железом. А ведь на меня попало лишь несколько капель, сейчас расплывающихся бесформенными пятнами по тонкой ткани платья. Еще меня грызет жуткое подозрение — что, если я ошиблась? Никогда себе не прощу...

— Ты в порядке? — приглушенно спрашивает Конан. Краем глаза я вижу, как Эви судорожно выби-

рается из-за стола, намереваясь то ли поднять крик, то ли выпарапать мне глаза.

— Почти, — деревянным голосом говорю я и добавляю: — Извини...

Вот оно, самое худшее в мире — когда твои неопределенные, но безусловно мрачные подозрения сбываются. Этому существу, принявшему облик Конана, не больно. Оно знает, как должно себя вести и что изобразить в подобном случае, но оно не ощущает боли. Можно, конечно, собрать всю имеющуюся выдержку, можно вытерпеть и не такое, однако невозможно настолько научиться владеть собой. Это выше скромных человеческих возможностей.

— Да ерунда, — говорит существо голосом Конана. — Жаль, что мне ничего не досталось...

Я пытаюсь что-то сказать в ответ, но тут время начинает идти со своей обычной скоростью, и в зале воцаряется суматоха. К счастью, мне удастся метнуться в сторону, а еще через миг, вырвавшись из общей толчеи (удивительно, как это семь человек умудрились устроить такое столпотворение?), на меня налетает Просперо. Сказать, что Леопард был разозлен — значит, сильно приукрасить действительное положение дел.

— Что ты натворила? — накинулся на меня герцог. — С ума сошла?

— Рада бы, да не получается, — язвительно сказала я. — Тебе требовались доказательства — получай. Но не сейчас, а завтра рано утром. Перед отъездом под любым предлогом наведайся к королю. Потом можешь зайти ко мне и рассказать, что интересного увидел. А сейчас извини, мне надо разыскать лекаря или хотя бы кувшин с холодной водой.

Кажется, Просперо слегка ошалел от подобной наглости. Я сорвала вечеринку в его честь да еще утверждала о появлении непреложных доказательств того, что в королевском замке находится самозванец.

Пользуясь замешательством светлейшего герцога, я незамеченной выскользнула из залы, где стало уже чересчурлюдно и шумно, и ушла к себе.

Наверное, мне бы полагалось задуматься над тем, что я узнала и всесторонне рассмотреть полученные крупницы знания. Но у меня не хватило сил. В голове царила крошечная пустота, и все, на что я была сейчас способна — это выполнять незамысловатые действия: сменить одежду, промыть следы, оставшиеся от капель горячего вина, подбросить дров в камин и свернуться в кресле. Как ни странно, заснула я мгновенно — боль в обожженной ноге не мешала. И вскочила, как мне показалось, почти сразу же — от тихого, но настойчивого стука. Добежала до двери, распахнула створки, даже позабыв спросить, кто там, и впустила раннего гостя.

Действительно, слишком раннего — за окнами только-только разгорался серенький зимний рассвет.

Гостем оказался его светлость герцог Просперо, и по его крайне обескураженному виду я поняла — он последовал моему вчерашнему совету. Я без лишних церемоний втащила его в комнату, выглянула в коридор — вроде никого — и захлопнула дверь на засов.

— Этого не может быть, — таковы были первые слова пуантенца. Он так и стоял возле двери, кажется, не совсем понимая, ради чего сюда пришел. Я развела руками и чуть снисходительно напомнила:

— Я же говорила... Ты был у короля? И что там узрел, не поделишься?

— В том-то и дело, что ничего, — растеряно отозвался герцог, в самом прямом смысле этого слова падая в жалобно скрипнувшее кресло. — Ничего! Я же своими глазами видел, как ты опрокинула на короля чашу с кипятком! У него даже кожа не покраснела, не говоря уж о волдырях... Что же такое творится, а?

— Если бы я знала... — вздохнула я. — Скажи-ка, теперь ты поверил моим бредовым рассказам?

— Да, — после некоторого молчания сказал Просперо и схватился за голову, тоскливо вопросив то ли у меня, то ли у стены напротив: — Что нам теперь делать? И где настоящий король? Остался в Пограничье? Мертв?

— Не думаю. — Я присела на ручку кресла и постаралась придать своему голосу бодрые нотки. — У меня есть подозрение, что он где-то неподалеку. Может быть, скрывается в городе. Если Конан знает, что во дворце — подменыш, то обязательно начнет предпринимать какие-нибудь действия. Дело сейчас не в этом... Ты ведь должен сегодня отправиться в Немерию, так?

Просперо кивнул и глухо проговорил:

— Но я не могу уехать, пока страной не будет править законный король.

— Глупости, — спокойно (что далось мне с огромным трудом) возразила я. — Ты не должен сейчас вызывать лишних подозрений. Послушай моего совета — уезжай. Как только ты и твои люди выедете за пределы Тарантии, ты будешь в безопасности. Конечно, в относительной, но тогда ты самостоятельно сможешь решить, где ты нужнее — в Бельверусе или... — Я нарочно не договорила.

Герцог, как я уже неоднократно повторяла — умный человек. Он сам сообразит, что ему делать. Если окажется, что посольство Аквилонии не доехало до Бельверуса, я этому ни капли не удивлюсь.

— А ты? — спросил Просперо. — Тебе безопасно оставаться здесь? Может, тебе лучше отправиться с нами?

Я бы очень этого хотела. Казалось, дурные предчувствия волочатся за мной, как не в меру длинный подол, но воспользоваться предложением герцога... Мое отсутствие будет сразу же замечено, особенно после вчерашних событий.

— Нет, — я покачала головой. — Я останусь здесь. Ничего самозванец мне не сделает. А у настоящего

короля, когда он объявится, в замке будет хотя бы один союзник.

— Странная ты женщина, госпожа Эрде, — задумчиво сказал Просперо. — Ладно, надеюсь, ты знаешь, что делаешь и чем рискуешь.

— Когда ты вернешься, я буду здесь, — самоуверенно заявила я. — И на трон вернется настоящий король, Конан Киммериец.

И Леопард уехал. Разумеется, не один, а почти с тремя десятками телохранителей и дворян из пуантенской гвардии. Случилось это два дня назад. Хотелось бы мне знать, где они сейчас... Вряд ли на дороге к Бельверусу. Сдается мне, что путь отряда идет либо на полдень, либо герцог отъехал от столицы не далее, чем на десяток-другой лиг, а потом просто затаился и выжидает.

Я им завидую — пуантенцы не во дворце, им не приходится ощущать соседство существа, «как две капли воды» похожего на твоего давнего друга и одновременно не являющегося таковым.

...От безысходности можно с ума сойти. А лучшее средство против бесцельных раздумий, какое я знаю — чтение философских трактатов. Сознание того, что ты ничего в них не понимаешь, однако точно знаешь, что написанное что-то означает, несколько добавляет уверенности в себе.

Именно поэтому я сегодня запаслась фолиантом надлежащей толщины и отправилась в Зимний сад — штудировать высокоученый труд и предаваться безрадостным размышлениям, сводившимся к одному вопросу — как мне теперь поступить? Бежать или оставаться? Ждать вестей из города? Я обязана что-то предпринять, причем в самое ближайшее время!

По дороге мне пришлось на миг задержаться — меня задержал какой-то ревнитель этикета, ранее со мной не сталкивавшийся и желавший представиться. Бедняге пришлось испытать сильное разочарование —

я пролетела мимо него, невнятно бросив какую-то расхожую любезность. Я даже разглядеть его толком не успела, только отметила в памяти: он довольно молод и на редкость правильно выговаривает слова. Что ж, надеюсь, он меня простит за подобное некуртуазное поведение.

В Зимнем саду было тепло и пустынно — обычно это любимое место прогулок придворных дам. Однако нынче единственными обитателями этого красивого местечка были только так называемые «служители», большая часть которых наверняка трудилась под началом барона Гленнора, Энунд и я. Заявившийся вслед за мной грифон тоже страдал меланхолией и злился на весь белый свет. Наверное, из-за того, что какая-то добрая душа повязала ему на хвост голубую шелковую ленточку. Я нашла, что это выглядит довольно мило, но грифон со мной не согласился, обозвал «кровопийцей» и обиженно удалился прочь. Я осталась сидеть в беседке из вечнозеленых лиан, рассеянно листая книгу и пытаюсь сосредоточиться на ровных строчках.

Потом я услышала приближающиеся шаги. Кто-то торопливо шагал по вымощенной цветным камнем дорожке. От нечего делать я посмотрела в просвет между ветками на неожиданного визитера и едва не выронила фолиант.

По Зимнему саду Тарантийского замка, в сопровождении угрюмого Энунда, шел мой муж. Мораддин, граф Эрде, глава секретной службы Немедии, третий человек после короля Нимеда и канцлера Тимона, объявленный в Аквилонии «пособником самозванца». Шел и озабоченно оглядывался по сторонам, точно искал кого-то.

«Призрак», — решила я. Однако призрак не собирався рассеиваться и поневоле пришлось согласиться с тем, что это и в самом деле Дин. Только откуда он взялся?

Впрочем, это я еще успею узнать.

Я опустила толстый том на колени и сказала то, что думала:

— Наконец-то!

* * *

После краткого визита Мораддина мое беспокойство достигло просто невообразимых размеров. Нам почти не удалось толком поговорить, а я, разволновавшись, перестаралась с образом глуповатой придворной дамы и несла полнейшую чушь. За что я уважаю Мораддина — он никогда не теряет самообладания, и еще он единственный человек, способный несколькими словами привести меня в нормальное состояние.

Мораддин успел подтвердить все мои подозрения. Итак, нынче делами Аквилонии действительно управляет самозванец, настоящий король в городе, у него есть надежные союзники, а лично мне предстоит...

А мне в скором времени предстоит совершить попытку убийства монарха. Такого в моей бурной жизни еще ни разу не случалось. То есть мне пришлось убивать — с помощью железа, яда и собственного Дара — но королей в списке моих жертв пока не встречалось.

Если все пойдет успешно, то нынешней ночью я покину Тарантийский дворец и доберусь до находящегося на другой стороне реки Обители Мудрости. Они там. Неплохое укрытие — Обитель Мудрости традиционно обладает правом неприкосновенности. Потом мы вернемся и... Никто ничего не узнает, а приготовления к войне можно будет быстренько свернуть, объяснив чересчур поспешными действиями короля, введенного в заблуждение угрожающими донесениями с офирской границы.

За две седмицы жизни в замке я неплохо изучила расположение комнат королевских покоев и распорядок жизни Конана. Незадолго до полуночи кто-нибудь из слуг приносит в спальню короля поднос с

одной-двумя бутылками аргосского и легкой закуской. Затем приходят Конан и Эви — иногда вместе, иногда порознь. Караула у дверей спальни нет — он стоит только в начале длинной анфилады комнат. С ударом десятого вечернего колокола вход в королевские покои разрешен только определенному кругу лиц, все остальные заворачиваются обратно. Значит, я должна проскочить туда незамеченной раньше этого срока и прикинуть, что я могу сделать.

Миновать стражников оказалось легче всего — простенькое заклинание для отвода глаз сработало безотказно. Я не стала соваться в спальню, хотя двери стояли полуоткрытыми, а зашла в комнату напротив — малую гостиную. За время своего рысканья по дворцу я обнаружила кое-что любопытное — эти два помещения были связаны между собой потайным коридором. Разумеется, дверь в него была заперта, но после короткого знакомства с набором моих отмычек (заказанных, между прочим, у настоящего мастера воровских дел, ушедшего на покой) замок жалобно лязгнул и сдался. Я на цыпочках прошла по коридору, стараясь не чихнуть (этой лазейкой давно никто не пользовался и на полу лежал слой пыли толщиной примерно в палец), и уткнулась в другую дверь.

Здесь пришлось повозиться подольше, но мой труд был вознагражден — я попала туда, куда хотела. Отдвинула маскировавший потайной ход толстый войлочный ковер и огляделась.

Ничего примечательного. С первого взгляда и не подумаешь, что это обиталище монарха одного из блистательных королевств Закатного материка. Стены, забранные на высоту человеческого роста темным полированным деревом. Низкая и широкая кровать, застеленная пушистыми оленьими шкурами и клетчатыми пледами. Массивный стол, на нем — ветвистый подсвечник из косульего рога с воткнутыми свечами, вокруг стола — несколько кресел на резных ножках

в виде львиных лап. Очаг из дикого камня, возле него — горка аккуратно сложенных березовых поленьев. Шкаф, на полках — намотанные на валики пергаменты карт и чертежей. На полу — темно-коричневая, слегка повытершавшаяся медвежья шкура, развернутая оскаленной пастью к камину. Пустая подставка для оружия. Узкое окно без решеток и привычного стекла — должно быть, ночью тут довольно холодно. Два длинных меча, крест-накрест висящих на стене. Дверь в гимнастический зал из толстых дубовых плашек, с бронзовой ручкой в форме согнутой лапы хищной птицы, сжимающей шар. Справа — выход в коридор. Непритязательно, но уютно.

Я обошла комнату по кругу, ни до чего не дотрагиваясь и на всякий случай запоминая расположение каждой вещи. Услышала приближающиеся шаги, юркнула в свое убежище. В ковре кто-то предусмотрительно прорезал тонкую щель, через которую можно разглядеть часть комнаты.

Вошел слуга — молодой белобрысый парень — с заметным усилием отодвинув створку двери. Оставил на столе серебряный поднос, подбросил в камин пару поленьев, по-хозяйски огляделся и решил, что все в порядке.

Стоило ему скрыться в коридоре, как на сцене появилось оставшееся незамеченным лицо, то бишь я. Меня интересовало содержимое подноса. Пузатый медный кувшин с узким горлышком, одна чаша, плоская тарелка с осенними яблоками и поздним блекло-зеленоватым виноградом. Чаша, видимо, только для короля — Эвисанда вин не употребляет. Что ж, ей сегодня повезет.

Оставалось самое главное. Прислушиваясь к доносившимся из коридора приглушенным звукам — там, похоже, совершалась смена караула — я стянула с левой руки перстень, украшенный темно-желтым крупным камнем. Затем подцепила ногтем еле заметный

выступ на золотой оправе — камень откинулся в сторону, открыв углубление, в котором таились пять-шесть крохотных зернышек лилового цвета.

Эту отраву я сделала сама, вычитав рецепт в трактате знаменитого туранского лекаря Джубайра «О редких растениях и ядах». В основном зернышки состояли из хитроумно приготовленного настоя наперстянки, к которому требовалось добавить всякую гадость типа толченых лапок жаб, пойманных в новолуние, сваренных в оливковом масле земляных пауков и высушенных черепов летучих мышей.

В ядовитости последних компонентов я сильно сомневалась, но раз в трактате сказано — надлежит всыпать шесть жабьих лапок, предварительно выдержанных в уксусе, то кто я такая, чтобы спорить с многученым Джубайром?

Я послушно намешала всего, что было указано в перечне ингредиентов. А потом, разумеется, испробовала полученное зелье — вначале на животных, затем на приговоренном к смертной казни убийце. Результат был потрясающий — этот малоприятный тип отправился на встречу с Нергалом, даже не успев пикнуть — яд действовал на сердце.

Будем надеяться, что сейчас произойдет то же самое. Мне надо успеть выскочить и перехватить Эви, прежде чем она с воплями помчится по спящему дворцу. Если она не пожелает меня слушать, я ее просто усыплю. Затем запру все двери и отправлюсь на поиски выхода из замка.

Две зернышка выскользнули из своего убежища под драгоценным камнем и канули в темный винный омут. У аргосского резкий вкус и отчетливый миндальный запах, они заглушат даже самый слабый посторонний привкус.

Шаги в коридоре. Приближаются. Голоса — женский и мужской. Злоумышленнику, сделавшему свое черное дело, настало время исчезать. Я еще успела

встряхнуть кувшин, чтобы зернышки как следует растворились, а потом тенью метнулась за ковер.

Вошли. Оживленно о чем-то говорят, смеются. Конан (как же мне до конца смириться с мыслью, что это не он, а нечто иное, не принадлежащее к нашему миру?) закрывает дверь, но не запирает на засов. Конечно, чего ему опасаться в собственном замке? Сквозь толстый слой войлока до меня неразборчиво доносится щебет разгуливающей по комнате Эви. Как-то неприятно пребывать в должности соглядатая, но я изредка заглядываю в щель. Пока ничего особенного не происходит. Ага, вот Эви подходит к столу, берет кувшин... Эй, не собирается же она сама попробовать аргосского с моими весьма своеобразными добавками?

Нет, Эвисанда остается верна своим привычкам. Она наполняет серебряную чашу, подозрительно прихихивается (я замираю и перестаю дышать), затем недоуменно пожимает плечами и проходит мимо моего убежища. Мне видна только часть кровати, но, судя по всему, король то ли сидит, то ли лежит на ней. Я жду, отсчитывая мгновения.

Голос Эви. Слегка встревоженный. Отчетливый стук упавшего на пол и покотившегося предмета. Приглушенный вскрик. Эвисанда взвизгивает. Кажется, пришла пора высунуться и посмотреть, как подействовало на подменыша средство мудрейшего Джубайра, изготовленное не в меру любознательной графиней Эрде.

Я неслышно вхожу в комнату. Эви стоит ко мне спиной, прижав руки ко рту и едва различимо покусывает. Через ее плечо я вижу распростертое на кровати тело короля. Странно, как в такие моменты начинаешь обращать внимание на мелочи. Стиснутая в кулак рука, которая судорожно сжимается и разжимается. Широко открытые и, кажется, ничего не видящие глаза. Хрип, пузырьки грязно-белой пены на синееюющих губах.

Что же я наделала?..

Эвисанда пятится. Я не успеваю отступить, и она натывается прямо на меня. Оборачивается. Белое лицо с пустыми глазами.

— Все хорошо, Эви,— говорю я.— Успокойся, это не то, что ты думаешь. С королем на самом деле ничего не случилось...

Эвисанда визжит. Так пронзительно, что у меня на миг закладывает уши. Затем набрасывается на меня, но теперь я уже успеваю шарахнуться в сторону и перехватить ее руки. Эви отчаянно вырывается и голосит:

— Это ты! Это ты сделала! Мерзавка! Гадюка стигийская!

Ну, это уже совсем незаслуженно...

Мне наконец удастся прижать Эви к стене и заглянуть ей в глаза. Проходит миг, другой, Эвисанда перестает кричать и дергаться, обмякает и медленно сползает вниз. Головная боль мне обеспечена, но теперь госпожа Аттиос не будет мешаться под ногами. Она безмятежно проспит до самого утра и будет считать все случившееся всего лишь кошмаром.

Теперь нужно поставить на место засов. Он нетяжелый, латунный, оббитый для крепости полосой кованого железа. После некоторых мучений мне удастся опустить его и вложить в скобы. Чтобы открыть дверь, ее придется вышибать тараном.

К кровати я подошла с некоторым смятением в душе. Конечно, я знала, что это никакой не Конан, но все равно было жутко. Я убила Киммерийца. Пускай не его самого, а созданное неведомо кем подобие, но все-таки мне удалось совершить то, чего не могли добиться множество умелых воинов, колдунов и прочих врагов Конана. А сегодня, в ночь на двенадцатый день первой зимней луны, Ринга Эрде отравила короля Аквилонии. Жуть берет от таких слов...

Неподвижная фигура на кровати шевельнулась. Я шарахнулась назад и врезалась в показавшуюся очень

твердой стену. До чего ж я глупа — это всего лишь посмертные судороги. Может быть это существо могущественно, однако никто в мире живых не в состоянии выкарабкаться после употребления смертоносного зелья Джубайра.

Человек рывком повернул голову. Расширенные зрачки уставились на меня. Я вжалась в стену, вцепившись в рукоять висевшего на поясе Шото. Почему-то стало очень трудно дышать, а руки противно тряслись.

У настоящего Конана светло-синие глаза. Когда он злился или задумывался, они светлели, приобретая сероватый льдистый оттенок. У существа, что неотрывно смотрело на меня, глаза были зеленые. Яркого зеленого цвета, схожего с весенней листвой. Кажется, они даже слегка мерцали, переливаясь. Я с трудом отвела взгляд и увидела еще кое-что интересное. Вытянутая поверх шкур рука, только что судорожно вцепившаяся последним усилием в мягкую шерсть, теперь разжалась и начала медленно двигаться.

Я сглотнула. Осторожно сделала крошечный шаг по направлению к потайной двери. Потом еще один. Существо сжало и опять разжало пальцы, с каждым разом проделывая это все увереннее. Немного повернуло голову, чтобы отыскать меня и посмотреть, чем я занимаюсь.

— Я найду тебя,— прозвучало в моей и без того гудевшей голове. Голос был мне незнаком — высокий и чуточку скрипучий.— Я разыщу тебя, маленькая дрянь, где бы ты ни спряталась. Ты ответишь за совершенное.

Этого я не выдержала. Сорвалась с места, влетела в потайной коридор, пронеслась по нему, выскочила в соседней комнате и только тут сообразила вернуться, чтобы запереть дверь. Дважды отмычка выскальзывала у меня из рук и мне чудилось, что я слышу шорох за дверью — существо приближалось, чтобы прикончить меня.

— Уноси ноги,— сказала я самой себе. Звук собственного голоса, как ни странно, подействовал ободряюще. Что ж, придется признать, что план Мораддина не удался. Сколько еще времени понадобится двойнику, чтобы окончательно прийти в себя, снять с дверей засов и позвать стражу? Колокол? Меньше? Будем рассчитывать на худшее — полколокола. Беги, Ринга, беги как можно быстрее. Иначе это дело станет последним делом в твоей жизни. И, что самое плохое, немедленная смерть тебе наверняка не грозит...

В голове уже начинали стучать незримые молоточки, но я смогла проскочить мимо стражников. Завернула за угол, остановилась и прислушалась. Пока тихо. Куда бежать? Ясно, что вниз, но пытаться уйти через главные выходы — безнадежно. Там слишком много стражи. Значит, попытаемся добраться до дверей, ведущих к реке и прилегающему к ней саду. Перелезть через дворцовую стену не составит труда, главное — покинуть замок.

Сориентировавшись и прикинув, как мне быть, я прыжками помчалась по едва освещенному коридору. Поворот, маленькая лестница, еще поворот... Вздернуть бы архитектора, спланировавшего такое количество мелких переходов и коридоров. Удача пока была со мной — я бежала через недавно отремонтированную, а потому еще пустовавшую часть дворца. Соответственно и стражи здесь почти не было. Зато краской воняло — хоть нос затыкай!..

Лестница побольше, двое караульных на ступеньках. Они, конечно, не дремали на посту (хотя один как раз зевал), но я появилась слишком внезапно. Убивать мне их было совершенно ни к чему, использовать Дар — тоже. Я обошлась собственными скромными силами — прыгнула, сбила одного с ног, тоже упала, перекатилась, заодно сделав подножку замешкавшемуся второму. Они остались лежать непонятной грудой слабо дергающихся переплетенных конечностей, а я побежала дальше.

Вот она — моя цель. Широкая деревянная лестница, завершающаяся во внутренних дворах первого этажа. Я спугнула кого-то из прибиравшихся слуг, вихрем пронесаясь мимо. Пока я опережала моего неизвестного врага, сохраняя за собой преимущество неожиданности. Главное, чтобы у выхода торчало не более трех стражников.

Не повезло. В неярком свете висящего рядом с дверьми факела виднелись целых четыре фигуры в черной форме. Разумеется, они меня заметили — трудно не обратить внимания на лихо скачущего через две ступеньки человека. С четырьмя хорошо выученными гвардейцами, каждый из которых выше меня на две головы и сильнее уж не знаю во сколько раз, мне при всем желании не справиться. Придется играть не по правилам.

Первой моей жертвой оказался страж справа, вдруг шарахнувшийся в сторону и принявшийся яростно отбиваться от чего-то невидимого. Его сосед не успел вовремя отскочить и попал под удар, предназначенный для призрачной напасти. Об этих двоих я больше могла не беспокоиться.

Третий как-то неуверенно огляделся по сторонам и сделал вялую попытку достать меня с трудом вытащенным из ножен клинком. Я небрежно отмахнулась, простейшим финтом выбив у него меч, а он, кажется, даже не заметил потери оружия. Его внезапно заинтересовали ровно обтесанные камни стен, и он принялся тщательно выстукивать их. Понятия не имею, что он там надеялся обнаружить.

Зато четвертый не двинулся с места. Похоже, на этого служаку, привыкшего беспрекословно исполнять приказы, насылаемые мной мороки совершенно не действовали. У него имелось четкое распоряжение — никого ночью без особого разрешения не выпускать из дворца, и он видел несущуюся на него подозрительную личность, которую следовало задержать.

Места для других мыслей в его голове просто не оставалось.

Больше всего я опасалась, как бы, привлеченное звоном оружия и топотом посреди ночи, сюда не примчалось подкрепление. Но пока на лестнице никто не появлялся, и мы без помех могли испытывать боевые умения противника.

Мне пришлось тяжело. Во-первых, гвардеец был вооружен традиционным широким и тяжелым, хотя и коротковатым эстоком Черных Драконов, которым при удачном стечении обстоятельств можно было переломить моего более легкого Шото напополам. Во-вторых, я постоянно косилась по сторонам, отчего делала ошибки и не успевала следить за перемещениями стражника. Он едва не загнал меня в угол, потом мне пришлось прыгнуть через перила — иначе бы я точно лишилась изрядной части головы — и я еле успела откатиться в сторону, потому что гвардеец сиганул следом за мной.

И все же я его подловила. На давнюю, как мир, уловку под названием «Ой, меня задела! Сейчас упаду!» Страж дворца купился на мои жалобные вскрипывания и, опустив меч, приблизился на слишком опасное расстояние. Пожалеть об этом он не успел, зато мои штаны и сапоги оказались залиты кровью.

Не хотела я его убивать. Честное слово, не хотела. Я вообще стараюсь в своем ремесле избегать убийств. Только какое теперь этому стражнику дело до моих признаний?

У убитого на поясе болталась тяжелая связка ключей. После лихорадочных поисков я обнаружила тот, которым отпиралась входная дверь, и благополучно выскочила наружу — сначала во внутренний двор, затем через приоткрытую калитку — в сад. Под ногами шелестели опавшие листья, с реки долетал холодный ветер. Откуда-то донеслись размеренные удары колокола — я бежала по дорожкам сада и считала их.

Двенадцать. Полночь. И, как и положено, разнообразная нечисть выбирается из потайных укрытий и принимается за свои темные дела. Я, в сущности, тоже могу считаться нечистью, но мне сегодня не повезло.

Впереди возникло нечто более темное, нежели ветви окрестных деревьев, и круто уходящее вверх. Дворцовая стена. Массивные гранитные плиты с таким количеством трещин и выступов, что взобраться наверх — пара пустяков, даже если у вас под рукой не окажется веревки и крючьев.

Вскоре я уже сидела верхом на гребне стены и смотрела на возвышавшийся в отдалении дворец. Редкие огоньки в окнах и вроде бы никакой суматохи. Неужели подменыш до сих пор пребывает заперти? Или здраво сообразил, что приказ ловить меня в замке безнадежно запоздал?

Не придя ни к какому определенному выводу, я спрыгнула по другую сторону стены. Прислушалась, осмотрелась. Кажется, я находилась где-то у полуденной части дворца, и, если пройти вдоль набережной, можно попасть на Новый мост. Оттуда до Обители Мудрости рукой подать.

В завершение этого невероятно долгого и беспокойного дня мне посчастливилось — по набережной неторопливо тащился запоздалый наемный экипаж. После краткого торга скучавший на козлах возница согласился за ползолотого отвезти меня в Обитель, я забралась внутрь, упала на протертое задом многочисленных ездоков бархатное сиденье и, кажется, благополучно задремала. Сквозь сон до меня долетало шарканье копыт по булыжникам мостовой и плеск речных волн. Потом шум воды сменился отдаленными громкими голосами, и экипаж остановился. Прибыли. Ворота Обители Мудрости. Остается разыскать Мораддина и сообщить, что замысел провалился, а дело может оказаться куда сложнее, чем ему кажется.

Глава двенадцатая ВЕЛЛАН, ШЕСТОЙ РАССКАЗ

Тарантия, столица Аквилонии.

Ночь с 11 на 12 день
первой зимней луны 1288 г.

«...Король Конан остался в одиночестве. Все, даже самые верные его сподвижники, делившие с ним тяготы войны против Нумедидеса, были твердо убеждены, что правитель благополучно вернулся из Пограничья и ныне пребывает во дворце, занимаясь трудами на благо государства.

Настоящий король, чье время правления исчислялось всего лишь семью лунами, еще не успел обзавестись широким кругом преданных ему людей, а потому был вынужден действовать самостоятельно.

Впрочем, ему было к этому не привыкать — именно так он прожил все годы, предшествовавшие его восхождению на трон, и привык к тому, что в любом деле можно полагаться только на себя.

Для начала король Аквилонии решил разыскать своих спутников, затерявшихся в многолюдной Тарантии.

Однако непредсказуемая судьба распорядилась иначе. Вместо друзей он наткнулся на врага — тайно прибывшего в Аквилонию короля Кофа.

Мнения современников о Страбонусе, правителе блистательного Хоршемиша, разнятся так же, как небо и земля. Однако большинство историков сходится в том, что это был человек умный, жестокий и умеющий из всего, даже из собственных поражений, извлечь выгоду для себя или своей страны. Так он поступил и в этом случае, столкнувшись лицом к лицу со своим давним противником...

*Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства*

Куда исчезли эти недоумки? — огорчился Конан, расхаживая по комнате от одной стены к другой. С площади Обители Мудрости доносился бой колокола — восемь ударов. Это значит, что вот-вот наступит закат, в городе зажгут фонари, а спустя еще два колокола обыватели лягут спать. Единственными оживленными местами в Тарантии останутся таверны, притоны, дома терпимости и, разумеется, Обитель. Слушатели обычно полную ночь гуляют. — Демон с ним, с Морадином, сам полез в западню, а теперь наверняка застрял во дворце! Но где Тотлант с Эйвиндом? Я ведь им четко приказал — из Обители носа не высовывать!

Я отлично понимал чувства киммерийца. Наша компания разбрелась в разные стороны и, что характерно, никто наверняка не знал, где находятся остальные. После неудачной попытки освободить Халька из Железной башни и несколько опрометчивого (на мой взгляд) решения Морадина отправиться во дворец и все выяснить самому, мы с Конаном (а точнее — Конан со мной. Я был в обличье «королевской собаки», то есть волка) вернулись в Обитель Мудрости, в дом для слушателей.

Мало того, что Тотлант с Эйвиндом бесследно исчезли, так еще неизвестно куда испарился наш гостеп-

риимный хозяин, месьор Робер. Его комнаты были заперты, а вечно пьяный сторож ничего не видел.

У Конана моментально возникло подозрение, что Робер повел стигийца и Эйвинда либо в город, либо в театр при Обители Мудрости. Ну, или на худой конец, в таверну.

Ох уж эти мне тарантийские постоялые дворы! «Цивилизованные» аквилонцы не имеют даже самого малейшего представления о том, что такое настоящая хорошая таверна. Как вспомню «Танцующую лошадь» в Брийте, тоска накатывает. У месьора Барли Бютта и мясо сочнее, и овощи острее пахнут, да и подает хозяин брийтской «Лошади» на стол не виноградную кислятину, гордо именуемую «белым пуантенским», а приличествующее всякому нормальному человеку пиво. Понять не могу, отчего в Аквилонии пиво считают варварским напитком и заменяют его дурными винами. Впрочем, это я так, к слову...

Денек сегодня выдался хлопотливый. Вначале отправились к городской тюрьме, надеясь с помощью настоящего короля свести на нет усилия монарха фальшивого по поимке «злодеев короны». И ведь получилось бы! Конана стражники признали, хотя и подивились на некоторое несообразие — варвар «забыл» о собственных приказах и к тому же теперь бородку носит, чего прежде за ним не водилось. В Железной башне выяснилось, что Халька еще под утро увели во дворец, и наши усилия пропали даром. Конан сделал вид, будто что-то перепутал, распрощался с десятником стражи и мы быстренько покинули двор тюрьмы.

Больше всего меня удручало то, что мне приходилось ходить по городу во второй своей ипостаси — волчьей. Эти мерзавцы даже разорились на ошейник с поводком. Вот поставьте себя на мое место. Было бы вам приятно исполнять роль домашней собачки? Ошейник трет, за поводок дергают... Какая-то горожанка, умилившись моей светлой пушистой шубой,

проворковала: «Ой, какой песик!» и бесстрашно почесала за ухом. Мораддин, посмеиваясь, еще заметил госпоже: «Не бойтесь, собака не кусается».

Это я-то не кусаюсь?

Когда мы пришли в таверну, а Конан с Мораддином начали обсуждать дальнейшие планы, уважаемому Веллану Бритунийцу (замечу, сотнику королевской гвардии Пограничья) пришлось лежать под столом на грязной соломе. И грызть великодушно брошенную Конаном кость. А также гонять блох. Пакостным кусачим тварям было наплевать на то, что я не собака и не волк, а разумное существо, кое в чем даже превосходящее человека. Мне тогда подумалось, что рано или поздно придется Конану отомстить за такие издевательства над старым другом.

Но более всего мне испортил настроение случай у ворот Обители Мудрости. Мы с Конаном домой возвращались. Некая почтенная дородная дама выбиралась из завешенных бархатом носилок, которые тащили шестеро здоровенных чернокожих слуг. Наверное, госпожа прибыла в Обитель навестить возлюбленного чадо, обучающегося в этом вертепе какой-нибудь там астрономии или схоластики. Конан расплачивался со стражником Обители Мудрости за вход, и в это время из-под балдахина носилок выскочила маленькая, до отвращения чистенькая, с розовым бантиком на шее, собачонка и устремилась напрямик ко мне.

Нет, не подумайте, она и не собиралась меня облаивать. Во-первых, это была сучка. Во-вторых, она находилась в том интересном состоянии, когда... Ну, вы понимаете. И гнусную малявку за скудоумием ничуть не смутило то, что я был крупнее раз в пять и вообще не относился к породе собак.

Конан со смеху помирал. А я стоял, как последний дурак, поджав хвост, и, скаля зубы, пытался отогнать настырное животное. В общем, оборотнем хорошо быть в лесу или среди своих — таких же

оборотней. Племена Карающей Длани в городах делать нечего. По крайней мере, в облике волка.

Я почувствовал себя нормально, только поднявшись в наши комнаты и быстро превратившись обратно в человека. Конан, разумеется, продолжал трястись от смеха. И говорил всякие гадости, наподобие: «Чего ж ты такой случай упустил?..»

Ну, я и высказал варвару все, что думаю. Конан, впрочем, не обиделся. Его тотчас занял другой вопрос — куда подевались все остальные?

Мы ждем Тотланта, Эйвинда, а заодно с ними и Мораддина (или какую-нибудь депешу от него) уже четыре колокола. Почти стемнело. Конан злится, я тоже начинаю тревожиться. Наконец, закрипели разошедшиеся ступени лестницы, ведущей на второй этаж. Шел один человек, это я точно понял.

Киммериец выглянул в коридор.

— Робер, задери тебя Сет! — рявкнул Конан, узнав вечернего визитера. — Ты не знаешь, где наши приятели? Шемит и высокий рыжеволосый парень?

— Не знаю, — судорожно выдохнул вечный слушатель. — И никто не знает. К великому счастью для нас всех.

Конан поймал изрядно пьяного месьора Робера за рукав и втащил в нашу комнату.

— А ну, объясни! — потребовал король. — Что-то я не понял твои последние слова.

— Здорово было, — размашисто кивнул наш хозяин, тряхнув темными вьющимися волосами. — Они драку устроили. С королевскими гвардейцами.

— Что? — переспросил я и непроизвольно опустился в кресло. Ноги перестали меня держать после эдакого сообщения.

— А ваш шемит, — голосом запойного пьяницы продолжил Робер, — вовсе и не шемит! А самый настоящий волшебник! Он начал молниями швыряться! Или, вернее, огненными шариками... Первый раз в

жизни такое видел. А потом они всех раскидали, забрали коротышку-немедийца и сбежали. Большая облава в центре города была. Не переживайте, их не поймали...

Облава? Подождите-ка, помнится, когда мы были с Конаном в городе, я отметил про себя необычное оживление на улицах. То и дело проезжали отряды конной стражи, бегали туда-обратно воины городской охраны в малиновой одежде... Что ж такого натворил Тотлант? И при чем тут Мораддин?

— Рассказывай по порядку! — рявкнул Конан прямо в лицо Робера и для острастки встряхнул его за грудки. — В точности! Ты что, все видел?

— Своими глазами, — уверенно подтвердил слушатель. — В общем, было так...

И он рассказал. Честно признаться, у меня волосы дыбом встали едва я уяснил, что именно произошло на улице Гвардейцев. Конан после речей вечного слушателя, между прочим, тоже выглядел несколько ошарашенным.

Сводилась история Робера вот к чему.

...Ехали себе по улице благородные дворяне, служащие в королевской гвардии. А с ними почему-то был граф Мораддин. А в это время Робер, Эйвинд и Тотлант покупали медовые плюшки у лоточника. Все тихо и спокойно. И вдруг проклятый шемит (который вовсе не шемит) делает страшное лицо, вытягивает вперед руки и начинает пуляться в лошадей синенькими молниями. Тотчас телега с сеном загорелась. месьоры гвардейцы, естественно, перепугались. Потом немедийский недомерок ка-ак схватит меч! Как пойдет всех крушить налево и направо! Кровь так и хлещет! Убитых не меньше десятка! А может быть, даже трех десятков! Народ вокруг бегаёт, кричит, панике предается. Вот как плохо, вот как страшно!..

А потом они убежали, а я в таверну пошел, — сказал месьор Робер в завершение своей проникно-

венной речи. — Однако точно знаю, что их не поймали. Я у военных на улицах спрашивал: изловили, мол, злодеев или нет? Гвардейцы меня пиками отогнали и злились. Значит, твои, о король, сподвижники на свободе.

— Сподвижники, — горько вздохнул Конан. — Идоты они, а не сподвижники. Встречу Тотланта — лично рыло начищу. Вот этим кулаком. — Киммериец выставил перед собой сжатую в кулак ладонь. — Велл, собирайся!

— Куда? — переполошился я. — На ночь глядя? Ты что, хочешь их спасти и идти? Где мы их найдем?

— Не суетись, — мрачно сказал Конан. — В Тарантии есть десяток местечек, где укроют кого угодно, лишь бы деньги были заплачены. Я еще по старым временам об этих заведениях помню. Прежде всего надо заглянуть в дом мамыши Куродье...

— Куда? — изумленно переспросил я. — Мы собираемся идти в бордель? Я, конечно, ничуть не против, но, на мой взгляд, это слегка невовремя.

— К мамаше слетаются все городские сплетни, причем самые свежие, — пояснил Конан, натягивая куртку. Дворянский синий костюм, одолженный у Робера, он сбросил, переодевшись в обычное невзрачное дорожное платье. — Ее дом, разумеется, не самый благопристойный, но самый богатый новостями... Робер, катись спать, ты сегодня перебрал. Двери в наши комнаты я оставляю открытыми — вдруг Тотлант с остальными вернутся.

Конан вытолкнул пьяного и ничего не понимающего Робера в коридор, кликнул меня и едва не кубарем скатился по лестнице вниз.

— Веллан! — услышал я его возглас. — Бегом! Где ты копаешься?

Да, хорошо начался вечер. Хвала Иштар, я не забыл прихватить с собой оружие. Люди говорят, что в Тарантии по ночам лучше ходить при мече.

Надеюсь, мы действительно идем только лишь за сплетнями и не впутаемся в какую-нибудь дурацкую историю по вине взбудораженного и разозленного Конана. Однако не верится мне, что наступающая ночь будет тихой да спокойной...

* * *

Вечерняя Тарантия по-своему привлекательна. В центральных кварталах города, на мостах через Хорот и вокруг Обители особые служители городской управы зажигают масляные фонари с цветными стеклами, некоторые горожане украшают свои дома факелами, а корабли, стоящие в гавани столицы (это вниз по течению в четверти лиги от дворца) и вовсе похожи на расцвеченные огоньками праздничные «весенние деревья». В Пограничье и Бритунии в день весеннего равноденствия есть традиция ставить посреди поселка срубленную ель или молодую сосенку, украшать ее дарами земли и фонариками, а к вечеру закатывать большой праздник. С песнями, танцами и выпивкой.

Конан уверенно вел меня через город, обходя наиболее оживленные улицы. Тамошние лавки не закрывались до полуночи, богатые тарантийцы устраивали в своих домах приемы, а городская стража усиленно надзирала за порядком. То есть в центре города, возле дворца-замка, даже после заката было слишком людно. Но и кварталы победнее тоже не казались вымершими.

Мы шагали к полуночной окраине города. Дома в этом районе были старинными, низкими и обшарпанными. Катили возы припозднившихся золотарей, из дверей какой-то захудалой таверны выкидывали отказавшегося платить пьянчугу, а тот шумно возмущался. Из раскрытых окон дома, который, судя по вывеске, принадлежал купцу бронзовой гильдии, изливался возмущенный женский крик, сопровождаемый звоном бьющейся посуды и редкими оправдани-

ями хозяина. Последнего, как видно, уличали в супружеской неверности.

Кого-то били, оттеснив в темный угол между двумя домами. Били увлеченно, с душой и старанием. Поленом по голове. Побиваемый тихо стонал, а неизвестные злодеи яростно повторяли что-то насчет неплаченного вовремя долга.

Несколько раз я обратил внимание на смутные тени, маячившие под арками домов. Загадочные люди были завернуты в темные или серовато-коричневые плащи, а руки с подозрительным спокойствием держали за пазухой.

— Уличные грабители,— недовольно поморщившись, бросил мне Конан.— Возле дворца и дорогих кварталов их почти повывела стража, а здесь... Не беспокойся, на нас никто не нападет. Во-первых, нас двое, во-вторых, мы вооружены и трезвы. Эти стервятники чаще всего обирают пьяных. Вернусь в замок — попечению начальнику городской стражи.

Меня всегда радовал оптимизм Конана. Последние слова он сказал с такой уверенностью, что я не усомнился: скоро король действительно вернется на свое место.

Заведение мамаша Куродье называлось пышно: «Остров вечного блаженства». Как и положено по городскому уставу, над входом висели вычурные кованые фонари с красными стеклами. Привратник, встречавший у дверей посетителей, однако, был слегка пьян, нечесан и краснонос.

— Месьоры! — воззвал он, едва увидев нас. — А вы зашли бы? У нас сегодня особенный день! Мамаша празднует день рождения! Всем посетителям скидка, постоянные бесплатно!

— Какая жалость,— огорчился Конан и хитро посмотрел на меня. — Я перестал быть постоянным клиентом госпожи Куродье года два назад, еще когда служил Нумедидесу.

Киммериец отстранил привратника, походя бросил ему монетку (целый золотой солид, между прочим) и, как обычно, пинком растворив дверь, вошел. Я маячил у него за плечом.

Так себе заведение. Не слишком богатое, однако и не слишком бедное. В приемной зале, находившейся сразу за входом, стояла немного потертая, но все еще неплохая мебель, обтянутая синим бархатом. Стены были того же цвета, но посветлее — мамаша наверняка не поскупилась на голубоватый узорчатый штоф для обивки. Бронзовые светильники, подсвечники... И среди всего этого благолепия — не меньше двадцати совершенно хмельных посетителей и почти такое же количество девок в прозрачных нарядах. А некоторые и вовсе без одежд.

— Чего изволите, месьоры? — К нам моментально подскочил молодой служка с отвратительно лъстивой и честной физиономией отъявленного мошенника. — Не беспокойтесь, все устроим в лучшем виде! Вам отдельные комнаты или... — он хитро усмехнулся, — будете со всеми вместе?

— Мамаша сегодня здесь? — мрачно осведомился Конан, не забывая, однако, бросать взгляд на веселящихся красоток. У меня от шума уши закладывало. — Отведи.

— Госпожа Куродье занята, — насупился служка. — У нее гости.

— Я тоже гость, — хмыкнул варвар и как бы невзначай взял парня за шею сзади и чуток сжал пальцы. Тот пискнул. — Куда идти?

— Месьор... — прохрипел служка. — Мне ничего не говорили... А мамаша на втором этаже, в своей гостиной.

— Вспомнил, — кивнул Конан и отпустил железную хватку. — Веллан, пойдем.

Надо полагать, замашки Конана не вызвали особого удивления у прислуги. Никто не побежал за выши-

балой, никто не возмутился. А если говорить честно — ни один человек, кроме привратника и озабоченно потиравшего помятую шею служки, и не заметил нашего появления. Конан невозмутимо прошел направо в коридор, свернул на лестницу и вскоре мы оказались у двустворчатых дверей.

— Говорить буду я. — Конан серьезно взглянул на меня и ободряюще хлопнул по плечу. — Ты все равно здесь никого не знаешь.

На этот раз варвар открыл дверь по-людски. То есть за ручку. Мы вошли и...

— Ой, — только и сказал я.

Никогда не видел такой вызывающей пошлой роскоши. Гостиная хозяйки заведения представляла собой большую квадратную комнату, слегка вытянутую в длину. Одна парча, золото и самоцветы. Причем обивка стен (золотая с зеленым шитьем парча) никак не сочеталась с мебелью (выложенный изумрудным камнем стол, такие же кресла с оранжевой обивкой и жуткие витые светильники по углам). Невыносимо смердело благовониями — едкий дым исторгался из многочисленных курильниц.

За круглым столом сидело восемь человек. Почти у каждого за спиной воздвигался телохранитель. Эти красавцы отличались удивительно тупыми мордами и сверх всякой меры раздутой мускулатурой. Даже Конан, уж на что большой, выглядел по сравнению с ними недомерком, а уж обо мне и говорить нечего. Однако надо видеть разницу — кто как выглядит и кто что умеет...

А вот месьоры, сидевшие за серебряными столовыми приборами, были не слишком приметны. Пожилые, седоватые мужчины, некоторые со шрамами на лицах, другие просто напоминали ушедших на покой канцеляристов или писцов. Голову даю на отсечение — у мамыши собрались самые знаменитые и удачливые воров этого квартала, содержащие собственные шайки.

Телохранители седых старцев повернулись к нам. В их глазах не читалось никакой мысли. Будто у цепных собак. Конан оставался невозмутим.

— Привет, мамаша! — Киммериец обратился к сухощавой высокой женщине, сидевшей прямо напротив. По виду ей было лет шестьдесят, но лицо хранило следы былой божественной красоты. — Узнаешь?

Ушлые старички переглянулись, а здоровенные мордовороты на всякий случай положили ладони на рукояти оружия.

Мамаша Куродье медленно встала, жестом дала понять остальным, чтобы не беспокоились, и удивительно легкой для своего возраста походкой приблизилась к Конану. По ее глазам было видно — она ничуть не боялась неожиданного визитера.

— О! — наконец изрекла хозяйка заведения. — Конечно, узнаю! Постой-ка...

Мамаша величественно повернулась к своим гостям и вымолвила:

— Благородные месьоры, я прошу меня извинить. Это очень важный гость, которого я ждала слишком долго. Мне нужно поговорить. Кушайте горячее без меня.

«Благородные месьоры», не сказав ни слова, закивали. Как видно, здесь умели ценить чужие тайны. Телохранители немного успокоились и отвернулись. Великая Иштар, ну почему их глаза так напомнили мне пустой и бессмысленный взгляд козы?

Госпожа Куродье, схватив Конана за рукав, потащила его в завешенный неизменной парчой проход между двумя омерзительными светильниками в виде сплетшихся позолоченных змей. Я шагал следом, дав себе слово ничему не удивляться. Король, которого знают и уважают в посредственном борделе?.. Ладно, и это переживем.

Мы оказались в маленькой, столь же роскошной и яркой комнатке с кроватью, двумя креслами и столи-

ком, загроможденным пергаментными свитками, баночками с какими-то мазями, драгоценностями и раскрытыми коробками с подозрительным порошком. Не иначе, как лотос.

— Ну, здравствуй, — серьезно сказала мамаша Куродье, усаживаясь в кресло. Конан присел на кровать, а я остался стоять у дверей. — Не думала, что ты меня вспомнишь. Ты ведь теперь король...

— Да какой я король?.. Название одно, — вздохнул варвар. — Ах, мамаша, здорово у тебя было прежде... Кстати, мои поздравления с днем рождения. Сколько тебе?

— Восемнадцать, как и каждой женщине, — со смешком ответила хозяйка «Острова». — Ты пришел только лишь поздравить меня? Ценю. Однако мнится мне, что ты, красавчик, хочешь узнать у мамашы что-то, чего не знаешь сам и чего тебе не сообщит ни один напыщенный дворцовый индюк. Говори, что случилось? Ты знаешь, на меня можно положиться. Кроме того, я не забыла, как ты однажды помог мне выкрутиться... Я отдаю долги.

Мамаша на меня вовсе и не смотрела. Наверное, полагала, что я — обычный телохранитель.

— Сегодня днем пропали несколько моих друзей, — прямо начал Конан. — На них охотилась стража. Вначале они были на улице Гвардейцев, потом, как я знаю, побежали к кварталу Рогаро и там исчезли. Их трое. Первый — невысокий человек с короткой черной бородой, второй — в одежде шемита, смуглокожий и черноглазый. Третий — рыжий, здоровенный, чуть повыше меня ростом. Очень напоминает крестьянина.

— Поняла, — кивнула мамаша Куродье. — Если все узнаю в точности, позволишь мне королевским указом открыть заведение на главной улице или где-нибудь поблизости?

Конан фыркнул.

— Демон с тобой, позволю. Ты всегда была человеком дела. Итак?..

Хозяйка протянула руку, дернула за толстый, сплетенный из золотых нитей шнур, и тотчас в дверном проеме показалась физиономия одного из мордоворотов, охранявших спокойствие на званом ужине.

— Позови Годрика, — спокойно приказала мамаша. Дитина кивнул и исчез в полутьме коридора.

— А что за хмырей ты собрала сегодня? — поинтересовался киммериец. — Рожи, кажется, знакомые.

— Помнишь, около десяти лет назад ты привозил контрабандные товары в Тарантию? Ты еще работал с этой... — хозяйка поморщилась, вспоминая. — С этой... рыжая такая. Карела, кажется?

— Ну? — нагнул голову варвар.

— Вы продавали тогда белое золото месьюру Базиллю, — сказала хозяйка. — Помнится, ты его обчитал на двести золотых. У меня всегда была хорошая память, дорогой мой. Не пойму, каким образом прирожденный разбойник вроде тебя мог занять трон нашей великой страны?

— А что, ты недовольна? — внезапно ошетинился Конан. — Тебе плохо сейчас? Хуже, чем при Нумедесе?

— Лучше, — согласилась хозяйка. — Налоги низкие, в городе спокойно. Но все равно это очень странно... Кстати, сбрей бороду, тебе не идет. Ты спрашиваешь, кто у меня в гостях? Сегодня я пригласила старых друзей. Базиль до сих пор возит в столицу недозволенные товары, Герат промышляет торговлей лотосом, а все остальные... Одно и то же.

— Разреши, дорогая, войти. — Меня едва не пришибли дверью, и я отошел в сторону, облокотившись на низкий шкафчик красного дерева. Так и есть, появился один из старцев, прежде сидевших за столом.

— Годрик, милый, — госпожа Куродье обольстительно улыбнулась полному и благообразному стари-

кану. — Ты опутал своими сетями весь квартал Рогаро и должен знать, что произошло сегодня. Один мой очень хороший друг ищет троих людей, за которыми гонялись стражники. Это случилось незадолго до четвертого полуденного колокола.

Годрик бросил на меня и на Конана подозрительный взгляд, однако ответил:

— Да, случился переполох. Я думал — кого-то из наших ловят, но потом спросил у своего осведомителя в страже. Что-то связанное с политикой. Охотились за троими, но никого не поймали. Они будто сквозь землю провалились. Хотя из Рогаро не так много выходов и все они были перекрыты.

— Где они исчезли? — жадно спросил Конан. — В каком именно месте?

Старый пройдоха посмотрел на хозяйку, и та утвердительно кинула — можно, мол, говорить.

— Мне сказали, — осторожно произнес Годрик, — что стража последний раз видела беглецов в тупике Трех Лилий, возле дома торговца магическими принадлежностями Антония. Это последний дом переулка-тупичка. Сбежать они оттуда не могли. Если только не воспользовались тайными ходами, проложенными в домах или подвалах.

Мамаша Куродье вопросительно посмотрела на Конана. Тот снова кивнул. Следовательно, варвар узнал все, что ему было нужно узнать.

— Спасибо, Годрик. — Хозяйка улыбнулась еще любезнее, показав неожиданно белые и крепкие для ее возраста зубы. — Иди к столу, я сейчас вернусь.

Когда старик, промышляющий воровством и махинациями, исчез, госпожа Куродье повернулась к варвару.

— Ну? — она строго взглянула на киммерийца. — Я тебе помогла?

— Да, разумеется. — Конан встал, подошел к хозяйке и чмокнул ее в морщинистую щечку. — Через

несколько дней жди указ. Откроешь одно из лучших заведений на Королевской улице.

Не перестаю удивляться вере Конана в лучшее, а заодно и тому, сколь легко он раздает обещания. Но, что характерно, он всегда их выполняет.

— Я знала, что тебя не испортит королевский трон,— задумчиво произнесла мамаша.— Но позволь спросить, почему за твоими друзьями бегала твоя же стража? Я полагала, что у короля больше власти и влияния...

— Ошибка вышла,— улыбаясь, развел руками Конан.— Не тех ловили. А теперь мне самому придется искать собственных друзей.

— Странное поведение для короля.— Госпожа Куродье проникательно глянула на Конана и прищурилась.— Впрочем, мне нет до этого никакого дела... Ты подаришь мне что-нибудь на день рождения?

— Ну-у...— замялся киммериец.— Возьми хотя бы это.

Он сунул руку в кошелёк, достал оттуда новехонький золотой с собственным вензелем «КК — Конан Канах» и вручил монетку мамаше.

— А остальное потом,— сказал Конан.— Извини за беспокойство. Мы, пожалуй, отправимся.

— Не забудь про свое обещание,— бранчливо напомнила старуха.— Знаю я вас, королей!

...И вот снова мы оказались на темных тарантийских улицах. Где-то далеко на колокольне храма Митры отбивали полночь. Конан молча шагал в сторону центра города, и наконец вывел меня на угол Королевской улицы и проезда Монетчиков. Отсюда начинался квартал Рогаро.

— Эй, почтеннейший! — Варвар окликнул одинокого стражника, стоявшего у дверей Казначейской управы.— Не скажешь, как пройти к тупику Трех Лилий?

— Идите прямо,— даже не посмотрев на нас сонно отвечивал блюститель.— Потом направо. По-

том второй поворот налево. Потом спросите у кого-нибудь.

— Спасибо,— сквозь зубы буркнул Конан.

И мы вдвоем двинулись вглубь квартала торговцев древностями. Едва светили масляные фонари, бросаая оранжевые отблески на влажную кладку мостовой. Пахло туманом, кошками и дымом редких факелов.

— Мы их найдем,— уверенно сказал варвар.— Или отыщем следы. Но если эти трое ублюдков благополучно выбрались из облавы и теперь сидят в Обители Мудрости — всех троих придушу лично...

* * *

— Я начинаю думать, что мы заблудились,— озабоченно сказал Конан.— И спросить-то не у кого...

— Уж конечно.— Я сплюнул и оглядел темную улицу.— Нормальные люди в такое время спят. Полночь отбило не меньше полутора колоколов назад. Может быть, ты мне объяснишь, какого пучеглазого демона мы шлемся по Рогаро? Все равно никого не найдем. Если Мораддин и остальные сбежали от облавы, значит, рано или поздно вернутся в Обитель. Было бы намного разумнее остаться там и подождать их.

— Не могу я сиднем сидеть! — проворчал киммериец.— Не могу и все тут! Сразу кого-нибудь убить хочется. Глупая история... А хуже всего то, что мы потерялись.

Разговаривали мы довольно громко — голоса гулко разносились по узенькой улице торгового квартала. Наконец наша болтовня надоела хозяину дома напротив, распахнулось окно на втором этаже и в проеме появилось смутно белеющее лицо.

— Идите прочь, месьоры! — замученным голосом сказал пожилой мужчина в ночном колпаке, перегибаясь через подоконник.— Разве можно шуметь в такое время?

— Можно,— твердо ответил Конан.— Вот сейчас еще и песни петь начнем. Может быть, даже похабные.

— Любезнейший! — Я поднял голову и обратился к домовладельцу прежде, чем он сумел осмыслить речи киммерийца.— Как пройти к тупику Трех Лилий? Объясни, и мы немедленно уйдем.

— Объяснить? — тупо переспросил разбуженный нами горожанин.— Вы, месьоры, пройдите вперед, до первого перекрестка, и сверните налево. Вот вам и Три Лилии.

— Если наврал — вернемся и точно песни петь будем,— пригрозил Конан и дернул меня за рукав.— Пошли, Веллан.

На этот раз искомый переулок обнаружился удивительно быстро. Длинной он был шагов восемьдесят и заканчивался мрачным темным домом с аркой, ведущей во внутренний дворик. Над входом мерцала тусклыми болотным светом грязная масляная лампа.

— Вот что.— Конан развернулся ко мне.— Велл, придется тебе опять использовать свои способности. Сам видишь — здесь никого нет, но мог сохраниться запах.

— Плохо бедному Веллану.— Я сокрушенно покачал головой.— Эдак я скоро в твою домашнюю собаку превращусь.

— Не оstri,— прервал Конан мои страдания.— В волка превращаться необязательно. У тебя же есть еще один... одно... ну, в общем, ты понял.

— Ужас какой,— я невесело рассмеялся.— А предствь, что будет, если хозяин этой лавки вдруг выйдет на улицу до ветру или заглянут ночные стражники? Воплей будет на всю Тарантию — «Оборотни, оборотни»!

— Ничего не случится,— беспечно поморщился варвар.— Давай, превращайся.

Ему легко говорить — «превращайся». Побывал бы сам в моей шкуре! Облик, промежуточный между

человеческим и волчьим, сохранять довольно трудно. Я уж не говорю о том, что, пребывая в ипостаси «чудовища», лучше не смотреть на себя в зеркало. Сам перепугаешься.

Я сосредоточился, позвал свою «звериную» половину и едва не вздрогнул, когда начали изменяться кости. Казалось, хруст стоял такой, что можно было перебудить половину города. Я подавил острое желание довести превращение до конца, с трудом остановив изменение тела, и открыл глаза.

Так. Руки-ноги на месте (правда, отросли когти и жесткие светлые волосы), стою вроде бы на двух ногах... Провел языком по зубам, нащупал клыки. Обоняние и слух обострились.

— Светоносный Митра,— простонал Конан, подойдя поближе и оглядев меня.— Увидев такое лет десять назад, я бы без размышлений тебя прикончил. Ну и рожа...

— На себя посмотри,— прохрипел я. Оборотень в облике чудовища сохраняет способность разговаривать, хотя человеческая речь и дается с трудом.— Сам попросил, а теперь глумится!

— Больше не буду,— хохотнул варвар.— Но зрелище все равно отвратительное... Эй, эй, убери зубы! Я понял, что сейчас лучше не обращать внимания на поддевки Конана. Надо делом заняться.

Нагнувшись, я потянул носом воздух. Множество самых различных запахов. Сало, которым намазывает сапоги стража, невыносимо резкий аромат конского навоза, кошачьи следы... Вот пожалуйста, кровь, только не человеческая, а куриная. Та-ак, а это что такое?

Я, помнится, уже упоминал, что Мораддин пахнет по-особенному. Отчасти человеком, отчасти гномом. Не думаю, что в Тарантии может находиться еще один такой полукровка. Следовательно, граф Эрде, а с ним, надо полагать, и остальные, действительно побывал в этом переулке. Запах очень слабый, но он есть.

След завел меня под арку, затем во дворик. Здесь уже отчетливо пахло Тотлантом. Тоже интересный аромат, вроде мускуса. Да, они здесь проходили. Что я и растолковал Конану.

Обрывался след у двери, ведущей в дом. Конан осторожно потолкал створки. Закрыто.

— Может, постучаться? — Варвар покосился на меня вопросительно. — А можно просто забраться, я еще не научился открывать такие замки с помощью кинжала.

— Как хочешь, — выдавил я. — Но, по-моему, сюда лучше прийти утром и попытаться мирно поговорить с хозяином. Если мы сейчас вломимся в дом, то с жильцами — со всеми поголовно — случится удар. Вообрази таких гостей — страшный волосатый варвар и наполовину превратившийся оборотень!

— Сам ты волосатый, — парировал Конан. — Хорошо, заглянем сюда утром. А сейчас можно пойти в ночную таверну. Я помню одно местечко неподалеку...

Я поднял руку, призывая варвара к тишине. Внутри дома происходило нечто странное. Неясный звук исходил из полуподвала, оттуда же истекал запах грозы. Очень похожий на тот, что испускала Небесная гора. Разве что послабее. Шипение постепенно усиливалось, и наконец его начал различать даже киммериец.

— Что такое? — прошептал Конан, недоуменно оглядываясь. — Что происходит?

— По-моему, в доме кто-то балуется магией, — догадался я. — Такой запах обычно бывает, когда Тотлант устраивает свои фокусы.

— Значит, стигиец скрывается тут, — понимающе кивнул Конан. — Давай-ка все-таки зайдем внутрь. Посмотрим, как они здесь развлекаются.

Варвар вынул кинжал, на ощупь поковырялся острием в замочной скважине, затем взялся за косяк и очень медленно отворил дверь, как-то ухитрившись не скрипнуть старыми проржавевшими петлями.

Наверное, лет двадцать-двадцать пять назад Конану цены в Шадизаре не было.

— За мной, — одними губами сказал король. — Держись за спиной. Ступай тихо-тихо. Кажется, здесь очень сухие половицы.

По моему разумению, дом был пуст. Хозяин либо жил в другом месте, а сюда приходил лишь утром, открывать лавку магических принадлежностей, либо нынешней ночью увеселялся в заведении наподобие вертепа мамыши Куродье. Я не ощущал близкого присутствия человека. Однако я согласился с желанием Конана осмотреть дом и поискать следы пребывания наших друзей. И, кроме того, меня очень заинтересовал звук, шедший снизу, из подпола.

Конан, ступая удивительно мягко для своей комплекции, миновал коридор, ведущий в обход помещения магазина, и наткнулся на лесенку, ведущую вниз. На всякий случай король держал в левой руке обнаженный кинжал.

Медленно и осторожно мы спустились к источнику звука и странного запаха. Вернее, прошли восемь или девять ступеней по лестнице. Конан остановил меня и, толкнув, погнал обратно. Да я и сам понял, что находиться в подвальчике этого таинственного дома может быть опасно.

Комната подпола была достаточно большой и свободной. Обычно горожане загромаждают подвал всяким ненужным хламом, а здесь лишь стояли несколько скамей, протянутых вдоль стен, да в ближнем углу громоздилась огромная закрытая бочка. На крышке что-то лежало, но я не сумел рассмотреть, что именно.

А посреди комнаты тускло мерцал непонятный огненный овал, высотой в рост человека. В центре синевато-белого кольца, постепенно разгоравшегося все ярче и ярче, клубилась тьма и изредка вспыхивали синие искры. Я не ошибался, когда подумал, что здесь происходит некое магическое действо...

— Понаблюдаем,— шепнул Конан, когда мы выбрались наверх. Король улегся на живот и свесил голову в квадрат лестничного проема. Я последовал его примеру.

Через некоторое время овал побагровел, в подвале заблестели яркие рассыпающиеся вокруг огоньки, и вдруг раздался резкий хлопок. А затем...

Из пламенного кольца вышли два человека. Спокойно так, будто из обычной двери.

— Портал,— прошипел Конан.— На интересное местечко мы набрали... Любопытно, что за гости явились к хозяину?

Двое неизвестных молча постояли рядом с Порталом, дожидаясь, пока он исчезнет. Мы следили.

Первый ночной визитер был худощав, ростом приблизительно с меня. Я разглядел, что на нем было обычное шемское одеяние — длинный перепоясанный балахон, темный плащ и тюрбан. Его спутник был повыше, вооружен двумя мечами и в полутьме казался чернокожим.

— К двери,— едва слышно скомандовал Конан.— Подождем их там, а потом выясним, кто промышляет запрещенной магией в моей столице.

Мы осторожно поднялись и на цыпочках пошли к двери. Если гости нас услышат, то, может быть, снова построят волшебные ворота и исчезнут неизвестно куда.

Замерев в темном углу возле выхода во двор, мы стали ждать. Довольно скоро послышались уверенные шаги. Люди поднялись в коридор из подвальной и теперь шли прямо на нас. Я расслышал полусшепот:

— Месьор, позволь, я пойду впереди. Антоний обещал, что этой ночью в доме никого не будет, но вдруг...

— Я доверяю Антонию,— ответил второй.— Это верный мне человек. Он должен выполнить уговор. Кроме того, сегодня здесь был стигиец, он проверял.

«Какой еще стигиец? — подумал я.— Это не может быть Тотлант. Наш колдун всегда говорил, что не умеет строить Порталы для перемещения людей. Почтовые — пожалуйста, но для работы с переброской человека ему пока не хватает умения».

Мои более привычные к темноте глаза, однако, различили, как силуэты поменялись местами, едва разойдясь в узком коридоре. Теперь высокий двигался впереди. Мы с Конаном затаили дыхание, и таинственные гости, миновав наше убежище, вышли во дворик. И тут варвар отстранил меня, зашелестела сталь вытягиваемого из ножен меча, и он решительно шагнул вслед за неизвестными.

— Привет,— громко сказал Конан в спины пересекающих двор людей.— Эй, далеко собрались?

— А-а...— Человек, которого называли «месьором», обернулся. Мне казалось, что он сейчас упадет в обморок от неожиданности. И вдруг он завизжал:

— Стахор, убей его!

А дальше случилась драка. Очень короткая. Стахор, который наверняка был телохранителем человека в шемской одежде, прыгнул в сторону Конана. Я видел по движениям — это умелый и знающий воин. Но варвар, как всегда, был непредсказуем.

К сожалению, многие рубаки с достаточным многолетним опытом загоняют себя в некие рамки. Если ты собрался биться на мечах, то подразумевается, что твой противник тоже обязан держать меч и знать должный набор приемов клинкового боя. Их всего-то не больше сотни. При желании можно отточить мастерство до совершенства, но, когда нарываешься на человека, действующего не по правилам, происходят неприятности.

Это и случилось со Стахором. Он обнажил свои клинки, дважды попытался достать Конана и выбить оружие из его рук (замечу, почти безуспешно. Второй раз варвар едва удержал рукоять). Но Конан вдруг

озарился добрейшей людоедской улыбкой, быстро отступил на шаг назад и... бросил оружие. Стахор замер в недоумении. А этого вовсе не надо было делать.

Киммериец невидимым глазу движением сорвал с пояса прилепленную на ремень тяжелую медную бляшку, метнул и попал телохранителю шемита прямо в переносицу. Кто не знает, насколько это больно, пусть не говорит. Потом Конан молниеносно наклонился, выхватил свой кинжал и бросил его острием вперед. Лезвие рассекло шею морщившегося и остолбеневшего Стахора, и телохранитель мешком повалился на землю.

Я в это время медленно двигался вдоль стены к арке, чтобы отсечь второму гостю торговца Антония путь к бегству. Разумеется, увидев смерть охранника, он побежал. Я вынырнул из полутьмы, перегородив ему дорогу. Напомню, что я пока не сменил облик «полуволка» на обычный человеческий.

— Ой,— человек запнулся и остановился как вкопанный.— Помогите...— хриплым шепотом произнес он.— Здесь чудовище...

— Сам чудовище,— громким задорным голосом сказал я и улыбнулся. Показав все свои клыки.

Это незнакомца и добило. Он снова охнул и все-таки потерял сознание, повалившись прямо на меня. Мне ничего не оставалось делать, как подхватить тело.

Подожел Конан, вытирая кинжал о завалявшуюся в кармане тряпицу. Посмотрел. Потом откровенно заржал.

— Ну ты даешь, Велл...— сквозь слезы прохрипел киммериец.— Эко бедолагу напугал! Послушай, возвращай себе обличье человека. Мне и самому на тебя смотреть тошно.

— С удовольствием,— ответил я.— Как ты думаешь, что это за люди?

— Я не думаю, я знаю,— со странной уверенностью произнес варвар и указал на простертое у наших

ног тело шемита.— С этим красавцем мы давно знакомы, я его узнал моментально. Только делать этому человеку в Тарантии ну совершенно нечего. Загадок только прибавилось.

Я закрыл глаза и начал медленно превращаться. Не знаю почему, но вернуть себе обличье беловолосого бритунийца куда сложнее, нежели обернуться волком. Все-таки народ Карающей Длани значительно больше приближен к звериному миру...

— Ну вот,— Конан удовлетворенно потрепал меня по волосам.— Совсем другое дело. Хотя на человека стал похож. Полагаю, дом будет до утра пустовать, так что давай затащим этого ублюдка под крышу, а когда очнется — поговорим по душам. У меня найдется, что ему сказать.

— Так кто он? — озадачился я.— Волшебник?

— Какой волшебник? — скривился варвар.— Ты мне не поверишь, но мы поймали сегодня удивительно важную птицу, которой никак не следовало даже совать нос в Аквилонию. Знакомся — перед тобой, как выражается Публио, мой «царственный брат». Кофийский король Страбонус, сын Деметрия. Что же такое происходит в наши беспокойные времена?

— Кто-о? — У меня челюсть отвисла.— Ты что-то перепутал. Зачем королю Кофа являться в Тарантию, да еще через магический Портал, да еще с единственным телохранителем?..

— Сейчас и узнаем,— уверенно сказал Конан.— Только уж поверь мне, это действительно Страбонус. Я его узнаю из тысячи. Берись за плечи, понесли.

Вот уж воистину — ночь сюрпризов. Конечно, Тотланта, Мораддина и Эйвинда мы не нашли, но зато поймали владыку соперничающей с Аквилонией державы, который, вдобавок, является самым мерзким интриганом к закату от Кезанкии. Во всяком случае, мне так говорили о Страбонусе знающие люди.

В моей голове царила невероятная мешанина мыслей. История, в которую мы влипли, с каждым мгновением становилась все загадочнее. Пока тащили в дом бесчувственное тело переодетого под шемитского купца кофийца (или человека, столь на него похожего, что Конан ошибся), я попробовал разложить по полочкам все события минувших седмиц. Получилось только лишь выстроить цепочку из необъяснимых происшествий, никак, на мой взгляд, между собой не связанных. Тогда я никак не мог представить, что одно событие происходит из другого. И, кроме того, в этой истории набралось слишком много участников и почти каждый играл лишь за себя самого.

Итак. Вначале объявился странный двойник короля, захвативший трон и теперь разыскивающий настоящего аквилонского монарха. Затем, уже в Тарантии, сперва таинственно исчезает Хальк, который наверняка теперь содержится заложником во дворце, а вслед за библиотекарем пропадает Мораддин. Правда, к вечеру того же дня граф Эрде снова появляется, но только для того, чтобы исчезнуть заново, прихватив с собой Тотланта и Эйвинда. Надо полагать для того, чтоб скучно не было. Попутно объявляется некий загадочный «стигиец» (любитель строить Порталы), а вдобавок ко всему в Тарантию прибывает не кто иной, как король Кофа собственной персоной. Переодетый шемитом. С одним-единственным телохранителем. И, конечно же, нам с Конаном приспичило явиться ночью именно на эту улицу, в этот странный дом...

Каково?

— Не зевай! — шикнул варвар, когда я, погрузившись в размышления, запнулся о ступеньку порога. — Где-то здесь лестница наверх. Понесли!

Кофиец оказался тяжеленьким. Кряхтя, мы подняли его на второй этаж, в небольшую комнатку с диваном и несколькими стульями и свалили на устилаю-

щий пол иранистанский ковер. Конан, предусмотрительно закрыв ставни (чтобы с улицы свет не увидели), постучал кремешком и затеплил полдесятка свечей, воткнутых в старинный серебряный подсвечник.

— Ну-ка, ну-ка... — Киммериец поставил шандал на пол и нагнулся над едва дышащим гостем из Портала. — Уязви меня Сет, это действительно Страбонус! Веллан, посмотри на этот шрам над бровью...

Конан выпрямился, оглядел комнату и, обнаружив на столе кувшин с водой, плеснул несколько капель на лицо простертого на ковре человека. Потом несколько раз звонко ударил его по щекам.

— Верняк средство, — довольно улыбнулся варвар, когда перепуганный мною кофиец зашевелился. — Любого поднимет.

Человек сел, облокотившись спиной на ножки дивана и держась правой рукой за лоб. Его темные глаза оценивающе смотрели то меня, то на Конана.

— А где оборотень? — неожиданно твердым голосом спросил кофиец.

— Убежал, — коротко бросил Конан. — Скажи спасибо мне и моему другу. Иначе загрыз бы.

— Спасибо, — послушно кивнул человек. Придя в себя, он приобрел уверенный и невозмутимый вид. Я чувствовал, что он ничуть не боится ни меня, ни Конана. — Ты самостоятельно охраняешь от нечисти свою столицу по ночам? Достойное занятие...

— Узна-ал, — довольно протянул Конан, не обратив внимания на язвительный тон. — Я вот тебя тоже узнал. И что ты делаешь в Тарантии?

— У меня здесь любовница, — не задумываясь, ответил гость. — Пришел ее навестить.

— Врешь, — устало поморщился варвар. — Такие честные глаза могут быть только у отъявленного лгуна. Кроме того, всем известно, что ты по примеру туранцев завел сераль. И в серале ты содержишь не только женщин...

— Не твое дело,— жестко сказал человек.— А ты-то сам что здесь делаешь? У меня возникают мысли о предательстве...

Конан замолчал, кофиец выжидал, а я более пристально рассмотрел нового знакомого.

Не больше сорока лет, рост почти четыре локтя, лицо узкое, с крючковатым носом, но красивое. Волосы по кофийской моде коротко пострижены. В левом ухе — маленькая платиновая серьга с круглым бриллиантом.

Киммериец поднялся со стула, на котором сидел, прогулялся по комнате, чуть отрешенно разглядывая висевшие на стенах картины и безделушки на каминной полке, и наконец посмотрел в мою сторону.

— Веллан, позволь тебе представить этого месьюра. Я оказался прав — сегодня ночью мы встретились с королем государства Коф. Его имя, как я и говорил,— Страбонус.

— Весьма рад.— Кофиец неприязненно глянул на меня.— Варвар совершенно прав и я не собираюсь отрицать его слова. Могу я узнать, что вы собираетесь делать со мной?

— Отпустим,— неожиданно сказал Конан.— Слушай, приятель, мы с тобой встречались не один раз и знаем друг друга довольно давно. Помнишь историю с неудавшимся переворотом? Кажется, лет шесть прошло?

— Гораздо лучше, чем хотелось бы,— холодно ответил Страбонус.— Так мне можно идти?

— Ты забыл о том, что я всегда ставлю условия,— возразил киммериец.— Если ты ответишь мне откровенностью на откровенность, я отпущу тебя на все четыре стороны, и мы забудем о событиях этой ночи. Если нет — я просто тебя убью. И пускай в Кофе догадываются, что произошло с королем.

— Тсота-Ланти знает, где я.— На лице кофийца не дрогнул ни один мускул.— И он сумеет отомстить.

— Так это проклятый маг Алой Башни построил Портал? — прищурился Конан.— Честное слово, я ему когда-нибудь сверну шею!

— Да, ты прав насчет волшебника и Портала,— бесстрастно ответил Страбонус.— Я прекрасно понимаю, что проиграл в этой игре, сделав всего два хода. Полагаю, кто-то выдал меня, донес о моем прибытии в Тарантию... И ты решил заявиться сам и унижить меня? Это не королевский поступок. Зато поистине варварский.

— Оставь,— мне показалось, что Конан немного обиделся. А также я видел, что кофиец заблуждается. Просто Страбонус не знал о невероятной цепи случайности, приведшей меня и киммерийца в этот дом. Его логические построения были изящны, вот только отправная точка изначально неверна.— Ты согласен на мои условия?

— Нет, конечно,— усмехнулся король Кофа.— Но я вижу, что другого выхода нет. И если ты снесешь головы тем людям, которые предали меня или способствовали измене, я лишь порадуюсь. Если я расскажу все, ты меня отпустишь?

— Слово варвара,— немного патетически и одновременно насмешливо сказал Конан.— Ты знаешь, что, всегда выполняю обещания. Однако ты забыл мои слова: «Ответить откровенностью на откровенность». Сначала буду говорить я.

Только по прошествии нескольких седмиц, после того, как мы покончили с неприятностями, изначально вызванными появлением подземного огня, я понял — Конан той холодной ночью поступил исключительно правильно. С его стороны это был ход, способный принести равно как гибель, так и победу. Варвар всегда уважал достойного противника и проявил это чувство к Страбонусу, а тот, уяснив, что его планы провалились, проиграл с достоинством. Как настоящий король. Только лишь полоумный Петрониус в

своих «псевдоисторических» рассказах называл кофийского короля «хитрым ублюдком без единого проблеска совести и чести». В действительности все оказалось не так. Кофиец умел принять поражение и даже из его последствий извлечь пользу.

Ночью с 11 на 12 день первой зимней луны я стал невольным свидетелем тайной и необычной сделки между королями Аквилонии и Кофа. Но если бы мы знали, к чему это приведет спустя несколько лун...

Поначалу я удивлялся, откуда бывший наемник (то есть Конан), лишь недавно захвативший трон, и прирожденный аристократ, наследник одной из самых благородных династий Заката Хайборийского материка, столь хорошо знают друг друга. И Конан, и Страбонус мгновенно опознали знакомое лицо. Из скупых и немногословных рассказов варвара я потом узнал, что он несколько лет назад служил в гвардии при дворе кофийского владыки и принимал участие в заговоре, устроенном одним из дворян. Мятеж, к сожалению для Конана, подавили, он вынужден был бежать, а в Кофе варвара объявили злодеем короны и вынесли очередной смертный приговор.

Однако сейчас двум королям пришлось позабыть старые распри, отбросить мысли о мести и, выслушав друг друга, прийти к согласию.

Конан, как я уже упомянул, решил рассказать все. Варвар остановил готового к откровенности Страбонуса, усадил его в кресло, ударом кулака взломал дверцу шкафчика, в котором хранились вина, принадлежащие торговцу Антонию, и, вручив каждому по серебряному бокалу, начал говорить.

Последовала донельзя знакомая мне история. Вначале Конан поведал внимательно слушавшему и сохранявшему невозмутимый вид Страбонусу о появлении зеленого огня на границах Аквилонии, невероятных человеческих жертвах, имевшихся на пути порождений Небесной горы, о грифоне из Ямурлака,

поездке в Пограничье и прочем. В том числе и о том, что сейчас он сам, Конан, король Аквилонии, потерял трон, а скипетр величайшей страны Заката держит в руках какой-то... самозванец. Очень странный. Двойник, в точности повторяющий облик настоящего короля. Человек (или *не человек*), толкающий Аквилонское государство к войне, способной захватить все страны Заката. От Зингары до Турана.

— Мне не нужна эта война, — с серьезным выражением на лице втолковывал Конан Страбонусу. — Сейчас Аквилония владеет достаточным запасом золота для того, чтобы не обрушилась торговля внутри королевства, равно как и с другими странами. Я не понимаю, для чего самозванцу потребовалось начинать войну с Офиром и искать союза с Немедией. К Закату от Кезанкийских гор крупных войн не было почти сто лет. Все значительные державы — Зингара, Аквилония, Немедия, Аргос и, конечно же, Коф с Офиром — процветают. В казне Аквилонии пока нет средств для того, чтобы поддерживать постоянную военную кампанию на двух-трех направлениях. Конечно, если мы обречем союзничество Немедии, будет куда проще разгромить Офир, а потом твое, Страбонус, государство, и дойти до границ Стигии... Только зачем?

Однако я заметил одну вещь. На протяжении всей своей речи Конан ни разу не упомянул о том, что мы с ним оказались в доме Антония по воле слепого случая. И даже несколькими ложными намеками дал понять Страбонусу, что мы находимся здесь именно потому, что произошла измена.

— Речи не юноши, но человека умудренного, — ответил кофийский король, внимательно выслушав слова киммерийца. — Не ожидал, что ты столь далеко пойдешь. Я-то всегда считал тебя простым рубакой и необразованным дикарем, способным лишь размахивать мечом... Впрочем, позволь мне подумать.

Конан быстро кивнул, налил себе в кубок вина и отошел к окну. Я сидел в дальнем углу комнаты, не осмеливаясь вступать в разговор. В конце концов, киммериец всегда знает, что делает.

Рука варвара толкнула ставни, и я увидел, что самая яркая звезда на Закате подошла почти к горизонту.

Белая точка уходила за тарантийские крыши, освобождая место утренним созвездиям. Вскоре на башне храма Митры пробили четвертый полнолуночный колокол.

— История настолько необычная, что я вынужден в нее поверить. — Я вздрогнул от внезапно раздавшегося резкого голоса Страбонуса. — Пускай меня сожрут все демоны Сета, но я никогда не слышал ничего подобного. Варвар, ты хочешь сказать, что сейчас все страны Заката под угрозой всеобъемлющей войны? И ее провоцирует некое магическое существо, занявшее твое место? Пожалуй, тогда я могу кое в чем тебе помочь.

— Ну? — резко обернулся Конан. — Как и договорились — правду за правду?

— Придется, — скривил губы в улыбке ночной гость. — Признаюсь честно — мне более всего нужно спокойствие на Закате. Как и тебе самому. Однако я собирался добиться равновесия совсем другим способом. Пускай ты сейчас не являешься королем в полном смысле этого слова, но... Я безоружен, а у тебя меч. И вдобавок вас двое, а я один. — Страбонус покосился на меня. — Хорошо. Я расскажу, зачем Тсоталанти переместил меня в Тарантию.

— Не тяни, — рявкнул Конан. — Говори!

— Я хотел лично посмотреть на то, как тебя убьют, — спокойно, с расстановкой произнес король Кофа. — Я, Тсоталанти и верные нам люди в Аквилонии уже десять седмиц готовили заговор. Мы уже пытались убить тебя, однако план покушения не удался.

— Деревня Артен! — ошарашенно воскликнул Конан, догадавшись. — Постоялый двор «Корона Аквилонии»?

— Именно, — подтвердил кофиец. — К сожалению, вас было слишком много. Ты вырвался из западни и, как ни странно, теперь я должен благодарить богов за эту случайность. Если бы ты умер, изрыгающее зеленый огонь чудовище прошло бы дальше, через Аквилонию к Офиру. А может быть, и к моей стране.

— Ну ты и мерзавец, — вздохнул варвар.

— А ты лучше? — возмущенно парировал Страбонус. — Мы только что вспоминали о заговоре против меня, который провалился по чистой случайности! Кто был одним из главарей, случайно не помнишь?

— Это случилось давно, — решительно пресек начинающуюся свару Конан. — Итак, меня должны были убить, и ты прибыл полюбоваться на то, как меня зарежут или отравят? Какова подоплека? Когда это должно было случиться?

— Через сутки, — честно ответил Страбонус. — В твоём дворце. Все подготовлено, остается лишь... Ну, сам понимаешь. Ладно, я открою тебе все подробности...

* * *

Я уже несколько раз упоминал о вещах, которые я не люблю. Ненавижу подземелья, кислое пиво, терпеть не могу, когда аквилонские дворянки называют меня «миллой собачкой» (это когда я нахожусь в обличье волка) и совсем не переношу сильную жару. Теперь этот список пополнился.

Я ненавижу политиков! Королей, канцлеров, герцогов и прочую шушеру! Они вечно кроют загадочные морды, объясняются намеками, строят какие-то козни, непонятные простому смертному и оправдывают свои бесчестные выходы некоей «высшей необходимостью» и «государственными соображениями»!

Я знаком с Конаном достаточно давно. Он всегда был нормальным человеком. Любил выпить, подражать, втягивал всех приятелей в какую-нибудь авантюру, а потом сам же вытаскивал нас из неприятностей... В принципе, он таким и остался. Но теперь к его положительным качествам добавилось несколько отрицательных. Прежде всего — эта малопрятная черта, которую многоученые мужи называют «государственной мудростью».

В общем, скажу я вам, той ночью Конан надул Страбонуса, будто распоследняя базарная торговка, продавшая лопуху-вельможе крытую амальгамой свинцовую безделушку в качестве древнего кхарийского украшения из белого золота. Я слушал разговор варвара и кофийца, и изумлялся. Неужели король Кофа такой дурак? Или это мы дураки, а он старательно изображает из себя развесившего уши болвана и делает вид, что верит всем словам Конана?

Мне показалось, что Страбонус купился на рассказанную киммерийцем легенду. Варвар с серьезным видом заявлял, что, если трон не будет возвращен законному государю, в «кровавом огне всеобщей войны» сгинут все государства Заката; что Конан (настоящий, имеется в виду) никогда не хотел ни с кем воевать; что если двойник останется на троне, под угрозой будет не только Офир, но и корона Хоршемиша... Словом, варвар старательно изображал из себя несправедливо обиженного, благочестивого и просвещенного монарха. Я старательно кивал, а в самые драматические моменты его сбивчивого рассказа вздымал глаза к потолку, тихонько поддакивал и говорил: «Все образуется, Ваше Величество».

Страбонус каменно молчал, а в его глазах искрились льдинки. И смотрел он на нас, будто на двух помешанных.

— Если я помогу тебе вернуть корону, — заговорил кофиец, когда Конан остановился перевести дух

перед тем, как начать все сначала, — что я получу взамен на эту услугу?

— Хотя бы собственную жизнь, — усмехнулся Конан. — По-моему, этого достаточно.

— Это только по-твоему, — голосом завязтого лавочника перебил Страбонус. — Обещаешь, что снизишь налоговые сборы с кофийских купцов?

— Обещаю. — Варвар кивнул и посмотрел на иноземного венценосца отвратительно правдивыми голубыми глазами.

— Та-ак. — Страбонус задумчиво почесал подбородок. — Еще вернешь разрешение моим торговым кораблям плавать по Хороту и Алимане в пределах Аквилонии. Потом отзовешь из Кофа проповедников-митрианцев. Они изрядно мешают моему придворному волшебнику Тсота-Ланти. Старик нервничает...

— А может, тебе еще луну с неба достать? — возмущился Конан. — Между прочим, делами религии занимаюсь не я, а главный жрец Валамир. С ним и договаривайся! Храмы в моей стране королю не подчиняются.

— Досада какая, — вздохнул кофиец. — Хорошо. Ограничимся пока торговыми льготами для купцов Кофа. И последнее, самое важное условие.

— Ну? — насторожился Конан, предчувствуя подвох со стороны Страбонуса.

— Весь следующий день ты будешь меня слушаться, — решительно сказал тот. — Если так боишься, что я убегу или что-нибудь испорчу — приставь ко мне своего цепного пса. В случае чего он сумеет всадить кинжал мне под ребра...

Я громко прокашлялся. Проклятый кофиец будто нарочно обозвал меня «цепным псом». Или догадался, кто я такой.

— Можно и согласиться, — поморщившись, проговорил варвар. — Главное в другом. Каким именно приказам я должен буду подчиняться?

— Любим,— уклончиво ответил Страбонус.— Заговором руковожу я сам и собираюсь... Вернее, соби-
рался посадить на трон человека, верного Кофу. Он
не обременен слишком большим количеством моз-
гов, но у него есть умные друзья, которые в нужный
момент подскажут, как поступать... Итак, ты гово-
ришь, что во дворце находится твой двойник? Отлич-
но. Мы подменим двойника двойником.

— Чего? — вытаращился Конан.— А ну-ка объ-
ясни...

— Я тут кое-что придумал,— с нарочитой скромно-
стью сказал кофиец.— Буквально сейчас... Если те че-
столюбивые люди, которые согласились принять мою
помощь в устройении заговора, хотят убить короля —
мы не будем им мешать. Наоборот, ты, я и все верные
слуги, которые остались в твоём распоряжении, начнем
способствовать заговорщикам по мере своих сил. Но-
чью мы, как и положено всяким порядочным злоумыш-
ленникам, придем во дворец, уьем тебя, тело унесем и
спрячем, а место короля Аквилонии займет двойник.

И Страбонус изящным жестом руки указал на
Конана.

— Ничего себе,— почесал в затылке варвар.— здо-
рово придумано. Никогда бы не подумал, что с помо-
щью короля Страбонуса буду участвовать в заговоре
против самого себя и превращусь в собственного двой-
ника! Что-то мы перемудрили...

— Придумай лучше,— снисходительно фыркнул
кофиец.— Итак, кажется, ты понял, что нужно делать?
Сейчас мы пойдем в дом человека, который обязан
возглавить переворот. Он знает, что я должен при-
быть сегодня ночью, чтобы лично надсмотреть за со-
бытиями. Я объявлю этому дворянину, что план пре-
терпел изменения...

— Змееныши Сета! — выругался Конан.— Про тебя
правильно говорят: «Хитрее Бела и умнее немедийс-
кого купца». То есть ты представишь меня человеком,

который должен будет заменить на троне настоящего
короля?

— Именно,— согласился Страбонус.— Если бы пос-
лезавтра утром в городе объявили, что король Конан
внезапно умер, а его место занял один из немногочис-
ленных наследников Эпимитриуса, в городе началось
бы недовольство. И прежде всего — со стороны пуан-
тенской гвардии. Хотя точно знаю, что Просперо нет
в столице... А теперь все пройдет очень тихо и спо-
койно. Настоящий король, вернее, то, что выдает себя
за него, умрет, ты займешь трон, а с заговорщиками
разберешься сам на следующий день. То есть когда
я вернусь в этот дом и через Портал уйду обратно в
Хоршемиш. Даже жаль немного, такой отличный план
сорвался...

— Учти,— угрожающе начал Конан.— Я от тебя
не отойду ни на шаг и, если почувствую, что ты ве-
дешь двойную игру, прирежу незамедлительно. Но
если твоя придумка выгорит, то... Вернувшись в
Хоршемиш, жди моего посольства с указом о льготах
кофийским торговцам. Договорились?

— Договорились,— спокойно ответил Страбонус,
встал и протянул варвару руку.— Пусть твой телох-
ранитель будет свидетелем. Я клянусь именем Сол-
нцезарного Митры, что я верну тебе трон в обмен на
мою жизнь.

— Если б только на жизнь,— вздохнул Конан, с
силой пожав ладонь кофийца.— Канцлер опять нач-
нет орать, что я разоряю казну.

— Прикажи отрубить ему голову.— Страбонус по-
морщился и затряс слишком сильно сдавленными
пальцами, побелевшими от пожатия варвара.— В та-
ком случае сейчас мы пойдем к герцогу, который
должен меня ждать. Ты будешь молчать и соглашаться
со всем, что говорю я.

Мы быстро собрались. Конан оттащил валявший-
ся у входа в дом труп Стахора в соседний двор, чтобы

не вызывать подозрений у хозяина Антония, который должен был вернуться утром, и посыпал песком кровавые пятна возле порога. Небо на восходной стороне начало сереть, когда мы беспрепятственно покинули квартал Рогаро. Король Страбонус вел нас по городу с уверенностью, достойной любого тарантийского горожанина. Мне подумалось, что кофиец наверняка уже много раз бывал в Тарантии.

Мы свернули на набережную Хорота и двинулись к полуденной окраине столицы. В кварталы, где жили самые богатые и знатные люди, дворяне и наиболее зажиточные купцы.

— Сюда,— Страбонус указал на ворота красивого белого дома с колоннами, стоявшего в глубине сада.— Между прочим, Конан, я тебе посейчас не сказал, кто участвует в заговоре. Видишь герб над створками?

Варвар поднял голову и всмотрелся в изображение на вычурном щите-дроглоре, вывешенном у въезда в поместье.

— Ублюдок...— Конан едва дар речи не потерял.— А вроде бы уважаемый человек... Ладно, идем. Я герцогу потом все выскажу. Если, правда, он жив останется.

Дожидаясь, пока сонные привратники, разбуженные колокольчиком, подойдут к створкам, я подумал, что не следовало уезжать из Пограничья. Как спокойно жилось бы мне на родине! Никаких королей, Порталов, заговоров и заумных рассуждений о судьбах мира!

Но раз уж ввязался — придется идти до конца.

Глава тринадцатая РИНГА, ПЯТЫЙ РАССКАЗ

Тарантия, столица Аквилонии.
12 день первой зимней луны

«...После неудачной попытки убийства существа, выдававшего себя за короля, немедийский конфидент спешно покинул дворец короны и скрылся в месте, обладавшем привилегией не выдавать скрывающихся на его территории преступников — в Обители Мудрости Тарантии.

Здесь же безуспешно скрывались и те, кого безуспешно разыскивал конфидент,— подлинный король Аквилонии и некоторые из его спутников.

Теперь план их действий был почти готов и отшлифован до мелочей. Они решили всемерно содействовать замыслам заговорщиков, собиравшихся покончить с королем, а затем оставить на месте правителя «двойника», роль которого был должен сыграть настоящий король Аквилонии.

Все выглядело блестяще и безукоризненно, однако у конфидента возникли некоторые подозрения, и он не спешил поделиться ими с остальными участниками Komplota. Увиденное им в замке заставило представителя тайной службы Немедии заподозрить в двойнике не просто человека, до мелочей схожего

обликом с королем, но колдовское существо, обладающее непонятными людьми силами. И конфидент решил столкнуть подобное с подобным — тайну с тайной, магию с магией, для чего заключил договор с величайшим из чернокнижников Полуденных и Закатных стран — стигийским магом Тот-Амоном, ныне подвергшимся опале со стороны прочих колдунов Черного Круга Стигии и вынужденным скрываться вдали от родины...»

*Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства*

Где я нахожусь?..

Интересный вопрос. Вроде бы я на чем-то лежу, и поверх меня что-то лежит. Причем лежащее внизу — холодное и чуточку шершавое, а сверху — теплое и мохнатое. И пахнет так, что чихать хочется.

Я и чихнула. Один раз, другой, а потом окончательно проснулась, высунула голову из-под шерстяного покрывала и огляделась.

Комната. Не слишком большая, обставленная не то чтобы скудно, а скорее аскетично. Стрельчатое высокое окно с мелкими полупрозрачными стеклами, вставленными в медный переплет.

Трехстворчатый шкаф, забитый потрепанными разномастными томами, переплетенными в кожу, холстину и просто завернутые в какие-то тряпки. Покосившийся стол, на нем — пара пустых мисок и кружек, а также оловянный кувшин. Черная пасть камина, огороженного покосившейся решеткой, в которой потрескивают поленья. Возле очага — два обшарпанных кресла на разлапистых ножках. Две двери, одна завешена отрезом зеленоватой шерстяной ткани в жирных разводах.

И неуловимый обычными чувствами аромат «присутственного места». Не сдаваемой внаем квартиры,

а именно чего-то официозного, где постояльцы ощущают себя лишь временными обитателями.

Зададим вопрос — где в Тарантии отыщется учреждение, которое предоставляет служащим внаем людям жилье?

Вернее, не служащим, а учащимся. Это ж Обитель Мудрости! Дом для слушателей, куда я, едва не падая с ног, добралась сегодняшней ночью. Мораддин велел разыскать в Обители Мудрости некоего Робера, что я и сделала. Такового месьюра не оказалось дома, так что мне ничего не оставалось, как усесться на ступеньках лестницы и терпеливо ждать. Видимо, вскоре я задремала, а вот проснулась уже совершенно в другом месте.

Голова просто раскалывалась. Вот она — расплата за вчерашнее использование Дара направо и налево. Интересно, на улицах уже выкрикивают указ о немедленном разыскании и взятии под стражу злодейки короны графини Эрде, которую близкие знакомые и друзья имеют право именовать Рингой? Если нет, то я буду весьма огорчена. Меня еще ни разу не объявляли «злодейкой короны», а хотелось бы. Неплохое украшение послужного списка.

Я откинула покрывало и села. Сразу выяснилась еще одна любопытная вещь — кто-то взял на себя труд стянуть с меня залитую кровью и кое-где порванную одежду. Взамен меня обрядили в белую льняную рубашку. Скорее всего, мужскую, потому что, когда я встала, это одеяние повисло на мне, как на пугале. Малость великовато, а так ничего. Теперь бы еще узнать, кому я обязана такой трогательной заботой?

Вид из окна окончательно убедил меня, что я нахожусь в Обители Мудрости. Лужайки с короткой пожухлой травой, красные кирпичные здания, обвитые плющом, и ужасающая своей помпезностью статуя Дагоберта, Покровителя Наук и Дарителя Зна-

ний. Насколько мне известно, сей властитель в жизни не прочел ни одной книги по причине полнейшей неграмотности. Интересно, что подвигло его даровать землю и средства на обустройство столичной Обители Мудрости? Загадка... Почти такая же неразрешимая, как мое вчерашнее путешествие из королевского дворца сюда. Ничего не помню. Вернее, помню, как спускалась со стены, торговалась с извозчиком и ехала в наемном экипаже через мост. Дальше — темнота.

На одном из кресел обнаружился Шото со всей полагающейся к нему сбруей — ножнами и моим поясом. Возле камина я наткнулась на собственные сапожки, предусмотрительно поставленные сушиться. А вот никакой еды, к сожалению, в комнате не нашлось. И остальное мое барахло, то есть костюм и прочие вещи, тоже куда-то сгнуло.

Тогда я решила проверить двери. Обе оказались незапертыми. Одна вела в пустой и гулкий коридор, куда выходили еще с десятков подобных створок, другая, закрытая зеленой тряпкой, скрывала за собой жалкое подобие ванной комнаты. Помятые медные тазы, несколько кувшинов... В кувшинах вода, причем теплая. Можно даже сказать, горячая. Опять мой таинственный благожелатель побеспокоился? Что ж, мы не гордые, возьмем, что предлагают, и «спасибо» позабудем сказать.

— Это, конечно, не мраморный бассейн, — вслух сообщила я свое мнение, разыскивая среди тазов самый вместительный и наливая в него воду, — но на худой конец сойдет.

Плескалась я долго — пока не почувствовала себя человеком. Потом отжала мокрые волосы, натянула одолженную неведомо кем рубашку и ввалилась в комнату. Я намеревалась разузнать, кто, собственно, является хозяином этого уютного местечка, а также где здесь можно поесть.

* * *

— Ой, — сказали мы одновременно. Ко мне пожаловали гости. Точнее, гость. И если кто-нибудь посмеет заикнуться, что стоявший у камина тип — слушатель, то я имею полное право утверждать, что я — послушница храма Митры, давшая обет безбрачия.

— Привет, — сказала я, первой придя в себя. Гость опомнился и старательно уставился куда-то в точку за моей спиной. Ух ты, какие глазищи... Ярчайший синий цвет, а ресницы для мужчины слишком длинные. Взгляд честнейший, из чего следует неопровержимый вывод: обладатель столь ясного взора, скорее всего, хитрюга, каких поискать. Рост высокий, но не особо, плечи широкие, шея жилистая. Вообще-то подобные головорезы слегка не в моем вкусе, но отказать этому подозрительному типу в своеобразном диковатом обаянии было трудно. Основное слово здесь — «диковатый». Мой неожиданный гость совершенно не вписывался даже в взбалмошную жизнь слушателя, а тем более — в размеренную тарантийскую. Зато был бы вполне уместен в каком-нибудь недоброй памяти Пограничье или захоластной полуночной Аквилонии. Что весьма убедительно подтверждал прислоненный к камину внушительный размеров меч в кожаных ножнах.

— Здравствуй, — наконец обрел дар речи незнакомец. — Я думал, ты еще спишь...

— Нет, — бодро заверила я и поинтересовалась: — Слушай, ты случайно не знаешь, откуда я тут взялась? Понимаю, что вопрос звучит нелепо, но в суматохе я как-то умудрилась позабыть, чем занималась вчера.

— Я тебя нашел на лестнице, — серьезно сказал гость. — Сегодня рано утром. Ты сидела на ступеньках и спала. Я хотел тебя разбудить, но... — Он красноречиво пожал плечами, и я фыркнула:

— Ясно. Судя по всему, я действительно потребовала, чтобы меня оставили в покое. Извиняюсь. Моя

благодарность безгранична, однако имеет материальные пределы. Одеждой я тоже обязана тебе? — Согласный кивок. — Могу вернуть, — я безмятежно взялась за подол.

— Не надо, — торопливо сказал незнакомец, слегка ошарашенный моими манерами, а точнее — полным отсутствием таковых. — Твои вещи все были грязные... Тут неподалеку есть одно местечко, мне там обещали, что все постирают и починят. Ты завтракать будешь?

Я озадаченно подняла бровь. Однако! Откуда такое благожелательное отношение к ближним и дальним своим? И, кстати, чем это пахнет? Приятный такой запах, как от скошенной травы, два-три дня пролежавшей под жарким солнцем...

Оборотнем пахнет, вот чем. Мой милейший собеседник принадлежит к роду Карающей Длани. Да что ж такое творится, откуда в Тарантии взялись оборотни? Им положено в Пограничье сидеть и носа оттуда не высовывать!

Наверное, гость что-то заподозрил и насторожился. Я прикинула расстояние до двери — не добегу. А вот до кресла и Шото на нем — вполне смогу. Если этому типу что-нибудь взбредет в голову, он об этом очень пожалеет...

Неизвестно, чем бы закончилось наше молчаливое противостояние, но тут ведущая в коридор дверь без всякого предупреждения распахнулась, и в комнату ввалился... Конан. Собственной персоной. Его Величество король Аквилонии пребывал в несколько раздраженном состоянии духа и зачем-то отпустил отвратительного вида окладистую бородку.

Мне стало нехорошо. В Зингаре есть такое поверье — если ты кого-то убил, причем без всякой необходимости и веских обоснований, то душа убитого будет преследовать убийцу вплоть до мига смерти последнего. Как утверждают, душе покойника не при-

ходится долго мотаться туда-сюда... Неужели и со мной это случилось? Что за чушь, не бывает такого! Или выживший после моего угощения двойник из дворца решил наведаться в Обитель Мудрости и потребовать ответа?

Я сделала шаг назад, потом другой и пятилась до тех пор, пока не уткнулась спиной в стенку. Мир упорно отказывался внять моим настойчивым просьбам — прекратить расплываться перед глазами, пре-вращаясь в сборище веселеньких цветных пятен.

— Уходи, — наконец выдавила я. — Ты умер. Я тебя убила. Ты больше не должен ходить по земле.

— По-моему, у этой девицы с головой не все в порядке, — авторитетно высказал свое мнение человек-оборотень, перебив мое жалкое лепетанье. — Я ее нашел сегодня утром, она на лестнице сидела... Наверное, к Роберу пришла. Что нам с ней делать, Конан? Конан, ты меня слышишь?

— Только в обморок не падай, ладно? — сказал киммериец, и в моей голове все встало на свои места. Конечно же, это настоящий Конан! Даже за столь краткий миг я успела отметить множество мельчайших отличий, которые создают неповторимый облик и манеры человека. И теперь с уверенностью могла отличить подлинного короля от подмененныша. Эти различия просто бросались в глаза, но для этого нужно было прожить несколько седмиц рядом с двойником, а потом воочию увидеть подлинник.

Но раз Конан здесь, то и Морадин наверняка где-то неподалеку...

— Да будет тебе известно — графиня Эрде никогда в жизни не теряла сознания и самообладания! — гордо сообщила я и отлепилась от стены. — Доброе утро, Ваше Величество! С благополучным возвращением домой!

— Все такая же язва, — с грустью констатировал Конан. Примолкший незнакомец-оборотень переводил

недоумевающий взгляд с меня на короля и обратно, пытаюсь разрешить сложнейшую задачу — кто кому морочит голову? — Честное слово, рад тебя видеть. Значит, ты смылась из дворца?

— Ага,— кивнула я. Язык категорически отказывался меня слушаться и продолжал болтать сам по себе: — Вообще-то не далее как сегодня ночью я пыталась тебя отравить. К сожалению для Аквилонии, неудачно. Похоже, твое ожившее второе Я или кто там эта тварь, совершенно невосприимчиво к ядам.

Конан недоверчиво хмыкнул. Повернулся к слегка растерянному оборотню и слегка ироничным тоном произнес:

— Знакомься, это Ринга... Как там бишь тебя?

Презрение киммерийца к любым титулам было мне отлично знакомо, а потому я вздохнула и послушно добавила:

— Графиня Эрде, баронесса Энден. С кем имею честь?..

— А... — Казалось, парень на миг забыл собственное имя. — Меня зовут Веллан, сын Арта. Я из Бритунии, то есть из Пограничья...

— Оно и заметно,— вполголоса заметила я и ободряюще улыбнулась человеку-полуволку: — Ладно, приятно познакомиться. Теперь же я очень хотела узнать следующее: во-первых, где мой муж? Во-вторых, что здесь происходит? И в-третьих, когда доставят завтрак? Кстати, позволю себе заметить — Конан, ты отвратительно выглядишь. Если бы мне предоставили выбор — целоваться с тобой или с медведем в зверинце, я бы предпочла медведя.

Оборотень по имени Веллан тихо захихикал. Конан смерил нас уничтожающим взглядом, резко повернулся и, не сказав ни слова, скрылся в дверях ванной комнаты. Через миг до нас донесся грохот перевернутого тазика и неразборчивое проклятье. Веллан откровенно расхохотался и насплетничал:

— К нему уже все с этой бородой пристают... Завтрак скоро будет, а где сейчас граф Эрде — мы не знаем. Он был вчера во дворце (я кивнула в знак того, что знаю), потом его видели в городе, а потом он бесследно исчез, прихватив с собой еще двоих наших. Но лично мне почему-то кажется, что граф в безопасности.

Мне так совершенно не казалось, но я ничего не могла поделать со сложившимися обстоятельствами. Что ж, утешимся тем, что отыскался настоящий король и с ним, насколько можно судить, все в порядке. Уже немало.

* * *

Я только успела вытянуть из пришедшего в себя и разговорившегося Веллана некоторые подробности пребывания Конана со товарищи в Пограничье и их появления в Тарантии, как в дверь постучали. Прибыл наш общий завтрак, принесенный двумя смешливыми девчонками-служанками, а также подозрительно знакомый мне черно-золотистый суконный сверток. Я немедленно схватила его, намекнула оборотню, чтобы посмотрел куда-нибудь в сторону, размышляя о вечном, и быстренько оделась. Известные умельцы (точнее, умелицы) сумели за утро вычистить и залатать мой изрядно загаженный охотничий костюм, так что теперь можно было без опаски показаться на улице. Почему-то городская стража Тарантии с неоправданным подозрением относится к шатающимся по городу личностям в драной одежде, заляпанной кровью.

За что люблю свое ремесло и избранный мной образ жизни — за невозможность предугадать, что случится завтра. Подумать только, совсем недавно я удостоилась чести побывать на королевском ужине во дворце, а сейчас сижу в комнатухе Обителю Мудрости и завтракаю опять же с королем. Правда, в пер-

вом случае монарх оказался поддельным, а во втором — настоящим. Такая вот маленькая, но весьма значительная разница.

Что нам принесли на завтрак — я не разобрала. Я больше слушала, нежели ела. Увлеченное повествование Конана и Веллана о нынешнем бедственном положении пестрого сборища искателя приключений поневоле подтвердило все мои худшие догадки. Эти герои, занявшись расправой с каким-то невероятным чудовищем, застряли в пещерах гномов под Граскаалем, и, если бы я, как и собиралась, добралась до Вольфгарда, у меня были бы все шансы встретить настоящего короля, а не подделку. Но так уж распорядилась судьба, и не нам оспаривать ее решения.

Дальнейшие приключения отряда Конана по пути из Пограничья в Аквилонию были вполне предсказуемы. Сия развеселая компания совершила все возможные ошибки, методично не пропустив ни единой (куда смотрел Моррадин!), и только в силу покровительства неведомых мне богов сумела добраться до столицы. Честно говоря, я так и не поняла, почему их не схватили сразу по эту сторону Немедийских гор или еще на границе Аквилонии и Пограничья. Вот уж воистину любимчики удачи!

В Тарантии удача, видимо, решила, что слишком долго им благоприятствовала. Компания рассыпалась по городу и теперь не имела представления о том, где кто находится. Двое прятались в Обители Мудрости, четверо, включая и моего мужа, затерялись где-то в столице, один попался и ныне пребывал то ли в Железной башне, то ли под замком во дворце.

Выслушав все это, я открыла было рот, чтобы высказать Конану все, что думаю по поводу их бестолковости, неумения действовать согласованно и лично о его способностях как командира. Потом на миг задумалась... и промолчала. Что, собственно, я могу ему сказать? Я, между прочим, допустила не меньшее чис-

ло ошибок: слишком поздно сообразила, что имею дело с двойником, и подняла изрядную шумиху во дворце. Теперь меня наверняка разыскивают, число караулов во дворце возросло вдвое, если не втрое, а наученный горьким опытом подменыш будет настороже. Так что нечего корчить из себя никогда не ошибающегося лазутчика.

Кроме того, те времена, когда я могла непререкаемым тоном давать Конану указания и позволять себе пропускать мимо ушей его возражения, давно миновали. Будем все-таки помнить, кто из нас нынче король, а кто всего лишь скромная графиня, вдобавок подданная соперничающей страны.

— С ума сойти! — оказывается, от внимания Конана не ускользнул краткий миг моего внутреннего единоборства. — Глазам своим не верю, неужто тебе нечего сказать?

— Конечно, есть. — Я равнодушно пожала плечами. — Хочешь послушать, как я умею ругаться? Не беспокойся, с тобой мне все равно не сравниться. И какой от этого толк? Давайте лучше соображать, как бы вернуть все на законные места. Есть предложения, месьоры?

Ответа не последовало. Оборотень, кажется, изначально признавал за Конаном право единолично распоряжаться, а самого варвара изрядно озадачили произошедшие во мне перемены. Раньше я бы действительно напустилась на него с обвинениями — обоснованными и не слишком. Но то было раньше, пятнадцать лет назад. Как выражаются высокоученые месьоры философы, времена меняются, и мы меняемся вместе с ними.

Конан неожиданно встал, отодвинув скрипнувший стул, и вышел из комнаты в коридор. Я вопросительно покосилась на Веллана — оборотень продолжал безмятежно расправляться со своим завтраком. Через миг снова раздался стук двери, на этот раз закры-

вавшей. Представления не имею, зачем киммерийцу понадобилось куда-то уходить и тут же возвращаться. Разве только ему послышалось снаружи нечто подозрительное.

— Что?..— заикнулась было я. Конан не дал мне договорить, присев за стол и сделав нам знак подвигнуться поближе.

— В соседней комнате дрыхнет наш вероятный шанс изрядно подпортить жизнь этой твари во дворце,— вполголоса проговорил варвар. Я состроила удивленное лицо, всем своим видом потребовав более подробного объяснения.— Мы тут кое-что придумали. План, конечно, рискованный, но другого пока нет...

Чудеса наяву продолжались. Конан и его приятели явно задались целью удивить меня на всю оставшуюся жизнь. Я всегда подозревала, что эта компания способна преподнести самые невероятные сюрпризы, но такого, признаться, ожидала меньше всего.

Оказалось, что Конан самостоятельно разыскал моих таинственных заговорщиков. Тех самых, что почти две луны назад самоуверенно попытались расправиться с ним в маленьком аквилонском городишке. Правда, он еще не встречался с ними всеми, но знал их предводителя. Я мысленно открыла рот от удивления, услышав имя. Аскаланте, герцог Тьерри! А мы-то были уверены, что после удаления от двора он тихо-мирно сидит в своем имении где-то в Боссонии, выращивая цыплят, создавая мемуары или чем там полагается заниматься опальным дворянам? И он наверняка действует не в одиночку, а вкупе с преданными ему людьми. Причем, как мне точно известно, кое-кто из его сообщников на вполне законных основаниях обитает во дворце.

На закуску мне преподнесли еще парочку ошеломляющих новостей, одна другой любопытнее. Месьоры заговорщики с похвальным упрямством решили

довести начатое дело по изведению нового аквилонского правителя до конца. Сей конец по их замыслу должен был наступить не далее, как завтра, точнее уже грядущей ночью. Они собирались не больше, не меньше, как проникнуть во дворец и прикончить того, кого они с полным на то основанием считали королем.

Для окончательного завершения картины в силу поистине божественной случайности Конан и его компаньон из Пограничья изловили подлинного устроителя заговора, прибывшего полюбоваться на завершение дела рук своих. Когда Конан перешел к изложению финальной части этой захватывающей истории, меня начал душить неудержимый смех. Обычай заговор, как в правящих домах случается двенадцать на дюжину в течение года, усилиями многочисленных участников превращался в что-то невероятное, больше напоминавшее развеселое представление в уличном балагане.

Итак, Конан и Веллан этой ночью случайно изловили не кого иного, как Страбонуса, короля Кофийского, не совсем обычным путем пожаловавшего в Тарантию прямиком из Хоршемиша. Склонный подозревать всех и вся Страбонус, немедленно решил, что аквилонские сообщники его предали, а верный варварским привычкам Конан явился разбираться во всем самолично. Чрезмерно хитроумная парочка монархов старательно заморочила друг другу головы, после чего Конан умудрился заключить самую потрясающую сделку в своей жизни — обменял жизнь Страбонуса на собственную корону. Осознав до конца эту незамысловатую истину, я не выдержала и тихонько захихикала.

— Уроки цивилизации не прошли для тебя даром,— заявила я, отсмеявшись.— Вряд ли кому-то удалось столь изящно все запутать и использовать в своих целях даже заговор против трона.

Конан немедленно состроил до отвращения самодовольную физиономию и продолжил:

— В общем, это сборище благородных придурков всерьез намеревается сегодняшней ночью отправить меня к Нергалу. Интересно будет взглянуть, как это у них получится. Затем убитого короля сменит двойник — то бишь я...

К моему фырканью присоединился Веллан, которого, похоже, ужасно забавляло все происходящее.

— ...А через луну-другую король отречется от власти за скудостью ума и полнейшей неспособностью управлять государством, — невозмутимо завершил Конан изложение плана, порожденного изощренным умом загнанного в угол кофийца. — Здорово?

— Бесподобно! — искренне признала я. — Конечно, если стряется хоть малейшая неточность или неувязка, ваше грандиозное предприятие рухнет. Но для чего существуют на свете такие полезные люди, как друзья и соучастники? Мы присмотрим, чтобы все шло гладко и без малейшей задоринки. Слушай, а где сейчас Страбонус, если не секрет?

— Я же сказал — дрыхнет в соседней комнате, — со смешком ответил Конан. Предел моих способностей удивляться уже был давно достигнут, потому я просто приняла эту новость к сведению. — Мне показалось, так будет безопасней. Кстати, ты с ним случайно не знакома? Я имею в виду, лично?

— Знакома. — Я кивнула. — Не беспокойся, он наверняка меня не вспомнит и не узнает. А если заинтересуется, кто я такая, скажем правду — графиня Эрде из Немедии. Жила при дворе, угодила в опалу, была вынуждена бежать и укрылась в Обители Мудрости. Если у них есть доверенный человек во дворце, он подтвердит, что все так и было.

Мне действительно доводилось бывать в блистательном Хоршемише, при дворе Страбонуса, причем неоднократно. Впервые я появилась в Кофе в самом

начале правления нынешнего монарха, а потом навещала туда каждые два-три года. Полагаю, излишне говорить, что каждый раз мои визиты не приносили правителю Кофа ничего хорошего. Немедии вовсе не требовался столь воинственный и непредсказуемый сосед. Там же, в кофийской столице, я как-то мельком, уже через несколько лет после нашей первой встречи, видела и Конана — в те времена он небезуспешно исполнял роль сотника отряда наемников. К сожалению для кофийцев, варвар и его люди решили поддержать затевающийся в стране мятеж против Страбонуса, и, если бы не отдельные обстоятельства, правитель Хоршемиша вполне мог лишиться короны, да и головы заодно. Страбонусу тогда повезло, а Конану — не очень. Думаю, ни тот, ни другой не успели позабыть эти не столь давние события. А теперь они союзники, пусть и невольные... Чего только не случается в жизни!

— Не признает — это хорошо, — протянул Конан и каким-то незнакомым мне сухим тоном осведомился: — А этот... второй, он что, действительно настолько похож на меня, что не отличить?

— Да, — была вынуждена признать я.

Король раздраженно скривился, но больше не успел ничего спросить — уединение нашей маленькой компании было бесцеремонно нарушено.

Давненько на мою долю не выпадало настолько брезгливого взгляда. Подобной сомнительной чести удостоился и Веллан, однако этому питомцу лесов Пограничья было в высшей степени наплевать, кто и что о нем думает.

Если бы понадобилась натура для живописного изображения чувства Презрения, то вряд ли удалось отыскать лучший образчик, нежели выражение лица Его кофийского величества Страбонуса нынешним утром. Похоже, у него вызывало раздражение все: более чем непритязательная обстановка жилища слу-

шателей в Обители, вынужденная необходимость пребывания в таковом жилище, а в особенности — мы. Я вполне могу его понять — после роскоши Хоршемиша очутиться в настолько не приспособленном для проживания царственных особ месте, как Обитель Мудрости, да еще в обществе Конана... Поневоле обозлишься.

Стоило кофийцу войти в комнату и окинуть нас ледяным взглядом, как мы немедленно замолчали. Не только потому, что не хотели посвящать его в наши маленькие тайны, но еще оттого, что в присутствии этого человека невольно хотелось втянуть голову в плечи и забиться в какой-нибудь угол. Я отметила, что за минувшие пять или шесть лет Страбонус внешне почти не изменился — те же резковатые черты узкого лица, те же манеры человека, с детства привыкшего к беспрекословному повиновению окружающих. Последствия этой впитавшейся в кровь привычки тут же дали знать о себе.

— Это еще кто? — холодно осведомился Страбонус, небрежным кивком указывая в мою сторону.

За что искренне уважаю Конана, так за умение тут же придумывать правдоподобные ответы или беззастенчиво врать, глядя прямо в глаза собеседнику.

— Моя старая знакомая, — без всяких задержек и раздумий сказал киммериец. — Можешь ей доверять.

На сей раз мне достался более пристальный и изучающий взгляд, и даже процеженное сквозь зубы «Доброе утро». После чего правитель Кофа счел долг вежливости полностью выполненным и без всяких предисловий перешел к делу.

— Мне нужен человек, который знает город и умеет держать язык за зубами, — невозмутимо потребовал Страбонус. Если он надеялся, что такого человека ему тут же доставят, то здорово ошибался.

— Зачем? — немедленно спросил Конан.

— Отнести весточку, — с неохотой буркнул Страбонус. — Ты же знаешь, я хотел собрать сегодня днем всех моих людей. Аскаланте предупрежден и будет нас ждать, но кое-кому потребуется отдельное напоминание.

Конан вопросительно посмотрел на нас. Оборотень незаметно пожал плечами и построил разочарованную физиономию — готова поспорить на что угодно, он не слишком хорошо представлял расположение кварталов и улиц столицы Аквилонии. Кроме того, я подозревала, что двум правителям необходимо обсудить кое-что без присутствия любопытных ушей. Велл не в счет, а вот я была лишней. Что ж, зато я могу заняться другим, не менее важным и интересным делом. Вдобавок мне требуется поразмыслить и желательнее в одиночестве.

— Давайте я схожу, — осторожно предложила я. — Куда?

* * *

Выйдя из дома для слушателей, я облегченно вздохнула. Конечно, я наверняка упускаю возможность разузнать нечто любопытное о предстоящем вскоре перевороте, но длительное пребывание в одном помещении с месьером Страбонусом почему-то наводило на меня беспричинное уныние. Так что я с радостью предоставила это сомнительное удовольствие Конану и Веллану, а сама отправилась на другой берег Хорота, разыскивать пятый дом на улице Золотых Монет в квартале Садов. Мне еще пришлось выдержать приглушенный, но от этого не ставший более сдержанным спор о том, можно ли меня в одиночестве выпустить в город, затем убедить Конана в том, что я не попадусь первому же встречному патрулю и клятвенно пообещать не привлекать излишнего внимания. Мысленно я посмеялась над ситуацией, однако вынуждена была признать, что требования Конана были

вполне справедливыми. Сейчас я не имела права попадаться.

Потому мне пришлось для начала миновать занимающие пару кварталов здания Обители Мудрости, перебраться через стену, пройти по набережной до Нового моста и только там пересечь реку. Я оказалась довольно далеко от требуемой цели, забредя в какой-то старинный квартал, отличавшийся изрядной запутанностью и множеством узких непредсказуемых переулков. Миновав его, я вышла к Зеленым Садам — обиталищу самодовольных владельцев замшелых от древности фамилий и толстых кошельков.

Улица Золотых Монет тянулась от набережной в сторону видного отсюда королевского замка, нужный мне дом прятался где-то в глубинах квартала. Я шла по почти безлюдному широкому проезду, мощенному светлым камнем, и размышляла. Размышления мои были по большей части невеселые и посвящались событиям грядущей ночи. Нет сомнения, заговорщики смогут выполнить первую часть своего плана — проникнуть во дворец и добраться до покоев короля. Но кто может сказать или хотя бы предположить, что произойдет дальше? Их встретит существо, обладающее всеми навыками и знаниями Конана, а, следовательно, и подобием его характера. Как бы поступил киммериец, обнаружив, по его собственному выражению, «шайку недоумков», явившуюся покончить с ним?

Значит, наверняка завяжется схватка. Стоило мне мысленно представить эту сцену, как я начинала изрядно волноваться: если это загадочное существо невосприимчиво к действию яда, то разве можно поручиться, что для него будут опасны клинки? Представим худшее — двойнику удастся расправиться со своими убийцами, и кто тогда оказывается перед ним? Настоящий Конан, Морадин (если мой муж сумеет к тому времени присоединиться к нам), Велл (если за-

говорщики сочтут возможным взять с собой еще одного человека), я... Что мы сможем ему противопоставить? Почти что ничего — воинское искусство да немного обманной магии. Представления не имею, как подействует на подменыша мой Дар. Может быть, он вообще не заметит, что на него пытаются воздействовать колдовством. Хотя...

Я замедлила шаг и озадаченно уставилась на облетевшие сухие листья под ногами. Мы даже предположить не могли, откуда взялось это существо, но я твердо верила — к людям оно не имеет никакого отношения. Если же оно не человек, тогда кто? Ответ один — магическое создание! Неважно чье, главное, что в его возникновении и существовании повинно непонятное волшебство. Как уничтожить, например, прорвавшегося из своего мира в наш злобного демона? Либо произнести заклинание, разрушающее его телесное воплощение, либо воздействовать на создание Тьмы чем-то, чего оно боится, — холодным железом, серебром, на худой конец, обыкновенным осиновым колом... Чего может бояться двойник Конана?

Тут мои мысли опять зашли в тупик, и я в который раз пожалела, что толком не разбираюсь в магии. В отряде киммерийца был волшебник, настоящий волшебник из Стигии, но, как назло, он куда-то запропал вместе с Морадином. Мои же познания в этом таинственном предмете были весьма поверхностны. Я могла почувствовать присутствие наделенного колдовскими свойствами предмета или понять, что где-то неподалеку совершается магический обряд, но была не в состоянии заставить работать даже самое простенькое заклинание. Дар не в счет, он у меня от рождения, а не развившийся в ходе учебы и долгих упражнений.

И все же я никак не могла расстаться с этой идеей — попробовать натравить на подменыша некое

существо, подобное ему и не имеющее отношение к миру людей. Только где такое раздобыть? Не в храм же Митры идти — мол, помогите, наколдуйте что-нибудь! Вдобавок, магия жрецов Солнечного бога светлая, обращенная на помощь людям, а я хотела бы заполучить на время в свое распоряжение какое-нибудь жуткое и клыкастое создание из числа злобных демонов. У туранского Темного Аримана в свите есть такой, называется Шебла — Исторгатель Душ...

Я поймала себя на том, что всерьез размышляю, куда бы мне обратиться за помощью в вызове демона, и решительно велела прекратить забивать голову ерундой. У меня на руках заговор, который вот-вот перейдет в свою завершающую стадию, по меньшей мере два короля, искренне недолголюбивающие друг друга, но вынужденные стать временными союзниками, да еще и собственный муж потерялся неизвестно где! Оставим лучше магию колдунам, а сами займемся делами брэнной реальности. Вдобавок я уже пришла к нужному дому. Вот он, обнесенный высоким забором из чередующихся красноватых и желтых камней, за которым виднеются макушки облетевших деревьев.

Массивные ворота были закрыты, так что я подергала за свисающую размочаленную веревку, услышала далекий звон колокольчика и стала терпеливо ждать. Попутно я мысленно перебирала все, что мне было известно о человеке, которому было адресовано послание короля Страбонуса.

Дион, герцог Креус. Чистокровный аквилонец, троюродный брат короля Вилера по мужской линии и, следовательно, прямой «наследник Эпимитриуса». Довольно молодой — около тридцати лет. При Нумедесе вел себя тише воды, ниже травы, не участвовал ни в каком из многочисленных дворцовых комплотов — то ли из крайней предусмотрительности, то ли просто из трусости. Последнее вероятнее; во всяком

случае, доклады наших лазутчиков в Тарантии единодушно характеризуют этого человека как «нерешительного» и «полностью неспособного к самостоятельным действиям». Наверное, поэтому Аскалант и решил использовать его в своих замыслах. Замечательная марионетка — безропотная, пугливая и, что немаловажно, из династии Эпимитреев. Аквилонское дворянство просто помешано на этой пресловутой «чистоте крови» и по большей части ненавидит Конана не за его распоряжения и действия, а именно за происхождение.

Не сомневаюсь, что Дион как огня боится Аскаланте и вряд ли решится на измену или отступление от намеченного плана действий. Скорее всего, именно последние распоряжения относительно этого плана мне и поручено доставить. Всю дорогу меня подмывало взглянуть, что содержится в послании Страбонуса, но я не стала вскрывать запечатанный сверток. По большому счету, это уже не имело решающего значения — Дион не слишком значимая фигура среди заговорщиков, вряд ли Страбонус решил в последний момент поручить ему нечто важное. Да и вообще, менять в последний миг что-либо в уже готовом плане — вредить самим себе.

Любопытно, если бы усилия заговорщиков увенчались успехом — долгим ли стало правление короля Диона? Мне почему-то кажется, что нет. И сгубили бы его не немедленно вспыхивающие при смене любой власти волнения черни и дворянства, а собственные «благодетели» — Аскаланте и иже с ним. Дион сам-то хоть это понимает или настолько пребывает под влиянием графа Тьерри, что беспрекословно выполняет все его указания?

...За воротами по-прежнему стояла мертвая тишина, и я еще раз нетерпеливо подергала за конец веревки. Где-то неподалеку за стеной (скорее всего, в сторожке привратника) отчаянно забрякал колоколь-

чик. Я прислушалась — вот хлопнула дверь, зашкрипели по устилающим въездную дорожку мелким камешкам шаги, и крайне недовольный голос поинтересовался, кто там трезвонит.

— Гонец к его светлости с посланием! — сердито ответила я. — Открывай быстрей!

Решивший проявить бдительность страж попытался самоуверенно выяснить, от кого гонец и с какой целью прибыл, но я пресекла это намерение в зародыше, прикрикнув на возящегося с замками привратника. Не хватало еще объяснять каждому встречному, чье письмо спрятано в моей поясной сумке. Вдобавок мне совсем не нравилось торчать перед закрытыми воротами посреди улицы в тщательно охраняемом богатом квартале.

К сожалению, сторож поленился распахивать створки ради такой малозначащей особы, как гонец. Мне пришлось протискиваться в узкую щель. За воротами, как водится, начинался обширный и немного запущенный сад, а между черными стволами деревьев виднелись очертания просторного дома.

Из расплывчатых указаний привратника следовало, что мне надо пройти через сад, постучаться в парадную дверь, а если не откроют — обойти фасад слева и повторить попытку, но уже у другой двери, предназначенной для слуг.

«Каков хозяин, такова и свита», — философски подумала я, шагая по засыпанной подмерзшими листьями дорожке к дому. Поднялась, как мне и было сказано, на крыльцо в три ступеньки, трижды стукнула тяжелым кольцом, зажатым в пасти позеленевшего бронзового льва, по створкам, и снова стала терпеливо ждать.

На этот раз дело пошло быстрее. Я только успела медленно досчитать про себя до двадцати, как дверь распахнулась. После недолгого, но на редкость занудного выяснения, кто я и что мне здесь надобно, меня

провели в небольшую, слишком жарко натопленную и пропахшую резким запахом сандала комнатку, и оставили в одиночестве. Мол, раз я не могу вручить письмо никому, кроме его светлости, то придется подождать — их светлость как раз сейчас чрезвычайно заняты. А как освободятся, так сразу придут. Или не сразу. В общем, сиди и жди.

Я пожала плечами, бесцеремонно устроилась в обитом порыжелым бархатом кресле и попыталась вообразить, что я — каменная статуя и убегающее время не имеет для меня совершенно никакого значения. Не получилось — как ни стараюсь, не могу долго усидеть на одном месте. Тогда я решила прогуляться по комнате и посмотреть, что здесь и как.

Помещение мне не понравилось с первого взгляда. Слишком тесное и излишне роскошное для непритязательной приемной. А количество различных безделушек, беспорядочно расставленных на камине и на полках, повергло меня в легкое изумление. Вдобавок, в этом доме явно не злоупотребляли уборкой, в чем я убедилась, слегка проведя пальцем по мраморной каминной полке. Но все-таки — к чему такое собрание различной мелкой ерунды? У хозяина что, безумная страсть к их собиранию? Конечно, обнаружились и две-три по-настоящему ценные вещицы, однако в большинстве коллекцию составляли непритязательные поделки из числа тех, что можно приобрести в Обители Мудрости или в любой лавочке, торгующей привозными редкостями и древностями.

Я оглядела разномастное собрание безделиц и пришла к выводу, что оно не представляет из себя ничего любопытного. Подошла к двери, осторожно приоткрыла створки и высунулась наружу — тихо. Его светлость герцог Дион отнюдь не спешил повидать прибывшего к нему гонца. Долго мне еще здесь сидеть? А если в Обители Мудрости за время моего отсутствия что-нибудь стряслось?

«Перестань,— одернула я себя. — Что там может произойти? Ты начинаешь воображать себя совершенно незаменимой, а это не доводит до добра».

Тревога не проходила. Пытаясь отвлечься, я пересчитала безделушки, поменяла некоторые из них местами, отчего их расстановка приобрела смутные черты порядка и логичности, и вдруг заметила отодвинутую в самый угол резную шкатулку темного дерева. Почему-то мне захотелось взять ее в руки и рассмотреть поближе — вещица казалась по-настоящему старинной и хорошо сработанной. Оглянувшись на двери и удостоверившись, что из коридора не доносится приближающихся шагов, я аккуратно сняла коробку с полки. Пыли на ней не было — значит, ее поставили сюда не слишком давно. Я повертела ее так и сяк — действительно, подлинная офирская работа, на крышках и стенке вьются резные виноградные листья. Отыскалось даже полустершееся клеймо мастера, и я немедленно возгордилась тем, что правильно определила место изготовления шкатулки.

Вещица была довольно легкой, но мне показалось, что внутри нее что-то перекачивается. Я осмотрела крохотную скважину замка, хмыкнула, подумав, что занимаюсь ерундой, затем вытащила самую маленькую из имевшихся у меня отмычек и слегка повертела ею в замке. Почти неслышный щелчок, крышка откидывается, а моему взгляду предстает лежащий на бархатном дне тускло блестящий предмет. Предмет настолько неожиданный, что я, кажется, даже открыла рот от изумления. Не вполне доверяя своим глазам, я осторожно потыкала в содержимое шкатулки пальцем. Твердое, холодное и вполне осязаемое, а значит — настоящее.

Только как оно могло очутиться здесь, в сердце Аквилонии, в доме ничем не примечательного вельможи?

Я, не выпуская шкатулку из рук, на цыпочках подошла к дверям и выглянула наружу. Никого. Боги, сделайте так, чтобы в течение хотя бы ближайшей четверти колокола ни одна живая душа в доме не вспомнила о моем существовании!

Вещь, хранившаяся в резной деревянной коробочке, была кольцом. Огромным (оно налезло бы сразу на два моих пальца), выкованным из желтоватого металла, похожего на медь, и изображавшим змею, трижды обернувшуюся вокруг невидимой опоры и кусавшую себя за хвост. Древнейшее, оставшееся еще от кхарийцев, олицетворение бесконечного времени: три кольца — прошлое, настоящее и будущее, соединяющиеся в замкнутый круг. Позже стигийцы превратили равнодушную к делам смертных и богов Змею Времени в олицетворение Темного Сета; первоначальное же значение символа благополучно забылось.

Какое-то время я растерянно разглядывала крошечные чешуйки на спине змеи и сверкающие острые грани алых камней, изображавших ее глаза. Мне было знакомо это кольцо, так же как и его подлинный владелец. Да что говорить — в начале этого года я и еще десяток человек приложили все возможные усилия, дабы разлучить перстень и его носителя. Наш замысел удался, однако мы заплатили за успех тремя жизнями и моим вынужденным заточением в Ианте.

Кольцо оказалось в наших руках, а его владелец, изрядно скомпрометированный в глазах братьев по ремеслу, был вынужден бежать за пределы своей родины. Я понятия не имела, куда его занесло, но не сомневалась, что вскоре он снова даст о себе знать. Перстень же мы намеревались либо надежно спрятать, либо уничтожить. И в том, и в другом случае его бывшему владельцу пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы вернуть свое сокровище или раздобыть вещь, сравнимую по свойствам.

Однако наш тщательно продуманный и уже почти осуществленный план разрушила досадная случайность, которую не в силах был предусмотреть никто. Человека, который, сам не подозревая об этом, должен был доставить драгоценное кольцо в Бельверус, по дороге обокрали. В числе похищенного оказался и перстень. Мы попытались выследить похитителя, обшарили все ювелирные лавки в Ианте и Асгалуне, трясали напуганных перекупщиков, но кольцо как сквозь землю провалилось.

И вот спустя почти год я снова смотрю на него.

Собственно, ценность этой вещи заключалась вовсе не в редкости материала, из которого ее создали, и не в мастерстве неведомого изготовителя. Для нас, людей из Вертрауэна, массивное желтоватое кольцо в виде свернувшейся змеи было надежным залогом того, что его весьма опасный владелец не учинит в ближайшем будущем каких-либо неприятностей. Ибо эта вещь обладала огромной магической силой, а ее хозяин был не последним колдуном среди Черного Круга Стигии. Честно говоря, я не без оснований полагала, что он был там первым, и именно в силу этого обстоятельства навлек на свою голову столько бедствий. Занимался бы он лучше магией, а не совался в высокую политику...

В общем, кольцо некогда принадлежало неизвестному Тот-Амону, сыну Мин-Кау, уроженцу Сухмета. И как это Диона угораздило его купить? Неужели он не заметил, насколько опасна эта вещь? А вдруг он вообще не подозревает, что в его доме хранится похищенная собственность одного из самых могущественных магов стран Заката и Полудня? Тогда я могу ему только посочувствовать...

Встает законный вопрос — как теперь быть? Оставить все как есть, положить перстень на место и смиренно дожидаться появления их светлости, герцога Диона? Или запереть шкатулку, внутри которой отныне бу-

дет пустота, и вернуть ее на полку? Не имеет особого значения, как кольцо попало сюда, важно, что произойдет с ним дальше. Я не могу его оставить — слишком много сил было потрачено, чтобы отобрать у Тот-Амона символ его власти, дающий возможность распоряжаться колдовскими созданиями, и я чувствовала свою ответственность перед теми, кто погиб, добывая эту зловещую вещь.

Еле слышные приближающиеся шаги в коридоре окончательно убедили меня в правильности выбранного решения. Я захлопнула шкатулку, торопливо сунула тяжелый перстень во внутренний карман и даже успела придать своему лицу покорно-скупящее выражение неприятельного посетителя, терпеливо дожидаящегося аудиенции.

...Претендент на корону Аквилонии оказался именно таким, как описывали его наши конфиденты. Слишком рано огрузневшая фигура, холеное, но изрядно обрюзгшее лицо, и какой-то подозрительно отсутствующий взгляд, равнодушно скользящий поверх предметов и собеседников. Я уже не раз встречала людей с похожими глазами, и всякий раз выяснялось одно и то же — они были верными поклонниками доставляемого из Стигии, Турана или Кхитая дурманящего порошка из измельченных листьев лотоса. И этого человека Аскаланте собирается посадить на Трон Льва!

Не сомневаюсь, что по истечении колокола герцог Дион с огромным усилием бы припомнил, что к нему приходил какой-то гонец. А уж описать этого посланника он бы не смог, даже приложив все возможные усилия. Я для него не слишком отличалась от предмета обстановки приемной, только что говорить умела.

Я без запинки отбарабанила свое поручение, завершив его эффектным извлечением письма с вручением его адресату и гадая про себя, является ли подоб-

ное состояние для Диона обычным или он таким образом пытается отогнать мысль о том, что произойдет в коронном замке сегодняшней ночью и какую роль (вольно или невольно) ему предстоит во всем этом сыграть. Герцог сломал печать, развернул хрустнувший свиток и безучастно просмотрел несколько торопливо набросанных строк. Ему не пришло в голову, что предварительно надо было выставить меня за дверь или хотя бы держать пергамент повернутым к себе. Благодаря непредусмотрительности его светлости я без особых хлопот смогла ознакомиться с письмом Страбонуса и мысленно кивнула — послание было самым обыкновенным. Тому, что кофеец слегка сплутовал, я уже не удивилась, ожидая чего-то подобного. Страбонус не звал герцога Диона на общий совет; наоборот, он настоятельно требовал от их светлости оставаться дома и ждать, обещая даже прислать попозже своего человека — присматривать за порядком и не позволять хозяину дома впадать раньше срока в отчаяние.

Тем лучше для нас. Вряд ли присутствие герцога Креуса как-то скажется на совете, где общий тон всему задают Страбонус и Аскаланте. Пусть и в самом деле сидит дома, глядишь, избежит общей плачевной участи всех заговорщиков. В том, что ждущая их участь будет весьма и весьма прискорбной, я не сомневалась.

Покончив с чтением краткого письма, Дион наконец-то обратил внимание на мое присутствие. Мне вполне королевским жестом указали на дверь; правда, труды гонца не остались не вознагражденными.

Выйдя за ворота пятого дома по улице Золотых Монет, я посмотрела на блестящий светлый кругляшок, зажатый в ладони. Ползолотого старой, еще Нумидидесовой, чеканки. Расскажу потом Мораддину, будет над чем посмеяться — Ищейка заработала целых ползолотого, разнося письма заговорщиков! По-

жалуй, я не буду его тратить, а сохраню — как память об этих непостижимых временах.

Но из дома герцога Диона я унесла еще кое-что. Тяжелый перстень болтался в кармане, не позволяя ни на миг позабыть о себе, и я озадаченно подумала: украсть-то я его украла, однако ума не приложу, что мне с ним делать дальше. Использовать по назначению, то есть для создания заклинаний, я не смогу — на это способен только его подлинный хозяин. Впрочем, меня весьма радовало само обстоятельство, что отныне я точно знала местонахождение кольца Тот-Амона — в моем внутреннем кармане, вшитом с правой стороны камзола. Не одному Конану везет в жизни на счастливые случайности!

* * *

Разумеется, пока я навещала квартал Зеленых Садов, в доме для слушателей Обители Мудрости не произошло ничего из ряда вон выходящего. Я вернулась в середине дня, около третьего или четвертого колокола, и застала в комнате, как выражается мой муж, «полнейшее благолепие».

Его Величество Страбонус Кофийский сидел в кресле перед потрескивающим камином и, судя по всему, изрядно скучал, рассеянно листая толстенную книгу в потрепанной обложке. Сей фолиант, видимо, был позаимствован у месьоров слушателей. Конан и Веллан разжились где-то несколькими кувшинами, в которых что-то многообещающе булькало, а также деревянным стаканчиком с костями. Однако было нетрудно заметить, что игра ведется без привычного азарта — только заради того, чтобы заняться чем-нибудь.

В общем, я поняла, что пришла вовремя — подобное вынужденное бездействие до добра не доводит.

— Явилась наконец, — буркнул Конан, когда я закрыла за собой дверь. — Только за смертью тебя хоро-

по посылать... Так мы идем или нет? — Этот вопрос был уже обращен к оторвавшемуся от книги Страбону.

— Идем. — Кофиец неохотно поднялся с кресла и выразительно покосился в сторону окна.

Даже мутные стекла были не в силах задержать льющийся поток холодных лучей зимнего солнца, и намек был яснее ясного: не опасно ли четверем людям, троих из которых усиленно разыскивает городская стража, в самый разгар дня так запросто разгуливать по улицам? Но я ушла и вернулась, и, поскольку старалась придерживаться самых малолюдных улиц, никто не сделал даже попытки меня остановить. Если сейчас мы поступим так же, скорее всего, дойдем благополучно.

Вот уже третий раз за день мне пришлось перебираться с одного берега Хорота на другой. Пока мы шли через мост, я вполголоса рассказывала Конану о своем визите к герцогу Диону, а сама думала — стоит ли делиться с киммерийцем историей о моей странной находке? Настоящее магическое кольцо — вещь не из тех, что валяются на каждом углу, и его нахождение в доме Диона что-нибудь да означает. Только какая нам от него польза? Разве что в крайнем случае продадим какому-нибудь любителю древностей, а если все закончится благополучно — доставлю в Бельверус, пусть хранится в собрании диковин, попавшихся тайной службе.

Конан выслушал мой рассказ молча, не задав ни единого вопроса, и я поняла — после завершения нынешних эскапад герцогу Креусу придется принять участие в множестве весьма неприятных бесед. Не удивлюсь, если начало следующего года их светлость будут встречать либо в Железной башне, либо в каком-нибудь отдаленном загородном поместье.

...До дома Аскаланте мы добрались без всяких досадных приключений. И впустили нас незамедлитель-

но — створки распахнулись едва ли не за миг до того, как Веллан собрался дернуть бронзовое кольцо на двери. Мы еще в Обители Мудрости договорились о том, как вести себя, и труднее всего было убедить Конана в том, что единственный раз в жизни ему придется помолчать и предоставить ведение переговоров кому-то другому. Точнее, Страбону. Роли, отведенные мне и Веллану, тоже были довольно скромными — присутствовать, а в случае непредвиденных обстоятельств словесно и физически поддерживать все действия Конана и Страбона. Задача кофийца была самой трудной — убедить Аскаланте, собаку съевшего в интригах и кознях, а потому крайне недоверчивого, и его сообщников в том, что в план заговора будут внесены некоторые изменения.

Нас проводили по мрачно-торжественным коридорам в комнату для приема гостей, сообщив, что герцог Тьерри ожидает нашего появления. Не знаю, как остальные, а я слегка волновалась — как и положено собаке-ищейке, наконец-то распутавшей все головоломные следы и вышедшей прямо к заманчиво пахнущей лисьей норе.

Высокие двустворчатые двери черного дерева с медными украшениями распахнулись, и я убедилась, мои предчувствия были не пустым звуком. Правда, увиденное нами относилось скорее к редкому в нынешние времена разряду хороших новостей, и я на всякий случай прошипела на ухо Конану: «Мы не знакомы». Это, конечно, было излишней предосторожностью — он и сам догадался, но я предпочла не рисковать.

Хозяин дома, месьор Аскаланте, пока отсутствовал. Зато за столом, внимательно разглядывая какой-то пространственный и запутанный чертеж, сидел не кто иной, как граф Эрде. Что-то наша с ним семейная традиция неожиданных встреч стала приобретать характер пугающей закономерности...

Рядом с Мораддином стоял смутно знакомый мне молодой человек — не слишком красивое, но, что называется, «породистое» лицо, карие глаза с плохо скрываемой хитринкой, светло-каштановые волосы. Он-то меня явно знал, а вот я его вспомнила только после некоторого усилия.

Правильно, мы виделись не далее, чем вчера — в королевском замке. Я еще так необходимо ответила на его приветствие. Это же Хальк, месьор королевский библиотекарь, в чьем обширном хозяйстве я уже успела многократно покопаться за время вынужденного пребывания во дворце Тарантии. Он-то как здесь оказался и какое имеет отношение ко всему происходящему?

Присутствию Мораддина я почему-то не удивилась. В глубине души я глубоко уверена, что мой муж обладает загадочной способностью без особых усилий проникать в самый центр любой намечающейся заварушки, причем все заинтересованные стороны искренне полагают его своим надежным союзником. И испытывают страшное разочарование, когда выясняется, что в их сплоченных рядах пребывал лично начальник Вертрауэна.

Последовал миг всеобщего замешательства — мы все меньше всего ожидали подобной встречи. Затем Мораддин поднялся из-за стола, кратко кивнул моим спутникам и обратился ко мне: «Здравствуй, дорогая, рад тебя видеть.»

Я была бы очень благодарна судьбе, если общий совет заговорщиков отодвинулся на время, достаточное мне, Мораддину и Конану для того, чтобы поговорить и выяснить общее состояние наших дел, но этого, к сожалению, не случилось. Почти сразу за нами в комнату вошел герцог Тьерри, вместе с которым пожаловали низкорослый горбун с настолько пронизывающим взглядом глубоко посаженных глаз, что я мысленно поежилась, и представительный гвардеец

средних лет в чине сотника Черных Драконов, привилегированной дворцовой стражи, Волман-Боссонец, которого за глаза и в глаза называют не иначе чем «Карлик», и Громал из Лакруа.

Ну вот, все и расставлено по своим местам. Приятно чувствовать, что ты оказалась права во всех своих размышлениях. Осталось решить, как поступить с имеющимися у меня сведениями.

Совет прошел в обстановке, которую я охарактеризовала бы как «сдержанно-изумленную». Я вполне понимаю месьоров заговорщиков — еще бы, в их уютное гнездышко неожиданно вваливается человек, против которого они, собственно, и затевали свой комплот. Однако присутствие Страбонуса заставило их не спешить с расспросами.

Началось все с того, что Кофиец неторопливо и обстоятельно изложил свой план по замене убитого короля не новым правителем, а двойником, упирая на то обстоятельство, что по смерти Конана немедленно вспыхнут волнения. Дион не слишком известен и, следовательно, не сможет быстро обзавестись сторонниками. Да, правой руки короля, герцога Просперо, нет в городе, что значительно облегчает дело, однако не стоит забывать, что во дворце полно людей, обязанных своим возвышением только новому монарху, и они непременно окажут противодействие. А Дион, даже поддерживаемый Аскаланте и иже с ним, не сможет достойно им противостоять. Поэтому он, Страбонус, втайне озаботился о нахождении и подготовке подходящей кандидатуры, каковую и доставил вчера в Тарантию...

Разумеется, герцог Тьерри начал возражать. Разве можно изменять планы в последний миг? Что мы скажем Диону, которому уже обещана корона Аквилонии? Где гарантии, что человек Его Величества Страбонус сумеет в течение двух лун справиться с возложенными на него обязанностями и не вызывать

подозрений? Можно обмануть придворных, но Просперо рано или поздно вернется из Немедии, и что тогда?..

Волмана еле слышно пробормотал, что никогда не встречал подобной игры природы и что у притащенного Страбонусом типа даже взгляд столь же наглый, как у короля. Конан, до того ведший себя безукоризненно, довольно громко и многозначительно хмыкнул. Громал осторожно заметил, что план Его Величества короля Кофа не лишен определенных недостатков, однако представляется ему более выгодным, чем насильственная смена правителей, из чего я заключила, что гвардеец вполне справедливо не испытывает к Диону ни малейшего почтения. Месьор летописец, к мнению которого здесь, как было нетрудно догадаться, прислушивались, тоже высказался в поддержку Страбонуса — то, Мораддин как-то успел его предупредить, то ли месьор Юсдаль сам сделал необходимые выводы. Волмана сначала отмалчивался, затем бросил, что из двух зол выбирает меньшее, при условии, что Его Величество Страбонус клятвенно поручится за своего человека.

Аскаланте обнаружил, что остался в одиночестве. Его компаньоны не слишком доверяли Кофийцу, но на Диона они, как здравомыслящие люди, полагались еще меньше. Герцогу ничего не оставалось, как пожать плечами и смириться с мнением большинства. После чего Мораддин незаметно для остальных облегченно вздохнул, а барон Юсдаль украдкой хихикнул. Я бы повеселилась вместе с ними, но решила, что успею сделать это позже. Например, завтра утром.

Дальнейший разговор касался в основном подробностей наступающего вечера. Громал возвращается во дворец и ждет нас возле хозяйственных ворот на улице Отшельников ближе к двенадцатому ночному колоколу, остальное же зависит от воли богов и на-

шей собственной удачливости. Страбонус неожиданно для всех заявил, что отправляется в Обитель Мудрости и подождет наступления полуночи там. «Двойник», естественно, будет его сопровождать. Я подумала, не пойти ли мне с ними, но потом отказалась от этой мысли — в конце концов, они взрослые люди, сами сообразят, как им поступать. А я собственного мужа почти полгода не видела!

В общем, после отвешивания положенных поклонов и заверений в готовности действовать месьоры заговорщики разошлись. Веллан тоже колебался — идти ему с Конаном или оставаться, но, выслушав недвусмысленный приказ короля, недовольно скривился и ушел вместе с Хальком, всю распоряжавшимся в доме Аскаланте, как в своей библиотеке. Я последовала за Мораддином, выражение лица которого не предвещало ничего хорошего.

— И как тебе это нравится? — поинтересовался мой супруг, когда мы наконец дошли до отведенной ему комнаты и я забралась с ногами в огромное уютное кресло.

— Так заговоры не делаются, — убежденно сказала я. — Давненько мне не приходилось столько бегать... А ты-то как сюда попал? Конан и его приятель-волк из Пограничья сказали, что ты ушел во дворец и более не возвращался. Впрочем, это мне и самой известно — я же тебя там видела. Кроме того, куда-то запропали еще двое из вашей компании — насколько мне известно, маг-стигмеец и молодой человек из того же Пограничья...

— Они здесь, в доме герцога — кивнул Мораддин. — Нам просто несказанно повезло. А как твои успехи?

— Никак. — Я кратко поведала о своих злоключениях в коронном замке. — Я лишь до полусмерти напугала бедную Эви да заставила это существо пережить несколько крайне неприятных мгновений.

— Вот как? — Мораддин задумался, а я воспользовалась моментом и небрежно осведомилась: — Значит, этот ваш колдун тоже в гостях у Аскаланте? Дин, а ему можно доверять? И где мне его найти?

— Тотлант — волшебник, а не колдун, — поправил меня граф Эрде. — Две совершенно различные вещи, когда же ты наконец усвоишь? Если он тебе нужен — посмотри в саду или в библиотеке. Что же до доверия... Он давний друг Конана, а на кого склонен полагаться киммериец, тому, пожалуй, поверю и я.

Мораддин не спросил, зачем мне понадобился стигиец — это было сугубо моим делом. Он лишь ответил на мои вопросы и высказал свое мнение, которое я приняла к сведению. Мне только было интересно, давно ли Конан начал водить дружбу с магом, да еще стигийцем? Кажется, они познакомились в Пограничье года три или четыре назад, когда там вовсю безобразничал Бешеный Вожак оборотней и его не менее безумные подданные...

— Я пойду прогуляюсь, — сказала я. — Ненадолго.

...Библиотеку в доме Аскаланте я отыскала без особенного труда. Собственно, я даже не слишком отчетливо представляла, зачем хочу побеседовать со стигийцем. Просто у меня в кармане лежало волшебное кольцо, и я смутно надеялась, что вещь одного мага сможет как-то использовать другой. Посвящать Мораддина в мои замыслы я пока не стала, у него своих забот хватает.

Месьор Тотлант действительно сидел в библиотеке, только его внешность как-то совершенно не вязалась с моими представлениями о зловещих стигийских колдунах. Конечно, он, в соответствии с традициями своей родины и ремесла, наголо брил голову и носил черную тунику с золотой вышивкой, но в остальном он мне показался привлекательным и весьма сообразительным человеком. Потому я решила

быть по возможности вежливой и деловой, а не изображать, как обычно, капризную взбалмошную девицу.

— Добрый день, — сказала я, присаживаясь в кресло напротив мага. — Прошу прощения, что отрываю вас от сего многоученного занятия...

Стигиец поднял голову и недоуменно взглянул на меня, соображая, что я такое и что здесь делаю. Я продолжила:

— Меня зовут графиня Эрде...

Договорить мне не дали — сей молодой человек в самом деле все схватывал на лету.

— Вы госпожа Ринга, — он поднялся и поклонился, — таинственная, и, как нам совершенно верно передавали, очаровательная супруга графа Мораддина. Значит, вы все-таки сбежали из королевского замка?

— Вчера ночью, — подтвердила я. — И разыскала в Обители кое-кого из наших общих друзей.

— Я Тотлант, сын Менхотепа из Луксура, — представился стигиец. — Полагаю, госпоже графине требуется какая-то моя помощь?

— Скорее, совет — как поступить с одной вещью. — Я решительно вытащила тяжелый перстень и положила посередине низкого столика, заваленного книгами. Маг непроизвольно отшатнулся назад.

— Во имя всех богов, откуда вы это взяли?

— Нашла, — хмыкнула я. — Значит, месьору волшебнику не надо объяснять, что это такое?

— Не надо. — Маг сел в кресло, по-прежнему подозрительно косясь на тускло блестящий желтый перстень. — Вы знаете, насколько могущественна эта вещь?

— Догадываюсь, — кивнула я. — И вот что мне хотелось бы узнать — вы сможете распорядиться этим могуществом?

Тотлант даже не задумался:

— Нет. И даже не стану пробовать — такое мне пока не под силу.

Я приуныла. Вот и рухнули мои грандиозные замыслы.

— Но я знаю того, кто мог бы заставить его действовать, — заметил стигиец.

— Я тоже, — с грустью сказала я. — Магическим перстнем может как угодно распоряжаться его владелец. По малости своих знаний о волшебстве я полагала, что это правило можно как-нибудь обойти. Что же до владельца, то сейчас у меня нет возможности перервать все страны Заката и Восхода в поисках убежища, где он затаился.

— Он здесь, — проговорил Тотлант. Мне показалось, что я ослышалась, и осторожно переспросила:

— Что ты сказал?

— Он здесь, — повторил маг. — В Тарантии, в этом доме.

— А что он тут делает? — Наверное, у меня был до умиления растерянный вид.

— Служит Аскаланте, — задумчиво ответил Тотлант. — И прячется. Недавно ему пришлось очень тяжело, и Черный Круг с удовольствием заполучил бы голову своего бывшего предводителя... Аскаланте обещал ему защиту и покровительство, но взамен... — стигиец пожал плечами, — если называть вещи своими именами, Тот-Амон является рабом месьора герцога Тьерри. Такое положение не может продлиться долго — Тот-Амон не из числа тех, кто позволяет бесконечно распоряжаться собой. Однако у него нет кольца, а потому он лишен магической силы, кроме тех немногих крох, что позволяют совершать простейшие фокусы... Госпожа графиня, могу я спросить, что вы намереваетесь делать?

Я задумалась и ничего не ответила. Итак, Тот-Амон нашел убежище там, где его никто бы не стал искать — в Аквилонии, оплоте митрианства. Он боль-

ше не может совершать чудеса и пользоваться магией. Он находится на положении то ли слуги, то ли раба. Он проиграл по всем статьям.

Спрашивается, что сделает Тот-Амон, если я покажу ему его же собственное кольцо и спрошу, не хочет ли он получить его обратно?

Две вещи: либо прикончит меня, заберет кольцо и исчезнет из Тарантии, либо спросит, что я хочу получить в обмен на перстень. Поскольку он умный человек, то наверняка предпочтет второе. Ведь в первом случае ему грозит месть Мораддина и Вертрауэна, а это, надо сказать, не шутки. Да и расправиться со мной весьма затруднительно.

— Госпожа Эрде, — вежливо, но настойчиво окликнул меня Тотлант. Я вздрогнула и подняла голову. — Что вы хотите сделать? Я могу вам помочь?

— Я собираюсь поболтать по душам с владельцем этого кольца, — сказала я. — И еще я хотела бы, чтобы никто, ни одна живая душа, включая моего мужа и короля Конана, не знала об этом разговоре и существовании этого кольца. Кажется, сейчас мне предстоит совершить очередной безумный поступок, а потому не могу ли я вас попросить об одной услуге?

— Конечно, — церемонно сказал маг. — Вы хотите, чтобы во время вашего разговора с месьором Тот-Амоном я находился где-нибудь неподалеку и присматривал за тем, чтобы никто из собеседников не пострадал?

— Именно, — подтвердила я, пряча кольцо. — И мы отправимся на эту встречу прямо сейчас. Как вы предполагаете, месьор Тотлант, можно ли в обмен на сию вещичку заручиться содействием Тот-Амона?

— Можно попробовать, — без особой уверенности сказал стигиец. — Но думаю, он бы многое дал, чтобы заполучить обратно свой талисман.

— Вот и я так считаю, — согласилась я.

...Печально прославленный глава Черного Круга Стигии, Тот-Амон, сын Мин-Кау, человек, которого я меньше всего ожидала встретить в Тарантии, смотрел на меня не то чтобы с полнейшим равнодушием, но довольно неприязненно. Мы обнаружили его в самой дальней и запущенной части сада, в открытой летней беседке. Конечно, я знала, что Тотлант находится неподалеку и в случае чего попытается спасти мою голову вкупе с остальными частями тела, знала, что грозный маг сейчас немногим отличается от простого смертного, что даже я с моим невеликим Даром по сравнению с ним выгляжу настоящей колдуньей... Однако мне все равно было жутковато. Дано же некоторым отдельным представителям рода человеческого наводить на окружающих страх одним своим видом!

И потому я старалась выглядеть как можно самоуверенней.

— А,— без всякого выражения сказал Тот-Амон, увидев, кто нарушил его уединение,— Немедийская Ищейка. Добилась своего? Хочешь полюбоваться на то, что вы со мной сделали?

У кого другого последний вопрос прозвучал бы злорадно, у Тот-Амона же он был простой констатацией факта. Похоже, он сумел безошибочно вычислить, кто доставил ему в начале этого года столько неприятностей, и теперь полагал, что я раскрыла его убежище и явилась за ним. Я невольно почувствовала уважение — он даже не попытался сделать вид, что не узнает меня или не понимает, о чем идет речь. Этот человек умел побеждать, но умел и проигрывать. Вот только интересно, сделал ли он надлежащие выводы из случившегося с ним?

— Это моя работа,— сказала я примирительно,— и я ее выполняю так, как считаю должным. Ты зря полагаешь, что я хочу поиздеваться. Мы тебя не искали, наша встреча здесь — чистой воды случайность.

— Тогда что тебе нужно? — слегка раздраженно осведомился волшебник.— Или ты, подобно своим друзьям из Вертрауэна, полагаешь, что любого человека можно купить и продать?

— Вопрос сейчас не в этом.— Я решила сразу переходить к делу.— У меня есть кое-что, принадлежащее тебе...

И я вытащила кольцо.

На какой-то долгий миг бесстрастная маска Тот-Амона превратилась в живое человеческое лицо — изумленное, недоверчивое и раздираемое желанием выхватить у меня драгоценную вещицу, а дальше — будь что будет! Однако маг сумел здраво оценить расстановку сил, справился со своими чувствами и кивнул:

— Да, это мой перстень. Что дальше? Надо думать, ты хочешь что-то взамен?

— Ну не возвращать же его тебе так запросто! — фыркнула я и тут же осеклась, такая ярость полыхнула во взгляде мага.— Да, собираюсь обменять его на твоё умение. Мне нужно...— я поколебалась, вздохнула и решила,— мне нужно существо. Любое, лишь бы оно было достаточно сильным, жутковатого вида и не слишком умным. Оно должно в определенное время появиться в определенном месте, выполнить свою работу и уйти, не оставив никакого следа. Ты можешь это сделать?

Маг выдержал паузу. Достаточно долгую, чтобы я успела занервничать, подумать, что совершаю ошибку, и махнуть на все рукой — ясно, не согласится!

— Это совсем нетрудно,— наконец соизволил ответить Тот-Амон,— но мне необходимо знать точные время и место. А еще тебе придется заплатить.

Вот тут он и позволил себе слегка улыбнуться, а меня передернуло. Последнее обстоятельство как-то напрочь вылетело у меня из головы. Я хотела, чтобы Тот-Амон вызвал для меня демона из Черной Бездны.

Подобное колдовство, в отличие от любого другого, требует от заказчика оплаты — не золотом, а жизнью. Мне нужно назвать имя человека, которого придется убить ради того, чтобы соединить мир людей и мир Пустоты, где обитают демоны. Тот-Амон имел право ухмыляться — он загнал меня в ловушку. Согласна ли я пожертвовать кем-то ради того, чтобы помочь Конану вернуться на трон? Каким-то совершенно посторонним человеком, не имеющим отношения к нашей борьбе за власть над Аквилонией и нашим интригам? Но если заговорщики не смогут убить прячущееся во дворце существо, что ждет мир тогда?

Наверное, когда я умру, на Серых Равнинах меня приговорят ко всем самым страшным наказаниям... Буду оправдываться тем, что все мои неблагоприятные поступки совершались ради спокойствия в мире. Лучше уж погубленная жизнь одного человека, чем война Аквилонии и Офира, и грядущий хаос.

— Хорошо, — медленно проговорила я. — Сегодняшний вечер, около полуночи. Коронный замок, личные покои короля — полуночное крыло, второй этаж. Там будет создание... очень похожее на короля, но не являющееся им. А еще лучше — если твой зверь расправится со всеми, кто окажется в королевских покоях. После этого он должен исчезнуть.

Если Тот-Амона и заинтересовали мои слова, он не подал вида. Вместо этого ядовито осведомился:

— Так на кого ты все-таки работаешь — на Немедию или на Аквилонию? Или, — он коротко хмыкнул, — лично на Конана? В таком случае передавай ему мои наилучшие пожелания в деле управления страной. Любопытно, долго ли он еще продержится?

— Долго, — сердито сказала я. — Так мы договорились?

— Имя жертвы и кольцо, — невозмутимо сказал маг. — После чего мы с превеликим удовольствием распрощаемся.

— Дион, — я мысленно попросила богов простить меня. — Ты, кажется, его знаешь.

— Полное ничтожество, — бросил Тот-Амон. — Я бы предпочел кого-нибудь более сильного духом. Впрочем, как я понимаю, распоряжаешься здесь ты, — едко добавил он.

Я ничего не ответила и протянула вперед ладонь, на которой свернулась золотистая змея.

Пальцы стигийского мага, мимолетно коснувшиеся моей руки, были сухие и очень холодные. Кольцо вернулось к своему хозяину.

— Надеюсь, мне не требуется перечислять все неприятности, грозящие тебе в случае невыполнения нашего соглашения? — осведомилась я. — И еще. Ты отлично понимаешь, что в Тарантии тебе делать больше нечего.

— На редкость здравая мысль. — Тот-Амон примерил возвращенный перстень на средний палец правой руки. Глазки змеи радостно сверкнули, — в которой я полностью с тобой согласен. Можешь не грозить мне карами своей тайной службы — я выполняю свои обещания. Всегда. Надеюсь, больше мы не увидимся.

— Взаимно, — буркнула я. Меня грызло подозрение, будто я чего-то недосмотрела. Впрочем, теперь это не имело значения — дело было сделано. Остается только ждать наступления вечера, а там выяснится, к чему приведет мое соглашение.

Тот-Амон спокойно повернулся и вышел из беседки. Я смотрела ему вслед, как он идет по аллее между облетевшими деревьями, и мертвые осенние листья взлетают за ним в крохотных воздушных смерчах. Потом откуда-то возник Тотлант. Похоже, он применил заклятие невидимости и слышал наш разговор от начала до конца.

— Опасную игру ты затеяла, госпожа, — тихонько заметил молодой стигиец.

— Знаю, — равнодушно согласилась я. — Но я предпочитаю быть уверенной в том, что сзади на меня никто не нападет. Как думаешь, сможешь в случае серьезных осложнений справиться с той тварью, что он вызовет?

— Попробую, — Тотлант пожал плечами. — Насколько я понял, нам нужно будет пропустить Аскаланте и его людей вперед, а самим не высываться... Что-то ты плохо выглядишь, госпожа. Давай, я провожу тебя.

Я кивнула, и мы не торопясь пошли к дому. Разговаривать не хотелось, да и о чем можно было говорить? Сделанного, как правильно утверждают многочисленные поговорки, не воротишь.

Глава четырнадцатая ХАЛЬК, ШЕСТОЙ РАССКАЗ

Тарантия, столица Аквилонии, королевский дворец.
Ночь с 12 на 13 день первой зимней луны 1288 г.

«...Так называемый «Мятеж Четырех», произошедший в начале зимы 1288 года по основанию Аквилонии, целиком и полностью был на совести Аскаланте, герцога Тьерри, сумевшего объединить вокруг себя людей, не только недовольных нынешним королем, но, что самое немаловажное, способных к активным действиям, а не праздно рассуждающих о недостатках правителя.

Собственно, в Заговоре Четырех принимали участие пять человек, но пятый — герцог Дион, прямой родственник безвременно усопшего Нумедидеса — был лишь безвольной игрушкой в руках Аскаланте и его приспешников. Зато таковыми отнюдь не были сотник Черных Драконов Громал и боссонец Волмана Карлик. Что же до поэта Ринальдо, то его участие в заговоре можно объяснить лишь высоким авторитетом среди дворянства и его неподражаемым умением оправдать какие угодно действия своих покровителей...»

Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства

Помнится, в одной из первых своих историй о событиях, предварявших эту незабываемую ночь, я упоминал об одном странном (если не сказать противоестественном) желании: хочу, мол, увидеть своими глазами настоящий государственный переворот. А ведь известно, что стоит лишь сильно захотеть — и любое твоё желание исполнится. Правда, все произойдет не совсем так, как ты представлял.

Признаюсь откровенно — я с удовольствием участвовал бы в Komplote против покойного Нумедидеса, но, увы, здесь меня опередили Конан и его приятели-пуантенцы во главе с Просперо. Может быть, я даже съездил бы, например, в Коф или Аргос, чтобы понаблюдать изнутри за подготовкой заговора против Мило или Страбонуса...

Конан мне однажды рассказывал некоторые киммерийские легенды, из которых следовало, что судьбу каждого человека, по воззрениям варваров, определяют три великанши-Норны, плетущие нити жизней. Если это правда, то Норна, отвечающая за мою судьбу, была ужасной неряхой, а ниточка получилась неровной, в узелках, переплетшаяся с другими, еще более небрежно свитыми нитями. Вот и случилось так, что нынешней ночью я вынужден участвовать в попытке свержения короля Конана Аквилонского (который вовсе и не Конан, а демон знает что), и делается это ради того, чтобы вернуть трон опять же Конану, но теперь уже настоящему (правда, все заговорщики твердо уверены, что как раз он-то поддельный)... Улавливаете суть? Я, честно признаться, не очень.

В довершок ко всем помянутым чудесам можно добавить новое пикантное обстоятельство: не далее как нынешним вечером, за три колокола до полуночи, подлинный Конан и неизвестно откуда появившийся в Тарантии король Кофа Страбонус самым таинственным образом исчезли из Обители, где должны были отсиживаться до полуночи, а с ними пропал и мой ста-

ринный приятель Робер. Никто, включая сторожа Обители Мудрости и охранников на воротах, не видел, куда, куда и с кем помянутые месьоры отправились. Однако в наших комнатах, куда мне и Мораддину пришлось подняться, все было перевернуто вверх дном, а мебель отчасти разломана. Граф Эрде с уверенностью заправского сыскаря заявил, что здесь произошла драка. Крови, впрочем, не видно, и это обстоятельство немного успокаивает. Следовательно, Конан никого не убил, да и сам не пострадал. Странно другое — некоторые его вещи, включая широкий пояс, кошель с деньгами и выкованный гномами кинжал в беспорядке валялись на полу.

— Либо им пришлось бежать, — заключил Мораддин после осмотра комнат, — либо... Может быть, их схватили? В конце концов, тайная служба Аквилонии не бездействует и барон Гленнор по приказу нашего ямурлакского дружка вполне мог выследить убежище...

— Здесь Обитель Мудрости, — возразил я. — Право неприкосновенности...

— Оставь, — поморщился граф. — Когда действуешь в интересах государства и короля, можно пренебречь условностями. Пойдем-ка, сторожа расспросим.

К моему величайшему удивлению, сторож, сидевший на первом этаже дома для слушателей, был трезв как стеклышко. На все расспросы он односложно и боязливо отвечал, что ничего не видел, ничего не слышал и ничего не знает. А гости месьора Робера сегодня вообще не появлялись.

— Вранье. — Мораддин с обычной ласковостью в глазах оглядывал едва заметно дрожащего старика. — Просто тебе посоветовали не раскрывать рта? И пригрозили, что излишняя болтливость чревата?..

— Не понимаю, о чем речь, — отрезал сторож. — Шляются туда-сюда всякие люди по сотне раз на дню, я что, всех должен помнить?

Не подействовали ни угрозы, ни увещевания, и даже на увесистый кошелёк с золотом старик посмотрел, словно на ядовитого паука.

— Его здорово напугали, — недовольно проворчал Мораддин, когда мы вышли на площадь и отправились к воротам Обители Мудрости. — Знакомый стиль работы. Вначале происходят некие загадочные события, потом к свидетелям заявляется вежливый, очень приличный с виду человек, намекает, что действовало учреждение, о котором и думать-то страшно, не то что упоминать вслух, и непринужденно советует помалкивать. Можно еще расспросить стражу у ворот, но добиться вразумительных ответов будет, скорее всего, невозможно.

— А что мы скажем Аскаланте? — Я расстроился едва не до слез. Что такого могло случиться с Конаном и интриганом-кофийцем? — Все подготовлено, и если переворот не состоится сегодня, он либо не состоится никогда, либо в этой большой игре за корону проиграем мы с Конаном!

— Постой. — Мораддин замедлил шаг и зажмурился, потер себя ладонью по лбу. — Давай рассуждать логически. Я отчетливо вижу два варианта развития событий. Во-первых, Конан и Страбонус сумели отбиться и, не захватив даже самые необходимые вещи, сбежали и скрылись в городе. Они знают, куда и в какое время нужно прийти, и, следовательно, объявятся сами незадолго до полуночи. Во-вторых, нельзя исключать возможности их ареста гвардией либо тайной службой барона Гленнора. Куда их отправят? Либо в Железную башню, либо во дворец. Последнее наиболее вероятно.

— Почему? — не понял я ход мыслей графа Эрде.

— Типо обязательно захочет поговорить с настоящим Конаном, а заодно выяснить у Страбонуса, чего ради тот находится в столице Аквилонии, — как о само собой разумеющемся ответил Мораддин. — На-

деюсь, подменыш не сумеет разговаривать варвара и кофийца до полуночи. Иначе все пропало.

— Точно. — Я слегка похолодел. — И Аскаланте с его заговорщиками во дворце встретят клинки церберов Паллантида. Да нас попросту перебьют!

— Пожалуйста, успокойся, — отвечал Мораддин. — Конан и Страбонус отлично знают, что нужно продержаться до полуночи, и тогда придет помощь. А теперь прекрати страдать и выслушай меня. Если мы скажем Аскаланте, Волмане и остальным, что кофийский король и подготавливаемый к обретению трона двойник исчезли при настолько странных обстоятельствах, эти месьюры могут перепугаться. Вот тогда нам действительно придется туго. Мы с тобой лучше помолчим. Скажем герцогу, что Конан и Страбонус будут ждать остальных возле дворца.

— Да? — жалобно переспросил я. — Представляешь: мы приходим к Приречным воротам замка, нас встречает Громал и говорит, что никто не появлялся. Как прикажешь поступать дальше? Нас наверняка заподозрят, и Аскаланте все отменит.

— Ошибаешься, — рассмеялся Мораддин. — Ты плохо знаешь людей. Герцог и его приятели будут слишком раззадорены и не отступят даже перед лицом явной опасности.

Я немножко успокоился. Граф Эрде, десять лет прослуживший во дворце туранского императора и еще пятнадцать — в тайной службе Немедии, наверняка знает, о чем говорит. Он по роду своей деятельности гораздо чаще встречался с заговорщиками, преступниками и шпионами и должен был отлично изучить стиль поведения людей наподобие герцога Тьерри или боссонца Волманы.

Мораддин не упустил случая задать несколько вопросов стражникам, охранявшим ворота Обители Мудрости, но, как и ожидалось, отставные вояки, нанятые советом наставников для охраны спокойствия в Оби-

тели, «не видели, не знали, не слышали» и так далее. Мы вышли на набережную и отправились в сторону моста Тысячи Львов, ведущего на восходный берег.

Смею заметить, что этот четвертый и последний в пределах столицы мост через Хорот является одной из главнейших достопримечательностей Тарантии. С каждой стороны этого огромного сооружения, возведенного в самом начале правления Вилера, установлены пятьсот небольших коронованных бронзовых львов, попирающих лапой извивающуюся змею, символизирующую что-то неопределенно-враждебное. У скульптора, создавшего образец для этих одинаковых статуй, была несколько испорченная фантазия, отчего львы более походили на длинномордых гривастых собак с выпученными глазами и почему-то с парой хвостов без кисточек. Однако летописи утверждают, что скульптура безумно понравилась Вилеру и молодой король приказал установить на мосту не сотню изваяний, как планировалось изначально, а полную тысячу. Отчего ограда моста более напоминает строй гвардейцев, внезапно принявших вид лупоглазых чудищ. Я несколько раз катался в лодке по Хороту и всегда умилялся: проплывая возле моста Тысячи Львов, путешественник получает прекрасную возможность обозреть пять сотен повернутых в сторону реки сверкающих на солнце звериных задниц с задранными хвостами. О чем, интересно, думал архитектор, планируя расстановку скульптур?..

Кстати, единственный сохранившийся памятник Вилеру на Монетной площади (все остальные были уничтожены по приказу благодарного племянника, то есть Нумедидеса) представляет из себя сидящего на троне короля, погруженного в глубокую задумчивость, а у ног монарха расположился точно такой же лев, принявший, однако, более пристойную позу.

— Ужасно, — фыркнул Мораддин, когда мы приближались к мосту по одетой в мрамор набережной. —

В стремлении к монументальной пышности тарантийские архитекторы иногда переходят границы приличий.

— Неправда, — немедленно заступился я за свою столицу, — Конан задумал план расширения и перестройки города. Надеюсь, он догадается снести наиболее уродливые скульптуры и...

— ...И прикажет поставить свои статуи, — продолжал ехидничать Мораддин. — Воображаю: конный памятник нашему варвару с поверженным у ног драконом и осыпающими короля цветами благодарными красавицами. Впрочем, у нас в Бельверусе можно отыскать скульптурные перлы и почище... Взять хотя бы статую короля Атаульфа II. Если посмотреть сбоку, то кажется, что длинный, свернутый в трубку свиток, который он держит у пояса...

— Не продолжай, и так все понятно. — Я свернул на мост, минуя навязчивых торговцев сладостями и печеньем. — Идем быстрее, Аскаланте давно ждет.

— Без нас не начнут, — хмыкнул Мораддин. — Но раз уж ты вспомнил об Аскаланте, то, пожалуйста, попытайся вразумительно объяснить мне, каким образом тебе удалось вырваться из дворца и очутиться в доме нашего почтенного герцога?

— Меня украли, — я едва не рассмеялся, — вчера днем. Конечно, Громал пошел на изрядный риск, но...

И я начал рассказывать.

Для начала, несомненно, стоит упомянуть о Типо. Это удивительное существо, способное мыслить логически не хуже наставников философии и просчитывать все свои действия на несколько ходов вперед, на свою беду недостаточно хорошо изучило человеческий род. Помнится, давным-давно, еще в Пограничье, мы рассуждали о Хозяине Небесной горы, и кто-то высказал суждение, что, если этот Хозяин чужд нашему миру, то он непредсказуем для нас. А теперь я получил подтверждение тому, что Типо, способный бе-

зошибочно определять развитие политической обстановки, категорически не понимает образ мыслей отдельных людей. Тицо не сумел (даже за время нашего долгого путешествия в Пограничье) уяснить непреложную истину: человек почти всегда думает об одном, говорит прямо противоположное, а действует и вовсе неожиданно, не сообразуясь ни со своими мыслями, ни с разговорами. Я предположил, что это чуждое миру людей создание происходит из Вселенной, где подобные ему твари обычно соотносят действия своим замыслам. И прямо говорят об этом.

Здесь кроется главное отличие Тицо от обычного человека. Он может предугадать поступки «толпы» (толпа всегда предсказуема, нужно лишь обладать достаточным опытом, чтобы увидеть ее стремления), но Тицо не умеет разделить общую массу людей на отдельных личностей. А как известно, историю делают именно личности, а не абстрактный «народ» или аморфное «человечество». И вот теперь Тицо нарвался на целый сонм Личностей с большой буквы, которые не укладываются в неведомые правила, составленные таинственным народом, из которого он происходит, или установленные им самим. В этом его первоначальная и самая важная ошибка. Да, он сумел захватить власть и довольно успешно начал осуществлять свой план по «спасению» нашего мира неизвестно от чего, однако Тицо не понял, что его откровенность губительна. Нельзя доверять свои тайны людям, даже если они обещают всемерное содействие твоим замыслам. И, кроме того, Тицо не учитывал возможность появления невероятных случайностей, способных сломать его замыслы.

Только, на мой взгляд, этих «случайностей» набралось излишне много. Я не особо верю в помощь богов (боги живут сами по себе, и люди их мало интересуют), но после странных происшествий последних двух лун поневоле задумаешься о некоем божественном

вмешательстве, направляющем нашу странную компанию, возглавляемую Конаном и Мораддином...

Знать бы только, к чему это приведет?

Помните, я говорил недавно о беседе, состоявшейся между мной и Конаном-не-Конаном? Тицо раскрыл свои карты, почти полностью доверился мне, рассчитывая на ответное содействие с моей стороны. Я прилежно сделал вид, что согласился с его выкладками и буду помогать. Тицо с удивительной для настолько разумного создания легковёрностью принял мои слова за истину и приказал перевести из Железной башни в Тарантийский замок. Он, конечно, принял меры предосторожности — мне нельзя было уходить дальше внутреннего дворика и Зимнего сада, и было запрещено спускаться на первый этаж. Я даже удостоился особой чести — по приказу «короля» библиотекаря Халька, барона Юсаля, постоянно сопровождали два гвардейца из Черных Драконов.

Поздно ночью с 10 на 11 число первой зимней луны меня проводили по подземному ходу из тюрьмы в королевский замок и доставили в библиотеку. Комнаты во время моего затянувшегося отсутствия содержались в полном порядке, в спальне лежало чистое белье, горел растопленный камин, а стол загромождали тарелки с едой. Я плюнул на все необычные новости, на собственную неудачливость и возможные опасности, переоделся и сразу улегся спать. Более всего меня беспокоила мысль о том, что Конан и вся наша компания бросятся этой ночью (либо завтра с утра) меня спасать. И несомненно попадутся властям. Но теперь уже ничего не поделаешь — предупредить варвара я не могу...

Спал я долго — почти до полудня одиннадцатого числа. Позавтракал, умылся и попробовал отправиться гулять по замку. Покинув комнату, я с изумлением обнаружил, что за спиной маячат двое здоровенных хмурых гвардейцев, не отходивших ни на шаг.

Долго рассказывать о событиях от полудня до третьего колокола. Можно отметить лишь мою мимолетную встречу с исключительно недовольной и мрачной юной дамой. Она целеустремленно даже не шла, а неслась по коридору, держа под мышкой толстенный фолиант, переплетенный в черную кожу. Я ее раньше никогда не встречал. По этикету мужчина, увидев незнакомую женщину, должен представиться, что я и сделал. Не слушая, девица равнодушно кивнула, бросила сквозь зубы: «Очень рада» и проследовала дальше, в сторону Зимнего сада. Кто она такая и как здесь оказалась — осталось для меня загадкой.

Потом случилась встреча с Энундом — единственный светлый лучик, промелькнувший за последние дни. Грифон выздоравливал, однако бродил по дворцу с оскорбленно-спесивым видом, достойным гвардейского тысячника, которого на королевском приеме облил вином пьяный кадет.

— Привет, — ядовито сказал Энунд, ничуть не удивившись моему внезапному появлению в замке. И сразу начал говорить гадости. — Плохо выглядишь. Похудел. Бороду зачем-то сбрил...

— Как я рад!.. — Я едва не завыл от восторга, однако грифон жестко пресек мои излияния.

— Шел бы ты отсюда, — со злостью в голосе проговорил Энунд. — Здесь тебя ничего хорошего не ждет. Ты видел Конана?

Я подумал и осторожно ответил:

— И того, и другого. — Я знал, что грифон умеет *чувствовать*.

— А-а... — более миролюбиво протянул Энунд. Кажется, он понял, что я имел в виду. — Поговорим вечером. Я сейчас иду к графине Эрде, она мне нравится. Госпожа Ринга все знает, только не может придумать, что делать дальше.

— Но... — Я раскрыл рот, а Энунд, не обращая внимания на мое замешательство и удивление, махнул

хвостом, украшенным дурацким голубым бантиком, и быстро затрусил в сторону Зимнего сада.

«Ничего себе! — Я туповатым взглядом провожал уходящего по коридору грифона. Мои мысли окончательно спутались. — Следовательно, очаровательная жена графа Мораддина во дворце? И знает обо всем? В какую же мерзкую историю мы вляпались... Не стоило ездить в Ямурлак и подбирать этого маленького ублюдка Типо!.. Бедная Эвисанда, — подумал я несколько некстати, — надеюсь, фаворитка короля не догадывается об истинном положении вещей».

Я окончательно расстроился и пошел наверх, в библиотеку. Два десятника гвардии неотступно следовали в пяти шагах позади.

Караул сменяли каждые два колокола. Часы отбили три пополудни, я корпел над изрядно запущенной «Хроникой» и вдруг слышал, как возле моих дверей раздались четкие и резкие команды начальника развода. Потом голоса затихли. Мне оставалось лишь взять чистые листы пергамента и начать заносить в «Хронику» все события, связанные с путешествием в Пограничье и нашим возвращением в потерянное Конаном королевство. К счастью — или к сожалению? — никто не тронул тщательно хранимый мною запас пуантенского вина в ореховом шкафу, и я, откупорив бутылку, постоянно прикладывался к источнику, из коего многие черпают мудрость и красноречие. Вскоре выяснилось, что на дне этой бутылки истина не обнаружилась. В тщетной надежде отыскать таковую, я откупорил следующий сосуд.

— Ты позволишь войти? — Я уже хорошо захмелел, когда от дверей в коридор раздался уверенный и низкий голос. Кто же это?

Я обернулся. Ага, гвардеец. Черный Дракон, носящий на рукаве четыре серебристых нашивки сотника и значок ордена Малого Льва на груди. Пойдите, как же его имя? Точно, Громал, барон Лакруа. Высокий,

темноволосый человек с резковатыми чертами лица и фиолетовыми глазами. Когда-то, еще при Нумедидесе, Громал занимал должность, принадлежащую ныне Паллантиду.

— Заходите, барон,— радушно пригласил я неожиданного гостя.— Хочешь выпить? Красное пуантенское, двадцатилетней выдержки. «Рубиновая лоза», очень вкусное...

— Благодарю,— кивнул Громал.— Извини, Хальк, но не могли бы мы пройти из твоего кабинета в хранилище рукописей?

Такое располагалось справа от жилых помещений библиотекаря и представляло собой цепь совмещенных длинных залов, охватывающих не менее половины закатного крыла королевского дворца. Даже сквозь туман, навешанный сладким вином, я понял, что Громал опасается лишних ушей. Уж больно спокойная и безразличная физиономия была у этого служакки, помнящего самого Вилера.

Я не без труда поднялся с кресла, едва не опрокинув при этом чернильницу, и осторожно зашагал к огромной двери, ведущей собственно в помещения библиотеки. Барон Лакруа неслышным скользящим шагом следовал за мной.

О, этот запах древности! Едкая пыль, аромат древнестигийского папируса и выделанной телячьей кожи! Новомодная бумага, изготавливаемая из тряпья, вообще не пахнет стариной. Огромные шкафы, почти в три человеческих роста, десятки тысяч тугих свитков и толстенных книг в драгоценных переплетах... Вот, пожалуй, переписанный четыреста лет назад свод проповедей святого Эпимитриуса, забранный в золото и украшенный рубинами, достойными облагородить корону самого богатого монарха мира — туранского императора... Если бы я, как и канцлер Публио, был вором, то давно бы владел замечательным поместьем на солнечном зингарском или аргосском побережье

и имел бы значительный вклад в надежнейших торговых домах Офира... И почему только я такой честный?

— Хотелось бы поговорить,— чуть настороженно сказал Громал, когда мы оказались в комнатах летописей.— У тебя, как я вижу, неприятности? Домашний арест? А вчера ты был в самой Железной башне?

— Пришлось,— с нарочитой беззаботностью ответил я.— Король теперь не благоволит ко мне.

— Король...— вздохнул барон Лакруа.— А что ты вообще о нем думаешь? О Конане, я имею в виду?

Следующую четверть колокола Громал в разговоре ходил вокруг да около, не давая мне понять, что же привело сотника гвардии в скромный кабинет летописца. Расспрашивал о моих взаимоотношениях с Конаном, почему-то завел речь о дворянской чести и наследии Эпимитриуса... Сначала я решил, что барона подослал ко мне король (вернее, Тицо в облике короля), но вскоре из осторожных речей гвардейца стало ясно — он желает выяснить для себя мнение некоего Халька из Юсдаля о всем, происходящем ныне в стране. Наконец я подсознательно почувствовал, каких речей ждет от меня Громал, и брякнул напрямую:

— Вообще-то корону Аквилонии захватил совершеннейший ублюдок. Не дворянин и даже не коренной аквилонец, гандер или подданный пуантенского герцогства. Вылез из какой-то дыры, прошлое более чем сомнительное, манеры...— Я небрежно махнул рукой и поморщился.— Одно слово — варвар. И как только аквилонское дворянство позволило этому быдлу взять в руки скипетр великих королей-Эпимитреев?..

— Смелые речи,— прокашлялся Громал и на всякий случай оглянулся — нет ли кого чужого в библиотеке.— Весьма смелые. Ты не боишься, что я донесу?

— Все-таки ты дворянин,— оскорбился я за свое сословие. И решил задать прямой вопрос: — Ты

всегда недоговариваешь? Не думаю, что ты пришел просто так, лишь желая выяснить мое мнение насчет Конана и дел в государстве...

Громал шумно выдохнул, будто решаясь, и выпалил:

— Тебе не нравится нынешний король? Мне тоже. Ты правильно сказал — я дворянин. Разве люди нашего положения могут терпеть верховодство необразованного и жестокого дикаря?

Насчет «необразованного» Громал несколько погорячился. Конан отлично говорит на четырех языках, понимает еще несколько, пишет и читает на двух (авхилонском и туранском), а также весьма искушен в науках исчисления, географии и истории. Единственно, всему этому киммериец учился не в Обители, а на собственном опыте. А его «жестокость» слишком преувеличена: по сравнению с некоторыми дворянами, засекающими своих крестьян до смерти плетью и отбирающими у них последнюю корку хлеба, Конан кажется посланцем Митры. По крайней мере, он никогда не убивал только из прихоти.

— Согласен, — однако ответил я Громалу. — Так жить нельзя! Только не представляю, что делать? Дикаря поддерживает пуантенская гвардия и пограничные отряды в закатных провинциях. Герцог Просперо, опять же...

— Просперо два дня назад уехал в Немедию, — как бы ненароком припомнил барон Лакруа. — И вернется очень не скоро. Вот что, Хальк... — Барон отошел назад и отточенным движением извлек из ножен метательный нож. — Благороднейшие семьи королевства хотят избавиться от Конана. Сейчас у тебя нет причин почитать нынешнего короля. Его убьют через день. Присоединяйся.

«Ого! — подумалось мне. — Интересно, которого короля Громал имеет в виду? Настоящего Конана или Тицо? Если гвардеец рассчитывает свергнуть Тицо, то

я обеими руками буду помогать заговору. Только зачем Громалу понадобился нож?»

На всякий случай я выразительно покосился на зажатый в руке Черного Дракона клинок, а потом вопросительно посмотрел в глаза Громалу. Он все понял.

— Боюсь, мне придется тебя убить в случае отказа, — просто сказал гвардеец. — За попытку к бегству и за нападение на стражу... Я не могу подвергать риску все предприятие. Ты можешь выдать нас случайно...

— О, боги! — Я молитвенным жестом поднял руки над головой и зажмурил глаза. — Вчера меня едва не угробили в Железной башне сторонники Конана, сегодня пытаются зарезать его противники! О чем речь, Громал? Разумеется, я согласен! У меня нет оснований хранить верность варвару после этой беспочвенной и оскорбительной опалы. Только ответь, что нужно делать?

— Пойти со мной, — твердо проговорил Черный Дракон. — Мои подчиненные выведут тебя из замка и доставят к... одному дворянину. Он тебе расскажет подробности.

— И многих вы уже убедили таким образом? — я снова посмотрел на обнаженный кинжал, а Громал, проследив мой взгляд, убрал его в ножны. — И вообще, для чего вам потребовался какой-то летописец и библиотекарь? Я не имею никакого влияния при дворе и занимаю одну из самых невеликих должностей...

— Если ты войдешь в новое правительство канцлера... — Громал осекся, явно не желая называть имя, — тебя поддержит Гандерланд. Согласись, при дворе не так много гандеров и в основном это младшие сыновья дворян, гвардейцы, имеющие гораздо меньший вес, чем ты. С нашим переворотом согласится Боссония, возможно, Тауран и прежде всего месьюр Донфрон, герцог Танасульский. В оппозиции останутся лишь пуантенцы, но они не захотят разори-

тельной гражданской войны. А ты убедишь своих соотечественников...

Вот тогда я показал себя откровенным стяжателем. Выдал ошеломленному такой напористостью и жадностью Громалу обширный список должностей, которые я хотел бы занять при дворе нового канцлера. Имя претендента на трон меня пока не слишком интересовало — рано или поздно заговорщики сами его откроют.

— Все гандеры — мелкие лавочники, — пробормотал Черный Дракон, но, заметив мой яростный взгляд, буркнул: — Извини. Я не хотел тебя обидеть. Если ты согласен, идем. Вещей никаких не бери. У дверей стоят верные мне люди. У одного с собой запасная форма Черных Драконов. Через полстражи сменится караул, в нем будут находитьсядесятники Паллантида. Вскоре их найдут зарезанными. Ты понимаешь, что тогда пути назад у тебя не будет?

«Весело... — Мне на мгновение стало нехорошо. — Как у них все замечательно продумано! Подчиненные Громалу гвардейцы подтвердят перед тысячником, что я находился в комнате до смены стражи, а потом выйдет, что я убил охранников Паллантида и сбежал из дворца. Тут уже не только обвинение в государственной измене привесят, но еще и в убийстве!»

Однако я решился. Быстро переоделся в выданную Громалом форму личной гвардии короля, затем мы с сотником покинули помещение библиотеки (стражники сделали вид, будто мимо проплыли бестелесные тени, и смотрели прямо вперед, даже не покусившись на нас), а потом Громал беспрепятственно вывел меня к хозяйственным воротам замка. Там обычно принимали продовольствие, доставляемое крестьянами для дворцовых кухонь. У калитки меня ждал человек в одежде простого горожанина.

— Попытаешься сбежать — найдем, — равнодушно глядя куда-то в сторону, сказал Громал напоследок. —

Ступай с проводником. В доме упомянутого мною дворянина тебя будут ждать.

И мы пошли. Как ни странно, тарантийцы ничуть не обращали внимания на непривычную для меня военную форму, хотя мне казалось, что сейчас на улице раздастся крик: «Эй, поглядите, Хальк поступил в гвардию!»

Я несказанно поразился, когда увидел над воротами нужного дома герб Аскаланте, герцога Тьерри.

Да, герцог со мной поговорил. На свой страх и риск я соглашался со всеми его речами и старательно ратовал за свержение безродного ублюдка, усевшегося на трон Эпимитриуса. А вечером в доме Аскаланте внезапно появились Мораддин, Тотлант и Эйвинд...

Остальное вам уже известно.

...Мы с графом Эрде миновали мост Тысячи Львов и свернули по Восходной набережной направо. Сейчас предстояло объяснение с руководителями заговорщиков и надо было врать без зазрения. Мол, подменный Конан и государь Страбонус придут к воротам Тарантийского замка самостоятельно и проводники им не нужны.

Будучи наслышан об осторожности и непредсказуемости Страбонуса, вполне способного изменить свои планы в последний миг, я рассчитывал, что Аскаланте и его приближенные нам поверят.

* * *

Однажды в своей «Хронике» я попытался описать события одной весенней ночи, пользуясь скупymi рассказами очевидцев и делая собственные умозаключения на основе намеков участников драмы, разыгравшейся некогда в Тарантийском замке. Вы, наверное, поняли, что я имею в виду организованный Конаном и герцогом Пуантенским переворот с целью свержения Нумедидеса.

Разумеется, в летописи я несколько приукрасил часть обстоятельств — ночь тогда была вовсе не грозовая, заговорщики были одеты не в черные плащи и полумаски, а кто во что горазд, и Нумедидес уж точно не встречал Конана и Просперо на ступенях трона с обнаженным мечом. Расписывая в «Хронике» бесславный конец династии Эпимитреев, я рассчитывал донести до будущего читателя обстановку таинственности и пробирающего до костей холодного ужаса. А заодно представить состояние души заговорщиков — и страх, и радость, и смятение с азартом...

Прежде я был уверен, что правильно передал чувства убийц прежнего короля. Но сегодня меня постигло горчайшее разочарование — оказывается, участвовать в перевороте совсем неинтересно. Отчасти даже скучно и буднично. Никаких наводящих дрожь декораций наподобие бьющих с неба молний, ревущего ветра и шныряющих над крышами летучих мышей, никакого зловещего перешептывания и кривых кинжалов, смазанных ядом, и, разумеется, месьоры заговорщики не были облачены в приличествующие случаю одежды: желательно черные, с масками и надвинутыми на лицо капюшонами. А Аскаланте, в карете которого я ехал к замку, вообще поверг меня в состояние, близкое к обмороку, проворчав: «Пожри меня демон, я сегодня из-за этой авантюры даже не пообедал...»

Переворот у них, понимаешь. Короля они едут убивать... Все насквозь неправильно!

Выслушав за прошедший день объяснения разных людей и насколько возможно трезво оценив обстановку, я твердо уяснил для себя, что заговор изначально держался на кофийских деньгах и на удивительно умном человеке по имени Аскаланте, герцог Тьерри. Его воззрения на Конана было довольно простым — если трон занимает неизвестный никому варвар, а не Эпимитрей, то почему я, человек с родос-

ловной, восходящей к самому Алькою, точно так же не могу претендовать на корону? Этим простота герцога Тьерри и ограничивалась. Аскаланте, по-видимому, однажды приняв предложение кофийского посла, с которым был в большой дружбе, связался с королем Кофа и выяснил, что Страбонус тоже не хотел бы видеть на троне Аквилонии сильного независимого человека. И, между прочим, питал к Конану неприязнь личного свойства. Они мигом сошлись во мнениях и разыскали безвольного, откровенно туповатого «кандидата в короли», единственным достоинством которого была чистота крови. Все-таки граф Дион — троюродный брат Вилера по мужской линии.

Но мне кажется, что, всю используя влияние и деньги Страбонуса, Аскаланте ведет двойную игру. Да, пускай кофийцы помогут на первом этапе, но потом герцог Тьерри и его наследники получают неограниченную возможность влиять на слабого и невежественного Диона, взяв таким образом в свои руки все управление государством. А когда под незаметной (но абсолютной) властью Аскаланте окажется вся Аквилония, можно будет куртуазно указать Страбонусу где его место. Правитель Хоршемиша не рискнет выступать против огромной империи, размерами превосходящей Коф раз в семь, и Аскаланте сохранит личную независимость и заодно честь страны. А потом вполне может случиться так, что Дион внезапно умрет, оставив наследником трона герцога Тьерри. Ведь закон о престолонаследии в Аквилонии недвусмысленно гласит: следующим правителем может быть не только первый сын или первая дочь предыдущего государя, а любой человек, указанный в завещании короля и объявленный наследником не менее чем за сутки до смерти монарха.

Остальные ненавистники варвара или просто случайные люди, желающие погреть руки при смене власти, скорее всего, присоединились к заговору поз-

же. Диона, обычную марионетку, управляемую Аскаланте и Страбонусом, в расчет можно вовсе не принимать. Громал, барон Лакруа, является гораздо более серьезным человеком, который принял участие в заговоре по убеждению и из-за обиды на Конана. При Нумедидесе Громал был тысячником всей гвардии, а варвар отнял у него должность в пользу Паллантида, рекомендованного герцогом Пуантенским. Насколько я знаю, Просперо и Паллантид — дальние родственники...

Третий заговорщик — Волмана, барон Фонтен из Боссонии — обычный властолюбец, отстраненный Конаном от двора. Несомненно, он сообразительный человек и способный, благодаря своему влиянию на родине, поднять боссонские земли за нового монарха. Не сомневаюсь, что его родственники в провинции только и ждут известий из столицы, чтобы начать славить короля Диона. По-моему, именно Волману Аскаланте прочит на должность государственного канцлера. Единственно, по сравнению с благообразным седовласым Публио барон будет выглядеть непредставительно — Волмана невелик ростом (даже поменьше Мораддина) и вдобавок горбун. Но хитер, очень хитер и находчив.

А еще в перевооружении (для меня это было превеликим удивлением!) участвует тарантйская знаменитость. Опустившийся и всегда пьяный Ринальдо. Нет, конечно, он очень хороший поэт, превосходящий талантом даже некоторых древних стихосложителей, но, как я уже говорил, в голове у него недоваренная каша вместо мозгов. Полагаю, Аскаланте взял Ринальдо в сообщники лишь потому, что спившегося стихотворца очень уважает дворянство, а его баллады читают во всех светских салонах. Возможно, Ринальдо продержится на посту вице-канцлера, отвечающего за театры и куртуазное искусство, несколько дней, пока его не оттеснят за пределы сцены. Он просто

неспособен к упорядоченной деятельности. И не удивлюсь, если Ринальдо луны через две-три (если, правда, раньше не умрет от горячки или отравления дурным вином) начнет слагать хвалебные оды покойному Конану, провозглашая варвара «спасителем Аквилонии» и «величайшим из королей». Беда с этими творческими личностями...

Вот и едем мы по набережной Хорота в двух огромных каретах, принадлежащих Аскаланте. Я, герцог Тьерри, граф Мораддин и столь неожиданно присоединившаяся к нам его жена Ринга — в первой, а Ринальдо, Веллан, Эйвинд, Волмана и Тотлант — во второй. Громал ждет нас в замке, у Приречных ворот, а нервного и склонного к истерикам в самый неподходящий момент Диона и вовсе оставили дома. Между прочим, под присмотром некоего Тот-Амона, сына Мин-Кау. Известного стигийского мага. Того самого, при одном упоминании имени которого Конан начинает страшно ругаться и бессвязно грозить. Не знаю, чем волшебник насолил варвару, но мне Тот-Амон показался серьезным и уверенным в себе человеком, вполне достойным уважения... Высокий, здоровенный, только лицо неприятное. Такое впечатление, что этот чародей смотрит на прочих людей, будто на насекомых, однако тщательно скрывает свои чувства. Представления не имею, что он делает в Тарантии...

План заговора прост, как и все гениальное. Король Страбонус нынешним днем все объяснил. Правда, я, выслушивая обстоятельную речь кофийца, едва не расхохотался. Уж не знаю, о чем Страбонус договаривался с Конаном, но выходит так, что Заговор Четырех постепенно превратился в заговор Конана против самого себя. И, кстати, на кофийские деньги — подкупать стражу Громал будет на золото с рудников Страбонуса. К счастью, я не посвящен до конца во все перипетии этой жутчайшей авантюры, но сдаётся мне,

что Аскаланте и прочие заговорщики попались на такой крепкий крючок, что сорваться с него будет просто невозможно.

Так вот, о плане заговора. Мы все — вместе с Громалом полный десяток — должны пройти через караулы дворца, убить «Конана», убрать тело и оставить на месте подложного короля монарха настоящего. Аскаланте с компанией, конечно же, думают наоборот: мы зарежем Конана и вместо него останется приведенный Страбонусом из Кофа безвестный дворянин-двойник, который через несколько дней отречется от престола в пользу Диона.

Если все пройдет гладко, представляю, каковы наутро будут физиономии у Аскаланте и прочих! К ним заявятся люди начальника аквилонской тайной службы барона Гленнора, предъявят обвинение в государственной измене и отправят в Железную башню. А корона вновь будет принадлежать Конану Киммерийцу из Канахов. Только на этот раз самому настоящему.

Вот такая история. Петрониусу подобное и не снилось...

Одна неприятность — вся наша компания, от Ринги до Эйвинда, отлично знает, что во дворце находится существо, убить которое довольно сложно. Если проклятый Тицо, этот пресловутый «Хозяин подземного огня», сумел очухаться после подсыпанного графиней Эрде яда, то встает вопрос: как он воспримет обычные клинки? Несомненно, нечисть боится стали, но в том-то все и дело, что Тицо не является «нечистью». И надо помнить, что Тицо сохранил знания самого Конана и наверняка отлично знает мечный бой. По счастью, Громал должен был подкупить нескольких гвардейцев из Алых Кирасиров, и эти люди составят отряд подкрепления.

...Я выглянул из окна кареты и узрел размытые единым черным пятном на фоне темно-синего звездного неба стены королевского дворца. Подъезжаем.

Аскаланте сохраняет безмятежное спокойствие, только на его лице застыла недовольная мина. Наверное, жалеет о пропущенном обеде.

Госпожа Ринга со своим удивительным супругом сидят на обитых атласом диванчиках так, словно едут на королевский бал. На узких губах графини блуждает ехидно-напряженная улыбка, словно она задумала какой-то веселый розыгрыш, а сам Мораддин молча смотрит в окошко, наблюдая за проплывающими мимо тусклыми масляными фонарями. Этого человека действительно можно уважать — лицо не выражает ни единой эмоции. Такое впечатление, что Мораддин каждый вечер едит убивать короля чужой страны. Вернее, не короля, а таинственное и жуткое существо, хитростью захватившее трон и скипетр.

Вот повозки миновали скупо освещенную таверну для благородных с нелепым названием «Монаршья милость», обогнули полуденный бастион замка и свернули на улицу Отпельников. Здесь должен находиться въезд в замок, используемый для хозяйственных нужд. Сейчас все решится. Поверит ли Аскаланте нашему с Мораджином вранью о том, что Конан со Страбонусом должны подойти к воротам? А когда они там не покажутся, не отменит ли все предприятие, мигом зачислив нас в шпионы тайной службы? Что скажет Громал?

Да ну! Чего гадать? Как будет, так и будет! Конан однажды сказал: «Все дурное в мире лишь кажется человеку. На самом деле есть одно хорошее». Буду надеяться на милость Митры и благоволение Бога Единого.

— Выходим, — скомандовал герцог Тьерри, когда карета остановилась. — Видите, над воротами фонарь с одним зеленым стеклом? Это означает, что Громал нас ждет.

Ночь была прохладной. Все-таки зима наступила. В воздухе кружились редкие невесомые снежинки, со

стороны реки налетал ветерок, спутывавший наши одежды. Улица Отшельников была погружена в крошечную тьму справа и слева, лишь над боковыми воротами дворца сияли два фонаря. В правый фонарь действительно было вставлено стекло изумрудного цвета.

Возничьи Аскаланте отвели повозки в сторону, к переулку Бронзовой Лампы, выводящему на набережную, а все мы собрались у входа в замок. Эйвинд, вышедший с остальными из второй кареты, совсем не понимал, что происходит, и растерянно озираясь, иногда засовывая руку в карман, где лежали ужасно понравившиеся ему апельсиновые леденцы (я заметил, что крестьянин с истинно деревенской запасливостью уволок со стола Аскаланте целую пригоршню этих сладостей). Госпожа Эрде откровенно зевнула, прикрыв рот ладонью, затем оказалась возле Эйвинда, выклянчила несколько леденцов и принялась хрустеть. Веллан выглядел отрешенным от всего сущего, но напряженные жилы на его шее выдавали волнение. Тотлант просто взирал на все происходящее загадочными темными глазами и, кажется, ухмылялся углом рта. Волмана и Ринальдо, с которыми выпало несчастье ехать нашим друзьям, смотрелись чуточку взбудораженно, а поэт наверняка едва сдерживался от того, чтобы заорать нечто наподобие «Смерть тирану!» В общем, сцена, достойная пера Петрониуса.

— Где Его Величество Страбонус и кофийский дворянин? — Аскаланте обозрел окрестности, и стрельнул едким взглядом на меня и Мораддина. — Без них мы не сможем идти...

«Начинается. — У меня упало сердце. — Точно все отменит, и не видать Конану его короны!»

Положение спасли едва слышно скрипнувшие петли калитки, прорубленной в левой створке ворот. Нас осветил оранжевый огонь факела и блеснули серебряные нашивки на черной гвардейской форме. Громал.

— Ваша светлость. — Громал быстро подошел к Аскаланте. — Я вас уже давно жду. Появились некоторые затруднения...

— Ну? — коротко бросил герцог Тьерри. Мне показалось, что он слегка встревожился.

— Сегодня, ближе к вечеру, во дворец привезли двоих людей, — быстро начал рассказывать Громал. — Один из них как две капли воды похож на короля Конана, представляете? Второй смахивает не то на шемита, не то на кофийца или зингарца. Как я понял, их доставили в замок люди начальника тайной службы.

— Вот как? — Аскаланте озадаченно оглянулся. Его взгляд остановился на Мораддине. — Граф, ты же мне говорил, будто...

— Может быть, их схватили по дороге к замку, — уверенно предположил Мораддин и всем телом повернулся к Громалу: — Сударь, этих двух людей допрашивали? С ними говорил король?

— Нет, — покачал головой барон Лакруа. — Краем уха я слышал, что король Конан решил дожидаться утра и только на рассвете побеседовать с арестованными. Беда в другом — прошел слух, будто... — Громал посмотрел на Аскаланте испуганными глазами: — В общем, человек в одежде шемита не кто иной, как кофийский король Страбонус.

— Их нужно спасти! — влез в разговор Ринальдо. — Иначе все провалится! Сотник, где их содержат?

— В подвальной комнате, — быстро ответил Громал. — Усиленная охрана. Полдюжины Черных Драконов, подчиняющихся лично Паллантиду. Полуденное крыло замка.

Аскаланте, немного подумав, отозвал в сторону гвардейского сотника, графа Мораддина и Волману. Они о чем-то говорили, причем у герцога было лицо человека, обуреваемого сомнениями. У меня внутри сжался холодный комок. Неужели весь замысел провалится?

И тут мне пришлось в который раз возблагодарить Митру. Волмана и Мораддин, похоже, переубедили осторожного Аскаланте. Последний вышел к нам и, не отвечая на жгучие взгляды Ринальдо и молчаливые вопросы всех остальных, нехотя проворчал:

— Идемте. Нет смысла ждать или переносить наше предприятие на другой день. Сотник Громал выделит людей из Алых Кирасир для того, чтобы освободить Страбонуса и... и его сопровождающего. Впрочем, этим мы займемся позже, когда главное дело будет выполнено.

— Верно, — кивнул Волмана. — С пленниками до утра не должно случиться ничего дурного. Они заперты, приставлена охрана... Только очень странно выглядит эта история. Такое впечатление, что здесь не обошлось без предательства.

— Меня посетили схожие мысли, — кивнул герцог Тьерри. — Но если бы нас предали, все дворцовые службы предприняли бы чрезвычайные меры, а Громал утверждает, что вечер прошел спокойно, Паллантид не усиливал караулы, король же отправился в опочивальню, как обычно. Что же мы стоим, месьоры?

— Вперед! — тоненько выкрикнул Ринальдо и наконец порадовал мой слух давно ожидаемым: — Умрем за Аквилонию и честь дворянства!

Поэт, что с него возьмешь...

Но прежде чем умереть за Аквилонию, необходимо было попасть во внутренние помещения замка. Как я уже помянул, Громал, отвечавший за охрану полуденного крыла дворца, сменил караулы. Вместо Черных Драконов на страже стояли Алые Кирасиры, причем некоторые посты вовсе отсутствовали.

Мы двигались быстро, ничуть не скрываясь, гвардейцы-кирасиры при виде сотника Громала и высокого Аскаланте с герцогской цепью на шее машинально вытягивались в струнку, но почему-то им не казались странными откровенно простонародные одеж-

ды Эйвинда и Веллана и потрепанный шемитский наряд Тотланта.

* * *

Небольшая задержка произошла возле боковой лестницы, ведущей на второй этаж дворца. Здесь находилось караульное помещение, в котором Громала ожидали шестеро гвардейских офицеров, тоже принимавших участие в заговоре. Напомню, что если Черные Драконы обычно набирались из младших сыновей обедневших благородных семейств и безземельных дворян и были всем обязаны монарху (за что платили буквально собачьей преданностью), то кирасирские и пикинерские гвардейские роты составляли как раз люди обеспеченные. В кирасиры шли не из-за жалования или казенного содержания, а ради карьеры. Небезызвестный Трокеро (теперь сидевший королевским наместником в Пуантене) дослужился за двенадцать лет до чина трибуна Синих пикинеров и мог командовать подчиненным ему десятитысячным войском...

И, разумеется, гордившиеся своей голубой кровью и тихо ненавидевшие варвара гвардейцы «Алого полка» легко поддались на уговоры и посулы Громала, подготавливавшего почву для заговора в самом дворце. Ох, головы полетят вскорости... Если, конечно, замысел Страбонуса и Конана выгорит.

Громал вошел в караулку, было слышно, как он разговаривает там с военными. Остальные переминались с ноги на ногу у лестницы. Наша компания во главе с Мораджином держалась отдельно, возле темной гранитной колонны, поддерживающей лестничную арку. Ринальдо ходил взад-вперед по залу перед лестницей и тихонько бормотал себе под нос. Не сильно ошибусь, предполагая, что в данный момент сочинялась героическая ода «На смерть тирана».

Меня дернули за тунику сзади, я медленно обернулся и увидел огромные желтые глаза супруги гра-

фа Мораддина. Не перестаю удивляться ее молодости и своеобразной резковатой красоте.

— Барон,— одними губами прошептала она и улыбнулась,— вам интересно?

— Очень,— фыркнул я.— Меня другое беспокоит...

— Меня, признаться, тоже,— наклонила голову Ринга.— И Дина. Простите, я так называю месьора Мораддина... И всех остальных. Насколько хорошо ты знаешь дворец?

— Как свои пять пальцев,— уверенно ответил я, не совсем понимая, к чему этот разговор.— От чердака до подвала.

— Вот подвал-то нам и нужен,— столь же тихо призналась графиня.— Я хочу прогуляться вниз. Не составишь компанию?

Любопытно... А эта милая красotka ненароком не забыла слов Громала о полудюжине гвардейцев, охраняющих комнату, где заперты Конан и Страбонус? Вдобавок есть одно неприятное обстоятельство — подземный этаж Тарантийского королевского замка исключительно обширен, коридоры протягиваются на несколько лиг. Впрочем, если отсечь хозяйственные помещения, склады и полузатопленные ходы, примыкающие к Хороту, область поисков резко сокращается. И вряд ли Конана с его кофийским «коронованным братом» засадили слишком уж далеко... И вообще, почему не подождать до утра, как и предлагал Аскаланте?

Я так прямо и спросил. Ринга посмотрела на меня соболезнающим взглядом лекаря, пользующего буйного помешанного, и быстро объяснила:

— Меня терзают подозрения, что эти...— она покосилась на Аскаланте и Волману, тоже переговаривавшихся о чем-то полупшепотом,— что эти болваны испортят все дело. Скорее всего, так оно и произойдет. Двойник не будет смирно лежать в постели, дожидаясь, пока его зарежут. Я думаю, самозванец либо

употребит свои невероятные способности и в одиночку перебьет всю компанию, или же поднимет шум, запрется в одной из комнат, потом сбежится стража Черных Драконов... Результат понятен? А теперь вообрази, что подумает двойник.

— Верно.— Я ошеломленно приоткрыл рот, уяснив ход мыслей графини. Сам Мораддин, молча слушавший нас, согласно кивал.— Тице решит, что союзники Конана пришли наводить справедливость и немедленно отдаст приказ об устранении самой причины беспокойства. «Человека, как две капли воды похожего на короля», просто убьют. И никто ничего не будет знать об истинной подоплеке.

— Вот поэтому,— прошелестела Ринга,— мы незаметно отстанем от общей компании, и ты отведешь меня вниз.

— Вдвоем? — усомнился я.— Там гвардейцы. Шестеро, если не больше.

— Половину охранников я беру на себя,— усмехнулась графиня Эрде.— С нами еще пойдет...— Она стрельнула глазами по сторонам, и ее взгляд остановился на откровенно скучавшем Веллане. Оборотень стоял возле лестничных перил и грыз ногти.— Возьмем месьора Веллана. Именно он может нам пригодиться. Кажется, Веллан недурно управляет с оружием, а в случае чего...— Ринга скорчила страшную рожу и пошевелила в воздухе пальцами так, словно хотела в кого-то вцепиться.— Понимаешь?

Бедный Веллан. Если его опять попросят превратиться в волка или «чудовище», он начнет орать в голос от возмущения.

— Я поговорю с ним,— шепнула Ринга напоследок и незаметным движением переместилась в сторону бритунийца. Я слегка нагнулся к уху графа Мораддина, сохранявшего прямо-таки чутунное спокойствие.

— А если наше исчезновение заметят? И зачем вы тащите с собой Эйвинда? В уличной драке он, не-

сомненно, выйдет победителем, но здесь вовсе не та-верна...

— Ты действительно так считаешь? — ухмыльнулся Мораддин, хитро взглянув на меня. — Не беспокойся, Тотлант волшебством отведет глаза всем остальным, я с ним уже договорился. Вашего ухода никто не заметит. Эйвинда буду охранять я, ничего с ним не сделается. Только пожалуйста, Хальк, не позволяй моей жене влезать в ненужные авантюры. Освободите Конана и Страбонуса и немедленно бегите наверх, нигде не задерживаясь.

Мораддин как бы невзначай отошел в сторону, снова напустив на лицо хмурость. Ринга закончила беседу с Велланом, ободряюще хлопнула по плечу растерянного Эйвинда и шагнула к Тотланту. На этот раз графиня шептала чуточку более громко, и я расслышал отрывочные фразы:

— Ты уверен?.. Я не могу до конца положиться на... — В глазах Ринги яростно прыгали отражавшиеся искорки факелов. — Он обещал это сделать к первому полуночному колоку... Ты сумеешь с ней управиться?..

«О чем они говорят? — нахмурился я. — Или меня не до конца посвятили во все интриги этой ночи? Кто что обещал? С кем должен «управиться» Тотлант? И кем является таинственный «он», о котором упомянула Ринга?»

Мои напряженные размышления прервал неожиданно резкий голос Громала, вышедшего из караулки. За ним следовали несколько молодых офицеров в алой форме, прикрытой выпуклыми начищенными кирасами с гравированной головой льва.

— Поднимаемся. — Показалось, что Громал выкрикнул это слово на весь замок. — По правым боковым коридорам, мимо тронного и парадного обеденного зала. Затем в сторону Зимнего сада и канцелярии дворцовой управы. А там — в жилые покои...

— Та-ак, — вздохнул Аскаланте и взглядом пересчитал всех присутствующих. Нас было семеро, лично Аскаланте, Волмана и Ринальдо, вдобавок семеро «Алых» гвардейцев во главе с сотником Громалом. Все военные, кроме мечей, вооружены арбалетами. Вот теперь я действительно начинаю всерьез уважать Конана. Если для убийства одного человека потребовалось собрать почти два десятка душегубов, то это говорит о многом. Надеюсь, они окажутся на высоте, и наш маленький Тидо не сможет противостоять такой ораве. Если только ямурлакский найденыш не припас каких-нибудь особенных сюрпризов, имеющих отношение к магии.

Мы миновали первый лестничный пролет. Впереди шагал Аскаланте, за ним Ринальдо («творческая личность» уже обнажила меч, что пока было совсем некстати), потом Волмана, Громал со своими гвардейцами, вслед Мораддин и все наши. Замыкали шествие двое Алых кирасир. Вот им-то и должен был отвести глаза Тотлант.

Я, Ринга и Веллан начали немного отставать и оказались в самом хвосте колонны заговорщиков. Едва Аскаланте и Волмана ступили на второй пролет и каблуки их сапог стукнули по лестничному мрамору, Ринга дважды щелкнула пальцами. Наш стигийский маг на мгновение оглянулся. Мне показалось, что на его лбу меж бровей полыхнула едва заметная золотая искорка. Тотчас шедшая посередине графиня Эрде схватила меня и Веллана за рукава и потащила к стене, в тень украшавшей лестницу ниши. Кирасиры, ничуть не удивившись и даже не изменив выражения лиц, потопали дальше, будто бы и не заметив бегства троих членов отряда герцога Тьерри. Полагаю, военные были введены в заблуждение созданной Тотлантом иллюзией. Им показалось, что мы остались на прежнем месте и идем вслед за Аскаланте. Почему я так уверенно об этом говорю? Очень про-

сто. Наверное, оборотень, графиня Ринга и я сам отчасти оказались под действием заклинания стигийца, а потому я с изумлением увидел самого себя, удаляющегося вверх, ко второму этажу. Решительно, надо будет поучиться магии у Тотланта...

— Куда идти? — Золотоокая жена Мораддина чувствительным тычком в бок вывела меня из легкого забытья. Остальные к тому времени уже скрылись за поворотом. — Показывай.

Я лишь махнул рукой, командуя идти за собой, и быстрым шагом направился к узкому боковому проходу для слуг. За моей спиной сопел необычно молчаливый Веллан, тыл прикрывала сама графиня.

Через двадцать шагов я вывернул на подсобную узкую лестницу, ведущую с главной кухни на второй и третий этажи, а заодно и в подвалы, где находились ледники для хранения мяса и рыбы. Беспрепятственно миновав закрытую дверь кухни, мы спустились в мрачноватые и прохладные подземелья замка. По счастью, главный управитель дворца (мой соотечественник — гандер Хорса) заставил всех служек, отвечавших за ночное освещение, зажигать масляные лампы даже в подвалах. Я очень боялся, что придется блуждать в темноте.

— Так, — бурчал я. — Где их могли запереть? Скорее всего, в пустующих комнатах, где прежде размещался архив канцлера... Нашел! — Меня внезапно озарило. — Госпожа Ринга, я вспомнил место, идеальное подходящее для тюрьмы!

— Ну? — нетерпеливо переспросила она.

— Во времена Вилера это была самая таинственная комната во дворце. Там хранились сокровища короны. Сам королевский венец, большая государственная цепь, печать, скипетр...

— Это все очень интересно, — терпеливо ответила графиня. — Но про сокровищницу аквилонских государей ты мне расскажешь потом. Куда идти?

— Налево, — авторитетно сказал Веллан, впервые за весь вечер раскрыв рот. Подобная замкнутость была для бритунийца, наверное, тяжелым испытанием собственной воли. — Видите, здесь развешаны одни только масляные лампы? А сквозняк приносит запах факельного дыма. И еды, причем горячей. Значит, гвардейская стража обосновалась именно в той стороне.

Это полностью согласовывалось с моими умозаключениями. Ныне заброшенная сокровищница Вилера (при Конане коронные драгоценности хранились на последнем этаже главной башни замка) располагалась именно по левую руку от нас.

— Как будем действовать? — тихонько спросил я у Ринги, направляясь вперед по скупому освещенному, выложенному грубым камнем коридору подвала. — Я уложу одного-двух, Веллан еще двоих...

— Не беспокойся, — поморщилась графиня, изящно взмахнув ладонью. — Подойдем, вежливо попросим, чтобы заключенных выпустили... Одна просьба. К тебе, Веллан, это между прочим, тоже относится. Держись у меня за спиной и не лезьте вперед.

— Но... — заикнулся Велл, измеряя взглядом худенькую фигурку Ринги. Однако возражать не решился и пожал плечами: — Как скажешь.

Скажу прямо, что события приключившегося тотчас после этой веллановской реплики, я никак не ожидал.

...Всем обитателям Тарантийского замка известно, что призрак герцога Мартена (убитого клеветами известного короля Сигиберта Воинственного) появляется только в полнолуние, а луна шла на убыль уже в течение четырех дней. Кроме того, постоянным обиталищем этого безвредного, но жутковатого обликом привидения были либо внутренний двор замка с пристройками, либо первый этаж. В подвалах он появлялся исключительно редко, предпочитая до по-

лусмерти пугать рабочих ночной кухни или охранников канцелярии Публио.

— О боги,— простонал Веллан, едва по коридору разнесся душераздирающий низкий вопль.— Хальк, кто это кричит?

Я всмотрелся и увидел размытый силуэт, невесомо двигавшийся по коридору навстречу нам. Так как помянутому герцогу Мартену отрубили мечом голову, призрак тащил таковую часть собственного тела в руках, и эта голова омерзительно ухмылялась.

— Ничего страшного,— Ринга оценила взглядом полупрозрачного фантома и ободряюще похлопала Веллана по плечу.— Никакой черной магии. Самое обычное привидение.

Тень герцога подлетела к нам на расстояние четырех шагов и застыла в воздухе, слегка колыхаясь.

— Убейте изменника,— настоятельно потребовал призрак. Ринга на всякий случай картинно сплюнула через левое плечо.— Сейчас же прикончите его!

— Некогда нам всякой ерундой заниматься,— расхраб्रившийся Веллан, похоже, снова начал острить.— Проходи, милейший, у нас дело важное.

Голова привидения посмотрела на оборотня неодобрительно и, кажется, немножко обиженно, и высказалась:

— Предатель должен быть уничтожен. У-у-у...

Не представляю, каким образом бестелесные тени могут издавать столь жуткие, леденящие кровь звуки. Однако «герцог Мартен» — один из трех обитавших в замке призраков — считался среди придворных самым тихим. О Митра, каковы же остальные?

И тут я, вознамерившись высказать давно умершему герцогу все, что я о нем думаю, остановился на полуслове. Демон меня заешь, ведь мы можем использовать это жутковатое окровавленное привидение в качестве оружия!

Я покосился на Рингу, подмигнул ей и, придав голосу наиболее возможную значимость, сказал:

— А я знаю, кто может отомстить за тебя и отправить к Нергалу предателя.

Что это был за «предатель», не знали даже самые ученые летописцы, однако призрак герцога Мартена постоянно требовал его голову у всех встречаемых.

— Говори-и! — взвизгнуло привидение и для пущего эффекта потрясло руками с зажатой в них головой.

Не ожидал, что Веллан окажется настолько сообразительным. Он опередил мои слова лишь на краткий миг.

— Где-то там впереди сидят гвардейцы,— сказал бритуниец.— Они терпеть не могут твоего изменника. Это его кровные враги.

Призрак молча развернулся и быстро рванул вперед по коридору.

— Поверил,— хмыкнул Велл.— Вперед!

— Какие вы у меня умные, мальчики.— С этими словами графиня Эрде сорвалась с места и побежала за привидением.

Разумеется, тень герцога Мартена нас опередила. Шагов на пятьдесят. Когда мы втроем, изрядно запыхавшись, влетели в небольшой круглый залчик, предварявший бывшую сокровищницу, призрак метался под потолком и вопил что есть мочи.

Да, это было то самое место, о котором я подумал изначально. Небольшая привратная комната, за ней округлая деревянная дверь, окованная сталью и чугуном, с засовом и привешенным для верности замком. Такими обычно запирают конюшни или амбары. Стол, заставленный тарелками и бутылками, несколько скамей, факелы в настенных кольцах, и шестеро растерянных Черных Драконов.

— Убейте его! — верещало привидение, шныряя из угла в угол. Голова свирепо таращилась мертвыми

глазами.— Изменник должен быть обезглавлен! Предатель умрет!

Мы стояли за углом и любовались. Призрак с достойной уважения настойчивостью предрекал смерть предателю, требовал мести и перемежал свои речи истошными криками и завываниями. Гвардейцы (вроде бы серьезные и сильные мужчины) жались по углам и немедленно искать изменника никак не хотели, отчего призрак ярился все больше и больше. Мне показалось, что сейчас от силы исторгаемого им звука рассыплется стены дворца.

— Драконы отлетались,— съязвила Ринга, весело зыркнув на меня и Веллана. Бритунiec, наблюдая за перепуганными военными, едва сдерживал смех.— А сейчас прошу ничему не удивляться. Работаю я одна.

Графиня Эрде вступила в караульное помещение и, ничуть не обращая внимания на бесновавшуюся тень герцога Мартена, медленно оглядела всех подчиненных Паллантида, одного за другим. Невероятно! Они моментально заснули! Или — меня кольнула неприятная мысль — умерли? Нет, ошибаюсь, вроде бы дышат... Я и раньше предполагал, что госпожа Эрде обладает сильным даром внушения, но моментально усыпить шестерых, пусть и испуганных, людей?.. Графиня великолепна.

— Ключ от двери у десятника,— бросила мне Ринга, оглядываясь.— Отопри замок, барон. Только осторожно. У Конана, наверное, очень дурное настроение.

Дрожащими руками я снял с пояса отмеченного двумя нашивками на рукаве гвардейца тяжелую связку, долго подбирал нужный ключ, а разочаровавшийся в людях призрак завис у прохода, взирая на нас слегка обиженно.

— Кто убьет изменника? — тоскливо спросило привидение, пока я возился с ключами.— Отвечайте!

— Обратись к нынешнему королю,— не вовремя хохотнул Веллан, а Ринга, услышав эти слова, заката-

ла глаза и на ее лице отразилось неодобрение.— Второй этаж, королевская опочивальня. Найдешь?

Тень еще немножко поколебалась в свете тусклых факелов и вдруг исчезла. Воображаю, что произойдет, если этот призрак внесет лишней сумятицы в задуманный Аскаланте переворот... Лучше бы Веллан держал язык за зубами.

Наконец бородавка ключа мягко провернулась в чреве замка, мы вдвоем с бритунцем отодвинули тяжелый засов, не без натуги распахнули дверь и на всякий случай отскочили в сторону.

— Какого демона? — послышался очень знакомый мне голос.— Сначала орете, как резанные поросята, потом... Хальк, это ты, что ли?

— Доброй ночи, Ваше Величество,— куртуазно ответил я, быстро поклонившись.— Сожалею, что нарушил твоё уединение...

Конан, в слегка разодранной и закапанной кровью одежде, вышел на порог из темноты, царившей в его узилище. За его плечом виднелась бледная, но спокойная физиономия кофийского короля Страбонуса.

— Клянусь Кромом, Ринга, и ты здесь? — радостно выкрикнул киммериец, узрев графиню Эрде, присевшую отдохнуть на скамью. Та в ответ приветственно помахала рукой.— Веллан? А что это вы здесь делаете?

— Свергаем тирана,— нашел я ответ. Не такой уж и неправильный, между прочим.— Конан, нужно быстро идти наверх. Весь спектакль разворачивается в жилых покоях.

— Значит, Аскаланте так и не переменял решение,— подал голос кофийский король.— А я побаивался, что герцог струсит, и нам с варваром наутро будет предстоять весьма неприятный разговор с двойником.

— Этот урод заходил вечером посмотреть на нас,— сообщил Конан, не забывая, однако, расшнуровывать

перевязь меча гвардейского десятника. Страбонус тоже было дернулся к оружию, но Веллан решительно загородил ему дорогу.— Он действительно невероятно похож. Я уж решил, что ожило мое собственное зеркальное отражение... Боги, ну и мерзкая же у меня, оказывается, ухмылка!..

— Потом расскажешь,— перебила Ринга, вставая.— У нас нет времени на лишние разговоры. Тотлант не сможет долго создавать иллюзию нашего присутствия наверху, а поэтому забирай оружие и идем.

— Опять командуешь? — огрызнулся Конан.— Ладно, сегодня можно тебя послушаться. Поднимаемся наверх, а ты, Велл, присматривай за нашим знакомцем.

Бритуниец взял Страбонуса под свою неназойливую опеку, Конан и я пошли вперед, а Ринга, как обычно, держалась позади. Король Кофа, едва мы начали всходить по лестнице для прислуги, изрядно занервничал. В конце концов, ему просто не хотелось случайно попасть под чужой меч. Ради чего?

Надеюсь, мы успеем вовремя...

* * *

Разумеется, мы рисковали. Вообще-то я уверен, что этой ночью мы были близки к смерти, как никогда. Но эта костлявая беззубая старуха в белом плаще, вооруженная кривым зазубренным ятаганом, потянувшись сразу за многими, и обделила нашу компанию своим вниманием. Как известно, гнаться за двумя зайцами не следует. А еще существует другое, тоже совершенно истинное утверждение: «Кто не рискует, уходит с пустым кошельком».

Мы впятером вихрем взлетели на второй этаж замка по лестнице для прислуги, вывалились в коридор, ведущий к личным королевским комнатам, и сразу поняли, что веселье в самом разгаре. Бедный Тицо, тяжело ему приходится... Хотя вполне может быть и наоборот: сейчас весьма неудобно Аскаланте и

его приятелям. При желании Тицо наверняка может задать жару любому недоброжелателю.

По гулким коридорам разносились азартные крики (удивляюсь, как до сих пор этот кавардак не поднялся на уши весь дворец?). Изредка слышался хруст ломаемого дерева — похоже, где-то вышибали дверь. Вскоре раздался грохот — створки героически сопротивлявшегося притвора, скорее всего, рухнули.

— И что нам делать? — громко спросил Веллан, не боясь, что его услышат посторонние.— Бежим туда?

— Не бежим,— жестко пресекла устремления бритунийца Ринга.— А тихонечко подкрадываемся и оцениваем обстановку. Конан, убери меч в ножны! Если ты сейчас сунешься в драку, тебя могут убить по ошибке люди Аскаланте.

— Может быть, я здесь подожду? — слегка неуверенно предложил кофийский король, который, наклонив голову, вслушивался в звуки царившей неподалеку суматохи.— Эй, варвар, ты обещал, что я останусь жив!

— Не называй меня варваром,— машинально ответил Конан.— Интриган! Хорошо, видишь ту дверь? Это малая оружейная. Забирайся в комнату и сиди смирно. Если нападут — обороняйся сам. Когда все закончится, я тебя найду.

Пытаясь сохранить достоинство, Страбонус без лишних разговоров прошел в сторону оружейной и скрылся за дверью.

— От одного зануды избавились,— проворчал киммериец, неприязненно поглядывая вслед Страбонусу.— Ринга, я все-таки пойду первым.

— Делай, что хочешь,— отмахнулась графиня.— Но если вяжешься в бой с гвардейцами Громала или дворянами Аскаланте до того, как они убьют двойника — я из тебя всю кровушку высосу!

Ринга хитро оскалилась и мне едва не стало дурно. Померещилось, что верхний ряд зубов очаровательно

ной супруги Морадина украшают внезапно выползшие из десны острые звериные клыки.

Все-таки Конан отлично знает военное ремесло. Всегда, в любой напряженной ситуации, когда требуется применять грубую силу, варвар преображается. Его тяжеловесная походка становится почти невесомой, ни одного лишнего движения, тело не напряжено, а скорее расслаблено, но в то же время готово к молниеносному удару. Правильно говорят знающие люди — некоторые варвары еще сохранили талант, сходный со способностями оборотней: на краткое время превращаться в настоящих хищных зверей, имеющих лишь внешнее сходство с человеком. Немудрено, что Конан почти всегда выходил из самых невероятных передряг лишь с парой царапин.

Мы приблизились к развилке — направо находились столовая, приемный зал для гостей и личный королевский кабинет, а если повернуть влево, можно было оказаться возле спален, зала для упражнений, туалетной комнаты и небольшой королевской библиотеки. Конан осторожно выглянул из-за угла, повернулся к нам и нахмурился.

— Два Алых кирасира с обнаженным оружием у входа в спальню. Больше никого нет. Наверняка двойник сумел отбить первую атаку и сбежал в гимнасический зал. Слышите?

Невнятные взбудораженные вопли нападавших немного удалились, однако меня насторожило другое. В голосах заговорщиков слышалась неуверенность. Тице, вероятно, начал показывать свои фокусы...

— Ой, — вдруг пискнула госпожа Эрде, к чему-то прислушиваясь. — Кажется, начинается...

— Что начинается? — мигом переспросил Конан, а Веллан немного испуганно оглянулся. Словно почувствовал неладное. Да и мне самому стало несколько неуютно — какая-то часть души ощутила приближающуюся нешуточную опасность.

— Ринга. — Варвар подозрительно воззрился на слегка побледневшую графиню. — Что происходит?

Откуда-то со стороны парадной лестницы донесся звук шагов, не принадлежащих человеку. Слишком тяжелая поступь, легкое скрежетание, будто когти царапают по мрамору пола, шумное дыхание...

— Прячемся, — резко скомандовала Ринга и, ухватив Конана за запястье, потянула его за собой в темную пристенную нишу, к основанию украшавшей королевские покои статуи какого-то героя. — Велл, Хальк, сюда! Всем сидеть тихо и не задавать вопросов!

— Да в чем дело?.. — попытался возмутиться Конан, но маленькая ладонь госпожи Ринги так сдавила его руку, что варвар непроизвольно охнул и замолчал.

Чужие шаги приближались. Я посмотрел на Веллана — бритуниец совсем затосковал и зажмурил глаза. Конан непонимающе озирался, а Ринга покусывала губы.

Вдруг стало холодно. Я ощутил это не только всей кожей, но и увидел, что наше дыхание начало превращаться в пар. О чем это говорит? Верно, поблизости используется очень сильная черная магия... Во всех трактатах о колдунах, предавшихся темной стороне, указывается, будто злая магическая энергия вызывает мороз. Великий Митра, неужели Тотлант в отчаянии вызвал на подмогу какого-то жуткого демона? Быть такого не может — наш стигиец никогда не пользовался черной волшбой, предпочитая колдовство Алых магов-равновесников... Ой, страшно как...

Действительно, страшно. По мере приближения невидимого пока существа мое сознание все больше застилал мертвящий ледяной ужас. Кем бы ни был монстр, разгуливающий по королевскому замку, встречаться с ним мне совершенно не хотелось.

Медленно, почти невесомо рядом с нашим убежищем проплыл невыразимо огромный черный силуэт.

Два или даже три человеческих роста. Это вам не мирное привидение герцога Мартена... Существо степенно прошествовало за угол, почти задевая широченными плечами стены коридора, раздались пронзительные выкрики гвардейцев, стоявших возле монаршей опочивальни, потом мерзейший хлюпающий звук... И никто больше не кричал.

— Ринга,— позвал Конан, утирая пот со лба.— Признавайся, что это было? Ты же все отлично знаешь, я вижу!

— Потом объясню.— Графиня облегченно перевела дух.— Теперь можно идти. Главное — найдитесь у этой твари за спиной. Тогда она вас не заметит. Похоже, теперь ваш ямурлакский приятель Тицо наконец-то обретет вечный покой.

— Всеблагие боги! — яростно запипел Конан.— И когда все это кончится? Рассказывай, что за чучело ты привадила в мой собственный дворец? Опять что-то натворила и никому ничего не сказала?

Ринга оправила одежду, гордо задрала подбородок и выбралась из ниши. Нам ничего не оставалось, кроме как последовать за ней.

Возгласы, приходившие со стороны спальни и гимнасического зала, превратились в вопли смертельного ужаса. Похоже, что так человек кричит только один раз в жизни — покидая этот мир навсегда. Особенно если при этом такого человека рвут на множество маленьких кусочков...

Мы осторожно свернули налево по коридору, прошли в сторону спальни, а возле самых дверей Конан остановился, посмотрел себе под ноги и присвистнул:

— Лихо...

На полу лежали двое Алых кирасир. Вернее, это было лишь жалкими останками человеческой плоти. Грудные клетки вскрыты громадными когтями, у одного напрочь оторвана рука, которая теперь валяется у дальней стены. Темно-багровая лужа крови,

растекающаяся отдельными струйками по слегка наклонному коридору все дальше и дальше...

А неподалеку вопят все сильнее и обреченнее... Кто-то (или что-то?) яростно рычит, слышатся удары тел о камень...

Громыкнули по каменным плитам подковки сапог. Человек, задыхаясь и постанывая от ужаса, бежал прямо на нас. Я услышал, как лязгнул о мрамор отброшенный им клинок. Веллан на всякий случай направил меч на неизвестного.

— Стой! — громко скомандовал Конан, но выскочивший из-за поворота человек не послушался и собрался было ринуться дальше, к выходу на лестницу. Однако быстрая и сильная рука варвара сцапала его за воротник.

— Пустите! — истерически взвизгнул человек.— Там огромное чудовище! Нам всем конец!

— Ринальдо? — Конан едва не поперхнулся от удивления.— Ты-то что здесь делаешь?

Сбежавший с поля боя и заметно протрезвевший поэт уставился на короля, будто на выползшего из Черной Бездны демона.

— А-а... — Он издал тяжелый хрип и рванулся в сторону. Ворот камзола треснул по шву, Ринальдо освободился от хватки киммерийца и сразу же поскользнулся на еще не остывшей крови Алых кирасир. Какие-то мгновения он размахивал руками в воздухе, судорожно пытаясь что-то выкрикнуть и наконец упал. Его голова с отчетливым сухим звуком ударилась об угол небольшой ступеньки, отделявшей спальню короля от коридора. Ринальдо глухо охнул и затих.

— Проклятье Сета! — ругнулся Конан, наклонившись над неподвижным телом Ринальдо.— Надо же было так неудачно свалиться!

Варвар положил два пальца на шею поэта и озабоченно посмотрел сначала на меня, потом на Рингу.

— Кажется, он умер... Череп проломлен.

— Неважно! — Графиня рубанула воздух ладонью. — Идемте взглянем, что там происходит! Меня уверяли, будто чудовище недолговечно и исчезнет, сделав свое дело.

Держа оружие перед собой на вытянутых руках, мы ворвались в спальню. Зрелище не самое приятное. Несколько убитых на полу, гобелены на стене забрызганы кровью, мебель перевернута и припорошена белоснежным пухом, вылетевшим из распоротых подушек. И кровавые следы, ведущие к двери гимнасического зала, где сейчас и развивалось основное действие. Следы длиной в два локтя, несколько напоминающие отпечаток лапы огромной обезьяны...

— Что же здесь происходит? — зачарованно спросил Веллан и моментально обернулся на шуршащий звук, донесшийся со стороны развороченной кровати с сорванным балдахином. — Эйвинд? Ты жив?

— Немножко, — слабым голосом ответил Эйвинд. Асир прятался под кроватью, но, заслышав знакомые голоса, высунулся. — Тут явилось чудовище и начало всех убивать... Вот я и скоронился.

— Не вылезай оттуда! — на диво слаженным хором приказали Конан и Ринга. — Сиди тихо!

— Понял, — кивнул асир и снова забрался в спастительную тень.

— Ну, — Конан резко выдохнул и обвел нас решительным взглядом. — Идем?

— А что делать? — нервно фыркнула Ринга. — Напоминаю — держитесь у чудовища за спиной. Оно не должно видеть движений... Халък, подбери арбалет и наложи новую стрелу! Увидишь двойника — бей в лицо.

Тут графиня помрачнела и я расслышал ее шепот:

— Надеюсь, с Дином ничего не случилось... Иначе я весь дворец разгромлю.

Двери следующего за спальней зала были наполовину прикрыты, правая створка болталась на единственной петле, янтарная мозаика пестрела кровавы-

ми каплями. Конан собрался, прыгнул вперед, выбросив ногу перед собой, и каблук его сапога ударил по двери. Петля не выдержала и створка рухнула внутрь гимнасического зала.

Мой взгляд сразу напел лежащих почти на пороге Волману и Громала. Боссонец умер нелегкой смертью — скрывавшаяся под одеждой кираса разбита ударом топора, обнажены ребра и виднеется синеватое легкое. Сотник гвардии простерся неподалеку. Его шлем разрублен, череп поврежден настолько, что лица узнать невозможно. Только три серебряные нашивки на рукаве дали мне понять, что это именно барон Лакруа, а не кто-либо другой.

На набитых необработанной овечьей шерстью кожаных матрасах, устлавших зал, лежали трупы Алых кирасир, но эти люди были убиты не земным оружием, а чудовищем, явившимся из самой темной дали чужих миров. Клянусь Дарителем Света, лучезарным Митрой, ничего подобного я никогда не видел, да и надеюсь, не увижу впредь.

Существо стояло, выпрямившись во весь свой немалый рост, в дальнем правом углу большой прямоугольной комнаты для воинских упражнений. Высотой оно было не меньше пятнадцати локтей, черная как смоль, с сине-зеленым отливом шерсть, трехпалые передние лапы, свисающие почти до пола... К счастью, монстр не обратил на решивших принять участие в кровавом спектакле новых действующих лиц никакого внимания. Чудовище было занято — оно с увлечением сжимало когтями горло герцога Тьерри, затем подбросило Аскаланте в воздух и ударило второй лапой. Тело, будто безвольная тряпка, пролетело не меньше семи шагов, врезалось в стену и, рухнув на пол, осталось лежать неподвижно. У меня внутри распространился невероятный жгучий холод, а разум кричал тоненьким голосом загнанного зверька: «Убирайся отсюда! Немедленно!»

— Поглядите, вот он — Конан стоял, прижавшись спиной к стенке и осторожно поводя мечом вправо-влево. Я проследил направление его взгляда и увидел двойника — Тицо. Веллан нацелил на самозванца арбалет, однако медлил с выстрелом.

Маленький негодяй из Ямурлака был зажат черным, похожим на гигантскую обезьяну, колдовским чудовищем в угол зала. Боевая стойка, такая же, как у настоящего Конана, черные волосы разметаны по плечам, в руках любимый двусторонний лабрис киммерийца. Я на миг встретился взглядом с Тицо и едва не потерял сознание: почудилось, будто на меня смотрит сам Конан. Это были глаза нашего короля-варвара — холодные и бешеные. В них явственно читалось: «Меня затравили как собаку, но я никогда не сдамся! Лучше умру, но ждать милости от победителей не стану!»

Я едва не сорвался с места, желая броситься на выручку своему королю. Но в это мгновение черный мохнатый зверь надвинулся на Тицо всей своей тушей, закрыв от нас двойника, занес лапу с тремя длинными саблеобразными когтями и ударил, сокрушая защиту принявшего облик человека Хозяина подземного огня. Потом еще раз, и еще...

Ни одного крика или всхлипа. Только всплеск багрового фонтана, окрасившего выложенные светлым деревом стены гимнастического зала.

...И появившееся ниоткуда знакомое мне изумрудно-зеленое сияние. Словно подземный огонь и составлял истинную сущность своего месора.

— Конец, — отрывисто произнес Конан. — Меня убили. Точнее, не меня, а его. Только сейчас нам лучше уйти подальше, иначе эта тварюга возжаждет и нашей крови.

Ринга властным движением остановила Конана и Веллана, собравшихся покинуть зал из чувства самой примитивной осторожности.

— Смотрите! — торжествующе сказала графиня. — Такого никто никогда не видел и, полагаю, не увидит в будущем, даже в самом далеком.

На фоне клубящегося облака зеленого тумана издыхал чудовищно огромный монстр, уничтоживший Тицо. Вокруг него зазмеились синие молнии, холод усилился и, кажется, снова потянуло запахом грозы. Но вдруг в одной из судорог зверь повернулся своей безобразной харей к нам, его выпученные желтые глаза вновь начали обретать осмысленность, а размывающийся силуэт уплотнился.

— Это было самой большой моей ошибкой, — на одном выдохе проговорила Ринга и попятилась. — Надо было вовремя скрыться! О боги, он нас заметил и теперь не остановится!

— Бежим! — категорично скомандовал Конан. — Кажется, Ринга, твои ублюдочные приятели-маги доколдовались на нашу голову... Уходим, быстрее!

В тот самый момент, когда сызнава воплотившийся монстр ринулся в атаку, мы развернулись и бросились прочь. Когда к нам присоединились Мораддин, Тотлант и Эйвинд я так и не заметил.

ДОКУМЕНТ

Ниже представлен высочайший Эдикт короля Конана, провозглашенный герольдами с Камня Вестников на площади святого Эпимитриуса в 13 день первой зимней луны.

«Аквилония, мои добрые подданные!

Гроза пронеслась над пределами нашего великого королевства.

Чудовищные порождения Небесной горы, опустошавшие наши цветущие земли, привели к гибели десятков тысяч аквилонцев, подорвали устои монархии и государства, привели к смятению в умах.

Однако Аквилония выстояла — волею Солнцезарного Митры, богов, покровительствующих трону и народу, страна была спасена. Первое подземное чудовище погибло еще в пределах Тауранского герцогства, второе, несшее гибель славному Немедийскому королевству, нашему душевному соседу, остановило свою смертельную поступь, сокрывшись и почив во глубинах земли.

Великие короли Заката, объединившись против общей угрозы, поддерживаемые силами Света и Разума, нашли способ погубить чудовище, угнездившееся в Граскаальских горах и несшее человеческому сообществу черноту хаоса. Люди Аквилонии, Пограничья, Немедии, подданные короля гномов Дьюрина, дворяне и простолюдины сделали все возможное и зависящее от них для уничтожения Небесной горы и ее выроdkов.

И вот — свершилось! Опасность устранена, народ снова может вернуться к праведному труду во благо Отечества и Монархии, и славить Вышние Силы за избавление от невиданной опасности...

Король, выполнив свой долг перед памятью Эпимитриуса и собственным народом, возвращается с столицу, дабы приняться за насущные дела во имя процветания Аквилонии и своих благородных подданных.

Однако на его пути, предначертанном провидением, вновь возникают препоны, на сей раз отнюдь не сверхъестественные, но чинимые людьми.

Сколько корысти, бесхарактерности, нечестности, нерыцарственности, безосновательных притязаний гнезилось в душах изменников! Они закрыли глаза на то, что богатое сокровище доверия, коим одарили их король и аквилонский народ, следует использовать лишь во благо, но никак не для своекорыстных предательских замыслов. Если ты хочешь жить для страны и во имя страны, быть близким

к чаяниям народа и короля, то нельзя недооценивать разум людей, надо отвечать на их доверие, а не обращаться с ними, как с неразумными детьми, уповая на то, что они стерпят любой обман, любую измену, любую трусость!

Изменники просчитались.

Благородное дворянство, тарантийцы, все подданные Аквилонии, верные своему государю, отвратились от предательства и тем самым заговор стал лишь недостойным комплотом кучки людей, потерявших любые представления о чести, забывших присягу на верность и исподтишка подталкиваемых иноземными недоброжелателями нашей великой страны.

Благодаря истинным патриотам и верным слугам короля планы изменников были раскрыты заранее и теперь лишь следовало дать заговору возможность проявить себя не в пустопорожних разговорах и злобных наветываниях, но в действии. И вот коварные злодеи начали осуществлять свои гнусный замысел — именно они подталкивали короля к войне с сопредельным государством, рассчитывая ослабить мощь Аквилонии и отвлечь войско от планируемых событий в столице, удалили из Тарантии полки гвардии, призывали к беспорядкам на улицах и разжигали среди аквилонцев ненависть к подданным благородного короля Амальрика Офирского, сердечного друга Аквилонской монархии.

Когда же их планы начали проваливаться, было решено пойти на самое ужасное преступление, уступающее в мерзости лишь богохульству, — на убийство короля.

Лишь благодаря верности гвардии, государственного канцлера, трибунов и тысячников прославленного аквилонского войска подлый замысел сорвался, заговорщики стали жертвами своего же коварства и пали под ударами мечей отстаивавших своего короля благородных дворян.

Беспокойство для государства и трона устранено, король жив и его драгоценное здоровье вне опасности.

Сим Эдиктом повелевается:

— лишить всех участвовавших в заговоре дворян поместных титулов и привилегий;

— даровать его светлости канцлеру Публио, барону Гленнору, тысячнику гвардии Паллантиду, герцогу Пуантена Просперо, а также иным охранителям трона надлежащие награды за заслуги перед Аквилонией, не требующие развернутых пояснений и перечислений;

— во имя избавления короля от гибели, а Аквилонии — от разорения и бедствий отменить добавочный налог на землю, что будет способствовать дальнейшему процветанию наших подданных.

Конан I Аквилонский из Канахов
13 день первой зимней луны 1288 года».

На подлиннике Эдикта, хранящемся в дворцовой библиотеке, рукой Халька, барона Юсдаля, приписано:

«Какое выдающееся вранье! На мой взгляд, Ринга и Просперо несколько переиграли с патетикой, а Конан погорячился, одобряя их сочинение. Однако я не сомневаюсь, что чернь поверит всему... Х.Ю.»

Глава пятнадцатая МОРАДДИН, ШЕСТОЙ РАССКАЗ

Тарантия, столица Аквилонии, королевский дворец.

Ночь с 12 на 13 день — 14 день
первой зимней луны 1288 г.

«...Замысел заговорщиков был прост и незамысловат, как и во всех подобных случаях. Они сумели удалить со своих постов часть преданных королю гвардейцев, беспрепятственно проникли в личные королевские покои, а дальнейшее было уже делом удачи. Однако в события, разворачивающиеся в Тарантийском коронном замке, оказались втянуты слишком много действующих лиц, каждое из которых вело самостоятельную игру. Вдобавок в самый решающий миг, вступил в силу договор конфиденента Немедии и стигийского чародея Тот-Амона. Последствия этого вмешательства были ужасны.

Но, так или иначе, правда все же восторжествовала и корона Аквилонии вернулась к ее законному обладателю. Другое дело, что во все летописи и хроники вошла официальная версия этих событий, наскоро состряпанная собственно королем, герцогом Просперо и представителем Трона Немедии. Почему они сочли необходимым скрыть истину? Кто знает? Скорее всего, из тех простейших соображений,

что подлинные события слишком невероятны и до поры никому не стоит знать о них. Потомки беспристрастно разберутся, кто был прав, а кто виноват, и расставят все по своим местам.

Но дабы у этих самых потомков имелось, на основании чего судить и выносить свой приговор, я и решился записать рассказы всех, принимавших участие в событиях конца 1288 года в Аквилонии. Удалось мне это или нет — судить возможным читателям. А пока этой рукописи суждено отправиться на долгое хранение в библиотеку дворца. Пусть лежит под спудом и ожидает своего часа...

*Из «Синей, или Незаконной, Хроники»
Аквилонского королевства*

Получилось так, что моя дражайшая супруга — светлейшая Ринга, графиня Эрде — из-за собственного своеволия и, на мой взгляд, чрезмерной инициативы — едва не загнала всю нашу компанию в могилу. Спустя несколько дней после ночи «Мятежа Четырех» я все-таки добился от Ринги внятных и подробных объяснений, а когда она рассказала о заключенной с Тот-Амоном сделке, я в очередной раз убедился, что женщин и за арбалетный перестрел не следует подпускать к политике или тайным государственным делам. Однако злиться на Рингу не было причин. Она добилась своего, хотя и рисковала очень многим, включая собственную жизнь.

...Кажется, Хальк уже рассказывал о той холодной ночи, когда незадолго до полуночи экипажи герцога Тьерри подъехали к хозяйственным воротам Тарантийского замка. Равно как и о моем с Рингой решении немедленно освободить Конана и кофийского короля, незнамо как очутившихся в заточении. Тотлант навел морок на прочих заговорщиков, моя жена, королевский библиотекарь и Веллан незаметно

покинули отряд, направившись к подвалу, остальные же продолжали свой путь через пустынные коридоры дворца.

Значительно позже, когда мне стали известны все обстоятельства дворянского комплота, ныне с легкой руки Петрониуса именуемого «Мятежом Четырех», выяснилось, что Аскаланте и его присные не были полнейшими идиотами, как мы все полагали изначально. Заговор планировался в течение несколько лун и охватывал не только кучку бывших придворных и гвардейцев. Все было задумано гораздо шире.

За два дня пребывания в Тарантии ни я, ни тем более Конан не смогли узнать, что в продолжении минувшей седмицы Аскаланте и Волмана, пользуясь отсутствием герцога Просперо, повлияли на руководство армии и квартирующих в Тарантии гвардейских частей, распространив фальшивые слухи о беспокойствах на закатной границе. Уже вернувшись в замок, я лично видел поддельные письма от правителей Закатной Марки, Тусцелана и Конаджохары, доставленные «срочной почтой», а если говорить точнее — переодетыми под королевских гонцов слугами герцога Тьерри. Любопытно, что в Военной управе Аквилонии поверили в подлог и вскоре последовал приказ снять со столичных укреплений несколько боеспособных отрядов и отправить на закат.

Герцог Пуантенский покинул столицу очень вовремя. Типо сам подписал себе приговор, отослав в Немедию человека, являвшегося правой рукой короля. Разумеется, Просперо уехал в сопровождении гвардейских отрядов (этикет обязывает) и, таким образом, в городе оставались лишь полк Черных Драконов (не более двухсот человек, половина из которых несла службу вне строя, за пределами Тарантии), две роты Алых Кирасир (Громал сумел подкупить около двадцати человек) и не несущие охранной повинности отряды гвардейцев. Отсюда можно заключить, что заго-

вор был подготовлен весьма грамотно: приближенные короля, способные в критической ситуации на решительные действия, удалены из столицы, равно как и боеспособные воинские части; некоторые гвардейцы, охранявшие замок, были на стороне заговорщиков, а начальник ночной стражи — Громал — сумел вовремя отозвать телохранителей короля из состава Черных Драконов. Против оставшегося в одиночестве Конана было направлено чуть больше двух десятков мечей непосредственных исполнителей и дворян, возглавлявших переворот. Сколь бы киммериец ни был силен и обучен мечному бою, выстоять против такого количества нападавших он не сумел бы. Это я говорю со знанием дела, будучи достаточно хорошо знаком со способностями Конана. К сожалению, варвар зачастую полагается на свою физическую мощь, не учитывая, что ее способны сокрушить ловкость и примитивное численное преимущество.

Вроде бы переворот должен был увенчаться успехом, так как, на мой взгляд, у Аскаланте имелись все возможности выиграть эту рискованную партию.

Конечно же, таковое стечение обстоятельств лишь играло нам на руку. Если самозванец будет убит, его место немедленно займет «двойник», представленный заговорщикам королем Страбонусом. То есть самый настоящий Конан. Дальнейшее развитие событий видно как на ладони: утром киммериец усиливает охрану дворца, используя верных Черных Драконов, а люди начальника тайной службы барона Гленнора, следуя приказу короля, быстро и незаметно захватывают всех руководителей переворота и препровождают их в Железную башню. Затем Конан отзывает гвардию с заката и начинает прочесывать столицу в поисках оставшихся на свободе заговорщиков.

Наш план, пускай неожиданный и призванный к жизни внезапными обстоятельствами, был прост и невероятно изыскан.

Оставалась одна серьезная препона — двойник. Никто, включая искушенного в отношениях с потусторонними силами Тотланта, не мог предугадать, как Тицо сможет противостоять обычным стальным мечам и убежденности друзей Аскаланте в своей правоте. Это чужое нашему миру существо было непредсказуемо именно из-за своей чуждости. Вдруг на него не подействуют клинки, как не подействовал подсыпанный Рингой яд? Мы имели дело не с «нечистью», боящейся серебра или одного упоминания имен Митры или Бога Единого, а с живым созданием, обладающим неизвестными людям способностями. Однако Конан решил плюнуть на условности и неясности и идти вперед, рассчитывая на удачу и, как всегда, на благоприятное стечение обстоятельств. Нам ничего не оставалось, как следовать за ним.

Одна Ринга сообразила: подобное лечится подобным. Сверхъестественное существо может быть уничтожено лишь точно таким же созданием. В конце концов, демоны происходят родом из чужих миров, сфер, сопряженных в единой Вселенной и, наверняка, имея подобную Тицо силу, смогут уничтожить его. Вопрос в другом — где разыскать для Тицо достойного врага, тоже не принадлежащего миру людей?

Где найти, спрашивается?.. Очень просто — обратиться к знатоку. А кто знаток? Верно, Тот-Амон. Одна беда — у знаменитого стигийского волшебника не было кольца магической власти, и потому Тот-Амон не смог бы нам помочь, даже если бы случилось такое чудо и он захотел оказать Конану содействие.

Но все вышеизложенное было мыслями Ринги, тщательно скрываемыми даже от меня. Она действовала самостоятельно, выстроив надлежащую логическую цепочку и на свой страх и риск создав «заговор в заговоре», каковой находился в центре заговора третьим. Никто ничего не подозревал, кроме разве что Тотланта. Но и он молчал, следуя неоспоримым при-

казам госпожи графини. Правда, наш молодой стигиец спас жизнь мне и Эйвинду, наложив в самый страшный миг на всех заклятие невидимости, ограждавшее от ярости вызванного Тот-Амоном из Черной Пустоты демона.

Впрочем, давайте обо всем по порядку.

* * *

...Дверь в королевскую спальню ломали. Громал распорядился снять с постамента одну из украшавших коридор статуй героев и использовать ее в качестве тарана. Что и было исполнено с превеликим тщанием.

Положенные внахлест дубовые доски дверей плохо поддавались, однако было ясно, что засов долго не выдержит — язычок у него латунный, и металл уже начал гнуться. Аскаланте стоял рядом и распоряжался. Двоих Алых кирасир он отослал ко второму выходу из гимнасического зала (вдруг Конан попытается сбежать?), а заодно урезонивал не в меру разбушевавшегося Ринальдо, потрясавшего кинжалом и вопившего что-то нечленораздельное. Зачем герцогу Тьерри потребовалось тащить с собой этого недоумка — я понимать отказывался.

Наконец, засов сломался. Одна створка двери вообще слетела с петель, вторая уныло повисла на косяке.

— Быстрее! — скомандовал Аскаланте, кивая в сторону открывшегося проема, но сам что-то не торопился подать пример и войти в королевскую опочивальню. Громал бросился туда первым, за ним последовали гвардейцы, Волмана и Ринальдо. Мы с Тотлантом и Эйвиндом скромненько держались в тылу, не желая нарываться на неприятности. Кто знает, какие пакости придумает оборотень из Ямурлака? Он наверняка проснулся и подготовился к драке — грохот импровизированного тарана мог и мертвого поднять из могилы.

Сюрпризы начались тотчас же. Едва миновав порог спальни, сотник запнулся и нерешительно поднял оружие, а я различил мерцавшую в свете факелов багровым светом тень. Тотлант подался вперед, будто увидев что-то интересное.

— У-у! — завывала тень так, что у меня уши заложило, а герцог Тьерри испуганно охнул. — Кто убьет предателя?

— Бестелесный призрак, — бросил Тотлант, пренебрежительно сморщившись. — Я думал, у него найдется оружие посильнее.

Безголовое привидение послужило причиной лишь очень недолгого замешательства. Громал сплюнул, крикнул: «Не бойтесь, это призрак герцога Мартена!» и прошел прямо сквозь окровавленную тень. Как видно, к привидениям во дворце уже давно привыкли.

Вот тут-то все и началось.

Признаюсь сразу — такого сумбура (иного слова и не подобрать) я никогда не видел. Внезапно осмелевшая шайка убийц, подбадривая себя нечленораздельными криками, заполонила спальню. Я верно догадался, что двойник успеет подготовиться к схватке — Конан-не-Конан стоял ближе к левой стене комнаты, неподалеку от двери, ведущей в соседнее с опочивальней помещение. Пламя свечей и факелов играло в его синих глазах.

— Ну? — коротко спросил он. — Как это все понимать, сотник Громал? И какого демона здесь висит это дурацкое привидение?

Громал на миг растерялся. Тот, кого он считал королем, был вооружен секирой и даже успел надеть кирасу с наплечниками и наручами.

— Убьем убийцу! — очень некстати выкрикнул Ринальдо и попробовал протолкнуться вперед. Привидение давно умершего герцога плавало в воздухе рядом с кроватью, добавляя абсурда в разыгравшийся спектакль.

— Смерть предателю, — на всякий случай поддержал менестреля призрак.

Я почувствовал, что сейчас начну смеяться, хотя момент был самый неподходящий.

— Пропустите! — бледный Аскаланте, сжимая меч, миновал строй Алых кирасир и подошел к Грома-лу: — Дайте мне с ним поговорить!

Казалось, Тотланту действо, вершащееся у него на глазах и вполне подходящее для занесения во все летописи и скрижали истории Аквилонского королевства, было совершенно неинтересно. Стигиец с любопытством разглядывал притихшего призрака. Последний таращился на людей с изумлением.

— Ну? — повторил самозванец. — Это что, перевод? Я правильно догадался?

— Совершенно верно, — с трудом сохраняя спокойствие в голосе, подтвердил герцог Тьерри. — Положи оружие.

— А больше ты ничего не хочешь? — оскалился Тицо, и мне снова показалось, что перед нами самый настоящий Конан. Мелькнула несуразная мысль — а вдруг мы что-то перепутали, и здесь действительно стоит киммериец, а не ямурлакский найденыш?

— Если ты сдашься, тебе оставят жизнь, — сказал Аскаланте. — Ты напишешь отречение от престола и эдикт о передаче власти...

Я едва не поперхнулся. Аскаланте что, решил изменить план Страбонуса о замене «настоящего короля» двойником? Впрочем, теперь я никак не мог помешать заговорщикам.

— Отречение? — нахмурился Конан-не-Конан. — Вот что я тебе скажу, любезный герцог... — набрав полную грудь воздуха, поддельный король на одном дыхании выпалил все свои соображения о заговорщиках, их предках, состоянии ума (или, вернее, отсутствии такового) и некоторых других обстоятельствах, связанных с событиями сегодняшней ночи.

Это был своего рода шедевр ораторского искусства, изобилующий красочными эпитетами, нецензурными оборотами, выдающимися метафорами и незатертыми сравнениями; столь замечательную ругань можно услышать лишь в самых похабных вертепах Шадизара, да и то далеко не каждый день. Так ругаться умеет только Конан.

Свалка началась почти сразу. До этого гвардейцы умиленно внимали, явно запоминая эти выдающиеся перлы наемничьего жаргона, Аскаланте попеременно то краснел, то бледнел, а прославленный знаток изящной словесности Ринальдо на глазах начал трезветь. И тут щелкнула арбалетная тетива. У кого-то из кирасир не выдержали нервы. Удар короткого толстого болта пришелся в плечо двойника. Будь это нормальный человек — такового просто сбило бы с ног. Убойная сила стальных арбалетных стрел намного превосходит пращные камни, да и любое другое метательное оружие. Но Тицо мгновенным движением выдернул глубоко засевший в плоти болт, бросил его на пол, зло ощерился и начал очень медленно отступать к двери гимансического зала. Такое впечатление, что боли он вовсе не почувствовал.

— Убейте его! — вдруг истошно заверещал Аскаланте, теряя самообладание. — В конце концов, нас двадцать, а он один!

Соотношение сил было явно не в пользу короля, фальшивый он там или настоящий...

Конан всегда неплохо дрался, даже на мой, достаточно искушенный, взгляд. Несколько раз в поединках «на интерес» варвар умудрялся меня обставить, причем брал не столько знанием определенных приемов мечного и рукопашного боя, сколько многолетним опытом. Хальк сегодня днем объяснял, что Тицо сумел обрести всю память киммерийца, включающую не одни лишь воспоминания о минувших приключениях, но и многочисленные умения Конана-человека.

Похоже, что Тицо сейчас поступал так, как, по его мнению, должен был реагировать варвар. Наш приятель из Ямурлака, вероятнее всего, сам загнал себя в определенные рамки поведения, отринуть которые был не в состоянии. А главной чертой Конана была и остается как раз полнейшая непредсказуемость.

Один человек, стоящий против нескольких нападающих, всегда имеет преимущество. Противники мешали друг другу, скапливались, а небольшое помещение не позволяло им окружить двойника и наносить удары со спины. Несомненно, когда на тебя направлены почти двадцать клинков, хотя бы скользящий удар ты пропустишь, однако успеешь вывести из строя одного-двух атакующих.

Дальний левый угол спальни мгновенно был заполнен разъяренными людьми, сгрудившимися вокруг безуспешно отбивавшегося короля, мелькали клинки, скрежетало железо по железу. На полу уже лежало три тела Алых кирасир — двоих «Конан» убил, еще одного серьезно ранил в бедро своей секирой. Мы втроем по-прежнему не отходили от дверей спальни, да никто и не замечал, что потенциальные заговорщики в виде меня самого, стигийца и Эйвинда не принимают участия в общем веселье. Привидение немного поблекло, превратившись в полупрозрачную тень, и его голова растерянно взирала на происходящее...

— Назад!!! — Я чуть вздрогнул, когда раздался этот рев, принадлежавший фальшивому королю. Его отжали от дверей гимнастического зала и теперь он пытался к ним прорваться. — Мерзавцы!

Все-таки он силен, как Конан, а скорее всего, даже изряднее. Тицо, орудуя как лезвием, так и длинным топориком лабриса, буквально смел с дороги кирасир, пнул ногой раззадорившегося Аскаланте по филейным частям и, слегка подволакивая раненую ногу, кинулся к створкам. Если он займет оборону в две-

рях — сумеет продержаться до подхода Черных Драконов, среди которых, вероятнее всего, уже поднялась тревога. Между прочим, если настоящий Конан не появится немедленно, план сорвется, а Паллантиду со своими верными гвардейцами придется выбирать между двумя совершенно одинаковыми людьми, оказавшимися ночью в королевской опочивальне.

Тицо-Конан, выскочивший на свет, выглядел не ахти. Несколько серьезных ран на руках, кираса прорублена, левый наплечник разбит... Кровь на лице. Прежде чем очухавшиеся от его бешеной атаки заговорщики кинулись вдогонку, он перехватил мой взгляд и, на миг задержавшись, бросил:

— С тобой мы потом поговорим, скотина...

Я ответил. Но только не словами. Рукоять кинжала аккуратно легла в мою ладонь, замах снизу и вот узкий клинок медленно-медленно перемещается в воздухе по направлению к самозванцу. Тотлант за моей спиной бормочет заклинание.

Лезвие даги разминулось с шеей двойника буквально на волосок. Я метая ножи с детства и последний раз промахивался мимо цели лет в двенадцать. Старее, что ли? Или же Тицо сумел предугадать мои намерения и на редкость вовремя успел отклониться? Ерунда. Кинжал летит со скоростью, незаметной человеческому глазу, а нас разделяло не больше десяти шагов. Никто не может уйти от такого удара. Ни один человек.

Но, кажется, Тицо к роду людей имеет лишь самое косвенное отношение, если имеет вообще.

Сначала я решил, что Тотлант задумал атаковать двойника огненными шариками, молниями или еще каким-то сверхъестественным оружием волшебников. Однако, как оказалось, колдун бормотал заклятие невидимости, окутавшее меня с неподвижно стоящим угрюмым Эйвиндом и его самого. Окружающий мир внезапно поблек, будто нас накрыло куполом полу-

прозрачного матового стекла, а Тотлант, прошипев «Прижмитесь к стене!», схватил нас за руки и оттолкнул от входа в спальню. Сделано это было очень вовремя.

Я смутно углядел вздымавшийся и вновь, с неумолимой силой, обрушивавшийся на врагов топор самозванца, видел, как погиб Громал, которому пришлось удар лезвием по голове, как свалился, захлебываясь кровью, Волмана — горбуну Тицо разрубил кольчугу, и сталь глубоко вошла в грудь, ломая ребра... Однако это было уже неинтересно. На сцену вступило новое действующее лицо, не предусмотренное списком участников сегодняшнего действия.

Благодарю Митру за то, что наш мир еще не оскудел волшебниками! Не будь Тотланта — великого мастера иллюзий, способного отвести глаза кому угодно, от нищего до короля и от кролика до демона, пришедшего с Серых Равнин, — мы бы непременно погибли...

Разбивая мощными плечами косяк широкой двери, в спальню ворвалось нечто. Непомерно огромная, почти квадратная фигура с мерцающими иномирным огнем желтыми глазками, черной всклокоченной шкурой и, как я успел заметить, очень большими и острыми зубами. Великие боги Заката, это что еще такое?

— Стоять смирно, — напряженным полупшепотом скомандовал Тотлант. — Сейчас и заговорщикам, и, что самое главное, нашему самозванцу придется очень плохо. У этого чудовища бытует нехорошая привычка уничтожать все движущееся. Пускай мы невидимы, но...

— Твоя работа? — Я, будучи до дрожи в коленях напуган прошеествовавшим мимо монстром, сгреб Тотланта за грудки и слегка потряс. — Что за выверты, стигийский выползень? Этот зверь нас может заметить?

— Нет, — помотал головой волшебник. — Сейчас нас не видит вообще никто. И я не виноват в появ-

лении зверя. Спроси свою жену, она договаривалась с Тот-Амоном...

«Нате вам! — У меня внутри зашевелился холодный и очень неприятный комок. — Старая, много раз повторявшаяся история... Ринга, не потрудившись спросить совета, что-то затеяла самостоятельно? Я же видел, как она днем шепталась с проклятым колдуном, но не придавал этому значения! Ну дела!..»

А чудовище тем временем крушило все подряд. Разметало уцелевших гвардейцев, с каким-то особенным удовольствием разрывая когтями их плоть, загнало остальных в соседнюю комнату, куда сбежал Тицо, а за ним и Аскаланте... Меня больше всего пугало то, что явившийся колдовской зверь убивал молча — ни одного взрыкивания или положенного всякому уважающему себя чудовищу леденящего кровь воя. Он просто исполнял свое предназначение.

— Ты видишь одно из воплощений духа-полубога, — быстрым шепотом давал пояснения Тотлант. — В Дарфаре он считается одним из забытых зверобогов, и вновь воплотить его на краткое время могут лишь величайшие колдуны. Когда демон сделает свое дело, то есть уничтожит здесь всех движущихся существ, он исчезнет. Мы должны стоять и не шевелиться. Конечно, мы сейчас невидимы, но я не знаю всех способностей этого чучела. Мало ли?..

Я оглянулся на Эйвинда. Асира трясло крупной дрожью, со лба катились капли пота. Я никогда не мог подумать, что этот здоровенный сильнющий парень может напугаться так, что уподобится мышонку, которого загнала в угол кошка. Безусловно, раньше видеть настоящих воплощенных демонов Эйвинду не приходилось, однако никак нельзя доводить себя до такого состояния. Я совсем было хотел успокоить его, но тут одновременно произошли несколько событий.

Вызванный Тот-Амоном из мира демонов монстр окончательно разделался с оставшимися в спальне

Алыми Кирасирами и нырнул в гимнасический зал — добивать уцелевших. Эйвинд, едва чудище покинуло спальню, не слушая моего предостерегающего возгласа, рванул к монаршему ложу и, упав на пол, ужом заполз под кровать. И тотчас же я услышал донесшиеся от дверей знакомые голоса.

Пришло время Конану, Ринге, Хальку и Веллану появиться в нашем жутковатом театре, кулисами которого служил коронный замок Тарантии, а декорациями — опочивальня аквилонского государя.

* * *

Тицо умер. Или, по крайней мере, всем нам так померещилось. Казалось бы, обезьяний дарфарский зверобог буквально растерзал двойника Конана и мог с чистой совестью возвращаться в Черную Пустоту, из которой явился. Но надо ж было моей возлюбленной половине и ее болванам-сопровождающим, в том числе и королю, возжелать увидеть смерть Тицо своими глазами! Тотлант позже объяснил, что, убив всех находившихся в поле зрения людей, чудовище уже начало развоплощаться, но едва один из нас пошевелился, тварь вновь обуялась жаждой убийства и решила напоследок заняться нашей компанией. И, что самое плохое, монстр мог остановиться и уйти прочь из нашего мира, только убив всех нас.

Тотлант, уверенный, что зверюга исчезнет буквально через мгновение, снял заклятие невидимости с меня и Эйвинда. Поэтому мы тоже оказались в пренеприятнейшем положении. Чудовище заметило нас и теперь медленно направлялось к дверям в спальню.

— Бежим! — заорал настоящий Конан, только что с любопытством наблюдавший за тем, как поверженного Тицо окружает ореол зеленого тумана. — Уходим отсюда, быстрее!

И мы побежали. Если бы это случилось на войне, то наше бегство могло бы именоваться «планомер-

ным отступлением, вызванным стратегической необходимостью». Вот только «заранее подготовленных позиций» у нас не было.

Конан предводительствовал. Видимо, он хотел завести чудовище в нежилое крыло дворца, найти там помещение, где можно будет спрятаться или хотя бы держать оборону до рассвета, когда любая нечисть исчезает. Одна беда — солнце поднимется не раньше чем через пять колоколов. За это время нас успеют трижды сожрать.

Монстр оказался умнее, чем я думал. Конан, выскочив из спальни, повел нас направо по коридору, к лестнице в Зимний сад. Как раз в той стороне находился второй вход в гимнасический зал и там же стояли двое перепуганных, но не посмевших уйти прочь гвардейцев.

Дверь буквально разлетелась в пыль и мелкую щепку. Никогда не видел ничего подобного, а описания Петрониуса или Стефана Короля Историй, рассказывавших в своих повестях о подобных событиях, полагал сочинительским вымыслом. Кирасиры успели отбежать и, так как находились ближе всего к чудовищу, немедленно привлекли его внимание.

— Назад! — одновременно выкрикнули Конан, Ринга и Веллан, пока зверобог расправлялся с гвардейцами, от ужаса даже не пытавшимися оказать хоть какое-то сопротивление.

— По коридору идти нельзя, — отрывисто говорил киммериец. — Там помещения слуг, гвардии, Канцелярии... Он всех перебьет. Ну что, попробуем забаррикадироваться в спальне?

Общее молчание было красноречивым ответом. Шансов у нас практически не оставалось. Дурацкая ситуация — нельзя задерживаться на одном месте, нельзя спрятаться (чудище все равно нас найдет) и ни в коем случае нельзя выводить монстра к людям. В последнем случае число жертв будет просто безмерно.

Тотлант, на которого я посмотрел с надеждой, отрицательно помотал головой и буркнул, что накрыть куполом невидимости всех семерых он не сумеет. С другой стороны, можно было бы сделать невидимками тех, кто не может хорошо драться, — Эйвинда, Рингу или Халька, а остальным предоставить право выкручиваться как угодно. Но я не посмел даже заикнуться об этом.

Скользя на кровавых сгустках, растекшихся по коридору и пропитавших укрывавшие паркет опочивальни ковры, мы всей гурьбой вломились в разгромленный покой короля. Обстановка пренеприятнейшая: двери выломаны, мебели, которой мы могли бы перегородить два прохода, практически нет. Из оружия только мечи и несколько валяющихся на полу арбалетов, ранее прихваченных с собою Алыми Кирасирами. Однако могло быть и хуже...

— Он пойдет со стороны коридора. — Конан говорил быстрыми, короткими фразами, как и всегда в момент опасности. — Я и Веллан встанем справа от проема. Мораддин, Хальк и Ринга — слева. Эйвинд... Эйвинд, ты чего? Эй, очнись!

Я обернулся и увидел, что наш асир застыл посреди комнаты с абсолютно отрешенным лицом. Он что, с ума сошел от страха? Только помешавшегося нам сейчас не хватало!

Эйвинд медленно, будто разговаривая сам с собой, шевелил губами. Я расслышал непонятные слова:

— Старик... Ты же обещал, что когда будет очень плохо и трудно, ты придешь и поможешь! Мне стоит только позвать...

— Уберите его отсюда! — рявкнул Конан, с оттенком жалости глянув на Эйвинда. Затем король отбросил простой гвардейский меч, который сжимал в руках, и метнулся к настенному ковру, украшенному его любимым длинным клинком, добытым когда-то очень давно, в ранней молодости, при смутных обстоятельствах.

— Старик, я прошу тебя — приди к нам... — твердил Эйвинд, будто не слыша приближающиеся тяжелые шаги черного зверобога. Наверняка чудовище было готово войти в разгромленную спальню и по своему побеседовать с нами. — Старик...

Дверной проем загрозила мохнатая тень. Шаг, второй, и вот толстая, словно древесный ствол лапа зверобога просунулась в опочивальню.

— Канах! — выкрикнул Конан свой родовой клич и изо всех сил двинул мечом по ладони существа, пытаясь отрубить пальцы с когтями. Клинок отскочил. Сей же момент подобравшая заряженный арбалет Ринга выстрелила чудицу в глаз. Болт исчез в почти незаметной глазу тусклой вспышке. Я понял, что это конец. Демон неуязвим.

Веллан неожиданно начал меняться. Лицо вытянулось, превратившись в получеловеческую-полуволчью морду, ладони украсились когтями и в глазах мелькнул синевато-зеленый яростный отблеск. Оборотень ринулся в атаку, отбросив меч. Он уцепился за жесткую черную шерсть надвигающегося на него чудовища, быстро вскарабкался по его груди, вырывая клоки шкуры, и нацелился опять же на глаза...

Может быть, у Веллана получилось бы серьезно поранить зверобога. Что ни говори, а оборотни отчасти владеют звериной магией и куда менее уязвимы в схватке с врагами, имеющими колдовское происхождение. Но чудище просто повело громадной рукой, схватило бритунийца за шиворот, оторвало от себя и, отбросив в сторону, невозмутимо двинулось ко мне. Веллан ударился всем телом о стену, рухнул вниз и затих. Первый убитый...

— Старик! — Эйвинд, по-прежнему стоявший посреди комнаты, неожиданно заорал в голос: — Конан, смотри, он пришел!

— Кто пришел? — выдохнул Конан, державший меч над головой. Я так вообще не мог обернуться,

прикидывая, с какой стороны желтоглазое чудовище ударит меня в первый раз. О погибшем Веллане не хотелось думать, да и некогда было.

И вдруг я почувствовал тепло, пробившееся сквозь жгущий кожу мороз, навеванный зверобогом. Горячие оживляющие струи наполнили откуда-то сверху, в спальне, освещаемой лишь несколькими уцелевшими свечами, появилось солнечное золотистое сияние и...

Монстр остановился, наклонил бугристую голову и низко, утробно заворчал. Первый звук, изданный демоном за весь вечер. Я невольно оглянулся.

Рядом с разбитой, залитой кровью и покрывшейся вылетевшим из перин пухом кроватью короля стоял невысокий, седобородый человек, окруженный теплым желтым свечением, ореолом, дающим тепло и спокойствие. Эйвинд смотрел на старца благоговейно. Конан, решив, что заявилась очередная нечисть, направил на незнакомца острие клинка. Ринга охнула, а Тотлант сложил пальцы в «треугольник Митры» — охранный знак.

— Старик! — Эйвинд шагнул к неожиданному гостю и протянул руку: — Видишь, что творится?

— Вижу, — кивнул незнакомец. Его золотистые одежды с белой вышивкой слегка колыхнулись, а темно-серые глаза спокойно взирали на застывшего черной бесформенной статуей демона. — Конан Канах, подойди.

Барвар бросил недоуменный взгляд на расплывшегося в счастливой улыбке Эйвинда, опарашенного Тотланта и замершую в напряженной позе Рингу, посейчас сжимавшую в руках разряженный арбалет. Один лишь Хальк стоял, скрестив руки на груди, и всем своим видом словно бы говорил: «Я знал, что произойдет нечто подобное».

Не видя для себя опасности в явившемся один Митра знает откуда необычном госте, Конан, позабыв о стоящем за спиной настороженном монстре, шаг-

нул к старику. Тот молча простер вперед ладонь, почти касаясь лезвия меча киммерийца, поводил указательным пальцем над синевато-серой сталью, и, посмотрев в глаза Конану, тихо произнес:

— Ты можешь быть моим наследником. Я вижу это.

— Да? — Конан несколько раз быстро моргнул, замороженно глядя на меч, у гарды которого засветился ярко-голубыми линиями незнакомый символ.

— А ты кто?

— Я всегда был человеком, — грустно усмехнулся старец. — Даже гораздо дольше, чем хотелось бы. Скажи спасибо этому рыжему мальчишке... — Гость указал на Эйвинда. — Не будь его, неизвестно, как сложилась бы судьба Аквилонии. Теперь я ухожу. Что делать — ты знаешь. Удачи тебе, Конан Киммерийский из Канахов...

Свет померк, очертания фигуры старика начали размываться, в комнате свистнул резкий порыв горячего ветра и гостя словно и не бывало. Однако сразу же начал оживать застывший на время зверобог.

Конан не раздумывал. Лишь бросив еще один мимолетный взгляд на клинок, мерцавший у крестовины голубым огнем, варвар развернулся, напряг ноги, чуть присел и, занеся меч над головой, метнул его в магического зверя. Быстрая вспышка желтовато-белого пламени, заполонивший комнату резкий запах грозы, сдавленный и очень похожий на человеческий вскрик...

Чудовище исчезло. Совсем. Растворилось в пустоте, будто уходящий от просыпающегося человека дурной сон.

Меч с глухим стуком рухнул на паркет спальни. Сталь жалобно запела, а из плиток, покрывавших пол, вылетели несколько щепок. Синий значок на лезвии начал таять, оставляя после себя неясные очертания.

— Фу.— Конан вздохнул, вытер рукавом пот со лба и оглядел нас.— Что это было? Чей это, интересно, я теперь наследник?

— Старика,— устало сказал Хальк.— А мы с Тотлантом гадали, кто он такой... Вы знаете, что мы сейчас видели святого Эпимитриуса? Конан, поздравлю, теперь ты действительно законный король Аквилонии.

— Спасибо,— слегка удивленно кивнул Конан и вдруг помрачнел: — Тотлант, ты у нас разбираешься в лекарском искусстве? Посмотри, что с Велланом! Не дай Митра, он сломал шею...

— Оборотни живучие,— слабым голосом ответил стигиец.— Я даже отсюда вижу, что он дышит. Просто сильно ушибся.

— В самом деле? — Варвар позволил себя улыбнуться.— Очень хорошо, займись им. Мораддин, Хальк, идемте в гимнасический зал, посмотрим, что случилось с двойником. Эйвинд, сиди здесь и никуда не уходи, а лучше помоги Тотланту! Ринга, встань у дверей. Появятся чужие — зови меня немедленно.

Конан начал распоряжаться как ни в чем не бывало. Следовательно, теперь он опять чувствует себя королем.

Едва мы вошли в комнату, соседствующую со спальней, из коридора донеслись резкие выкрики военных команд и взбудораженные голоса. Кажется, гвардия и часть придворных наконец-то изволили проснуться. Очень вовремя...

Хуже было другое — Тицо доселе оставался жив. Это я сразу понял, мельком увидев его растерзанное, но все еще несломленное тело. Вернее, то, что от него осталось.

* * *

— Ваше Величество! Солнцезарный Митра, Ваше Величество, что произошло?

Все ясно. Публио. Впрочем, это делает честь железному канцлеру — ночевавший во дворце старик успел подняться с кровати, наспех одеться и прибежать на место событий. Камзол расстегнут, под ним белеет ночная рубашка с кружевами, седые волосы взерошены. Брюхо трясется. И меч в руке. Потрясающее зрелище.

Конан развернулся на каблуке и с непонятным мне выражением лица уставился на ворвавшихся в спальню людей. Его глаза лучились не то насмешкой, не то яростью — сразу не поймешь. Однако варвар сделал одну разумную вещь — перегородил дверной проем, ведущий в гимнасический зал, и подтянул меня и Халька поближе. Мы втроем заслонили от ненужных глаз колеблющийся в соседнем помещении клуб зеленоватого тумана.

Некоторые лица я узнал. Паллантид с первым помощником Лаурисом, несколько десятников полка Черных Драконов, сморщенная физиономия лекаря Монтеля... Четверо придворных, мне незнакомых. Сотник Алых Кирасир — выглядит этот человек крайне расстроенным. Видимо, уже успел обойти посты и выяснить, что его подчиненные нынешней ночью, мягко говоря, ссамовольничали. Почти у каждого в руках оружие. Даже уважаемый целитель сжимает в ладони короткий ножик светлого металла, используемый в хирургии.

— Ваше Ве...— опять завел свою музыку Публио, с неподдельным ужасом оглядывая разгромленную королевскую спальню, пятна крови и почти десяток трупов.

Конан жестко перебил:

— Публио, обо всем поговорим потом. Да, ты не ошибаешься, это заговор. Можешь убедиться, я остался жив.

— Кто?..— Канцлер, лицо которого блестело от покрывавших его капель пота, задал единственный воп-

рос и свободной рукой схватился за сердце. Только не хватало, чтобы сейчас у него случился приступ грудной жабы.

— Герцог Тьерри, сотник Громал и еще некоторые, — быстро ответил Конан. — С ними герцог Дион. Публио, немедленно извести барона Гленнора. Диона необходимо захватить к утру. В его доме может находиться высокий человек с бородавкой на носу, желтоватой кожей и черными глазами. Этого отпустить на все четыре стороны...

— Боюсь, ты опоздал с этим приказом, — нарочито равнодушно сообщила Ринга, поднимая голову. Графиня и Тотлант стянули с безжалостно развороченной кровати уцелевшую простыню, разрезали ее на полосы и сейчас перевязывали Веллана. — Вы никого там не найдете.

— А она что здесь делает? — вдруг оживился Паллантид, всем телом поворачиваясь в сторону графини Эрде. — Государь, ты только вчера приказывал немедленно разыскать эту женщину! И даже убить в случае сопротивления...

— Потом объясню, — повторил Конан со сталью в голосе. — Все предыдущие распоряжения насчет графини и графа Эрде отменяются! Равно как и многие другие. Публио, иди выполняй мои указания. Паллантид, ради всех богов, ни о чем не спрашивай... А эт-то что еще такое?

Нагрянула Эвисанда в сопровождении грифона. Все-таки хорошо, что графиня Аттиос не присутствовала сегодня в опочивальне короля. Подвернулась бы под меч или попала бы на глаза состряпанному Тот-Амоном чудовищу. В лучшем случае ее могло ожидать легкое помешательство.

Если Энунд, ужом проползший через плотный строй совершенно ничего не понимавших гвардейцев Черного полка, стоял смирно и озадаченно поглядывал на Конана единственным желтым глазом, то Эви

внезапно устроила самую настоящую истерику. И не поймешь, была она искренна или же старательно играла на публику. Графиня разрыдалась в голос, бросилась на шею Конану, а тот, лишь поцеловав ее в щечку, кликнул одного из десятников.

— Юстиний, отведи госпожу в ее покои, — бросил киммериец одному из гвардейцев, не без усилия оторвал Эви от себя и успокаивающе погладил ее по плечу. — Мы попозже поговорим, хорошо?

— Бесчувственное животное! — распялив в рыдании потерявший любые очертания рот, выкрикнула Эвисанда. — Я так за тебя беспокоилась!

Окончательно графиню Аттиос добило внезапно раздавшееся насмешливое фырканье Ринги. Прекрасная фаворитка буквально брызнула слезами, закрыла лицо рукой и выбежала из спальни. Вслед за ней топал угрюмый гвардеец. Приказ короля нужно исполнять.

Публио, уяснив, наконец, что от него требуют, кликнул находившегося здесь же государственного секретаря и покинул сцену. А Конан продолжал командовать:

— Паллантид, четверых гвардейцев — к двери гимнасического зала! Никого не пропускать без моего приказа. Отправь человека за жрецом Валамиром в главный храм Митры, комнаты нужно будет освятить именем Солнечного бога. Похоже, действовала черная магия...

— Слушаюсь, государь, — Тысячник привык получать четкие и недвусмысленные приказы и немедленно исполнять их. Полагаю, Паллантид отбросил все раздумья о странностях, сопровождавших переворот, и решил взяться за привычное дело.

Меня поразило поведение Энунда. Грифон не сказал ни слова, однако глядел на киммерийца с явным одобрением. Когда четверо Драконов заняли места у двери соседней комнаты, грифон подошел к ним и

улегся на пол. Словно понял, что в гимнасический зал действительно не следует впускать никого чужого. И любой человек встретил бы на пороге зальчика, где медленно издыхал Тицо, не только мечи четверых гвардейцев, но и крайне разозленного и сильного грифона.

Мы с Конаном оглянулись. Хальк, предоставив королю самостоятельно разбираться с придворными, на свой страх и риск в одиночку подошел к двойнику. Я хотел было предостеречь библиотекаря возгласом (вдруг Тицо сумеет сделать еще какую-нибудь гадость?), но было поздно. Барон Юсдаль смело вошел в колышущийся редкий туман цвета изумруда и присел на корточки рядом с телом самозванца. Честное слово, Халька однажды погубит любопытство.

Конан, напряженно сжимая в руке меч, мягко прошел к дальнему углу гимнасического зала и не без трепета сунулся в зеленое облачко. Я не отставал. Признаться, мне было и жутко, и интересно одновременно. Ринга предпочла наблюдать за нами издали.

— Клянусь Кромом и светлым Митрой, — пробормотал варвар, стоя за спиной Халька, — это просто невероятно...

Перед глазами Конана медленно умирал он сам. Вернее, точное его подобие. Колдовской зверобог, вызванный к жизни магией стигийского волшебника, превратил тело двойника в подобие свиной туши на бойне. Когти чудовища вскрыли Тицо грудную клетку, рассекли тугие мышцы живота, порвав кишки... Правая рука раздроблена, несколько пальцев вообще отсутствуют... На голове, повыше лба — рубленая рана, в которой белеют осколки черепа... Ни один человек не выжил бы, получив такие ужасные повреждения. Однако Тицо еще сохранял способность соображать, и его горло с голосовыми связками не было затронуто когтями дарфарского демона.

— Пришли?... — Меня слегка передернуло от его хрипа. Веки поднялись и под ними обнаружили так знакомые мне синие глаза. Тицо не без усилия перевел взгляд на варвара: — Конан, приблизься.

Киммериец, не выпуская меча, присел рядом с Хальком, заинтересованно рассматривавшим кошмарные раны двойника. Все же не каждый день видишь, как умирает твой король. Наверное, барона Юсдаля, как ученого человека, поражала невероятная живучесть ямурлакского найденыша.

— Ну, что скажешь? — Конан склонил голову и опасно глянул на Тицо. — Ты сам виноват...

Мне почудилось, что это сон. Отчаянно захотелось проснуться. У меня на глазах старый друг, Конан Канах, разговаривал с самим собой. Одно лицо, одни глаза, один голос... И, если верить рассказам Халька, одни и те же воспоминания, что у первого, что у второго. Если называть вещи своими именами, то Тицо в момент воплощения в тело Конана был самым настоящим Конаном. Абсолютный и совершенный двойник. Единственно, опыт их жизни начал меняться в тот же момент воплощения. Настоящий киммериец еще находился в подземельях Граскааля, а Тицо вынужден был добывать себе одежду, деньги, затем являться к Паллантиду и гвардейцам, ожидающим его в гостинце «Корона и посох»... Но есть одна великая разница — Конан всегда оставался самими собой, а в сотворенном магией (или некоей другой силой?) теле двойника жили две души — Конана и существа, называемого нами Хозяином подземного огня. И кто знает, какая из этих двух душ держала верх?

— Да, я не учел непредсказуемость людей... И ныне не понял, что ты такое, — прохрипел Тицо, будто подтверждая мои догадки. — Уже третий раз я потерпел поражение. Нет, не из-за собственной глупости, а потому, что... Люди для меня чужие. Но поверь, я

хотел как лучше... Я должен был сделать то, что мне предназначено. Я не могу отступить от заданного изначально...

— От чего не можешь отступить? — не понял Конан, да и я озадачился словами простертого у наших ног умирающего Тицо. — Ну-ка объясни!

— Нет. — В груди существа булькнуло, он закашлялся и на губах появилась кровь. Обычная человеческая кровь. Темно-красная. — Это тело погибает. Мне не удержаться в нем. Не осталось силы... Хальк и Мораддин знают, что я хотел сделать. Прислушайся к ним... Не следовало доверять людям...

Тицо как-то очень жалобно всхлипнул, закатил глаза, дыхание внезапно участилось и стало более поверхностным. Я много раз видел, как умирают люди. Это, по-видимому, был конец. Странный Хозяин подземного огня, принеший нашему миру столько бедствий, но, если судить по его словам, мечтавший вести людей к «золотому веку», не сумел восстановиться. Раны, пусть даже и смертельные, яд или магическое воздействие не имели влияния на его тело, однако пережить почти полное разрушение своего нынешнего воплощения Тицо не сумел.

Над двойником вновь сгустился зеленоватый туман, блеснули малахитовые искорки, и воздух начал нагреваться. Хальк шарахнулся в сторону, и мы последовали за ним.

Тело воплощения разрушалось. Истаяла кожа, побелели и распались в прах мышцы, обнажились кости, с каждым мгновением превращаясь в невесомую серую пыль... Лишь на полу отразился черный силуэт невиданного никем из живых людей создания чужих богов... Зеленый туман постепенно рассеивался.

— Жуть берет, — передернулся Конан. — Ну, похоже, эта история кончилась. Все-таки он сдох!

— Ты не прав... — тихий, но отчетливый голос донесся откуда-то со стороны.

Я не знаю, что это было. Может быть, морок. Однако негромкие слова различили и Хальк, и Конан, и я сам, и стоявшая в отдалении Ринга...

— Скоро пробьет шесть колоколов полнолуночи, — проворчал варвар, оглядывая место, где только что лежало тело двойника. — Я не спал почти три ночи. Вы уж как хотите, а я пойду отдыхать. Или, может быть, сначала по стаканчику аргосского?

* * *

Отоспаться Конану тогда не удалось, в отличие от всех прочих участников этого памятного мятежа. Вначале ему пришлось ходить с Паллантидом — тысячник, приняв на себя командование всей гвардией, находившейся в замке, менял караулы и по мере возможности успокаивал запаниковавших придворных. Варвар же хотел лично убедиться, что приняты надлежащие меры безопасности и теперь во дворце можно находиться безбоязненно, что ему самому, что остальным. Уставшего до полусмерти Конана не особенно волновало, откуда появился черный демон, прикончивший Тицо, но он решил сам удостовериться, что больше никаких малоприятных магических сюрпризов не последует.

Я и Ринга, дождавшись, когда помощники месьера Монтеля, унесут бесчувственного Веллана в покои, отведенные для главного дворцового лекаря, отправились искать комнату, где можно будет вздремнуть. Эйвинд, простая душа, поступил по-своему. Пока вокруг царила невероятная сумятица, бегали туда-сюда гвардейцы и взвинченные, недовольные собственной оплошностью тихари барона Гленнора, асир прилег на диванчик, стоявший в дальнем конце коридора у дверей королевского кабинета, и заснул как убитый. Хальк, не пожелав наблюдать за дальнейшим развитием событий и задремывая на ходу, кликнул грифона и ушел к себе, в библиотеку.

Только когда мы с Рингой случайно набрали на пустующую комнату для гостей, я понял, насколько устал. Прилив напряжения, вызванный событиями последних дней, схлынул, и, как выразилась моя ученица супруга, «граф Мораддин обрел катарсис». То есть я просто свалился, не раздеваясь, на неразобранную постель, и моментально ушел в сладкое королевство снов. Между прочим, «снов» как такового я не видел, пребывая в мягкой и уютной черноте беспмятства.

Стыдно признаться, но разбудили меня лишь спустя сутки, ранним утром 14 дня первой зимней луны. Ринга (как я заметил, едва открыв глаза) была уже одета, причем в очень красивое, но несколько великоватое ей шелковое платье. Ее золотые глаза были подведены тушью, а на шее сверкало незнакомое мне вычурное украшение на выложенной мелкими алмазами платиновой цепочке. Ей что, очередной орден дали?

— Вставай,— потребовала возлюбленная супруга.— Все интересное проспал. Вчера и сегодня с утра было столько новостей!

Я с тяжелым кряхтением поднялся и тупо уставился на жену. Голова трещала, как после буйной попойки. Нет, так долго спать вовсе не следует...

— Просперо вернулся,— щебетала Ринга, попутно подбирая с пола мои сапоги и передавая их мне.— Как я и предполагала, герцог не поехал в Немедию. Но это пусть он лучше сам расскажет... Дин, немедленно просыпайся и марш в термы! Я распорядилась, чтобы тебе подготовили баню и чистую одежду.

— А где ты раздобыла это? — Я подергал Рингу за подол темно-сиреневого платья с фиолетовой вышивкой и золотым поясом.— По-моему, оно с чужого плеча.

— Конечно,— немного язвительно сказала Ринга.— Я без спросу покопалась в одежном шкафу Эвисанды. У Конана, кстати, личная трагедия — бед-

ная маленькая Эви его бросила. Графиня Аттиос вчера, сразу после восхода солнца, забрала драгоценности, несколько костюмов, свое домашнее животное — ну помнишь, зверя из Ямурлака, которого ты ей подарил? — и, никому ничего не сказав, отбыла из дворца в неизвестном направлении.

Ринга вовсе не собиралась посвящать меня в последние события. Она упрямо шествовала на первый этаж, к термам, а я безвольной тенью тащился вслед. Изредка проходившие по лестницам и коридорам придворные недоуменно оглядывались, однако ничего не говорили. Наверное, их пугал мой внешний вид — опухшая физиономия, красные глаза и кое-где разодранная простецкая дорожная одежда. Кроме того, я, натягивая сапоги, перепутал их и теперь выглядел полнейшим фигляром. Вот вам и хитроумный глава Вертрауэна...

Однако многоопытные банщики привели меня в чувство довольно быстро. Горячая парная, сразу после которой меня буквально затолкали в ледяной бассейн, выжгла из головы сонливость и пустоту, а здоровенный шемит с сильными волосатыми руками так размял мои косточки на массажном столе, что я почувствовал возвращающуюся молодость. Сразу же захотелось есть.

Я облачился в приготовленную Рингой одежду — таковой, к моему ужасу, оказались льняная туника и обширная бело-багровая тола. Сюда же прилагались кожаные сандалии на деревянной подошве. Но что делать, если в Аквилонии такая мода?

Мне, из-за относительно небольшого роста, тола не идет, и я совершенно не умею ее носить. Ринга, увидев висящие на моих плечах длинные отрезки ткани, возмущенно ахнула и, как обычно, начала все делать по-своему. В одном месте подоткнула, в другом закрепила фибулой и, осмотрев меня после этих действий, вроде бы осталась довольна.

— Куда мы идем? — осведомился я. Мы с Рингой поднимались по беломраморной парадной лестнице замка. Сегодня Тарантийский дворец казался мне удивительно новым и светлым — через узкие окна льют потоки солнечных лучей, в которых играют редкие пылинки, стекла витражей бросают цветные отблески на камень облицовки и скульптуры, а бронза так и сияет темно-желтыми переливами.

— Конан пригласил всех на парадный обед, — пояснила Ринга. — Он начнется через половину колокола.

— Всех? — переспросил я. — Что ты имеешь в виду? Всех живущих во дворце?

— Глупости говоришь, — отмахнулась графиня. — Разумеется, только нашу компанию, Паллантида и герцога Просперо. Из женщин приглашена только я. — Ринга фыркнула и добавила: — А графиня Аттиос, как я уже говорила, не будет присутствовать по причине собственной впечатлительности.

Конан никогда не являлся любителем огромных залов и чопорной пышности. Именно поэтому он и приказал накрыть столы в помещении Малой столовой — небольшой, но очень уютной комнатки, вся обстановка которой была выдержана в светлых тонах. Мебель, обивка стен, даже необъятный ковер, устилавший гладкий буковый паркет — были окрашены в белые, беловато-золотые и нежно-серые цвета.

Ринга с наигранной строгостью глянула на гвардейцев, стоявших у двери в Малую столовую, однако те сохранили хладнокровный вид. Дверь открылась, и мы оказались на пороге комнаты.

Ну конечно, все собрались. Кроме задерживающегося где-то Конана, его верного регента и месьора тысячника. Какие знакомые лица...

— Граф! — Хальк первым меня заметил. — Сколько можно было спать?

У ног библиотекаря непринужденно развалился грифон Энунд. Зверюга выглядела сытой и довольной

жизнью. Нелепый синий бантик с хвоста Энунда исчез, равно как и ошейник, зато через всю грудь тянулась блестящая серебряная цепочка из плоских звеньев. Очень красиво выглядит на темно-рыжей шкуре грифона.

Ни дать, ни взять — собрание благороднейших нобилей, а не дружеская встреча нашей сомнительной компании. Все облачены в белые толы, отороченные широкой тесьмой с меандром... Солнцеликий Митра, даже Эйвинда вырядили! Впрочем, если всмотреться, ему это даже идет... Веллан с перевязанной головой глядит на меня небесно-голубыми глазами провинциального искателя приключений. Один Тотлант выбивается из этой благолепной картины — на волшебнике привычная хламида благородного черного цвета с золотой вышивкой и забранной в круг чашей на груди. Хальк небрит — скорее всего, решил заново отпустить бороду. На нем, этом утонченном аристократе, торжественная тола сидит как влитая. Даже четыре положенные складки на груди выглядят идеально ровными.

Чинно, как и полагается уважаемой супружеской паре, мы с Рингой под руку прошли к столу, поздоровались со всеми, получив в ответ от все еще слабого Веллана: «Ну вы и расфуфыренные...», а от Эйвинда: «Здравы будьте, месьоры». Тотлант, как всегда, с улыбочкой поклонился и неожиданно извлек из воздуха цветок лилии, каковой вручил Ринге. Она, вовсе не удивляясь, немедленно пристроила его в прическу, пробормотав:

— Иногда и волшебники могут сгодиться для полезного дела...

В общем, царил непринужденная обстановка. Дождаясь Конана и его приятелей, мы откупорили кувшин с розовым шемским вином и завели светский разговор ни о чем. Хальк возмущался отсутствием во дворце хорошо выделанного пергамента и по-

носил на чем свет стоит скупость Публио, не желающего выделять из казны деньги на библиотеку, Веллан излагал свои впечатления от пользовавшихся его лекарей, их жутких инструментов и противных снадобий, Ринга немедленно принялась блистать глазами и остроумием, Тотлант с Эйвиндом молчали, прихлебывая вино...

— Кто пьет без меня?

Вот и Конан явился. По правую руку от него стоит улыбающийся во весь рот темноволосый красавчик с герцогской цепью на груди, а сзади возвышается почти квадратная фигура мрачноватого сероглазого человека с хладнокровным лицом прирожденного вояки. Светлейший герцог Просперо и тысячник Паллантид. У пуантенца тола синяя с золотом, гвардеец не стал изменять форме Черных Драконов, а Конан одет и вовсе простецки — льняная туника и такие же штаны, тонкий пояс-ремешок и мягкие сапоги из телячьей кожи. Не-ет, это не король. Это варвар. Хотя впрочем...

Наконец все заняли свои места, споря о более удобных сиденьях рядом с Конаном, и варвар, налив в один большой кубок вина, поднял его и провозгласил, обведя всех нас внимательно-смешливым взглядом:

— Ну что, круговую? И пусть каждый скажет что-нибудь хорошее. Я же говорю так: все кончилось относительно недурно. И это главное.

— За нас с вами, — провозгласил Хальк. — И пусть сдохнут все наши враги! Ура?

— Ура! — дружно отозвались все мы.

Конан плеснул в чашу еще немножко вина и, подняв ее над головой, сказал:

— Все, что было в прошлом, ушло навсегда. Теперь будем думать о настоящем и будущем. Знаете, как люди говорят? Кто старое помянет...

Однако помянуть недавние события за этим веселым обедом пришлось еще неоднократно.

Перво-наперво Конан рассказал мне о событиях минувших суток. На первом месте, разумеется, стояло отбытие Эвисанды из дворца. Оказывается, прекрасная графиня (которая изначально подозревала, что вокруг плетутся какие-то невероятные интриги), решила порвать с Конаном после неудачной попытки Ринги отравить двойника. К сожалению, присущий моей супруге Дар внушения не всегда одинаково действует на разных людей. Эвисанда очнулась сразу после исчезновения Ринги из спальни, обнаружила, что все двери заперты, а на кровати лежит... Полагаю, Тицо каким-то образом напугал маленькую Эви. То ли своим видом, то ли необычным поведением. Графиня Аттиос открыла дверь спальни, созвала истошными криками «Король умирает!» стражу, вкратце объяснила примчавшему Паллантиду, что произошло, а затем с плачем убежала в свои покои. Наверное, очень испугалась.

Мне не хочется думать плохо об Эвисанде, но я считаю, что графиня страшилась не столько за короля, сколько за свое положение. А вдруг ее обвинят в попытке отравления? Рингу ведь никто не видел...

А Конану тем временем нужно было объясняться с королевским двором и быстро измышлять более-менее убедительную версию недавних происшествий. По счастью, герцог Просперо (регент вовсе не поехал в Немедию, а остановил гвардейский эскорт верных ему пуантенцев в загородном дворце неподалеку от Тарантии. Просперо чувствовал, что в ближайшие дни произойдет нечто важное, а кроме того, он знал, что на троне самозванец) получил от своих осведомителей в городе сообщение о странной ночной заварушке в замке короны и немедленно вернулся обратно. Нашел во дворце Конана, прекрасно, однако понимая, что рискует — если бы на троне оставался двойник, Просперо не сносил бы головы. Король и герцог заперлись в кабинете вместе с Рингой, сидели там почти два локола и, наконец, состряпали веское объяснение.

Тотчас же призвали Халька и знавший всю подноготную летописец под диктовку моей жены составил эдикт, гласивший примерно следующее:

«Шайка врагов короны составила заговор, который был успешно раскрыт королем и его Тайной службой. Его Величество жив и здоров, заговорщики пойманы или перебиты».

Коротко и ясно. Просперо и Паллантин, которого пришлось посвятить во все до единой подробности, этим же днем начали распространять удобный для государственной власти и поддерживающий ее авторитет слух. Оказывается, все военные приготовления, странности, обуявшие короля в последние седмицы, направление посольства в Немедию, поиск «человека как две капли воды похожего на короля» и некоторых приближенных короля были составными частями изощреннейшей интриги, целью которой было спровоцировать заговорщиков на активные действия и тем самым вывести на чистую воду.

Исключительно изящное объяснение. Оказывается, король Аквилонии и его приближенные «все знали», только старательно разыгрывали спектакль перед непосвященными. Что характерно, это удивительно наглое вранье было принято за чистейшую правду как придворными, так и тарантийскими горожанами. Вот она, высокая политика!

— Постой, постой, — заинтересовался я и перебил Конана, который, посмеиваясь, рассказывал о том, как служащие дворцовых канцелярий, придворные и даже сам великолепный канцлер Публио были введены в заблуждение этой незамысловатой ложью. Я почти не сомневался, что изначальный замысел придать происшествиям во дворце вид заранее спланированной акции принадлежал Ринге. То-то у нее глаза такие невинные. — Конан, объясни, а куда исчезли Тот-Амон со Страбонусом? Кстати, твои гвардейцы сумели захватить герцога Диона?

— Еще как сумели, — помрачнев, ответил киммериец и плеснул себе еще вина. — Нашли с перерезанным горлом в парадной спальне его дома. Труп к утру уже окоченел, значит, Диона прикончили ночью. И я даже подозреваю, чья рука сжимала кинжал... Ринга, твоя работа?

— Не понимаю, — искреннее возмутилась моя жена. — Почему во всех смертях обвиняют маленькую слабую женщину? Я здесь совершенно ни при чем! Если ты, Конан, жаждешь отомстить убийце Диона, поищи его в Стигии...

— Понятно, — хмыкнул варвар. — Никто не желает посвятить бестолкового короля во все тайны провалявшегося заговора. Ринга, я знаю, что ты осведомлена больше других. Скажи хоть, Тот-Амон остался в Тарантии?

— Нет, — уверенно покачала головой графиня. — И без особой нужды он здесь больше не появится по крайней мере в течение года, а то и больше. Ты лучше про письмо расскажи...

— А-а! — Конан ударил себя ладонью по лбу и полез в сумочку, висевшую на поясном ремне. — Посмотрите, друзья, что нашли в доме Диона. Это было приколото кинжалом к его трупу.

Небольшой пергаментный листок прошел по рукам, некоторые морщились, другие посмеивались. Когда странное письмо оказалось перед моими глазами, я прочел выведенные твердым ровным почерком строчки:

«Мой дорогой варвар! Пожалуй, это был первый и, надеюсь, последний случай, когда нам пришлось трудиться на благо друг друга. Учти, я согласился помочь не ради искренней любви к тебе, но лишь потому, что твои присные прибегли к пошлейшему шантажу. Кроме того, я достаточно разумный человек и склонен полагать, что твое (рассчитываю, недолгое) правление принесет куда меньше бедствий, не-

жели царствование не поддающегося объяснениям существа, занявшего твое место. Уверен, что наши пути еще пересекутся, и тогда мы сможем поговорить на равных.

Итак, до встречи в будущем или прошлом, в этом мире или в другом, в жизни или в смерти. Тот-Амон, сын Мин-Кау, родом происходящий из Птейона, Стигия».

Такое вот нагло-угрожающее послание. Признаться, я разочаровался. Создалось впечатление, что я прочёл письмо обиженной шлюхи к бросившему ее богатому покровителю. Прежде я был уверен, что этот стигиец куда более солидный человек. Ему бы следовало уйти вообще без единого слова...

— Теперь, мне объяснят, кто шантажировал Тот-Амона? — Конан прямо задал вопрос, в упор глядя на Рингу. — И в чем состояла эта интрига? Ринга, признавайся!

— У каждого можно найти свои маленькие слабости, — невозмутимо ответила моя жена и обольстительно улыбнулась Конану. — Даже у тебя. Я не буду ничего говорить. Догадаешься сам — хорошо, не догадаешься — еще лучше.

— Какая жалость, — медленно начал Конан, — что ты подданная другого монарха, с которым я не хочу ссориться. Будь по-другому — ты сидела бы в Железной башне и ежедневно знакомилась со всякими милыми штучками, наподобие зингарского сапожка или раскаленных клещей...

— Фи!.. — поморщилась Ринга. — Еще называется — старый друг! Я в поте лица трудилась во благо Аквилонии, а что взамен? И вообще, ты обещал мне орден! И моему супругу тоже.

Нате вам. Когда это Конан успел пообещать орден для меня и Ринги? Такое впечатление, что Ринга коллекционирует награды — у нее и без того есть почти полный набор немедийских орденов, подарки

от государей других стран и куча «скромных подношений» от многочисленных друзей. Ринга оправдывает это, на мой взгляд, возмутительное стяжательство тем, что «нужно хоть немного оставить на будущее, чтобы дети жили безбедно». Еще бы, только немедийский Орден Чести с огромным рубином в платиновой оправе стоит столько же, сколько средненькое баронское поместье...

Начавший хмелеть Конан подумал над словами Ринги, потер лоб ребром ладони и повернулся к Хальку:

— Юсдаль, у тебя перо и чернила с собой? Очень хорошо. Возьми пергаменты и быстренько напиши указы о награждении графа и графини Эрде орденами Большого Льва. Пусть подавятся.

— Благодарим, Ваше Величество! — фыркнула Ринга и перевела разговор на другую тему. — Так что случилось со Страбонусом? После той ночи я его ни разу не видела. Надеюсь, ты его не зарезал в темном углу или не уpek в Железную башню? Это нарушение этикета...

— Какое! — отмахнулся киммериец, наблюдая, за тем, как Хальк каллиграфически выводит буквы указа на желтоватых листках пергамента. — Все-таки я считаю себя честным человеком. Я обещал Страбонусу жизнь за мою корону и сдержал слово. Вчера утром его проводили в дом торговца Антония, он с помощью каких-то магических снадобий восстановил Портал и ушел в Хоршемиш. Екатерина дорожка!

— Он что-нибудь сказал тебе напоследок? — поинтересовался Просперо.

— Несомненно, — подтвердил король, — пожалел о том, что такой замечательный замысел пошел псу под хвост, но больше... Страбонус умеет держать свое мнение при себе. Думаю, он на меня всерьез обиделся и, по натуре своей, еще немало зла причинит нам и впоследствии.

— Это вовсе не зло, а высокая политика,— безапелляционно заявила Ринга.— А хотите расскажу, кто был связан непосредственно с кофийским королем? Я говорила, что увидела в Ианте, в доме моего прежнего содержателя, тайное письмо с отчетом о покушении. Конан, ну ты помнишь, как тебя хотели убить в какой-то деревушке?

— Верно,— подтвердил король.— Шайка безмозглых болванов. Они напали на наш отряд в Артене, когда мы все ехали к Ивелину, затоплять подземную тварь.

— Письмо написал Громал,— весело сообщила Ринга.— Когда я уходила из кабинета герцога Просперо, я случайно заметила на его столе бумагу с отчетом о снабжении гвардии, написанную тем же почерком, что и письмо в Хоршемиш. Остальное сообразить нетрудно.

— Ты все знала? — одновременно вскинулись Просперо и Конан.— Но почему никого не предупредила?

— Зачем? — недоуменно подняла брови Ринга.— Конечно, когда мы приехали в Тарантию, я собиралась все рассказать королю — то есть Тицо,— однако, почувствовав подмену, решила, что если заговор будет раскрыт, мы не получим возможности устранить самозванца чужими руками. Видите, как все просто?

— Интриганка,— буркнул Конан.— Слушай, Ринга, переходи ко мне на службу. Озолочу. И мы старые друзья, в конце концов!

— Твои подружки мне глаза выцарапают.— Моя жена тихо рассмеялась.— И, кроме того, я давала присягу Немедии. Ты бы изменил слову?

— Извини,— улыбнулся варвар.— Я забыл, какая ты у нас преданная.

— Конан,— неожиданно воспрял Тотлант,— а позволъ узнать самую таинственную для меня часть этой истории. Каким образом вы со Страбонусом попа-

лись в лапы тайной службы и оказались во дворце, в заключении?

— О! — хохотнул киммериец.— Теперь я точно могу дать барону Гленнору графский титул! Нас просто выследили. Барон Гленнор не зря занимает должность главы тайной службы. Он очень умный человек. Гленнор объяснялся со мной вчера и рассказал, в чем суть. Мы слишком часто появлялись в городе, и любое наше появление было связано с довольно громкими событиями. Гленнор, обдумав полученные новости, начал искать предполагаемое место убежища «человека, как две капли воды похожего на короля», и его спутников. А где в Тарантии можно найти неприкосновенное для государственных властей укрытие? Верно, в Обители!

— Однако Обитель Мудрости довольно большая,— заметил Паллантис.— Множество учебных зданий, домов для слушателей...би

— Просто люди Гленнора ненавязчиво расспросили сторожей,— пояснил Конан.— И довольно быстро обнаружили наше временное пристанище. Сначала схватили Робера, припугнули его, устроили засаду... А когда мы со Страбонусом явились в Обитель Мудрости, отдохнуть до полуночи, нас попробовали скрутить. Если бы людей из тайной службы было поменьше, мы отбились бы, но когда на тебя наваливается почти двадцать человек... Меня и Страбонуса мигом отправили во дворец, а Робера — в Железную башню. Я, кстати, вчера распорядился его выпустить и передать от моего имени тысячу золотых. Как возмещение за неудобства.

— Воображаю, какая пьянка сейчас в Обители Мудрости...— Хальк поднял голову от пергаментов.— Что ж ты мне не сказал? Я бы сходил, поучаствовал, вспомнил старые, добрые времена.

— Тебе не нравится мое вино? — С наигранной обидой киммериец воззрился на барона Юсдаля.— Ты предпочитаешь дешевое прокисшее пиво?

— От пива я бы не отказался,— подал голос доселе молчавший Эйвинд. Роскошная тола на его плечах смотрелась скомканной простыней.— И вообще, государь, скажи спасибо Старику. Без него ничего не получилось бы.

Сам того не предполагая, Эйвинд послужил причиной тотчас зародившегося очень длинного яростного спора. Кем все-таки был тот сияющий солнечным светом призрак, благословивший Конана на царство и оставивший отметину на его мече? Просперо, например, утверждал, что явился сам Митра; Ринга заявляла, будто всем нам в горячке боя просто померещилось, а Хальк, Эйвинд и Тотлант утверждали — с Высоких Небес снизошел дух прославленного основателя Аквилонии, дабы помочь новому королю, могущему основать династию, способную привести королевство к вершинам, не достигнутым прежде кхарийцами, валузийцами или даже атлантами.

— Конан,— меня взволновали эти противоречивые суждения и я решил выяснить все до конца,— помнишь, человек из солнечного луча поставил отметину на твой клинок? Ты кому-нибудь показывал ее? И вообще, что там изображено?

Варвар поднялся, подошел к стойке для оружия, где на деревянных полочках лежали мечи Паллантида, Просперо, Веллана и его собственный, двумя руками осторожно взялся за ножны и вытянул из них клинок на половину длины.

— Посмотрите сами,— сказал Конан.— По-моему, здесь нарисована какая-то птица...

— Птица в языках пламени! — воскликнул Хальк, бросаясь к киммерийцу и буквально впиваясь взглядом в серовато-синее лезвие меча.— Великие боги! Конан, почему ты мне раньше не сказал, и почему я, дурак, не догадался сразу осмотреть клинок!?

Я тоже подошел к Конану и воззрился на странный символ, глубоко выжженный на металле. Напо-

минающая орла птица с поднятыми головой и крыльями была коронована пятизубым венцом. Окружали изображение буйные струи огня, одновременно пожиравшие рисунок и испускаемые им. Известный геральдический символ феникса. Только что может означать феникс на мече?

— Символ святого Эпимитриуса! — яростно жестикулируя, разорвался Хальк.— Судя по легендам, на пустом саркофаге преподобного отца Аквилонского королевства тоже был нарисован феникс, возрождающийся из пламени! Этот меч теперь может быть таким же символом страны, как монарший венец или скипетр!

Конан озадаченно внимал.

— Скажешь тоже,— насмешливо фыркнула Ринга.— Конан, приезжай к нам в Бельверус, тебе подобный значок выгравировут за четверть солида в любой оружейной лавке. Не верю! Праведники и боги редко снисходят на грешную твердь.

— Вот и неправда! — Эйвинд обиженно засопел, вмешиваясь в разговор.— Я точно знаю, что приходил Старик, с которым я разнакомился в подземелье Хозяина! Его голос, да и пришел он по моему зову. Старик еще тогда говорил: «Будет плохо — позови меня!»

— С детьми и безумцами я не вступаю в споры,— прохладно ответила Ринга.— Я верю лишь тому, что вижу своими глазами.

— Нет у вас ничего святого, госпожа графиня,— возмутились одновременно Хальк и Эйвинд.

Библиотекарь, немного подумав, ошеломленно продолжил:

— Так что же получается? Эпимитриус тоже был пленен Хозяином Небесной горы несчетные годы назад? Или все-таки мы ошибаемся?

— Не знаю,— покачал головой варвар.— В этой истории осталось еще столько тайн, что мы не суме-

ем разрешить их и через десяток лет. Одни люди говорят, будто гробница Эпимитриуса расположена в одной из пещер Голмайры. Публио недавно в приступе благочестия заявил, что Эпимитриус похоронен едва ли не в подвалах замка... Ну, вы знаете, той старой части, что была возведена еще королем Гвайнардом.

— ...Еще есть мнение, что по особому благоволению богов Эпимитриус обрел бессмертие и поныне бродит по Аквилонским дорогам в образе нищего, помогающего бедным,— вставил Хальк и его тотчас дополнил Просперо:

— А в Пуантене я слышал легенду о том, что Эпимитриус был земным воплощением Митры, желавшего установить на земле справедливость...

— Я слышал другое,— проворчал Паллантид,— якобы преподобный отец королевства был великим полководцем и погиб в бою.

На некоторое время установилась тишина. Наконец Конан широко улыбнулся и сказал:

— Не понимаю, о чем спорим? Явился к нам Эпимитриус или нет — есть ли в том разница? Одно знаю: Эйвинд позвал бога или полубога, для которого любая черная магия приблизительно то же самое, что для нас — лошадиный навоз. Однако на всякий случай я пошлю в главный храм Митры, к жрецу Баламиру, лучшего быка для жертвы и подарю жрецам пять тысяч золотых. Если боги не забывают о нас, смертных, то и нам не резон оскорблять богов невниманием.

— Пять тысяч!? — У Ринги глаза на лоб полезли. — Пять? Пять тысяч золотых для храмов и разжиревших служек в белых рясах? Ты с ума сошел! Что скажет Публио?

— Канцлер, очевидно, будет гневаться,— подтвердил Конан и очень похоже передразнил старика Публио: — «Но, Ваше Величество, казна пуста! Недобор

налогов, недоимки с крупных землевладельцев, купцы не оплачивают сборы!...» — Варвар махнул рукой и сказал своим обычным голосом: — Есть у меня такое чувство, что без вмешательства богов эта история кончилась бы для всех нас очень плохо. Ринга, не скупись. Это все же мое золото, и только мне решать, на что его тратить.

— С возрастом ты стал суеверен,— хмыкнула моя жена и тут же обернулась.

В дверь постучали, а затем створка приоткрылась. Показалось, как всегда озабоченное и серьезное круглое лицо Хорсы — дворцового управителя.

— Разрешите, Ваше Величество?

Хорса вопросительно посмотрел на Конана. Киммериец уверенно кивнул управителю, приглашая того пройти в комнату.

— Ну? — Конан исподлобья воззрился на Хорсу, зная, что тот обычно приносит неприятные новости. — Что случилось на этот раз?

— Государь,— с расстановкой начал Хорса, приняв величественный вид доподлинного управителя, от которого зависит обустроенная жизнь Тарантийского дворца,— к вам гонец с севера. Настаивает, чтобы немедленно увидеть короля. Говорит, у него важные известия.

Мигом насторожившись, Конан сделал знак впустить посланца. И через несколько мгновений перед ними возник человек, обликом и одеждой смахивавший на младшего сына захолустного гандерландского барона — волосы светлые и длинные, покрытое пылью лицо, дорожная кожаная куртка и заляпанные глиной сапоги. Однако на груди красовался гербовый знак с вепрем. Конечно же, символ баронства Линген — не зря я так долго сидел над геральдическими уложениями Аквилонии!

— Антилий? — изумился Хальк, едва завидев прибывшего во дворец молодого человека и сразу же по-

вернулся к мрачноватому Конану: — Государь, это же племянник барона Омсы из Лингена! Помнишь, того самого дворянина, который привез Энунда в столицу?

— Знаю, — отмахнулся король. Неожиданно поднял голову грифон, лежавший у ног Конана. — Выслушай, что он скажет. Мне это не нравится. Антилий, повтори свое известие.

Гандер оглянулся на Халька, дружески кивнул ему и четко, с расстановкой произнес:

— Месьор барон, мой дядя, Омса из Лингена просил сообщить королю Аквилонии и его придворным, что три дня назад волшебная стена вокруг Ямурлака полностью восстановилась. Ни один человек теперь не может проникнуть в пределы Забытых земель...

Грифон встал, широко расставив свои мощные лапы, и злобно зашипел, взъерошив перья на округлом затылке.

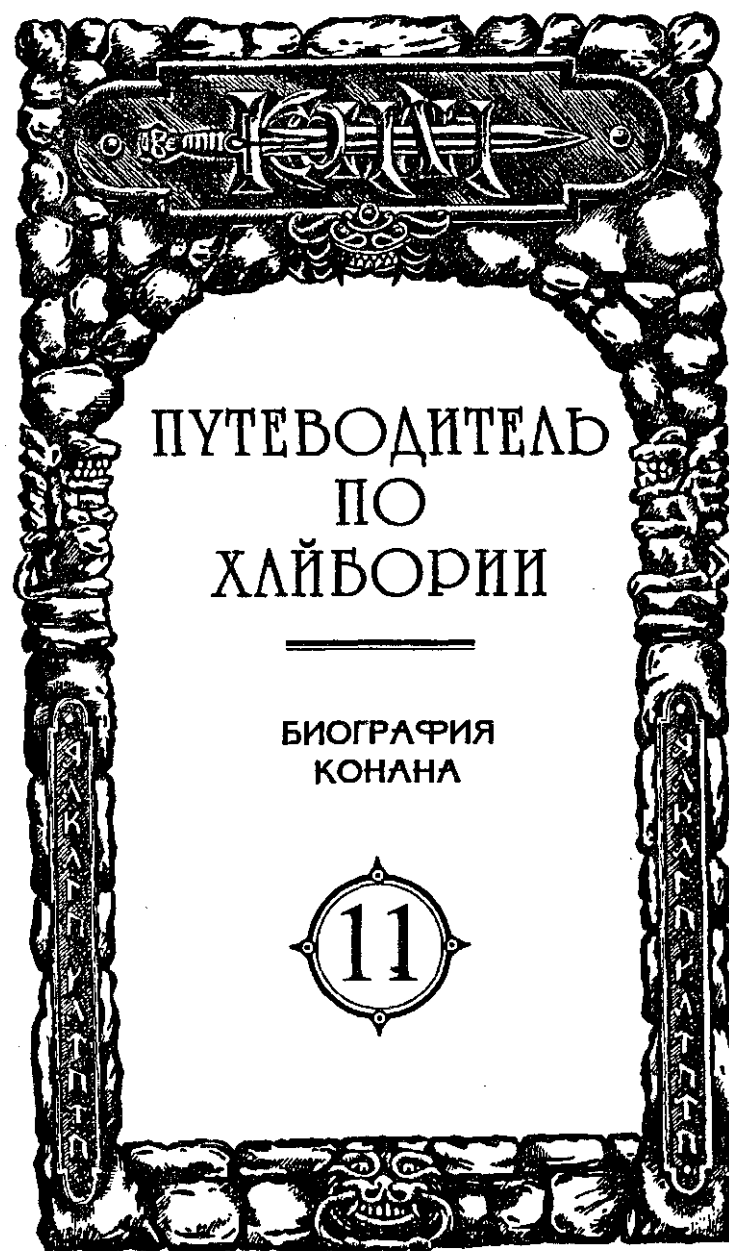
— И что теперь делать? — Конан обвел меня, Халька, Просперо и Рингу сумрачным взглядом. Майлдаф стоял за моей спиной не шевелясь и ничего пока не понимая.

Ответ дал Энунд, которого вовсе не спрашивали:

— Осталось одно — ждать. Ждать, когда он снова воспрянет.

Энунд уселся на пол, почесал шею задней лапой и добавил своим металлическим голоском:

— Он вернулся в Ямурлак, это ясно как день. Однако не беспокойтесь — на вашем веку он не вернется. А может быть, останется там навсегда...

БИОГРАФИЯ КОНАНА ИЗ КИММЕРИИ

Кристина Стайл «Дочь кузнеца». Отец Ниуна умирает, не успев обучить сына кузнечному ремеслу, и тот отправляется искать учителя. В дороге ему удается спасти от разбойников прекрасную Маев, ради любви к которой Ниун готов даже отказаться от заветной мечты. Какова же его радость, когда он узнает, что отец возлюбленной — кузнец и готов взять будущего зятя в ученики.

Кристина Стайл «Предсказание». Ниун и Маев ждут ребенка, и матери хотелось бы узнать, что ждет ее дитя в будущем. Но в обмен на предсказание ясновидящий требует, чтобы кузнец Ниун выковал ему меч, равного которому еще не создавали в Киммерии.

Даниэл Уолмер «Дважды рожденные». Конан подростком раскрывает козни деревенского колдуна Буно, превращавшего погибших людей в своих безвольных слуг ради поиска подземных сокровищ.

✓ 29 Донован Фрост «Копье Крома». Юный Конан во время скитаний по глухим киммерийским лесам похищает молодого аквилонца, который оказывается племянником герцога Орантиса Антуйского. Конан успешно сражается с целым отрядом, посланным на поиски Эйольва, убивает вождя ваниров Атли, мстя за смерть своих родичей, и принимает участие в штурме форта Венариум.

Майкл Мэнсон «Дар Митры» (ч.1,2). Еще в ранней юности столкнувшись со Слугами Митры, обладающими Огненной силой, Конан мечтает стать одним из них. Отправившись к

Наставнику, обитающему в горах Гиркании, Конан учится получать Силу и управлять ею. Но убив человека, просящего пощады, он вызывает гнев Митры, и тот лишает его Силы. Для искупления вины Конан отправляется в Нижний Мир, где просит милости у бога и получает прощение.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Воинство мертвецов» («Легионы мертвых»). Конан принимает участие в походе асов, которые хотят освободить дочь их вождя Ранн, похищенную гиперборейцами. Конан тайно проникает в крепость Халогу и освобождает Ранн. Владычица Халог колдунья Ваматар посылает в погоню за беглецами возвращенных к жизни мертвецов, в сражении с которыми все асы гибнут. Конану удается спасти Ранн, но сам он попадает в плен к гиперборейцам.

Дуглас Брайан «Песнь снегов». Конан, взятого в плен в Халогу, обучают боевому мастерству и выпускают на арену в качестве гладиатора. Брат хозяина Конана Сигмунд и его дочь Соль — оборотни-волки, держащие в страхе всю Халогу. После того как с его помощью оборотни уничтожены, Конан бежит из Халог и отправляется на поиски приключений.

Лин Картер, Леон Спрэг де Камп «Поединок в гробнице». Бежав из плена гиперборейцев, Конан направляется в Замору. На него нападают волки, от которых киммериец спасается в пещере, где обнаруживает высохшую мумию. Когда он пытается завладеть ее мечом, мумия оживает. В поединке Конан побеждает и, забрав меч, продолжает свой путь.

Андре Олдмен «Щит Агбалла». Конан и немедиец Халар Ходок попадают в Провал — магическое место, откуда никто — кроме Халара — не выходил живым. Выясняется, что все погибли, потому что на выходе из Провала горит голубой огонь, который сжигает идущего первым, чем всегда пользовался Халар, добывавший там магические амулеты на продажу. Однако киммерийцу удается невредимым пройти сквозь пламя и выбраться из Провала.

Стив Перри «Конан бросает вызов». Злой колдун Нэг желает получить Талисман Огня, который хранится в монастыре Суддах-Облатов. Его посланник Скир похищает талисман. Конан, попавший в монастырь по пути в Шадизар, его подруга Элаши и прекрасная зомби Туэнн, которой только талисман может открыть путь на Серые Равнины, устремляются

на его поиски. После долгого, полного опасностей пути Конан, пробравшись в замок Нэга, завладевает талисманом и разделяется с колдуном.

Стив Перри «Повелители пещер». После множества невероятных приключений, Конан и его верная подруга Элаши помогают обитателям Черной Пещеры освободиться от власти злых колдунов Чунты и Рея.

Стив Перри «Хозяин тумана». Конан помогает Лесному народу вернуть их талисман — Волшебное Зерно, похищенное колдуном Абетом Бласом, после чего продолжает путь в Шадизар.

Стив Перри «Цена победы». По пути в Шадизар Конан помогает болотному народу варгам и великанам-джатти уничтожить колдуна Дэйка — балаганщика, хозяина коллекции уродцев.

Дуглас Брайан «Золото гномов». На пути в Замору Конан спасает гнома Алвари, который обещает ему раскрыть тайну золотого клада, если киммериец поможет ему вернуть гномам похищенный у них Алазат Харру, голубой драгоценный камень. В компании с присоединившейся к ним амазонкой Сфандрой Конан отправляется в храм богини войны Алат, откуда с помощью вызванного им ифрита крадет талисман гномов. Однако тем удается обмануть киммерийца и лишить его обещанной награды.

Роберт Говард «Башня Слона». Конан, промышляющий воровством в Аренджуне, хочет завладеть алмазом Сердца Слона, принадлежащим магу Яре. Вместе с немедийцем Таурусом он проникает в башню, где обитает маг. Тауруса убивает паукообразный монстр, охраняющий сокровища Яры. Уничтожив в схватке чудовище, Конан находит странное живое изваяние, которое оказывается инопланетным существом, плененным злым магом. Желая отомстить Яре, тот выдает Конану тайну Сердца Слона, с помощью которого маг оказывается заключен в алмазе. Покидая башню, киммериец видит, как она рассыпается в прах. Из Аренджуна Конан отправляется в Шадизар.

Кевин Роуз «Наследство Тауруса». Конан отправляется за сокровищем, принадлежавшим погибшему Таурусу —

голубыми самоцветами. Однако добыть его оказывается не так просто: камни охраняют полчища сверхъестественных тварей, и Конану удается разделаться с ними лишь с помощью истинного владельца украденных ценностей, которому он и возвращает самоцветы.

Д. Лэнгтон «Рыжий Ястреб». По пути в Шадизар, юная Карела помогает полудемону Табасху, которого его сестра Михар, мечтающая стать земным воплощением Деркэто, хочет принести в жертву богине. Девушке удается расстроить планы ведьмы. Вскоре Карела сталкивается с Конаном, причем киммериец сразу же забывает случайную встречу, тогда как Карела запоминает его на всю жизнь. Карела примыкает к шайке разбойников и становится ее предводительницей. Там же она встречает Одноглазого Ордо, которому суждено стать ее верным спутником.

Крис Уйэнрайт «Тигр у врат Шадизара». Прибывший после долгого путешествия в Шадизар Конан знакомится с Ловкачом Ши Шеламом. То, как с первых шагов ведет себя в Городе Негодяев юный киммериец, ясно дает понять: в Шадизаре явился тигр.

Дункан Мак-Грегор «Пантера с изумрудными глазами» В окрестностях Шадизара появляется черная пантера, убивающая людей. Конан крадет из храма Митры ожерелье и, наткнувшись на черного зверя, выясняет, что оно — волшебное, с его помощью пантера превращается в прекрасную девушку. Варвар дарит ожерелье девушке. Эмея не забывает Конана — через две луны, снова обратившись в пантеру, она помогает ему избежать смертельной опасности.

Алекс Джонс «Ловушка для бога». Конана подговаривают украсть некую драгоценность из дворца правителя — но выясняется, что его помощью воспользовался сам бог воров, Бел. Конан не в обиде на небожителя: ведь тот всегда покровительствовал ему.

Дункан Мак-Грегор «Вестники Митры». Серебряная пчела Митры, предвестница несчастий, внезапно понадобилась всем мошенникам Шадизара. Но пока она принадлежит купцу Эбелю, у которого Конан служит охранником. Чтобы похитить драгоценность, Конану приходится проявить недюжинную ловкость и смекалку.

Майкл Мэнсон «Три петуха и милость Митры». Купец Хирталамос за большие годы нанимает Конана охранять ценного бойцового петуха. Три ночи киммериец проводит в доме купца, отражая все попытки уничтожить птицу, а попутно развлекаясь с его женами. Приехавший через три дня Хирталамос признается, что птица не представляла никакой особой ценности и он нанял Конана, чтобы отвлечь внимание грабителей. Конан не держит зла: он неплохо заработал и развлекся.

Дункан Мак-Грегор «Кругом одни обманщики» Священный кинжал Гро-Балан не нужен варвару: он не любит магические предметы. Он был бы рад продать сокровище — но ведь кругом одни обманщики...

Гидеон Эйлат «Расколотый идол». Пытаясь украсть очередное сокровище, Конана попадает в сеть интриг и колдовства, центром которой становится магический идол — воплощение божества. Власть магии растет и становится все более опасной. Только разбив статуэтку, Конану удастся развеять чары.

Алекс Кроу «Неразменный золотой». Конан и его приятель Ловкач Ши Шелам узнают о существовании магической золотой монеты, всегда возвращающейся к хозяину, и решают выкрасть ее. Они разрабатывают хитроумный план — но забывают учесть одну мелочь, которая может погубить все дело.

Гидеон Эйлат «Лунная льдинка». Конан, промышляющий воровством в Шадизаре, охотится за большим алмазом Лунная Льдинка. Богатый ростовщик Паквид Губар набирает людей к себе в охрану, и Конан оказывается одним из претендентов. В доме ростовщика их заманивают в ловушку. С помощью обнаруженной им Лунной Льдинки, Конану удается, сыграв на жадности ростовщика выбраться из западни, прихватив с собой найденное в доме золото.

Андре Олдмен «Роковое ухо». Конан, его приятель Ши Шелам и Шейх Чилли одурачивают ювелира Агизара, желающего увеличить свои богатства и вернуть молодость.

Дункан Мак-Грегор «Пес бездны». Ловкача Ши Шелам, приятеля Конана, похищает знаменитый разбойник Куршан. В ответ киммериец крадет у того его любимого пса. Но, оказывается, это была не простая собака...

Андре Олдмен «Ум на три дня». Найдя старинный кувшин, приятель Конана Ши Шелам просит дива сделать его умнее — и получает ум, но только на три дня. Друзья с переменным успехом используют подарок дива, но им так и не удается получить большой прибыли.

Дункан Мак-Грегор «Призраки Шадизара». В Шадизаре появился призрак, пугающий честных горожан. Конан берется разгадать тайну и выследить обманщика, тем более, что, как ему кажется, он прекрасно знает, кто прячется под странной маской.

Крис Уэйнрайт «Магический кситар». Конан пытается украсть у ростовщика Кривого Хиджа магический кситар, обладающий волшебным действием. Проникнув в дом Хиджа, киммериец попадает в ловушку, однако выбирается из нее с помощью магического средства.

Андре Олдмен «Змеиный камень». Шейх Чилли, Ши Шелам и Конан становятся жертвой обмана хитроумной Фитис, которой необходим магический Змеиный камень, возвращающий молодость.

Пол Уиннлоу «Слуги чародея». Конан — вор в Шадизаре. Он соглашается выкрасть статуэтку, необходимую для спасения от мага Кивайдина. Спасенный им Терша, божок в обличье суслика, помогает киммерийцу добраться до храма, где тот, расправившись с Кивайдином, добывает статуэтку.

Дуглас Брайан «Диадема богини». Конан крадет у графини Зоз бриллиантовую диадему. Кхитаец Ючэн предлагает ему украсть у графини бриллиантовый пояс, обещая щедрое вознаграждение. Перед тем, как идти на дело, Конан замечает, что у него пропали все деньги. Выполнив задание, киммериец получает плату, кхитаец покидает Шадизар. После этого любовница Конана сообщает ему, что диадема пропала. Киммериец понимает, что это дело рук кхитайца; он также приходит к выводу, что заплатил ему Ючэн украденными у него же деньгами. Так кхитайский мудрец обвел вокруг пальца самого ловкого вора в Шадизаре.

Пол Уиннлоу «Священная роща». Дриада Айана, нанимает Конана, промышляющего воровством в Шадизаре, охранять Священную Рощу от демонов, служащих Сегу. После

того, как киммериец справляется с заданием, Айана пытается удержать его у себя, однако Конан отказывается и, получив богатую плату, возвращается в Шадизар.

Грегори Арчер «Алтарь победы». На пути в Шадизар Конан становится свидетелем похищения дочери своего старого друга и бросается в погоню. Вместе с братом девушки им удается прийти ей на выручку, и они попадают на таинственный остров в самом сердце Вилайета, где обитают Бессмертные.

Тим Доннел «Змеиный эликсир». Конан отправляется на поиски сокровища в Кезанкийские горы и добывает там четыре магических жемчужины. Вернувшись в Шадизар, Конан попадает в ловушку, подстроенную ведьмой, которой эти жемчужины были нужны, чтобы вернуть себе молодость. Но варвару удается разрушить ее чары и уничтожить ведьму.

Морис Делез «Слуги паука». (т.1 Ночь Паука, т.2 Слуги Паука, т.3 Время полной луны) Конан в компании с шадизарскими искателями приключений пытается раздобыть в бывшем святилище бога-паука Затха таинственный Талисман Силы. На волю вырывается демоническое существо, которое делает молодых людей пленниками святилища. Лишь чудом Конану и его возлюбленной удается вырваться на свободу. Однако их преследуют служители Затха, вознамерившиеся принести Мелию в жертву своему богу. Они похищают девушку и лишают ее жизни — но Конан жестоко мстит за ее смерть.

Эндрю Оффут «Глаз Эрлика». Конан хочет украсть волшебный амулет Глаз Эрлика. Владелец амулета чародей Хизарр Зул заколдовывает Конана, забирая его душу. Теперь он должен вернуть чародею амулет, похищенный Испараной из Замбулы. Конан пускается в погоню. В пустыне он встретит Тосию Зула, умерщвленного своим братом-чародеем, который рассказывает киммерийцу, как можно убить Хизарр Зула. Догнав Испарану, Конан тайком забирает у нее амулет, оставив взамен копию, после чего возвращается к Хизарр Зулу. Чародей пытается его обмануть, но киммериец убивает его, и забирает зеркало, в котором заключена его душа.

Эндрю Оффут «Меч Скелоса». Испарана предлагает Конану передать добытый им амулет Глаз Эрлика сатрапу Замбулы Актер-хану. В Замбуле неспокойно, вокруг трона плетутся

интриги. Приближенный к сатрапу колдун Зафра, сам мечтающий о власти, убеждает Актер-хана, что добывшие амулет люди опасны для него. Испарану бросают в тюрьму. Конан присоединяется к заговорщикам и проникает с ними во дворец, освобождая подругу. Зафра падает жертвой своего волшебного меча, Актер-хана предательски убивает предводитель заговорщиков. Возмущенный низким поступком, варвар добивается того, что на трон возводят маленького сына Актер-хана. Отвергнув предложение Испараны остаться в Замбуле, Конан возвращается в Замору.

Роберт Говард «Кровавое божество». Конану удается раздобыть карту, где указано местонахождение золотого идола в Кезанкийских горах. Ему удается добыть сокровище — но жестокие древние боги не желают так легко расставаться с добычей.

Генри Бернс «Свадьба мертвецов». Некий купец нанимает Конана, чтобы доставить в другой город подарок на свадьбу его племяннику. На свадьбе, кажется, собрались все окрестные мошенники — и вскоре среди них начинается эпидемия загадочных смертей. Слишком поздно Конан понимает, что предатель-купец намеренно послал его сюда, чтобы на него пало подозрение в убийстве. Ему удается спастись — вместе с бывшей невестой разбойника, которую пытались выдать замуж против воли.

Майкл Мэнсон «Наложницы Бро Иутина». Хан гизов подговаривает Конана похитить любимую наложницу хана хиршей Бро Иутина. Однако узнавший об этом Бро Иутин предлагает в распоряжение киммерийца всех своих наложниц — он будет подвергнут казни, если не сумеет в течение ночи овладеть двумя десятками женщин. Таким образом мудрый хан заботится об улучшении крови своего племени. Конан блестяще справляется с задачей.

Стив Перри «Черный камень Аманара». Конана нанимают украсть драгоценный камень, в котором заключена душа чародея Аманара. В погоне за ним Конан встречается с Карелой Рыжим Ястребом, предводительницей шайки разбойников, с которой его на долгие годы свяжут отношения любви-ненависти. Конан и Карела попадают в замок Аманара, киммерийцу удается узнать тайну камня и уничтожить колдуна. Карела попадает в рабство, и Конан вынужден оставить ее, в надежде, что она сможет позаботиться о себе сама.

Стефан Корджи «Боги Чаш». В поисках сокровищ Конан попадает в мертвый город Кан-Демур в Карпашских горах. Жрец Спящего Бога заколдовывает его и собирается принести в жертву, но киммерийца спасает изгнанная правительница Кан-Демура Эрглен. Сражаясь с Богами Чаш и жрецом Спящего Бога Марагаром, варвар помогает вернуть ей власть в городе.

Дункан Мак-Грегор «Похищение Адвенты». Старик, приютивший Конана, рассказывает, что много лет назад у него похитили дочь, и, по предсказанию, она должна скоро умереть. И в тот же день умрет Майло, приемный сын старика. Вместе с Майло Конан отправляется на остров Железных Идолов, где томится в заточении Адвента.

Стив Перри «Четыре стихии». Конан на стороне белого мага Витарисуса участвует в борьбе с черным магом Совартусом, желающим подчинить себе четыре природных стихии и завоевать весь мир.

Роберт Говард «Бог из чаши». Конан проникает в замок, чтобы выкрасть оттуда алмазный кубок, и на него падает подозрение в убийстве его хозяина. На след истинного убийцы выводит обнаруженная на загадочной Чаше метка колдуна Тот-Амона. Гибель секретаря замка указывает Конану место, где прячется огромный змей, и, вступив с ним в схватку, он одерживает победу.

Роберт Говард «Багряный жрец» («Сплошь негодяи в доме»). Аристократ Мурило нанимает Конана убить своего противника — жреца Набонидуса. Однако оказывается, что под его личину подделывался коварный человек-горилла Так. Истинный жрец Набонидус, Конан и Мурило объединяются в борьбе с ним. Конан побеждает Така и рукопашной схватке. Жрец, предав недавних товарищей, собирается отравить их парами серого лотоса, но Конан пресекает эту попытку, убивая его.

Роберт Говард «В Зале мертвецов». Конан собирается завладеть сокровищами города мертвых. Его преследует сотник Нестор, но киммериец заключает с ним союз, и они делят между собой добытые в Зале мертвецов сокровища. Избежав преследующих их мумий, Конан и Нестор бегут из рушащегося Ларши, и вскоре убеждаются, что их добыча обратилась в прах. Конан отправляется в Туран.

Крис Уэйнрайт «Золотой павлин». Встретив свою старую подругу Испарану, Конан оказывается втянут в интриги вокруг трона Замбулы. Вернув власть ее законному обладателю Джунгир-хану, преодолев козни колдунов Махтара и Мирзы и избавившись от опасности, которой грозил ему случайно найденный магический перстень с золотым павлином Сабатеи, Конан покидает Замбулу и отправляется в Султанапур.

Дункан Мак-Грегор «Чужая клятва». По пути в Султанапур Конан встречает девочку Мангельду, которая хочет отобрать похищенную злым колдуном Гринсвельдом волшебную ветвь маттенсаи — в ней заключена жизнь племени антархов. Утром Конан находит Мангельду убитой и принимает решение отомстить за нее и добыть маттенсаи. Вместе с шемитом Иавой он отправляется на Желтый остров, где обитает колдун. Во время жестокой схватки с колдуном Иава жертвует жизнью, спасая Конана, тот убивает Гринсвельда и, забрав ветвь, отправляется в Лансхааген.

Роберт Джордан «Ловушка для демона». Конана, сменившего ремесло вора на занятия контрабандой, в драке ранят отравленным кинжалом. Чтобы добыть противоядие, ему приходится отправиться в Вендию, где варвар принимает участие в интригах, затеянных вокруг вендийского трона вазомом Каримом Сингхом, которого поддерживает маг Найпал, мечтающий о мировом господстве. Демон Масрок, которого подчинил себе маг, с помощью Конана освободившись от этой власти, уничтожает Найपालа. Киммериец возвращается в Султанапур.

Тим Доннел «Оковы безмолвия». В вендийском городе Потали Конан попадает в плен жрецам Кубиры, где его заставляют сражаться на арене. Конану и его друзьям удается победить коварных жрецов и обрести свободу.

Роберт Джордан «Сердце Хаоса». Конан, занимающийся контрабандой, перебирается из Султанапура в Аграпур, где принимает участие в борьбе с магом Джандаром, главой Культа Хаоса. Совершив путешествие в Гирканию, он с помощью астролога Шарака и гирканской шаманки Самарры уничтожает Джандара и освобождает принцессу Ясбет.

Кристина Стайл «Дикая охота». Конан, в которого вселился дух убитого Млеткена, и Джерим, послушник Обите-

ли Добра, вызволяют из рабства сестру Млеткена Анкалю и мстят обидевшему ее шаману племени ветланов.

Дункан Мак-Грегор «Седьмая невеста». Конан принимает участие в поисках убийцы девушек, предназначенных в жены правителю Турана Йилдизу, среди которых была подруга киммерийца Алма. Он выясняет, что девушек из ревности убивала его любовница аквилонка Диния. Испытывая к ней ненависть и презрение, Конан не находит в себе сил убить ее, и Диния кончает жизнь самоубийством.

Роберт Говард, Лин Картер «Рука Нергала». Конан, служащий наемником в армии туранского правителя Йилдиза, уничтожает мятежного наместника Мунтассем-хана, обладающего магическим талисманом Рука Нергала.

Майкл Мэнсон «Корабль над облаками». Конан, наемник в армии Илдиза Туранского, попадает в плен к чародею, прибывшему из далекого прошлого. Тому нужны рабы, чтобы отбирать у них жизненную силу, необходимую для управления воздушным кораблем, на котором странствует маг. Конану удастся обмануть чародея и разбить колдовское судно.

Кристина Стайл «Дань с Жемчужных островов». Возвращаясь по Вилайету на юг, Конан знакомится с очаровательной женщиной, занимающейся разведением боевых псов. Она рассказывает ему историю своей жизни, и он узнает, что эта женщина — колдунья и отдает своих возлюбленных псам на поживу. Конану грозит та же участь, но он берет верх и над бойцовыми мастафами, и над их хозяйкой, а заодно похищает груз драгоценных жемчужин, которые везут в дар Илдизу Туранскому.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Город Черепов». Конан и его друг кушит-Юма, сопровождавшие дочь Илдиза Зосару, попадают в плен в долину Меру. Сбежав с галеры, они проникают в храм бога Ямы, где совершается бракосочетание Зосары с владыкой Меру, и несмотря на то, что тому приходит на помощь ожившая статуя его бога-предка, уничтожают врагов и доставляют принцессу ее жениху.

Леонард Карпентер «В стране Черного Лотоса». Туранская армия, в которой служат Конан и его друг кушит Юма, сражается с вендийским племенем хвонгов, которых

поддерживает колдуна Моджурна. В Туране зреет заговор против владыки Йилдиза, возглавляемый генералом Аболахсаном. Вернувшийся из Вендии Конан раскрывает планы заговорщиков. Йилдиз понимает, что не в силах противостоять могуществу Моджурны и отказывается от завоевания Вендии.

Дункан Мак-Грегор «Город плененных душ». По дороге из Кутхемеса в Замбулу Конан попадает в зачарованный злым магом Майорком город Вейшан. С помощью жреца Митры Грома, его дочери Иены и врача Хольда киммерийцу удается одолеть колдуна, после чего он продолжает путь в Замбулу.

Леон Спрэг де Камп, Бьерн Ниберг «Люди Туманных гор» («Народ вершин»). Конан, десятник туранской армии, вдвоем с товарищем спасается в горах от преследующих их козгаров. Встретив дочь их вождя Шанию, киммериец берет ее в заложницы. После нападения гигантских обезьян товарищ Конана погибает, а Шания захватывают в плен Люди Туманных гор, вырождающаяся раса, которым она должна будет рожать наследников, вливая в их жилы свежую кровь. Конан проникает в замок, где держат Шанию, убивает охранников и побеждает монстра, покровителя древней расы. В обществе Шании варвар продолжает путь в Самарру.

Роланд Грин «Волшебные камни Курага». Колдун Эремиус с помощью Камня Курага сотворяет демонов, которые помогут ему завоевать мир. Мишрак, начальник тайной службы Турана, дает Конану, офицеру туранской армии, задание отобрать у колдуна Камень. Киммериец с чародейкой Илльяной, владелицей второго Камня, и боссониткой Раиной отправляется в горы Ильбарс, где в жестокой схватке одерживают верх над Эремиусом. Погибает и Илльяна, которую сила двух Камней делает безумной.

Торн Сейшел Спюарт «Влюбленные из Хоарезма». Десятник личной гвардии правителя Турана Конан послан в Хоарезм привезти свиток с тайными предсказаниями для правителя Илдиза. Конан преодолевает козни желающего захватить власть в Туране правителя Хоарезма Мардуфа и помогает сыну ткацкого мастера Юлдузу жениться на дочке звездочета.

Роберт Говард, Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Страж проклятого монолита». Конан, сотник туранской

армией, возвращается из далекого Кусана, куда он был послан с торговой миссией. Во время ночлега в долине князь Фенг, сопровождающий отряд, рассказывает Конану, что неподалеку зарыты несметные сокровища. Кольчуга киммерийца намертво прилипает к монолиту, охраняющему склеп. Фенг — предатель, не желающий союза Кусана с западными варварами; если киммериец погибнет, свиток договора не попадет в Туран. Ценой невероятных усилий Конан освобождается, отправляет не успевшего сбежать Фенга в лапы монстра, спускающегося по колонне, и продолжает свой путь.

Майкл Мэнсон «Синие маки» Отряд туранцев под командованием Конана, спасаясь от преследующих их ягов, попадает на поле синих маков, которые усыпляют людей смертельным сном. Конана спасает ворон, священная птица киммерийцев — ему удается разбудить своих воинов, и они выбираются с проклятого поля.

Дункан Мак-Грегор «Битва бессмертных». Приятель Конана рассказывает ему о существовании магического шлема, принадлежавшего воину таинственного ордена, и уговаривает отправиться на его поиски. Но за сокровищем охотятся не только они одни.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Подземелье смерти». Конан, убивший офицера туранской армии, вынужден бежать из Аграпура. Он попадает в Йезуд, в храм бога-паука Затха, помогает освободить похищенную жрецами жену правителя Турана, убивает Затха и его многочисленных отпрысков, после чего покидает Замору.

Олаф Локнит «Песчаные небеса». В пустыне Конан спасает жизнь зуагирскому шейху, и тот нанимает его, чтобы спасти похищенную дочь. С помощью своего нового друга Мораддина Конан выясняет, что похищение дочери шейха было лишь частью обширного заговора. Он помогает распутать заговор, попутно возвращая народу карликов их утраченное сокровище.

Олаф Локнит «Берег Проклятых». В Кезанкийских горах Конан с Мораддином обнаруживают храм неведомого бога, откуда случайно переносятся в далекую страну. Там они помогают принцессе Омео добиться короны и возвращаются обратно, благодаря такому же храму.

Олаф Локнит «Торговцы грезами». Оказавшись в небольшом заморийском городке, Конан становится свидетелем жестоких убийств. На него падает подозрение. С помощью спасенной им девушки по имени Ринга, киммериец распутывает загадочную интригу и выясняет, что через этот город давно ведется незаконная торговля опасным ядом — Серым Лотосом. Из Заморы Конан отправляется в Немедию, а оттуда — на север.

Роберт Говард «Дочь Исполина Льдов» («Дочь Ледяного Гиганта»). После схватки с отрядом ваниров Конан видит среди льдов полуобнаженную девушку и пускается за ней в погоню; той удается ускользнуть, призвав на помощь Имира. Придя в себя, Конан рассказывает о случившемся друзьям, которые поднимают его на смех. Однако один из них вспоминает легенду о дочери бога Имира Атали, что является умирающим на поле битвы. Именно с ней и довелось повстречаться киммерийцу.

Кристина Стайл «Оборотень». В селении асов, где после битвы с ванирами остановился Конан, появляется медведь-оборотень, убивающий детей и женщин. Ньорд, глава клана, сражается с оборотнем и едва не терпит поражение, но ему на помощь приходит Конан, закалывающий медведя серебряным клинком. Оборотнем оказывается старый колдун из племени ваниров, мстящий за гибель своих сыновей на поле боя.

Роберт Говард «Логово Ледяного червя». Конан, направляющийся в Немедию, спасает от каннибалов гиперборейскую девушку Илгу. На следующий день он находит ее мертвой. Догадавшись, что это мог сделать легендарный ледяной червь, киммериец находит его и убивает с помощью огня, после чего продолжает путь на юг.

Роланд Грин «Конан против Звездного Братства». Действие происходит в Пограничном Королевстве. Конан принимает участие в борьбе за трон между королем Элоикасом и графом Сизамбри, которого поддерживает орден Звездных Братьев. Уничтожив бунтовщика, он продолжает свой путь в Киммерию.

Роберт Джордан «Тень властелина». В Бельверусе Конан встречает своего старого приятеля Ордо и Карелу Рыжего Ястреба. Киммериец набирает Вольный Отряд и спасает короля Немедии Гариана от заговорщиков, посадивших на трон

двойника монарха, созданного магом Кантаро Альбанусом. Распрошавшись с Ордо, последовавшего вслед за Карелой в Аквилонию, Конан со своим отрядом отправляется в Офир.

Стив Перри «Тайна Врат Аль-Киира». Офирская принцесса Синэлла мечтает оживить древнее божество Аль-Киира, с помощью которого она обретет власть над миром. Конан и люди из его Вольного Отряда оказываются втянутыми в интриги вокруг трона короля Офира. Синэлла собирается принести в жертву божеству Карелу, давнюю подругу Конана, но киммериец спасает ее, а Аль-Киир убивает Синэллу. После этого Конан отправляется в Аргос.

Леонард Карпентер «Путь воина». Конан и остатки его отряда, покинув Офир, попадают в Аргос, где нанимаются охранять знатную даму. Киммериец расстраивает интриги колдуна Скирона, мечтающего сделаться правителем Аргоса и его сообщника купца Акимоса, убивает мага и отправляется на поиски новых приключений.

Дункан Мак-Грегор «Три времени Сета». Конан со спасенным им мальчиком Висканьо направляется в Мессантию. Решив добыть ценный талисман, приносящий власть, за которым охотится Бед Абдаррах, киммериец обманывает мошенника и во второй раз спасает мальчика.

Джон Мэддокс Робертс «Степная царица». В бритунском городишке Лонх Конан встречает опальную царицу амазонок Акилу. Конана и Акилу нанимают телохранителями загадочные близнецы Монад и Йоланта, направляющиеся в затерянный город Джанагар. Маг Арсаций открывает Конану, что близнецы — на самом деле единое существо, Посланнык Сил, найдя Джанагар, он откроет Силам доступ на землю. Избежав смерти в пустыне и множества опасностей, попав в плен в Джанагаре, Конан и Акила помогают магу расправиться с Посланныком, после чего расстаются: царица амазонок отправляется на родину, где собирается отвоевать свой трон, а киммериец — в Шем.

Крис Уэйнрайт «Ледяной страж». Конан помогает своей бывшей подруге Акиле отвоевать трон амазонок, узурпированный ее сестрой Бризейс. Попутно киммерийцу удается помешать планам колдуньи Гермии с помощью магической Чаши, распространяющей вокруг себя холод, завоевать мировое господство.

Даниэл Уолмер «Багровое око». Конан с бродягой Шумри отправляются в путешествие по реке Стикс. Встреченная ими чародейка Алмена, в которую влюбляется Конан, просит его освободить Землю от злого божества — Багрового Ока. В жестокой схватке киммериец держит верх над чудовищем, но это стоит жизни Алмене, отдавшей ему свои силы.

Майкл Мэнсон «Небесная секира». Конан томится в стигийской крепости Файон. Ему помогает освободиться оттуда Рана Риорда, дух Небесной Секиры, созданной великим богом атлантов Гидаллой, и просит отправить его на землю предков. После длительного и богатого приключениями путешествия к материку Му Конан выполняет задание. Дух возвращает его обратно в темницу, однако обещает помочь отомстить стигийцам, а также — великое будущее.

Майкл Мэнсон «Грот Дайомы». Конан попадает на остров волшебницы Дайомы, которая поручает ему уничтожить стигийского мага Гор-Небсехта. Он выполняет задание, но обнаружив, что Дайома обманом хотела привязать его к себе, покидает волшебницу, отказываясь от спокойной жизни на ее острове.

Даниэл Уолмер «Замок зла». Конан, гостящий у своего друга Шумри, отправившись с ним на охоту, попадает в замок красавицы Веллии. Выяснив, что Веллия — злая колдунья, губящая своими чарами попадающих к ней путников, Конан убивает ее.

Майкл Мэнсон «Ристалища Хаббы». Направляясь на север Гиркании к Наставнику, у которого он надеется обрести Силу Митры, Конан попадает в Хаббе в плен и вынужден выступать в качестве гладиатора. Вместе с товарищем по несчастью, асиром Сигваром, он бежит из неволи. В бою с преследователями Сигвар погибает, а Конан продолжает свой путь.

Майкл Мэнсон «Дар Митры». (ч.3-6) Конан приходит к Наставнику, чтобы овладеть искусством управления Силой. Он знакомится с Риной и путешествует с ней в Нижний Мир, затем возвращается обратно.

Дункан Маг-Грегор «Владычица небес». У друга Конана похищают драгоценный рубин Богини Судеб, и Конан пускается в погоню за ворами. Поиски приводят его в Вен-

дию, где ему, после множества пережитых опасностей доводится повстречать саму Богиню Судеб.

Стефан Корджи «Ночные клинки». Конан попадает в Вендию. Выполняя поручение волшебника Тара, он после многочисленных опасных приключений похищает у Ночных Клинов Священную Клепсидру и уничтожает Исторгающего, их покровителя.

Роберт Говард «Королева Черного Побережья». Конан попадает на галеру «Тигрица», которой командует предводительница чернокожих пиратов шемитка Белит, и вскоре становится ее возлюбленным. Они успешно пиратствуют у побережья Куша. На реке Зархебе, в руинах Мертвого Города погибает вся команда «Тигрицы», а вернувшийся на судно Конан видит Белит, повешенную на рее на ожерелье из красных алмазов. Сражаясь с виновником смерти друзей, крылатым вампиром, Конан едва не погибает, но его спасает призрак подруги. Варвар уничтожает монстра и, поджегши «Тигрицу», устраивает на ней погребальный костер для своей возлюбленной.

Пол Андерсон «Секира Света». Подруга Конана Белит просит его освободить своего брата Джихана, томящегося в плену у стигийцев. Преодолевая козни служителя Сета Тот-Аписа и жрицы Деркэто Рахибы, киммериец освобождает Джихана, который вскоре погибает, а также с помощью волшебной Секиры Света помогает народу Тайя освободиться от власти темных сил. Разбив войско Стигии, Конан и Белит, мстя за Джихана, сжигают флот стигийцев.

Патриция Селайнен «Отступник». Конана и Белит смывает с борта «Тигрица», на которой они пиратствуют, и выбрасывает на остров. В поисках Белит киммериец встречается с чародеем Отмаром, который является в двух воплощениях — добром и злом. Злая пошловина мага желает обратить Конана и Белит в подчиняющихся себе чудовищ, но добрая вступает с ней в сражение и убивает — уничтожая тем самым и себя. Варвар и его подруга возвращаются на «Тигрицу».

Томас Рейли «Кормчие судьбы». С рождения шемитке Белит была предсказана особенная судьба — стать матерью посланника бога. Когда она попадает в рабство к стигийцам, явившийся во сне краснокожий жрец подсказывает Белит путь к бегству. После этого она становится предводительницей пи-

ратов Черного Побережья и вскоре встречает Конана. Они вместе пиратствуют на «Тигрице». Во время экспедиции к реке Зархеба на них нападают страшные демоны, и Белит соглашается в обмен на жизнь любимого исчезнуть, отправившись с краснокожим жрецом в его страну, спасти которую должен ее будущий сын, рожденный от Конана.

Андре Олдмен «Последний игрок судьбы». Амра продолжает пиратские набеги и после смерти Белит, но вскоре после того как он захватывает богатую добычу, его галера попадает в плен к странным полуразумным существам, которыми правят могущественные маги. Они вынуждают Конана и его спутников спуститься в Лабиринт и принять участие в игре, выступая в качестве фишек. Они играют против бессмертного демона — и потому обречены на поражение. Но Конан нарушает правила... и побеждает.

Роланд Грин «Конан у Ворот Зла». Конан и несколько воинов бамула, на чьей земле после гибели Белит оказался киммериец, через таинственные Ворота Зла, посредством которых колдун Лизениус хочет отомстить своим врагам пиктам, попадают в Пустоши Пиктов. Лизениус намеревается принести пришельцев в жертву, чтобы оживить каменное изваяние, которое будет ему подчиняться, но его колдовские силы иссякают, и он умирает. Дочь колдуна Скира, полюбившая Конана, помогает ему и бамула вернуться в Черные Королевства.

Роберт Говард «Долина Пропавших Женщин». Офирская красавица Ливия, бежавшая из плена племени бакала, попадает Долину Пропавших Женщин, где едва не оказывается принесена в жертву демону. Конан, вождь племени бамула, побеждает демона и освобождает девушку.

Роберт Говард «Замок Ужаса». Покинув племя бамула, Конан направляется в Куш. Спасаясь от преследования львов, он попадает в покинутый замок. Заснув, он видит в кошмарном сне тысячи погибших в этом месте существ, что превращаются в огромное чудовище. Проснувшись, он видит чудовище наяву. В этот момент в замке появляется отряд стигийцев, и чудовище нападает на них. Воспользовавшись моментом, киммериец бежит из страшного замка.

Роберт Говард «Рыло во тьме». Конан, служащий в Куше начальником стражи королевы Тананды, втянут в интри-

ги вокруг королевского трона, на который претендует Тутмес, использующий в своих целях демона со свиным рылом. После того, как Конан уничтожает монстра, происки Тутмеса раскрыты, в происшедших беспорядках убиты и Тутмес, и Тананда, а киммерийцу с немедийской рабыней Дианой удастся благополучно покинуть город.

Роберт Говард, Леон Спрэг де Камп «Ястребы над Шемом». Конан помогает гирканскому генералу Маздаку уничтожить безумного правителя Асгалуна Акхирома. Преодолев чары стигийской колдуньи Зерити, Конан и офирка Руфия отправляются в Коф.

Роберт Говард «Черный исполин». Конан поступает на службу к Амальрику, генерал-регенту принцессы Ясмелы, правительницы небольшого государства Хорайи. Конан помогает избавить Хорайю от чар злого колдуна Натока, который оказался воплощением мага, жившего в древние времена.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Благородный узник». Принцесса Ясмела просит Конана, военачальника армии Хорайи, освободить своего брата, короля Коссуса, заточенного в темницу правителем Кофа Морантесом. Киммериец отправляется в Коф вместе с астрологом Разесом и воришкой Фронто. Им удается освободить Коссуса, но Разес, который оказывается кофским шпионом, выдает их противнику. Убив предателя, Фронто погибает. Спасенный Коссус не выражает большой радости, узнав, что варвар желает жениться на Ясмеле, после чего Конан отказывается от его награда и покидает неблагодарного монарха.

Леонард Карпентер «Изменник». Конан в вольном городе Тантизиуме нанимается в отряд принца Ивора, выступающего против короля Кофа Страбонуса. Однако вскоре выясняется, что Ивор готов предать своих людей, сговорившись со Страбонусом. Конан встает во главе отряда и, сражаясь с объединенными силами кофийцев, преодолев козни колдуну Агохофа, одерживает победу. Тантизиум сожжен, а Конан с остатками своего отряда отправляется на юг основывать новое королевство.

Леонард Карпентер «Гроза Кровавого Побережья». Конан, предводитель пиратов Красного Братства, принимает участие в военных действиях гирканцев против Турана,

вызванных интригами наследника туранского правителя Ездигердом. Туранский флот разгромлен, Конан строит цитадель Красного Братства на острове посреди моря Вилайет.

Роберт Говард «Дорога Орлов». Правитель Турана Илдиз посылает генерала Артабана разгромить оплот Красного Братства в устье реки Запорожки. В борьбу между туранскими войсками и шайкой Конана неожиданно вступают вампиры, однако киммерийцу удается одержать верх над врагами.

Джон Мэддокс Робертс «Победитель». Потерпевшего кораблекрушение Конана выбрасывает на северный берег моря Вилайет, его спасает торговец Давас. Конан принимает участие в борьбе племен камбров, торманнов и тунгов на стороне королевы Альквины. Победившая Альквины объединяет племена под своей властью, а киммериец возвращается к Давасу и ждет корабль, который отвезет его на юг.

Роберт Говард «Тени в лунном свете». После отряда Конана туранским главнокомандующим Амуратом, он вместе со спасенной им красавицей Оливией попадает на загадочный остров посреди Вилайета, где обнаруживает заброшенный город из зеленого камня и странные желозезные статуи, оживающие при свете луны.

Ральф Шеппард «Зло Валузии». После разгрома Красного Братства Конан вновь бежит на север, а затем оказывается в гирканских степях, где помогает своему новому другу обрести корону. Но на пути у них становится пробудившееся зло древней Валузии — могущественный маг-змей.

Роберт Джордан «Конан и Огненный зверь». Ималле Басракану, объединившему под своей властью племена горцев и создавшему огнедышащего дракона, для обретения полной власти над чудовищем необходимо добыть драгоценные камни Огненные Глаза. Княжна Йондра, обладательница камней, едет в Кезанкийские горы в погоне за свирепствующим в тех местах зверем, сжигающим все вокруг. К ней присоединяется Конан и бритунец Элдран, также охотящийся за драконом. После долгих приключений киммерийцу удается уничтожить Огненного зверя, вместе с которым погибает Басракан.

Леонард Карпентер «Изгнанник». Правитель Сарка и верховный жрец, чтобы спасти королевство от засухи, хотят

принести в жертву целый город. Конану, волею судеб оказавшемуся в этих краях по пути на Восток, удается спасти жителей города от страшной участи.

Торн Сейшел Стюарт «Дары зингарцев». Конан защищает княжество Тай Цзон, где правит его давний друг Юлдуз (теперь — князь Тай Юэнь) от отряда зингарцев.

Торн Сейшел Стюарт «Обитель спящих». Покинув Тай Цзон, Конан, потерпев кораблекрушение, попадает на остров, где обитает дракон Аридо. Подружившись с одиноким чудовищем, Конан вместе с ним отправляется на родину дракона — острова Нихин-но, где Аридо находит себе подругу, после чего доставляет киммерийца в Хауран.

Роберт Говард «Знак ведьмы» («Родится ведьма»). Власть в Хауране захватывает ведьма Саломея, заточившая в темницу законную правительницу, свою сестру Тарамис. Сотник гвардейцев Тарамис Конан пытается бороться с ее приспешником шемитом Констанцием Соколом, но терпит поражение. Киммерийца распинают на кресте, но его спасает атаман зуагиров Ольгерд Владислав. Конан, присоединившийся к его шайке, вскоре побеждает Ольгерда в поединке и становится главарем зуагиров. Разбив войска Констанция, убив Саломею и вызванного ею монстра, Конан возвращает власть Тарамис и мстит Констанцию, оставив его в пустыне распятым на кресте.

Лин Картер, Леон Спрэг де Камп «Черные слезы». Конан, вожак шайки зуагиров, в погоне за предателем Варданесом, выдавшим их туранцам, попадает в город Ахлат Проклятый в Красной пустыне. Правитель Енош рассказывает ему, что город находится под властью страшной демоницы, уничтожить которую суждено Конану. Проникнув в зал, где среди серых статуй, в которые обращены живые люди, восседает мумия с лицом прекрасной женщины, Конан разрубает мечом ее третий глаз. Мумия обращается в прах, жители Ахлата спасены.

Роберт Говард «Железный демон». Правитель Турана Ездигерд пытается уничтожить разбойников-зуагиров и их предводителя Конана. Наместник Хоарезма пытается заманить его в ловушку на острове Ксапур, дав понять, что там скрывается понравившаяся ему рабыня Октавия. Там он сталкивается с ожившим Железным демоном, восстановившим развалины

крепости. С помощью магического кинжала киммериец побеждает монстра и спасает Октавию.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Кинжалы Джезма» («Огненный нож»). Конан бежит от правителя Иранистана Кобад-шаха и попадает в горы Ильбарс, в страну демонов Друджистан. В городе Джанайдаре, которым управляет секта поклонников зла — джезмитов, он встречает своего старого заклятого врага — Ольгерда Владислава. Убив его в поединке, Конан с помощью своего друга, вождя горцев Балаша, разрушает город и спасает его жителей от внезапно появившихся упырей. Узнав, что Кобад-шах скончался от яда джезмитов, он возвращается в Иранистан

Гидеон Эйлат «Бич Нергала». Правитель небольшого, затерянного в горах королевства Агадеи готовится к завоеванию мира, для чего усиленно раздувает склоки между Тураном, гирканией и другими державами, не брезгуя для этих целей ни магией, ни интригами, ни подлогом. Конану приходится сразиться против собственного двойника — однако он все же одерживает победу. Самое поразительное, что в этом ему в конце концов помогает бог Нергал, которому поклонялись в Агадее.

Роберт Говард «Люди Черного Круга». Девы Вендии Жазмина хочет в обмен на жизнь взятых в плен горцев попросить их вождя Конана уничтожить колдунов Черного Круга, погубивших своей магией мехараджуба Вендии. Однако Конан увозит с собой Жазмину, надеясь обменять ее на своих людей. Спасаясь от погони, он везет ее в горы, где девы похищают колдуны Черного Круга. Конан проникает на гору Имш и с помощью магии уничтожает логово колдунов

Андре Олдмен «Врата Вечности». Конан, пребывающий при дворе девы Жазмины, принимает участие в попытках Вендии завоевать вольный город Эль-Мехем, который находится под покровительством стигийского мага Арр-Магарбана.

Андре Олдмен «Заговор теней». Конан послан его возлюбленной Жазминой за Золотым Орехом, выполняющим желания. Путешествуя по джунглям, он спасает от карликовой девушки Ка Фрей, после чего направляются в Город Слона, где на три дня выбирается новый правитель — Конан добивается успеха в этих состязаниях. Золотой Орех пытается у него отнять кешанский вельможа Вегаван, используя для это-

го Астрель, которая оказывается близнецом Ка Фрей. У Конана не остается выхода, как самому съесть волшебный плод, после чего он возвращается в Айодхью.

Джон Мэддокс Робертс «Дикая орда». Талантливый военачальник гирканский каган Бартатуйя желает завоевать весь мир. Его первая цель — город Согария. Конан, полусотник его войска, обращает на себя внимание кагана, но на него клеветает наложница Бартатуйи Лакшми, желающая с помощью злого мага Хондемира подчинить кагана своей воле. Оправдавшись перед Бартатуйей, Конан, возглавив его войско, разбивает армию Хондемира, сам маг падает жертвой вызванного им Хозяина Тьмы. Бартатуйя хочет убить Лакшми, но та успевает оцарапать его отравленным кинжалом, и они оба погибают.

Крис Уэйнрайт «Империя крови». Попав в земли амазонок, Конан решает коренным образом изменить жизнь своих старых знакомых. Вместе с друзьями, предводителем отряда гирканцев и туранцем Давасом, ему удастся показать женщинам, что гораздо правильнее, а главное, приятнее, жить так, как живут во всем мире — не отдельно от мужчин, а вместе с ними. Разрушив козни подчинившей себе царицу амазонок Эниду колдуньи Мэгени, Конан разбивает их войско и помогает взойти на трон сыну своей погибшей подруги Акилы Вульфу.

Роланд Грин «Волшебный туман». Конан, предводитель племени афгулов, попав в плен к туранцам, выступает вместе с ними в борьбе с колдуньей, Повелительницей тумана. После этого он со своими людьми направляется в Коф.

Роберт Говард «Черная тень» («Ползущая тень»). Оказавшиеся в пустыне после разгрома армии мятежного принца Альмурика Конан и бритунка Натала попадают в зачарованный город Ксутал, где стигийская колдунья Талис пытается соблазнить киммерийца и уничтожить Натала, однако сама падает жертвой древнего божества Тога, пожирающего людей.

Роберт Говард «Барабаны Томбалку». Аквилонец Эмерик спасает девушку Лиссу и помогает ей вернуться в родной город Газал, где вступает в схватку со злым божеством и убивает его. Конан спасает их от начавшейся погони и приводит в свой лагерь, где колдун Аския провоцирует междоусобицу среди двух правителей города, приводя их к гибели. Конан

убивает колдуна и вместе с Эмериком и Лиссой покидает Томбалку.

Карл Эдвард Вагнер «Дорога королей». Конан, служащий наемником в армии Зингары, примыкает к движению заговорщиков «Белая Роза» во главе с Мордерми и Сантидио. Им предлагается сотрудничество стигийский маг Каллидиос, который имеет власть над Последней Гвардией — ожившими мертвецами. Заговорщики свергают короля, на трон возведен Мордерми, который решает избавиться от Конана. С помощью сестры Сантидио жрицы Дестандази, одержавшей верх над Каллидиосом и обратившей Последнюю Гвардию в пепел, Конан побеждает Мордерми и, отказавшись от короны, покидает Зингару.

Гидеон Эйлат «Охота на ведьм». Правитель одного из Барахских островов барон Эгберский использует попавшего на остров Конана в сложной интриге — барон, желая обрести безраздельную власть, избавляется от своей жены и двух придворных, которых подозревает в колдовстве.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Крылатая тварь» («Драгоценность в башне»). Пиратский корабль, которым командует сотник Гонзаго, прибывает на остров колдуна Сиптаха, обладателя несметных сокровищ и магического кристалла, дающего огромное могущество. Ночью сотник и несколько матросов зарезаны страшной крылатой тварью. Пираты находят неприступную башню, на которую Конан поднимается, схватившись за лапы крылатого чудовища. В башне он находит мумию колдуна и его амулет. Победив в схватке монстра, Конан, прихватив сокровища Сиптаха, благополучно выбирается из башни.

Шон Мур «Проклятье шамана». Конан становится жертвой колдовства шамана. Спасаясь от преследователей, он попадает на корабль, который терпит крушение, и киммериец оказывается на одном из островов Южного океана. Втянутый в междоусобную борьбу племени ганаков, он добывает волшебный меч атлангу, избавляя племя от крылатых тварей кезатти. Вождь, которому Конан помог вернуть власть, освобождает его от заклятия.

Роберт Говард «Заводь черных демонов» («Остров черных демонов»). Конана, потерпевшего крушение, подбирает корабль пирата Запорово. Пираты пристают к остро-

ву, где на них нападают чернокожие гиганты, с помощью колдовства обращающие людей в каменные фигурки. Сражаясь с ними, Конан и моряки одерживают победу, после чего Конан, убив в поединке Запорово, становится капитаном корабля.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Корона Кобры». Стигийский маг Тот-Амон желает захватить власть в Зингаре. Для этого ему надо получить талисман Корону Кобры. Действующие в интересах мага герцог Вилагро и его подручный Зароно похищают принцессу Чабелу, которую освобождает Конан. Они попадают на Безымянный остров, где Конан находит Корону, но ей удается завладеть Тот-Амоном, который благодаря талисману обретает власть над королем Фердруго. Вернувшись в Кордаву, Конан изобличает Тот-Амона, между ними происходит схватка, в которой маг терпит поражение, а Корона теряет свою силу. Конан, отказавшись стать супругом Чабелы, продает Корону и снаряжает корабль для дальнейших путешествий.

Даниэл Уолмер «Чаша бессмертия». Конан, корсар на службе короля Зингары Фердруго, решает навестить своего старого друга Шумри. Расстроив с помощью приемных детей Шумри и Илоис, способных превращаться в животных, козны сына своего врага Кайсса, Конан с друзьями отправляется в путешествие.

Олаф Локнит «Алмазный лабиринт». Конан, капитан галеры «Вестрел», отправляется за кладом в таинственный Лабиринт. Конану удастся проникнуть в Лабиринт, преодолев сопротивление его стражей и своего конкурента — пирата Боргеса. Обладающий магической силой Вайд по прозвищу Крысенок из команды Конана обращает в бегство Тот-Амона и становится хозяином Лабиринта, а киммериец берет под свое начало команду шхуны Боргеса.

Роберт Говард «Алые когти». Бежав из Стигии, Конан и Валерия попадают в затерянный город, где принимают участие в борьбе между двумя кланами на стороне принца Ольмека и колдуньи Тасцелы. Колдунья пытается использовать тело Валерии для продления своей молодости. Уничтожив неблагодарных, Конан и его подруга покидают злосчастный город.

Роланд Грин «Живой ветер». Конан и Валерия, бежав из Ксухотла, попадают в обитающее в джунглях племя Исирибу

и помогают его людям одолеть соперничающее с ними племя Кваньи. После этого Конан и пиратка из Красного Братства расстаются — Валерия на деньги, полученные от продажи добытых ею драгоценных камней собирается снарядить корабль, а киммериец продолжает странствия по Черному континенту.

Роберт Говард «Сокровища Гвалура». Конан в компании с коринфийской танцовщицей Мюриэлой хочет украсть драгоценные «Зубы Гвалура», спрятанные во дворце Алкменона. Их опасные приключения заканчиваются неудачей, но киммериец не теряет надежды попытаться счастья в другом храме.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Воля богини Небетет» («Богиня из слоновой кости»). После неудачного ограбления храма в Кешане Конан прибывает в Пунт. Со своей подругой Мюриэлой он хочет добыть сокровища из храма богини Небетет. Мюриэла выдает себя за говорящую статую богини перед прибывшими в храм королем Пунта и его жрецами. В этот момент богиня оживает — она велит дерзкому грабителю покинуть Пунт, обещая позаботиться о судьбе Мюриэлы.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Ночные тени Замбулы». Конан спасает от канибалов девушку, которая, в обмен на свою любовь, просит его убить жреца Ханумана Тотрасмека. На самом деле она — любовница сатрапа Замбулы, и подозревает жреца, что тот присвоил себе кольцо с магическим камнем — Звездой Хораллы, который она пыталась выкрасть у сатрапа. Конан выполняет ее требование и покидает Замбулу — именно ему удалось обмануть всех, присвоив себе Звезду Хораллы.

Бьерн Ниберг «Звезда Хораллы». Конан направляется в Иангу, чтобы продать королеве Марэле принадлежащий ей талисман Звезда Хораллы, украденный им в Замбуле. Марэлу заключил в темницу ее безумный супруг, от имени которого Офиром правит граф Риджелло. Конан спасает Марэлу, и они, спасаясь от погони, направляются в замок Теринго. С помощью рыцарей, оживленных силой талисмана, Конан одерживает победу над Риджелло, но во время боя талисман пропадает. Марэла принимает решение покинуть Офир и отправиться в Аквилонию, Конан собирается вернуться в Киммерию.

Леонард Карпентер «Осквернители праха». В поисках украденного у него камня Звезда Хораллы Конан оказывается в пустыне Шема, где присоединяется к шайке, грабящей древ-

ние захоронения. Киммериец и его друзья помогают жителям города Абедрдрах избавиться от власти злого колдуна Хораспеса. Вновь обретя волшебный камень, Конан покидает Абедрдрах.

Леонард Карпентер «На запретном берегу». Колдунья Зерити насылает на столицу Шема страшные кошмары. Спасение — в Серебристом Лотосе, за которым и отправляется Конан. После опасного путешествия к верховьям Стикса, варвар добывает противоядие и убивает ведьму.

Роберт Джордан «Конан-разрушитель». Принцесса Заморы предлагает Конану раздобыть для нее некие магические сокровища. Вместе с варваром на поиски отправляются Дженна, племянница принцессы, и сотник Бомбатта, который пытается избавиться от киммерийца и похитить девушку, чтобы принести ее в жертву богу Даготу. Конан убивает предателя и спасает Дженну, после чего отправляется на север.

Дэниел Уолмер «Обида предков». На границе Немедии Конан попадает в глухую деревушку, где свирепствует кровожадное чудовище. Киммериец — единственный, кого не страшит поединок с тварью, и он выходит победителем благодаря недюжинной отваге и силе воли.

Тим Доннел «Подземелья Редборна». Конан приезжает в небольшое герцогство на севере Немедии, чтобы на турнире добыть богатую награду. Он становится жертвой козней колдуна Фердина, опутавшего своими чарами семью правителя. Оправившись от ран, варвар бросается в погоню за магом.

Олаф Локнит «Зов древних». Оказавшись в Пограничном королевстве, Конан занимается в местную дорожную стражу и сталкивается с оборотнями-волколаками, терроризирующими местное население. Он борется с вожаком оборотней, уничтожает его стаю и помогает своему другу Эрхарду занять трон Пограничья.

Крис Уэйнрайт «Кольцо власти». Оказавшись в Немедии, Конан помогает наследнице герцога Хельсингерского разоблачить убийцу своего отца и отомстить за его смерть.

Джон Мэддокс Робертс «Город негодяев». Очутившись в немедийском городе Шикасе, Конан оказывается втянут в клубок интриг вокруг королевской казны и статуетки древней

богини Селхет. В результате грандиозной схватки четырех разбойных банд, поделивших влияние в Шикасе, почти все разбойники и градоправители погибают, а Конану удается благополучно покинуть город.

Кристофер Грант, Натали О'Найт «Скрижаль Изгоев» (на сегодняшний день вышли т.1 «Зеркало грядущего», т.2 «Время жалеющих стрел»). Посол Немедии Амальрик плетет интриги, желая лишить трона короля Аквилонии Вилера. Его планы поддерживает колдунья Марна и племянник короля Нумедидес, который боится, что Вилер выберет своим наследником его кузена Валерия. Конан с отрядом наемников прибывает в Аквилонию и поступает на службу к Нумедидесу. На стороне принца Нумедидеса, которого подчинил своей воле зверобог Цернунос, Конан оказывается втянут в интриги вокруг трона Аквилонии. После убийства короля Вилоера, Нумедидес обманом захватывает власть. Валерий, Амальрик и Ораст бегут из Аквилонии, где разгорается гражданская война. Опасаясь Конана, Нумедидес отправляет его на пиктскую границу.

Роберт Говард «За Черной рекой». Конан, наемник аквилонской армии, принимает участие в военных действиях против пиктов. Победив в жестоком поединке пиктского колдуна Зогар Сага, он не в силах предотвратить поражение — провинция Конаджохара потеряна для Аквилонии.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Гроза над Чохирой» («Кровавая луна»). Конан, сотник аквилонской армии, открывает измену продавшегося пиктам военачальника Лусиана. Отряд Конана разбивает пиктов, спасая провинцию Чохира. Король Нумедидес назначает Конана командующим пограничной стражи и приглашает в Тарантию.

Андре Олдмен «Западня». За Конаном, которого обильно обвинили в преступлении, к которому он не имел никакого отношения, охотится отряд аквилонцев. В тех же местах появляется рыжий волк-оборотень, нападающий на людей. Следопыты, сотником которых был Конан, помогают своему товарищу избежать преследования и уничтожить оборотня — им оказался пиктский шаман, пытавшийся освободить свои земли из-под власти Аквилонии.

Роберт Говард, Леон Спрэг де Камп «Сокровища Траникоса». Конан, бежавший из Аквилонии, спасаясь от

отряда пиктов, попадает в пещеру, где находит сокровища пирата Траникоса. В имение изгнанного из Зингары графа Валенсо прибывают корабли пиратов Зароно и Строма Заячьей Губы, которые тоже ищут сокровища. Демон, обитающий в пещере, убивает Строма, а Конан и Зароно делят между собой драгоценности. На имение нападают пикты, их атака успешно отбита. За Конаном прибывают его друзья, призывающие возглавить народ, восставший против тирана Нумедидеса.

Роберт Говард, Леон Спрэг де Камп «Волчий рубеж». Конан поднимает восстание против короля Нумедидеса. Пользуясь возникшей в Аквилонии междоусобной смутой, пикты пытаются отвоевать захваченные у них земли. Голт, сын Хагара, послан в провинцию Шохира с важной миссией. С помощью аквилонца Хакона он предотвращает нападение пиктов на крепость Кваниара и уничтожает дикарей, спасая Шохиру.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Под знаменем Черных Драконов». Конан со своими сподвижниками собирает армию, чтобы свергнуть с трона Аквилонии тирана Нумедидеса. Преодолев множество трудностей, включая козни колдуна Туландры Ту, Конан разбивает войско Нумедидеса, проникает в Тарантию и, убив тирана, водружает на свою голову корону Аквилонии.

Олаф Локнит «Служители бездны». Король Конан отправляется в отдаленную провинцию на севере Аквилонии, взбудораженную слухами об объявившемся там чудовище. Варвар спускается в подземные пещеры, где обосновалась секта чернокнижников, уничтожает рассадник зла и навсегда изгоняет чудовище.

Олаф Локнит «Полуночная гроза» (т.1 Подземный огонь, т.2 Мятеж четырех). В Немедии и Аквилонии происходят извержения загадочного зеленого огня, уничтожающего все живое. Конан узнает, что неведомое бедствие было порождено «небесной горой», которую откопали в Кезанкийских горах. С помощью верных друзей ему удастся приостановить продвижение напасти — но по возвращению в Аквилонию он узнает, что трон его занят двойником, являвшимся истинным хозяином «небесной горы». Лишь ценой огромных усилий Конану удастся предотвратить войну, избавить мир от уничтожения и вернуть себе корону.

Роберт Говард «Феникс на мече». Против Конана, ставшего королем Аквилонии, плетутся заговоры. Граф Аскаланте с помощью Тот-Амона пытается свергнуть его с престола. Но на помощь Конану приходит мудрец Эпимитриус.

Роберт Говард «Алая цитадель». Армия Конана, короля Аквилонии, попадает в ловушку, устроенную королем Кофа Альмарусом и колдуном Тзота-Ланти. Конана заточают в Алой цитадели — ставке колдуна, но ему удается вырваться оттуда. Попутно он спасает из заточения мага Пелиаса, который открывает ему глаза на измену в Аквилонии и переносит Конана в Тарантию. Конан расправляется с бунтовщиками, разбивает Альмаруса и отрубает голову Тзота-Ланти.

Олаф Локнит «Пожиратели плоти». Неподалеку от Тарантии открывается Портал в некий чужой мир, откуда начинают являться невиданные чудовища. Отправившись, чтобы разрушить Портал, Конан попадает в мир Сета, откуда выбирается лишь благодаря своей отваге и находчивости.

Роберт Говард «Час Дракона». Чернокожнич Ораст с помощью волшебного талисмана Сердце Аримана воскрешает черного мага Ксальтотуна. С его помощью власть в Немедии захватывает Тараск, Немедия нападает на Аквилонию. Королю Конану, с помощью колдовства взятому в плен, помогает бежать рабыня Зенобия. Конан узнает, что спасти Аквилонию может только Сердце Аримана. В результате длительных поисков Конан находит талисман в Стигии и собирает войско, чтобы свергнуть занявшего трон Аквилонии Валерия. Ксальтотун повержен Сердцем Аримана, армия Конана громит врага. Он вновь занимает свой престол и берет в качестве выкупа за жизнь Тараска Зенобию, которую собирается сделать королевой Аквилонии.

Тим Доннел «Шесть дверей страха». Королеву Зенобию терзают ночные кошмары: это маг Рагон Сатх пытается таким образом принудить короля Конана, чтобы тот добыл для него шесть частей магического талисмана, которые нужны чародею, чтобы вырваться на свободу. Конан разыскивает все шесть частей амулета и узнает, как одолеть мага.

Леонард Карпентер «Конан Великий». Конан, король Аквилонии, попадает под влияние злого бога Ктантоса, желающий обрести мировое господство. Войска Конана ведут

войну с армиями Кофа, Немедии, Коринфии и Бритунии. Захватив Офир, он сталкивается с армией принца Амиро. Посетив бывшую когда-то его возлюбленной принцессу Хорайи Ясмелу, Конан узнает, что Амиро — ее сын. Ктантос, опасаясь ее влияния на короля Аквилонии, убивает Ясмелу. Конан встречается в поединке с Амиро, считая его виновником смерти матери, но узнает, что Амиро — его сын. Они совместно изгоняют Ктантоса. Ради безопасности своей семьи и страны Конан отказывается от мирового господства, восстанавливая старые границы Аквилонии.

Олаф Эйрикссон «Изгнанник с Серых Равнин». В опочивальню королевы Аквилонии Зенобии пробирается незнакомец, усыпляющий ее с помощью заклинаний. Он сообщает Конану, что тот должен помочь отыскать его смерть — только тогда он расколдует королеву. Конан и Зольдо отправляются на поиски Камня Смерти. В джунглях Черных Королевств они находят храм, где хранится Камень, и Зольдо обретает возможность отправиться на Серые Равнины. Вернувшись в Тарантию, Конан видит, что Зенобия ожила.

Леон Спрэг де Камп, Бьерн Нибберг «Мститель». Королеву Зенобию похищает крылатая тварь, посланная кхитайским магом Ях Чиенгом. Конан в одиночку отправляется на ее поиски. После опасных приключений в Кофе, Туране, Вендии и Афгулистане киммериец находит в Кхитае замок колдуна и вступает с ним в сражение, победу в котором ему помогает одержать Кром, бог его предков. Зенобия освобождена, они возвращаются в Аквилонию.

Майкл Мэксон «Сердце Аримана». Похищен талисман Сердце Аримана, источник могущества Аквилонии и ее короля Конана. Конан подозревает в этом послов государств, с которыми он готовится вступить в войну, однако поиски, в которых ему помогает шемит Сирам, безуспешны. Сирам успокаивает короля, утверждая, что знает, кто взял талисман, но это не грозит неудачей его военному походу. Действительно, вскоре выясняется, что королева Зенобия спрятала талисман в щите юного Конна, наследника Аквилонии.

Стефан Корджи «Демон пучины». Король Аквилонии Конан побеждает демона вод Од'О, отравившего воду в Хороте и превратившего королеву Зенобию в жуткую рептилию, после чего злые чары спадают.

Грегори Арчер «Пророк Тьмы». На северных землях Аквилонии зреет заговор адептов Тьмы с целью воскресить спящих в своих саркофагах змеелюдей и вернуть их власть на земле. Брат верховного жреца, преданный Конану воин, случайно узнает о заговоре и вдвоем с королем делает все чтобы уничтожить некромантов.

Дункан Мак-Грегор «Призраки прошлого». Конан, король Аквилонии, получает предупреждение от мага Пелиаса, что во время праздника на него будет покушение. Его врага можно обнаружить только в прошлом, и Меир Кемидо отправляет Конана в Хауран, но кто его враг, ему выяснить не удастся. Человек, собирающийся убить короля — лицедей Мадо, когда-то служивший у атамана зуагиров Гарета, которого Конан изгнал из отряда. Меир Кемидо готов сообщить Конану имя убийцы, но требует в награду жизнь его преданного друга Паллантида. Конан в бешенстве убивает Кемидо. Покушение срывается — Мадо погибает, уколовшись собственной отравленной стрелой.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Гиперборейская колдунья». Сын короля Конана Конн похищен колдуньей Лухи. Конан является в Похьелу — замок Лухи, и узнает, что орден колдунов Черного Круга, Белой Руки и Алого Круга объединяются под началом Тот-Амона, чтобы погубить молодые королевства Запада. Конан вступает в схватку с собравшимися в замке колдунами и с помощью отряда Просперо уничтожает их, однако Тот-Амону удается ускользнуть.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Черный сфинкс Нептху». Конан во главе войска идет в Стигию, где теперь обитает маг Тот-Амон. Разгромив войско Стигии и преодолев с помощью Белого Друида пиктов Дивиатрикса злые чары Тот-Амона, Конан отправляется вслед за бежавшим черным колдуном в Зембабве.

Лин Картер и Л.Спрэг де Камп «Алая луна Зимбабве». Конана и его сына похищают, собираясь принести в жертву Сету. Попав в темницу, они узнают от заточенного там опального короля Зембабве Мбеги о преступлении его брата-близнеца Ненаунира, заключившего союз с колдуном Тот-Амоном. Конан, находясь на жертвенном алтаре, спасает сына, который убивает Ненаунира, что разрушает колдовские чары. Мбега становится законным правителем Зембабве. Тот-Амону вновь удастся исчезнуть.

Лин Картер, Луон Спрэг де Камп «Тени каменного черепа». Продолжая преследование Тот-Амона, Конан попадает во дворец королевы Лилит. Она сама и ее придворные — люди-змеи. Тот-Амон похищает киммерийца и собирается принести его в жертву Сету. Обернувшимся туманным вихрем колдун и Конан в виде огненного вихря схватываются в последней битве. Теряющего силы варвара спасает его сын Конн, пронзивший колдуна мечом, зачарованным Дивиатриксом. С Тот-Амоном покончено навсегда.

Клайв Леннард «Источник судеб». Во время охоты короля Аквилонии Конана ранят отравленным кинжалом наемные убийцы. Паломник Да Дерг сообщает Конану, что спасти его может только юный пикт, но после того, как, закончив обряд Посвящения, станет Избранником богов. Да Дерг повораживает время вспять, и после многочисленных приключений им удается изменить ход событий, и побежденному когда-то Конаном чародею Тзота-Ланти, которого также интересовал Избранник, теперь не требуется подсылать к королю убийц. Да Дерг и Конан находят Источник судеб и юноша, обретя свое Истинное Имя, исцеляет киммерийца, после чего тот возвращается в Аквилонию.

Донован Фрост «Храм Ночи». После смерти своей возлюбленной супруги Зенобии Конан все больше тоскует и потому рад возможности вновь испытать себя, услышав о загадочной стране, что существует в самом сердце Аквилонии, но куда якобы заказан вход простым смертным. Ему удается проникнуть в волшебный край и совладать со множеством опасностей, чтобы отвести нависшую над державой угрозу.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Тени ужаса». Явившийся во сне королю Конану пророк Эпимитриус сообщает, что он должен оставить трон сыну и отправиться к отдаленным границам Западного Океана, чтобы спасти мир от Ужаса. Набрав команду, Конан отплывает на корабле «Красный Лев». Найдя в далекой Антилии Властелина Ужаса, Конан уничтожает его с помощью талисмана, что дал ему Эпимитриус, и отправляется дальше на Запад, открывать новые земли.

Андре Олдмен «Древо Миров». После загадочного исчезновения отца, власть в Аквилонии принимает его сын Конн, и страна процветает при молодом правителе. Но неожиданная угроза заставляет юношу отправиться в полное опасностей

странствие, чтобы спасти свою возлюбленную и королевство. Побывав во множестве миров и одолев древнее Зло, грозящее уничтожить весь мир, он встречается с отцом и возвращается в Аквилонию.

Пол Уинлоу «Карусель богов». После победы над Красными тенями на Западном континенте, Конан становится участником интриг между небожителями, в результате чего обретает вторую молодость.

Произведения, не поддающиеся классификации:

Джон Мэддокс Робертс «Конан, не знающий страха». Конан отправляется в погоню за отрядом разбойников Тахарки, уничтоживших приютившую его семью киммерийцев. К нему присоединяется одноглазая аквилонка Калья, желающая отомстить за убитую мать. Конан и Калья настигают убийц в Стигии. Калья погибает, отомстив за себя, а Конан убивает Тахарку.

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер «Сталь и змея». Вариант юности Конана. На селение нападают ваниры под предводительством колдуна Тулса Дуума, убивающие родителей Конана, а его самого берут в рабство. Сбежав, Конан направляется в Шадизар, где занимается воровством с Саботаем и Валерией. Правитель Заморы просит его освободить принцессу Ясимино, одурманенную Тулсой Дуумом. В жестокой борьбе погибает, спасая жизнь Конану, его подруга Валерия. Киммериец убивает колдуна, отказывается разделить с Ясиминой трон и покидает Замору.

Леонарда Карпентер «Проклятое золото». Конан попадает в племя агупанов, на землях которых находится башня с несметными сокровищами. Бритунцы, которыми с помощью колдовства куклы Нинги правит Тамсин, по ее приказу убивают всех людей племени. Чтобы отомстить за них, Конан является во дворец и разрушает куклу мечом. После чего злые чары спадают и Тамсин превращается в маленькую девочку.

Леонард Карпентер «Конан-гладиатор». Стигийский жрец Сета пытается уговорить Конана выступить на его стороне против правителя Луксура, Коммодоруса. После смерти правителя, Конан уезжает в Куш.

Джон Мэддокс Робертс «Сокровища Пифона». Конан принимает участие в экспедиции в Черные Королевства за сокровищами, спрятанными в руинах древнего города Пифона. Он помогает вождю племени из долины Гоме в борьбе против узурпировавшего его престол Набо, но сокровища затоплены водами подземного озера. Конан остается бродить по Черному континенту.

Шон Мур «Конан идет по следу». Конан, направляющийся в Шадизар, идет через Бритунию. Здесь он принимает участие в борьбе за трон между королем Эльдраном и Вальтреско, которого поддерживает Азора, жрица мутари, стремящаяся завоевать власть над миром. С помощью жреца Митры Мадезуса и друга короля Кейлаша Конан расправляется с заговорщиком и уничтожает Азору.

Джон Мэддокс Робертс «Конан в Цитадели Мрака». Конан, главарь шайки разбойников, решает ограбить государственную казну, находящуюся в крипте храма Аримана. Он обращается за помощью к магу Волволикусу, который соглашается, так как имеет поручение уничтожить культ Аримана. С помощью колдовства он переправляет сокровища в условленное место, но обстоятельства мешают Конану вывести их оттуда. Спасаясь от погони, варвар и его люди примыкают к войску Идриса, претендента на туранский престол. Разрушив с помощью Волволикуса храм Аримана — средоточие зла, и избавившись от преследователей, Конан отдает все сокровища Идрису, оставив себе и товарищу всего один сундук, после чего направляется в Замбулу.

*Д. Арсеньев, Н. Баулина,
М. Нахмансон, Т. Темкина*

СОДЕРЖАНИЕ

Олаф Локнит
МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ

Предварение	7
Глава первая	11
Глава вторая	45
Глава третья	83
Глава четвертая	123
Глава пятая	163
Глава шестая	203
Глава седьмая	247
Глава восьмая	287
Глава девятая	329
Глава десятая	359
Глава одиннадцатая	399
Глава двенадцатая	451
Глава тринадцатая	489
Глава четырнадцатая	533
Глава пятнадцатая	583

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ

Биография Конана	629

КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художник *Владислав Асадуллин*
Художественный редактор *Андрей Татарко*
Верстка *Корнея Дамаскинского*
Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.03.99.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая
с ФПФ. Усл. печ. л. 35,28. Тираж 11 000 экз. Заказ 3063.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
на ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате
ППИ им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

В СЕРИИ
«САГА О КОНАНЕ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч колдуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
16. Конан и бич Нергала
17. Конан и город плененных душ
18. Конан и Источник Судеб
19. Конан и сердце Аримана
20. Конан и Багровое Око
21. Конан и призраки прошлого
22. Конан и воинство мрака
23. Конан, варвар из Киммерии

•Северо-Запад®

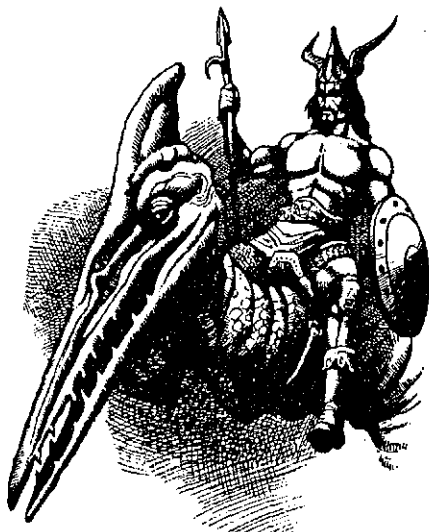

24. Конан и Рыжий Ястреб
25. Конан и пленники бездны
26. Конан и заговор теней
27. Конан и копье Крома
28. Конан и врата вечности
29. Конан и алмазный лабиринт
30. Конан и расколотый идол
31. Конан и чаша бессмертия
32. Конан и ледяной страж
33. Конан и торговцы грезами
34. Конан и алтарь победы
35. Конан и битва бессмертных
36. Конан и пожиратели плоти
37. Конан и Берег проклятых
38. Конан и оковы безмолвия
39. Конан и Владычица Небес
40. Конан и Древo Миров
41. Конан и кольцо власти
42. Конан и зов Древних
43. Конан и пророк Тьмы
44. Конан и гнев Сета
45. Конан и Храм Ночи
46. Конан и король воров
47. Конан и подземный огонь
48. Конан и мятеж четырех
49. Конан и клеймо Змея
50. Конан и Хозяин Океана

•Северо-Запад®

Читайте
новый том
захватывающей
«Саги о Кулле»

КУЛЛ И ВОИНЫ ВЕЧНОСТИ

•Северо-Запад®

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

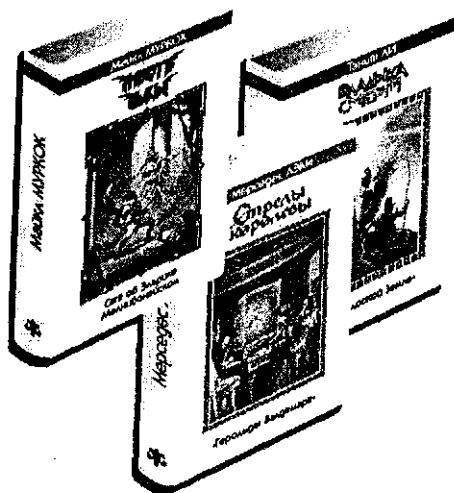
- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гонимые смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •
- Тропа войны •
- Брат-бури •
- Молчание идола •
- Коготь дракона •

*****fantasy*****

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
 ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
 И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
 ВОООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
 НАДЕЖНЫЙ ЩИТ ПРОТИВ ЗЛА

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
 РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
 ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
 В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

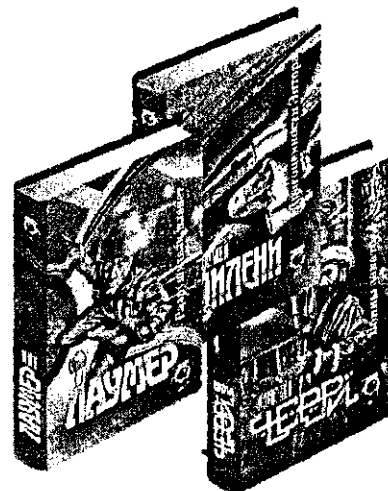

—SCIENCE FICTION—

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
 ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
 ВСПЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
 НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
 ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
 КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ,
 КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЭЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
 ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
 И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
 НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
 ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЫ

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

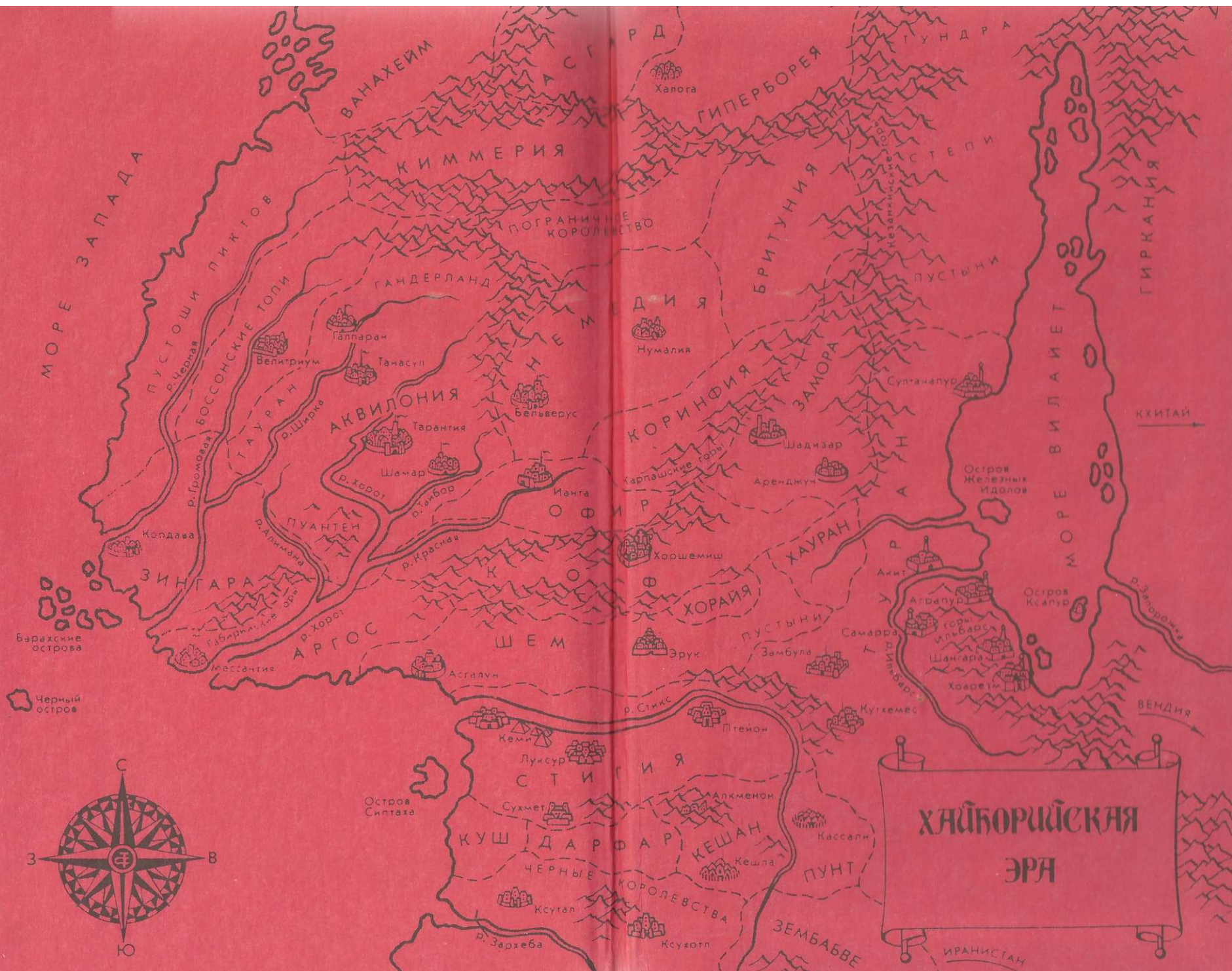
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

"САГА О КОНАНЕ"

